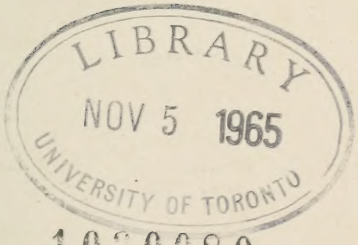
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00008931 8

XIII a
1859

10 р.

А. Н. Островскій.

PG
3337
O8
1886
t. 1-2



Изданіе Н. Т. Мартынова.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

А. Н. ОСТРОВСКАГО.

ДРАМАТИЧЕСКІЕ ПЕРЕВОДЫ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1886.

А. Н. Островскій.

СОБРАНІЕ

ДРАМАТИЧЕСКИХЪ

ПЕРЕВОДОВЪ.

ТОМЪ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книжнаго магазина Н. Г. МАРТЫНОВА.
1886.

Въ типографіи В. Безобразова и Комп.
(Вас. Остр., 8 линія, № 45).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

Интермедіи Мигуэля Сервантеса.

Переводъ съ испанскаго.

	Стр.
I. Судья по бракоразводнымъ дѣламъ.	1
II. Бискаецъ-самозванецъ	13
III. Бдительный стражъ	31
IV. Ревнивый старикъ.	50
V. Избраніе алькальдовъ въ Догансо	68
VI. Театръ чудесъ	84
VII. Саламанская пещера.	101
VIII. Два болтуна.	120

II.

Гольдони.

Переводъ съ итальянскаго.

Кофейная. Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ, въ прозѣ 135

Теобальдо Чикони.

Переводъ съ итальянскаго.

Заблудшія овцы. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ 245

I.

ИНТЕРМЕДІИ

МИГУЭЛЯ СЕРВАНТЕСА

СААВЕДРА.

I.

СУДЬЯ ПО БРАКОРАЗВОДНЫМЪ ДѢЛАМЪ.

(DEL JUEZ DE LOS DIVORCIOS).

ЛИЦА:

Судья по бракоразводнымъ дѣламъ.
Письмоводитель.
Прокурадоръ
Старикъ.
Маріана, его жена.
Солдатъ.
Донья Гіомаръ, его жена.
Подлѣкарь *).
Донья Альдонса, его жена.
Крючникъ **).
Два музыканта.

Зала суда.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Входятъ: Судья, Письмоводитель *и* Прокурадоръ; *судья садится на кресло. Входятъ:* Старикъ *и* Маріана.

Маріана (*старику очень громко*).

Ну, вотъ сеньёръ-судья бракоразводныхъ дѣлъ сѣлъ на свое судейское кресло; вотъ теперь, какъ хочу... хочу брошу

*) Въ подлинникѣ «cirujano» — фельдшеръ: ихъ прежде называли подлѣкарями. Есть и пословица: «толкуй больной съ подлѣкаремъ». — Отъ испанскаго «cirujano» произошло русское слово: цырюльникъ. Какъ испанскій cirujano, и русскій цырюльникъ, по экзамену, имѣлъ право пускать кровь, дергать зубы, ставить банки и піявки. *Прим. перев.*

**) Ganapan—носильщикъ тяжестей, то же, что въ Тифлисѣ муша. У насъ

дѣло, хочу въ ходъ пущу. Но нѣтъ, ужъ теперь я хочу жить на волѣ, проживать безданно-безпошлинно, какъ птица.

Старикъ.

Ради Бога, Маріана, не сустись ты такъ съ своимъ дѣломъ! Говори ты потише, Богомъ прошу тебя. Посмотри, вѣдь ты всполошила всѣхъ сосѣдей своими криками: вотъ теперь сеньёръ-судья передъ тобой, ты и безъ крика можешь объяснить ему свою просьбу.

Судья.

Что у васъ за споръ, добрые люди?

Маріана.

Разводъ, сеньёръ, разводъ, — и опять разводъ, и тысячу разъ разводъ!

Судья.

Съ кѣмъ и почему, сеньёра?

Маріана.

Съ кѣмъ? Съ этимъ старикомъ, который передъ вами.

Судья.

Почему?

Маріана.

Потому, что не могу я переносить его причудъ, не могу постоянно ухаживать за его болѣстями, которыхъ у него нѣсть числа. Меня мои родители воспитывали совсѣмъ не въ сидѣлки, или сёстры милосердія. Я хорошее приданое принесла этому костяному скелету, который только жизнь мою заѣдаетъ. Когда я шла за него замужъ, такъ у меня лицо-то свѣтилось какъ зеркало, а теперь оно точно суконка. Ваша милость, сеньёръ-судья, разведите насъ, коли вамъ не желательно, чтобъ я удавилась. Смотрите, смотрите, какія борозды у меня на лицѣ, — это все отъ слезъ, которыя я каждый день проливаю, какъ только вздумаю, что я замужемъ за этой анатоміей!

Судья.

Не плачьте, сеньёра! Умѣрьте вашъ голосъ и утрите слезы, я разсужу васъ по-справедливости.

теперь тяжести перевозятся ломовыми извощиками; но при нагрузкѣ и разгрузкѣ товаровъ на пристаняхъ, дебаркадерахъ и пр. есть артели носильщиковъ, которые называются крючниками. *Прим. перев.*

Маріана.

Позвольте мнѣ плакать, ваша милость; въ этомъ одно мое утѣшеніе. Въ королевствахъ и республикахъ, хорошо-то устроенныхъ, время супружеской жизни надо бы ограничить; черезъ каждые три года браки-то нужно бы разводить, или утверждать еще на три года, вотъ какъ аренды; и чтобъ ужъ никакъ не тянулись они всю жизнь, на вѣчную муку для обѣихъ сторонъ.

Судья.

Если-бъ это можно, или должно было сдѣлать, такъ ужъ во что бы то ни стало, а давно бы это сдѣлали, сеньёра; но опредѣлите мнѣ точнѣе причины, которыя васъ заставили просить развода.

Маріана.

Его дряхлость и мои цвѣтущія лѣта; никакого сна, потому что должна я вставать въ полночь, грѣть платки да мѣшочки съ отрубями и прикладывать ему къ бокамъ, и накладывать то ту, то другую перевязку,—а гораздо бы мнѣ пріятнѣе было видѣть, чтобъ ему пеньковую перевязку на шею присудили; и всю ночь сторожить, чтобъ поднимать повыше подушки, подавать сиропы да мягчительныя, чтобъ ему не тѣснило грудь; и принуждена я еще терпѣть дурной запахъ у него изо рта, которымъ разитъ отъ него на три выстрѣла изъ аркебуза.

Письмоводитель.

Это должно быть оттого, что у него коренной зубъ гніетъ.

Старикъ.

Нѣтъ, не должно быть; потому что у меня во рту давно ужъ самъ чортъ не только кореннаго, а и никакого зуба не найдетъ.

Прокурадоръ.

Я слышалъ, что и законъ такой есть, будто бы единственно за дурной запахъ изо рта можно развести жену съ мужемъ и мужа съ женой.

Старикъ.

По правдѣ сказать, сеньёры, этотъ дурной запахъ, о которомъ она говоритъ, совсѣмъ не отъ гнилыхъ зубовъ, потому что у меня ихъ нѣтъ, и не отъ желудка, который совершенно здоровъ, а все это умыселъ ея злой души. Ваша милость, вы

мало знаете эту сеньёру; а кто ее знаетъ-то. такъ, божусь вамъ, либо отмалчивается отъ нея, либо открещивается. Двадцать-два года живу я съ ней мученикомъ, и нѣтъ-то мнѣ никакого утѣшенія въ жизни, терплю ея блажь, крики да причуды; и уже вотъ два года я каждый день получаю отъ нея потасовки и побои, чуть не на-смерть. Отъ ея крику я почти совсѣмъ оглохъ, и ужъ начисто помѣшался. Если она и ухаживаетъ за мной во время болѣзни, какъ она вамъ говоритъ, такъ дѣлаетъ это скрипя зубами, а совсѣмъ не такъ заботливо и ласково, какъ лѣкаря. Словомъ сказать, сеньёры, отъ этого брака я умираю, а она живетъ, потому что она полновластная госпожа всего моего хозяйства.

Маріана.

Вашего хозяйства? Да какое-жъ у васъ хозяйство, кромѣ того, что вы пріобрѣли на мое приданое? И половина всего благопріобрѣтеннаго моя. Ужъ какъ вамъ этого ни жалко, а изъ этого и изъ приданаго, если я сегодня умру, я вамъ не оставлю ни на копѣйку, чтобы только доказать, какова моя любовь къ вамъ.

Судья.

Скажите, сеньёръ, когда вы женились на вашей супругѣ, вы были еще молодцомъ, здоровымъ, крѣпкимъ человѣкомъ?

Старикъ.

Я ужъ говорилъ, что прошло цѣлыхъ двадцать-два года съ тѣхъ поръ, какъ я поступилъ подъ ея команду, вотъ точь-въ-точь какъ подъ начальство калабрійскаго капитана въ каторжную работу на галеры; я тогда былъ такъ здоровъ, что какую хочешь игру заводи, не скоро забастую.

Маріана.

Было-то было, да не надолго хватило, пословица говорится.

Судья.

Молчите, молчите, прахъ васъ побери, добрая женщина, и ступайте съ Богомъ; я не нахожу достаточнаго повода для развода. Вы пробовали сладкое, попробуйте и горькаго. Нельзя обязать мужей не подчиняться быстрому времени, — и не старѣться. Сопоставьте непріятности, которыя онъ вамъ теперь причиняетъ, съ тѣмъ добромъ, которое онъ дѣлалъ для васъ, когда могъ, и не возражайте болѣе ни одного слова.

Старикъ.

Если только возможно, ваша милость сдѣлали бы мнѣ большое одолженіе и облегченіе, освободивъ меня изъ этой тюрьмы. Оставаться въ ней, терпѣть отъ нея побои, это значитъ попасть въ руки палача, который будетъ меня терзать. А вотъ бы что сдѣлать: шла бы она въ монастырь, а я въ другой; раздѣлили бы мы имѣніе, и жили бы такимъ образомъ въ мирѣ, посвятивъ на служеніе Богу остальные дни своей жизни.

Маріана.

Вотъ еще чортъ тебя возьми! Очень мнѣ нужно запирать себя въ монастырь. Я вѣдь не дѣвчонка; тѣмъ можетъ быть нравятся сѣтки, потайныя двери, желѣзныя рѣшотки въ окнахъ да подслушиванье. Запирайтесь въ монастырь! Вамъ это легко, потому что у васъ нѣтъ ни глазъ, чтобъ видѣть, ни ушей, чтобъ слышать, ни ногъ, чтобъ ходить, ни рукъ, чтобъ осязать. А я здорова, и всѣми моими пятью чувствами, полными и свѣжими, хочу пользоваться открыто, а не прятать ихъ такъ, какъ игроки прячутъ свои карты другъ отъ друга.

Письмоводитель.

Вольнаго духа женщина!

Прокурадоръ.

И мужъ умный человѣкъ; но ужъ больше ничего не спрашивай.

Судья.

Я не могу произвести развода; quia nullam invenio causam.

Входятъ: Солдатъ, *хорошо одѣтый, и его жена, донья* Гіомаръ.

Гіомаръ.

Благодареніе Господу, желаніе мое исполнилось, я нахожусь передъ вашею милостью. Самымъ убѣдительнѣйшимъ образомъ, какъ только умѣю, умоляю васъ развести меня съ этимъ.

Судья.

Что такое: „съ этимъ“? Развѣ у него нѣтъ другаго имени? Вамъ бы слѣдовало сказать, по крайней мѣрѣ: „съ этимъ человѣкомъ“.

Гіомаръ.

Если бы онъ былъ человѣкъ, я бы и развода не просила.

Судья.

Кто же онъ?

Гіомаръ.

Полѣно.

Солдатъ (*про-себя*).

Да, клянусь Богомъ, я буду молчаливъ и терпѣливъ, какъ полѣно; я не стану оправдываться, не стану противорѣчить женѣ, можетъ быть, судья и сдѣлаетъ такое одолженіе, обвинитъ меня и, въ наказанье, избавитъ меня отъ неволи; вѣдь бываютъ же чудеса, и невольники иногда спасаются изъ тюремъ Тетуана.

Прокурадоръ.

Говорите учтивѣе, сеньёра, и объясняйте дѣло безъ оскорбленій для вашего мужа; сеньёръ-судья, который передъ вами, разсудитъ ваше дѣло по всей справедливости.

Гіомаръ.

Отчего-жъ, милостивые государи, вы не желаете, чтобъ я называла полѣномъ статую, въ которой движенія не больше, чѣмъ въ бревнѣ?

Маріана.

Ну, видно, мы обѣ терпимъ одно и то же горе.

Гіомаръ.

Скажу вамъ наконецъ, сеньёръ мой, что меня точно выдали за этого человѣка, если угодно вашей милости, чтобъ я его такъ называла; но вѣдь это не тотъ человѣкъ, за котораго я вышла замужъ.

Судья.

Какъ же это такъ? Я васъ не понимаю.

Гіомаръ.

То есть, я хочу сказать: я думала, что выхожу замужъ за человѣка дѣльнаго и проворнаго; а черезъ нѣсколько же дней оказалось, что я вышла, какъ уже я говорила, за полѣно. Онъ не знаетъ, которая у него правая рука; не находитъ ни средствъ, ни способовъ добыть хоть реалъ для поддержки своего дома и семейства. Утро онъ проводитъ по церквамъ у обѣдень и толчется у воротъ Гуадалахарскихъ, шепчется, разузнаетъ новости, разсказываетъ и слушаетъ сплетни. Послѣ полудня, да и по утрамъ тоже, шляется по игорнымъ домамъ, изъ одного въ дру-

гой, и только зѣвакъ прибавляетъ: а это такого сорта люди, которые, какъ я слышала, всѣмъ игрокамъ надоѣли и которыхъ они презираютъ. Въ два часа приходитъ обѣдать, не получивъ съ выигрышу ни отъ кого ни одного реала, потому что теперь ужъ это вывелось. Потомъ уйдетъ опять, возвращается въ полночь, ужинаетъ, коли найдетъ что; а коли нѣтъ, крестится, зѣваетъ и ложится спать: но всю ночь онъ не успокоится, а ворочается съ боку на бокъ. Спрошу его: „что съ тобой?“ Отвѣчаетъ мнѣ, что сочиняетъ въ умѣ сонетъ для друга, который его объ этомъ просилъ. Онъ воображаетъ себя поэтомъ, какъ будто это такое занятіе, которое избавляетъ отъ нужды.

Солдатъ.

Моя сеньёра, донья Гіомаръ, во всемъ, что говорила, не перешла границъ правды и основательности: и если-бъ я въ своихъ дѣлахъ былъ такъ же основателенъ, какъ она въ рѣчахъ, то ужъ давно бы я досталъ себѣ какое нибудь занятіе и хлопоталъ бы такъ же, какъ и другіе ловкіе и проворные людишки. Съ хлыстомъ въ рукахъ, на наемномъ мулѣ, маленькомъ, худомъ и зломъ, безъ погонщика, потому что такіе мулы никогда не нанимаются и ничего не стоятъ, съ перекидной сумкой на крупѣ, въ одной половинѣ воротничекъ и рубашка, въ другой кусокъ сыру, хлѣбъ и кожаная фляжка, безъ приличнаго дорожнаго платья, кромѣ пары штиблетъ объ одной шпорѣ, съ безпокойной торопливостью уѣзжаетъ онъ комиссіонеромъ по Толедскому мосту на лѣнивомъ и упрямомъ мулѣ. Глядишь, и черезъ нѣсколько дней посылаетъ домой окорокъ ветчины и нѣсколько аршинъ небѣленаго полотна, и такими вещами, которыя ничего не стоятъ въ той мѣстности, куда онъ посланъ, поддерживаетъ свой домъ, какъ только онъ, грѣшный, можетъ... Но у меня нѣтъ никакой должности, и я не знаю, какъ добыть ее, потому что ни одинъ сеньёръ не желаетъ взять меня въ службу, оттого, что я женатъ. Такъ что я принужденъ надоѣдать вашей милости, сеньёръ-судья, такъ какъ бѣдные вдальги очень надоѣдливы, да и жена моя того же проситъ, раздѣлите и разведите насъ.

Гіомаръ.

И еще вотъ что, сеньёръ-судья. Вилл, что мой мужъ ни къ чему неспособенъ и терпитъ нужду, я умираю, чтобъ по-

мочь ему какъ нибудь, но не могу; потому что, прежде всего, я женщина честная и ни на какія низости неспособна.

Солдатъ.

Вотъ только единственно за это и стоитъ любви жена моя. Но подъ этой честностью таится въ ней самый дурной характеръ, какой только есть на свѣтѣ: ревнуетъ безъ всякой причины, бранится ни за что, превозносится, ничего не имѣя; а за то, что я бѣденъ, не считаетъ меня за человѣка. А хуже-то всего, сеньёръ-судья, она желаетъ, чтобы я, ради ея вѣрности ко мнѣ, терпѣлъ и скрывалъ тысячи тысячъ ея капризовъ и пошлостей.

Гіомаръ.

Отчего-жъ нѣтъ? Почему вамъ не имѣть почтенія и уваженія къ такой добродѣтельной женщинѣ, какъ я?

Солдатъ.

Слушайте, сеньёра донья Гіомаръ, что я желаю сказать вамъ передъ этими сеньёрами. Что вы такъ важничаете тѣмъ, что вы честная женщина, коли это ваша прямая обязанность, такъ какъ вы происходите отъ честныхъ родителей, такъ какъ вы христіанка, и наконецъ обязаны быть честной въ отношеніи къ самой себѣ? Хорошо было бы, если бъ жены требовали отъ мужей уваженія за то только, что чисты и честны; какъ будто бы только въ этомъ и состоитъ все ихъ совершенство, и при немъ онѣ могутъ обойтиться безъ тысячи другихъ добродѣтелей, которыя онѣ обязаны имѣть. Что мнѣ изъ этого, что вы сами-то по себѣ честны,—если вы не смотрите за честностью вашей горничной, если вы постоянно нахмурены, сердиты, ревнивы, надуты, растрепаны, сонны, неодѣты, бранчивы, ворчливы, и еще съ другими безобразіями подобнаго рода, которыя способны сокрушить жизнь двумъ стамъ мужей? Но я вамъ доложу, сеньёръ-судья, что ничего этого въ моей сеньёрѣ донъѣ Гіомаръ нѣтъ; и я признаюсь, что я полѣно, что я неспособный, вялый и разсѣянный человѣкъ, и что только для порядка, хотя бы даже не было никакихъ другихъ причинъ, ваша милость обязаны развести насъ, потому что я сейчасъ симъ заявляю, что я ничего не имѣю возразить противъ того, что говорила моя жена, и что я считаю нашу тяжбу конченной и заявлю удовольствіе, если меня осудятъ.

Гіомаръ.

Да что же можно возразить противъ того, что я говорю? Что вы не кормите ни меня, ни вашу горничную; и добро-бъ ихъ много было, а то всего одна, да еще семимѣсячный ребенокъ, который ѣстъ не болѣе сверчка.

Письмоводитель.

Потише! Входятъ новые просители.

Входятъ: Подлѣкарь, *въ одеждѣ лѣкаря, и* Альдонса де Минхака, *его жена.*

Подлѣкарь.

Четыре весьма основательныя причины привели меня просить вашу милость, сеньёръ-судья, произвести разводъ между мною и сеньёрой донъей Альдонсой де Минхака, моей женой, которая здѣсь передъ вами.

Судья.

Вы начинаете рѣшительно. Скажите эти четыре причины.

Подлѣкарь.

Первая: видѣть ее для меня хуже, чѣмъ всѣхъ дьяволовъ вмѣстѣ; вторую она сама знаетъ; третья... я объ ней промолчу; четвертая, что я не хочу попасть къ чорту на рога, что непремѣнно случится, если всю жизнь проживу въ союзѣ съ нею.

Прокурадоръ.

Онъ выразилъ свое желаніе самымъ удовлетворительнѣйшимъ образомъ.

Альдонса.

Сеньёръ-судья, выслушайте меня, и замѣтьте, что если у моего мужа четыре причины, чтобы просить развода, то у меня ихъ четыреста. Первая та, что каждый разъ, какъ я его вижу, мнѣ кажется, что я вижу самого люцифера; вторая, что я была обманута, когда выходила за него замужъ; онъ говорилъ мнѣ, что онъ настоящій пульсовый лѣкарь, который щупаетъ пульсъ, а оказалось, что онъ просто подлѣкарь, который дѣлаетъ перевязки и лѣчитъ кой-какія неважныя болѣсти; и выходитъ, что онъ только половина настоящаго-то лѣкаря; третья, что онъ ревнуетъ меня даже къ солнцу, когда оно меня касается; четвертая, что я не могу его видѣть и желала бы убѣжать за два милліона верстъ отъ него.

Письмоводитель.

Какой чортъ теперь справитъ эти часы, коли всѣ колёса въ нихъ въ разладъ пошли?

Альдонса.

Пятая...

Судья.

Сеньёра, сеньёра, если вы желаете излагать всѣ свои четыреста причинъ, такъ я вамъ скажу, что я слушать ихъ не въ расположеніи, да и времени не имѣю. Ваше дѣло отлагается до изслѣдованія: и ступайте съ Богомъ, у меня есть другія дѣла спѣшныя.

Подлѣкарь.

Какія еще изслѣдованія, кромѣ того, что я не желаю умирать съ ней, а ей не нравится жить со мной?

Судья.

Если-бъ этого было достаточно для развода, то безконечное число супруговъ сбросили бы съ плечъ своихъ супружеское иго.

Входитъ Крючникъ *въ четырехугольной шапкѣ на головѣ.*

Крючникъ.

Сеньёръ-судья, я крючникъ, — это ужъ я не запираюсь: но однако я старый христіанинъ и человѣкъ на руку честный, и если бы я иной разъ не набирался вина, или оно меня не забирало, что вѣрнѣе: такъ былъ бы ужъ давно старостой въ артели крючниковъ. Но это въ сторону, у меня есть еще много о чемъ разговаривать. Желаю я, чтобъ ваша милость, сеньёръ-судья, знали, что однажды я, закружившись до одуренія отъ паровъ Вакха, обѣщалъ одной заблудшей женщинѣ жениться на ней. Когда я пришелъ въ себя и поправился, я исполнилъ обѣщаніе и женился на женщинѣ, которую я вытащилъ изъ грязи. Посадилъ я ее фруктами торговать: напала на нее такая гордость и такой дурной характеръ явился, что ни одинъ-то покупатель не подойдетъ къ ея прилавку безъ того, чтобы она не поругалась съ нимъ; то у нея вѣсу не хватитъ, то зачѣмъ роются въ фруктахъ: и ужъ двумъ изъ трехъ непремѣнно пуститъ гирю въ голову, или во что попало, — и срамитъ ихъ даже до четвертаго колѣна; а съ сосѣдками и товарками ни одного часу

не живетъ въ мирѣ. И я цѣлый-то день долженъ держать въ рукахъ, точно дудку, свою шпагу наготовѣ, чтобъ защищать ее. У насъ нехватаетъ всей выручки за неполный вѣсъ и на судебныя издержки за проигранныя тяжбы. Если ваша милость будете такъ добры, я желалъ бы, чтобы или развели меня съ ней, или, по крайней мѣрѣ, перемѣнили ея горячій характеръ на скромный и тихій; и обѣщаю я вашей милости, что перенесемъ мы даромъ вашъ весь уголь, который вы купите этой весной, потому что я въ своей артели большой вѣсъ имѣю.

Подлѣкарь.

Я знаю жену этого добраго человѣка; она такъ зла, какъ моя Альдонса, а выше этого ничего быть не можетъ.

Судья.

Слушайте, сеньёры: хотя нѣкоторые изъ васъ присутствующихъ дали нѣкоторыя показанія, въ которыхъ заключаются нѣкоторые поводы для развода; но, при всемъ томъ, необходимо письменное заявленіе и свидѣтели; а потому всѣ ваши процессы я отлагаю до представленія доказательствъ. Но, что это? Музыка и гитары въ моей присутственной залѣ? Это какія-то новости.

Входятъ два музыканта.

Музыкантъ.

Сеньёръ-судья, тѣ разссорившіеся супруги, которыхъ вы, ваша милость, соединили, согласили и примирили, ждутъ вашу милость на большой пиръ въ ихъ домѣ; почему и послали насъ просить васъ сдѣлать имъ честь пожаловать къ нимъ.

Судья.

Я сдѣлаю эту честь съ великимъ удовольствіемъ. И прошу Бога, чтобы всѣ присутствующіе примирились такъ же, какъ и они.

Прокурадоръ.

И помрутъ тогда съ голоду и писцы и прокурадоры этого присутственнаго мѣста. Нѣтъ, нѣтъ, всѣ просите развода, всѣ; потому что наконецъ, — наконецъ, если васъ и не разведутъ, то, всетаки, намъ-то доходъ отъ вашихъ распрей и ссоръ.

Музыкантъ.

Теперь пойдемте пировать и веселиться.

Знайте, добрые супруги.
Коли брань у васъ зайдетъ,

Что плохое примиренье
Все же лучше, чѣмъ разводъ.

—

Правда то иль заблужденье,
Но давно твердитъ народъ,
Что въ Ивановъ день раздоры
Миръ сулятъ на цѣлый годъ.

—

Послѣ горя снова радость
Тамъ, гдѣ знаютъ напередъ,
Что плохое примиренье
Все же лучше, чѣмъ разводъ.

—

Ревность женская намъ мука,
Но съ красавицей-женой
Намъ и горе то не горе,
Даже ревность рай земной.

—

О любовь, правдиво мнѣнье
И испытанъ тотъ разсчётъ,
Что плохое примиренье
Все же лучше, чѣмъ разводъ.

II.

БИСКАЕЦЪ-САМОЗВАНЕЦЪ.

ЛИЦА.

Солорсано.
Киньонесъ.
Донья Кристина.
Донья Брихида.
Золотыхъ дѣлъ мастеръ.
Слуга, или служанка.
Два музыканта.
Алгвасилъ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Улица.

Входятъ: Солорсано *и* Киньонесъ.

Солорсано.

Вотъ два мѣшочка, они, кажется, очень схожи, и цѣпочки при нихъ тоже одинаковы. Теперь вамъ остается только сообразоваться съ моимъ намѣреніемъ, чтобы провести эту Сивильянку, несмотря на всю ея хитрость.

Киньонесъ.

Развѣ обмануть женщину — ужъ такая большая честь, или тутъ нужно такъ много ловкости, что вы употребляете столько хлопотъ и прилагаете столько старанія для этого?

Солорсано.

Если встрѣтится такая женщина, какъ эта, то обмануть пріятно: тѣмъ болѣе, что эта шутка не переходитъ черезъ край.

Я хочу сказать, что тутъ нѣтъ ни грѣха противъ Бога, ни преступленія противъ того, надъ кѣмъ шутятъ. Что унижаетъ человѣка, то ужъ не шутка.

Киньонесъ.

Ну, если вамъ угодно, пусть такъ и будетъ. Я ручаюсь, что помогу вамъ во всемъ, что вы мнѣ сказали, и съумѣю притвориться такъ же хорошо, какъ и вы; потому что превзойти васъ я не могу. Куда вы идете теперь?

Солорсано.

Прямо въ домъ къ моей красавицѣ. Вы туда не входите; я васъ въ свое время позову.

Киньонесъ.

Я буду дожидаться. (*Уходитъ.*)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Комната.

Входятъ: Донья Кристина *и* Донья Брихида. *Брихида въ манто, трепещущая и взволнованная.*

Кристина.

Боже! Что съ тобой, милая Брихида? У тебя душа разстается съ тѣломъ.

Брихида.

Милая донья Кристина, дай мнѣ вздохнуть, плесни мнѣ немного воды въ лицо, я умираю, я кончаюсь, душа моя отлетаетъ! Боже, помоги мнѣ! Скорѣй, скорѣй духовника!

Кристина.

Что это? Ахъ, я несчастная! Отчего не говоришь ты, милая, что съ тобой случилось? Тебѣ привидѣлось что нибудь? Не получила-ль ты дурнаго извѣстія: ужъ не умерла ли твоя мать, не воротился ли твой мужъ, или не украли ли твои брилліанты?

Брихида.

Ничего мнѣ не привидѣлось, не умирала моя мать, не вернулся мужъ, ему еще остается три мѣсяца пробыть тамъ, куда

онъ уѣхалъ, чтобъ кончить дѣла; не воровали у меня и бриллiантовъ; со мной случилось другое, что гораздо хуже.

Кристина.

Ну, наконецъ, скажи же, Бридиха моя! Я изстрадаюсь, истерзаюсь, пока не узнаю.

Брихида.

Ахъ, желанная моя! то, что случилось со мной, столько же касается и тебя. Помочи мнѣ лицо; у меня все тѣло облито потомъ, холоднымъ, какъ ледъ. Несчастныя тѣ женщины, которыя живутъ свободно, потому что, если онѣ захотятъ имѣть хоть маленькую самостоятельность и такъ или иначе ею пользоваться,—такъ она сейчасъ же и свяжетъ ихъ по рукамъ и по ногамъ.

Кристина.

Ну, скажи же, наконецъ, милая, что съ тобой случилось, и что это за несчастiе, которое также касается и меня?

Брихида.

Коснется, и очень; ты поймешь это, если у тебя есть смыслъ; а у тебя, кажется, его довольно. Ну, слушай, родная моя! Сейчасъ по дорогѣ къ тебѣ, проѣзжая вороты Гуадалахары, вижу я, среди безчисленной толпы полицiи и народа, бирюча, который провозглашаетъ слѣдующее правительственное распоряженiе, что кареты отмѣняются *), и чтобы женщины не закрывали лицъ на улицахъ.

Кристина.

Такъ это дурная-то новость?

Брихида.

Да развѣ для насъ можетъ быть что нибудь въ мірѣ хуже этого?

Кристина.

Я думаю, родная моя, что по поводу каретъ должно быть какое нибудь распоряженiе; невозможно, чтобъ ихъ совсѣмъ отмѣнили; но распоряженiе было бы очень желательно, потому

*) Страсть ѣздить въ каретахъ доходила тогда въ Мадритѣ до крайней степени и доводила многихъ до раззоренiя. Объ этой модѣ есть весьма остроумныя страницы у сатирика Геварры въ его знаменитой повѣсти «El diablo cojuello». *Примѣч. перев.*

что, какъ я слышала, верховая ѣзда въ Испаніи пришла въ совершенный упадокъ; молодые кавалеры по десяти и по двѣнадцати человѣкъ набиваются въ одну карету и снуютъ по улицамъ день и ночь, забывая, что есть на свѣтѣ лошади и кавалерійская служба. Когда же у нихъ не будетъ удобства земныхъ галеръ, то есть каретъ, они обратятся къ изученію верховой ѣзды, которой прославились ихъ предки.

Брихида.

Ахъ, Кристина, душа моя! Я слышала тоже, что хотя нѣкоторымъ и оставятъ кареты, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы не ссужали ихъ ни кому и чтобы въ нихъ не ѣздила ни одна изъ... ты меня понимаешь.

Кристина.

Пожалуй, что съ нами это и сдѣлаютъ. Но успокойся, родная моя, между военными еще вопросъ: что лучше, кавалерія, или пѣхота. Ужъ доказано, что пѣхота испанская *) заслуживаетъ уваженія отъ всѣхъ націй, и теперь можемъ мы, веселенькія женщины, пѣшимъ образомъ показывать свою грацію, свою любезность, свое великодушіе и притомъ же съ открытыми лицами, что гораздо лучше; потому что тѣ, которые стали бы за нами ухаживать, ужъ не ошибутся,—они насъ видѣли.

Брихида.

Ай, Кристина, не говори этого! Какъ пріятно ѣхать, развалясь въ задкѣ кареты, передвигаться то на ту, то на другую сторону, показываться, кому, какъ и когда захочешь! И вотъ, ей Богу, по душѣ тебѣ говорю, когда иной разъ я достану карету и чувствую, что сижу въ ней съ нѣкоторымъ величіемъ, я восторгаюсь до самозабвенія; мнѣ представляется, я увѣрена, что я дама первой степени, и что самыя титулованныя сеньёры могутъ служить мнѣ горничными.

Кристина.

Видишь, донья Брихида, какъ умно я сказала, что хорошо бы отнять у насъ кареты; мы тогда освободились бы отъ грѣха—тщеславія! И вотъ еще что нехорошо: карета всѣхъ равняетъ, и тѣхъ и сѣхъ; иностранцы, видя въ каретѣ особу, великолѣпно

---

*) Тутъ шутка. Испанской инфантеріей въ то время называли пѣшую театральную публику. *Примѣч. перев.*

одѣтую, блестящую драгоцѣнностями, перестаютъ ухаживать за тобой и ухаживаютъ за ней, считая ее за важную сеньёру. Милая, ты не должна печалиться, пускай въ дѣло свою ловкость и красоту, свое севильское манто, тканое изъ воздуха, и ужъ во всякомъ случаѣ свои новыя туфли съ серебряной бахромой. — пускайся по этимъ улицамъ — и я тебѣ ручаюсь, что на такой сладкій мёдъ въ мухахъ недостатка не будетъ, если только ты пожелаешь, чтобъ онѣ слетѣлись.

Брихида.

Богъ тебѣ за это заплатитъ, милая; я совсѣмъ успокоилась послѣ твоихъ наставленій и совѣтовъ, и думаю непремѣнно пустить ихъ въ дѣло. Буду рядиться и разряживаться и показываться съ открытымъ лицомъ и постоянно толочь пыль на улицахъ. Унять мою голову некому; тотъ, кого считаютъ моимъ мужемъ, вѣдь не мужъ мнѣ, а только еще далъ слово быть мужемъ. (*Показывается въ дверяхъ Солорсано.*)

Кристина.

Боже! Вы такъ тихо и безъ доклада входите въ мой домъ, сеньёръ! Что вамъ угодно?

Солорсано (*входя*).

Извините за смѣлость! Воромъ можно сдѣлаться случайно. По пословицѣ: плохо не клади, вора въ грѣхъ не вводи. Я видѣлъ, что двери отворены и вошелъ; я рѣшился войти, чтобъ служить вамъ, и не словами, а дѣломъ. Если можно говорить въ присутствіи этой дамы, то я скажу вамъ, зачѣмъ я пришелъ и какія имѣю намѣренія.

Кристина.

Отъ пріятнаго вашего присутствія между нами нельзя и ожидать ничего инаго, кромѣ хорошихъ словъ и хорошихъ дѣлъ. Говорите то, что вы желали сказать; сеньёра донья Брихида мой другъ, — это то же, что я сама.

Солорсано.

Въ такомъ случаѣ и съ вашего позволенія, я буду говорить правду. Я, по правдѣ вамъ сказать, сеньёра, придворный и вы меня не знаете.

Кристина.

Да, это правда.

Солорсано.

Я уже давно желаю служить вамъ, побуждаемый къ тому вашей красотой, вашими природными качествами, а еще болѣе вашимъ умѣньемъ жить; но разныя мелочи, въ которыхъ никогда не бываетъ недостатка, до сего времени препятствовали мнѣ привести мое желаніе въ дѣйствительность. Теперь судьбѣ угодно было, чтобы одинъ мой хорошій другъ прислалъ мнѣ изъ Бискаіи своего сына, Бискайца, для того, чтобы я его отправилъ въ Саламанку и нашелъ ему общество, которое дѣлало бы ему честь и способствовало его образованію. Но, сказать вамъ правду, онъ глуповатъ и имѣетъ нѣкоторыя странности. Кромѣ того есть у него еще недостатокъ, о которомъ и говорить не хорошо, а ужъ тѣмъ болѣе имѣть его, — онъ иногда придерживается вина, но такъ, что совсѣмъ теряетъ разсудокъ; оно его очень волнуетъ. Когда онъ выпивши и, какъ говорится, когда у него душа нараспашку, у него является удивительная веселость и щедрость: онъ раздаетъ все, что имѣетъ, всякому, кто проситъ и кто не проситъ. Я желалъ бы, пока все его состояніе не полетитъ къ чорту, кой-чѣмъ отъ него попользоваться; и для этого я не нахожу лучшаго средства, какъ привести его къ вамъ: онъ очень любезенъ съ дамами, очень любитъ дамъ, и здѣсь мы, втихомолку, оберемъ его какъ липку. Вотъ, для начала, я принесъ вамъ цѣпь въ этомъ мѣшочкѣ, она стоитъ сто-двадцать золотыхъ скуди; вы ее возьмите и дайте мнѣ теперь десять скуди, которыя мнѣ нужны на нѣкоторыя бездѣлицы, а остальныя двадцать заплатите ужиномъ сегодня вечеромъ; придетъ и нашъ дуракъ, или буйловъ, я его притащу за носъ, какъ говорится. Послѣ двухъ моихъ визитовъ къ вамъ вы будете имѣть цѣпь, потому что я за нее, кромѣ десяти скуди, которыя получу теперь, ничего не желаю... Цѣпь превосходная, изъ лучшаго золота и дорогой работы. Вотъ она, возьмите ее!

Кристина.

Цѣлую ваши ручки за то, что вы доставляете мнѣ такой выгодный случай; но я буду говорить откровенно, то, что чувствую: такая щедрость меня конфузитъ и нѣсколько подозрительна для меня.

Солорсано.

Какое же и въ чемъ подозрѣніе, сеньёра?

Кристина.

А въ томъ, что эта цѣпь можетъ быть произведеніе алхиміи; не даромъ говорится пословица: не все то золото, что блеститъ.

Солорсано.

Вы разсуждаете чрезвычайно умно, и не даромъ про васъ идетъ молва, что вы самая умная дама въ столицѣ; и мнѣ очень пріятно видѣть, какъ вы безъ жеманства и околичностей прямо открываете то, что у васъ на сердцѣ. Но, кромѣ смерти, на все есть средство: надѣвайте манто, или пошлите кого нибудь, кому вы вѣрите, къ золотыхъ дѣлъ мастеру и узнайте пробу и вѣсъ этой цѣпи, и если она чистаго золота и имѣетъ тѣ достоинства, о которыхъ я говорилъ, тогда вы мнѣ дадите десять скуди, сдѣлаете угощеніе этому дураку—и останетесь съ цѣпью.

Кристина.

Здѣсь рядомъ живетъ золотыхъ дѣлъ мастеръ, мой знакомый; онъ легко разсѣетъ мои сомнѣнія.

Солорсано.

Только этого я и желаю, я люблю и уважаю такое поведеніе; самъ Богъ благословляетъ дѣла, если они ведутся на чистоту.

Кристина.

Если вы рѣшитесь довѣрить мнѣ эту цѣпь, пока я прицѣнюсь, то, погодя немного, вы можете придти, и я отдамъ вамъ десять золотыхъ скуди.

Солорсано.

Вотъ хорошо! Да я довѣрю вамъ даже честь свою; а еще бы я не довѣрилъ цѣпи! Вы можете пробовать и перепробовать; я теперь отправлюсь и ворочусь черезъ полчаса.

Кристина.

И даже можете раньше, если только мой сосѣдъ дома. (*Солорсано уходитъ.*)

Брихида.

Ну, милая Кристина, какое счастье тебѣ привалило! А я ужъ такая несчастная, никто мнѣ ведра воды даромъ не даетъ, и то мнѣ трудовъ стоитъ. Вотъ развѣ только: встрѣтила я недавно на улицѣ поэта, такъ онъ мнѣ весьма охотно и очень учтиво предложилъ сонетъ о Пріамѣ и Тизбѣ, и обѣщалъ написать въ честь мою еще.

Кристина.

Лучше бы было тебѣ встрѣтиться съ какимъ нибудь Генуэзцемъ, тотъ предложилъ бы тебѣ триста реаловъ.

Брихида.

Ужъ, конечно. Генуэзцы этимъ отличаются, и еще тѣмъ, что въ руки даются легко, точно прикормленные ястреба; всѣ они меланхолики и скучны, точно по указу.

Кристина.

Я желала бы, Брихида, чтобы ты убѣдилась, что половина Генуэзца стоитъ больше, чѣмъ четыре цѣлыхъ поэта. Ахъ, смотри-ка, наше дѣло на всѣхъ парусахъ летитъ! вонъ онъ самъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ! (*Входитъ золотыхъ дѣлъ мастеръ.*) Что вамъ угодно, милый сосѣдъ? Вы меня освобождаете отъ манто, которое я хотѣла накинуть на плечи, чтобы идти къ вамъ.

Золотыхъ дѣлъ мастеръ.

Сеньёра донья Кристина, вы мнѣ сдѣлаете одолженіе, если употребите все ваше стараніе, чтобы увести завтра мою жену въ комедію, потому что мнѣ нужно и очень нужно завтра послѣ обѣда быть свободнымъ отъ надзора и преслѣдованья.

Кристина.

Я это сдѣлаю съ большимъ удовольствіемъ. И даже, если сеньёръ-сосѣдъ желаетъ, мой домъ и все, что въ немъ есть, къ его услугамъ, — онъ его найдетъ пустымъ и прибраннымъ, потому что я хорошо знаю, что̀ за жена у него.

Золотыхъ дѣлъ мастеръ.

Нѣтъ, сеньёра, уведите только жену, съ меня и довольно. Но что же вамъ угодно отъ меня, зачѣмъ вы хотѣли идти ко мнѣ?

Кристина.

А вотъ зачѣмъ: скажите мнѣ, сеньёръ-сосѣдъ, сколько вѣсу въ этой цѣпи и чистаго ли она золота и какой пробы?

Золотыхъ дѣлъ мастеръ.

Эту цѣпь я имѣлъ въ рукахъ много разъ и знаю, что на вѣсъ она стоитъ полтораста скуди и двадцать-пятой пробы, и если вы ее покупаете на вѣсъ, не считая работы, то въ убыткѣ не останетесь.

Кристина.

Работа тоже будетъ стоить кой-чего, но немного.

Золотыхъ дѣлъ мастеръ.

Покупайте, сеньёра-сосѣдка; если вамъ она не нужна, я дамъ десять дукатовъ только за работу.

Кристина.

Я, если можно, постараюсь ее купить дешевле. Но, смотрите, сеньёръ-сосѣдъ, не ошибитесь относительно чистоты золота и количества вѣса.

Золотыхъ дѣлъ мастеръ.

Хорошъ бы я былъ, если-бъ ошибался въ своемъ дѣлѣ! Говорю вамъ, сеньёра, я два раза перепробовалъ ее по колечку и вѣшалъ ее, и знаю какъ свои пять пальцевъ.

Брихида.

Этого съ насъ довольно.

Золотыхъ дѣлъ мастеръ.

И вотъ вамъ еще доказательство: я помню, что приносилъ ее вѣшать и пробовать одинъ благородный молодой человѣкъ, по имени Солорсано.

Кристина.

Довольно, сеньёръ-сосѣдъ. Отправляйтесь съ Богомъ, я сдѣлаю то, что̀ вы просили, я возьму ее и удержу два часа, и болѣе, если бы было нужно: потому что я знаю, что лишній часъ вамъ не можетъ повредить.

Золотыхъ дѣлъ мастеръ.

Съ вами жить и умереть! Все-то вы знаете. Прощайте, сеньёра моя! (*Уходитъ.*)

Брихида.

Нельзя ли поддѣлаться къ этому милому Солорсано, чтобы онъ вытянулъ для меня у этого пьяницы Бискайца что нибудь цѣнное?

Кристина.

Мы еще успѣемъ. Но смотри-ка, онъ возвращается. Онъ идетъ проворно и смѣло, десять скуди его подгоняютъ и пришпориваютъ. (*Входитъ Солорсано.*)

Солорсано.

Сеньёра донья Кристина, вы сдѣлали все, что нужно? Вы убѣдились въ достоинствахъ моей цѣпи?

Кристина.

Сдѣлайте одолженіе, скажите, какъ васъ зовутъ?

Солорсано.

Донъ Естебанъ де-Солорсано. Но зачѣмъ вы меня спрашиваете?

Кристина.

Чтобъ приложить печать къ вашей правдивости и учтивости. Поговорите немного съ сеньёрой Брихидой, пока я схожу за деньгами. (*Уходитъ.*)

Брихида.

Сеньёръ донъ Солорсано, нѣтъ ли у васъ хоть какой нибудь зубочистки и для меня? Ужъ не такая же я заброшенная, и у себя дома я принимаю такихъ же хорошихъ людей, какъ и сеньёра донья Кристина. Если-бъ я не боялась, что насъ услышатъ, я разсказала бы сеньёру Солорсано про ея недостатки. Знайте, что груди у нея, какъ два пустыхъ мѣшочка, и дыханіе у нея не лучше, потому что она очень красится. И при всемъ томъ ее ищутъ, посѣщаютъ и любятъ. Я готова изцарапать себѣ лицо скорѣй отъ бѣшенства, чѣмъ отъ зависти; нѣтъ человѣка, который бы подалъ мнѣ руку, а оттолкнуть меня готовы многіе. Да, безобразнымъ счастье.

Солорсано.

Не отчаявайтесь; только бы я былъ живъ, а то другой пѣтухъ запоетъ въ вашемъ курятникѣ. (*Входитъ Кристина.*)

Кристина.

Вотъ, сеньёръ донъ-Естебанъ, десять скуди: а вечеромъ для васъ будетъ готовъ ужинъ княжескій.

Солорсано.

Дуракъ-то нашъ стоитъ на улицѣ у дверей вашихъ; такъ я пойду за нимъ. Вы его приласкайте, хотя, конечно, это будетъ для васъ не слаще пилюль. (*Уходитъ.*)

Брихида.

Я его просила, милая, чтобъ онъ нашелъ для меня какого нибудь щедраго человѣка: онъ сказалъ, что сдѣлаетъ это со временемъ.

Кристина.

Со временемъ! Со временемъ-то на насъ никто и не взгля-

нетъ: немного лѣтъ — такъ много барыша, много лѣтъ — много убытку.

Брихида.

Я сказала тоже, какъ ты хороша, мила, граціозна и что вся ты амбра, мускусъ и цибетъ.

Кристина.

Ужъ я знаю, милая, что ты за глаза про людей всегда хорошо говоришь.

Брихида *(про-себя)*.

Вотъ изволите видѣть, кому любовники-то достаются! У меня подошвы у ботинокъ лучше и дороже, чѣмъ у нея брыжжи на шеѣ. Опять-таки скажу: счастье безобразнымъ.

Входятъ: Киньонесъ *и* Солорсано.

Киньонесъ.

Бискаецъ ручки цѣлуется. Вашей милости приказывать.

Солорсано.

Сеньёръ Бискаецъ говоритъ, что онъ цѣлуетъ ваши ручки и ждетъ вашихъ приказаній.

Брихида.

Ахъ, какой милый языкъ! Я его плохо понимаю; но онъ мнѣ очень нравится.

Кристина.

Я цѣлую руки моего сеньёра Бискайца, и прежде чѣмъ онъ.

Киньонесъ.

На видъ хороша, прекрасна; ну и вечеромъ ужинаемъ; цѣпь остается; ночевать никогда; отдалъ и довольно.

Солорсано.

Мой товарищъ говоритъ, что вы ему нравитесь, что вы красавица; чтобы ужинъ былъ готовъ, что онъ даритъ вамъ цѣпь, хотя ночевать не останется, — что онъ ужъ отдалъ цѣпь и довольно.

Брихида.

Если еще такой Александръ въ мірѣ? Счастье, счастье и сто разъ счастье!

Солорсано.

Если есть у васъ немножко конфектъ и небольшой гло-

токъ вина для Бискайца,—такъ, я знаю, онъ поплатится за это сторицею.

Кристина.

Какъ не быть! Я сейчасъ схожу за этимъ,—и у васъ будетъ закуска лучше, чѣмъ у Попа-Ивана Индѣйскаго. (*Уходитъ.*)

Киньонесъ.

Дама оставши такъ же хороша, какъ уношши.

Брихида.

Что онъ сказалъ, сеньёръ Солорсано?

Солорсано.

Что дама, которая осталась, то есть вы, такъ же хороша, какъ и та, которая вышла.

Брихида.

Сеньёръ Бискаецъ совершенно правъ; и, поправдѣ сказать, въ этомъ дѣлѣ онъ не дуракъ.

Киньонесъ.

Чортъ—дуракъ; Бискаецъ ума хочешь, когда надо.

Брихида.

Я понимаю, онъ говоритъ: глупъ дьяволъ; а Бискайцы, когда захотятъ быть умными, такъ умны.

Солорсано.

Такъ точно, безъ малѣйшей ошибки. (*Входятъ: Кристина и слуга, или служанка, которые вносятъ: коробку конфектъ, графинъ вина, салфетку и пр.*)

Кристина.

Извольте кушать, сеньёръ Бискаецъ; не побрезгайте: все, что есть въ этомъ домѣ, есть квинтъ-эссенція чистоты.

Киньонесъ.

Сладкое со мной, вино и вода называй хорошо. Святое подано, это я пью, да и въ другой.

Брихида.

О, Боже! Съ какимъ остроуміемъ говоритъ этотъ милый сеньёръ, хотя я и не понимаю.

Солорсано.

Онъ говоритъ, что съ сладкимъ онъ пьетъ вино такъ же, какъ и воду, и что это вино святаго Мартина, и что онъ его еще выпьетъ.

Кристина.

Сколько угодно, душа мёра.

Солорсано.

Не давайте ему больше, это ему нехорошо, вы сейчасъ увидите. Я говорилъ сеньёру Аскараю, чтобы онъ не пилъ вина ни подъ какимъ видомъ,—да это не помогаетъ.

Киньонесъ.

Пойдемъ! А то вино и внизъ и вверхъ, языкъ кандалы и ноги колодки. Вечеромъ прихожу, сеньёра. Помилуй тебя, Господи!

Солорсано.

Ну, вотъ онъ какъ разговариваетъ; вы видите, что я говорилъ правду.

Кристина.

Что же онъ сказалъ, сеньёръ Солорсано?

Солорсано.

Что вино кандалы для его языка и колодки для ногъ, что онъ придетъ вечеромъ, и чтобы вы оставались съ Богомъ.

Брихида.

Ахъ, грѣхъ какой! Какъ у него глаза помутились и языкъ путается! Боже! У него ноги заплетаются! Онъ, должно быть, много выпилъ. Никого въ жизни мнѣ такъ жалко не было, какъ его; такъ молодъ и такой пьяница.

Солорсано.

Онъ ужъ изъ дому пришелъ готовый. Вы, сеньёра Кристина, приготовьте намъ ужинъ; я его заставлю проспаться, и будемъ мы у васъ сегодня вечеромъ какъ разъ въ свое время.

Кристина.

Все будетъ, какъ слѣдуетъ; идите въ часъ добрый.

(*Уходятъ: Киньонесъ и Солорсано.*)

Брихида.

Кристина, милая, покажи мнѣ цѣпь, дай мнѣ до-сыта налюбоваться на нее. Ай, какая красивая, новая, блестящая, и какъ дешево! Ну, Кристина, ужъ нечего толковать. Такъ или иначе, а богатство такъ и льется на тебя, счастье такъ и валитъ прямо въ двери безъ хлопотъ съ твоей стороны. Въ самомъ дѣлѣ, ты счастливая изъ счастливыхъ. Но, конечно, ты

этого заслуживаешь своей бойкостью, красотой и великолѣпнымъ умомъ. Этихъ прелестей достаточно, чтобы покорить самыхъ беззаботныхъ и необузданныхъ людей; да, ты не то, что я, — я неспособна и кота привязать къ себѣ. Возьми цѣпь, милая, а то я надорвусь отъ слёзъ; и не отъ того, чтобы я тебѣ завидовала, а себя-то ужъ очень жаль. (*Входитъ Солорсано.*)

Солорсано.

Насъ постигло величайшее несчастіе въ мірѣ!

Брихида.

Боже! Несчастіе! Что такое, сеньёръ Солорсано?

Солорсано.

Когда мы шли домой, то на поворотѣ этой улицы встрѣтили слугу отца нашего Бискайца, съ письмами и печальной новостью, что отецъ его при смерти, и что велѣлъ ему сію же минуту ѣхать, если хочетъ застать его живаго. Онъ привезъ и денегъ на дорогу,—и безъ всякаго разговора надо отправляться сейчасъ же. Я принесъ десять скуди для васъ, вотъ они, и вотъ еще десять, которыя я взялъ у васъ давеча; отдайте мнѣ цѣпь. Коли отецъ его живъ, онъ возвратится и привезетъ вамъ цѣпь назадъ,—или не будь я донъ Эстебанъ де-Солорсано.

Кристина.

Признаюсь, мнѣ жаль; я не объ интересѣ говорю, а о молодомъ человѣкѣ, потому что ужъ я его полюбила.

Брихида.

Хороши и десять скуди, вѣдь они пришли даромъ; бери ихъ, милая, и отдай цѣпь сеньёру Солорсано.

Кристина.

Вотъ, извольте,—пожалуйте деньги. Правду сказать, я думала истратить на ужинъ больше тридцати скуди.

Солорсано (*подмѣняя мышочекъ съ цѣпью*).

Сеньёра Кристина, стараго воробья на мякинѣ не обманешь; такія штуки можно дѣлать только съ простофилями; не на того напали, ищите другаго, поглупѣй.

Кристина.

Къ чему столько пословицъ, сеньёръ Солорсано?

Солорсано.

Для того, чтобы вы поняли, что жадность прорвала мѣшо-

чекъ. Неужели въ такое короткое время я могъ показаться вамъ человѣкомъ, съ которымъ можно поступать безъ всякой церемоніи. Сеньёра Кристина, кто за большимъ погонится, тотъ и малое потеряетъ, да и самъ попадется. Вы взяли отъ меня цѣпь золотую, а возвращаете мнѣ фальшивую; я не желаю, чтобъ такъ быстро совершались со мной Овидіевы превращенія. Ахъ, канальство, какъ ловко ее подмѣнили и какъ скоро!

Кристина.

Что вы говорите, сеньёръ мой? Я этого не понимаю.

Солорсано.

Я говорю, что это не та цѣпь, которую я вамъ далъ, хотя и похожа. Эта поддѣльная, а та золотая, двадцать-второй пробы.

Брихида.

Да, да, клянусь вамъ, то же говорилъ и сосѣдъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ.

Кристина.

Да хоть бы самъ чортъ говорилъ!

Солорсано.

Чортъ или чертовка! Отдайте цѣпь и увольте насъ отъ крику; не нужно ни клятвъ, ни ругательствъ.

Кристина.

Пусть самъ чортъ меня возьметъ, или кто тамъ хочетъ, если это не та цѣпь, которую вы мнѣ дали; да у меня никакой другой и въ рукахъ не было. Боже правосудный, до какого обвиненія я дожила!

Солорсано.

Кричать незачѣмъ; на то есть коррехидоръ, чтобы каждаго разсудить по справедливости.

Кристина.

Если это дѣло попадетъ въ руки коррехидора, такъ я останусь виновата: онъ имѣетъ обо мнѣ такое дурное мнѣніе, что мою правду приметъ за ложь и мою невинность за вину. Сеньёръ мой, если кромѣ этой была какая нибудь другая цѣпь въ моихъ рукахъ, то пусть онѣ отсохнутъ.

Входитъ Альгвасилъ.

Альгвасилъ.

Что за шумъ, что за крики, что за слёзы и что за брань?

Солорсано.

Вы, сеньёръ альгвасилъ, пришли какъ разъ кстати. Этой дамѣ, высокаго севильскаго полета, я, часъ тому назадъ, оставилъ цѣпь за десять дукатовъ, для извѣстной цѣли. Возвращаюсь теперь, чтобъ выручить ее, и вмѣсто той, которую я далъ и которая вѣсила полтораста золотыхъ дукатовъ 20-й пробы, мнѣ отдаетъ она эту поддѣльную, которая не стоитъ и двухъ дукатовъ. И, вмѣсто надлежащаго удовлетворенія, хочетъ провести меня на бобахъ слезами и криками, тогда какъ сама знаетъ, что свидѣтелемъ справедливости моихъ словъ была эта самая дама, передъ которой все происходило.

Брихида.

И происходило, и даже произошло. Клянусь Богомъ и моей душой! я должна сказать, что этотъ сеньёръ совершенно правъ. Однако я не могу себѣ представить, какъ могъ произойти подмѣнъ, потому что цѣпь не выходила изъ этой залы.

Солорсано.

Сеньёръ-альгвасилъ, сдѣлайте для меня такую милость, доставьте эту сеньёру къ коррехидору, тамъ мы разберемся.

Кристина.

Я опять-таки говорю, что если меня поставятъ передъ коррехидоромъ, я буду обвинена.

Брихида.

Да, она съ нимъ не въ ладахъ.

Кристина.

Ну, ужъ теперь я бѣшусь, теперь я въ отчаяніи, теперь меня грызутъ вѣдьмы!

Солорсано.

Ну, хорошо, я кой-что сдѣлаю для васъ, сеньёра Кристина, собственно для того, чтобы васъ не грызли вѣдьмы, или, по крайней мѣрѣ, чтобы вы не бѣсились. Эта цѣпь очень похожа на ту настоящую, которая была у Бискайца, онъ сумасшедшій и немножко пьяница; я соглашаюсь взять ее у васъ и увѣрить его, что это его цѣпь. А вы удовлетворите сеньёра-альгвасила и приготовьте ужинъ сегодня вечеромъ; и успокойтесь духомъ, убытокъ для васъ небольшой.

Кристина.

Небо вамъ заплатитъ за это. Сеньёру-альгвасилу я дамъ

полдюжины дукатовъ и на ужинъ употреблю одинъ, и останусь навсегда рабой сеньёра Солорсано.

Брихида.

Я переломлюсь, танцуя на сегодняшнемъ вечерѣ.

Альгвасилъ.

Вы поступили, какъ благородный и добрый кавалеръ, который считаетъ своей обязанностью служить женщинамъ.

Солорсано.

Пожалуйте десять скуди, которыя я вамъ далъ лишку.

Кристина.

Вотъ они, а вотъ шесть сеньёру альгвасилу.

Входятъ: ДВА МУЗЫКАНТА *и* КИНЬОНЕСЪ БИСКАЕЦЪ.

Музыканты.

Мы все слышали, и вотъ мы здѣсь.

Киньонесъ.

Теперь и я могу сказать моей сеньёрѣ Кристинѣ, что и она на манку идетъ.

Брихида.

Да гдѣ же это видано, чтобъ Бискаецъ такъ чисто говорилъ по-испански?

Киньонесъ.

Я только тогда говорю нечисто, когда захочу.

Кристина.

Я позволю убить себя, если не они, не эти мошенники устроили со мной эту штуку.

Киньонесъ.

Сеньёры-музыканты, исполните романсъ, который я вамъ далъ! Вы знаете, къ чему онъ клонитъ?

Музыканты (*поютъ*).

Женщины съ умомъ бываютъ.
Но, не менѣе того,
Все же очень мало знаютъ
Или вовсе ничего.
Тѣ, которыя умѣютъ
Въ оживленномъ разговорѣ
Подбирать на диво фразы,
Тѣ, что наизусть читаютъ
И Лофраса и Діану.

Или кавалера Феба
И Лауру Оливанте,
Тѣ, что каждую недѣлю
Кавалера Донъ-Кихота
Знаменитаго читаютъ,
Все жъ, не менѣе того,
Очень, очень мало знаютъ,
Или вовсе ничего.
Тѣ, что вѣрятъ слѣпо въ умъ свой,
Полный замысловъ лукавыхъ,
Похотливыхъ и корыстныхъ.
Тѣ, которыя нерѣдко
Забываютъ осторожность
И бросаются на шею
Первымъ встрѣчнымъ безъ разбора,
Тѣ, которыя гордятся
Деликатнымъ обхожденьемъ
И себя за совершенство
Въ обращеніи считаютъ,
Все жъ, не менѣе того,
Очень, очень мало знаютъ,
Или вовсе ничего.

Кристина.

Ну, хорошо, я признаюсь, я обманута, и все-таки я приглашаю васъ сегодня на вечеръ.

Киньонесъ.

Принимаемъ приглашеніе, и пойдетъ у насъ пиръ горой.

III.

БДИТЕЛЬНЫЙ СТРАЖЪ.

(LA GUARDA CUIDADOSA.)

ЛИЦА:

Солдатъ.
Пасильясъ — сакристанъ. *)
Грахалесъ — другой сакристанъ. **)
Андресъ — парень съ кружкой для сбора на икону.
Мануель — другой парень, торгующій въ разносъ полотномъ, кружевами и пр.
Башмачникъ.
Кристина — судомойка.
Хозяинъ Кристины.
Хозяйка.
Музыканты.

Улица.

Входятъ: Солдатъ, *отважной похадкой, въ рваной перевязи и въ очкахъ; за нимъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи, плохенькій* Сакристанъ.

Солдатъ.

Что тебѣ нужно, пустой призракъ?

---

*) Пасильясъ, собственно, не сакристанъ, а подсакристанъ,—sota-sacristan (обязанность ихъ была звонить и убирать церковь), — по-нашему попомарь. *Прим. перев.*

**) Сакристанъ — то же, что дьячокъ. *Прим. перев.*

Сакристанъ.

Я не пустой призракъ, я твердое тѣло.

Солдатъ.

Да, но всетаки я заклинаю тебя всѣмъ моимъ злополучіемъ, скажи: кто ты и чего ищешь въ этой улицѣ?

Сакристанъ.

Со всѣмъ моимъ благополучіемъ отвѣчаю тебѣ: я Лоренсо Пасильясъ, подсакристанъ этого прихода, и ищу того, что я-то найду, и чего ты тоже ищешь, да не находишь.

Солдатъ.

Ты, чего добраго, не Кристиночку ли ищешь, судомойку изъ этого дома?

Сакристанъ.

Tu dixisti.

Солдатъ.

Ну, такъ поди сюда, валетъ *) сатаны!

Сакристанъ.

Ну, такъ я здѣсь останусь, мнѣ и тутъ хорошо, кислая пиковая дама.

Солдатъ.

Прекрасно: валетъ и дама! недостаетъ туза; но ты скоро его получишь. Поди сюда, еще разъ говорю я тебѣ. А знаешь ли ты, Пасильясъ, рожонъ тебѣ въ горло, что Кристина мой предметъ.

Сакристанъ.

А знаешь ли ты, улитка въ человѣчьемъ платьѣ, что этотъ твой предметъ я выручилъ и закрѣпилъ за себя, и что онъ мой по всѣмъ правамъ и законамъ.

Солдатъ.

Нѣтъ, какъ Богъ святъ, я тысячу разъ пырну тебя шпагой и исполосую твою голову въ клочки.

Сакристанъ.

Съ тебя довольно и тѣхъ клочковъ, которые у тебя на штанахъ и на колетѣ; а голову мою ужъ оставь въ покоѣ!

---

*) Тутъ игра словъ. Пасильясъ sota-sacristan. — слово *sota* по-испански значитъ: и подъ (предлогъ), и валетъ. Пасильясъ называетъ солдата *caballo*, а это слово значитъ: и лошадь, и дама въ картахъ.

Солдатъ.

Да ты разговаривалъ когда-нибудь съ Кристиной?

Сакристанъ.

Всегда, когда только мнѣ угодно.

Солдатъ.

Давалъ ей подарки?

Сакристанъ.

Много.

Солдатъ.

Сколько и какіе?

Сакристанъ.

Я подарилъ ей коробочку изъ-подъ айвы, очень большую, полнехоньку просвирныхъ обрѣзковъ, бѣлыхъ какъ снѣгъ, и на придачу четыре восковыхъ огарка, тоже бѣлыхъ, какъ горностай.

Солдатъ.

А еще что?

Сакристанъ.

А еще письмо со вложеніемъ ста тысячъ... желаній служить ей.

Солдатъ.

И что-жъ она тебѣ отвѣчала?

Сакристанъ.

Обнадеживаетъ, что скоро моей женой будетъ.

Солдатъ.

Какъ, развѣ ты еще не постриженъ?

Сакристанъ.

Нѣтъ, я послушникъ и могу жениться, какъ и когда мнѣ въ голову придетъ, что ты и увидишь очень скоро.

Солдатъ.

Поди сюда, трёпаный послушникъ, отвѣчай мнѣ на то, что я у тебя буду спрашивать! Если ужъ тебѣ эта дѣвушка такъ превосходно отвѣчала, чему я не совсѣмъ вѣрю, на твои жалкіе подарки, какъ же она отвѣтитъ на мои великолѣпные? Я ей послалъ недавно любовное письмо, написанное, ни больше, ни меньше, какъ на оборотѣ меморіала, гдѣ я изложилъ свои заслуги и настоящую бѣдность, который я подавалъ его величеству; потому что солдату не стыдно признаться, что онъ бѣденъ. Мемо-

ріалъ этотъ ужъ утвержденъ, о чемъ и сообщено главному раздавателю милостыни; и однакожъ я, нисколько не жалѣя и не думая о томъ, что это, безъ сомнѣнія, будетъ мнѣ стоить отъ 4-хъ до 6-ти реаловъ, съ невѣроятнымъ благородствомъ и замѣчательной свободой написалъ на оборотѣ его, какъ я ужъ говорилъ тебѣ, свое письмо; и изъ грѣшныхъ моихъ рукъ перешло оно въ ея почти святыя руки.

Сакристанъ.

Еще что-нибудь посылалъ ты ей?

Солдатъ.

Вздохи, слезы, рыданія, пароксизмы, обмороки и всякія необходимыя демонстраціи, къ которымъ прибѣгаютъ добрые любовники, чтобы открыть свою страсть, и которыми они пользуются и должны пользоваться во всякое время и при всякомъ удобномъ случаѣ.

Сакристанъ.

А серенады ты ей давалъ?

Солдатъ.

Да, изъ моихъ аховъ и оховъ, изъ моихъ жалобъ и стоновъ.

Сакристанъ.

А я такъ даю ей серенаду колоколами при всякомъ случаѣ и такую продолжительную, что надоѣлъ всѣмъ сосѣдямъ постояннымъ звономъ; и это я дѣлаю единственно для того, чтобы доставить ей удовольствіе и чтобъ она чувствовала, что я оттуда, съ колокольни, заявляю, что всегда готовъ къ ея услугамъ. Хотя мое дѣло звонить по покойникамъ, но я звоню ужъ и къ праздничнымъ вечернямъ.

Солдатъ.

Въ этомъ ты имѣешь преимущество передо мной: мнѣ звонить не во что.

Сакристанъ.

И чѣмъ же отвѣчала тебѣ Кристина на твое безконечное ухаживанье за ней?

Солдатъ.

Тѣмъ, что она ни видѣть, ни слушать меня не хочетъ, что проклинаетъ, какъ только я покажусь на этой улицѣ, что обливаетъ меня мыльной водой, когда стираетъ и помоями, когда

моетъ посуду,—и это каждый день, потому что каждый день я на этой улицѣ стою у ея дверей: потому что я ея бдительный стражъ; наконецъ, потому что я собака на сѣнѣ и прочее. Самъ я не пользуюсь и не дамъ пользоваться никому, пока живъ. Поэтому убирайся отсюда, сеньёръ-пономарь; а то какъ бы я, вопреки уваженію, которое имѣлъ и имѣю къ вашему сану, не раскроилъ тебѣ черепа.

Сакристанъ.

Да, если ты раскроишь такъ, какъ раскроилось твое платье, такъ хоть брось.

Солдатъ.

Что платье! Попа и въ рогожѣ знаютъ. Солдатъ, оборванный на войнѣ, такой же чести заслуживаетъ, какъ и ученый въ истрепанной мантіи, потому что она свидѣтельствуетъ о давности его ученыхъ занятій. Ты смотри, какъ бы я не исполнилъ того, что посулилъ тебѣ!

Сакристанъ.

Не оттого ли ты храбришься-то, что я безъ оружія? Такъ подожди тутъ, сеньёръ бдительный стражъ, и ты увидишь, кто изъ насъ герой-то.

Солдатъ.

Такъ неужто Пасильясъ?

Сакристанъ.

Слѣпой сказалъ: посмотримъ! (*Уходитъ.*)

Солдатъ.

О, женщины, женщины! Всѣ вы или большею частію перемѣнчивы и капризны. И ты, Кристина, оставила меня, цвѣтъ и цвѣтникъ солдатства, и сошлась съ этой сволочью полусакристаномъ, когда и полный-то сакристанъ и даже канонникъ тебѣ не пара! Но я постараюсь, чтобы тебѣ не удалось и, сколько могу, помѣшаю твоему удовольствію, гоняя съ этой улицы и отъ твоихъ дверей всякаго, кто мечтаетъ о возможности, какимъ бы то ни было образомъ, сдѣлаться твоимъ любовникомъ. Я добьюсь того, что заслужу имя бдительнаго стража.

Входитъ Парень *съ кружкой и въ зеленомъ платьѣ, какъ обыкновенно ходятъ сборщики подаяній для иконъ.*

Парень.

Подайте, ради Господа, на лампаду на масло святой Люсіи, и сохранитъ она зрѣніе очей вашихъ. Эй, хозяйка! Подадите милостыню?

Солдатъ.

Эй, другъ, святая Люсія, подите сюда! Что вамъ нужно въ этомъ домѣ?

Парень.

Развѣ вы, ваша милость, не видите? Милостыню на лампаду на масло святой Люсіи.

Солдатъ.

Да вы просите на лампаду, или на масло для лампады? Вы говорите: „милостыню на лампаду на масло“; и выходитъ, какъ будто вы просите на масляную лампаду, а не на лампадное масло.

Парень.

Да ужъ это всякому понятно, что я прошу на масло для лампады, а не на масляную лампаду.

Солдатъ.

И вамъ всегда подаютъ здѣсь?

Парень.

Каждый день по два мараведи.

Солдатъ.

А кто выходитъ подавать?

Парень.

Да кто случится; но чаще всѣхъ выходитъ судомоечка, которую зовутъ Кристиной, хорошенькая, золотая дѣвушка.

Солдатъ.

Вотъ какъ: „судомоечка хорошенькая, золотая?“

Парень.

Жемчужная.

Солдатъ.

Такъ, значитъ, вамъ нравится эта дѣвочка?

Парень.

Да будь я хоть деревянный, и то она не можетъ мнѣ не понравиться.

Солдатъ.

Какъ ваше имя? Не все же мнѣ звать васъ святой Люсіей.

Парень.

Меня, сеньёръ, зовутъ Андрéсъ.

Солдатъ.

Ну, сеньёръ Андрéсъ, слушайте, что я скажу вамъ! Вотъ вамъ восемь мараведи; это ровно столько, сколько подадутъ вамъ въ четыре дня въ этомъ домѣ и что обыкновенно выноситъ вамъ Кристина; и ступайте съ Богомъ! Предупреждаю васъ, что четыре дня вы не должны показываться у этихъ дверей ни за что на свѣтѣ; иначе я переломаю вамъ пинками рёбра.

Парень.

Да я весь мѣсяцъ не приду, если только помнить буду. Не безпокойтесь, ваша милость, я ухожу. (*Уходитъ.*)

Солдатъ.

Не дремли, бдительный стражъ!

Входитъ другой Парень, *разнощикъ, торгующій полотномъ, нитками, тесемками и другимъ подобнымъ товаромъ.*

Разнощикъ (*кричитъ*).

Кому нужно тесемокъ, фландрскихъ кружевъ, полотна голландскаго, кембрейскаго, португальскихъ нитокъ?

Кристина (*изъ окна*).

Эй, Мануель! Есть вышитые воротники для рубашекъ?

Разнощикъ.

Есть самые лучшіе.

Кристина.

Войди, моей сеньёрѣ ихъ нужно. (*Отходитъ отъ окна.*)

Солдатъ.

О, звѣзда моей погибели, а прежде путеводная полярная звѣзда моей надежды! Эй, тесемки, или какъ васъ тамъ зовутъ! Вы знаете эту дѣвушку, которая васъ кликала изъ окна?

Разнощикъ.

Знаю; но зачѣмъ вы меня объ этомъ спрашиваете?

Солдатъ.

Не правда ли, что у ней очень хорошенькое личико и что она очень мила?

Разнощикъ.

Да, и мнѣ тоже кажется.

Солдатъ.

Ну, а мнѣ тоже кажется, что вы не войдете въ этотъ домъ; иначе, клянусь Богомъ, я разобью вамъ зубы, такъ что ни одного живаго не останется.

Разнощикъ.

Какъ же мнѣ нейти туда, куда меня зовутъ? вѣдь я торгую.

Солдатъ.

Убирайся, не возражай мнѣ! А то будетъ сдѣлано то, что тебѣ сказано, и сейчасъ же.

Разнощикъ.

Вотъ какое ужасное происшествіе! Успокойтесь, сеньёръ-солдатъ, я ухожу. (*Уходитъ.*)

Кристина (*изъ окна*).

Что-жъ ты нейдешь, Мануель?

Солдатъ.

Мануель бѣжалъ, владычица воротниковъ и всякихъ петель, живыхъ и мертвыхъ, которыя на шею надѣваются; потому что ты имѣешь власть надѣвать ихъ и затягивать.

Кристина.

Боже! Что за постылое животное! Чего еще тебѣ нужно въ этой улицѣ и у нашей двери? (*Скрывается.*)

Солдатъ.

Померкло мое солнце и скрылось за облака.

Входитъ Башмачникъ. *въ рукахъ пара новыхъ туфель; хочетъ войти въ домъ и встрѣчается съ солдатомъ.*

Солдатъ.

Добрый сеньёръ, вамъ нужно кого нибудь въ этомъ домѣ?

Башмачникъ.

Да, нужно.

Солдатъ.

А кого, если можно спросить?

Башмачникъ.

Отчего-жъ нельзя? Мнѣ нужно судомойку изъ этого дома; я принесъ ей туфли, которыя она заказывала.

Солдатъ.

Такъ, значитъ, вы ея башмачникъ?

Башмачникъ.

Да, я ужъ много разъ шилъ для нея.

Солдатъ.

Она примѣривать будетъ эти туфли?

Башмачникъ.

Не нужно; онѣ на мужскую ногу,—она всегда такія носитъ; такъ она ихъ прямо надѣнетъ.

Солдатъ.

Заплачено за нихъ или нѣтъ?

Башмачникъ.

Нѣтъ еще; да она сейчасъ заплатитъ.

Солдатъ.

Не сдѣлаете ли вы мнѣ милость, и очень большую для меня? Повѣрьте мнѣ эти туфли въ долгъ: я заплачу вамъ, что онѣ стоятъ, черезъ два дня, потому что я надѣюсь получить очень много денегъ.

Башмачникъ.

Конечно, повѣрю. Пожалуйте что нибудь въ залогъ: я бѣдный ремесленникъ и не могу вѣрить на слово.

Солдатъ.

Я дамъ вамъ зубочистку, которую цѣню очень высоко и не продамъ даже за скудо. Гдѣ ваша лавочка, чтобы мнѣ знать, куда принести деньги?

Башмачникъ.

На длинной улицѣ, у одного изъ столбовъ: а зовутъ меня Хуанъ Хункосъ.

Солдатъ.

Сеньёръ Хуанъ Хункосъ, вотъ вамъ зубочистка, цѣните ее дорого, потому что это вещь моя.

Башмачникъ.

Какъ, эту спичку, которая не стоитъ и двухъ мараведи? И вы хотите, чтобъ я цѣнилъ ее дорого?

Солдатъ.

Ахъ, Боже мой! Но вѣдь я вамъ даю ее только для собствен-

ной памяти; потому что, какъ только я руку въ карманъ и не найду тамъ спички, я вспомню, что она у васъ и сейчасъ пойду выкупать ее. Вѣрьте солдатскому слову, что ни за чѣмъ другимъ, а только за этимъ я и отдаю ее вамъ. Но если вамъ не довольно, такъ я прибавлю еще эту перевязь и эти очки: хорошій плательщикъ все можетъ отдать въ закладъ.

Башмачникъ.

Я хоть и башмачникъ, а человѣкъ учтивый и не осмѣлюсь лишить вашу милость вашихъ драгоцѣнностей. Пусть они ужъ останутся при васъ, а при мнѣ останутся мои туфли; такъ-то будетъ гораздо складнѣе.

Солдатъ.

Какой номеръ этихъ туфлей?

Башмачникъ.

Безъ малаго пять.

Солдатъ.

И я тоже безъ малаго человѣкъ, о туфли сердца моего! Потому что у меня нѣтъ шести реаловъ, чтобы заплатить за васъ. Послушайте, ваша милость, сеньёръ-башмачникъ; я хочу импровизировать на эту мысль, которая пришла мнѣ въ голову въ формѣ стиха: Туфли сердца моего!

Башмачникъ.

Ваша милость поэтъ?

Солдатъ.

Знаменитый; вотъ вы увидите. Будьте внимательны!

Туфли сердца моего.

А вотъ импровизація:

Мнѣ любовь моя—тиранство;
Ты не вѣришь въ постоянство
Чувствъ моихъ; но предо мной
Обувь ногъ твоихъ, и таю
И надежду вновь питаю
Обладать твоей рукой.
Эти грубыя корзины
Милыхъ ногъ моей Кристины
Мнѣ любезны до того,
Что, въ пылу очарованья,
Я придумалъ имъ названье
Туфлей сердца моего.

Башмачникъ.

Хоть я и мало смыслю въ поэзіи, но эти стихи такъ звучны, какъ будто ихъ написалъ Лопе. Ужъ у меня, что хорошо, или что кажется мнѣ хорошимъ, все это Лопе *).

Солдатъ.

Такъ какъ, сеньёръ, вы не считаете возможнымъ повѣрить мнѣ эти туфли въ долгъ, что не составило бы для васъ большой важности, особенно при тѣхъ пріятныхъ залогахъ, которыми я не подорожилъ, то, по крайней мѣрѣ, сдѣлайте одолженіе, побеpегите ихъ для меня два дня, я приду за ними. А теперь скажу я сеньёру-башмачнику, что, на этотъ разъ, онъ ни видѣть Кристину, ни говорить съ ней не будетъ.

Башмачникъ.

Я исполню все, что́ приказываетъ мнѣ сеньёръ-солдатъ, потому что я вижу, на какую ногу онъ хромаетъ; онъ хромаетъ на обѣ: съ одной стороны нужда, а съ другой ревность.

Солдатъ.

Ну, ужъ это не башмачницкаго ума дѣло; чтобы судить о такихъ предметахъ, надо имѣть классическое образованіе.

Башмачникъ.

О ревность, ревность! А лучше-то сказать: ахъ бѣдность, бѣдность! (*Уходитъ.*)

Солдатъ.

Если не будешь смотрѣть зорко, бдительный стражъ, такъ увидишь, какъ заберутся чужія мухи въ тотъ улей, гдѣ твой мёдъ. Но что это за звуки? О, безъ сомнѣнія, это моя Кристина разгоняетъ пѣніемъ тоску, когда чиститъ или скребетъ что нибудь. (*Слышно пѣніе за сценой подъ звонъ перемываемой посуды:*)

«Я твоя, мой пономарь, ты такъ и знай,
И на клиросѣ покойно попѣвай!»

Солдатъ.

Уши мои, что вы слышите! Теперь ужъ нѣтъ сомнѣнья: пономарь другъ души ея! О судомойка, самая чистая изъ всѣхъ, какія были, есть и будутъ въ календарѣ судомоекъ! Ты такъ чистишь этотъ фаянсъ, что, пройдя черезъ твои руки, онъ воз-

*) Сервантесъ позволялъ себѣ иногда легкую иронію на счетъ Лопе де Вега. Какъ умнѣйшій человѣкъ своего вѣка, отлично знающій Испанію во всѣхъ отношеніяхъ и какъ истинный реалистъ, Сервантесъ не могъ не чувствовать напыщенности и далекой отъ правды идеальности произведеній Лопе де Вега.

вращается полированнымъ и блестящимъ серебромъ; отчего же ты не вычистишь души твоей отъ низкихъ и пономарскихъ помысловъ?

Входитъ хозяинъ Кристины.

Хозяинъ.

Кавалеръ, чего вы желаете и что ищете у этой двери?

Солдатъ.

Желаю-то я того, чего лучше требовать нельзя; а ищу того, чего не нахожу. Но кто же вы сами, ваша милость, что изволите спрашивать меня объ этомъ?

Хозяинъ.

Я хозяинъ этого дома.

Солдатъ.

Господинъ Кристиночки?

Хозяинъ.

Я самый.

Солдатъ.

Въ такомъ случаѣ, пожалуйте сюда, ваша милость, извольте взять этотъ свертокъ бумагъ! Тамъ вы найдете свидѣтельства о моей службѣ, двадцать-два удостовѣренія отъ двадцати-двухъ генераловъ, подъ знаменами которыхъ я служилъ, — не говоря уже о тридцати-четырехъ другихъ свидѣтельствахъ отъ столькихъ же полковниковъ, которыми они соизволили почтить меня.

Хозяинъ.

Но, какъ мнѣ извѣстно, столько генераловъ и полковниковъ въ испанской нѣхотѣ во сто лѣтъ не бывало.

Солдатъ.

Ваша милость человѣкъ мирный, гдѣ же вамъ, да вы и не обязаны много-то понимать въ военномъ дѣлѣ; бросьте взглядъ на эти бумаги — и вы увидите одного за другимъ всѣхъ генераловъ и полковниковъ, о которыхъ я говорилъ.

Хозяинъ.

Ну, положимъ, что я ихъ всѣхъ видѣлъ: но къ чему все это поведетъ?

Солдатъ.

А къ тому, чтобы вы получили довѣріе ко мнѣ и къ тѣмъ словамъ, которыя я вамъ скажу. А именно, что я назначенъ на первое вакантное мѣсто, которое можетъ открыться въ одномъ

изъ трехъ замковъ Неаполитанскаго королевства, то есть, въ Гаэту, Барлету и Рихобесъ.

Хозяинъ.

Все, что ваша милость до сихъ поръ разсказываете мнѣ, нисколько до меня не касается.

Солдатъ.

А я знаю, что, коли Богъ дастъ, это можетъ касаться и до вашей милости.

Хозяинъ.

Какимъ образомъ?

Солдатъ.

Вотъ какимъ! Я непремѣнно, развѣ ужъ Небу не будетъ угодно, получу назначеніе на одно изъ этихъ мѣстъ и сейчасъ же желаю жениться на Крестиночкѣ. А какъ только я буду ея мужемъ, ваша милость можете мною и моими весьма значительными доходами распоряжаться, какъ своею собственностью; потому что я не хочу остаться неблагодарнымъ противъ васъ за воспитаніе, которое вы дали моей желанной и возлюбленной супругѣ.

Хозяинъ.

У вашей милости чердакъ не въ порядкѣ.

Солдатъ.

А знаете ли вы, милый сеньёръ, что вы должны отпустить мнѣ Кристину сейчасъ, сію минуту, или вы не переступите порога вашего дома.

Хозяинъ.

Это что еще за глупости! Да кто-жъ въ состояніи запретить мнѣ войти въ мой домъ?

Входятъ: подсакристанъ Пасильясъ, *въ рукахъ крышка отъ кадки и перержавленная шпага; за нимъ другой сакристанъ въ каскѣ и съ палкой, на концѣ которой привязанъ лисій хвостъ.*

Сакристанъ.

Ну, другъ Грахалесъ, вотъ онъ, возмутитель моего спокойствія!

Грахалесъ.

Жаль, что у меня оружіе-то плохое и довольно хрупкое; а

всетаки я приложу всяческое стараніе отправить его на тотъ свѣтъ.

Хозяинъ.

Постойте, господа! Что это за безобразіе и что за рожонъ у васъ?

Солдатъ.

Разбойники, вы по-предательски, цѣлой шайкой! Сакристаны-самозванцы, да я клянусь вамъ, что проколю васъ насквозь, хотя бы въ васъ сидѣло всякихъ правилъ больше, чѣмъ въ требникѣ. Ахъ, подлецъ! На меня-то съ лисьимъ хвостомъ! Что ты, за пьянаго меня выдать хочешь, или думаешь, что сметаешь пыль съ священнаго изваянія?

Грахалесъ.

Нѣтъ, я думаю, что сгоняю мухъ съ винной бочки.

(*У окна показываются* Кристина *и* ея хозяйка.)

Кристина.

Сеньёра, сеньёра, моего сеньёра убиваютъ! Больше двухъ тысячъ шпагъ противъ него, и блестятъ такъ, что у меня въ глазахъ темнѣетъ.

Хозяйка.

Да, ты правду говоришь, дитя мое. Боже, помоги ему! Святая Урсула и съ нею одиннадцать тысячъ дѣвъ защитите его! Пойдемъ, Кристина, сбѣжимъ внизъ и будемъ помогать ему, какъ только можемъ.

Хозяинъ.

Заклинаю васъ вашей жизнью, кавалеры, остановитесь и замѣтьте, что не хорошо нападать обманомъ на кого бы то ни было.

Солдатъ.

Эй ты, лисій хвостъ и ты, кадочная крышка, не разбудите моего гнѣва! Потому что, если вы его разбудите, я васъ убью, я васъ съѣмъ, я васъ закину черезъ ворота за пять верстъ дальше ада!

Хозяинъ.

Остановитесь, говорю! или, ей Богу, я выду изъ терпѣнія, и тогда ужъ кой-кому плохо будетъ.

Солдатъ.

Я остановился, потому что уважаю тебя ради святыни, которая находится въ твоемъ домѣ.

Сакристанъ.

Хоть бы эта святыня даже чудеса творила, на этотъ разъ она тебѣ не поможетъ.

Солдатъ.

Видано ли что нибудь безстыднѣе этого негодяя! Онъ идетъ на меня съ лисьимъ хвостомъ, на меня, когда я не побоялся и не ужаснулся громовыхъ выстрѣловъ большой пушки Діо, которая находится въ Лиссабонѣ.

Входятъ Кристина *и* ея хозяйка.

Хозяйка.

Ахъ, мужъ мой! Не раненъ ли ты, сохрани Богъ, радость моя?

Кристина.

Ахъ я несчастная! Клянусь жизнью моего отца, всю эту ссору подняли мой сакристанъ съ моимъ солдатомъ.

Солдатъ.

Все-таки хорошо; я съ пономаремъ на одномъ счету, она сейчасъ сказала: „мой солдатъ“.

Хозяинъ.

Я не раненъ, сеньёра; но знайте, что вся эта ссора за Кристиночку.

Хозяйка.

Какъ за Кристиночку?

Хозяинъ.

Сколько я понимаю, эти кавалеры ревнуютъ ее другъ къ другу.

Хозяйка.

Правда это, дѣвушка?

Кристина.

Да, сеньёра.

Хозяйка.

Смотрите, она, нисколько не стыдясь, признается. Кто нибудь изъ нихъ тебя обезчестилъ?

Кристина.

Да, сеньёра.

Хозяйка.

Кто же?

Кристина.

Меня обезчестилъ сакристанъ тогда, какъ я танцовать ходила.

Хозяйка.

Сколько разъ говорила я вамъ, сеньёръ, что не надо пускать эту дѣвчонку изъ дому, что она ужъ на возрастѣ, и мы не должны ее съ глазъ спускать. Что теперь скажетъ ея отецъ, который сдалъ намъ ее безъ пылинки и безъ пятнышка? Куда же, предательница, онъ заманилъ тебя?

Кристина.

Да никуда, середи улицы.

Хозяйка.

Какъ середи улицы?

Кристина.

Тамъ, середи Толедской улицы, онъ, передъ Богомъ и всѣми добрыми людьми, назвалъ меня неряхой и безчестной, безстыдницей и безтолковой и всякими другими обидными словами, подобными, и все оттого, что ревнуетъ меня къ этому солдату.

Хозяинъ.

А еще ничего между вами не было, кромѣ этого безчестья, которое онъ сдѣлалъ тебѣ на улицѣ?

Кристина.

Конечно, нѣтъ, потому что сейчасъ у него сердце и прошло.

Хозяйка.

Ну, теперь душа у меня опять дома, а то было ушла въ пятки.

Кристина.

И вотъ еще: все, что онъ мнѣ говорилъ, онъ подтвердилъ въ этой запискѣ, гдѣ обязался взять меня замужъ. Я ее берегу, какъ золото, въ оберточкѣ.

Хозяинъ.

Покажи, посмотримъ!

Хозяйка.

Прочтите громко, мой другъ!

Хозяинъ.

Писано вотъ что: „Я, Лоренсо Пасильясъ, подсакристанъ здѣшняго прихода, говорю, что люблю и очень люблю сеньёру

Кристину Паррасесъ; въ удостовѣреніе этой истины даю ей эту записку, утвержденную моимъ подписомъ. Дано въ Мадритѣ, на монастырѣ церкви св. Андрея, 6-го мая, сего 1611-го года. Свидѣтели: мое сердце, мой умъ, моя воля и моя память. Лоренсо Пасильясъ". Отличный способъ давать брачныя обязательства!

Сакристанъ.

Въ словахъ, что я люблю ее, заключается все, что она желала отъ меня; потому что, кто отдаетъ волю, тотъ отдаетъ все.

Хозяинъ.

Такъ что, если она пожелаетъ, вы женитесь на ней?

Сакристанъ.

Съ величайшей охотой, хотя я уже и потерялъ надежду получить три тысячи мараведи дохода, которыя хотѣла мнѣ отказать моя бабушка, какъ мнѣ пишутъ съ родины.

Солдатъ.

Если отдать свою волю что нибудь значитъ, то ужъ тридцать-девять дней тому назадъ, при входѣ на Сеговійскій мостъ, я отдалъ Кристинѣ мою волю со всѣми моими душевными способностями. И если она пожелаетъ быть моей женой, то пойметъ разницу между кастеляномъ могущественнаго замка и не полнымъ пономаремъ, а только половиннымъ, да и въ половинѣ-то кой-чего нехватаетъ.

Хозяинъ.

Желаешь выдти замужъ, Кристиночка?

Кристина.

Да, желаю.

Хозяинъ.

Вотъ передъ тобой двое; выбирай, кто изъ нихъ тебѣ больше нравится.

Кристина.

Мнѣ стыдно.

Хозяйка.

Что за стыдъ! Кушанье и мужа надо выбирать по своему вкусу, а не по чужому указанію.

Кристина.

Вы меня воспитали, вы и выберите мнѣ мужа подходящаго; а и сама бы я тоже не прочь выбрать-то.

Солдатъ.

Дитя, взгляни на меня, посмотри, какъ я изященъ! Я солдатъ; думаю быть кастеляномъ; имѣю храброе сердце; я самый любезный человѣкъ въ мірѣ; и изъ каждой нитки этого худаго колета ты можешь намотать цѣлый клубокъ моего благородства.

Сакристанъ.

Кристина, я музыкантъ, хотя и колокольный; украсить гребницу, убрать церковь къ годовому празднику—въ этомъ ни одинъ сакристанъ не можетъ превзойти меня; эти обязанности я могу исполнять и женатый и тѣмъ доставлять себѣ княжеское пропитаніе.

Хозяинъ.

Ну, дѣвушка, выбирай изъ двухъ любаго; выберешь, такъ и я одобрю. Этимъ выборомъ ты помиришь двухъ храбрыхъ соперниковъ.

Солдатъ.

Я подчиняюсь ей.

Сакристанъ.

И я покоряюсь.

Кристина.

Ну, такъ я выбираю пономаря.

(*Входятъ музыканты.*)

Хозяинъ.

Позовите-ка этихъ молодцовъ моего сосѣда-цирюльника! Подъ звуки ихъ гитаръ и пѣсенъ мы пойдемъ праздновать помолвку, припѣвая и приплясывая. Сеньёръ-солдатъ будетъ моимъ гостемъ.

Солдатъ.

Принимаю.

Дали волю выбирать.
Что-жъ о правѣ толковать!

Музыкантъ.

Мы пришли какъ разъ во-время, и эти ваши стихи будутъ припѣвомъ къ нашей пѣснѣ.

Музыканты (*поютъ, обратясь къ сакристіану*).

Норовъ женскій одинаковъ:
Имъ всегда милѣй, что хуже.
Вкусъ у нихъ на это странный.
Имъ заслуги ни почемъ.
Храбрость въ маломъ уваженьи,
Въ уваженьи только деньги:
Пономарь для нихъ находка.
И не по сердцу солдатъ.
Что дивиться, что на церковь
Выборъ женскій упадаетъ?
И преступники вѣдь тоже
Тамъ убѣжище находятъ.
Дали волю выбирать,
Что-жъ о правѣ толковать.
(*Обращаясь къ солдату.*)
Какъ и слѣдуетъ солдату,
Одинокому и въ лѣтахъ,
Безъ копѣйки за душою.
Отставному инвалиду,
Онъ задумалъ, будто можетъ,
Точно древніе герои,
Силой взять, что я любовью
И смиреньемъ заслужилъ.
Брань твоя не оскорбляетъ;
Ты въ игрѣ остался съ носомъ,
Ты обиженъ; такъ ругайся,
Позволяю, не сержусь.
Дали волю выбирать,
Что-жъ о правѣ толковать.
(*Уходятъ всѣ съ пѣснями и пляской.*)

IV.

РЕВНИВЫЙ СТАРИКЪ.

ЛИЦА:

Каньисаресъ—старикъ.
Лоренса, жена его.
Ортигоса—сосѣдка.
Кристина, служанка Лоренсы, ея племянница. *)
Кумъ Каньисареса.
Альгвасилъ.
Музыканты и плясунъ.
Молодой человѣкъ (безъ рѣчей).

СЦЕНА I.

Комната.

Входятъ: донья Лоренса, Кристина и Ортигоса.

Лоренса.

Это чудо, сеньёра Ортигоса, что онъ не заперъ дверь; онъ моя скорбь, мое иго, мое отчаяніе! Вѣдь это въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ я вышла замужъ, я говорю съ посторонними. О, какъ бы я желала, чтобъ онъ провалился не только изъ дому, но и со свѣту бѣлаго, и онъ, и тотъ, кто меня выдалъ замужъ!

---

*) Обычай брать въ услуженіе племянницъ и другихъ родственниковъ водится и у насъ въ средѣ мелкаго купечества. *Прим. пер.*

Ортигоса.

Ну, сеньёра моя, донья Лоренса, не печальтесь ужъ очень. Вмѣсто стараго горшка можно новый купить.

Лоренса.

Да, вотъ такими-то и другими подобными пословицами и прибаутками меня и обманули. Будьте вы прокляты его деньги, исключая крестовъ, *) будьте вы прокляты его драгоцѣнности, будьте вы прокляты наряды, и будь проклято все, что онъ мнѣ дарилъ и обѣщалъ! На что мнѣ все это, коли я среди роскоши бѣдна и при всемъ изобиліи голодна?

Кристина.

Вотъ правда, сеньёра-тётя, справедливо ты разсуждаешь. Я лучше соглашусь ходить въ тряпкахъ, одну повѣсить сзади, другую спереди, только-бъ имѣть молодаго мужа, чѣмъ погрязнуть съ такимъ гнилымъ старикомъ, за какого ты вышла.

Лоренса.

Я вышла? что ты, племянница! Меня выдали, ей Богу, выдали; а я, какъ скромная дѣвчонка, лучше умѣла покоряться, чѣмъ спорить. Если-бъ тогда я была такъ опытна въ этихъ вещахъ, какъ теперь, я-бъ лучше перекусила себѣ языкъ пополамъ, чѣмъ сказала это „да“. Скажешь только двѣ буквы, а плачь потомъ двѣ тысячи лѣтъ изъ-за нихъ. Но ужъ я такъ думаю: чему быть, тому не миновать; и ужъ чему надо случиться, такъ ни предупредить, ни отвратить этого нѣтъ никакой человѣческой возможности.

Кристина.

Боже мой, какой дрянной старикъ! Всю-то ночь двигаетъ подъ кроватью эту посуду. „Вставай, Кристина, погрѣй мнѣ простыню, я иззябъ до смерти; подай мнѣ тростникъ, меня камень давитъ.“ Мазей да лѣкарствъ у насъ въ комнатѣ столько же, какъ въ аптекѣ. У меня и одѣться-то нѣтъ времени, а я еще служи ему сидѣлкой. Тьфу, тьфу, тьфу, поношенный старикашка! Грыжа ревнивая! да еще какой ревнивый-то, какихъ въ свѣтѣ нѣтъ!

Лоренса.

Правда, племянница, правда.

Кристина.

Помилуй Богъ, чтобъ я солгала когда!

*) Которые на нихъ изображены. Испанскіе талеры и по-русски назывались: крестовики. *Прим. перев.*

Ортигоса.

Ну, такъ, сеньёра донья Лоренса, сдѣлайте то, что̀ я вамъ говорила—и увидите, какъ это будетъ хорошо. Молодой человѣкъ свѣжъ, какъ подорожникъ; очень любитъ васъ, умѣетъ молчать и быть благодарнымъ за то, что̀ для него дѣлаютъ. А такъ какъ ревность и подозрительность старика намъ долго разговаривать не позволяютъ, то будьте рѣшительнѣе и смѣлѣй; и я тѣмъ самымъ порядкомъ, какъ мы придумали, проведу любезнаго къ вамъ въ комнату и опять уведу, хотя бы у старика было глазъ больше, чѣмъ у Аргуса, и пусть онъ, какъ Сагòри, видитъ на семь саженъ въ землю.

Лоренса.

Для меня это вновѣ, и потому я робка и не хочу изъ-за удовольствія рисковать своей честью.

Кристина.

Сеньёра-тётенька, это вѣдь похоже на пѣсенку про Гомеса Аріаса:

Сеньёръ Гомесъ Аріасъ,
Сжальтесь надо мной,
Надъ невинной крошечкой,
Дѣвкой молодой!

Лоренса.

Вѣдь это въ тебѣ нечистый говоритъ, племянница, коли разобрать твои слова.

Кристина.

Не знаю, кто во мнѣ говоритъ, только знаю, что, какъ сеньёра Ортигоса разсказываетъ, я все бы это сдѣлала точь-въ-точь.

Лоренса.

А честь, племянница?

Кристина.

А удовольствія, тётенька?

Лоренса.

А если узнаютъ?

Кристина.

А если не узнаютъ?

Лоренса.

А кто мнѣ порукой, что все это не будетъ извѣстно?

Ортигоса.

Кто порукой? Наше стараніе, умъ, ловкость, а больше всего смѣлость и мои выдумки.

Кристина.

Ну, сеньёра Ортигоса, приведите къ намъ любовника, чистенькаго, развязнаго, даже немножко и дерзкаго, и пуще всего, молодаго.

Ортигоса.

Все это есть въ немъ, про кого я говорю то, да еще и другія два качества: богатъ и щедръ.

Лоренса.

Я не ищу богатства, сеньёра Ортигоса: у меня пропасть драгоцѣнныхъ вещей, и ужъ я совсѣмъ запуталась въ разныхъ цвѣтныхъ платьяхъ, которыхъ у меня множество; въ этомъ отношеніи мнѣ и желать бо́льше нечего. Дай Богъ здоровья Каньисаресу, онъ меня рядитъ въ платья, какъ куклу, а въ драгоцѣнности, какъ витрину у богатаго брилліантщика. Вотъ если-бъ онъ не забивалъ оконъ, не запиралъ дверей, не осматривалъ поминутно весь домъ, не изгонялъ котовъ и собакъ за то, что носятъ мужскія клички; еслибъ онъ не дѣлалъ этого и разныхъ другихъ штукъ, и въ сказкахъ неслыханныхъ, я бы охотно отдала ему назадъ его подарки и деньги.

Ортигоса.

Неужели онъ такъ ревнивъ?

Лоренса.

Я вамъ лучше скажу: онъ недавно продалъ очень дорогой коверъ, потому что на немъ были вышиты мужскія фигуры, и купилъ другой съ деревьями, заплатилъ дороже, хотя онъ хуже. Прежде чѣмъ войти въ мою комнату, надо пройти семь дверей, исключая наружной, и всѣ запираются на ключъ, а ключи,—я до сихъ поръ не могу догадаться, куда онъ ихъ прячетъ на ночь.

Кристина.

Тётенька, я думаю, что онъ прячетъ ихъ подъ рубашку.

Лоренса.

Не думай, племянница; я сплю съ нимъ вмѣстѣ и знаю, что при немъ нѣтъ ключей.

Кристина.

Да еще всю ночь ходитъ, какъ домовой, по всему дому; и

если случайно услышитъ музыку на улицѣ, бросаетъ камнями, чтобы уходили. Онъ злой, онъ колдунъ, онъ старый! больше нечего и сказать о немъ.

Лоренса.

Сеньёра Ортигоса, смотрите, брюзга скоро воротится домой, онъ можетъ васъ застать—и все пропало. А что онъ захочетъ сдѣлать, такъ дѣлаетъ скоро; и все это мнѣ такъ опротивѣло, что остается только надѣть петлю на шею, чтобъ избавиться отъ такой жизни.

Ортигоса.

А вотъ, можетъ быть, какъ начнется для васъ новая жизнь, эти дурныя мысли и пройдутъ, и придутъ другія, болѣе здравыя и болѣе пріятныя для васъ.

Кристина.

Такъ и будетъ; я за это готова дать себѣ палецъ на рукѣ отрубить. Я очень люблю сеньёру-тётеньку, и мнѣ до смерти жаль видѣть её такой задумчивой и скучной и подъ властью такого стараго и перестараго, и хуже, чѣмъ стараго; я никакъ досыта не наговорюсь, что онъ старый, старый...

Лоренса.

Однако онъ тебя любитъ, Кристина.

Кристина.

Оттого, что старый. Я часто слыхала, что старики всегда любятъ молоденькихъ дѣвочекъ.

Ортигоса.

Это правда, Кристина. Ну, прощайте; я хочу вернуться домой къ обѣду. Держите на умѣ то, о чемъ мы уговорились, вы увидите, какъ мы обдѣлаемъ это дѣло.

Кристина.

Сеньёра Ортигоса, сдѣлайте милость, приведите мнѣ какого нибудь школьника-мальчёнка, чтобы и мнѣ какая нибудь забава была.

Ортигоса.

Я этому ребенку рисованаго доставлю.

Кристина.

Не хочу я рисованаго, мнѣ живаго, живаго, бѣленькаго, хорошенькаго, какъ жемчужинка!

Лоренса.

А если его дядя увидитъ?

Кристина.

Я скажу, что это домовой, дядя испугается, а мнѣ будетъ весело.

Ортигоса.

Хорошо, я приведу; и прощайте. (*Уходитъ.*)

Кристина.

Вотъ что, тётенька, если Ортигоса приведетъ любовника, а мнѣ школьника, и сеньёръ ихъ увидитъ, намъ ужъ больше нечего дѣлать, какъ схватить его всѣмъ, задушить и бросить въ колодезь, или похоронить въ конюшнѣ.

Лоренса.

А вѣдь ты, пожалуй, готова и сдѣлать то, что говоришь.

Кристина.

Такъ не ревнуй онъ и оставь насъ въ покоѣ! Мы ему ничего дурнаго не сдѣлали и живемъ какъ святыя. (*Уходятъ.*)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Улица.

Входятъ: Каньисаресъ-старикъ *и* его Кумъ.

Каньисаресъ.

Сеньёръ-кумъ, сеньёръ-кумъ, если семидесятилѣтній женится на пятнадцатилѣтней, такъ онъ или разумъ потерялъ, или имѣетъ желаніе какъ можно скорѣе отправиться на тотъ свѣтъ. Я думалъ, что донья Лоренсика будетъ мнѣ подругой и утѣшеніемъ, будетъ сидѣть у моей постели и закроетъ мнѣ глаза, когда я умирать буду; но едва я успѣлъ жениться на ней, какъ стала меня одолѣвать тоска да безпокойство всякое. Было хозяйство, такъ хозяйку захотѣлъ; мало было горя, такъ прибавилъ.

Кумъ.

Была, кумъ, ошибка, но небольшая; потому что, по словамъ апостола, лучше жениться, чѣмъ страстями распаляться.

Каньисаресъ.

Гдѣ ужъ мнѣ распаляться! Каждая малая вспышка обратитъ меня въ пепелъ. Я желалъ подруги, искалъ подругу, и нашелъ подругу; но упаси Господи отъ такой подруги, какова она!

Кумъ.

Вы ревнуете жену, сеньёръ-кумъ?

Каньисаресъ.

Къ солнцу, которое на нее смотритъ, къ воздуху, который ее касается, къ юбкамъ, которыя бьются объ нее.

Кумъ.

Подала она поводъ?

Каньисаресъ.

Ни малѣйшаго, да и не можетъ ничѣмъ, никакъ, никогда и нигдѣ; окна не только заперты, но закрыты занавѣсками и ставнями; двери не отпираются никогда; ни одна сосѣдка не переступаетъ моего порога и никогда не переступитъ, пока я, благодаря Бога, живъ. Кумъ, дурное приходитъ въ голову женщинамъ не на юбилеяхъ, не на процессіяхъ или другихъ народныхъ увеселеніяхъ; гдѣ онѣ портятся, гдѣ онѣ извращаются и гдѣ сбиваются съ пути, такъ это у своихъ сосѣдокъ и пріятельницъ. Дурная подруга прикроетъ срамныхъ дѣлъ больше, чѣмъ даже покровъ ночи. Связи начинаются и устраиваются болѣе у пріятельницъ, чѣмъ въ разныхъ собраніяхъ.

Кумъ.

Да, я то же думаю. Но если сеньёра донья Лоренса не выходитъ изъ дому и къ себѣ никого не принимаетъ, такъ объ чемъ же, кумъ, вамъ печалиться?

Каньисаресъ.

А о томъ, что недалеко то время, когда Лоренса догадается, чего ей недостаетъ. Это будетъ очень дурно, такъ дурно, что я и вздумать боюсь; а отъ боязни прихожу въ отчаяніе, и съ отчаяніемъ-то живу да маюсь.

Кумъ.

Да и есть причина вамъ бояться, потому что женщины желаютъ пользоваться вполнѣ тѣмъ, что имъ предоставляетъ супружество.

Каньисаресъ.

Моя болѣе другихъ чувствуетъ, что такое супружеская жизнь.

Кумъ.

Это тоже плохо, сеньёръ-кумъ.

Каньисаресъ.

Нѣтъ, нѣтъ, нисколько! потому что Лоренса проще голубя и до сихъ поръ ничего не понимаетъ въ этихъ глупостяхъ. Прощайте, сеньёръ-кумъ, я пойду домой.

Кумъ.

Я тоже хочу пойти съ вами, посмотрѣть на сеньёру Лоренсу.

Каньисаресъ.

Знайте, кумъ, что у древнихъ римлянъ была пословица: amicus usque ad aras. Это значитъ: другъ только до домашняго алтаря, то есть: надо дѣлать другъ для друга все, что не противно Богу. А я говорю, что у меня мой другъ usque ad portam,—только до двери; потому что никто не перешагнетъ моего порога. И прощайте, сеньёръ-кумъ, и извините меня. (*Уходитъ.*)

Кумъ.

Въ жизнь свою не видалъ человѣка болѣе подозрительнаго, болѣе ревниваго и болѣе грубаго. Онъ изъ тѣхъ людей, которые сами на себя цѣпи накладываютъ и которые всегда умираютъ отъ той болѣзни, которой боятся. (*Уходитъ.*)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Комната.

Входятъ: донья Лоренса *и* Кристина.

Кристина.

Тётенька, дядя что-то долго замѣшкался, а сеньёра Ортигоса еще дольше.

Лоренса.

Да ужъ лучше-бъ онъ и совсѣмъ не приходилъ, а она и подавно; онъ мнѣ надоѣлъ, а она меня въ стыдъ вводитъ.

Кристина.

Всетаки всякое дѣло надо прежде испробовать, сеньёра-тётенька; ну, а не выйдетъ толку, можно и бросить.

Лоренса.

Ай, что ты, племянница! Ужъ въ этихъ дѣлахъ я или не знаю ничего, или знаю и скажу тебѣ, что вся и бѣда-то въ томъ, что попробуешь.

Кристина.

Надо правду сказать, сеньёра-тётенька, у васъ мало смѣлости; будь я на вашемъ мѣстѣ, да я бы никакихъ волковъ не побоялась.

Лоренса.

Въ другой разъ я тебѣ говорю и тысячу разъ еще скажу, что сатана въ тебя вселился, да и разговариваетъ. А вѣдь это сеньёръ! Какъ онъ вошелъ?

Кристина.

Онъ, должно быть, отперъ своимъ ключомъ.

Лоренса.

Ну его къ чорту съ его ключами! (*Входитъ Каньисаресъ.*)

Каньисаресъ.

Съ кѣмъ вы разговаривали, донья Лоренса?

Лоренса.

Съ Кристиной разговаривала.

Каньисаресъ.

Тото же, вы смотрите, донья Лоренса!

Лоренса.

Я говорю, что разговаривала съ Кристиной. Съ кѣмъ же мнѣ еще разговаривать? Развѣ есть съ кѣмъ?

Каньисаресъ.

Не желалъ бы я, чтобъ вы и сами съ собой разговаривали, это всегда ко вреду для меня.

Лоренса.

Не понимаю я этихъ вашихъ разглагольствованій, да и понимать не хочу. Дайте хоть сіесту *) мирно провести.

Каньисаресъ.

Да я даже и во время ночнаго бдѣнія не желаю воевать съ вами. Но кто это такъ сильно стучитъ въ дверь? Посмотри, Кристина, кто тамъ, и если нищій, такъ подай милостыню, и пусть идетъ дальше.

---

*) Отдыхъ въ полдень.

Кристина.

Кто тамъ?

Ортигоса *(за сценой).*

Это сосѣдка Ортигоса, сеньёра Кристина.

Каньисаресъ.

Ортигоса, да еще и сосѣдка? Сохрани Господи! Спроси, Кристина, чего ей нужно, и дай ей, но съ условіемъ, чтобъ не всходила на крыльцо.

Кристина.

Что вамъ угодно, сеньёра-сосѣдка?

Каньисаресъ.

Слово „сосѣдка“ меня возмущаетъ; называй ее по имени, Кристина.

Кристина.

Скажите, что вамъ нужно, сеньёра Ортигоса?

Ортигоса.

Я хочу попросить сеньёра Каньисареса объ одномъ дѣлѣ, которое касается моей чести, жизни и души.

Каньисаресъ.

Скажи, племянница, этой сеньёрѣ, что у меня есть дѣло, которое тоже касается всего этого и даже больше, и чтобы она поэтому не приходила сюда.

Лоренса.

Боже, вотъ дикій поступокъ! Развѣ васъ нѣтъ здѣсь, со мной? Что-жъ, меня съѣдятъ, что ли, глазами-то? или на воздухѣ унесутъ?

Каньисаресъ.

Ну, коли вы желаете, такъ пусть войдетъ, сто тысячъ ей чертей!

Кристина.

Войдите, сеньёра-сосѣдка!

Каньисаресъ.

Ахъ, роковое это слово для меня: сосѣдка! (*Входитъ Ортигоса: у нея въ рукахъ коверъ, на четырехъ углахъ котораго изображены Родамонтъ, Мандрикардо, Рухеро и Градасо; Родамонтъ изображенъ закутаннымъ въ плащъ.*)

Ортигоса.

Сеньёръ души моей, подвигнутая и возбужденная доброю славой о вашемъ великомъ милосердіи и многихъ благодѣяніяхъ, я осмѣлилась придти просить вашу милость оказать мнѣ такое одолженіе, милосердіе, помощь и благодѣяніе—купить у меня этотъ коверъ. Мой сынъ взятъ подъ стражу за то, что ранилъ цырюльника. Судъ приказалъ произвести хирургу осмотръ, а мнѣ нечѣмъ заплатить ему: послѣдствія могутъ быть опасныя и очень убыточныя, потому что мой сынъ парень отчаянный. Я хотѣла бы выкупить его изъ тюрьмы сегодня или завтра, если возможно. Работа хорошая, коверъ новый, и, при всемъ томъ, я отдамъ его за такую цѣну, какую ваша милость назначитъ, хоть и въ убытокъ. Сколько я въ свою жизнь вотъ такъ-то растеряла добра! Держите, сеньёра моя, развернемъ его, чтобы сеньёръ могъ видѣть, что въ моихъ словахъ нѣтъ обмана. Подымите выше, сеньёра. Посмотрите, какъ хороши коймы. А фигуры по угламъ совсѣмъ живыя. (*Когда поднимаютъ передъ Каньисаресомъ и показываютъ ему коверъ, входитъ молодой человѣкъ и пробирается во внутреннія комнаты.*)

Каньисаресъ.

О, это милый Родамонтъ! Что ему нужно въ моемъ домѣ, этому закутанному сеньёру? Еслибъ онъ зналъ, какъ я люблю эти подходы и прятанья, онъ бы ужаснулся.

Кристина.

Сеньёръ-дяденька, я ничего не знаю о закутанныхъ: и если кто вошелъ къ намъ въ домъ, такъ по волѣ сеньёры Ортигосы; а я, пусть чортъ меня возьметъ, если я словомъ или дѣломъ виновата въ томъ, что онъ вошелъ; говорю по совѣсти. Ужъ это будетъ чортъ знаетъ что такое, если вы, сеньёръ-дядя, подумаете, что это я виновата въ томъ, что онъ пришелъ.

Каньисаресъ.

Да, я вижу, племянница, что виновата сеньёра Ортигоса. Я и не удивляюсь этому, потому что она не знаетъ ни моего характера, ни того, какъ я не люблю такихъ рисунковъ.

Лоренса.

О рисункахъ онъ говоритъ, племянница, а не о другомъ чемъ нибудь.

Кристина.

Да я про то же говорю. (*Про-себя.*) Ахъ, Господи помилуй! Опять душа на свое мѣсто стала, а то было въ пятки ушла.

Лоренса.

На кой чортъ мнѣ этотъ трехполѣнный верзила, да и къ тому же, поводись я съ этими ребятами, такъ...

Кристина (*про-себя*).

Ай, какъ неловко, въ какую бѣду влетѣть можно съ такими проказами!

Каньисаресъ.

Сеньёра Ортигоса, я неохотникъ до закутанныхъ лицъ и ни до какого переряживанья: вотъ вамъ дублонъ, этого довольно на ваши нужды: и уходите изъ моего дома, какъ можно, скорѣй,— сію же минуту, и возьмите свой коверъ.

Ортигоса.

Продли Богъ вашей милости вѣку больше, чѣмъ Мордасуилу іерусалимскому. Вотъ клянусь жизнью этой сеньёры, имени я ихъ не знаю, пусть онѣ приказываютъ мнѣ: а я буду служить, день и ночь, тѣломъ и душой, потому что у нихъ душа, надо полагать, какъ есть у горлинки невинной.

Каньисаресъ.

Сеньёра Ортигоса, кончайте и уходите: не ваше дѣло чужія души разбирать.

Ортигоса.

Если вашей милости нужно какого нибудь пластыря противъ болѣзни матки, такъ у меня есть удивительные, и противъ зубной болѣзни: я знаю такія слова, которыя всякую боль какъ рукой снимаютъ.

Каньисаресъ.

Кончайте, сеньёра Ортигоса: у доньи Лоренсы нѣтъ ни болѣзни матки, ни зубной боли, всѣ у ней здоровы и цѣлы, и во всю ея жизнь еще не выпало ни одного.

Ортигоса.

Еще выпадутъ, Богъ дастъ: ей Господь долгую жизнь пошлетъ, а старость ужъ въ конецъ зубы-то сокрушаетъ.

Каньисаресъ.

Ахъ, Господи, нѣтъ возможности отдѣлаться отъ этой сосѣдки!

Ортигоса, дьяволъ ли ты, сосѣдка ли, или кто бы тамъ ни было, убирайся, освободи насъ!

Ортигоса.

Справедливо говорить изволите. Не сердитесь, ваша милость, я ухожу. (*Уходитъ.*)

Каньисаресъ.

Охъ, ужъ эти мнѣ сосѣдки, сосѣдки! Разжигало меня каждое слово этой сосѣдки, и именно потому только, что она сосѣдка.

Лоренса.

А я вамъ говорю, что у васъ характеръ совсѣмъ какъ у варвара и дикаго. Что такое сказала эта сосѣдка, что вы такъ взъѣлись на нее? Вы ко всякому доброму дѣлу примѣшиваете какой нибудь смертный грѣхъ. Волчій ротъ, скорпіоновъ языкъ, бездонная яма злости!

Каньисаресъ.

Нѣтъ, нѣтъ, остановите вашу мельницу! а то это добромъ не кончится. А вотъ не нравится мнѣ, что вы такъ заступаетесь за вашу сосѣдку.

Кристина.

Сеньёра-тётенька, шли бы вы къ себѣ въ комнату и позабавились чѣмъ нибудь; оставьте дядю въ покоѣ: онъ, кажется, сердитъ.

Лоренса.

Я такъ и сдѣлаю, племянница, и не покажусь ему на глаза цѣлыхъ два часа. Божусь тебѣ, я его такъ отпотчую, что онъ доволенъ останется. (*Уходитъ.*)

Кристина.

Дяденька, видѣли, какъ она скоро дверь-то защелкнула? Я думаю, она теперь ищетъ какой нибудь запоръ, чтобъ припереть ее покрѣпче.

Лоренса (*за сценой*).

Кристиника, Кристиника!

Кристина.

Что угодно, тётенька?

Лоренса.

Если-бъ ты знала, какого мнѣ любовника судьба послала!

Молодой, красивый, смуглый и весь померанцевыми цвѣтами продушенъ.

Кристина.

Боже мой, какія глупости, какое ребячество! Вы съ ума сошли, тётенька?

Лоренса.

Ничуть, въ полномъ своемъ разумѣ. Ну, божусь тебѣ, если бы ты увидѣла, ты бы возрадовалась.

Кристина.

Боже мой, какія глупости, какое ребячество! Дяденька, побраните ее, она даже и въ шутку не должна говорить такихъ непристойностей.

Каньисаресъ.

Ты дурачишься, Лоренса? Но я тебѣ серьезно говорю, я совсѣмъ не въ расположеніи терпѣть отъ тебя такія шутки.

Лоренса.

Не шутки, а правда; да еще какая правда-то! Чего лучше не бываетъ!

Кристина.

Боже мой, какія глупости, какое ребячество! Скажите, тётенька, ужъ не тамъ ли и мой школьникъ?

Лоренса.

Нѣтъ, племянница. Онъ придетъ какъ нибудь въ другой разъ, если захочетъ Ортигоса, сосѣдка.

Каньисаресъ.

Лоренца, говори, что хочешь, только слова „сосѣдка“ не произноси никогда; у меня трясутся всѣ члены, какъ я его услышу.

Лоренса.

И у меня тоже трясутся, только отъ любви къ сосѣдкѣ.

Кристина.

Боже мой, какія глупости, какое ребячество!

Лоренса.

Теперь-то я увидала, каковъ ты, проклятый старикъ! а до сихъ поръ, пока я жила съ тобой, ты меня все обманывалъ.

Кристина.

Побраните ее, дяденька, побраните ее, дяденька, ужъ очень она безстыдничаетъ.

Лоренса.

Я хочу помочить бородку моему милому ангельской водой изъ бритвеннаго тазика: онъ такъ хорошъ лицомъ, вотъ какъ есть ангелъ писаный!

Кристина.

Боже мой, какія глупости, какое ребячество! Расшибите ее на мелкія части, дяденька!

Каньисаресъ.

Не ее, а двери, за которыми она прячется, я расшибу на мелкія части.

Лоренса.

Нѣзачѣмъ: видите, онѣ отворены. Войдите и увидите, что я правду говорила.

Каньисаресъ.

Хоть я и знаю, что ты шутишь, но я войду, чтобъ тебя на умъ наставить. (*Идетъ въ дверь. Въ дверяхъ Лоренса выплескиваетъ ему въ глаза воду изъ бритвеннаго тазика. Каньисаресъ возвращается и протираетъ глаза: Кристина и донья Лоренса окружаютъ его. Въ это время молодой человѣкъ пробирается изъ комнаты и уходитъ.*)

Каньисаресъ.

Вѣдь, ей Богу, ты меня чуть не ослѣпила, Лоренса! Къ чорту эти шутки, отъ нихъ безъ глазъ останешься.

Лоренса.

Посмотрите, съ кѣмъ меня судьба связала! Съ самымъ-то злымъ человѣкомъ на свѣтѣ! Посмотрите, онъ повѣрилъ моимъ выдумкамъ, по своей... только потому, что я его ревность поддразнила! Какъ испорчено, какъ загублено мое счастье! Заплатите же вы, волосы, за злодѣяніе этого старика! Оплакивайте вы, глаза, грѣхи этого проклятаго! Посмотрите, какъ онъ мою честь и славу поддерживаетъ! подозрѣнія онъ принимаетъ за дѣйствительность, ложь за правду, шутки за серьезное, забаву за преступленіе! Ахъ, у меня душа разстается съ тѣломъ!

Кристина.

Тётенька, не кричите такъ: всѣ сосѣди соберутся.

Альгвасилъ (*за сценой*).

Отоприте двери! Отоприте сейчасъ, или я расшибу ихъ въ прахъ!

Лоренса.

Отопри, Кристиника: и пусть весь свѣтъ узнаетъ мою невинность и злобу этого старика.

Каньисаресъ.

Господи помилуй! Да вѣдь я самъ говорилъ тебѣ, что ты шутишь. Потише, Лоренса, потише!

Входятъ: Альгвасилъ, музыканты, танцовщикъ *и* Ортигоса.

Альгвасилъ.

Что это? Что за ссора? Кто кричалъ здѣсь?

Каньисаресъ.

Сеньёръ, ничего нѣтъ: ссора между мужемъ и женой; она сейчасъ же и кончилась.

Музыкантъ.

А мы, чортъ возьми, то есть я и мои товарищи, мы музыканты, были здѣсь неподалеку, на сговорѣ, и прибѣжали на крикъ съ немалой тревогой, полагая, что это что нибудь другое!

Ортигоса.

И я тоже, грѣшнымъ дѣломъ, подумала.

Каньисаресъ.

По правдѣ сказать, сеньёра Ортигоса, еслибы не вы, такъ не вышло бы того, что вышло.

Ортигоса.

Это по грѣхамъ моимъ: я такая несчастная, что, не ждано, не гадано, на меня всякіе чужіе грѣхи сваливаютъ.

Каньисаресъ.

Сеньёры, отправляйтесь по добру, по здорову! Я благодарю васъ за ваше доброе желаніе: но ужъ теперь мы опять примирились съ женой.

Лоренса.

Примиримся, если вы прежде попросите у сосѣдки прощенія за то, что дурно думали о ней.

Каньисаресъ.

Если у всѣхъ сосѣдокъ, о которыхъ я дурно думаю, мнѣ

просить прощенія, то этому конца не будетъ. Но всетаки я прошу прощенія у сеньёры Ортигосы.

Ортигоса.

И я васъ извиняю и теперь, и напредки.

Музыкантъ.

Вѣдь не напрасно же мы сюда пришли: играйте, товарищи, пляши, плясунъ! отпразднуемъ замиреніе пѣсенкой.

Каньисаресъ.

Сеньёры, я не люблю музыки: я наслушался ее довольно.

Музыкантъ.

Да хоть бы вы и не любили, мы всетаки споемъ.

Музыканты (*поютъ*).

На Ивановъ день дожди,
Урожая ужъ не жди:
А какъ брань въ тотъ день зайдетъ,
Будетъ миръ на цѣлый годъ.
Когда въ дождь хлѣбъ на току,
Виноградники въ цвѣту;
У несчастныхъ поселянъ
Плохо въ житницахъ и въ бочкахъ.
Если жъ ссоры да жары
Приключатся на Ивана,
Будетъ мирно цѣлый годъ
И здорово для кармана.
Желчь въ каникулы вскипаетъ,
А подъ осень утихаетъ.
И не даромъ разговоры
Про Ивановъ день идутъ,
Что въ Ивановъ день раздоры
Миръ на цѣлый годъ даютъ.

(*Плясунъ пляшетъ.*)

Музыканты (*поютъ*).

Между мужемъ и женою
Хоть частенько брань идетъ,
Но она всегда ведетъ
Примиренье за собою.
О напастьи нѣтъ помину,
Если солнышко взойдетъ,
Ссора на Ивановъ день
Миръ даетъ на цѣлый годъ.

Каньисаресъ.

Вотъ вы сами видите, ваши милости, въ какое безпокойство и разстройство поставила меня сосѣдка. Такъ правъ ли я, что не люблю сосѣдокъ?

Лоренса.

Хоть мой мужъ и не любитъ сосѣдокъ, но я цѣлую ваши ручки, сеньёры-сосѣдки.

Кристина.

И я тоже. А если-бъ моя сосѣдка привела мнѣ школьника, то была бы она самая лучшая сосѣдка. Прощайте, сеньёры-сосѣдки!

V.

ИЗБРАНІЕ АЛЬКАЛЬДОВЪ ВЪ ДОГАНСО.

ЛИЦА:

Баккалавръ Пессунья.
Педро Эсторнудо, письмоводитель.
Пандуро, Альгарроба } рехидоры. *)
Хуанъ Беррокаль, Франсиско де Умильосъ, Магуэль Харете, Педро де ля Рана } земледѣльцы, кандидаты въ алькальды. **)
Слуга.
Подсакристанъ.
Цыгане и цыганки.

Комната.

Входятъ: Баккалавръ Пессунья, Письмоводитель Педро Эсторнудо, Рехидоръ Пандуро *и* Рехидоръ Алонсо Альгарроба.

Пандуро.

Разсядемтесь, и все пойдетъ въ порядкѣ,
Коли благимъ угодно небесамъ.

*) Рехидоры—члены муниципальнаго управленія, совѣтники.—*Прим. перев.*
**) Алькальды — судьи въ деревняхъ или мѣстечкахъ. — *Прим. перев.*

Альгарроба.

Столкуемся, а то не будетъ толку.
Въ согласіи, мы безъ труда покончимъ
Свои дѣла, коль то угодно небу,
А тамъ, угодно или нѣтъ, не знаю.

Пандуро.

Альгарроба, у васъ языкъ фальшивитъ.
Поосторожнѣй надо говорить.
Пріятно-ль слушать эти ваши рѣчи?
„Угодно небу, или нѣтъ.“ Ну, право!
Ужъ если вы да умничать начнете,
Такъ все у васъ навыворотъ выходитъ.

Альгарроба.

А все же я хорошій христіанинъ,
И вѣрю въ Бога крѣпко.

Баккалавръ.

И прекрасно;
Чего же лучше?

Альгарроба.

Если же проврусь,
Такъ признаюсь, что гусь я деревенскій.
Не всяко слово въ счетъ...

Письмоводитель.

Довольно спорить!
Богъ грѣшникамъ погибели не хочетъ;
А пусть живутъ да каются.

Альгарроба.

Ну, что же!
И я живу и каюсь, и увѣренъ,
Что небо можетъ все, чего захочетъ;
Никто ему препятствовать не смѣетъ;
Особенно, коль дождикъ...

Пандуро.

Съ облаковъ вѣдь,
Альгарроба, дожди-то, а не съ неба.

Альгарроба.

О, чортъ возьми! За тѣмъ ли мы собрались,

Чтобъ брань да перекоры заводить?
Альгарроба и рта не смѣй разинуть,
Сказать ему ни слова не даютъ.

Баккалавръ.

Redeamus ad rem, сеньёръ Пандуро
И сеньёръ Альгарроба,—тратить время
Не будемъ на пустыя перебранки.
Да развѣ мы для скучныхъ препирательствъ
Сошлися здѣсь? Куда какъ хорошо:
Какъ только лишь Пандуро съ Альгарробой
Сойдутся вмѣстѣ, тотчасъ между ними
Поднимутся и бури, и волненья
Изъ тысячи пустыхъ противорѣчій.

Письмоводитель.

Сеньёръ Пессунья говорить изволитъ
До чрезвычайности правдиво. Обратимся
Къ занятіямъ, къ избранію алькальдовъ
На слѣдующій годъ; и надо намъ
Такихъ избрать, чтобъ не могли въ Толедо
Забраковать, а только утвердили.
Вотъ для чего мы здѣсь и собрались.

Пандуро.

У насъ теперь четыре претендента:
Хуанъ Беррокаль, Франциско д'Умильосъ,
Мугуэль Харете, Педро де ля Рана,
Солидные, значительные люди,
И управлять съумѣютъ не въ Догансо,
А даже въ самомъ Римѣ.

Альгарроба.

У Романцевъ.

Письмоводитель.

У васъ своя программа? Такъ, ей Богу,
Я дѣло брошу.

Альгарроба.

Нашъ письмоводитель,
Мнѣ кажется, зовется Эсторнудо; *)

---

*) Эсторнудо значитъ: чихунъ,—человѣкъ, который часто чихаетъ.—*Прим. пер.*

А онъ возносится и подымаетъ носъ.
Но успокойтесь, больше я ни слова.

Пандуро.

Найдется ли во всей земной округѣ...

Альгарроба.

Въ какой „округѣ“? Въ „кругѣ“ бы сказали.
Премудрый нашъ Пандуро,—было-бъ лучше.

Пандуро.

Во всей вселенной, я хотѣлъ сказать,
Нельзя найти такихъ людей премудрыхъ,
Какъ наши претенденты.

Альгарроба.

Да, я знаю,
Что Беррокаль имѣетъ превосходный
Инстинктъ.

Письмоводитель.

Да въ чемъ инстинктъ?

Альгарроба.

Онъ очень ловокъ
Разцѣнивать и пробовать вино.
Въ моемъ дому онъ пробовалъ однажды
Вино въ боченкѣ и сказалъ, что пахнетъ
Вино и деревомъ, и кожей, и желѣзомъ.
Когда боченокъ кончили, нашли
На днѣ его лучинку и кусочекъ
Какой-то кожи и желѣзный ключикъ. *)

Письмоводитель.

О, рѣдкое искусство! Рѣдкій умъ!
Кто знаетъ столько, можетъ управляться
Въ любомъ изъ всѣхъ испанскихъ городовъ.

Альгарроба.

Мугуэль Харете вотъ орелъ!

Баккалавръ.

А въ чемъ?

---

*) Такой же разсказъ о знатокѣ вина и въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ приводится Сервантесомъ и въ «Донъ-Кихотѣ». *Прим. перев.*

Альгарроба.

Стрѣлять изъ арбалета.

Баккалавръ.

Мѣтокъ онъ?

Альгарроба.

Да такъ-то мѣтокъ, что не будь лѣвша онъ,
Такъ не было-бъ въ окрестности житья
И воробьямъ.

Баккалавръ.

Ну, это для алькальда
Почти необходимое искусство.

Альгарроба.

Что вамъ сказать о Франсиско д'Умильосъ?
Онъ вычинитъ ботинки, какъ портной.
А Педро де ля Рана... ну, ужъ память!
Сравниться съ нимъ нельзя; онъ помнитъ нѣсню
О славной въ древности собакѣ Альвы,
Всю слово въ слово, безъ одной ошибки.

Пандуро.

Мой голосъ за него.

Письмоводитель.

И мой.

Альгарроба.

А я
За Беррокаля.

Баккалавръ.

Я ни за кого,
Пока не убѣдимся въ ихъ умѣ
И знаніи законовъ...

Альгарроба.

Это можно.
И средство есть: велите ихъ покликать,
И баккалавръ сеньёръ Пессунья можетъ
Задать экзаменъ имъ, онъ дѣло знаетъ.
Сообразясь съ ихъ знаньемъ, мы увидимъ
Кого изъ нихъ на должность посадить.

Письмоводитель.

Ей Богу, вотъ прекраснѣйшій совѣтъ!

Пандуро.

Такой совѣтъ, что даже для столицы
Годится. Потро-медики въ столицѣ,
Такъ пусть у насъ потро-алькальды будутъ.

Альгарроба.

„Прото“, сеньёръ Пандуро, а не потрохъ.

Пандуро.

Вы, Альгарроба, самый злой фрискалъ.

Альгарроба.

Фискалъ, а не фрискалъ.

Письмоводитель.

Ахъ, Боже правый!
Какой несносный этотъ Альгарроба!

Альгарроба.

Экзаменуютъ же и брадобрѣевъ
И кузнецовъ, портныхъ, и есть экзаменъ
Подлѣкарямъ и прочей разной дряни;
Тѣмъ болѣе для званія алькальдовъ
Экзамены необходимы. Кто же
Окажется на эту должность годнымъ,
Тому давать бумагу; пригодится
Она впередъ ему: съ такой бумагой,
Да въ бѣлой рамкѣ, бѣдный человѣкъ
Между народомъ будетъ уважаться
Какъ золото. У насъ такой повальный
Неурожай на умныхъ-то алькальдовъ,
Особенно въ мѣстечкахъ небольшихъ.

Баккалавръ.

Отлично сказано и очень дѣльно
Задумано. Зовите Беррокаля,
Посмотримъ мы, далеко ли хватаютъ
Лучи ума его.

Входятъ: Беррокаль, Умильосъ, Харете, де ля Рана.

Альгарроба.

Четыре претендента:
Умильосъ, Рана, Беррокаль, Харете
Явилися предъ нами; вотъ они.

Баккалавръ.

Добро пожаловать, покорно просимъ!

Беррокаль.

Почтенье вашимъ милостямъ отъ насъ!

Пандуро.

Пожалуйте,—садитесь; мѣста много.

Умильосъ.

Я сяду и подумаю.

Харете.

Да всѣ
Мы, слава Богу, думать-то умѣемъ.

Рана.

О чемъ, Умильосъ, думать?

Умильосъ.

Вотъ о томъ,
Что выборъ нашъ такъ долго затянулся.
Не нужно ли принесть вамъ индюковъ,
И мусту виноградиаго въ кувшинахъ,
И стараго вина въ большихъ боченкахъ,
Съ бурдюкъ величиной? Скажите только,
Ужъ мы свое усердіе приложимъ.

Баккалавръ.

Не нужно взятокъ здѣсь! У насъ рѣшенье
Единогласное: кто больше годенъ
Окажется въ алькальды, тотъ и будетъ
Въ алькальды избранъ и провозглашенъ.

Рана.

Согласенъ.

Беррокаль.

Тоже.

Баккалавръ.

Вотъ и въ добрый часъ!

Умильосъ.

И я согласенъ тоже.

Харете.

Равномѣрно.

Баккалавръ.

И такъ экзаменъ!

Умильосъ.

Ну, пускай экзаменъ!

Баккалавръ.

Читать умѣете, Умильосъ?

Умильосъ.

Нѣтъ:
И не найдется въ цѣломъ нашемъ родѣ
Ни одного такого вертопраха,
Чтобъ онъ учиться сталъ химерамъ этимъ,
Которыя мужчинъ до угольковъ,
А женщинъ до дурныхъ домовъ доводятъ.
Читать не знаю; но за то другаго,
Получше чтенья, знаю очень много.

Баккалавръ.

А именно?

Умильосъ.

Четыре службы знаю
Церковныя на память, и читаю
Четыре раза или пять въ недѣлю.

Рана.

И съ этимъ проситесь въ алькальды?

Умильосъ.

Съ этимъ
И съ тѣмъ еще, что добрый христіанинъ,
Сенаторомъ могу быть римскимъ даже.

Баккалавръ.

Прекрасно! Ну, а вы, сеньёръ Харете,
Что знаете?

Харете.

Читать, сеньёръ Пессунья,
Умѣю я, но только что немного:
Вотъ на складахъ сижу четвертый мѣсяцъ,
А черезъ пять дойду и до конца.
Помимо этой грамотной науки,
Умѣю плугомъ управлять отлично,

И подковать умѣю въ три часа
Быковъ четыре пары самыхъ бойкихъ.
Здоровъ во всѣхъ суставахъ; я не глухъ,
Не слѣпъ, и нѣтъ ни насморку, ни кашлю.
Хорошій христіанинъ, какъ и всѣ;
И изъ лука стрѣляю, точно Тулій.

Альгарроба.

Способности большія, для алькальда
Необходимыя.

Баккалавръ.

Какія знанья
У Беррокаля?

Беррокаль.

Я на языкѣ
И въ горлѣ содержу свое искусство;
Отвѣдывать и смаковать на свѣтѣ
Искусника другаго нѣтъ: имѣю
Во рту своемъ поболѣе полсотни
Оттѣнковъ вкусовыхъ по винной части.

Альгарроба.

И съ этимъ вы хотите быть алькальдомъ?

Беррокаль.

Хочу и очень. Стоитъ мнѣ набраться
Отъ Бахуса—сейчасъ мои всѣ чувства
Настроются, и кажется Ликурга
Могу учить писать его законы
И съ Бартуло пересыпать.

Пандуро.

Потише!
Въ совѣтѣ мы.

Беррокаль.

Ну, что-жъ, я не притворщикъ
И не свинья; а только говорю,
Что не уважить правъ моихъ попробуй,
Такъ выкину я вашъ кабакъ въ окошко.

Баккалавръ.

Угрозы намъ? Клянусь моею жизнью,

Онѣ не страшны, сеньёръ Беррокаль.
Какія знанія у Педро Рана?

Рана.

Я Рана *) и пою довольно плохо;
Но всетаки я объяснить желаю
Характеръ свой, не умъ, конечно. Если
Алькальдомъ буду я, сеньёры, палку
Побольше приберу, а не простую:
Дубовая иль буковая будетъ,
Въ два пальца толщины, чтобъ не ломилась
Подъ тяжестью пріятной кошельковъ
Съ дукатами и прочихъ разныхъ взятокъ,
Иль просьбъ, иль обѣщаній, или ласки,
Тяжелыхъ какъ свинецъ, и незамѣтно
Отягощающихъ, пока не сдавятъ
Какъ плечи, такъ и душу. Я прибавлю,
Что буду обходителенъ и ласковъ,
Порой суровъ, но грозенъ никогда.
Не оскорблю бездѣльника-бродягу,
Котораго поставятъ предо мною
Его поступки. Болѣе обидны
Судейскія презрительныя рѣчи,
Чѣмъ мягкія, хотя бы заключался
Въ нихъ болѣе жестокій приговоръ.
Не долженъ властный забывать учтивость,
Не долженъ предъ склоненной головой
Судья являться гордымъ и надменнымъ.

Альгарроба.

Ей Богу, пѣсенка лягушки нашей
Получше будетъ пѣсни лебединой.

Пандуро.

Въ ней сотни мыслей самыхъ цензориныхъ.

Альгарроба.

Катона цензорина; справедливо,
Сеньёръ Пандуро.

---

*) Рана по-испански значитъ: лягушка.

Пандуро.

Вотъ опять привязка.

Альгарроба.

Покуда нѣтъ, а будетъ, коль придется.

Письмоводитель.

Не будетъ никогда. Что за привычка
Ужасная къ раздорамъ, Альгарроба!

Альгарроба.

Не очень громко вы, сеньёръ-писака!

Письмоводитель.

Какой писака, фарисей!

Баккалавръ.

Клянуся
Святымъ Петромъ, безмѣрный безпорядокъ!

Альгарроба.

Да я шутилъ.

Письмоводитель.

И я шучу.

Баккалавръ.

Довольно,
Не нужно больше шутокъ, чортъ возьми!

Альгарроба.

Кто лжетъ, тотъ лжетъ.

Письмоводитель.

Кто правду говоритъ,
Тотъ правду.

Альгарроба.

Правду.

Письмоводитель.

Ну, на томъ и кончимъ.

Умильосъ.

Наобѣщалъ-то много Рана, только
Далеко это. Коль получитъ вару,
Такъ долженъ стать инымъ онъ человѣкомъ,
Чѣмъ былъ доселѣ.

Баккалавръ.

Это очень вѣрно
Сказалъ Умильосъ.

Умильосъ.

Я еще скажу,
Что если вару мнѣ дадутъ, увидятъ,
Что я не измѣнюсь, не подмѣнюсь.

Баккалавръ.

Такъ вотъ вамъ вара, и предположите,
Что вы алькальдъ.

Альгарроба.

Вотъ славно! Палку дали,
Да только лѣвую.

Умильосъ.

Да какъ же такъ?

Альгарроба.

Не правда что-ль? Хоть за версту, такъ видно,
Что лѣвая; глухой, нѣмой увидятъ.

Умильосъ.

Даете палку лѣвую, такъ какъ же
Хотите, чтобъ судилъ я право?

Письмоводитель.

Дьяволъ
Вселился въ Альгарробу. Гдѣ видали
И слыхано-ль когда о палкахъ лѣвыхъ?

Входитъ Сторожъ.

Сторожъ.

Сеньёры, здѣсь у двери ждутъ цыгане,
Цыганочки хорошенькія съ ними.
Сказалъ я имъ, что некогда, что дѣло
У вашихъ милостей, а все-жь нейдутъ,
Все просятся сюда, чтобъ вашу милость
Повеселить.

Баккалавръ.

Пускай войдутъ; посмотримъ.
Быть можетъ пригодятся къ торжеству
На праздникъ Тѣла; я распорядитель.

Пандуро.

Пускай войдутъ!

Баккалавръ.

Пускай войдутъ скорѣе!

Умильосъ.

По праву мнѣ они.

Харете.

Не прочь и я.

Рана.

Цыгане ли они? А то, смотрите,
Останемся, пожалуй, безъ носовъ.

Сторожъ.

Они идутъ безъ зова. Вотъ они.

Входятъ: Цыгане-музыканты *и* двѣ цыганки, очень приличныя.

Цыгане-музыканты (*играютъ и поютъ, цыганки пляшутъ*).

Почитаніе приносимъ
Мы рехидорамъ Догансо,
Людямъ ловкости примѣрной.
Людямъ здравыхъ разсужденій.
Искусившимся въ умѣньи
Править такъ свое судейство,
Что снискали уваженье
Христіанъ и даже мавровъ.
И какъ будто небо дало.
Небо звѣздное, скажу я,
Въ васъ Самсоновъ по наукамъ,
А по силѣ Бартулосовъ.

Харете.

Исторіи тутъ много, въ этой пѣснѣ.

Умильосъ.

Цыгане и цыганки несравненны!

Альгарроба.

Немного жирны только.

Баккалавръ.

Эй, sufficit!

Цыгане-музыканты (*поютъ*).

Какъ мѣняется погода,

Какъ мѣняются листы,
Что зимою отпадаютъ,
А весной опять живутъ,
Такъ и мы мѣняемъ танцы
И въ колѣнцахъ и въ каданцѣ;
Перемѣнчивость у женщинъ
Не диковина давно.

Да здравствуютъ рехидоры Догансо,
По виду пальмы, хоть въ душѣ дубы! (*Пляшутъ.*)

Харете.

Хорошій стихъ, ей Богу!

Умильосъ.

И со смысломъ.

Беррокаль.

Я напечатаю, чтобы осталось
Воспоминаніе о насъ въ вѣка
Вѣковъ, аминь.

Баккалавръ.

Молчите, если можно.

Цыгане-музыканты (*поютъ*).

Многія вамъ лѣта!
Въ кругообращеньи,
Пусть для васъ счастливо
Дни бѣгутъ за днями.
Чтобы вамъ на свѣтѣ
Жить и не старѣть,
А вашимъ садочкамъ
Вѣчно зеленѣть.
Бури-непогоды
Пусть несутся мимо,
Пусть васъ обвѣваютъ
Нѣжные зефиры.

Да здравствуютъ рехидоры Догансо,
По виду пальмы, хоть въ душѣ дубы!

Баккалавръ.

Мнѣ въ частности не нравится припѣвъ,
А вообще недурно.

Беррокаль.

Помолчите!

Цыгане-музыканты (*поютъ*).

Я песокъ потопчу
Полегонечьку, такъ;
Я песочекъ потопчу
Потихонечьку, такъ. *)

Пандуро.

Ну, музыканты! Такъ и подсыпаютъ
За пѣсней пѣсню.

Умильосъ.

Дьяволы-цыгане.

Цыгане-музыканты (*поютъ*).

Я по твердой землѣ
Потопчусь посильнѣй,
Знаю, что любовь моя
Похоронится въ ней;
Счастье жизни всей моей
Потоптала любовь
Такъ тихонечько.

Входитъ Подсакристанъ, *очень дурно одѣтый.*

Подсакристанъ.

Сеньёры-рехидоры, доложу вамъ:
Ведете вы себя, какъ негодяи:
Да развѣ правятъ краемъ, чортъ возьми,
Между гитаръ, танцоровъ и веселья?

Баккалавръ.

Схватить его, Харете!

Харете.

Я схватилъ ужъ.

Баккалавръ.

Попону дайте! И клянусь вамъ Богомъ,
Летать ему высоко, негодяю,
Безстыдному, невѣжѣ, грубіяну
Нахальному.

Подсакристанъ.

Послушайте, сеньёры!

---

*) «Я песокъ потопчу» — цыганская пѣсня, бывшая въ то время въ модѣ. Смыслу въ ней немного, какъ и въ большинствѣ цыганскихъ пѣсенъ.

Альгарроба.

Сейчасъ вернусь съ попоной для качанья.
(*Уходитъ, грозя причетнику.*)

Подсакристанъ.

Смотрите, говорю вамъ, я пресвитеръ!

Баккалавръ.

Пресвитеръ? Ахъ, негодный!

Подсакристанъ.

Я пресвитеръ,
Иль въ первомъ постриженьи, все равно.

Пандуро.

„А вотъ посмотримъ“, говоритъ Аграхесъ.

Подсакристанъ.

Да Граха нѣту здѣсь.

Баккалавръ.

Найдется грачь
И вюклюетъ тебѣ языкъ и бѣльма.

Рана.

Скажи, несчастный, что за чортъ вселился
Къ тебѣ въ языкъ. И кто тебя подвигнулъ
Юстицію упрекомъ оскорбить?
Да развѣ ты правитель въ государствѣ?
Твоя работа: колоколъ да требникъ;
Не тронь властей; они ужъ сами знаютъ
Свои дѣла, получше насъ съ тобой!
Не хороши—молись, чтобъ Богъ исправилъ,
А хороши—чтобъ Богъ хранилъ для насъ.

Баккалавръ.

Святой, блаженный Рана человѣкъ!

Входитъ Альгарроба *и тащитъ на плечахъ за одинъ конецъ попону, которая волочится за нимъ.*

Альгарроба.

За мной не станетъ дѣло.

Баккалавръ.

Всѣ беритесь!
Не отставать, цыгане и цыганки:
Качай, друзья!

Подсакристанъ.

О, Господи помилуй!
Смотрите, разсержусь, такъ будетъ плохо
За эти шутки отъ меня. Клянусь
Петромъ, что всѣхъ постигнетъ отлученье,
Которые держались за попону.

Рана.

Довольно, стойте! Не казнятъ въ-конецъ,
Чтобъ бѣдному раскаянье оставить.

Подсакристанъ.

Изиятъ совсѣмъ. И ужъ теперь напредки
Зашью свой ротъ двойной сапожной дратвой.

Рана.

Вотъ, именно, лишь только то и нужно.

Баккалавръ.

Цыгане, вы домой ко мнѣ придите;
Поговорить хочу.

Цыганъ.

Пойдемъ съ тобой.

Баккалавръ.

До завтра выборы; сберемся рано
Поутру мы, а голосъ мой за Рана.

Цыганъ.

Запѣть, сеньёры?

Баккалавръ.

Что нибудь запойте!

Пандуро.

Такихъ пѣвцовъ, какъ Рана, поискать.

Харете.

Поетъ и ловко въ уши напѣваетъ.

(*Уходятъ. Цыгане поютъ:* „*По песочку...*“)

VI.

ТЕАТРЪ ЧУДЕСЪ.

(EL RETABLO DE LAS MARAVILLAS.)

ЛИЦА:

Чанфалья Мантіель.
Чириносъ.
Карапузикъ — музыкантъ.
Лисенсіатъ Гомесильосъ—губернадоръ. *)
Бенито Реполью — алькальдъ.
Тереса — его дочь.
Хуанъ Кастрадо — рехидоръ.
Хуана — его дочь.
Педро Капачо — письмоводитель.
Реполью — племянникъ алькальда.
Фурьеръ.
Жители мѣстечка безъ рѣчей.

Улица.

Входятъ: Чанфалья *и* Чириносъ.

Чанфалья.

Чириносъ, не выпускай изъ памяти моихъ наставленій, въ особенности относительно новой продѣлки; нужно, чтобъ она удалась намъ на-славу.

---

*) Губернадоръ, хотя слово громкое, но оно значитъ: бургомистръ мѣстечка,—не болѣе. *Прим. перев.*

Чириносъ.

Знаменитый Чанфалья, всѣ мои способности въ твоемъ распоряженіи: и моя память, и разсудокъ, и, сверхъ того, желаніе сдѣлать тебѣ угодное, превосходитъ границы возможнаго. Но скажи мнѣ, зачѣмъ намъ этотъ Карапузикъ, котораго мы наняли? Развѣ мы вдвоемъ съ тобой не можемъ исполнить нашего предпріятія?

Чанфалья.

Онъ намъ необходимъ, какъ насущный хлѣбъ, чтобы играть въ промежуткахъ между выходами фигуръ въ нашемъ представленіи чудесъ.

Чириносъ.

Нѣтъ, вотъ чудо-то будетъ, если насъ не побьютъ камнями за этого Карапузика; *) потому что такого несчастнаго недоноска я во всю свою жизнь не видывала. (*Входитъ Карапузикъ.*)

Карапузикъ.

Будетъ мнѣ какое нибудь дѣло въ этомъ городѣ, сеньёръ-директоръ? Я готовъ умереть, чтобъ ваша милость видѣли, что я вамъ не въ тягость.

Чириносъ.

Четверыхъ такихъ мальчиковъ, какъ ты, можно въ горсть взять, такъ ужъ какая тутъ тягость! Если ты также великъ въ музыкѣ, какъ ростомъ, такъ будемъ мы въ барышахъ.

Карапузикъ.

А вотъ это какъ вамъ покажется: мнѣ было сдѣлано письменное предложеніе войти въ долю въ одной компаніи, нужды нѣтъ, что я малъ.

Чанфалья.

Если будутъ мѣрять твою долю по твоему росту, такъ тебѣ достанется такая малость, которую и раздѣлить нельзя. Чириносъ, вотъ мы, мало-по-малу, добрались до городка: и тѣ господа, которые идутъ къ намъ, безъ сомнѣнія, должны быть губернаторъ и алькальды. Пойдемъ имъ навстрѣчу. Наточи свой языкъ на камнѣ лести, только смотри не перетони. (*Входятъ: Губерна-*

*) Въ то время въ Испаніи, да и въ другихъ странахъ, существовало какое-то суевѣрное отвращеніе къ уродамъ: предполагали, что они являются на свѣтъ не безъ участія дьявола. Уродамъ не безопасно было являться передъ публикой; случалось, что ихъ даже убивали. *Прим. перев.*

доръ, Бенито Репольо—алкальдъ, Хуанъ Кастрадо—рехидоръ и Педро Копачо—письмоводитель.) Цѣлую руки вашихъ милостей. Кто изъ вашихъ милостей губернадоръ этого мѣстечка?

Губернадоръ.

Я губернадоръ. Что вамъ угодно, добрый человѣкъ?

Чанфалья.

Еслибъ у меня было только двѣ унціи смысла, и то я сейчасъ же долженъ бы былъ догадаться, что этотъ перипатетическій, *) пространный и торжественный выходъ не можетъ принадлежать никому другому, кромѣ достойнѣйшаго губернадора этого города, который вы, ваша милость, скоро покинете, занявъ должность намѣстника цѣлой области.

Чириносъ.

Да, клянусь жизнію сеньёры и маленькихъ сеньёровъ, если сеньёръ-губернадоръ ихъ имѣетъ.

Капачо.

Не женатъ сеньёръ-губернадоръ.

Чириносъ.

Ну, когда будутъ: отъ моихъ словъ убытка нѣтъ.

Губернадоръ.

Ну, чего же вы хотите, честный человѣкъ?

Чириносъ.

Много честныхъ дней желаемъ вашей милости, за оказанную намъ честь: наконецъ, дубъ даетъ желуди, груша—груши, виноградныя лозы — кисти, отъ честнаго человѣка — честь, иначе и быть не можетъ.

Бенито.

Цицероніаское выраженіе, ни прибавить, ни убавить нечего.

Капачо.

„Цицероновское“ хочешь сказать, сеньёръ-алкальдъ Бенито Репольо.

Бенито.

Да я всегда хочу сказать какъ можно лучше, но по большей части это у меня не выходитъ. Наконецъ, добрый человѣкъ, что вамъ угодно?

---

*) Перипатетическій, т. е. пѣшій. Чанфалья нарочно кудрявитъ рѣчь, чтобы показаться ученымъ.

Чанфалья.

Я, сеньёры мои, Монтіель—содержатель театра чудесъ. Меня вызвали изъ столицы сеньёры госпитальнаго братства; у нихъ нѣтъ ни одного содержателя театра, а они умираютъ отъ желанія имѣть театръ; съ моимъ прибытіемъ все дѣло поправится.

Губернадоръ.

А что это значитъ: театръ чудесъ?

Чанфалья.

Отъ чудесныхъ вещей, которыя на этомъ театрѣ изъясняются и показываются, произошло и названіе театра чудесъ. Этотъ театръ изобрѣлъ и устроилъ мудрецъ Дурачина, подъ такими параллелями, румбами, звѣздами и созвѣздіями, съ такими условіями, особенностями и соблюденіями, что чудесъ, которыя на немъ представляютъ, не можетъ видѣть ни одинъ изъ тѣхъ, которые имѣютъ въ крови хоть какую нибудь примѣсь отъ перекрещенцевъ, или которые родились и произошли отъ своихъ родителей не въ законномъ бракѣ. И кто зараженъ этими двумя столь обыкновенными недостатками, тотъ лучше откажись видѣть никогда невиданныя и неслыханныя представленія моего театра.

Бенито.

Вотъ изволите видѣть, каждый день какія нибудь новости являются на бѣломъ свѣтѣ. А этотъ мудрецъ названъ Дурачиной оттого, что онъ этотъ театръ изобрѣлъ?

Чириносъ.

Дурачиной онъ названъ потому, что родился въ городѣ Дураково поле. Про него идетъ молва, что у него борода была по поясъ.

Бенито.

Люди съ большими бородами по большей части мудреные.

Губернадоръ.

Сеньёръ-рехидоръ Хуанъ Кастрадо, съ вашего позволенія, я полагаю, что сегодня вечеромъ выходитъ замужъ сеньёра Тереса Кастрада, ваша дочь, которой я довожусь крестнымъ отцомъ. Для увеселенія на этомъ праздникѣ я желаю, чтобы сеньёръ Монтіель далъ въ вашемъ домѣ свое представленіе.

Хуанъ.

Я всегда готовъ къ услугамъ сеньёра Губернадора, съ мнѣ-

ніемъ котораго я соглашаюсь, которое утверждаю и къ которому присоединяюсь и ничего противъ не имѣю.

Чириносъ.

Вотъ что имѣется противъ: если намъ за нашъ трудъ не будетъ впередъ заплачено, то мы съ нашими фигурами останемся, какъ раки на мели. Ваши милости, сеньёры-судьи, есть ли въ васъ совѣсть и душа? Куда какъ хорошо это будетъ: сегодня вечеромъ весь вашъ городокъ сберется въ домъ сеньёра Хуана Кастрадо, или какъ тамъ зовутъ его милость. да и удовольствуется этимъ спектаклемъ; а завтра, когда мы захотимъ дать представленіе для народа, такъ не явится ни одной живой души. Нѣтъ, сеньёры, ante omnia, пусть намъ заплатятъ, что слѣдуетъ.

Бенито.

Сеньёра-дирикторша, здѣсь нѣтъ никакой Антоніи, никакого Антонія, чтобъ заплатить вамъ. Сеньёръ-рехидоръ Хуанъ Кастрадо заплатитъ вамъ болѣе, чѣмъ честно; а если не онъ, такъ общинный совѣтъ. Его знаютъ здѣсь хорошо. Здѣсь, родная моя, мы не дожидаемся, пока какая нибудь Антонія заплатитъ за насъ.

Капачо.

Ахъ, грѣхи тяжкіе! Опять вы, сеньёръ Бенито Репольо, не туда попали. Сеньёра-директорша не говоритъ, чтобъ ей платила какая-то Антонія; а только чтобъ заплатили ей немедленно прежде всего; это и значитъ ante omnia.

Бенито.

Ну, такъ, письмоводитель Педро Капачо, заставьте, чтобъ со мной разговаривали на чистоту, тогда я пойму все безъ сучка и задоринки; вы и начитанный и письменный человѣкъ, вы можете эти арабскія выверты понимать, а я нѣтъ.

Хуанъ.

Ну, хорошо. Доволенъ будетъ сеньёръ-директоръ, если я заплачу ему сейчасъ полдюжины дукатовъ? И кромѣ того мы примемъ предосторожности, чтобы сегодня вечеромъ жители мѣстечка не входили въ мой домъ.

Чанфалья.

Я доволенъ, я довѣряю себя распорядительности вашей милости и вашему разуму.

Хуанъ.

Пойдемте со мной, получите деньги, посмотрите мой домъ и удобства, какія онъ имѣетъ для устройства театра.

Чанфалья.

Пойдемте, но не забывайте, какія качества должны имѣть зрители, которые хотятъ видѣть чудесное представленіе.

Бенито.

Это ужъ мое дѣло. Что касается меня, то я долженъ сказать, что могу идти на судъ съ увѣренностію, потому что мой отецъ былъ алкальдъ. Четыре пальца стараго христіанскаго жиру со всѣхъ четырехъ сторонъ наросло на мое родословное дерево; вотъ и посудите, могу ли я видѣть представленіе.

Капачо.

Всѣ надѣемся видѣть, сеньёръ Бенито Реполью.

Хуанъ.

Мы тоже не выродки какіе нибудь, сеньёръ Педро Капачо.

Губернадоръ.

По моему мнѣнію, все будетъ какъ надо, сёньеры алкальдъ, рехидоръ и письмоводитель.

Хуанъ.

Пойдемте, директоръ,—и за работу. Меня зовутъ Хуанъ Кастрадо, сынъ Антона Кастрадо и Хуанны Мача; и больше я ничего не скажу, кромѣ того, что, по совѣсти и чести, могу съ открытымъ лицомъ и смѣлой поступью идти на сказанное представленіе.

Чириносъ.

Ну, дай Богъ! (*Хуанъ Кастрадо и Чанфалья уходятъ.*)

Губернадоръ.

Сеньёра-директорша, какіе поэты въ настоящее время пользуются въ столицѣ славой и почетомъ, особенно изъ такъ называемыхъ комическихъ? Я самъ чуть-чуть поэтъ и имѣю претензію на комизмъ и комическую маску. Я написалъ двадцать-двѣ комедіи, всѣ новыя, и одна другой стоитъ. И я жду только случая отправиться въ столицу и обогатить ими съ полдюжины антрепренеровъ.

Чириносъ.

На вашъ вопросъ о поэтахъ, сеньёръ-губернадоръ, я вамъ

хорошенько отвѣтить не умѣю, потому что ихъ такъ много, что изъ-за нихъ солнца не видать, и всѣ они считаютъ себя знаменитостями. Теперь комическіе поэты всѣ заурядные, такіе, какъ и всегда, и нѣтъ надобности называть ихъ. Но скажите мнѣ, ваша милость, прошу васъ, какъ ваше имя?

Губернадоръ.

Мое имя, сеньёра-директорша, Лисенсіатъ Гомесильосъ.

Чириносъ.

Боже милостивый! Ваша милость — сеньёръ Лисенсіатъ Гомесильосъ, тотъ, который написалъ эти знаменитые стихи: „Захворалъ Люциферъ тяжко: онъ по родинѣ тоскуетъ“?

Губернадоръ.

Эти стихи приписываютъ мнѣ злые языки: они столько же принадлежатъ мнѣ, какъ и турецкому султану. Я писалъ стихи и не отказываюсь, но то были другіе: въ нихъ я описывалъ наводненіе въ Севильѣ. Хотя поэты постоянно воруютъ одинъ у другаго, но я себѣ не позволялъ никогда украсть даже малости. Помоги мнѣ Богъ писать стихи, а воруетъ пусть, кто хочетъ. (*Возвращается Чанфалья.*)

Чанфалья.

Ваша милость, сеньёры, пожалуйте! Все готово, остается только начать.

Чириносъ (*тихо*).

Деньги въ карманѣ?

Чанфалья.

У самаго у сердца.

Чириносъ.

Замѣть, Чанфалья, губернадоръ — поэтъ.

Чанфалья.

Поэтъ! Какъ бы не такъ! Нѣтъ, это ты въ немъ ошиблась; всѣ эти смѣшные люди только для насмѣшекъ и созданы: лѣнивы, легковѣрны и простодушны.

Бенито.

Пойдемъ, директоръ! Меня такъ и поджигаетъ видѣть чудеса. (*Всѣ уходятъ.*)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Комната въ домѣ Кастрадо.

Входятъ: Хуана Кастрада *и* Тереса Реполью, *первая въ вѣнчальномъ платьѣ.*

Кастрада.

Вотъ здѣсь можешь ты сѣсть, милая Тереса Реполью, чтобы сцена была прямо передъ нами. Ты вѣдь знаешь, подъ какимъ условіемъ можно смотрѣть это представленіе; не забудь, а то будетъ большая бѣда.

Тереса.

Ты знаешь, Хуана Кастрада, что я твоя родственница, больше я ничего не скажу. Какъ твердо я увѣрена, что буду на небѣ, такъ же увѣрена и въ томъ, что увижу все, что на этомъ представленіи будетъ показываться. Клянусь жизнію моей матери, я готова выколоть себѣ оба глаза, если случится со мной какая нибудь бѣда. Ничего со мной не будетъ, вотъ что!

Кастрада.

Потише, сестрица, всѣ идутъ сюда.

Входятъ: Губернадоръ, Бенито Реполью, Хуанъ Кастрадо, Педро Капачо, *директоръ и директорша, музыкантъ, нѣкоторые изъ жителей мѣстечка и племянникъ Бенито, человѣкъ ловкій, мастеръ танцовать.*

Чанфалья.

Садитесь всѣ; представленіе будетъ за этимъ занавѣсомъ, и директорша тамъ же, а здѣсь музыкантъ.

Бенито.

Это музыкантъ-то? Ужъ и его тоже за занавѣсъ: за то только, чтобъ не видать его, я съ удовольствіемъ откажусь его слушать.

Чанфалья.

Вы, ваша милость, сеньёръ-алкальдъ Реполью, безъ всякаго основанія недовольны музыкантомъ. Онъ, по истинѣ, очень добрый христіанинъ и издалъ, отъ извѣстнаго корня.

Губернадоръ.

Эти качества необходимы, чтобъ быть хорошимъ музыкантомъ.

Бенито.

Чтобъ деревомъ—допускаю; но музыкантомъ—abrenuncio.

Карапузикъ.

Да, дѣйствительно, тотъ долженъ считать себя дуракомъ, кто явился играть передъ такимъ...

Бенито.

Нѣтъ, ей Богу, мы видывали здѣсь музыкантовъ совсѣмъ не такихъ, какъ...

Гобернадоръ.

Оставьте ваши обоюдныя возраженія, какъ сеньёръ Карапузикъ, такъ и алкальдъ; а то они могутъ затянуться до безконечности. Сеньёръ Монтіель, начинайте свое дѣло.

Бенито.

Не много-жъ утвари у директора великаго спектакля.

Хуанъ.

Тутъ должно быть все чудеса.

Чанфалья.

Вниманіе, сеньёры! Начинаю. О, ты, кто-бъ ты ни былъ, ты, который устроилъ этотъ театръ съ такимъ чудеснымъ искусствомъ, что онъ получилъ имя театра чудесъ! Ради добродѣтели, которая въ немъ заключается, заклинаю тебя, заставляю тебя и приказываю тебѣ, чтобы сейчасъ, сію минуту показалъ ты нѣкоторыя изъ тѣхъ чудесныхъ чудесъ этимъ сеньёрамъ, для ихъ утѣшенія и увеселенія, безъ всякаго скандала. Но, вотъ, я ужъ вижу, что ты мою просьбу исполняешь, потому что съ этой стороны является фигура сильнѣйшаго Самсона, обнимающаго столбы храма, чтобы повергнуть ихъ на землю и отомстить своимъ врагамъ. Стой, храбрый рыцарь, стой ради самого Бога! Удержись отъ такого злаго дѣла! Ты разрушишь домъ и превратишь въ яичницу столь многихъ и столь благородныхъ людей, каковы собравшіеся здѣсь.

Бенито.

Остановись, прахъ тебя побери! Хорошо будетъ, если вмѣсто удовольствія, за которымъ мы пришли, насъ расплюснутъ въ лепешку. Остановись, сеньёръ Самсонъ, чтобъ тебѣ провалиться! Тебя просятъ честные люди.

Капачо.

Видите вы его, Кастрадо?

Хуанъ.

Еще бы не видать! У меня глаза-то на затылкѣ, что ли?

Капачо.

Удивительное это дѣло: я такъ же вижу тамъ Самсона, какъ турецкаго султана; хотя, поистинѣ, я законный сынъ и старый христіанинъ.

Чириносъ.

Берегитесь! Идетъ быкъ, тотъ самый, который убилъ носильщика въ Саламанкѣ. Ложись, ложись! Сохрани тебя Боже! Сохрани тебя Боже!

Чанфалья.

Ложитесь всѣ, ложитесь всѣ! Ухъ, ухъ, ухъ! (*Всѣ ложатся и трепещутъ.*)

Бенито.

Въ этомъ быкѣ сидитъ самъ дьяволъ: онъ съ боковъ черноватъ и пѣгій. Если я не присяду, онъ меня вздернетъ къ верху.

Хуанъ.

Сеньёръ-директоръ, постарайтесь, если можно, чтобъ не выходили фигуры такія страшныя, онѣ насъ пугаютъ. Я говорю не про себя, а про этихъ дѣвочекъ... въ нихъ кровинки не осталось при видѣ такого свирѣпаго быка.

Кастрада.

Да еще какъ, отецъ! Я думала, что три дня не приду въ себя. Мнѣ показалось, что я ужъ на его рогахъ, которые у него такіе острые, какъ шило.

Хуанъ.

Не была ты, дочка, на рогахъ и ихъ не видала.

Губернадоръ (*про-себя*).

Ну, пускай всѣ видятъ то, чего я не вижу: подъ конецъ и я скажу, что все видѣлъ; а то стыдно будетъ.

Чириносъ.

Это стадо мышей, которое появляется передъ вами, происходитъ по прямой линіи отъ тѣхъ, которыя были въ Ноевомъ ковчегѣ. Вотъ тутъ бѣлыя, а тутъ пестрыя, тутъ крапчатыя, а тутъ синія; и наконецъ все это мыши.

Хуана Кастрада.

Боже! Горе мнѣ! Держите меня, я выпрыгну въ окошко. Ахъ, я несчастная! Милая, обожми крѣпче твои юпки и смотри, чтобы тебя не укусили. Нѣтъ, ихъ тутъ не стадо, клянусь жизнію моей бабушки, ихъ больше тысячи!

Тереса.

Я несчастная-то, потому что онѣ забрались ко мнѣ, такъ что и не выгонишь: одна гнѣдая мышь влѣпилась мнѣ въ колѣнку. Силы небесныя, помогите мнѣ, на землѣ нѣтъ мнѣ помощи!

Бенито.

Однако хорошо, что я въ штанахъ; ни одна мышь ко мнѣ не залѣзетъ, даже самая маленькая.

Чанфалья.

Эта вода, которая съ такой стремительностью низвергается изъ облаковъ, есть тотъ источникъ, который далъ начало и происхожденіе рѣкѣ Іордану. У каждой женщины, если ей плеснуть этой воды въ лицо, оно превратится въ гладкое серебро, а если мужчинамъ, то у нихъ бороды сдѣлаются золотыми.

Кастарда.

Слушай, милая, открой лицо—ты увидишь то, что тебѣ нужно. О, какая вкусная вода! Закройся, отецъ, не замочись!

Хуанъ.

Всѣ закроемся, дочка.

Бенито.

Отъ плечь вода пробралась у меня до главнаго шлюза.

Капачо (*про-себя*).

Я сухъ, какъ ковыль.

Губернадоръ (*тоже*).

Это чортъ знаетъ что такое! На меня не попало ни одной капли, а всѣ промокли! Какъ, неужели же я, между столькими законными дѣтьми, одинъ незаконнорожденный?

Бенито.

Уберите вы отъ меня этого музыканта: иначе, клянусь Богомъ, я уйду и не увижу больше ни одной фигуры. Чортъ тебя побери, музыкантъ-оборотень! И пусть идетъ представленіе безъ треску и безъ звону.

Карапузикъ.

Сеньёръ-алькальдъ, не злобьтесь на меня! Я играю такъ, какъ мнѣ Богъ помогъ выучиться.

Бенито.

Тебѣ-то Богъ помогъ выучиться? Ахъ ты, червякъ! Убирайся за занавѣсъ! а то, ей Богу, я запущу въ тебя этой скамейкой.

Карапузикъ.

И чортъ меня занесъ въ этотъ городъ!

Капачо.

Свѣжа вода святой рѣки Іордана; хоть я и закрывался, какъ только могъ, но всетаки мнѣ немного на бороду попало, и я пари держу, что она у меня свѣтится, какъ золото.

Бенито.

И даже въ пятьдесятъ разъ хуже.

Чиринось.

Теперь является около двухъ дюжинъ свирѣпыхъ львовъ и сѣдыхъ медвѣдей: все живое берегись! Хотя они и призрачные, но не преминутъ надѣлать какихъ нибудь бѣдъ и даже воспроизвести подвигъ Геркулеса съ обнаженными шпагами.

Хуанъ.

Эй, сеньёръ-директоръ! вы, провалиться на мѣстѣ, хотите прогнать насъ изъ дому, что ли, своими медвѣдями да львами?

Бенито.

Вашъ Дурачина долженъ бы намъ соловьевъ да жаворонковъ показывать, а не львовъ да драконовъ. Сеньёръ-директоръ, или пусть являются фигуры болѣе пріятныя, или съ насъ довольно того, что мы видѣли; и убирайтесь съ Богомъ и не оставайтесь дольше ни одной минуты въ нашемъ мѣстечкѣ.

Кастрада.

Сеньёръ Бетино Реполью, пусть являются медвѣди и львы, хоть только для насъ, женщинъ, намъ будетъ очень пріятно.

Хуанъ.

Какъ же, дочка, давеча ты испугалась мышей, а теперь захотѣлось тебѣ медвѣдей и львовъ?

Кастрада.

Все новое заманчиво, сеньёръ-отецъ.

Чириносъ.

Вотъ является дѣвица, милая и учтивая; это, такъ называемая, Иродіада, пляска которой стоила головы Предтечѣ. Еслибъ взялся кто нибудь потанцовать съ ней, вы бы увидали чудеса.

Бенито.

Это такъ! Фу ты пропасть, какая милая фигурка, пріятная и свѣтленькая! Ахъ ты, шлюха! Какъ вертится-то дѣвчонка! Племянникъ Реполью, ты кой-что умѣешь на кастаньетахъ, пособи ей, и пойдетъ у насъ пиръ-горой.

Племянникъ.

Я здѣсь, дядя Бенито Реполью.

(*Танцуетъ сарабанду, Карапузикъ играетъ.*)

Капачо.

Клянусь дѣдушкой, значитъ сарабанда и чакона очень древніе танцы.

Бенито.

Эй, племянникъ, держись крѣпче за эту плутовку жидовку! Но если она жидовка, какъ же она можетъ видѣть чудеса?

Чанфалья.

Нѣтъ правила безъ исключенія, сеньёръ-алкальдъ.

(*За сценой трубятъ, входитъ Фурьеръ кавалеристовъ.*)

Фурьеръ.

Кто здѣсь сеньёръ-губернадоръ?

Губернадоръ.

Это я. Что вамъ нужно?

Фурьеръ.

Приготовьте сейчасъ же помѣщеніе для тридцати кавалеристовъ, они будутъ здѣсь черезъ полчаса и даже раньше; ужъ слышны трубы! Прощайте! (*Уходитъ.*)

Бенито.

Я бьюсь объ закладъ, что эту конницу послалъ нашъ мудрецъ Дурачина.

Чанфалья.

Ну, нѣтъ, это отрядъ конницы, который былъ на постоѣ въ двухъ миляхъ отсюда.

Бенито.

Ну, теперь я знаю вашего Дурачину, знаю и то, что вы и онъ величайшіе мошенники, не исключая и музыканта. Слушайте же! Я вамъ приказываю приказать Дурачинѣ, чтобы онъ не смѣлъ присылать этихъ солдатъ, иначе я имъ всѣмъ по одиночкѣ закачу въ спину по двѣсти плетей.

Чанфалья.

Говорю вамъ, сеньёръ-алкальдъ, что ихъ послалъ не Дурачина.

Бенито.

А я говорю, что ихъ послалъ Дурачина, какъ онъ послалъ и всѣхъ другихъ гадовъ, которыхъ я видѣлъ.

Капачо.

Мы всѣхъ ихъ видѣли, сеньёръ Бенито Репольо.

Бенито.

Я и не говорю, что вы не видали, сеньёръ Петро Капачо. Не играй больше, ты, разиня-музыкантъ, а то я тебѣ голову разобью. (*Возвращается Фурьеръ.*)

Фурьеръ.

Ну, готовы квартиры? Кавалеристы ужъ въ городѣ.

Бенито.

Такъ Дурачино хочетъ на своемъ поставить? Ну, такъ я клянусь этому директору пустяковъ и плутней, что онъ мнѣ за это поплатится.

Чанфалья.

Будьте свидѣтелями, что алкальдъ мнѣ грозитъ.

Чириносъ.

Будьте свидѣтелями, что про посланныхъ отъ его величества алкальдъ говоритъ, что они посланы отъ мудраго Дурачины.

Бенито.

Самой-то тебѣ одурачиться бы пошли Боже всемогущій!

Губернадоръ.

А я самъ про-себя думаю, что эти кавалеристы должно быть настоящіе, а не въ шутку.

Фурьеръ.

Въ шутку, сеньёръ-губернадоръ? Да въ умѣ ли вы?

Хуанъ.

Очень можетъ быть, что они Дурачковскіе, какъ все, что мы видѣли. Сдѣлайте милость, директоръ, заставьте дѣвицу Иродіаду выдти въ другой разъ, чтобы этотъ сеньёръ видѣлъ то, чего никогда не видывалъ. Можетъ быть, мы его подкупимъ этимъ, чтобы онъ поскорѣе ушелъ изъ этого мѣстечка.

Чанфалья.

Это извольте. Смотрите же, какъ она покажется, мигните вашему танцору, чтобъ онъ ей опять помогъ танцовать.

Племянникъ.

Ужъ, конечно, за мной дѣло не станетъ.

Бенито.

Такъ, племянникъ, замучь ее, замучь ее! Поворотъ, еще поворотъ! Ей Богу, это ртуть, а не дѣвчонка! Живо, живо! Еще, еще!

Фурьеръ.

Съ ума сошелъ, что ли, этотъ народъ? Какой тутъ дьяволъ, какая дѣвушка, и что за пляска, и что за Дурачина?

Капачо.

Значитъ, сеньёръ-фурьеръ не видитъ иродіанскую дѣвушку?

Фурьеръ.

Да какого чорта и какую дѣвушку мнѣ видѣть?

Капачо.

Довольно, ex illis est. *)

Губернадоръ.

Ex illis est, ex illis est.

Хуанъ.

Онъ изъ тѣхъ, сеньёръ-фурьеръ, изъ тѣхъ, онъ изъ тѣхъ.

Фурьеръ.

Что за подлая порода! А вотъ, клянусь Богомъ, коли положу я руку на шпагу, такъ придется вамъ въ окна метаться, а не въ дверь.

Капачо.

Довольно, ex illis est.

---

*) Ex illis est значитъ: «онъ изъ тѣхъ», т. е. изъ перекрещенцевъ, или изъ незаконнорожденныхъ. *Прим. перев.*

Бенито.

Довольно, онъ изъ тѣхъ, потому что не видитъ ничего.

Фурьеръ.

Ахъ, гнусные канальи, если еще разъ вы мнѣ скажете, что я „изъ тѣхъ“, на васъ живаго мѣста не останется.

Бенито.

Никогда еще перекрещенцы и незаконные храбры не бывали: и потому мы можемъ сказать: онъ изъ этихъ, онъ изъ этихъ.

Фурьеръ.

Ахъ, проклятая деревенщина! Погодите-жъ! (*Беретъ шпагу и дерется со всѣми. Алкальдъ бьетъ палкой Карапузика, Черносъ сдерживаетъ занавѣсъ.*)

Черносъ.

Чортъ ихъ принесъ, эту трубу и кавалеристовъ; точно ихъ въ колоколъ сзывали!

Чанфалья.

Мы имѣемъ необыкновенный успѣхъ. Хорошія качества нашего театра обнаружились, и завтра мы можетъ показать его городу; а сами можемъ воспѣть тріумфъ этой битвы, восклицая: да здравствуютъ Черносъ и Чанфалья!

VII.

САЛАМАНСКАЯ ПЕЩЕРА. *)

(LA CUEVA DE SALAMANCA.)

ЛИЦА:

Панкрасіо.
Леонарда, его жена.
Кристина—горничная.
Сакристанъ Репонсе.
Николасъ Рокэ—цырюльникъ.
Студентъ.
Леонисо—кумъ Панкрасіо.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Комната въ домѣ Панкрасіо.

Входятъ: Панкрасіо, Леонарда *и* Кристина.

Панкрасіо.

Осушите слезы, сеньёра, и прервите вздохи! Подумайте! Четыре дня отсутствія—вѣдь не вѣчность. Я возвращусь, ужъ самое большее, на пятый день, если, Богъ дастъ, не умру. Хотя, конечно, будетъ лучше не разстраивать васъ, нарушить обѣщаніе и

*) Несчастныя жертвы инквизиціи въ Испаніи въ своихъ, вынужденныхъ пытками признаніяхъ объявляли, что они имѣли сношенія съ дьяволами и учились волшебству въ пещерахъ Толедо и Саламанки. Эти пещеры въ Испаніи играли ту же роль, какую въ инквизиціонныхъ судахъ Германіи играли «шабаши».

оставить эту поѣздку, потому что сестра можетъ выйти замужъ и безъ меня.

Леонарда.

Не хочу, Панкрасіо, мужъ и сеньёръ мой, чтобы изъ угожденья мнѣ вы сдѣлали невѣжливость. Отправляйтесь въ часъ добрый и исполняйте ваши обязанности, ихъ нельзя нарушать: а ужъ я перемаюсь со своимъ горемъ и скоротаю какъ нибудь одиночество. Объ одномъ прошу: возвращайтесь и не оставайтесь долѣе назначеннаго вами срока. Держи меня, Кристина, у меня замираетъ сердце! (*Падаетъ въ обморокъ.*)

Кристина.

Охъ, ужъ эти мнѣ свадьбы и праздники! Ну, сеньёръ, по правдѣ вамъ сказать, если бы я была на мѣстѣ вашей милости, ни за что бы я не поѣхала.

Панкрасіо.

Поди-ка, дитя мое, принеси стаканъ воды; надо плеснуть ей въ лицо: или нѣтъ, постой, я скажу ей на-ухо словечко, которое женщинъ въ чувство приводитъ. (*Шепчетъ какія-то слова, Леонарда приходитъ въ чувство.*)

Леонарда.

Довольно: нужно быть твердой! Въ самомъ дѣлѣ, должны же мы имѣть терпѣніе, радость моя! Чѣмъ болѣе вы здѣсь медлите, тѣмъ болѣе отдаляете мое благополучіе. Вашъ кумъ, Леонисо, должно быть, уже ждетъ васъ въ каретѣ: идите съ Богомъ, и пусть Онъ возвратитъ васъ такъ скоро и въ такомъ добромъ здоровьѣ, какъ я того желаю.

Панкрасіо.

Мой ангелъ, если хочешь, чтобы я остался, я не двинусь съ мѣста, какъ статуя.

Леонарда.

Нѣтъ, нѣтъ, опора моя: мои желанія — это ваши желанія; и теперь для меня лучше, чтобы вы ѣхали, чѣмъ оставались, потому что ваша честь — моя честь.

Кристина.

Образцовые супруги! По правдѣ — если-бъ всѣ жены любили своихъ мужей такъ, какъ моя сеньёра Леонарда любитъ своего, такъ было бы для нихъ лучше, другая бы музыка была.

Леонарда.

Поди, Кристина, принеси мнѣ манто: я хочу проводить твоего господина и дождаться, пока онъ сядетъ въ карету.

Панкрасіо.

О, нѣтъ, ради любви моей! Обними меня и оставайся. Ну, ради жизни моей! Кристиночка, старайся развлекать свою сеньёру; я, когда возвращусь, подарю тебѣ башмаки, какіе ты желала.

Кристина.

Пожалуйста, сеньёръ, и не безпокойтесь о моей сеньёрѣ; я надѣюсь уговорить ее; мы повеселимся такъ, что ей въ голову не придетъ, что вашей милости нѣтъ дома.

Леонарда.

Мнѣ веселиться? Хорошо же ты меня знаешь, глупенькая! Нѣтъ!

Нѣтъ любезнаго со мною,
И веселье прочь летитъ;
Только горемъ да тоскою
Сердце бѣдное щемитъ!

Панкрасіо.

Наконецъ, я не могу выносить этого. Будь покойна, свѣтъ очей моихъ, и не видать этимъ глазамъ никакой радости вплоть до моего возвращенія и свиданія съ тобой. (*Уходитъ.*)

Леонарда.

О, чтобъ провалиться тебѣ въ преисподнюю, лазутчику! Убирайся, и вѣкъ бы тебя не видать! Выжига! Нѣтъ, ужъ, клянусь Богомъ, на этотъ разъ не помогутъ тебѣ ни твоя премудрость, ни твои хитрости.

Кристина.

Я тысячу разъ дрожала отъ страха, что ты своими необыкновенными чувствами остановишь его и помѣшаешь нашимъ удовольствіямъ. *)

Леонарда.

А прійдутъ нынѣче ночью тѣ, кого ждемъ-то?

---

*) Фамильярныя отношенія между горничными и ихъ барынями—дѣло обыкновенное въ Испаніи. Тамъ, такъ называемаго, простаго народа не было, всѣ были идальги (hidalgos), и умственное развитіе женщинъ и образованіе, или, лучше сказать, невѣжество ихъ во всѣхъ классахъ были одинаковы. Кромѣ того, было въ обычаѣ брать въ услуженіе бѣдныхъ родственницъ. Въ пьесѣ Сервантеса «Ревнивый старикъ» горничная, Кристина, называетъ госпожу свою: сеньёра-тётенька (señor atia). Тотъ же обычай существуетъ и у насъ въ средѣ

Кристина.

Еще бы не прійти! Я имъ вѣсточку послала: и они такъ хорошо ее приняли, что сегодня вечеромъ съ нашей довѣренной прачкой прислали намъ цѣлую корзинку съ подарками и съѣстнымъ; та и проташила ее какъ будто съ бѣльемъ. Эта корзинка похожа на тѣ, которыя посылаетъ король въ великій четвергъ своимъ бѣднымъ, или скорѣе ужъ на пасхальную, потому что тамъ и пироги, и холодное жаркое, и куриная грудинка съ рисомъ, и два каплуна, еще неощипанные, и всякіе фрукты, какіе въ эту пору водятся; да кромѣ того бурдючекъ вина, побольше полупуда вѣсомъ, и такого крѣпкаго, что такъ въ носъ и бьетъ.

Леонарда.

Это очень учтиво, да онъ и всегда былъ таковъ, мой Репонсе — сакристанъ моего существа.

Кристина.

А чего-жъ не хватаетъ моему мастеру Николасу? Онъ тоже цырюльникъ всего моего существа и бритва моихъ печалей! Какъ только я его увижу, такъ онъ у меня всякое горе обстригаетъ, какъ будто ничего и не бывало.

Леонарда.

Ты спрятала корзину-то?

Кристина.

Она у меня въ кухнѣ стоитъ, покрыта мѣшкомъ изъ-подъ золы, чтобы не замѣтили.

(*Стучатъ въ дверь, потомъ, не дождавшись отвѣта на свой стукъ, входитъ* Студентъ.)

Леонарда.

Кристина, посмотри, кто тамъ стучитъ.

Студентъ.

Сеньёры, это я, бѣдный студентъ.

Кристина.

Это сейчасъ видно, что вы и бѣдный, и студентъ: что вы сту-

достаточныхъ крестьянъ, мѣщанъ и мелкихъ купцовъ, у которыхъ прислугу замѣняютъ бѣдные племянники и племянницы. Они служатъ безъ всякаго договора, безъ всякаго жалованья, въ ожиданіи будущихъ благъ: племянницы въ ожиданіи, что ихъ выдадутъ замужъ, а племянники—что ихъ выведутъ въ люди, т. е. въ приказчики. Это называется: «жить въ племянникахъ».

дентъ. видно по вашему платью, а что вы бѣдный — по вашей дерзости. Только вотъ это странно, что бѣдный не дожидается за дверью, пока ему вынесутъ милостыню, а врывается въ домъ до самаго послѣдняго угла, не разсуждая, безпокоитъ ли онъ спящихъ, или нѣтъ.

Студентъ.

Другаго, болѣе мягкаго пріема ждалъ я отъ милостей вашей милости; я никакого подаянія не прошу и не ищу, кромѣ конюшни или сарая съ соломой, чтобы на эту ночь укрыться отъ немилостей неба, которое, какъ я предчувствую, хочетъ показать землѣ всю свою свирѣпость.

Леонарда.

Откуда вы, милый другъ?

Студентъ.

Я соломанкинецъ, сеньёра моя, т. е. я хочу сказать, что я изъ Саламанки. Я ходилъ въ Римъ съ дядей, и онъ умеръ на дорогѣ, въ серединѣ Франціи. Тогда я пошелъ одинъ; я рѣшился возвратиться въ свою землю. Въ Каталоніи меня ограбили слуги, или товарищи Рокэ Гинарде *). Самъ онъ былъ въ отсутствіи, а будь онъ тамъ, онъ не позволилъ бы обидѣть меня, потому что онъ очень учтивъ, честенъ и даже милостивъ. Теперь застала меня ночь у вашихъ святыхъ дверей; я такими ихъ считаю, и прошу помощи.

Леонарда.

Кристина, право, этотъ студентъ возбуждаетъ во мнѣ состраданіе.

Кристина.

Да и меня ужъ беретъ за сердце. Оставимъ его ночевать у

*) Атаманъ разбойниковъ Roque Guinarde выведенъ Сервантесомъ въ «Донъ-Кихотѣ». Въ романѣ онъ называется: Roque Guinart. Испанія по преимуществу страна разбойниковъ. Во времена Сервантеса бывало нерѣдко, что разбойничьи шайки пополнялись молодыми людьми изъ лучшихъ фамилій. Вражда двухъ какихъ нибудь значительныхъ фамилій, изъ которыхъ каждая имѣла свою партію, раздѣляла области и города на два враждебные лагеря. Вражда порождала убійства, а убійства—кровавую месть, т. е. новыя убійства; убійцы, скрываясь отъ правосудія, находили убѣжище въ разбойничьихъ шайкахъ и часто предводительствовали надъ ними. Въ Каталоніи, въ то время, какъ видно изъ романа Сервантеса, враждовали двѣ фамиліи: Ніарры (Niarros) и Кадельи (Cadelles); Рокэ принадлежалъ къ партіи Ніарровъ. Сервантесъ изображаетъ Рокэ человѣкомъ благороднымъ и великодушнымъ и вообще относится къ нему очень сочувственно.

насъ; отъ излишковъ замка можно прокормить цѣлый полкъ, говоритъ пословица; я хочу сказать, что остатками нашей провизіи онъ можетъ утолить свой голодъ, и сверхъ того, онъ поможетъ мнѣ щипать живность, которая въ корзинѣ.

Леонарда.

Однако, какъ же это, Кристина? Ты хочешь, чтобы у насъ въ домѣ были свидѣтели нашего легкомысленнаго поведенія?

Кристина.

Ну, кажется, отъ него слова-то, какъ отъ рыбы, не скоро дождешься. Подите сюда, другъ мой! Умѣете вы щипать?

Студентъ.

Какъ это: „умѣю щипать“? Я не понимаю, что значитъ: „щипать“. Мнѣ кажется, ваша милость хочетъ посмѣяться надъ моей ощипанностью. Такъ ужъ это зачѣмъ же? Я и самъ признаюсь, что я величайшій оборванецъ въ мірѣ.

Кристина.

Нѣтъ, совсѣмъ не то, по душѣ вамъ говорю; я хотѣла только знать, умѣете ли вы ощипать двѣ или три пары каплуновъ.

Студентъ.

На это, сеньёры, я могу вамъ отвѣтить, что я, по милости Божіей, имѣю ученую степень баккалавра Саламанки: я не говорю, чтобы...

Леонарда.

Да, коли такъ, кто же можетъ сомнѣваться, что вы съумѣете ощипать не только каплуновъ, но и гусей и дрофъ! А хранить тайну—какъ вы насчетъ этого? Не нападаетъ ли на васъ искушеніе разсказывать то, что вы видите, предполагаете или думаете?

Студентъ.

Вы можете предъ моими глазами перебить людей больше, чѣмъ барановъ на бойнѣ, и я всетаки не раскрою губъ, чтобы проронить хоть одно слово.

Кристина.

И такъ, зажмите вашъ ротъ, привяжите шнуркомъ вашъ языкъ, навострите ваши зубы и пойдемте съ нами, и вы увидите

тайны и будете ѣсть чудеса, и можете потомъ на соломѣ протянуть ноги во всю длину постели.

Студентъ.

Это ровно въ семь разъ больше того, что мнѣ нужно; я не жадный человѣкъ и не избалованъ.

Входятъ: Сакристанъ Репонсе *и* Цырюльникъ.

Сакристанъ.

Да будутъ благословенны антомедоны и кондукторы повозокъ нашихъ удовольствій, лучи въ нашихъ потемкахъ, и двѣ взаимныя склонности, которыя служатъ базами и колоннами любовной фабрики нашихъ пожеланій.

Леонарда.

Вѣдь вотъ только это и противно въ тебѣ, Репонсе: говори ты, какъ всѣ говорятъ, чтобъ тебя понять можно было, и не заносись ты такъ высоко, что тебя не достанешь.

Цырульникъ.

Вотъ у меня это дѣло идетъ настоящимъ порядкомъ; моя рѣчь льется гладко, какъ подошвы у башмака: хлѣбъ вмѣсто вина, и вино вмѣсто хлѣба, или вообще какъ слѣдуетъ выражаться...

Сакристанъ.

Да; но только въ томъ и разница между сакристаномъ-грамматикомъ и цырюльникомъ-романсистомъ.

Кристина.

Для того, что мнѣ нужно отъ моего цырюльника, онъ знаетъ по-латыни очень довольно и даже больше, чѣмъ у Антоніо-де-Небриха *) вычитать можно; да и нечего теперь спорить ни о наукахъ, ни объ умѣньи говорить; пусть каждый говоритъ, если не по-ученому, то какъ умѣетъ; и пойдемте, примемся за работу, намъ еще много нужно сдѣлать.

Студентъ.

И много щипать?

Сакристанъ.

Кто это, этотъ добрый человѣкъ?

---

*) Знаменитый испанскій грамматикъ; его грамматика была во всеобщемъ употребленіи.

Леонарда.

Бѣдный студентъ саламанскій: онъ проситъ пристанища на эту ночь.

Сакристанъ (*вынимая деньги*).

Я дамъ ему два реала на ужинъ и ночлегъ, и пусть идетъ съ Богомъ.

Студентъ (*принимая деньги*).

Сеньёръ-сакристанъ Репонсе, принимаю и благодарю васъ за милость и милостыню. Но я молчаливъ и сверхъ того бѣденъ, что̀ и нужно для этой сеньёры-дѣвицы, у которой я въ гостяхъ; и я клянусь, что... что ужъ въ эту ночь не уйду изъ этого дома, хотя бы даже весь свѣтъ меня гналъ. Ваша милость, довѣрьтесь каторжному человѣку моего пошиба, который довольствуется ночлегомъ на соломѣ. Что же касается до вашихъ каплуновъ, то пусть ихъ щиплетъ турка, и подавиться бы вамъ ими.

Цырюльникъ.

Мнѣ кажется, онъ больше мошенникъ, чѣмъ бѣднякъ. У него такой видъ, какъ будто собирается поднять весь домъ вверхъ дномъ.

Кристина.

Что бы тамъ ни было, а эта смѣлость мнѣ нравится; пойдемте всѣ и по-порядку примемся за дѣло; бѣднякъ будетъ щипать и будетъ молчать, какъ за обѣдней.

Студентъ.

Ужъ вѣрнѣй сказать: какъ за всенощной.

Сакристанъ.

Этотъ студентъ меня пугаетъ; я бьюсь объ закладъ, что онъ знаетъ по-латыни больше меня.

Леонарда.

Оттого-то онъ, должно быть, такой и смѣлый. Но не раскаивайся, мой другъ, въ своей благотворительности, потому что это во всякомъ случаѣ дѣло хорошее. (*Уходятъ всѣ.*)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

На улицѣ.

Входятъ: Панкрасіо *и* кумъ его Леонисо.

Кумъ.

Я сейчасъ же замѣтилъ, что колесо у насъ сломается. Но извощики всѣ безъ исключенія народъ упрямый; если бы онъ поѣхалъ въ объѣздъ, а не прямо черезъ этотъ оврагъ, мы были бы за двѣ мили отсюда.

Панкрасіо.

Для меня это бѣда не большая: мнѣ гораздо пріятнѣе возвратиться и провести эту ночь съ моей женой Леонардой, чѣмъ на постояломъ дворѣ. Вѣдь она, несчастная, чуть не умерла сегодня вечеромъ отъ горя, что я уѣзжаю.

Кумъ.

Великая женщина! Наградило васъ небо, сеньёръ-кумъ. Благодарите его за жену.

Панкрасіо.

И то благодарю, какъ умѣю; но, конечно, меньше того, чѣмъ бы долженъ: никакая Лукреція ей не подъ стать; ни одна Порція съ ней не сравнится: честность и любовь къ уединенію такъ и живутъ въ ея душѣ.

Кумъ.

Ну, и моя, если-бъ не была ревнива, такъ и мнѣ лучше не надо. Мнѣ по этой улицѣ ближе къ дому, а вы тутъ идите по этой, и мигомъ будете дома. Завтра увидимся; за экипажемъ дѣло не станетъ. Прощайте!

Панкрасіо.

Прощайте! (*Уходятъ.*)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Въ домъ Панкрасіо.

Входятъ: Сакристанъ *и* Цырюльникъ *(съ гитарами)*, Леонарда, Кристина *и* Студентъ. Сакристанъ, *подобравши сутану и завязавши концы полъ кругомъ пояса, пляшетъ подъ звуки своей гитары и при каждомъ скачкѣ припѣваетъ.*

Сакристанъ.

Отличная ночка, отличная пирушка, отличный ужинъ и отличная любовь!

Кристина.

Сеньёръ-сакристанъ Репонсе, теперь не время танцовать; садитесь, честь честью, ужинать и заниматься разговорами, и отложите танцы до болѣе удобнаго времени.

Сакристанъ.

Отличная ночка, отличная пирушка, отличный ужинъ и отличная любовь!

Леонарда.

Оставь его, Кристина, мнѣ очень пріятно видѣть его веселымъ.

(*Стукъ въ дверь и голосъ Панкрасіо.*)

Панкрасіо.

Сонный народъ! Не слышите, что ли? Зачѣмъ такъ рано заперли двери? Вотъ до чего доходитъ скромность моей Леонарды!

Леонарда.

Ахъ, я несчастная! По голосу и по стуку, это мой мужъ Панкрасіо; съ нимъ что нибудь случилось, вотъ онъ и воротился. Сеньёры, скрывайтесь въ угольницу, то есть въ чуланъ, гдѣ у насъ уголь. Бѣги, Кристина, проводи ихъ; а я удержу Панкрасіо, сколько будетъ нужно.

Студентъ.

Скверная ночь, дрянная пирушка, плохой ужинъ, и еще хуже любовь!

Кристина.

Какъ снѣгъ на голову! Пойдемте, пойдемте всѣ.

Панкрасіо.

Что тамъ за чортъ такой! Да что-жъ вы не отпираете, сони?

Студентъ.

Вотъ что: я не хочу быть заодно съ этими сеньёрами; пусть прячутся, гдѣ хотятъ, я пойду на солому; хоть тамъ меня и найдутъ, всетаки примутъ за бѣднаго, а не за любовника.

Кристина.

Пойдемте, а то онъ такъ стучитъ, что, того гляди, расколотитъ домъ.

Сакристанъ.

У меня душа въ зубахъ трепещется.

Цирюльникъ.

А у меня ударилась въ пятки.

(*Всѣ уходятъ, остается Леонарда одна.*)

Леонарда.

Кто тамъ? Кто стучитъ?

Панкрасіо.

Твой мужъ, Леонарда моя. Отопри, ужъ я полчаса колочу въ двери.

Леонарда.

По голосу-то мнѣ кажется, какъ будто это мой чурбанъ Панкрасіо; но вѣдь голоса-то — что у того, что у другаго пѣтуха — всѣ похожи; не могу сказать навѣрное...

Панкрасіо.

Вотъ умная-то жена! Какая необыкновенная осторожность! Это я, жизнь моя, твой мужъ, Панкрасіо; отпирай, не сомнѣвайся.

Леонарда.

Подите-ка сюда; вотъ я посмотрю. Что я дѣлала, когда мужъ уѣзжалъ сегодня вечеромъ?

Панкрасіо.

Вздыхала, плакала и наконецъ упала въ обморокъ.

Леонарда.

Правда. Но всетаки скажите мнѣ еще: какіе у меня знаки на плечѣ, и на какомъ?

Панкрасіо.

На лѣвомъ родимое пятно величиной въ полъ-реала, съ тремя волосками, какъ три золотыя ниточки.

Леонарда.

Правда. А какъ зовутъ дѣвушку-служанку въ домѣ?

Панкрасіо.

Ахъ, дурочка, довольно, надоѣла! Кристиночкой ее зовутъ; ну, что тебѣ еще?

Леонарда.

Кристиночка, Кристиночка, это твой сеньёръ; отопри, дитя мое.

Кристина.

Иду, сеньёра. Ну, вотъ, чего же лучше! (*Отпирая.*) Что это, сеньёръ мой? Что это вы сегодня такъ скоро вернулись?

Леонарда.

Ахъ, блаженство мое! Говорите скорѣй! Я такъ боюсь, не случилось ли какой бѣды съ вами, что у меня всѣ жилы болятъ.

Панкрасіо.

Ничего такого не случилось. Только въ одномъ оврагѣ сломалось колесо у кареты, и мы съ кумомъ рѣшили возвратиться, чтобы не ночевать въ полѣ. Завтра утромъ мы сыщемъ подводу, потому что время еще не ушло. Что это за крики? (*Издали слышится голосъ студента.*)

Студентъ (*за сценой*).

Выпустите меня, сеньёры, я задыхаюсь!

Панкрасіо.

Это въ домѣ или на улицѣ?

Кристина.

Ну, убейте меня, если это не бѣдный студентъ, котораго я заперла въ чуланѣ, чтобы онъ тамъ переночевалъ эту ночь.

Панкрасіо.

Студентъ запертъ у меня въ домѣ и въ мое отсутствіе? Не хорошо! Сеньёра, если-бъ я не былъ такъ увѣренъ въ вашей добродѣтели, то это прятанье возбудило бы во мнѣ нѣкоторое подозрѣніе. Однакожъ поди, выпусти его. Должно быть, тамъ вся солома на него повалилась.

Кристина.

Я иду. (*Уходитъ.*)

Леонарда.

Сеньёръ, это бѣдный саламанкинецъ: онъ просилъ. Христа ради, пустить его переночевать эту ночь хоть на соломѣ. Вы знаете мой характеръ, я ни въ чемъ не могу отказать, коли меня просятъ; ну, мы пустили и заперли его. Вотъ онъ, посмотрите, въ какомъ онъ видѣ!

Входятъ: Кристина *и* Студентъ, *у него въ бородѣ, въ волосахъ и на платьѣ солома.*

Студентъ.

Вотъ если-бъ я не боялся и не былъ такъ совѣстливъ, я бы не подвергалъ себя опасности задохнуться въ соломѣ; я бы хорошо поужиналъ и имѣлъ болѣе мягкую и менѣе опасную постель..

Панкрасіо.

А кто-жъ бы вамъ далъ, мой другъ, лучшій ужинъ и лучшую постель?

Студентъ.

Кто? Искусство мое; только бы страхъ суда не вязалъ мнѣ руки.

Панкрасіо.

Значитъ, ваше искусство опасное, коли оно суда боится.

Студентъ.

Знанія, которыя я пріобрѣлъ въ пещерѣ саламанской (я родомъ изъ Саламанки), если только употребить ихъ въ дѣло и не боясь святой инквизиціи, таковы, что я всегда могу ужинать и пировать на счетъ моихъ наслѣдниковъ, т. е. даромъ. И я непрочь употребить ихъ въ дѣло, по крайней мѣрѣ, на этотъ разъ, когда необходимость меня къ тому принуждаетъ и слѣдовательно оправдываетъ. Но, я не знаю, умѣютъ ли эти сеньёры молчать, какъ я умѣю.

Панкрасіо.

Не заботьтесь объ нихъ, другъ мой. Дѣлайте, что̀ вамъ угодно; я заставлю ихъ молчать. Я желаю отъ всего сердца видѣть что нибудь изъ тѣхъ диковинъ, которымъ, какъ говорятъ, обучаются въ пещерѣ самаланской.

Студентъ.

Будетъ ли довольна ваша милость, если я прикажу двумъ дьяволамъ, въ человѣческомъ видѣ, принести сюда корзину съ холоднымъ кушаньемъ и прочимъ съѣстнымъ?

Леонарда.

Дьяволы въ моемъ домѣ, въ моемъ присутствіи? Боже спаси меня отъ напасти, отъ которой сама спастись не умѣю!

Кристина.

Самъ чортъ сидитъ въ этомъ студентѣ. Дай Богъ, чтобъ эта продѣлка добромъ кончилась! У меня сердце въ груди замираетъ.

Панкрасіо.

Ну, хорошо; если только это не опасно и не ужасно, я очень желаю видѣть сеньёровъ-дьяволовъ и корзину съ холоднымъ кушаньемъ. Ну, я вамъ повторяю: чтобъ видъ ихъ не былъ ужасенъ.

Студентъ.

Они покажутся въ видѣ сакристана приходской церкви и цырюльника, его друга.

Кристина.

Что онъ тамъ толкуетъ о сакристанѣ Репонсе и о господинѣ Рокэ, нашемъ домашнемъ цырюльникѣ? Несчастные, они должны превратиться въ дьяволовъ! Скажите мнѣ, родной мой, это будутъ дьяволы крещеные?

Студентъ.

Вотъ новость! Когда-жъ дьяволъ бываютъ крещенымъ дьяволомъ? Да и зачѣмъ крестить дьяволовъ? А можетъ быть, эти и крещеные, потому что не бываетъ правила безъ исключенія. Посторонитесь, и увидите чудеса.

Леонарда.

Ахъ, я несчастная! Теперь все пропало; все наше плутовство откроется. Я умираю.

Кристина.

Смѣлѣй, сеньёра! Смѣлый изъ воды сухъ вылѣзетъ.

Студентъ.

О, жалкіе, что въ угольномъ чуланѣ
Скрываетесь, приказъ услышьте грозный!
Несите къ намъ легко и граціозно

Въ корзинѣ ужинъ, стряпанный заранѣ.
Вы слушайтесь, пока прошу учтиво,
И грубымъ быть меня не принуждайте!
Или сейчасъ идите, или знайте,
Что день для васъ не кончится счастливо!

А! Теперь я знаю, какъ мнѣ вести себя съ этими воплощенными дьяволами. Я пойду къ нимъ и наединѣ поговорю съ ними, да такъ крѣпко, что они мигомъ выскочатъ; свойство этихъ дьяволовъ таково, что ихъ убѣдишь скорѣе разумными совѣтами, чѣмъ заклинаніями. (*Уходитъ.*)

Панкрасіо.

Вотъ что я вамъ скажу! Если все выйдетъ такъ, какъ онъ говоритъ, такъ это будетъ такая новая и такая диковинная штука, какихъ еще на свѣтѣ не видано.

Леонарда.

Да, конечно, выйдетъ. Какое сомнѣнье! Что̀ ему насъ обманывать!

Кристина (*прислушиваясь*).

Тамъ возня поднимается. Бьюсь объ закладъ, что это онъ ихъ гонитъ. Да вотъ онъ съ дьяволами, и цѣлая кладовая въ корзинѣ.

Входятъ: Студентъ, *за нимъ* Сакристанъ *и* Цырюльникъ *несутъ корзину.*

Леонарда.

Господи Іисусе! Какъ они похожи на сакристана Репонсе и цырюльника съ площади.

Кристина.

Смотрите, сеньёра, при дьяволахъ не говорятъ: Господи Іисусе!

Сакристанъ.

Говорите, что угодно: мы, какъ собаки у кузнеца, которыя преспокойно спятъ подъ шумъ молотковъ; насъ ужъ ничто не испугаетъ, не возмутитъ.

Леонарда.

Подойдите поближе, я хочу попробовать то, что̀ въ корзинѣ. И вы тоже возьмите что нибудь.

Студентъ.

Я во славу Божію отвѣдаю и начну отвѣдыванье съ вина. (*Пьетъ.*) Хорошо. Это эсквивійское, синьёръ, ваше дьявольство?

Сакристанъ.

Эсквивійское, клянусь вамъ...

Студентъ.

Довольно, чортъ васъ возьми, не продолжайте! Я хорошо знакомъ съ дьявольскими клятвами. Дьявольство — дьявольствомъ, а всетаки мы пришли сюда не за тѣмъ, чтобы творить смертные грѣхи, а только пріятно провести время, часъ-другой, поужинать и отправиться со Христомъ.

Кристина.

И они будутъ ужинать съ нами?

Панкрасіо.

Э, что ты! дьяволы не ѣдятъ.

Цырюльникъ.

Ну, нѣкоторые ѣдятъ; конечно, не всѣ; но мы изъ тѣхъ, которые ѣдятъ.

Кристина.

Ахъ, сеньёры, оставьте здѣсь этихъ бѣдныхъ дьяволовъ: они намъ ужинать принесли: это будетъ не очень учтиво, если мы отпустимъ ихъ умирать съ голоду. Они, какъ кажется, дьяволы очень честные и очень порядочные люди.

Леонарда.

Они насъ не пугаютъ; такъ если моему мужу угодно, пусть остаются на здоровье.

Панкрасіо.

Пусть остаются: я хочу видѣть, чего съ роду не видѣлъ.

Цырюльникъ.

Господь вамъ заплатитъ за ваше доброе дѣло, сеньёры мои.

Кристина.

Ахъ, какіе образованные, какіе учтивые! Клянусь вамъ, если всѣ дьяволы точно такіе, такъ съ этихъ поръ они станутъ моими друзьями.

Сакристанъ.

А вотъ слушайте, такъ, можетъ, вы ихъ и вправду полюбите. (*Играетъ на гитарѣ и поетъ:*)

Вы послушайте прилежно,
Малознающіе люди,
Разскажу я вамъ свободно,
Если только есть въ васъ вѣра,
Что добра въ себѣ содержитъ...

Цырюльникъ.

Саламанская пещера!

Сакристанъ.

Вотъ что баккалавръ Туданса
Написалъ объ ней на кожѣ
Отъ кобылы старой; впрочемъ,
Говорятъ, что та кобыла
Молодой была когда-то.
Исписалъ онъ ту часть кожи,
Что граничитъ близко съ задомъ,
Восхваляя черезъ мѣру...

Цырюльникъ.

Саламанскую пещеру.

Сакристанъ.

Въ ней наука для богатыхъ
И для тѣхъ, кто за душою
Не имѣетъ ни копѣйки;
Тамъ и плохенькая память
Округляется и крѣпнетъ.
А профессору скамейкой
Служитъ тамъ смола иль сѣра,
И полна чудесной силы...

Цырюльникъ.

Саламанская пещера.

Сакристанъ.

Въ ней учились и умнѣли
Даже мавры изъ Паланки,
И изъ грубаго невѣжи
Выходилъ студентъ на-диво:
Что за умъ, что за манера!
Процвѣтай же ты навѣки...

Цырюльникъ.

Саламанская пещера!

Сакристанъ.

Заклинателю, что̀ нами
Здѣсь командуетъ, желаю,
Чтобъ родился изобильно
На его цвѣтущихъ лозахъ

Синій виноградъ и бѣлый.
Еслибъ кто изъ нашей братьи
Обвинить его задумалъ,
То такого негодяя,
Безъ суда, дверным запоромъ
Пусть отдуютъ; нѣтъ примѣра,
Чтобъ на подлость покусилась...

Цырюльникъ.

Саламанская пещера!

Кристина.

Довольно! Мы видимъ, что и дьяволы поэты.

Цырюльникъ.

И всѣ поэты дьяволы.

Панкрасіо.

Скажите мнѣ, сеньёръ мой, дьяволы все знаютъ—гдѣ изобрѣтены всѣ эти танцы: сарабанда, самбапало и особенно знаменитый новый эскарраманъ?

Цырюльникъ.

Гдѣ? Въ аду; тамъ они имѣютъ свое начало и происхожденіе.

Панкрасіо.

Да, я этому вѣрю.

Леонарда.

Признаюсь, я сама немножко помѣшана на эскарраманѣ, но изъ скромности и изъ уваженія къ положенію, въ которомъ нахожусь, не осмѣливаюсь танцовать.

Сакристанъ.

Если я буду вашей милости показывать по четыре тура въ день, то въ недѣлю вы будете неподражаемой танцовщицей; вамъ для этого очень немногаго недостаетъ.

Студентъ.

Все это придетъ современемъ: а теперь пойдемте ужинать: это дѣло отлагательства не терпитъ.

Панкрасіо.

Пойдемте. Я желаю увѣриться, ѣдятъ дьяволы или нѣтъ, а также во многомъ другомъ, что говорятъ про нихъ: и ради Бога, чтобы не уходили они изъ моего дома, пока не передадутъ

мнѣ науки и всѣхъ знаній, которымъ учатся въ пещерѣ Саламанской.

Сюжетъ этой интермедіи очень стараго происхожденія: въ fabliaux труверовъ сѣверной Франціи XII и XIII вѣка встрѣчается нѣсколько варіантовъ на тэму неожиданнаго возвращенія домой мужа. Позднѣе, въ новеллахъ итальянскихъ, тотъ же сюжетъ повторялся довольно часто. Первообразомъ «Саламанской пещеры» было, какъ кажется, «Fabliau du pauvre clerc» (Reçueil de Méon t. I, pag 104. ed. 1823). «Саламанская пещера» даже въ деталяхъ напоминаетъ «Бѣднаго Клерка»: напримѣръ, въ перечисленіи кушаньевъ, находившихся въ корзинѣ. Фабліо были переведены прозой Леграномъ (Legrand); они переложены въ стихи Имберомъ (Imbert) и изданы имъ въ 1788 г. въ двухъ томахъ. Имбертовъ переводъ «Бѣднаго Клерка» помѣщенъ такъ же въ превосходномъ собраніи Fabliaux ou contes, traduits ou extraits; par Legrand d'Aussy (troisième ed.) t. 4, p. 63. Вотъ его начало:

Un clerc voyageoit lestement.
Mais tristement:
Car il avoit vidé sa bourse.
La nuit vient, et point de ressource
Pour se giter jusqu'au jour seulement.
Il aperçoit heureusement
Une maison....

Въ концѣ прошлаго столѣтія, во Франціи изъ «Бѣднаго Клерка» была сдѣлана комическая опера или, лучше сказать, оперетка — «Soldat magicien»: она пользовалась всеобщей извѣстностью и была напечатана много разъ въ разныхъ сборникахъ. Изъ этой пьески Котляревскій, подъ тѣмъ же названіемъ, сдѣлалъ малороссійскую оперетку: «Москаль-чарівникъ» (солдатъ-колдунъ), которая, благодаря игрѣ Щепкина, долгое время пользовалась въ Москвѣ большимъ успѣхомъ.

VIII.

ДВА БОЛТУНА.

(DOS HABLADORES.)

ЛИЦА:

Сарміенто.
Прокурадоръ.
Рольданъ.
Беатрисъ, жена Сарміенто.
Инесъ—горничная.
Альгвасилъ.
Письмоводитель.
Сыщикъ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Улица.

Входятъ: Прокурадоръ, Сарміенто *и* Рольданъ (*дурно одѣтый, въ кожаной куртк*ѣ, *коротк*ихъ *штанахъ со шпагой*).

Сарміенто.

Вотъ, сеньёръ-прокурадоръ, двѣсти дукатовъ! Даю вамъ слово, что я заплатилъ бы и четыреста, если-бъ рана была шире.

Прокурадоръ.

Вы нанесли ее какъ кавалеръ и какъ христіанинъ заплатили. Я беру деньги, и очень доволенъ, что я съ барышомъ, а онъ съ лѣкарствомъ.

Рольданъ.

Кавалеръ! Вы прокурадоръ?

Прокурадоръ.

Да. Что вамъ угодно?

Рольданъ.

Что это за деньги?

Прокурадоръ.

Я получилъ ихъ отъ этого кавалера, чтобы заплатить моему кліенту, которому онъ нанесъ рану въ двѣнадцать линій.

Рольданъ.

А много ли денегъ?

Прокурадоръ.

Двѣсти дукатовъ.

Рольданъ.

Ну, ступайте съ Богомъ!

Прокурадоръ.

Счастливо оставаться. (*Уходитъ.*)

Рольданъ.

Кавалеръ!

Сарміенто.

Вы это мнѣ, благородный человѣкъ?

Рольданъ.

Да, вамъ.

Сарміенто.

Что вамъ угодно? (*Снимаетъ шляпу.*)

Рольданъ.

Надѣньте шляпу, иначе слова отъ меня не услышите.

Сарміенто.

Я надѣлъ.

Рольданъ.

Сеньёръ мой, я бѣдный идальго; однако я видалъ себя въ чести. Я въ нуждѣ. Я слышалъ, что вы дали двѣсти дукатовъ человѣку, которому нанесли рану; если вамъ подобное занятіе доставляетъ удовольствіе, я готовъ получить рану, куда вамъ угодно. Я вамъ сдѣлаю пятьдесятъ дукатовъ уступки противъ другихъ.

Сарміенто.

Если-бъ я не былъ такъ разстроенъ теперь, вѣдь я долженъ бы былъ расхохотаться. Да вы не шутя это говорите? Послушайте! Вы думаете, что раны наносятся такъ, безъ причины и кому ни попало, а не тому, кто этого заслуживаетъ?

Рольданъ.

Однако, кто же больше заслуживаетъ, какъ не нужда? Развѣ не говорятъ: „нужда смотритъ анаѳемой“? Такъ развѣ не лучше имѣть рану, чѣмъ физіономію анаѳемы?

Сарміенто.

Вы, должно быть, не очень начитаны. Латинская пословица говоритъ: necessitas caret lege, это значитъ: нужда закона не знаетъ.

Рольданъ.

Вы изволили очень хорошо сказать, потому что законъ изобрѣтенъ для спокойствія, и разумъ есть душа закона. У кого есть душа, у того есть и душевныя способности: душевныхъ способностей три: память, воля и разсудокъ. Вы имѣете очень хорошій разсудокъ; разсудокъ сейчасъ видно по физіономіи: у васъ физіономія искаженная, отъ соединеннаго вліянія Юпитера и Сатурна, хотя Венера находилась въ квадратѣ и въ восхожденіи по восходящей линіи по вашему гороскопу.

Сарміенто.

И чортъ меня занесъ сюда! Этого только еще недоставало: Двѣсти дукатовъ за рану заплатилъ, да еще...

Рольданъ.

„Рану“ изволите говорить? Очень хорошо. Рану нанесъ Каинъ своему брату Авелю, хотя тогда и ножей еще не было: рану нанесъ Александръ Великій царицѣ Потасилеѣ, когда взялъ хорошо укрѣпленную Замору: точно также и Юлій Цезарь графу донъ Педро Ансуресу во время игры въ кости. Нужно вамъ знать, что раны наносятся двумя способами: есть предательство и вѣроломство; предательство противъ короля, а вѣроломство противъ равныхъ: оно бываетъ и въ оружіи,—и если я пользуюсь преимуществомъ, потому что, говоритъ Карранса въ своей философіи шпаги и Теренсій въ заговорѣ Катилины...

Сарміенто.

Убирайтесь къ чорту! Вы меня съ ума сведете! Что вы мнѣ за чушь несете!

Рольданъ.

Чушь, вы изволили сказать? Это очень хорошо, потому что чушь. хвастовство. фанфаронады по-испански называются бернардинами. Одна женщина, которую звали Бернардиной. принуждена была сдѣлаться монашенкой св. Бернарда; а вотъ если бы ее звали Франсиской, такъ она не могла бы этого сдѣлать: въ Франсискахъ четыре ефъ. Ге — есть одна изъ буквъ азбуки: буквъ въ азбукѣ двадцать-три. Букву ка мы чаще употребляемъ въ младенчествѣ,—стоитъ только повторить ее, сказать въ два пріема. Въ два пріема хорошо пить и вино: въ винѣ много великихъ достоинствъ; но не надо пить его натощакъ, а также и разбавленное водой. потому что тонкія частицы воды проникаютъ сквозь пòры и поднимаются въ мозгъ: такимъ образомъ...

Сарміенто.

Остановитесь, вы меня уморили! Точно дьяволъ сидитъ у васъ въ языкѣ.

Рольданъ.

Вы изволили сказать: въ языкѣ? Это очень хорошо. Языкъ до Рима доводитъ. Я былъ въ Римѣ и въ Манчѣ, въ Трансильваніи и въ городѣ Монтальванѣ. Монтальванъ былъ крѣпостью, въ которой былъ Рейнальдосъ; Рейнальдосъ былъ одинъ изъ двѣнадцати пэровъ Франціи и изъ тѣхъ, которые кушали съ императоромъ Карломъ Великимъ за круглымъ столомъ. Потому онъ круглый, что былъ не четверо и не осьмиугольный. Въ Валлидонидѣ есть маленькая площадь, которая называется Осьмушкой. Осьмушка есть половина четверти, или кварты. Кварта состоитъ изъ четырехъ мараведи. Въ старину мараведи стоилъ столько же, сколько теперь эскудо; эскудо два рода: есть эскудо терпѣнія и эскудо...

Сарміенто.

Господи, помоги мнѣ перенести все это! Постойте, я совсѣмъ потерялся.

Рольданъ.

Потерялся, вы изволили сказать? Это очень хорошо. Потерять—это не то, что найти. Есть семь родовъ разныхъ потерь:

можно потерять въ игрѣ, то есть проиграть, потерять состояніе, положеніе, потерять честь, потерять разсудокъ, потерять по небрежности перстень или платокъ, потерять...

Сарміенто.

Довольно, чортъ васъ подери!

Рольданъ.

Вы изволили сказать: чортъ? Это очень хорошо. Потому что чортъ искушаетъ насъ разными соблазнами: главнѣйшимъ образомъ посредствомъ мяса. Мясное—это не рыбное. Рыба флегматична; а флегматики не холерики. Человѣкъ составленъ изъ четырехъ элементовъ: изъ желчи, крови, флегмы и меланхоліи. Меланхолія—это не веселость, потому что веселость зависитъ отъ того, есть ли у человѣка деньги. Деньги дѣлаютъ людей людьми. Люди не скоты... скоты пасутся на травѣ, и наконецъ...

Сарміенто.

И наконецъ вы сведете меня съ ума; вы можете это сдѣлать. Но я умоляю васъ, выслушайте, хоть изъ учтивости, одно слово, и чтобъ отъ васъ ни слова, ни звука, иначе я тутъ же умру на мѣстѣ.

Рольданъ.

Что вамъ угодно?

Сарміенто.

Сеньёръ мой! У меня есть жена, и, по грѣхамъ моимъ, величайшая болтунья, какихъ еще не бывало съ тѣхъ поръ, какъ женщины существуютъ на свѣтѣ. Она такъ болтаетъ, что ужъ я нѣсколько разъ ощущалъ въ себѣ рѣшимость убить ее за разговоры, такъ же, какъ другихъ убиваютъ за дурныя дѣла. Искалъ я средствъ, но ни одно не помогаетъ. Теперь мнѣ пришло на мысль, что если я возьму васъ съ собой домой, и потолкуете вы съ ней шесть дней къ ряду, то окажется она передъ вами, какъ новичокъ передъ человѣкомъ бывалымъ. Пойдемте со мной, умоляю васъ: я скажу, что вы мнѣ двоюродный братъ, и подъ этимъ предлогомъ вы будете приняты въ моемъ домѣ.

Рольданъ.

Вы изволили сказать: двоюродный? Это очень хорошо. Мы всѣ съ родни, и все одно другому съ родни: съ родни прима секундѣ на гитарѣ; на гитарѣ пять струнъ, а нищенствующихъ

монашескихъ орденовъ четыре. Въ четырехъ есть недостача до пяти. Въ древности былъ обязанъ драться съ пятерыми тотъ, кто вызывалъ на поединокъ всѣхъ; какъ это было съ донъ Діего Ордоньесомъ и съ сыновьями Аріоса Гонсало, когда король донъ Санчо...

Сарміенто.

Ради Бога, перестаньте! Пойдемте ко мнѣ, тамъ договорите остальное.

Рольданъ.

Идите впередъ! Я берусь, что черезъ два часа ваша жена будетъ нѣма, какъ камень; потому что камень...

Сарміенто.

Я не хочу слова слышать.

Рольданъ.

Идите! Я вылѣчу вашу жену. (*Уходятъ.*)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Комната въ домѣ Сарміенто.

Входятъ: донья Беатрисъ *и* Инесъ.

Беатрисъ.

Инесъ, эй, Инесъ! Долго-ль мнѣ звать? Инесъ, Инесъ!

Инесъ.

Слышу, сеньёра, сеньёра, сеньёра!

Беатрисъ.

Бездѣльница, дерзкая! Какъ смѣете вы отвѣчать такимъ образомъ? Развѣ вы не знаете, что скромность есть первое украшеніе женщины?

Инесъ.

Вашей милости разговаривать хочется, а не объ чемъ; вотъ вы и кличете меня двѣсти разъ.

Беатрисъ.

Безстыдная! Двѣсти разъ ужъ очень много; пожалуй, можно сказать: и двѣсти тысячъ разъ,—только нолей прибавить: ноли вѣдь сами по себѣ ничего не значатъ.

Инесъ.

Сеньёра, ужъ это я слышала; скажите, что мнѣ дѣлать, а то мы только прозу сочиняемъ.

Беатрисъ.

А проза эта въ томъ состоитъ, чтобы накрывать столъ, кушать вашему господину. Вы знаете, что онъ приходитъ сердитый; а когда мужъ сердитъ, то это бываетъ причиной, что поднимается палка, и, начиная съ прислуги, доходитъ она и до хозяйки.

Инесъ.

Если больше ничего, какъ только столъ накрывать, такъ я лечу. (*Уходитъ.*)

Входятъ: Сармiенто *и* Рольданъ.

Сарміенто.

Эй! Или никого въ домѣ нѣтъ? Донья Беатрисъ!

Беатрисъ.

Я здѣсь, сеньёръ. Зачѣмъ вы такъ кричите?

Сарміенто.

Вотъ я привелъ гостя, кавалера, — онъ солдатъ и мой родственникъ; я пригласилъ его обѣдать. Ласкайте и ублажайте его хорошенько. Онъ ищетъ службы въ столицѣ.

Беатрисъ.

Если ваша милость идете въ столицу, такъ имѣйте въ виду, что столица существуетъ не для робкихъ людей, потому что робость есть дочь глупости. А глупый почти всегда человѣкъ загнанный, да и стоитъ того, потому что умъ есть свѣтъ для человѣческихъ дѣлъ. Каждое дѣло зависитъ...

Рольданъ.

Позвольте, позвольте, прошу васъ! зависитъ отъ расположенія, комплекціи; а комплекція дѣйствуетъ посредствомъ тѣлесныхъ органовъ и располагаетъ чувствами. Чувствъ пять: ходить, осязать, бѣгать, думать и не мѣшать другимъ: всякій, кто мѣшаетъ, есть невѣжа: а невѣжество состоитъ въ томъ, что человѣкъ не попадаетъ въ разъ. Но кто падаетъ и возвышается, пошли тому Богъ хорошіе праздники. Главныхъ праздниковъ четыре: Рождество, Богоявленіе, Пасха и Пятидесятница. Пятидесятница — слово изысканное.

Беатрисъ.

Какъ изысканное? Плохо ваша милость знаетъ, что такое

изысканное. Все изысканное необыкновенно: обыкновенное не удивляетъ: удивленія порождаютъ дѣла великія: самое высочайшее дѣло въ мірѣ есть спокойствіе, потому что никто его не достигаетъ; самое глупое—это злость, потому что въ нее всѣ впадаютъ. Падать необходимо, потому что все имѣетъ три степени: начало, возвышеніе и склоненіе.

Рольданъ.

Вы изволили сказать: склоненіе? Это очень хорошо. Имена существительныя склоняются, а глаголы спрягаются, и тѣ, кто женятся, тоже спрягаются, и супруги обязаны любить и уважать другъ друга, какъ того требуетъ наша святая мать церковь. Причина этому та, что...

Беатрисъ.

Постойте, погодите! Мужъ мой, кто это? Въ умѣ ли вы? Что это за человѣкъ? Кого вы привели въ нашъ домъ?

Сарміенто.

О, Боже! какъ легко мнѣ! Я нашелъ, чѣмъ отомстить ей! Скорѣй накрывайте столъ, будемъ обѣдать. Сеньёръ Рольданъ прогоститъ у меня шесть или семь лѣтъ.

Беатрисъ.

Семь лѣтъ! Ахъ, чортъ возьми! Ни одного часу, мужъ мой, или я лопну съ отчаянія.

Сарміенто.

Я слишкомъ хорошъ для того, чтобы быть вашимъ мужемъ. Эй, давайте кушать!

Входитъ Инесъ.

Инесъ.

У насъ гости? Столъ готовъ.

Рольданъ.

Кто это сеньёръ?

Сарміенто.

Наша горничная.

Рольданъ.

Горничная въ Валенціи называется fardina, въ Италіи masara, во Франціи gazpirria, въ Германіи filimogina, при дворѣ sirvienta, въ Бискаіи moscorra, у мошенниковъ daixa. Пойдемте

веселѣй за обѣдъ. Я хочу вамъ показать, что я обѣдаю по обычаямъ Великобританіи.

Беатрисъ.

Мнѣ осталось только съ ума сойти, мужъ мой! Мнѣ хоть лопнуть, да только бы разговаривать.

Рольданъ.

Ваша милость изволили сказать: разговаривать? Это очень хорошо. Въ разговорѣ узнается умъ человѣка; умъ образуется изъ пониманія; кто не понимаетъ, тотъ не чувствуетъ; кто не чувствуетъ, тамъ не живетъ, а кто не живетъ, тотъ умеръ. А кто умретъ, тотъ меньше вретъ...

Беатрисъ.

Мужъ, мужъ!

Сарміенто.

Что вамъ угодно, супруга моя?

Беатрисъ.

Пошлите этого человѣка ко всѣмъ чертямъ. Мнѣ хоть лопнуть, да говорить.

Сарміенто.

Имѣйте терпѣніе, супруга моя! Прежде семи лѣтъ, какъ сказано, онъ не уйдетъ отъ насъ; потому что я далъ слово и обязанъ сдержать его,—или я буду не я.

Беатрисъ.

Семь лѣтъ? Нѣтъ. прежде вы увидите меня мертвой. Ай, ай, ай!

Инесъ.

Обморокъ! Вамъ хотѣлось этого видѣть, сеньёръ? Посмотрите, она умерла.

Рольданъ.

Боже! Отчего съ ней такая бѣда?

Сарміенто.

Говорить не дали.

Альгвасилъ (*за сценой*).

Отоприте правосудію! Отоприте правосудію!

Рольданъ.

Правосудіе! Ай, горе мнѣ! Мнѣ бы бѣжать надо; если меня найдутъ, такъ упрячутъ въ тюрьму.

Сарміенто.

Сеньёръ, вотъ средство: полѣзайте въ эту циновку, *) ее сняли и свернули для чистки; тамъ вы можете спрятаться, а другаго средства я не знаю. (*Рольданъ прячется въ циновку, свернутую кольцомъ.*)

Альгвасилъ (*за сценой*).

Отопрутъ мнѣ сегодня, или нѣтъ?

Входятъ: Альгвасилъ, Письмоводитель *и* Сыщикъ.

Сарміенто.

Что же угодно будетъ приказать вашей милости? что-то ужъ очень грозно вы входите.

Альгвасилъ.

Сеньёръ-губернадоръ, недовольствуясь тѣмъ, что ваша милость заплатили двѣсти дукатовъ за нанесенную рану, приказалъ, чтобы вы подали тому человѣку руку, обнялись съ нимъ и стали друзьями.

Сарміенто.

Я сейчасъ сажусь обѣдать.

Письмоводитель.

Онъ здѣсь, и ваша милость можете сейчасъ же возвратиться и кушать въ свое удовольствіе.

Сарміенто.

Ну, такъ пойдемте въ добрый часъ. (*Уходятъ.*)

Инесъ.

Сеньёра, приди въ себя. Вѣдь, обморокъ у тебя отъ того, что разговаривать не давали; теперь ты одна, разговаривай сколько угодно.

Беатрисъ.

Слава Богу, наконецъ-то я могу прервать свое молчаніе!

Рольданъ (*показывая голову изъ-подъ циновки*).

Ваша милость изволили сказать: молчаніе? Это очень хорошо. Молчаніе всегда восхвалялось мудрецами; мудрые молчатъ вò-время и говорятъ вò-время; потому что есть время говорить и есть время молчать. Кто молчитъ—тотъ соглашается; а согласіе предполагаетъ условіе; условіе требуетъ трехъ свидѣтелей, а завѣщаніе семи, потому что...

*) Въ Испаніи циновки употреблялись, да и теперь употребляются вмѣсто ковровъ.

Беатрисъ.

Потому что убирайся ты къ чорту и вмѣстѣ съ тѣмъ, кто тебя привелъ! Видана ли гдѣ такая величайшая подлость? Нѣтъ, я опять въ обморокъ.

Входятъ: Сармiенто, Альгвасилъ, Письмоводитель *и* Сыщикъ.

Сармiенто.

Теперь, послѣ мировой, я прошу васъ выпить и закусить. Эй! Подайте похолоднѣе вина и грушеваго киселя.

Беатрисъ.

Зачѣмъ вы пришли въ эту комнату? Развѣ вы не видите, что мы выколачиваемъ эти цыновки. Инесъ, вотъ палка, бери другую и выколотимъ ихъ на-чисто. (*Принимаются выбивать.*)

Рольданъ (*изъ-подъ цыновки*).

Тише, тише, сеньёры! Я не за тѣмъ здѣсь; языкомъ болтайте, а рукамъ воли не давайте.

Альгвасилъ.

Что такое? Кто это? Никакъ это мошенникъ Рольданъ, болтунъ и бездѣльникъ?

Письмоводитель.

Онъ самый.

Альгвасилъ.

Вы арестованы, арестованы.

Рольданъ.

Ваша милость изволили сказать: арестованъ? Это очень хорошо. Кто арестованъ, тотъ не свободенъ; а свобода...

Альгвасилъ.

Нѣтъ, нѣтъ, теперь ужъ болтовня не поможетъ; теперь ужъ вы отправитесь въ тюрьму.

Сармiенто.

Сеньёръ-альгвасилъ, прошу у вашей милости одолженія: пусть онъ побудетъ у меня въ домѣ; на этотъ разъ не берите его. Я даю вамъ слово, что предоставлю ему возможность найти приличное занятіе, если онъ вылѣчитъ жену мою.

Альгвасилъ.

Отъ чего онъ ее лѣчитъ?

Сарміенто.

Отъ разговоровъ.

Альгвасилъ.

Чѣмъ?

Сарміенто.

Разговорами. Онъ такъ ее заговариваетъ, что она нѣмѣетъ.

Альгвасилъ.

Я былъ бы очень радъ видѣть такое чудо. Только вотъ условіе: если онъ ее вылѣчитъ, вы сейчасъ же извѣстите меня; я его возьму къ себѣ домой; моя жена тоже имѣетъ эту слабость, и я былъ бы очень доволенъ, если-бъ онъ мнѣ ее сразу вылѣчилъ.

Сарміенто.

Я васъ увѣдомлю объ успѣхѣ лѣченія.

Рольданъ.

Я знаю, что я ее вылѣчу.

Альгвасилъ.

Прочь, болтливый негодяй!

Сарміенто.

А, это стихи? Я люблю стихи.

Альгвасилъ.

А если любите, слушайте, во мнѣ есть небольшая поэтическая жилка.

Рольданъ.

Какъ? Ваша милость изволили сказать: поэтическая жилка? Такъ погодите, васъ нужно привѣтствовать. (*Аплодируетъ.*)

Альгвасилъ (*начинаетъ глоссу*). *)

Кто безъ устали болтаетъ,
Такъ навѣрное его
Самъ нечистый искушаетъ;
Не владѣетъ тотъ умомъ,
Кто безъ умолку болтаетъ.
Въ барабанщики наймися
Барабанить языкомъ.
Здѣсь порядочные люди,
Ты ушей имъ не терзай!
Прочь, болтливый негодяй!

*) Глоссы —особый родъ стихотвореній: каждый куплетъ изъ 10 строкъ съ риѳмой и оканчивается одинаково, на заданный стихъ. *Прим. перев.*

Письмоводитель.

Эпитафію твою
Я скажу тебѣ заранѣй:
Здѣсь лежитъ болтунъ; по смерти
Столько не молчать ему,
Сколько онъ болталъ при жизни.

Инесъ.

Я желаю кончить этотъ куплетъ.

Письмоводитель.

Говорите, послушаемъ.

Инесъ.

Ты своею болтовней
Людямъ ужасъ нагоняешь,
Такъ поди, въ лѣсу болтай,
Никому не помѣшаешь.
Прочь, болтливый негодяй!

Сарміенто (*женѣ*).

Ты болтаешь, точно двадцать,
Двадцать тысячъ человѣкъ...

Беатрисъ.

Продолжать я буду дальше.

Рольданъ.

Продолжать болтать? Не дамъ.

Беатрисъ.

Уходи туда, нашъ сродникъ,
Гдѣ языкъ твой не звонилъ
О твоихъ дѣлахъ безчестныхъ,
Здѣсь доподлинно извѣстныхъ.
По другимъ мѣстамъ болтай!
Прочь, болтливый негодяй!

Рольданъ.

Слушайте, ваши милости, и мои стихи будутъ не хуже!

Удержать языкъ болтливый
Здѣсь хозяйка не умѣетъ;
Но отъ моего лѣченья,
Я надѣюсь, онѣмѣетъ.
Приглашенъ сюда обѣдать
Я сеньёромъ и вилотную
Пообѣщаю. Хозяйка
Мнѣ, что хочешь, возражай;
Но пойдетъ обѣдать съ вами
И болтливый негодяй!

(*Весело уходятъ.*)

II.

КОФЕЙНАЯ.

(„LA BOTTEGA DEL CAFFÈ“).

КОМЕДІЯ ВЪ 3-хъ АКТАХЪ, ВЪ ПРОЗѢ,

ГОЛЬДОНИ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ИТАЛЬЯНСКАГО.

ЗАБЛУДШІЯ ОВЦЫ.

КОМЕДІЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

СЮЖЕТЪ ЗАИМСТВОВАНЪ ИЗЪ ИТАЛЬЯНСКОЙ КОМЕДІИ

ТЕОБАЛЬДО ЧИКОНИ:

„LE PECORELLE SMARITE“.

КОФЕЙНАЯ. *)

(„LA BOTTEGA DEL CAFFÈ“.)

КОМЕДІЯ ВЪ ТРЕХЪ АКТАХЪ, ВЪ ПРОЗѢ,

ГОЛЬДОНИ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ИТАЛЬЯНСКАГО.

ЛИЦА:

Ридольфо, содержатель кофейной.
Донъ Марціо, неаполитанскій дворянинъ.
Евгеніо, купецъ.
Фламиніо, подъ именемъ графа Леандро.
Плячида, жена Фламиніо.
Витторія, жена Евгеніо.
Лизаура, танцовщица.
Пандольфо, содержатель игорнаго дома.
Траппола, слуга Ридольфо.
Слуга парикмахера.
Другой слуга изъ кофейной.
Полицейскій сыщикъ.
Слуги гостинницы, **Слуги кофейной** } безъ рѣчей.

Сцена представляетъ широкую улицу въ Венеціи; на заднемъ планѣ три лавочки: середняя кофейная, направо парикмахерская, налѣво игорная, надъ лавками комнаты, принадлежащія нижней лавкѣ, съ окнами на улицу; справа, ближе къ зрителямъ (черезъ улицу), домъ танцовщицы; слѣва гостинница.

*) Переводъ комедіи Гольдони «Кофейная» не былъ игранъ, да и едвали можетъ имѣть успѣхъ на сценѣ. Я перевелъ «Кофейную» для того, чтобы познакомить нашу публику съ самымъ извѣстнымъ итальянскимъ драматургомъ

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Ридольфо, Транпола *и* другіе слуги.

Ридольфо.

Будьте бодрѣй, ребята, будьте проворнѣе, служите гостямъ прилично и учтиво. Слава заведенія много зависитъ отъ хорошей прислуги.

Транпола.

Надо сказать правду, хозяинъ: вставать такъ рано мнѣ не по комплекціи.

Ридольфо.

А все-таки нужно. Кто-жъ служить будетъ? Къ намъ рано народъ заходитъ: лодочники, моряки, ну и всѣ, кто себѣ утромъ хлѣбъ добываетъ.

Транпола.

Посмотришь, какъ эти носильщики усядутся кофе кушать, такъ право умрешь со смѣху.

Ридольфо.

На все мода: иной разъ водка въ модѣ, другой разъ кофе.

Транпола.

Та сеньёра, которой я ношу каждое утро кофе, всякій разъ проситъ меня купить ей на четыре сольда *) дровъ, а все-таки пьетъ кофе.

Ридольфо.

Что дѣлать-то! Роскошь такой порокъ, который никогда не выведется.

Транпола.

Покуда еще не видать никого, можно бы и соснуть часокъ-другой.

въ одномъ изъ лучшихъ его произведеній. Въ этой пьесѣ, длинной и переполненной голою моралью (которую я по возможности сокращалъ), типъ Донь Марціо показываетъ, что Гольдони былъ большой художникъ въ рисовкѣ характеровъ.

*) Сольдо (су)—почти копѣйка серебромъ.

Ридольфо.

А вотъ сейчасъ и народъ будетъ, теперь ужъ не рано. Да развѣ вы не видите? Парикмахеръ ужъ отперъ, и въ лавкѣ работаютъ ужъ парики. Смотри, и игорная лавочка тоже открыта.

Траппола.

Она ужъ давно открыта. Тамъ торговля ночная.

Ридольфо.

Да! Пандольфо наживается.

Траппола.

Этой собакѣ отъ всего пожива: барышъ отъ картъ, барышъ отъ плутовства, барышъ отъ того, что въ долѣ съ мошенниками. Кто къ нему ни зайдетъ, всѣ деньги тамъ и оставитъ.

Ридольфо.

Не завидуй этимъ барышамъ! Чужое добро прахомъ пойдетъ.

Траппола.

Бѣдный сеньёръ Евгеніо! его тамъ ловко обчистили.

Ридольфо.

Ну, вотъ тоже, есть ли совѣсть у этого человѣка? У него жена, молодая женщина, красивая, умная; а онъ бѣгаетъ за всякой юбкой, да, кромѣ того, играетъ на-пропалую.

Траппола.

Что-жъ такое! Это называется: маленькія шалости.

Ридольфо.

Играетъ съ этимъ Графомъ Леандро и проигрываетъ ему навѣрное.

Траппола.

Да, про этого графа грѣхъ сказать что нибудь хорошее.

Ридольфо.

Ну, ступайте молоть кофе, да сварите свѣжаго.

Траппола.

А вчерашній-то куда же?

Ридольфо.

Нѣтъ, сварите получше.

Траппола.

Хозяинъ, у меня что-то память плоха: вы давно-ль кофейную-то открыли?

Ридольфо.

Самъ знаешь. Мѣсяцевъ восемь.

Траппола.

Такъ ужъ пора и перемѣниться.

Ридольфо.

Что ты! Какъ перемѣниться?

Траппола.

Снова во всякой кофейной кофей отличный, а мѣсяцевъ черезъ шесть и вода похолоднѣе, и кофей пожиже. (*Уходитъ.*)

Ридольфо.

Онъ шутникъ. Ну что-жъ, это не худо: гдѣ заведется веселый малый, туда и народъ идетъ.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Ридольфо *и* Пандольфо (*выходитъ изъ игорной лавки, протирая глаза, какъ-будто со сна*).

Ридольфо.

Сеньёръ Пандольфо, хотите кофею?

Пандольфо.

Да, съ удовольствіемъ.

Ридольфо.

Мальчики, подайте кофею сеньёру Пандольфо! Прошу садиться.

Пандольфо.

Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ поскорѣй выпить, да и опять за работу. (*Мальчикъ подаетъ кофе Пандольфо.*)

Ридольфо.

У васъ играютъ?

Пандольфо.

На два стола.

Ридольфо.

Что такъ рано?

Пандольфо.

Да еще со вчерашняго вечера.

Ридольфо.

А въ какую игру?

Пандольфо.

Въ самую невинную, въ фараонъ.

Ридольфо.

Какъ идетъ игра?

Пандольфо.

Для меня-то недурно.

Ридольфо.

Развѣ вы тоже играете?

Пандольфо.

Да, я тоже немножко схватилъ.

Ридольфо.

Послушайте, мой другъ: конечно, это не мое дѣло; но хозяину играть не годится: проиграете вы—будутъ смѣяться; выиграете—будутъ подозрѣвать васъ.

Пандольфо.

Мнѣ только-бъ не смѣялись; а подозрѣвать, пусть подозрѣваютъ сколько угодно: мнѣ это все равно.

Ридольфо.

Любезнѣйшій другъ, жалъ мнѣ васъ. Съ вашимъ ремесломъ и до тюрьмы недалеко.

Пандольфо.

Я за большимъ не гонюсь. Выигралъ два цехина, съ меня и довольно.

Ридольфо.

Браво! Это значитъ: щипать перепелку понемножку, чтобы не закричала. У кого вы выиграли?

Пандольфо.

У приказчика отъ золотыхъ дѣлъ мастера.

Ридольфо.

Худо, очень худо! Вы выиграли краденыя деньги. — приказчики воруютъ у хозяевъ.

Пандольфо.

Ахъ, не учите меня, пожалуйста! Кто глупъ, сиди дома. У меня игра для всѣхъ, играй кто хочетъ. Плутовства у меня нѣтъ; я умѣю играть, я счастливъ, оттого я и выигрываю.

Ридольфо.

Браво! И впередъ такъ дѣлайте! Синьёръ Евгеніо игралъ?

Пандольфо.

И теперь играетъ. Не ужиналъ, не спалъ и проигралъ всѣ деньги.

Ридольфо.

Бѣдный молодой человѣкъ! Сколько онъ проигралъ?

Пандольфо.

Сто цехиновъ *) наличными, а теперь проигрываетъ на-слово.

Ридольфо.

А съ кѣмъ играетъ?

Пандольфо.

Съ графомъ.

Ридольфо.

Съ этимъ-то?

Пандольфо.

Да, съ этимъ.

Ридольфо.

А еще съ кѣмъ?

Пандольфо.

Только вдвоемъ, съ глазу на глазъ.

Ридольфо.

Бѣдненькій! Онъ еще новичокъ.

Пандольфо.

А мнѣ-то что за дѣло! Перемѣнятъ много картъ, вотъ мнѣ и барышъ.

Ридольфо.

Мнѣ кажется, что честный человѣкъ не долженъ допускать, чтобъ въ его глазахъ людей рѣзали.

Пандольфо.

Ну, другъ, съ такой деликатностью немного денегъ наживете.

Ридольфо.

Да и не надо. Я до сихъ поръ дѣлалъ свое дѣло честно. Я поднялся съ четырехъ сольдовъ и, съ помощію своего хозяина, покойнаго отца сеньёра Евгеніо, какъ вы знаете, открылъ эту лавочку, и хочу жить честно и не испортить своей торговли.

---

*) Zecchino—цехинъ, золотая монета около 3 руб. сер.

Пандольфо.

Ну, и въ этой торговлѣ тоже плутни бываютъ.

Ридольфо.

Какъ не быть, вездѣ есть. Но такія кофейныя не посѣщаютъ порядочные люди, а мою постоянно.

Пандольфо.

Однако и у васъ есть секретныя комнаты.

Ридольфо.

Правда; только онѣ не запираются.

Пандольфо.

И кофей тоже подаете всякому.

Ридольфо.

Къ чашкамъ не пристаетъ.

Пандольфо.

Ну да, вы новичокъ, невинность.

Ридольфо.

Что вы хотите сказать? (*Голосъ изъ игорной лавки: „карту!“*)

Пандольфо.

Сейчасъ!

Ридольфо.

Сдѣлайте милость, вытащите изъ-за стола бѣднаго сеньёра Евгенія.

Пандольфо.

Да проиграй онъ хоть рубашку, мнѣ-то что за дѣло? (*Идетъ къ лавкѣ.*)

Ридольфо.

Другъ, а за кофей-то записать, что ли?

Пандольфо.

Нѣтъ, сыграемся въ карты.

Ридольфо.

Что я за дуракъ!

Пандольфо.

Ну, что вамъ стоитъ? Сами знаете, что отъ моихъ гостей вашей лавкѣ польза. Мнѣ удивительно, что вы обращаете вниманіе на такіе пустяки. (*Уходитъ. Входитъ Донъ Марціо.*)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Донъ Марціо *и* Ридольфо.

Ридольфо (*про-себя*).

Вотъ и разговорщикъ пришелъ.

Д. Марціо.

Кофею!

Ридольфо.

Сейчасъ подадутъ.

Д. Марціо.

Что новаго, Ридольфо?

Ридольфо.

Не знаю, сеньёръ.

Д. Марціо.

Развѣ у васъ еще никто не былъ?

Ридольфо.

Да еще рано.

Д. Марціо.

Рано? Шестнадцать часовъ пробило. *)

Ридольфо.

Нѣтъ, сеньёръ, еще четырнадцати не било.

Д. Марціо.

Ну, полно ты, шутъ!

Ридольфо.

Я васъ увѣряю, что еще четырнадцати не било.

Д. Марціо.

Поди, оселъ.

Ридольфо.

Вы бранитесь понапрасну.

Д. Марціо.

Я самъ считалъ и говорю тебѣ, что шестнадцать. Ну, вотъ гляди часы, они никогда не врутъ. (*Показываетъ свои часы.*)

---

*) Итальянцы считаютъ до 24 часовъ, начиная съ вечера, съ Ave Maria.

Ридольфо.

Коли ваши часы не врутъ, такъ поглядите: и на нихъ тринадцать и три четверти.

Д. Марціо.

Да не можетъ быть. (*Смотритъ на часы.*)

Ридольфо.

Что скажете?

Д. Марціо.

Они врутъ. Теперь шестнадцать часовъ. Я самъ слышалъ.

Ридольфо.

Гдѣ вы купили часы?

Д. Марціо.

Я ихъ выписалъ изъ Лондона.

Ридольфо.

Какъ васъ обманули!

Д. Марціо.

Меня обманули? Чѣмъ?

Ридольфо.

Прислали дурные часы.

Д. Марціо.

Какъ дурные? Эти часы изъ лучшихъ, какіе только дѣлаетъ Кваре.

Ридольфо.

Еслибъ они были хороши, такъ не отставали бы на два часа.

Д. Марціо.

Они идутъ хорошо и нисколько не отстаютъ.

Ридольфо.

Но вѣдь на нихъ четырнадцать безъ четверти, а вы говорите, что теперь шестнадцать.

Д. Марціо.

Мои часы вѣрны.

Родольфо.

Такъ значитъ теперь четырнадцать, какъ я говорю.

Д. Марціо.

Ты дерзокъ. Мои часы идутъ хорошо, а ты врешь, и бере-

гись, чтобъ я тебѣ не пустилъ чего нибудь въ голову. (*Мальчикъ приноситъ кофе.*)

Ридольфо.

Кофей готовъ. (*Про-себя.*) О, животное!

Д. Марціо.

Что, сеньёръ Евгеніо не показывался?

Ридольфо.

Нѣтъ еще, сеньёръ.

Д. Марціо.

Все бы ему сидѣть дома да съ женой нѣжничать. Какой женолюбивый человѣкъ! Только ему жена да жена. Не увидишь его нигдѣ,—людей смѣшитъ. Скучный человѣкъ. Ничего знать не хочетъ. Все съ женой, все съ женей. (*Пьетъ кофе.*)

Ридольфо.

Совсѣмъ не съ женой! Онъ всю ночь игралъ здѣсь, у Пандольфо.

Д. Марціо.

И я то же говорю. Все игра! Все игра! (*Отдаетъ чашку и встаетъ.*) Вчера заходилъ ко мнѣ секретнѣйшимъ образомъ и просилъ дать ему десять цехиновъ подъ залогъ женинныхъ серегъ.

Ридольфо.

Разсудите: у всякаго можетъ быть нужда; но кому же пріятно, чтобъ объ этомъ всѣ узнали, потому и обращаются къ такимъ людямъ, которые объ этомъ никому не разсказываютъ.

Д. Марціо.

О! Я не разсказываю. Я готовъ служить всякому и не хвалюсь этимъ. Вотъ онѣ, серьги его жены. Я далъ ему подъ залогъ десять цехиновъ: какъ ты думаешь, стоютъ? (*Показываетъ серьги въ коробочкѣ.*)

Ридольфо.

Я въ этомъ дѣлѣ не понимаю; но, мнѣ кажется, стоютъ.

Д. Марціо.

Твой мальчикъ дома?

Ридольфо.

Да, дома.

Д. Марціо.

Позови его! Эй, Транпола!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Транпола (*въ лавкѣ*) *и* тѣ же.

Транпола.

Я здѣсь!

Д. Марціо.

Поди сюда! Сходи къ сосѣднему брилліантщику, покажи ему эти серьги, — это серьги жены сеньёра Евгеніо, и спроси его отъ меня: стоятъ ли онѣ десяти цехиновъ, которые я далъ за нихъ подъ залогъ.

Транпола.

Я сейчасъ. Такъ это серьги жены сеньёра Евгеніо?

Д. Марціо.

Да; у него теперь ничего нѣтъ, съ голоду умираетъ.

Транпола.

И сеньёръ Евгеніо такъ ужъ всѣмъ и разсказываетъ про свои дѣла.

Д. Марціо.

Я такой человѣкъ, что мнѣ можно повѣрить всякую тайну.

Транпола.

Ну, а я такой человѣкъ, что мнѣ нельзя повѣрить ничего.

Д. Марціо.

Отчего?

Транпола.

Оттого, что у меня есть такой порокъ, что я все разсказываю очень свободно.

Д. Марціо.

Дурно, очень дурно. Будешь много болтать, такъ тебѣ довѣрять ничего не станутъ.

Транпола.

Вы же мнѣ сказали, ну, и я могу сказать кому нибудь.

Д. Марціо.

Поди, посмотри, свободенъ ли цирюльникъ.

Транпола.

Сейчасъ. (*Про-себя.*) Выпьетъ на десять кватриновъ *) ко-

*) Quattrino — мелкая монета, почти 1/4 копѣйки.

фею, да и чтобъ лакей ему былъ за тѣ же деньги. (*Уходитъ къ цирюльнику.*)

Д. Марціо.

Скажи мнѣ, Ридольфо. что дѣлаетъ эта танцовщица, ваша сосѣдка?

Ридольфо.

Право, не знаю.

Д. Марціо.

Мнѣ говорили, что ее содержитъ Графъ Леандро.

Ридольфо.

Сеньёръ, у меня кофей закипаетъ. (*Уходитъ въ лавку. Входитъ Траппола.*)

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Траппола *и* Д. Марціо.

Траппола.

У цирюльника руки заняты; и сейчасъ, какъ только онъ этого обдѣлаетъ, за вашу милость, сеньёръ, примется.

Д. Марціо.

Скажи мнѣ, ты ничего не знаешь про сосѣдку, танцовщицу?

Траппола.

Про сеньёру Лизауру?

Д. Марціо.

Да.

Траппола.

И знаю, и не знаю.

Д. Марціо.

Разскажи мнѣ что нибудь.

Траппола.

Буду много болтать про чужія дѣла, мнѣ ничего довѣрять не станутъ.

Д. Марціо.

Мнѣ сказать можно. Ты знаешь, что я не болтливъ. Графъ Леандро у ней бываетъ?

Траппола.

Бываетъ въ извѣстные часы.

Д. Марціо.

Что значитъ „въ извѣстные часы?“

Траппола.

Значитъ выбираетъ такое время, чтобъ не подать подозрѣнія.

Д. Марціо.

Да, да, понимаю. Онъ человѣкъ съ добрымъ сердцемъ и не хочетъ подвергать ее пересудамъ.

Траппола.

Да чтобъ и не мѣшать ей; потому что отъ ея дорогаго промысла и самъ пользуется.

Д. Марціо.

Еще лучше! Охъ, какой ты злой! Ступай скорѣе, покажи серьги.

Траппола.

Бриліантщику можно сказать, что это серьги жены сеньёра Евгеніо?

Д. Марціо.

Да, такъ и скажи.

Траппола (*про-себя*).

У насъ съ Донъ-Марціо секреты отличные. (*Уходитъ.*)

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

Д. Марціо, *потомъ* Ридольфо.

Д. Марціо.

Ридольфо!

Ридольфо.

Сеньёръ!

Д. Марціо.

Если ты ничего не знаешь про танцовщицу, то я разскажу тебѣ.

Ридольфо.

Я, сказать вамъ правду, о чужихъ дѣлахъ не думаю.

Д. Марціо.

Нѣкоторыя вещи не мѣшаетъ знать для соображенія. Она находится подъ покровительствомъ Графа Леандро, а онъ изъ ея доходовъ получаетъ отъ нея плату за свое покровительство. Онъ не тратится на нее, а самъ ее, бѣдную, обираетъ; и, по милости его, она принуждена дѣлать то, чего не слѣдуетъ. Вотъ разбойникъ!

Ридольфо.

Но я здѣсь цѣлый день и могу васъ увѣрить, что кромѣ Графа Леандро къ ней никто не ходитъ.

Д. Марціо.

Есть задняя дверь, глупый, глупый. Тамъ всегда приливъ и отливъ. Задняя дверь есть, глупый.

Ридольфо.

У меня своя забота объ лавкѣ; есть у ней задняя дверь или нѣтъ—какое мнѣ дѣло! Что мнѣ въ чужія дѣла свой носъ совать!

Д. Марціо.

Животное! Съ кѣмъ ты разговариваешь? (*Встаетъ.*)

Ридольфо.

Извините, не лгать же мнѣ для васъ.

Д. Марціо.

Подай стаканъ розоліо!

Ридольфо (*про-себя*).

Этотъ разговоръ обойдется мнѣ въ два сольда. (*Даетъ знать мальчикамъ, чтобъ подали розоліо.*)

Д. Марціо (*про-себя*).

Я про танцовщицу всѣмъ разскажу, чтобъ ее знали.

Ридольфо.

Розоліо подано!

Д. Марціо.

Приливъ и отливъ чрезъ заднюю дверь. (*Пьетъ розоліо. Изъ горной лавки входитъ Евгеніо, небрежно одѣтый и разстроенный.*)

СЦЕНА СЕДЬМАЯ.

Евгеніо *и* тѣ же.

Д. Марціо.

Вашъ слуга, сеньёръ Евгеніо.

Евгеніо.

Который часъ?

Д. Марціо.

Шестнадцать пробило.

Евгеніо.

Кофею!

Ридольфо.

Сейчасъ подадутъ. (*Уходитъ въ лавку.*)

Д. Марціо.

Какъ дѣла, другъ?

Евгеніо (*не замѣчая его*).

Кофею!

Ридольфо (*издали*).

Сейчасъ!

Д. Марціо.

Проигрались?

Евгеніо (*громко*).

Кофею!

Марціо (*про-себя*).

Понимаю, весь проигрался. (*Садится. Пандольфо выходитъ изъ игорной лавки.*)

СЦЕНА ВОСЬМАЯ.

Пандольфо *и* тѣ же.

Пандольфо.

Сеньёръ Евгеніо, одно слово. (*Отходитъ къ сторонѣ.*)

Евгеніо.

Я знаю, что̀ вы хотите сказать. Я проигралъ тридцать цехиновъ на̀-слово. Я честный человѣкъ, отдамъ.

Пандольфо.

Но графъ ждетъ. Онъ боится, что его деньги пропадутъ и хочетъ, чтобы вы ихъ заплатили.

Марціо (*про-себя*).

Дорого бы я далъ, чтобы послушать, что они говорятъ.

Ридольфо.

Вашъ кофей.

Евгеніо.

Подите! (*Пандольфо.*) Я проигралъ ему сто цехиновъ чистыми деньгами; не даромъ онъ ночь-то просидѣлъ.

Пандольфо.

Развѣ игроки такъ говорятъ? Вы, сеньёръ, сами лучше меня знаете правила игры.

Ридольфо.

Сеньёръ, кофей простынетъ.

Евгеніо.

Оставьте меня въ покоѣ.

Ридольфо.

Если вамъ неугодно...

Евгеніо.

Подите прочь!

Ридольфо.

Я самъ выпью. (*Беретъ кофе.*)

Д. Марціо (*Ридольфо*).

Что говорятъ? (*Ридольфо не отвѣчаетъ.*)

Евгеніо.

Да, я знаю, что проигрышъ платятъ; но, коли нечѣмъ, такъ заплатить нельзя.

Пандольфо.

Послушайте, чтобы спасти вашу репутацію, я могу найти вамъ тридцать цехиновъ.

Евгеніо.

Отлично! (*Кричитъ.*) Кофею!

Ридольфо.

Нужно его приготовить.

Евгеніо.

Три часа я прошу кофею, а у васъ еще не готовъ.

Ридольфо.

Я ужъ подавалъ, да вы меня прогнали.

Евгеніо.

Скажите пожалуйста, дадите вы мнѣ кофею, или нѣтъ? Да ну, поскорѣе!

Ридольфо.

Какъ будетъ готово, такъ и подамъ. (*Уходитъ.*)

Евгеніо (*Пандольфо*).

Душа моя, Пандольфо, найдите мнѣ тридцать цехиновъ!

Пандольфо.

У меня есть другъ, который дастъ пожалуй; но нужно залогъ и проценты.

Евгеніо.

Залогъ само собою. У меня на Ріальто есть товаръ, какъ вамъ извѣстно, онъ пойдетъ въ обезпеченіе; когда продамъ, заплачу.

Д. Марціо (*про-себя*).

Заплачу. Сказалъ, заплачу. Проигралъ на-слово.

Пандольфо.

Хорошо; а какіе проценты?

Евгеніо.

Сдѣлайтесь сами, только повыгоднѣе.

Пандольфо.

Послушайте, меньше цехина въ недѣлю нельзя.

Евгеніо.

Цехинъ въ недѣлю!

Ридольфо (*подаетъ кофе*).

Вотъ вамъ кофей!

Евгеніо.

Подите вы!

Ридольфо.

Опять тоже.

Евгеніо.

Цехинъ въ недѣлю.

Пандольфо.

На тридцать цехиновъ это немного.

Ридольфо.

Хотите, или не хотите?

Евгеніо.

Отойдите, пока я вамъ въ лицо не выплеснулъ.

Ридольфо (*про-себя*).

Онъ ужъ, бѣдный, запьянѣлъ отъ игры. (*Уноситъ кофе въ лавку.*)

Д. Марціо (*встаетъ и подходитъ къ Евгеніо*).

Сеньёръ Евгеніо, у васъ какой-то споръ? Хотите, я разберу?

Евгеніо.

Нѣтъ, сеньёръ Донъ Марціо; прошу васъ, оставьте меня.

Д. Марціо.

Если что нужно, приказывайте.

Евгеніо.

Мнѣ ничего не нужно.

Д. Марціо.

Господинъ Пандольфо, что у васъ за дѣла съ сеньёромъ Евгеніо?

Пандольфо.

Маленькое дѣльце, которое мы не желаемъ дѣлать извѣстнымъ всему свѣту.

Д. Марціо.

Я другъ сеньёра Евгеніо, знаю всѣ дѣла его и онъ знаетъ, что я никому про нихъ не разсказываю. Я далъ ему десять цехиновъ подъ залогъ серегъ; не правда ли? И никому про нихъ не сказывалъ.

Евгеніо.

Вы могли бы и теперь никому не говорить.

Д. Марціо.

О! Съ господиномъ Пандольфо можно говорить свободно. Вы проиграли на-слово? Не имѣете ли нужды въ деньгахъ? Я здѣсь.

Евгеніо.

Да, я проигралъ на-слово тридцать цехиновъ.

Д. Марціо.

Тридцать цехиновъ да десять, которые я вамъ далъ, будетъ сорокъ; серьги этого не стоятъ.

Пандольфо.

Я достану тридцать цехиновъ.

Д. Марціо.

Браво! Доставайте ужъ сорокъ; мнѣ отдадите десять, а я вамъ серьги.

Евгеніо *(про-себя).*

Будь я проклятъ, что я съ нимъ связался!

Д. Марціо.

Отчего-жъ бы вамъ не взять тѣхъ денегъ, которыя предлагаетъ Пандольфо?

Евгеніо.

Потому что онъ проситъ цехинъ въ недѣлю.

Пандольфо.

Мнѣ ничего не нужно; пріятель мой даетъ деньги на такихъ условіяхъ.

Евгеніо.

Слушайте, вотъ что: переговорите съ графомъ, скажите ему, чтобы онъ далъ мнѣ сроку на 24 часа: я, честный человѣкъ, заплачу.

Пандольфо.

Я боюсь, что ему скоро нужно ѣхать, и что онъ потребуетъ деньги сейчасъ.

Евгеніо.

Если бы продать одинъ или два куска парчи, я бы расквитался.

Пандольфо.

Хотите, я пойду поищу покупателя?

Евгеніо.

Да, мой другъ, сдѣлайте милость, я вамъ заплачу за вашу услугу.

Пандольфо.

Я только скажу одно слово графу и сейчасъ же пойду. (*Уходитъ въ игорную лавку.*)

Д. Марціо.

Много вы проиграли?

Евгеніо.

Сто цехиновъ я ему заплатилъ, да тридцать долженъ.

Д. Марціо.

Отдайте-ка мнѣ десять-то цехиновъ, которые взяли.

Евгеніо.

Да не добивайте же меня; я вамъ заплачу ваши десять цехиновъ.

Пандольфо (*въ шляпѣ и пальто, изъ лавки*).

Графъ заснулъ, положа голову на столъ; я покуда пойду посмотрю, нельзя ли чего сдѣлать для васъ. Если проснется, я велѣлъ мальчику объяснить ему все дѣло. Вы не уйдете отсюда?

Евгеніо.

Я буду ждать на этомъ самомъ мѣстѣ.

Пандольфо (*про-себя*).

Плащь-то старенекъ; кажется, теперь можно будетъ купить новенькій. (*Уходитъ.*)

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ.

Д. Марціо, Евгеніо, *потомъ* Ридольфо.

Д. Марціо.

Подите сюда, садитесь, выпьемъ кофею.

Евгеніо.

Кофею! (*Садятся.*)

Ридольфо.

Что за шутки, сеньёръ Евгеніо! Вамъ угодно тѣшиться надо мной?

Евгеніо.

Другъ мой, пожалѣйте меня, я такъ вѣтренъ.

Ридольфо.

Ахъ, мой дорогой сеньёръ Евгеніо! еслибъ вы меня слушали, не были бы въ такомъ положеніи.

Евгеніо.

Вы правы, что̀ говорить.

Ридольфо.

Пойду приготовлю вамъ кофею, потомъ потолкуемъ. (*Уходитъ въ лавку.*)

Д. Марціо.

Знали вы эту скромную танцовщицу? Графъ ее содержитъ.

Евгеніо.

Что-жъ ему не содержать, онъ выигрываетъ цехины сотнями.

Д. Марціо.

Я узналъ все.

Евгеніо.

Какъ же это вы узнали?

Д. Марціо.

О, я все знаю! Мнѣ все извѣстно. Знаю, когда приходитъ, когда уходитъ, сколько денегъ тратитъ; все знаю.

Евгеніо.

Графъ у нея одинъ?

Д. Марціо.

Ой, ой! Тамъ есть другая, задняя дверь.

Ридольфо (*съ кофе*).

Вотъ вамъ въ третій разъ кофей.

Д. Марціо.

Ну, Ридольфо, что скажешь? Знаю я эту танцовщицу или нѣтъ?

Ридольфо.

Я вамъ опять скажу, что мнѣ до этого дѣла нѣтъ.

Д. Марціо.

Все на свѣтѣ знать, на это я великій человѣкъ. Кто хочетъ знать, что дѣлается у всѣхъ пѣвицъ и танцовщицъ, иди ко мнѣ.

Евгеніо.

Значитъ, эта танцовщица штука ловкая.

Д. Марціо.

Я все разузналъ. Она товаръ на всякій вкусъ. Ну, Ридольфо, знаю я ее?

Ридольфо.

Если вы берете меня въ свидѣтели, такъ я долженъ говорить правду. Всѣ наши сосѣди считаютъ ее хорошей женщиной.

Д. Марціо.

Хорошей женщиной! Хорошей женщиной!

Ридольфо.

И я говорю вамъ, что у нея никто не бываетъ.

Д. Марціо.

Въ ту дверь ходятъ.

Евгеніо.

Да, она скорѣй похожа на дѣвушку порядочную.

Д. Марціо.

Порядочная! Графъ Бонатеста содержитъ: да и посѣщаютъ всѣ, кому угодно.

Евгеніо.

Я пробовалъ нѣсколько разъ разговаривать съ ней, ничего не вышло. Я каждый день здѣсь пью кофей, а еще не видавалъ, чтобы кто нибудь приходилъ къ ней.

Д. Марціо.

Да развѣ вы не знаете, что у нея есть потаенная дверь съ сосѣдней улицы.

Евгеніо.

Ну, будь по-вашему.

Д. Марціо.

Конечно. (*Выходитъ мальчикъ изъ цирульни.*)

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ.

Мальчикъ цирульника *и* тѣ же.

Мальчикъ.

Сударь, если угодно бриться, пожалуйте: хозяинъ дожидается.

Д. Марціо.

Иду. Все такъ, какъ я вамъ говорю. Я пойду обреюсь и потомъ разскажу вамъ остальное. (*Идетъ къ цирульнику.*)

Евгеніо.

Что скажете, Ридольфо? О танцовщицѣ говорятъ дурно.

Ридольфо.

Вы вѣрите сеньёру Донъ Марціо? Развѣ не знаете, каковъ у него языкъ?

Евгеніо.

Я знаю, что у него языкъ какъ бритва; но онъ говоритъ такъ свободно, что по-неволѣ подумаешь, что онъ говоритъ правду.

Ридольфо.

Посмотрите, вотъ дверь изъ переулка. Отсюда ее видно, и я клянусь вамъ, какъ честный человѣкъ, что въ эту дверь никто не ходитъ.

Евгеніо.

Но графъ ее содержитъ?

Ридольфо.

Графъ бываетъ у нея; но говорятъ, что онъ хочетъ на ней жениться.

Евгеніо.

Да если такъ, дурнаго ничего нѣтъ; но Донъ Марціо говорилъ, что къ ней всѣ ходятъ.

Ридольфо.

А я говорю, что никто не ходитъ.

Д. Марціо (*изъ лавки, намыленный и съ салфеткой на шеѣ*).

Я говорю вамъ, черезъ заднюю дверь.

Мальчикъ.

Сударь, вода простынетъ.

Д. Марціо.

Въ ту дверь. (*Уходитъ.*)

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ.

Евгеніо *и* Ридольфо.

Ридольфо.

Вотъ онъ! Помѣшанный вышелъ.

Евгеніо.

Не знаю, какъ это онъ все только о чужихъ дѣлахъ разговариваетъ.

Ридольфо.

Я вамъ скажу: ума у него нѣтъ, своего дѣла тоже мало; вотъ о другихъ и думаетъ.

Евгеніо.

Да, не знать бы его совсѣмъ большое счастіе.

Ридольфо.

Зачѣмъ же вы съ нимъ связываетесь, сеньёръ Евгеніо? Развѣ не у кого было вамъ взять десяти цехиновъ?

Евгеніо.

И вы ужъ знаете?

Ридольфо.

Онъ здѣсь публично разсказываетъ.

Евгеніо.

Любезный другъ, вы знаете, какъ это бываетъ: въ нуждѣ ко всякому кинешься.

Ридольфо.

Вотъ и нынѣшнимъ утромъ, судя по тому, что̀ слышалъ, вы тоже кинулись неудачно.

Евгеніо.

Вы думаете, что Пандольфо хочетъ меня обмануть?

Ридольфо.

Занятіе-то у него такое, что отъ него всего ожидать можно.

Евгеніо.

Но что же мнѣ дѣлать? Надо заплатить тридцать цехиновъ, которые я проигралъ на-слово. Мнѣ хочется освободиться отъ Донъ Марціо. Есть и другія нужды; если удастся продать два куска парчи, я устрою всѣ дѣла.

Ридольфо.

Какого качества парча, которую вы хотите продать?

Евгеніо.

Парча падуанская, стоитъ четырнадцать лиръ за футъ.

Ридольфо.

Хотите, я продамъ ее безъ огласки?

Евгеніо.

Буду очень обязанъ.

Ридольфо.

Дайте мнѣ время и предоставьте дѣйствовать.

Евгеніо.

Время? Охотно. Но графъ ждетъ тридцати цехиновъ.

Ридольфо.

Подите суда; дайте приказъ, чтобъ мнѣ отпустили двѣ штуки парчи, я вамъ выдамъ тридцать цехиновъ.

Евгеніо.

Какъ я вамъ обязанъ, любезнѣйшій другъ! я постараюсь васъ отблагодарить.

Ридольфо.

Мнѣ не нужно ничего. Я дѣлаю это въ память вашего отца, отъ котораго я жить пошелъ. Видѣть тяжело, какъ губятъ васъ эти собаки.

Евгеніо.

Вы очень хорошій человѣкъ.

Ридольфо.

Пишите приказъ.

Евгеніо.

Говорите, что̀ писать.

Ридольфо.

Какъ зовутъ вашего главнаго приказчика?

Евгеніо.

Пасквино де Каволи.

Ридольфо *(диктуетъ Евгеніо письмо)*.

„Пасквино де Каволи... вручите господину Ридольфо Гамбони... два куска падуанской парчи... по его выбору, съ тѣмъ, чтобы онъ ихъ продалъ за мой счетъ... такъ какъ онъ ссудилъ мнѣ тридцать цехиновъ.“ Поставьте число и подпишите.

Евгеніо.

Готово.

Ридольфо.

Вы мнѣ довѣряете?

Евгеніо.

Ну васъ! Вамъ неугодно, значитъ?

Ридольфо.

Ну, и я вамъ вѣрю. Берите, вотъ тридцать цехиновъ! (*Отсчитываетъ ему 30 цехиновъ.*)

Евгеніо.

Какъ я вамъ благодаренъ!

Ридольфо.

Сеньёръ Евгеніо, я вамъ даю деньги, чтобъ вы могли сдержать свое слово; но позвольте мнѣ сказать вамъ нѣсколько словъ по-душѣ. Эта дорожка ведетъ къ вѣрному раззоренію. За потерей

кредита всегда слѣдуетъ банкротство. Бросьте игру, бросьте дурное общество, займитесь торговлей, семействомъ и возьмитесь за умъ. Я человѣкъ простой, сказалъ вамъ немного, но отъ добраго сердца. Если послушаетесь, вамъ же лучше будетъ. (*Уходитъ.*)

СЦЕНА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Евгеніо, *потомъ* Лизаура (*у окна*).

Евгеніо.

Говоритъ-то онъ правду, надо признаться. Что-то скажетъ бѣдная жена моя? Дома я не ночевалъ; сколько-то разъ она гадать принималась? Когда мужа долго нѣтъ дома, чего-то жены не придумаютъ, и одно хуже другаго. Она, вѣроятно, думала, что я проводилъ время съ другими женщинами, что упалъ въ воду; что нейду домой потому, что скрываюсь отъ кредиторовъ. Я знаю, что она страдаетъ отъ любви ко мнѣ; я и самъ ее люблю, но свобода мнѣ дорога. Однако я вижу теперь, что отъ этой свободы мнѣ больше худа, чѣмъ добра, и что если бы я жилъ такъ, какъ женѣ моей хочется, мои дѣла пошли бы гораздо лучше. Надо наконецъ опомниться и взяться за разумъ. Въ который разъ я такъ говорю! (*Видитъ Лизауру у окна. Про-себя: фу ты! Какой важный видъ! Даже страхъ беретъ.*) Мое почтеніе, сударыня!

Лизаура.

Къ вашимъ услугамъ.

Евгеніо.

Давно встали, сеньёра?

Лизаура.

Сейчасъ только.

Евгеніо.

Кушали кофей?

Лизаура.

Еще рано, — не пила.

Евгеніо.

Угодно, я прикажу подать?

Лизаура.

Благодарю. Не безпокойтесь.

Евгеніо.

Что за безпокойство! Мальчики, подайте сеньёръ кофею, шоколаду, всего, что ей угодно; я заплачу.

Лизаура.

Благодарю, благодарю! И кофе, и шоколадъ я дѣлаю дома.

Евгеніо.

Хорошъ у васъ шоколадъ?

Лизаура.

Отличный.

Евгеніо.

Вы умѣете его готовить?

Лизаура.

Моя горничная не мастерица.

Евгеніо.

Хотите, я приду, поучу?

Лизаура.

Напрасно безпокоитесь.

Евгеніо.

Ну, приду пить съ вами.

Лизаура.

Онъ не годится для васъ, сеньёръ.

Евгеніо.

Я всякимъ буду доволенъ. Пустите меня къ себѣ на часокъ.

Лизаура.

Извините, я не такъ легко это дѣлаю.

Евгеніо.

Скажите! Ну хотите, я пройду черезъ заднюю дверь?

Лизаура.

Кто у меня бываетъ, такъ ходятъ открыто.

Евгеніо.

Пустите, не будемъ дѣлать сцены.

Лизаура.

Скажите, сдѣлайте одолженіе, сеньёръ Евгеніо, вы не видали графа Леандро?

Евгеніо.

Не видалъ.

Лизаура.

А можетъ быть, вы играли съ нимъ нынче ночью?

Евгеніо.

Зачѣмъ же мнѣ при всѣхъ разговаривать о нашихъ дѣлахъ: пустите, все разскажу.

Лизаура.

Я говорю вамъ, сеньёръ, что не пускаю къ себѣ никого.

Евгеніо.

Можетъ быть нужно спросить позволеніе у графа? Я его позову.

Лизаура.

Если я спрашиваю, гдѣ графъ, — я имѣю на то свои причины.

Евгеніо.

Я его вамъ сейчасъ найду. Онъ въ игорной лавкѣ, спитъ.

Лизаура.

А спитъ, такъ и оставьте его въ покоѣ. (*Изъ игорной лавки выходитъ Леандро.*)

СЦЕНА ТРИНАДЦАТАЯ.

Леандро *и* тѣ же.

Леандро.

Не сплю, нѣтъ, не сплю; я здѣсь и удивляюсь ловкости сеньёра Евгеніо.

Евгеніо.

А что вы скажете о скромности этой сеньёры? Не пускаетъ меня, да и только.

Леандро.

За кого же вы ее принимаете?

Евгеніо.

По словамъ Донъ Марціо, къ ней доступъ свободенъ.

Леандро.

И Донъ Марціо лжетъ и всѣ, кто ему вѣритъ.

Евгеніо.

Хорошо, положимъ такъ; но при вашей протекціи не могу ли я имѣть удовольствіе посѣтить ее?

Леандро.

Вы бы лучше отдали мнѣ тридцать-то цехиновъ.

Евгеніо.

Тридцать цехиновъ я отдамъ. На карточный долгъ есть сроку 24 часа.

Леандро.

Видите, сеньёра Лизаура? Вотъ они каковы, эти господа! А еще честностью хвалятся! Ни одного сольца нѣтъ, а собираются любезничать.

Евгеніо.

Такіе молодые люди, какъ я, любезный графъ, если начинаютъ какое нибудь дѣло, такъ всегда съ увѣренностію, что кончатъ его честно. Еслибъ она пустила меня, она бы не потеряла времени даромъ, да и вы бы не остались безъ барыша. Вотъ деньги, вотъ тридцать цехиновъ; это вздоръ, который всегда можно найти, если нужно. Возьмите ваши тридцать цехиновъ и поучитесь разговаривать съ благородными людьми. (*Уходитъ и садится въ кофейной.*)

Леандро.

Заплатилъ, такъ говори, что хочешь, мнѣ и дѣла мало. Отоприте!

Лизаура.

Гдѣ вы были всю ночь?

Леандро.

Отоприте!

Лизаура.

Убирайтесь къ чорту!

Леандро.

Отоприте! (*Сыплетъ цехины въ шляпу такъ, чтобы Лизаура ихъ видѣла.*)

Лизаура.

Ну, на этотъ разъ ужъ пожалуй. (*Уходитъ и отпираетъ.*)

Леандро.

Сжалились, благодаря этимъ кружочкамъ. (*Входитъ въ домъ.*)

Евгеніо.

Ему: да, а мнѣ: нѣтъ. Не я буду, если не проберусь къ ней. (*Входитъ Плячида въ платьѣ пилигримки.*) *)

СЦЕНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Плячида, Евгеніо.

Плячида.

Милостыньку бѣдной пилигримкѣ.

Евгеніо.

Вотъ еще! Нынче мода на пилигримокъ.

Плячида.

Сеньёръ, ради неба, дайте что нибудь.

Евгеніо.

Что вы этимъ хотите сказать, сеньёра-пилигримка? Вы этимъ занимаетесь для развлеченія, или съ какой нибудь цѣлью?

Плячида.

Ни то, ни другое.

Евгеніо.

Зачѣмъ же вы бродите по свѣту?

Плячида.

По нуждѣ.

Евгеніо.

По нуждѣ, въ чемъ?

Плячида.

Во всемъ.

---

*) Извѣстный костюмъ: сѣраяряска съ пелеринкой, веревочный поясъ, длинный посохъ съ крючкомъ.

Евгеніо.

И въ компаніи также?

Плячида.

Не нуждалась бы я въ компаніи, еслибъ мужъ меня не бросилъ.

Евгеніо.

Обыкновенная пѣсня. Мужъ меня бросилъ. Откуда вы родомъ, сеньёра?

Плячида.

Изъ Пьемонта.

Евгеніо.

А мужъ вашъ?

Плячида.

Тоже пьемонтецъ.

Евгеніо.

Чѣмъ онъ тамъ занимался?

Плячида.

Былъ конторщикомъ у одного купца.

Евгеніо.

Зачѣмъ же онъ ушелъ?

Плячида.

Не любилъ дѣломъ заниматься.

Евгеніо.

Эту болѣзнь я знаю, я и самъ отъ нея еще не вылѣчился.

Плячида.

Сеньёръ, помогите мнѣ, сдѣлайте милость! Я только сейчасъ пришла въ Венецію. Не знаю, куда дѣться, у меня нѣтъ знакомствъ, нѣтъ денегъ; я въ отчаяніи.

Евгеніо.

Зачѣмъ же вы пришли въ Венецію?

Плячида.

Посмотрѣть, не здѣсь ли этотъ противный человѣкъ.

Евгеніо.

Какъ его зовутъ?

Плячида.

Фляминіо Арденти.

Евгеніо.

Я не слыхалъ такого.

Плячида.

Я боюсь, не перемѣнилъ ли онъ имени.

Евгеніо.

Гуляя по городу, можетъ быть вы и встрѣтите его, если онъ здѣсь.

Плячида.

Какъ увидитъ меня, такъ и убѣжитъ.

Евгеніо.

А вы вотъ что сдѣлайте. Теперь карнавалъ, надѣньте маску, такъ скорѣй сыщете.

Плячида.

Но какъ же мнѣ это сдѣлать? у меня нѣтъ ни провожатаго, ни квартиры, гдѣ помѣститься.

Евгеніо (*про-себя*).

А, понялъ. Кажется и мнѣ придется странствовать. (*Плячидѣ:*) Если хотите, вотъ хорошая гостинница.

Плячида.

Какъ я пойду въ гостинницу, когда мнѣ нечѣмъ заплатить даже за ночлегъ.

Евгеніо.

Милая полигримка, полъ-дуката *), если хотите, я вамъ могу дать.

Плячида.

Благодарю за вашу милость. Но мнѣ нужнѣе всякихъ денегъ ваша протекція.

Евгеніо (*про-себя*).

Видно полъ-дуката ей мало; еще чего нибудь хочется. (*Донъ Маріо выходитъ отъ цирульника.*)

---

*) Большая серебряная монета, талеръ.

СЦЕНА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Д. Марціо *и* тѣ же.

Д. Марціо *(про-себя).*

Евгеніо съ пилигримкой! Что нибудь да будетъ. *(Садится въ кофейной и смотритъ въ лорнетъ.)*

Плячида.

Сдѣлайте милость, проводите меня въ гостинницу; познакомьте меня съ хозяиномъ; а то если я войду одна, онъ или прогонитъ меня, или дурно обойдется со мной.

Евгеніо.

Извольте. Пойдемте. Хозяинъ меня знаетъ и, изъ уваженія ко мнѣ, будетъ съ вами учтивъ, какъ только можно.

Д. Марціо *(про-себя).*

Кажется, я ее видалъ гдѣ-то. *(Смотритъ въ лорнетъ.)*

Плячида.

Я вамъ всю жизнь буду обязана.

Евгеніо.

Когда могу, я готовъ сдѣлать добро всякому. Если не найдете мужа, я буду вашимъ провожатымъ. У меня сердце доброе.

Д. Марціо *(про-себя).*

Дорого бы я далъ послушать, что они говорятъ.

Плячида.

Сеньёръ, ваше любезное предложеніе мнѣ очень пріятно. Но вы еще очень молоды, и я не стара, и мнѣ не хотѣлось бы, чтобъ ваше одолженіе было перетолковано въ дурную сторону.

Евгеніо.

Если обращать на это вниманіе, сеньёра, придется людямъ совсѣмъ отказаться отъ добрыхъ дѣлъ.

Д. Марціо *(Евгеніо).*

Любезный другъ, кто эта пилигримка?

Евгеніо *(про-себя).*

Ужъ онъ тутъ; вездѣ ему нужно. *(Плячидѣ.)* Пойдемте въ гостинницу.

Плячида.

Пойдемте. *(Уходитъ.)*

СЦЕНА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Д. Марціо, *потомъ* Евгеніо.

Д. Марціо.

Ай да сеньёръ Евгеніо! Пропуску не даетъ никому, и пилигримкѣ даже. Это навѣрно та самая, что была здѣсь въ прошломъ году. Я подозрѣваю, что она та самая, которая приходила каждый вечеръ въ кофейную за милостыней. Но я ей не подавалъ. У меня денегъ немного, и я хочу ихъ тратить на что нибудь другое, получше. Мальчики, не приходилъ еще Траппола? Не принесъ онъ серегъ, которыя мнѣ далъ подъ залогъ за десять цехиновъ сеньёръ Евгеніо? (*Евгеніо выходитъ изъ гостинницы.*)

Евгеніо.

Что вы тамъ обо мнѣ толкуете?

Д. Марціо.

Браво! За пилигримкой ходите.

Евгеніо.

Ужъ нельзя и помочь бѣдной женщинѣ, которая нуждается?

Д. Марціо.

Да, дѣлайте добро. Какая бѣдняжка! Она съ прошлаго года до сихъ поръ не найдетъ себѣ покровителя.

Евгеніо.

Какъ, съ прошлаго года? Вы ее знаете?

Д. Марціо.

Знаю ли я? Еще бы! Я близорукъ, но память у меня хороша.

Евгеніо.

Скажите мнѣ, любезный другъ, кто она.

Д. Марціо.

Она въ прошломъ году каждый вечеръ приходила въ эту кофейную метать стрѣлы то въ того, то въ другого.

Евгеніо.

Но она говоритъ, что никогда не бывала въ Венеціи.

Д. Марціо.

А вы ей вѣрите? Простота!

Евгеніо.

Прошлогодняя-то откуда?

Д. Марціо.

Изъ Милана.

Евгеніо.

А эта изъ Пьемонта.

Д. Марціо.

Ахъ, да, правда! и та изъ Пьемонта.

Евгеніо.

Это жена Фляминіо Арденти.

Д. Марціо.

И у прошлогодней былъ какой-то, котораго она выдавала за мужа.

Евгеніо.

Съ ней нѣтъ никого теперь.

Д. Марціо.

Такова ихъ жизнь: каждый мѣсяцъ мѣняютъ.

Евгеніо.

Но какъ же вы можете сказать, что это та самая?

Д. Марціо.

Да если я ее знаю.

Евгеніо.

Вы ее хорошо разсмотрѣли?

Д. Марціо.

Мой лорнетъ не обманетъ; да и притомъ я слышалъ ея голосъ.

Евгеніо.

Какъ звали прошлогоднюю?

Д. Марціо.

Имени не помню.

Евгеніо.

Эта Плячида.

Д. Марціо.

Такъ точно; ее звали Плячида.

Евгеніо.

Еслибъ я былъ увѣренъ въ томъ, что вы говорите, я бы съ ней поговорилъ иначе.

Д. Марціо.

Когда я говорю, такъ можете вѣрить. Эта странница не гостинницы ищетъ, а гостей.

Евгеніо.

Подождите, я сейчасъ приду. (*Про-себя.*) Пойду, разузнаю правду. (*Уходитъ въ гостинницу.*)

СЦЕНА СЕМНАДЦАТАЯ.

Д. Марціо, *потомъ* Виттоpія (*въ маскѣ*).

Д. Марціо.

Кромѣ ея некому и быть: видъ, ростъ, даже и платье, кажется, то же. Я ее хорошенько не видалъ въ лицо, но это она; и потомъ, какъ только меня увидѣла, сейчасъ же спряталась въ гостинницу. (*Входитъ Виттоpія.*)

Виттоpія.

Сеньёръ Донъ Марціо, здравствуйте! (*Снимаетъ маску.*)

Д. Марціо.

Ахъ, сеньёра маска, покорнѣйшій вашъ слуга!

Виттоpія.

Не видали ли моего мужа?

Д. Марціо.

Да, сеньёра, видѣлъ.

Виттоpія.

Не знаете ли, гдѣ онъ теперь?

Д. Марціо.

Знаю отлично.

Виттоpія.

Сдѣлайте милость, скажите мнѣ по-дружески.

Д. Марціо.

Слушайте. (*Отводитъ ее въ сторону.*) Онъ здѣсь, въ этой гостинницѣ, у одной изъ этихъ пилигримокъ; такъ, сволочь!

Виттоpія.

Давно ли онъ тамъ?

Д. Марціо.

Только сейчасъ; пришла сюда эта пилигримка, онъ увидалъ ее, она ему понравилась, ну, онъ и пошелъ сейчасъ въ гостинницу.

Витторія.

Какой безразсудный человѣкъ! Онъ хочетъ совершенно погубить свою репутацію.

Д. Марціо.

Прождали вы его сегодняшнюю ночку?

Витторія.

Я боялась. не случилось ли съ нимъ какого несчастія.

Д. Марціо.

А развѣ это не несчастіе: проиграть сто цехиновъ и тридцать на-слово?

Витторія.

И всѣ эти деньги онъ проигралъ?

Д. Марціо.

Да! Больше проигралъ. Играетъ и дни и ночи, какъ разбойники.

Витторія.

Несчастная я! У меня сердце разрывается.

Д. Марціо.

Теперь принужденъ продавать чуть не даромъ нѣсколько кусковъ парчи; ну, а потомъ и конецъ.

Витторія.

Я надѣюсь, что онъ не доведетъ себя до раззоренія.

Д. Марціо.

Да ужъ все заложено.

Витторія.

Извините, неправда.

Д. Марціо.

И мнѣ вы это говорите?

Витторія.

Я его знаю лучше, чѣмъ вы.

Д. Марціо.

Да если онъ мнѣ заложилъ... Довольно; я благородный человѣкъ, не хочу ничего больше разсказывать.

Витторія.

Сдѣлайте милость, скажите, что онъ заложилъ. Можетъ быть, я не знаю.

Д. Марціо.

Подите, у васъ мужъ отличный человѣкъ.

Витторія.

Скажите мнѣ, что онъ заложилъ?

Д. Марціо.

Я благородный человѣкъ, и ничего вамъ не скажу. (*Входитъ Траппола съ коробочкой, въ которой серьги.*)

СЦЕНА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Траппола *и* тѣ же.

Траппола.

Вотъ и я здѣсь! Брилліантщикъ говоритъ... (*Про-себя.*) Ухъ! что я вижу! Жена сеньёра Евгеніо: буду говорить потихоньку.

Д. Марціо (*тихо Трапполѣ*).

Ну, что же говоритъ брилліантщикъ?

Траппола (*тихо Д. Марціо*).

Сказалъ, что за нихъ заплачено больше десяти цехиновъ, но что теперь десяти не дадутъ.

Д. Марціо.

Значитъ, я своихъ не выручу?

Траппола.

Боюсь, что такъ.

Д. Марціо.

Угодно знать, какими плутнями занимается вашъ мужъ? Онъ заложилъ мнѣ эти серьги за десять цехиновъ, а онѣ не стоятъ и шести.

Витторія.

Это мои серьги.

Д. Марціо.

Отдайте десять цехиновъ и возьмите.

Витторія.

Онѣ стоятъ больше тридцати.

Д. Марціо.

Да, какже! Тридцать фиников развѣ! Вы тоже съ нимъ заодно.

Витторія.

Подержите ихъ до завтра, я вамъ найду десять цехиновъ.

Д. Марціо.

До завтра? Ахъ, не смѣшите меня! Я пойду покажу ихъ всѣмъ ювелирамъ въ Венеціи.

Витторія.

Только, для сохраненія моей репутаціи, не говорите, что онѣ мои.

Д. Марціо.

Что мнѣ за дѣло до вашей репутаціи! Кто не хочетъ, чтобъ знали, не закладывай. (*Уходитъ.*)

СЦЕНА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Витторія и Транпола.

Витторія.

Какой болтунъ! Невѣжда! Транпола, гдѣ твой хозяинъ?

Транпола.

Не знаю; я пойду въ лавку.

Витторія.

Мой мужъ игралъ всю ночь?

Транпола.

Гдѣ я его вчера оставилъ, тамъ и нынче нашелъ.

Витторія.

Проклятый порокъ! Онъ проигралъ сто-тридцать цехиновъ?

Транпола.

Говорятъ.

Витторія.

А теперь онъ у иностранки?

Транпола.

Да, сеньёра, надо быть, у ней. Я нѣсколько разъ видалъ, какъ онъ ухаживалъ за ней съ улицы, — проберется и въ домъ.

Витторія.

Говорятъ, что эта иностранка недавно пріѣхала?

Транпола.

Нѣтъ, сеньёра, ужъ съ мѣсяцъ.

Витторія.

Она пелегрина?

Транпола.

Охъ, сеньёра, вы ошиблись; потому что окончаніе у нихъ одно: на „ина“; она—балерина.

Витторія.

Она остановилась здѣсь, въ гостинницѣ?

Транпола.

Нѣтъ, сеньёра: въ этомъ домѣ. (*Показываетъ домъ.*)

Витторія.

Здѣсь? А мнѣ сказалъ Д. Марціо, что онъ теперь въ гостинницѣ съ пилигримкой.

Транпола.

Отлично! Еще и пилигримка!

Витторія.

Кромѣ пилигримки, еще и танцовщица? Одна здѣсь, другая тамъ?

Транпола.

Да, сеньёра: куда вѣтеръ подуетъ, туда и онъ плыветъ.

Витторія.

И онъ постоянно ведетъ такую жизнь? И я это терплю? Позволяю ему обижать себя? Нѣтъ, я впередъ глупа не буду, не стану потакать ему. Поговорю съ нимъ хорошенько; а если словъ не послушаетъ: я и въ судъ пойду.

Транпола.

Правда, правда. Да вотъ, онъ выходитъ изъ гостинницы.

Витторія.

Любезный другъ, оставь меня.

Транпола.

Извольте, какъ вамъ угодно. (*Входитъ въ лавку. Евгеніо выходитъ изъ гостинницы.*)

СЦЕНА ДВАДЦАТАЯ.

Витторія *и* Евгеніо.

Витторія.

Вотъ я его удивлю-то. (*Надѣваетъ маску.*)

Евгеніо.

Не знаю, что и сказать: она не признается, а онъ увѣряетъ. У Донъ Марціо злой языкъ; да и этимъ дамамъ-странницамъ вѣрить нельзя.—Маска! Вотъ кстати! Вы нѣмы? Хотите кофею? Хотите чего нибудь другаго? Приказывайте.

Витторія.

Мнѣ не кофею нужно, а хлѣба. (*Снимаетъ маску.*)

Евгеніо.

Какъ! Что ты здѣсь дѣлаешь?

Витторія.

Меня отчаяніе привело сюда.

Евгеніо.

Что еще за новости? Въ такое время и въ маскѣ?

Витторія.

Что ты говоришь? Развѣ я для забавы надѣла маску?

Евгеніо.

Иди сейчасъ домой!

Витторія.

Я пойду домой, а ты здѣсь забавляйся.

Евгеніо.

Ты пойдешь домой, а я останусь тамъ, гдѣ мнѣ угодно.

Витторія.

Прекрасная жизнь, милостивый государь.

Евгеніо.

Поменьше болтайте, сударыня; идите-ка домой, дѣло-то лучше будетъ.

Витторія.

Да, я пойду домой; только къ себѣ, а не къ тебѣ.

Евгеніо.

Куда вы еще пойдете?

Виттоpія.

Къ отцу, которому ужъ надоѣло твое обращеніе со мной и который съумѣетъ заставить тебя дать отчетъ въ твоемъ поведеніи и въ моемъ приданомъ.

Евгеніо.

Отлично, сударыня, отлично! Вотъ какъ вы добра желаете! Вотъ какъ вы заботитесь обо мнѣ и объ моей репутаціи!

Виттоpія.

Дурное обращеніе убиваетъ любовь. Я столько страдала, столько плакала,—больше не могу.

Евгеніо.

Да наконецъ что же я тебѣ сдѣлалъ?

Виттоpія.

Всю ночь за игрой.

Евгеніо.

Кто тебѣ сказалъ, что я игралъ?

Виттоpія.

Мнѣ сказалъ Донъ Марціо, и что ты проигралъ сто цехиновъ наличными и тридцать на-слово.

Евгеніо.

Не вѣрь, это не правда.

Виттоpія.

И потомъ ты занялся пилигримкой.

Евгеніо.

Кто тебѣ сказалъ?

Виттоpія.

Донъ Марціо.

Евгеніо (*про-себя*).

(Будь ты проклятъ!) Повѣрь мнѣ, не правда.

Виттоpія.

И еще есть кой-что; закладываешь мои вещи, берешь потихоньку отъ меня мои серьги. Хорошо ли такъ поступать со мной—съ женой нѣжной, простой и честной?

Евгеніо.

Какъ ты узнала о серьгахъ?

Виттоpія.

Мнѣ сказалъ Донъ Марціо. Говоритъ Донъ Марціо, да и

всѣ то же скажутъ, что на-дняхъ ты раззоришься, и я прежде, чѣмъ это сдѣлается, хочу выручить свое приданое.

Евгеніо.

Витторія, если ты только мнѣ желаешь добра, не говори такъ.

Витторія.

Я тебѣ ужъ слишкомъ много желаю добра; еслибъ я тебя такъ не любила, было бы лучше для меня.

Евгеніо.

Хочешь къ отцу итти?

Витторія.

Да, непремѣнно.

Евгеніо.

Со мной жить не хочешь?

Витторія.

Буду жить, когда будешь благоразумнѣе.

Евгеніо (*съ сердцемъ*).

Ахъ, профессорша, еще время не пришло мнѣ скучать-то съ тобой!

Витторія.

Потише! не будемъ дѣлать сцены на улицѣ.

Евгеніо.

Кабы ты знала приличія, не пошла бы въ кофейную приставать къ мужу.

Витторія.

Не безпокойся, и не пойду больше.

Евгеніо.

Душа моя, уйди!

Витторія.

Уйду, послушаюсь: порядочная женщина и дурнаго мужа слушается. Пожалѣешь и обо мнѣ, когда меня не будетъ. Ты не можешь пожаловаться, что я тебя не любила. Я дѣлала все, что только можетъ любящая женщина. Ты отвѣтилъ мнѣ неблагодарностію; стерплю. Хоть и безъ тебя плакать-то я буду; но все-таки не буду знать тѣхъ мукъ, которыя отъ тебя терплю такъ часто. Я васъ буду любить всегда, но больше вы меня не увидите. (*Уходитъ.*)

Евгеніо.

Бѣдная женщина! Она меня разстрогала. Я знаю, что она только такъ говоритъ, а сдѣлать не сдѣлаетъ. Я пойду за ней издали и уговорю ее. Если она возьметъ приданое, я раззоренъ. Но у нея не хватитъ духу это сдѣлать. Когда жена сердится, приласкай ее хорошенько, и все пройдетъ. (*Уходитъ.*)

АКТЪ ВТОРОЙ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Ридольфо (*на улицѣ*), Траннола (*въ глубинѣ лавки*).

Ридольфо.

Эй, ребята, гдѣ вы?

Траннола.

Здѣсь, хозяинъ.

Ридольфо.

Въ лавкѣ-то никого ужъ нѣтъ изъ васъ?

Траннола.

У меня глаза и уши на-сторожѣ. Да и что тамъ украсть-то? За прилавокъ никто не ходитъ.

Ридольфо.

Чашки могутъ украсть. Тутъ ходитъ одинъ, собираетъ себѣ коллекцію. Сеньёръ Евгеніо ушелъ?

Траннола.

Ахъ, кабы вы знали! Пришла сюда жена его. Какія слезы! Какіе упреки! Варваръ, предатель, тиранъ! То съ любовью, то съ сердцемъ. Наконецъ-то его разжалобила.

Ридольфо.

Куда же онъ пошелъ?

Траннола.

Что за вопросъ! Дома не ночевалъ; жена его поймала, а вы спрашиваете, куда онъ пошелъ.

Ридольфо.

Ничего не приказывалъ?

Транпола.

Онъ воротился черезъ заднюю дверь и сказалъ мнѣ, что поручаетъ вамъ продажу парчи, что больше некому.

Ридольфо.

Два куска парчи я продалъ по тринадцати лиръ *) за футъ и получилъ деньги; но не хочу, чтобъ онъ зналъ, и всѣхъ ему не отдамъ. Попади тѣ ему въ руки, такъ онъ ихъ прокутитъ въ день.

Транпола.

Какъ узнаетъ, что у васъ деньги, сейчасъ запроситъ.

Ридольфо.

А я ему не скажу; я ему дамъ, что нужно, и распоряжусь какъ слѣдуетъ.

Транпола.

Вотъ онъ идетъ. Lupus in fabula.

Ридольфо.

Что-жъ эта твоя латынь значитъ?

Транпола.

Значитъ: волкъ бобы толчетъ. (*Уходитъ въ лавку со смѣхомъ.*)

Ридольфо.

Шутъ; и по-итальянски-то плохо говоритъ, а еще за латынь берется.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Ридольфо *и* Евгеніо.

Евгеніо.

Ничего, другъ Ридольфо, не сдѣлали?

Ридольфо.

Сдѣлалъ кой-что.

---

*) Лира — восьмая часть дуката.

Евгеніо.

Я знаю, что вы взяли двѣ штуки парчи; приказчикъ мнѣ говорилъ. Продали вы ихъ?

Ридольфо.

Продалъ.

Евгеніо.

Почемъ?

Ридольфо.

По тринадцати лиръ футъ.

Евгеніо.

Довольно выгодно. Деньги сейчасъ?

Ридольфо.

Часть въ руки, а часть подождать.

Евгеніо.

Охъ ужъ мнѣ подождать! Сколько въ руки?

Ридольфо.

Сорокъ цехиновъ.

Евгеніо.

Это недурно. Ну, давайте! Какъ онѣ кстати!

Ридольфо.

Потише, сеньёръ Евгеніо, вы мнѣ должны тридцать цехиновъ.

Евгеніо.

Получите, когда заплатятъ остальныя деньги.

Ридольфо.

Извините, это несовсѣмъ честно съ вашей стороны. Вы знаете, что я хлопоталъ для васъ со всею готовностью, скоро, безъ всякаго интереса, и заставляете меня ждать! Кромѣ того, сеньёръ, мнѣ мои деньги нужны.

Евгеніо.

Ну, вы правы. Берите тридцать цехиновъ и дайте мнѣ остальные десять.

Ридольфо.

Не хотите ли лучше заплатить ихъ сеньёру Донъ Марціо? Не лучше ли избавиться отъ этого дьявола, мучителя?

Евгеніо.

У него залогъ, онъ подождетъ.

Ридольфо.

Какъ вы мало заботитесь о своей репутаціи! Для васъ это ничего, — пусть этотъ болтунъ позоритъ васъ? Еще какой болтунъ-то! Который только затѣмъ и дѣлаетъ услуги, чтобъ потомъ хвастаться; для него первое удовольствіе — лишать порядочныхъ людей кредита.

Евгеніо.

Да, ему нужно заплатить. Но вѣдь останешься безъ денегъ? Какой вы срокъ назначили покупщику?

Ридольфо.

Да вамъ сколько денегъ-то нужно теперь?

Евгеніо.

Почемъ я знаю? Десять или двѣнадцать цехиновъ.

Ридольфо.

Сейчасъ получите. Вотъ десять цехиновъ; а когда придетъ Донъ Марціо, я выкуплю серьги.

Евгеніо.

Ахъ, это десять цехиновъ! Какъ же ихъ считать?

Ридольфо.

Берите безъ разговора. Послѣ сочтемся.

Евгеніо.

Но когда же мы получимъ остальное за парчу?

Ридольфо.

Не ваша забота. Тратьте покуда эти, а послѣ будутъ и еще; но старайтесь расходовать ихъ на надобность, а не бросайте.

Евгеніо.

Да, другъ мой, благодарю васъ. Пожалуйста, при полученіи за парчу, возьмите себѣ, что нужно за хлопоты.

Ридольфо.

Мнѣ странно; я лавочникъ, а не маклеръ. Если я хлопочу для васъ, такъ совсѣмъ не изъ интереса. Я буду очень доволенъ, если эти деньги послужатъ вамъ въ пользу. (*Уходитъ въ лавку.*)

Евгеніо.

Онъ человѣкъ хорошій, хотя въ то же время и порядочный резонеръ. (*Графъ Леандро выходитъ изъ дома Лизауры.*)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Леандро и Евгеніо.

Леандро.

Сеньёръ Евгеніо, вотъ ваши деньги, всѣ въ этомъ кошелькѣ. Если хотите взять ихъ назадъ, пойдемте.

Евгеніо.

Нѣтъ, я несчастливъ, я больше не играю.

Леандро.

Пословица говоритъ: иной разъ какъ собака, а въ другой какъ заяцъ.

Евгеніо.

Нѣтъ, я всегда заяцъ, а вы всегда собака.

Леандро.

Знаете ли, я съ-просонка; я и карты-то едвали удержу въ рукахъ; но такой ужъ у меня проклятый порокъ, хоть проиграться, да только-бъ играть.

Евгеніо.

И я съ-просонка. Сегодня я не играю.

Леандро.

Если у васъ нѣтъ денегъ, нужды нѣтъ, я повѣрю.

Евгеніо.

Вы думаете, что у меня денегъ нѣтъ? Вотъ деньги; но я играть не хочу. (*Показываетъ кошелекъ.*)

Леандро.

Сыграемъ на шоколадъ.

Евгеніо.

Охоты нѣтъ пить.

Леандро.

На шоколадъ сдѣлайте милость.

Евгеніо.

Но я вамъ говорю...

Леандро.

Только на шоколадъ; а кто предложитъ играть на что нибудь другое, съ того дукатъ штрафу.

Евгеніо.

Пожалуй, на шоколадъ, пойдемте. (*Про-себя.*) Ридольфо меня не видитъ.

Леандро (*про-себя*).

Ну, вотъ и попался. (*Уходитъ въ морную лавочку. Входитъ Донъ Марціо.*)

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Донъ Марціо, *потомъ* Ридольфо.

Д. Марціо.

Всѣ ювелиры говорятъ, что десяти цехиновъ не стоятъ; всѣ удивляются тому, что Евгеніо меня обманулъ. Нельзя дѣлать одолженія никому; теперь ужъ не дамъ никому ни сольда—хоть умирай. Куда онъ дѣлся, чортъ его возьми? Онъ прячется, чтобъ не заплатить мнѣ денегъ.

Ридольфо.

Сеньёръ, у васъ серьги сеньёра Евгеніо?

Д. Марціо.

Вотъ онѣ. Эти прекрасныя серьги ничего не стоятъ, онъ меня надулъ. Разбойникъ! Онъ скрылся, чтобъ не платить мнѣ; онъ банкротъ, банкротъ!

Ридольфо.

Получите, сеньёръ, и не шумите. Вотъ десять цехиновъ, пожалуйте серьги.

Д. Марціо (*разглядываетъ цехины въ лорнетъ*).

Они полновѣсны?

Ридольфо.

Полновѣсны, а чего не хватитъ, я отвѣчаю.

Д. Марціо.

Вы ихъ платите?

Ридольфо.

Я тутъ непричемъ. Это деньги сеньёра Евгеніо.

Д. Марціо.

Какъ онъ нашелъ денегъ?

Ридольфо.

Я его дѣлъ не знаю.

Д. Марціо.

Онъ ихъ выигралъ?

Ридольфо.

Говорю, что не знаю.

Д. Марціо.

А! Вотъ что, онъ продалъ парчу. Да, да, продалъ парчу. Ему это обдѣлалъ Пандольфо.

Ридольфо.

Будь по-вашему; получайте деньги и пожалуйте мнѣ серьги.

Д. Марціо.

Вы получили деньги отъ сеньёра Евгеніо или отъ Пандольфо?

Ридольфо.

Ахъ, какъ это долго! Угодно вамъ, или нѣтъ?

Д. Марціо.

Давайте, давайте! Бѣдная парча! Спустили тебя!

Ридольфо.

Пожалуйте серьги.

Д. Марціо.

Вы ихъ отнесете ему?

Ридольфо.

Ему.

Д. Марціо.

Ему или женѣ его?

Ридольфо (*съ нетерпѣніемъ*).

Или ему, или женѣ его.

Д. Марціо.

Гдѣ онъ?

Ридольфо.

Не знаю.

Д. Марціо.

Значитъ, вы отнесете къ женѣ?

Ридольфо.

Отнесу къ женѣ.

Д. Марціо.

И я пойду съ вами.

Ридольфо.

Пожалуйте мнѣ и не безпокойтесь. Я честный человѣкъ.

Д. Марціо.

Пойдемте, пойдемте, снесемъ ихъ къ его женѣ.

Ридольфо.

Я знаю дорогу и безъ васъ.

Д. Марціо.

Я хочу сдѣлать ей учтивость. Пойдемте, пойдемте. (*Уходитъ.*)

Ридольфо.

Что съ нимъ дѣлать. Ребята, смотрите за лавкой. (*Уходитъ. Евгеніо выходитъ изъ игорной лавки.*)

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Евгеніо *и* мальчики (*въ кофейной*).

Евгеніо.

Проклятое счастье! Опять проигрался. На шоколадъ проиграть десять цехиновъ. И какъ еще онъ поступилъ со мной! Затянуть меня, выиграть всѣ деньги, и забастовать, — не повѣрить мнѣ на слово! Кабы мнѣ теперь деньги, я бы игралъ до завтра. Говори, Ридольфо, что хочешь, а остальныя деньги за парчу отдать мнѣ онъ долженъ. Мальчики, гдѣ хозяинъ?

Мальчикъ.

Онъ сейчасъ только ушелъ.

Евгеніо.

Куда?

Мальчикъ.

Не знаю, сеньёръ.

Евгеніо.

Проклятый Ридольфо! Куда къ чорту онъ провалился! (*Въ дверь игорной лавки.*) Графъ, подождите меня, я сейчасъ ворочусь. (*Уходя.*) Да еще найдешь ли его. (*Входитъ Пандольфо.*)

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

Евгеніо *и* Пандольфо.

Пандольфо.

Куда, куда, сеньёръ Евгеніо, такъ торопитесь?

Евгеніо.

Видѣли Ридольфо?

Пандольфо.

Я? Нѣтъ.

Евгеніо.

Ничего не сдѣлали съ парчей?

Пандольфо.

Сдѣлалъ.

Евгеніо.

Отлично. Что же вы сдѣлали?

Пандольфо.

Я нашелъ покупщика; но съ какими трудами! Я ее показывалъ купцамъ десяти или больше; никто не одобряетъ.

Евгеніо.

Этотъ покупщикъ что даетъ?

Пандольфо.

Насилу я выпросилъ съ него восемь лиръ за футъ.

Евгеніо.

Что вы мнѣ, чортъ возьми, говорите! Восемь лиръ за футъ! Ридольфо продалъ два куска по тринадцати лиръ.

Пандольфо.

Сейчасъ деньги?

Евгеніо.

Часть сейчасъ, остальное съ обожданіемъ.

Пандольфо.

Отличная торговля! Съ обожданіемъ! Я вамъ отдамъ всѣ деньги вдругъ. Сколько парчи, столько и серебряныхъ дукатовъ, венеціанскихъ.

Евгеніо (*про-себя*).

Ридольфо не видать. Деньги нужны. я рѣшаюсь.

Пандольфо.

Если бы вы хотѣли продавать парчу въ кредитъ, я бы вамъ ее продалъ по шестнадцати лиръ. Но у кого деньги чистыя, тѣ теперь прижимаютъ, сколько имъ угодно.

Евгеніо.

Но она себѣ стоитъ десять лиръ.

Пандольфо.

Ну, что значитъ потерять двѣ лиры на футъ? За то будете имѣть деньги на ваши надобности и можете отыграть то, что проиграли.

Евгеніо.

Да нельзя ли подороже? Хоть за свою цѣну?

Пандольфо.

Ни за что кватрина не прибавятъ.

Евгеніо *(про-себя).*

(Нужда заставляетъ). Ну, такъ ужъ надо это дѣло поскорѣй кончить.

Пандольфо.

Напишите мнѣ приказъ на два куска парчи, и черезъ полчаса я вамъ принесу деньги.

Евгеніо.

Я сейчасъ. Мальчики, дайте мнѣ чернилъ и бумаги. (*Мальчики приносятъ столикъ съ приборомъ для письма.*)

Пандольфо.

Напишите приказчику, чтобы онъ отпустилъ мнѣ два куска парчи по моему выбору.

Евгеніо.

Хорошо, для меня все равно. (*Пишетъ.*)

Пандольфо *(про-себя).*

Какой плащъ отличный я себѣ сдѣлаю. (*Входитъ Ридольфо.*)

СЦЕНА СЕДЬМАЯ.

Ридольфо *и* тѣ же.

Ридольфо *(про-себя).*

Сеньёръ Евгеніо что-то пишетъ съ Пандольфо. Тутъ какія-то новости.

Пандольфо (*про-себя*).

Вотъ еще явился: пожалуй, помѣшаетъ.

Ридольфо.

Вашъ слуга, сеньёръ Евгеніо.

Евгеніо.

А! Здравствуйте! (*Продолжаетъ писать.*)

Ридольфо.

Дѣла, дѣла, сеньёръ Евгеніо?

Евгеніо.

Небольшое дѣльцо. (*Пишетъ.*)

Ридольфо.

Могу я удостоиться отъ васъ узнать, въ чемъ дѣло?

Евгеніо.

Видите, что̀ значитъ продавать въ долгъ? Мнѣ не хватило денегъ; я имѣю въ нихъ нужду, и долженъ сбыть еще два куска парчи.

Пандольфо.

Не говорите сбыть, а продать какъ слѣдуетъ.

Ридольфо.

Почемъ за футъ?

Евгеніо.

Мнѣ стыдно сказать. Восемь лиръ.

Пандольфо.

Но сейчасъ деньги.

Ридольфо.

Зачѣмъ же, сеньёръ, такъ губить свое состояніе?

Евгеніо.

Но если нельзя иначе. Мнѣ нужны деньги.

Пандольфо.

Не прошло часу, какъ я досталъ имъ денегъ, сколько нужно.

Ридольфо.

А сколько вамъ нужно?

Евгеніо.

Что-жъ? Развѣ вы дадите?

Пандольфо (*про-себя*).

Испортитъ этотъ мнѣ все дѣло.

Ридольфо.

Если съ васъ довольно шести или семи цехиновъ, я найду.

Евгеніо.

А! Вотъ вздоръ какой! Мнѣ нужны деньги. (*Пишетъ.*)

Пандольфо (*про-себя*).

Ну, еще недурно.

Ридольфо.

Подождите; сколько стоятъ два куска парчи по восьми лиръ футъ?

Евгеніо.

Сочтемъ. Въ каждомъ кускѣ шестьдесятъ футовъ; два раза шестьдесятъ — сто-двадцать. Сто-двадцать серебряныхъ дукатовъ.

Пандольфо.

Нужно еще заплатить за хлопоты.

Ридольфо.

Кому за хлопоты?

Пандольфо.

Мнѣ, сеньёръ, мнѣ.

Ридольфо.

Отлично! Сто-двадцать серебряныхъ дукатовъ, по восьми лиръ каждый, сколько составляютъ цехиновъ?

Евгеніо.

Одиннадцать дукатовъ составляютъ четыре цехина. (*Считаетъ.*) Сорокъ-три цехина и четырнадцать лиръ венеціанской монетой.

Ридольфо.

Говорите, ровно сорокъ цехиновъ: остатки за хлопоты.

Евгеніо.

Три цехина за хлопоты?

Пандольфо.

Конечно; но вѣдь сейчасъ деньги.

Евгеніо.

Ну, ну, пусть такъ; вы ихъ получите.

Ридольфо.

Сочтите же, сеньёръ Евгеніо, что стоятъ два куска по тринадцати лиръ?

Евгеніо.

Да, дорого стоятъ.

Пандольфо.

Но ждать деньги; а безъ денегъ что сдѣлаешь?

Ридольфо.

Сосчитайте.

Евгеніо.

Я сейчасъ сочту. (*Считаетъ.*) Семьдесять цехиновъ и двадцать лиръ.

Пандольфо.

А сколько ихъ ждать, неизвѣстно. Лучше сегодня цыпленокъ, чѣмъ завтра каплунъ.

Ридольфо.

Вы получили отъ меня: сначала тридцать цехиновъ, потомъ десять, что составитъ сорокъ; десять за серьги, которыя я выкупилъ, стало пятьдесятъ. Вотъ ужъ вы получили отъ меня десятью цехинами больше того, что предлагалъ вамъ сейчасъ въ руки этотъ почтеннѣйшій кавалеръ.

Пандольфо (*про-себя*).

Будь ты проклятъ!

Евгеніо.

Да, вы правы; но мнѣ нужно еще денегъ.

Ридольфо.

Вамъ нужно еще денегъ? Вотъ деньги; вотъ двадцать цехиновъ и двадцать лиръ, что и составитъ семьдесятъ цехиновъ и двадцать лиръ за сто-двадцать футовъ вашей парчи, по тринадцати лиръ за футъ и ничего за хлопоты; всѣ деньги сейчасъ въ руки, за одинъ разъ, безъ мошенничества, безъ надувательства, — безъ разбойничества обманщиковъ-комиссіонеровъ.

Евгеніо.

Если такъ, милый Ридольфо, я вамъ очень благодаренъ, и разрываю этотъ приказъ. А васъ, господинъ-маклеръ, мнѣ больше не нужно.

Пандольфо (*про-себя*).

(Чортъ его принесъ!) Ну, что-жъ дѣлать, я только даромъ проходилъ.

Евгеніо.

Мнѣ жаль, что вы напрасно безпокоились.

Пандольфо.

Хоть на водку что нибудь.

Евгеніо.

Вотъ вамъ дукатъ. (*Достаетъ дукатъ изъ кошелька, который даетъ ему Ридольфо.*)

Пандольфо.

Покорно благодарю.

Ридольфо.

Что еще прикажете?

Евгеніо.

Благодарю васъ.

Пандольфо (*тихо Евгеніо*).

Хотите? (*Показываетъ на шорную лавку.*)

Евгеніо (*тихо*).

Подите, приду. (*Пандольфо уходитъ.*) Какъ вы успѣли, Ридольфо, такъ скоро повидаться съ покупщикомъ и получить деньги?

Ридольфо.

Сказать по правдѣ, онѣ и прежде были у меня въ карманѣ; но я не хотѣлъ отдавать вамъ всѣхъ вдругъ, чтобъ вы ихъ не такъ скоро промотали.

Евгеніо.

Вы меня обижаете, я ужъ не мальчикъ. Гдѣ серьги?

Ридольфо.

Этотъ любезный сеньёръ, Донъ Марціо, какъ только получилъ отъ меня десять цехиновъ, такъ захотѣлъ непремѣнно отдать серьги своими руками сеньёрѣ Витторіи.

Евгеніо.

Вы говорили съ женой?

Ридольфо.

Конечно, говорилъ; и я ходилъ съ сеньёромъ Донъ Марціо.

Евгеніо.

Что-жъ она говоритъ?

Ридольфо.

Все плачетъ. Бѣдная! Ее жаль.

Евгеніо.

Если-бъ вы знали, какъ она взбѣсилась на меня! Хотѣла идти къ отцу, хотѣла взять приданое, хотѣла такихъ бѣдъ надѣлать.

Ридольфо.

Какъ же вы ее успокоили?

Евгеніо.

Лаской.

Ридольфо.

Она васъ любитъ; у нея доброе сердце.

Евгеніо.

Но, когда разсердится, такъ вѣдь она звѣрь.

Ридольфо.

Она мнѣ приказала сказать вамъ, если я васъ увижу, чтобы вы приходили завтракать пораньше.

Евгеніо.

Да, да, я пойду.

Ридольфо.

Дорогой сеньёръ, я васъ умоляю, будьте потверже: бросьте игру, не бѣгайте за женщинами; у васъ жена молодая, красивая, любитъ васъ, чего вамъ еще?

Евгеніо.

Прекрасно, благодарю васъ. (*Пандольфо кашляетъ въ своей лавкѣ; Евгеніо оборачивается: Пандольфо дѣлаетъ знакъ, что Леандро ждетъ его играть. Евгеніо дѣлаетъ знакъ рукою, что придетъ. Ридольфо не видитъ.*)

Ридольфо.

Я вамъ совѣтовалъ бы сейчасъ идти домой. До полудня не долго. Подите, утѣшьте жену.

Евгеніо.

Сейчасъ пойду. Сегодня мы еще увидимся.

Ридольфо.

Ничего не прикажете?

Евгеніо.

Ничего, ничего, прощайте! (*Ридольфо уходитъ въ лавку. Евгеніо входитъ въ шорную лавку.*)

СЦЕНА ВОСЬМАЯ.

Ридольфо (*въ лавкѣ*), *потомъ* Донъ Марціо.

Ридольфо.

Кажется, я его направилъ на путь истинный. (*Входитъ Д. Марціо.*)

Д. Марціо.

Экой оселъ! экой скотъ! экой оселъ!

Ридольфо.

Съ кѣмъ это вы, сеньёръ Донъ Марціо?

Д. Марціо.

Если ты хочешь смѣяться, такъ слушай! Одинъ докторъ утверждаетъ, что горячая вода здоровѣе холодной.

Ридольфо.

А вы другаго мнѣнія?

Д. Марціо.

Горячая вода ослабляетъ желудокъ.

Ридольфо.

Конечно, она ослабляетъ фибру.

Д. Марціо.

Что это за фибра?

Ридольфо.

Я слышалъ, что въ нашемъ желудкѣ двѣ фибры, какъ два нерва, которыми переваривается пища; если эти фибры ослабнутъ, тогда бываетъ дурное пищевареніе.

Д. Марціо.

Да, сеньёръ, да, сеньёръ: горячая вода разслабляетъ желудокъ, и систола и діастола не могутъ переваривать пищу.

Ридольфо.

Какъ же сюда попали систола и діастола?

Д. Марціо.

Ну, что ты знаешь, ты оселъ! Систола и діастола это тѣ двѣ фибры, которыя переваривaютъ пищу. (*Лизаура смотритъ въ окно.*)

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ.

Лизаура (*у окна*) и тѣ же.

Д. Марціо (*Ридольфо*).

Вотъ она! Это танцовщица, что ли?

Ридольфо.

Извините, мнѣ нужно въ лавку. (*Уходитъ въ лавку.*)

Д. Марціо (*смотритъ въ лорнетъ на Лизауру*).

Вашъ покорнѣйшій слуга.

Лизаура.

Ваша покорнѣйшая слуга.

Д. Марціо.

Ваше здоровье?

Лизаура.

Понемножку.

Д. Марціо.

Давно не видали графа Леандро?

Лизаура.

Не болѣе часу.

Д. Марціо.

Графъ — мой другъ.

Лизаура.

Очень пріятно.

Д. Марціо.

Какой достойный и благородный человѣкъ!

Лизаура.

Вы очень добры.

Д. Марціо.

Онъ вашъ мужъ?

Лизаура.

Я своихъ дѣлъ не разсказываю въ окошко.

Д. Марціо.

Такъ пустите меня, потолкуемъ.

Лизаура.

Извините меня, я не принимаю никого.

Д. Марціо.

Ну, вотъ еще!

Лизаура.

Ужъ это вѣрно.

Д. Марціо.

Я пройду черезъ заднюю дверь.

Лизаура.

И вы тоже бредите о задней двери. Я никого не принимаю.

Д. Марціо.

Ну, мнѣ-то не говорите. Я знаю очень хорошо, что къ вамъ похаживаютъ.

Лизаура.

Я — честная женщина.

Д. Марціо.

Хотите, я подарю вамъ четыре печеныхъ каштана?

Лизаура.

Очень вамъ благодарна.

Д. Марціо.

Они хорошіе; ихъ пекутъ у меня въ моихъ помѣстьяхъ.

Лизаура.

Да, вы печь умѣете.

Д. Марціо.

Почему такъ?

Лизаура

Вы меня допекли.

Д. Марціо.

Вы остроумны. Вотъ если бы вы такъ же хорошо прыгали, были бы хорошая танцовщица.

Лизаура.

Вамъ-то что за забота, хорошая я или нехорошая?

Д. Марціо.

По правдѣ, для меня это рѣшительно все равно. *(Плячида показывается у окна гостинницы.)*

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ.

Плячида (*у окна*) и тѣ же.

Плячида (*про-себя*).

Не видать сеньёра Евгеніо.

Д. Марціо (*Лизаурѣ*).

Видѣли пилигримку?

Лизаура.

А кто она такая?

Д. Марціо.

Изъ веселыхъ.

Лизаура.

И въ гостинницу пускаютъ такихъ?

Д. Марціо.

Она на содержаніи.

Лизаура.

У кого?

Д. Марціо.

У сеньёра Евгеніо.

Лизаура.

У женатаго человѣка? Отлично!

Д. Марціо.

Въ прошломъ году она тутъ чудила.

Лизаура.

Прощайте!

Д. Марціо.

Уходите?

Лизаура.

Не хочу оставаться, когда напротивъ меня женщина такого поведенія. (*Удаляется.*)

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ.

Плячида (*у окна*), Донъ Марціо (*на улицѣ*).

Д. Марціо (*хохочетъ*).

О, хо, хо! Это мило! Танцовщица удаляется изъ боязни

повредить своей репутаціи! (*Смотритъ въ лорнетъ.*) Сеньёра пеллегрима, честь имѣю кланяться.

Плячида.

Ваша покорнѣйшая слуга.

Д. Марціо.

Гдѣ сеньёръ Евгеніо?

Плячида.

Вы знаете сеньёра Евгеніо?

Д. Марціо.

О! Мы короткіе друзья. Я сейчасъ только былъ у его жены.

Плячида.

Развѣ сеньёръ Евгеніо женатъ?

Д. Марціо.

Конечно, женатъ; но это нисколько не мѣшаетъ ему заниматься пріятнымъ развлеченіемъ съ хорошенькими женщинами. Вы видѣли эту сеньёру, которая была у окна?

Плячида.

Я ее видѣла. Она очень учтиво захлопнула окно, какъ только увидала меня.

Д. Марціо.

Она выдаетъ себя за танцовщицу: но, вы меня понимаете.

Плячида.

Она не изъ порядочныхъ?

Д. Марціо.

Да, и сеньёръ Евгеніо одинъ изъ ея покровителей.

Плячида.

Вѣдь у него жена?

Д. Марціо.

Да еще красавица.

Плячида.

Видно вездѣ молодые люди развратны.

Д. Марціо.

Онъ, вѣроятно, увѣрялъ васъ, что неженатъ?

Плячида.

Мнѣ мало дѣла до того, женатъ онъ или неженатъ.

Д. Марціо.

Вы къ этому равнодушны. Каковъ бы онъ ни былъ, только-бъ влъаыб у васъ.

Плячида.

Для того дѣла, по которому онъ у меня бываетъ, мнѣ все равно.

Д. Марціо.

Ужъ извѣстно. Сегодня одинъ, завтра другой.

Плячида.

Что вы хотите сказать? Объяснитесь!

Д. Марціо.

Хотите четыре печеныхъ каштана? (*Вынимаетъ изъ кармана.*)

Плячида.

Много благодарна.

Д. Марціо.

Если хотите, я вамъ дамъ.

Плячида.

Вы очень великодушны.

Д. Марціо.

Конечно, судя по вашимъ достоинствамъ, вамъ четырехъ каштановъ мало. Хотите я прибавлю къ каштанамъ пару лиръ?

Плячида.

Оселъ, невѣжа! (*Закрываетъ окно.*)

Д. Марціо.

Не удостоиваетъ принять двѣ лиры, а въ прошломъ году была и меньшимъ довольна. (*Кричитъ громко:*) Ридольфо! (*Входитъ Ридольфо.*)

СЦЕНА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Ридольфо *и* Донъ Марціо.

Ридольфо.

Сеньёръ!

Д. Марціо.

Вотъ женская жадность! Мало имъ двухъ лиръ.

Ридольфо.

Вы всѣхъ мѣряете на одинъ аршинъ.

Д. Марціо.

Если она ходитъ по̀-міру? Мнѣ смѣшно.

Ридольфо.

По̀-міру ходятъ и честные люди.

Д. Марціо.

Эта честная пилигримка-то? Ахъ, шутъ!

Ридольфо.

Почемъ знать, кто эта пилигримка?

Д. Марціо.

Я знаю. Она прошлогодняя.

Ридольфо.

Я ее не видалъ.

Д. Марціо.

Потому что ты дуракъ.

Ридольфо.

Вы очень вѣжливы. (*Про-себя.*) Такъ и забираетъ охота растрепать ему парикъ. (*Евгеніо выходитъ изъ шорной лавки веселый.*)

СЦЕНА ТРИНАДЦАТАЯ.

Евгеніо *и* тѣ же.

Евгеніо.

Здравствуйте, сеньёры, дорогіе сеньёры!

Ридольфо.

Какъ! Вы здѣсь, сеньёръ Евгеніо?

Евгеніо.

Да, я здѣсь. (*Смѣется.*)

Д. Марціо.

Выиграли?

Евгеніо.

Да, сеньёръ, выигралъ! да, сеньёръ!

Д. Марціо.

Вотъ такъ чудо!

Евгеніо.

Вотъ еще! Ужъ будто я не могу и выиграть? Что же я такое? Что я розиня, что ли?

Ридольфо.

Сеньёръ Евгеніо, а кто давалъ слово не играть?

Евгеніо.

Молчите, я выигралъ.

Ридольфо.

А если-бъ проиграли?

Евгеніо.

Сегодня я не могъ проиграть.

Ридольфо.

Почему же?

Евгеніо.

Когда мнѣ проиграть, я заранѣе это чувствую.

Ридольфо.

А если чувствуете, зачѣмъ играете?

Евгеніо.

Для того, чтобъ проиграть.

Ридольфо.

А домой когда пойдете?

Евгеніо.

А вы начинаете надоѣдать.

Ридольфо.

Больше ни слова не скажу. (*Леандро выходитъ изъ игорной лавки.*)

СЦЕНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Леандро *и* тѣ же.

Леандро.

Каковъ молодецъ! Обыгралъ меня; да если-бъ я не бросилъ, такъ онъ бы меня совсѣмъ прикончилъ.

Евгеніо.

Что, каковъ я?

Леандро.

Отчаянно играете.

Евгеніо.

Я по-игрецки играю.

Д. Марціо (*Леандро*).

Сколько вы проиграли?

Леандро.

Довольно.

Д. Марціо (*Евгеніо*).

Сколько же выиграли?

Евгеніо (*весело*).

Шесть цехиновъ.

Ридольфо (*про-себя*).

Ахъ, глупый! Со вчерашняго дня проигралъ сто-тридцать цехиновъ, а какъ выигралъ шесть, такъ ужъ думаетъ, что сокровище.

Леандро (*про-себя*).

Нужно иногда и проиграть, а то, пожалуй, больше играть не станетъ.

Д. Марціо.

Что-жъ вы будете дѣлать съ этими шестью цехинами?

Евгеніо.

Если хотите, проѣдимъ ихъ.

Д. Марціо.

Проѣдимъ.

Евгеніо.

Пойдемте въ трактиръ.

Ридольфо (*тихо Евгеніо*).

Не ходите, затянутъ въ игру.

Евгеніо (*тихо Ридольфо*).

Оставьте меня; мнѣ сегодня счастье везетъ.

Леандро.

Зачѣмъ въ трактиръ: велимъ приготовить здѣсь, надъ лавкой, въ комнатахъ Пандольфо.

Евгеніо.

Гдѣ хотите. Закажемъ обѣдъ здѣсь, въ гостинницѣ. и велимъ принесть туда, на верхъ.

Д. Марціо.

Вы люди благородные, и я съ вами готовъ всюду.

Леандро.

Эй, господинъ Пандольфо! (*Входитъ Пандольфо.*)

СЦЕНА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Пандольфо *и* тѣ же.

Пандольфо.

Что вамъ угодно?

Леандро.

Если хотите сдѣлать для насъ удовольствіе, пустите насъ пообѣдать въ ваши комнаты.

Пандольфо.

Позвольте; но видите ли, я вѣдь... плачу за квартиру.

Леандро.

Мы знаемъ и заплатимъ вамъ.

Евгеніо.

Съ кѣмъ вы имѣете дѣло? Заплатимъ за все.

Пандольфо.

Отлично! Пусть готовятъ. Я пойду велю прибрать. (*Уходитъ въ лавку.*)

Евгеніо.

Ну, кто же пойдетъ заказывать?

Леандро (*Евгеніо*).

Это ваше дѣло: вы здѣсь свой человѣкъ.

Д. Марціо.

Да, ужъ потрудитесь.

Евгеніо.

Но въ пѣсенкѣ поется: „Безъ женщинъ и вина наша радость не полна“.

Ридольфо (*про-себя*).

Ну, и женщинъ еще ему нужно.

Д. Марціо.

Графъ могъ бы пригласить танцовщицу.

Леандро.

Отчего же не пригласить? Я не нахожу никакого затрудненія пригласить ее въ общество друзей.

Д. Марціо.

Это правда, что вы хотите на ней жениться?

Леандро.

Теперь не время говорить объ этомъ.

Евгеніо.

А я приглашу пилигримку.

Леандро.

Что это за пилигримка?

Евгеніо.

Женщина хорошая и благовоспитанная.

Леандро.

Идите же заказывать обѣдъ.

Евгеніо.

Сколько насъ? Насъ трое, двѣ дамы: всего пятеро. Донъ Марціо, у васъ есть дама?

Д. Марціо.

Нѣтъ, я безъ дамы.

Евгеніо.

Ридольфо, приходите и вы покушать съ нами.

Ридольфо.

Благодарю васъ; у меня есть дѣло въ лавкѣ.

Евгеніо.

Ну, не заставляйте себя просить.

Ридольфо (*тихо Евгеніо*).

Ужъ вы, кажется, очень разгулялись.

Евгеніо.

Что-жъ дѣлать? Я выигралъ и хочу покутить.

Ридольфо.

А потомъ?

Евгеніо.

О будущемъ думаютъ только астрологи. (*Уходитъ въ гостинницу,— Ридольфо уходитъ въ свою лавку.*)

СЦЕНА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Донъ Марціо *и* Леандро.

Д. Марціо.

Идите же за танцовщицей.

Леандро.

Когда будетъ готово, я ее позову.

Д. Марціо.

Сядемъ. Что новаго на свѣтѣ?

Леандро.

А что мнѣ за дѣло! (*Садятся.*)

Д. Марціо.

Вы знаете ли, что русскія войска пошли на зимнія квартиры!

Леандро.

И хорошо сдѣлали; значитъ, такъ нужно.

Д. Марціо.

Нѣтъ, сдѣлали дурно; они не должны были оставлять занятой позиціи.

Леандро.

Правда. Они должны были мерзнуть, только не оставлять позиціи.

Д. Марціо.

Нѣтъ, сеньёръ, нѣтъ: онѣ не должны были подвергать себя опасности умереть отъ холода.

Леандро.

Такъ нужно имъ идти впередъ.

Д. Марціо.

Нѣтъ, сеньёръ! Вотъ такъ интендантъ! (*Насмѣшливо.*) Идти на зимнія квартиры!

Леандро.

Ну, такъ что же имъ дѣлать?

Д. Марціо.

А вотъ я посмотрю карту, и тогда скажу вамъ навѣрное, куда имъ надо было идти.

Леандро (*про-себя*).

Вотъ дуракъ навязался.

Д. Марціо.

Были въ оперѣ?

Леандро.

Да, сеньёръ.

Д. Марціо.

Нравится?

Леандро.

Порядочно.

Д. Марціо.

У васъ дурной вкусъ.

Леандро.

Ну, вотъ еще!

Д. Марціо.

Вы изъ какой стороны?

Леандро.

Изъ Турина.

Д. Марціо.

Дрянной городъ.

Леандро.

Однако онъ изъ самыхъ красивыхъ городовъ Италіи.

Д. Марціо.

Я неаполитанецъ. Видѣть Неаполь и умереть.

Леандро.

И венеціанцы тоже говорятъ про себя.

Д. Марціо.

Есть у васъ табакъ?

Леандро (*подавая табакерку*).

Вотъ.

Д. Марціо.

Ой, какой дурной табакъ!

Леандро.

Мнѣ такой нравится.

Д. Марціо.

Вы въ этомъ ничего не понимаете. Настоящій табакъ есть Рапе!

Леандро.

А мнѣ нравится испанскій.

Д. Марціо.

Табакъ испанскій,—это свинство.

Леандро.

А я говорю, что это самый лучшій табакъ.

Д. Марціо.

Какъ! Вы хотите учить меня, что такое табакъ? Я самъ его дѣлаю, самъ заказываю, покупая и тамъ, и здѣсь. Знаю и тотъ, и другой. (*Кричитъ громко:*) Рапé, рапé! — я говорю: рапé!

Леандро (*кричитъ еще громче*).

Да, сеньёръ, рапé, рапé,—рапé самый лучшій табакъ!

Д. Марціо.

Нѣтъ, сеньёръ, рапé не самый лучшій табакъ. Надо понимать; вы не знаете, что говорите. (*Евгеніо выходитъ изъ гостинницы.*)

СЦЕНА СЕМНАДЦАТАЯ.

Евгеніо *и* тѣ же.

Евгеніо.

Что за шумъ?

Д. Марціо.

Нѣтъ, въ табакѣ я не уступлю никому.

Леандро.

Что-жъ обѣдъ?

Евгеніо.

Сейчасъ будетъ готовъ.

Д. Марціо.

Придетъ пилигримка?

Евгеніо.

Нѣтъ, не хочетъ.

Д. Марціо.

Ну, сеньёръ. любитель табаку, зовите вашу сеньёру.

Леандро.

Иду. (*Про-себя.*) Если за столомъ будетъ то же, я его тарелкой въ морду. (*Стучитъ къ танцовщицъ.*)

Д. Марціо.

А ключа у васъ нѣтъ?

Леандро.

Нѣтъ, сеньёръ. (*Дверь отпираютъ. Леандро входитъ.*)

Евгеніо.

Какъ непріятно, что эта пилигримка идти не хочетъ!

Д. Марціо.

Хочетъ, чтобъ ей кланялись.

Евгеніо.

Говоритъ, что она рѣшительно въ первый разъ въ Венеціи.

Д. Марціо.

Ну, мнѣ этого не скажетъ.

Евгеніо.

Вы вѣрно знаете, что она та самая?

Д. Марціо.

Вѣрнѣйшимъ образомъ. Ну, да вотъ вамъ, — я только немножко поговорилъ съ ней, а она ужъ и къ себѣ приглашаетъ... Но я не пошелъ, чтобъ не обидѣть друга.

Евгеніо.

Вы говорили съ ней?

Д. Марціо.

Еще бы!

Евгеніо.

Она васъ узнала?

Д. Марціо.

Какъ меня не узнать? Кто-жъ меня не знаетъ?

Евгеніо.

Такъ вотъ что: подите вы, позовите ее.

Д. Марціо.

Если я пойду, для нея будетъ подозрительно. А вы вотъ что сдѣлайте: подождите, когда подадутъ на столъ, идите къ ней и ведите ее безъ разговора.

Евгеніо.

Я сдѣлалъ все, что могъ; но она мнѣ рѣшительно сказала, что не пойдетъ. (*Слуги изъ гостинницы носятъ: скатерти, салфетки, тарелки, приборы, вино, хлѣбъ, посуду и кушанье въ лавку Пандольфо, — возвращаются и опять проходятъ нѣсколько разъ.*)

СЦЕНА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Слуги *и* тѣ же; *потомъ* Леандро *и* Лизаура.

Слуга.

Сеньёръ, супъ на столѣ. (*Уходитъ съ прочими слугами въ лавку Пандольфо.*)

Евгеніо.

Гдѣ графъ?

Д. Марціо (*сильно стучитъ въ дверь Лизауры*).

Душа моя, скорѣе: супъ простынетъ.

Леандро (*подъ руку съ Лизаурой*).

Вотъ и мы, вотъ и мы!

Евгеніо (*Лизаурѣ*).

Честь имѣю кланяться.

Д. Марціо (*глядя въ лорнетъ*).

Вашъ покорнѣйшій слуга.

Лизаура.

Здравствуйте, сеньёры!

Евгеніо.

Я очень радъ, что вы удостоиваете насъ своимъ присутствіемъ.

Лизаура.

Чтобъ сдѣлать угодное графу.

Д. Марціо.

А не намъ.

Лизаура.

И ужъ особенно не вамъ.

Д. Марціо.

Ну, и я тоже. (*Тихо Евгеніо.*) Такого сорта людей я не удостоиваю своимъ вниманіемъ.

Евгеніо.

Ну, пойдемте, — обѣдъ готовъ. (*Лизаурѣ.*) Пожалуйте! (*Лизаура съ Леандро входятъ въ лавку.*)

Д. Марціо.

Эка дрянь! Я хуже и не видывалъ. (*Входитъ въ лавку.*)

Евгеніо.

И лисица говорила, что виноградъ зеленъ. А я другаго мнѣнія. (*Входитъ въ лавку.*)

СЦЕНА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Ридольфо (*въ своей лавкѣ*).

Вотъ дуракъ-то, какихъ мало. Бѣдная жена! Какъ мнѣ ее жаль!

СЦЕНА ДВАДЦАТАЯ.

Евгеніо, Донъ Марціо, Леандро *и* Лизаура (*въ комнатахъ Пандольфо, открываютъ всѣ три окна, которыя приходятся надъ тремя лавками*). Ридольфо (*на улицѣ*), *потомъ* Транпола.

Евгеніо (*у окна*).

Какой прекрасный воздухъ! Какая погода! Сегодня совсѣмъ не холодно.

Д. Марціо (*у другаго окна*).

Точно весна.

Леандро (*у третьяго окна*).

Отсюда, по крайней мѣрѣ, можно видѣть народъ, который ходитъ по улицѣ.

Лизаура (*рядомъ съ Леандро*).

Послѣ обѣда увидимъ маски.

Евгеніо.

За столъ! за столъ! (*Садятся, Евгеніо и Леандро подлѣ самаго окна.*)

Транпола.

Что это за тревога, хозяинъ?

Ридольфо.

Этотъ дуракъ, сеньёръ Евгеніо, Донъ Марціо и графъ съ танцовщицей обѣдаютъ тамъ на верху, въ комнатахъ Пандольфо.

Транпола (*отходитъ отъ лавки и смотритъ на верхъ*).

Сеньёры, хорошаго аппетита!

Евгеніо (*изъ окна*).

Транпола, ура!

Транпола.

Ура! Не нуженъ ли я вамъ?

Евгеніо.

Хочешь разносить напитки?

Транпола.

Я бы сталъ разносить напитки, кабы мнѣ изъ съѣстнаго что нибудь дали.

Евгеніо.

Иди, иди, дадимъ!

Транпола (*Ридольфо*).

Хозяинъ, съ вашего позволенія. (*Идетъ въ лавку Пандольфо; слуга изъ гостинницы его не пускаетъ.*)

Слуга.

Куда ты?

Транпола.

Разносить вино нашимъ господамъ.

Слуга.

Не нуждаются въ тебѣ: здѣсь своихъ довольно.

Евгеніо.

Транпола, поди сюда!

Транпола.

Иду! (*Слугѣ.*) А съ тобой я и разговаривать не хочу. (*Уходитъ.*)

Слуга (*другимъ слугамъ*).

Поглядывайте за остатками кушанья, а то, пожалуй, намъ ничего не достанется. (*Уходитъ въ гостинницу.*)

Евгеніо.

Сеньёръ Донъ Марціо, здоровье сеньёры! Ура!

Всѣ.

Ура! (*Входитъ Витторія въ маскѣ.*)

СЦЕНА ДВАДЦАТЬ-ПЕРВАЯ.

Витторія *и* тѣ же.

Ридольфо.

Сеньёра-маска, что прикажете?

Евгеніо.

Да здравствуютъ добрые друзья! (*Витторія, слыша его голосъ, отходитъ впередъ, смотритъ на верхъ и видитъ его.*) Сеньёра-маска, за ваше здоровье! (*Пьетъ.*) Не угодно ли кушать съ нами? Приказывайте; мы здѣсь все благородные люди.

Лизаура (*у окна*).

Какую это маску вы приглашаете? (*Слуги изъ гостинницы приносятъ кушанье въ лавку.*)

Евгеніо (*Витторіи*).

А если не хотите, такъ, какъ хотите; важность не велика. У насъ есть и получше васъ.

Витторія.

Ахъ, мнѣ дурно! Я не могу больше!

Ридольфо.

Сеньёра-маска, вамъ дурно?

Витторія (*снимая маску*).

Ахъ, Ридольфо, помогите мнѣ!

Ридольфо.

Вы здѣсь?

Витторія.

Да, къ несчастію.

Ридольфо.

Выпейте немного розоліо.

Витторія.

Нѣтъ, дайте мнѣ воды.

Ридольфо.

Нѣтъ, розоліо. Пожалуйте въ лавку.

Витторія.

Нѣтъ, я пойду туда, къ этой собакѣ, и убью себя передъ его глазами.

Ридольфо.

Ради Бога, подите сюда! успокойтесь.

Евгеніо.

Да здравствуетъ наша красавица! Прелестные эти глазки! (*Пьетъ.*)

Витторія.

Слышите, что онъ, разбойникъ, говоритъ? Слышите? Пустите меня!

Ридольфо.

Нельзя васъ пустить, нельзя! (*Удерживаетъ ее.*)

Витторія.

Силъ моихъ нѣтъ! Помогите, я умираю! (*Падаетъ въ обморокъ.*)

Ридольфо.

Вотъ такъ хорошо! (*Усаживаетъ и поддерживаетъ ее. Плячида показывается изъ дверей гостинницы.*)

СЦЕНА ДВАДЦАТЬ-ВТОРАЯ.

Плячида *и* тѣ же.

Плячида.

Изъ окна мнѣ, какъ будто, послышался голосъ мужа; если онъ здѣсь, какъ я его осрамлю! (*Слугѣ, который выходитъ изъ лавки: «Скажите мнѣ, кто тамъ, въ этихъ комнатахъ?»*)

Слуга.

Три господина: сеньёръ Евгеніо, другой сеньёръ Донъ Марціо изъ Неаполя и третій графъ Леандро Арденти.

Плячида (*про-себя*).

Между ними нѣтъ Фламиніо: если онъ только не перемѣнилъ имени.

Леандро.

Да здравствуетъ счастье въ игрѣ сеньёра Евгеніо!

Всѣ.

Ура!

Плячида (*про-себя*).

Это онъ, безъ сомнѣнія. (*Слугѣ.*) Проводите меня къ этимъ сеньёрамъ, я хочу пошутить съ ними.

Слуга.

Извольте! (*Провожаетъ ее чрезъ игорную лавку.*)

Ридольфо (*Витторіи*).

Не бойтесь: это ничего.

Витторія.

Я чувствую, что умираю! (*Приходитъ въ себя.*)
(*Въ окнахъ комнатъ Пандольфо видно общее смятеніе: всѣ встаютъ изъ-за стола при Плячидѣ и удерживаютъ Леандро, который хочетъ убить ее.*)

Евгеніо.

Остановитесь!

Д. Марціо.

Не дѣлайте этого!

Леандро.

Убирайтесь прочь!

Плячида.

Помогите, помогите! (*Бѣжитъ внизъ; Леандро преслѣдуетъ ее со шпагой въ рукахъ, Евгеніо его удерживаетъ; Траппола, съ блюдомъ кушанья и въ салфеткѣ, прыгаетъ изъ окна и убѣгаетъ въ кофейную. Плячида пробѣгаетъ изъ лавки въ гостинницу, за ней Евгеніо со шпагой въ рукѣ противъ Леандро, который ее преслѣдуетъ.*)

Д. Марціо (*крадется изъ игорной лавки*).

Rumores fuge. (*Убѣгаетъ. Слуги проходятъ въ гостинницу и затворяютъ двери.*)

Леандро (*угрожая шпагой Евгеніо*).

Прочь съ дороги! Я хочу идти въ гостинницу.

Евгеніо.

Ну, ужъ этого не будетъ. Вы обращаетесь съ женой, какъ варваръ, и я буду защищать ее до послѣдней капли крови.

Леандро.

Клянусь небомъ, я заставлю васъ раскаяваться! (*Нападаетъ на Евгеніо.*)

Евгеніо.

Я васъ не боюсь. (*Нападаетъ на Леандро, заставляетъ его отступать до дверей танцовщицы, куда тотъ и скрывается.*)

СЦЕНА ДВАДЦАТЬ-ТРЕТЬЯ.

Евгеніо, Виттоpія и Ридольфо.

Евгеніо.

Низкій трусъ, ты бѣжишь? Прячешься? Выходи, если хватитъ смѣлости.

Виттоpія (*подходя къ Евгеніо*).

Если вамъ нужно крови, убейте меня.

Евгеніо.

Подите прочь отсюда, глупая женщина, безмозглая женщина!

Виттоpія.

Нѣтъ, я съ вами живая не разстанусь.

Евгеніо.

Чортъ возьми! Уйдите, а то я за себя не отвѣчаю. (*Угрожая шпагой.*)

Ридольфо (*выбѣгаетъ со шпагой и загораживаетъ Виттоpію*).

Что вы это еще затѣяли? Что вы хотите дѣлать? Вы думаете, что вашей шпаги такъ всѣ и испугались? За эту бѣдную женщину некому и заступиться, такъ я за нее заступлюсь. (*Виттоpіи.*) Сеньёра, идите со мной, и не бойтесь ничего.

Виттоpія.

Нѣтъ, любезный Ридольфо: если мой мужъ хочетъ убить меня, — пусть исполнитъ свое желаніе. Ну, убей меня, собака, убійца, предатель! убей меня, противный, безпутный, безжалостный! (*Евгеніо, пораженный, вкладываетъ шпагу въ ножны.*)

Ридольфо.

Ахъ, сеньёръ Евгеніо! я вижу, что вы раскаиваетесь, и прошу у васъ извиненія, что такъ дурно говорилъ съ вами.

Кто же не пожалѣетъ эту бѣдную сеньёру? Возможно ли, чтобъ ея слезы не трогали вашего сердца? (*Евгеніо, молча, отираетъ слезы.*) Посмотрите, сеньёра Витторія, посмотрите: онъ плачетъ: онъ перемѣнится; онъ васъ любитъ.

Витторія.

Слезы крокодила. Сколько разъ онъ обѣщалъ перемѣниться? Сколько разъ со слезами на глазахъ онъ меня обманывалъ? Я ему не вѣрю больше; онъ предатель: я ему не вѣрю больше. (*Евгеніо колеблется между стыдомъ и гнѣвомъ. Въ отчаяніи бросаетъ шляпу на землю и идетъ въ кофейную.*)

СЦЕНА ДВАДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТАЯ.

Витторія *и* Ридольфо.

Витторія.

Что значитъ, что онъ молчитъ?

Ридольфо.

Стыдно стало.

Витторія.

Развѣ въ одну минуту такъ перемѣниться можно?

Ридольфо.

Вѣрно, что такъ. Если-бъ мы съ вами только плакали и просили его, онъ все бы еще буянилъ. А какъ только мы съ вами немножко разсердились, какъ взяли смѣлость: онъ и притихъ. Онъ видитъ, что виноватъ, и хотѣлъ бы извиниться, да не знаетъ какъ.

Витторія.

Милый Ридольфо, пойдемте утѣшимъ его!

Ридольфо.

Ну, ужъ это вы должны дѣлать безъ меня.

Витторія.

Подите впередъ вы, потомъ скажите, какъ мнѣ себя вести.

Ридольфо.

Извольте. Погляжу, пойду. (*Уходитъ въ лавку.*)

СЦЕНА ДВАДЦАТЬ-ПЯТАЯ.

Витторія *одна, потомъ* Ридольфо.

Витторія.

Ну, ужъ это въ послѣдній разъ онъ видѣлъ мои слезы. Или онъ исправится и будетъ моимъ милымъ мужемъ, или заупрямится, и ужъ терпѣть больше я не стану.

Ридольфо.

Сеньёра Витторія, дурныя новости: его тамъ нѣтъ. Онъ ушелъ черезъ заднюю дверь.

Витторія.

Я вамъ говорила, что онъ коварный и упрямый человѣкъ.

Ридольфо.

Я думаю, что онъ ушелъ отъ стыда; не достало храбрости сознаться въ своей винѣ и попросить извиненія.

Витторія.

Нѣтъ, онъ знаетъ хорошо, какъ легко ему у такой жены, какъ я, выпросить прощеніе.

Ридольфо.

Смотрите: ушелъ безъ шляпы. (*Поднимаетъ шляпу.*)

Витторія.

Оттого, что дуракъ.

Ридольфо.

Оттого, что сконфуженъ; онъ не помнитъ, что дѣлаетъ.

Витторія.

Но если онъ раскаивается въ своемъ поступкѣ, отчего не сказать мнѣ?

Ридольфо.

Не хватило смѣлости.

Витторія.

Вы меня смѣшите.

Ридольфо.

Вотъ что сдѣлайте: подите въ мою комнату, а я пойду поищу его. Я надѣюсь, что приведу его сюда, какъ собаченку.

Витторія.

Не лучше ли мнѣ совсѣмъ не думать объ немъ?

Ридольфо.

На этотъ разъ сдѣлайте по-моему: худаго не будетъ.

Витторія.

Хорошо. Я подожду васъ въ комнатѣ. Я могу сказать, что сдѣлала все для мужа. Но если онъ не съумѣетъ оцѣнить моей любви, тогда клянусь вамъ, что я его возненавижу. (*Уходитъ въ лавку.*)

Ридольфо.

Хлопочу о немъ, какъ о родномъ сынѣ. (*Уходитъ. Лизаура, осматриваясь, тихо выходитъ изъ игорной лавки.*)

СЦЕНА ДВАДЦАТЬ-ШЕСТАЯ.

Лизаура (*одна*).

Ахъ, бѣдная, какъ я боюсь! Каковъ разбойникъ! У него жена, а онъ путаетъ меня, жениться обѣщаетъ. Нѣтъ, ужъ я теперь не пущу его. Танцовать бы мнѣ да танцовать; а то пришла въ голову меланхолія, захотѣлось графиней быть. (*Уходитъ въ свой домъ.*)

АКТЪ ТРЕТІЙ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Леандро (*выбѣгаетъ изъ дома Лизауры*).

Леандро.

Поступать со мной такимъ образомъ!

Лизаура (*изъ двери*).

Да, съ вами, лжецъ, самозванецъ!

Леандро.

За что вы можете жаловаться на меня? За то, что я для васъ бросилъ жену?

Лизаура.

Если-бъ я знала, что вы женаты, я бы васъ къ себѣ не пустила.

Леандро.

Я вѣдь не первый къ вамъ пришелъ.

Лизаура.

По крайней мѣрѣ ужъ послѣдній. (*Входитъ Донъ Марціо, смотритъ въ лорнетъ и смѣется про-себя.*)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Д. Марціо *и* тѣ же.

Леандро.

Вы со мной не даромъ потеряли время.

Лизаура.

Да, и я имѣла долю въ вашихъ безчестныхъ доходахъ. Я краснѣю, когда подумаю объ томъ; подите къ чорту, и не подходите больше къ моему дому!

Леандро.

Я приду къ вамъ за моими вещами. (*Д. Марціо смѣется.*)

Лизаура.

Я пришлю вамъ ихъ съ горничной. (*Уходитъ и запираетъ дверь.*)

Леандро.

Такъ обидѣть меня? Она поплатится за это. (*Д. Марціо хохочетъ, но, обращаясь къ Леандро, дѣлается серьезнымъ.*) Видѣли, мой другъ?

Д. Марціо.

Что̀ такое? Я сейчасъ только пришелъ.

Леандро.

Вы не застали танцовщицу здѣсь, у дверей?

Д. Марціо.

Конечно, не засталъ.

Леандро (*про-себя*).

Такъ бѣда не велика.

Д. Марціо.

Подите сюда: говорите со мной, какъ благородный человѣкъ, довѣрьтесь мнѣ и будьте увѣрены, что никто ничего не узнаетъ. Вы здѣсь чужой, какъ и я же; но я лучше васъ знаю

этотъ городъ. Если вамъ,нужно покровительство, помощь, совѣтъ и сверхъ того тайна: я къ вашимъ услугамъ.

Леандро.

Вы такъ добры ко мнѣ, что я готовъ открыться вамъ во всемъ; но, ради Бога, никому не говорите.

Д. Марціо.

Далѣе!

Леандро.

Эта пилигрима моя жена.

Д. Марціо.

Хорошо.

Леандро.

Я ее бросилъ въ Туринѣ.

Д. Марціо *про себя*.

Ахъ, разбойникъ!

Леандро.

Я совсѣмъ не графъ Леандро.

Д. Марціо.

Еще лучше!

Леандро.

Мои родители не дворяне.

Д. Марціо.

Вы не сынъ ли какого-нибудь сыщика?

Леандро.

Что вы, что вы, сеньёръ! Мои родители бѣдные, но честные люди.

Д. Марціо.

Ну, далѣе, далѣе!

Леандро.

Я былъ конторщикомъ.

Д. Марціо.

Работа тяжелая, не правда ли?

Леандро.

Но, желая видѣть свѣтъ...

Д. Марціо.

На чужой счетъ.

Леандро.

Я пріѣхалъ въ Венецію.

Д. Марціо.

Заниматься мошенничествомъ.

Леандро.

За кого вы меня принимаете? Развѣ такъ разговариваютъ!

Д. Марціо.

Послушайте: я вамъ обѣщалъ покровительство, и исполню, обѣщалъ тайну, и сохраню; но, между нами двоими, позвольте мнѣ сказать кой-что въ шутку, любя, что называется.

Леандро.

Теперь вы видите, въ какомъ я положеніи; если жена меня уличитъ, я могу попасть въ бѣду.

Д. Марціо.

Что же вы думаете дѣлать?

Леандро.

Надо попробовать выжить ее изъ Венеціи.

Д. Марціо.

Ну, ну, вотъ и видно, что вы мошенникъ.

Леандро (*строго*).

Что вы сказали, сеньёръ?

Д. Марціо.

Я любя, любя.

Леандро.

Ну, я уѣду; только-бъ она этого не знала.

Д. Марціо.

Отъ меня не узнаетъ.

Леандро.

Вы совѣтуете мнѣ ѣхать?

Д. Марціо.

Да, это лучшее средство. Идите сейчасъ, возьмите гондолу, велите отвезти васъ въ Фузину *), возьмите почтовыхъ лошадей и поѣзжайте въ Феррару.

*) Ближайшее мѣсто на твердой землѣ.

Леандро.

Вечеромъ же уѣду; до ночи ужь не далеко. Надо только взять свои вещи у танцовщицы.

Д. Марціо.

Такъ берите скорѣй, да и поѣзжайте сейчасъ. Смотрите, чтобъ васъ не видали.

Леандро.

Я пройду черезъ заднюю дверь, тамъ не увидятъ.

Д. Марціо (*про-себя*).

Я говорилъ, что къ ней ходятъ черезъ заднюю дверь.

Леандро.

Только, пожалуйста, никому!

Д. Марціо.

Будьте покойны!

Леандро.

Прошу васъ объ одномъ: отдайте женѣ эти два цехина и отправьте ее. Потомъ напишите мнѣ, и я сейчасъ возвращусь. (*Отдаетъ два цехина.*)

Д. Марціо.

Отдамъ два цехина. Убирайтесь!

Леандро.

Но увѣрены ли вы, что она уѣдетъ?

Д. Марціо.

Убирайтесь, будьте вы прокляты!

Леандро.

Вы меня гоните?

Д. Марціо.

Любя, для вашей же пользы. Ступайте, чортъ васъ возьми!

Леандро (*про-себя*).

Вотъ такъ человѣкъ! Если онъ ругаетъ пріятелей, что-жъ онъ дѣлаетъ съ врагами? (*Уходитъ къ танцовщицѣ.*)

Д. Марціо.

Сеньёръ графъ! Ахъ, разбойникъ! Сеньёръ графъ! Если бы онъ не обратился ко мнѣ, я бы ему переломалъ всѣ рёбра палкой. (*Плячида выходитъ изъ гостинницы.*)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Плячида *и* Д. Марціо.

Плячида.

Будь, что будетъ, а ужъ я найду своего негоднаго мужа.

Д. Марціо.

Какъ поживаете, пилигрима?

Плячида.

Вы, если я не ошибаюсь, одинъ изъ тѣхъ, которые обѣдали съ моимъ мужемъ?

Д. Марціо.

Да, тотъ самый. Помните печоные каштаны?

Плячида.

Сдѣлайте милость, скажите, гдѣ этотъ предатель?

Д. Марціо.

Я не знаю; да если-бъ и зналъ, такъ не сказалъ бы.

Плячида.

Почему?

Д. Марціо.

Потому что, если вы найдете его, такъ будетъ хуже. Онъ васъ убьетъ.

Плячида.

По крайней мѣрѣ, я перестану страдать.

Д. Марціо.

Э! Вздоръ! Глупость! Вернитесь въ Туринъ.

Плячида.

Безъ мужа?

Д. Марціо.

Да, безъ мужа. Что-жъ вамъ еще дѣлать? Онъ разбойникъ.

Плячида.

Что вы! Но я его желаю видѣть.

Д. Марціо.

Ахъ! Вы его больше не увидите.

Плячида.

Сдѣлайте милость, скажите, если знаете; онъ, можетъ быть, уѣхалъ?

Д. Марціо.

И уѣхалъ, и не уѣхалъ.

Плячида.

По всему видно, что вы знаете кой-что объ немъ.

Д. Марціо.

Я-то? И знаю, и не знаю; но не говорю.

Плячида.

Сеньёръ, сжальтесь надо мной!

Д. Марціо.

Ступайте въ Турінъ, не объ чемъ вамъ и думать больше. Берите, я вамъ даю два цехина.

Плячида (*беретъ цехины*).

Вамъ Богъ за меня заплатитъ. Но отчего же вы не хотите сказать мнѣ ничего о мужѣ? Я ухожу въ совершенномъ отчаяніи. (*Плачетъ и хочетъ идти.*)

Д. Марціо (*про-себя*).

Бѣдная женщина! (*Громко.*) Послушайте!

Плячида.

Что угодно?

Д. Марціо.

Вашъ мужъ у танцовщицы, пошелъ за своими вещами и уйдетъ черезъ заднюю дверь. (*Уходитъ.*)

Плячида.

Онъ еще въ Венеціи! Онъ не уѣхалъ! Онъ у танцовщицы! Если-бъ кто меня проводилъ, я бы опять попыталась. Но одна что я сдѣлаю? меня всякій обидитъ. (*Входятъ Ридольфо и Евгеніо.*)

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Ридольфо, Евгеніо *и* Плячида.

Ридольфо.

Ну вотъ, что за важность: всѣ мы люди, всѣ не безъ грѣха.

Евгеніо.

Хорошо; но жена мнѣ не повѣритъ.

Ридольфо.

Пойдемте вмѣстѣ со мной, я за васъ буду говорить. Сеньёра Витторія васъ любитъ; все пойдетъ своимъ порядкомъ.

Плячида.

Сеньёръ Евгеніо!

Ридольфо.

Сеньёръ Евгеніо проситъ оставить его въ покоѣ. У него свое дѣло, ему не до васъ.

Плячида.

Я не хочу мѣшать его дѣламъ. Я обращаюсь ко всѣмъ, потому что нахожусь въ самомъ несчастномъ положеніи.

Евгеніо.

Повѣрьте, Ридольфо, что эта женщина заслуживаетъ состраданія; она женщина честнѣйшая, а мужъ у ней разбойникъ.

Плячида.

Онъ бросилъ меня въ Туринѣ. Я нашла его въ Венеціи; онъ грозилъ убить меня, и снова сбирается бѣжать.

Ридольфо.

Вы знаете, гдѣ онъ?

Плячида.

У танцовщицы; собираетъ свои вещи, и сейчасъ уѣдетъ.

Ридольфо.

Когда пойдетъ, вы увидите его.

Плячида.

Онъ уйдетъ черезъ заднюю дверь, и я его не увижу; да если и увижу, онъ меня убьетъ.

Ридольфо.

Кто вамъ сказалъ, что онъ уйдетъ черезъ заднюю дверь?

Плячида.

Сеньёръ Донъ Марціо.

Ридольфо.

Такъ вы вотъ что̀ сдѣлайте: подите въ лавку цирюльника, оттуда видно потайную дверь. Какъ вы его увидите, позовите меня, и предоставьте все дѣло мнѣ.

Плячида.

Меня не пустятъ въ цирюльню.

Ридольфо (*кличетъ*).

Господинъ Агабито! (*Выходитъ изъ цирюльни мальчикъ.*)

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Мальчикъ *и* тѣ же.

Мальчикъ.

Что вамъ угодно, господинъ Ридольфо?

Ридольфо.

Скажи хозяину, что онъ меня очень обяжетъ, если позволитъ этой госпожѣ побыть въ его лавкѣ, пока я приду за ней.

Мальчикъ.

Пожалуйте, сударыня. (*Входитъ съ Плячидой въ лавку.*)

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

Ридольфо *и* Евгеніо.

Ридольфо.

Надо попробовать, нельзя ли помочь и этой бѣдняжкѣ. Если-бъ ее отправить вмѣстѣ съ мужемъ, сеньёра Витторія перестала бы и ревновать. Ужъ она мнѣ намекала на пилигримку.

Евгеніо.

Вы добрый человѣкъ. Въ случаѣ надобности, вы сами найдете сто друзей, которые вамъ помогутъ.

Ридольфо.

Не дай Богъ имѣть надобности ни въ комъ. Въ мірѣ столько неблагодарности.

Евгеніо.

Но на меня вы можете разсчитывать, пока я живъ.

Ридольфо.

Благодарю васъ. Но займемся нашимъ дѣломъ. Что вы думаете дѣлать? Хотите въ моей комнатѣ поговорить съ женой, или позвать ее въ лавку? Одни пойдете, или со мной? Приказывайте.

Евгеніо.

Въ лавку неловко; если пойду съ вами, она будетъ стѣ-

сняться; если пойду одинъ, ей придетъ въ голову выцарапать мнѣ глаза... Но что-жъ дѣлать, пусть ее кипятится, по крайней мѣрѣ, гнѣвъ пройдетъ. Пойду одинъ.

Ридольфо.

Ну, и съ Богомъ.

Евгеніо.

Если нужно, я васъ позову.

Ридольфо.

Ну, идите же!

Евгеніо.

Какъ вы думаете, что̀ будетъ?

Ридольфо.

Ничего дурнаго.

Евгеніо.

Плакать будетъ или царапаться?

Ридольфо.

Всего понемножку.

Евгеніо.

А потомъ?

Ридольфо.

Старое по старому.

Евгеніо.

Пока не позову, не ходите.

Ридольфо.

Понятное дѣло.

Евгеніо.

Я вамъ разскажу все.

Ридольфо.

Ну, идите! (*Евгеніо входитъ въ кофейную.*)

СЦЕНА СЕДЬМАЯ.

Ридольфо, *потомъ* Траппола *и* мальчики.

Ридольфо.

Мужъ и жена? Ихъ можно оставить вмѣстѣ, сколько имъ угодно. Эй, Траппола, ребята, гдѣ вы?

Транпола.

Здѣсь!

Ридольфо.

Смотрите за лавкой, а я пойду къ цирюльнику. Если сеньёръ Евгеніо меня покличетъ, позовите меня.

Транпола.

Можно мнѣ войти, сдѣлать компанію сеньёру Евгеніо?

Ридольфо.

Нѣтъ, сеньёръ, вы не ходите, а лучше смотрите, чтобы туда не вошелъ никто.

Транпола.

Отчего же?

Ридольфо.

Оттого же.

Транпола.

Я пойду справиться: не угодно ли ему чаю.

Ридольфо.

Не ходите, пока не позовутъ. (*Входитъ въ цирюльню.*)

СЦЕНА ВОСЬМАЯ.

Транпола, *потомъ* Д. Марціо.

Транпола.

Именно, когда не велѣно входить, тутъ-то мнѣ и любопытно. (*Входитъ Донъ Марціо.*)

Д. Марціо.

Что, Транпола, испугался давеча?

Транпола.

Немножко.

Д. Марціо.

Сеньёръ Евгеніо показался опять?

Транпола.

Да, показался; теперь онъ тамъ. Но, тише!

Д. Марціо.

Гдѣ?

Траппола.

Тише! Въ комнатѣ.

Д. Марціо.

Что онъ тамъ дѣлаетъ? Играетъ?

Траппола (*смѣется*).

Да, сеньёръ, играетъ.

Д. Марціо.

Съ кѣмъ?

Траппола (*тихо*).

Съ женой.

Д. Марціо.

Тамъ его жена?

Траппола.

Тамъ. Но, тише!

Д. Марціо.

Я пойду къ нему.

Траппола.

Нельзя.

Д. Марціо.

Почему?

Траппола.

Хозяинъ не приказалъ.

Д. Марціо.

Пошелъ прочь, шутъ! (*Хочетъ идти.*)

Траппола (*загораживая дорогу*).

Я вамъ говорю, не ходите.

Д. Марціо.

А я говорю, что пойду.

Траппола.

А я говорю, что не пойдете.

Д. Марціо.

А я тебя изуродую палкой. (*Входитъ Ридольфо.*)

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ.

Ридольфо *и* тѣ же.

Ридольфо.

Что̀ такое?

Траппола.

Хотятъ войти силой, — а не знаютъ того, что если мужъ съ женой вдвоемъ, такъ третій лишній.

Ридольфо.

Согласитесь, сеньёръ, что туда войти нельзя.

Д. Марціо.

А я хочу.

Ридольфо.

Въ моей лавкѣ хозяинъ я, и вы туда не пойдете. Имѣйте уваженіе, если не хотите, чтобъ васъ заставили. А вы, пока не ворочусь, не пускайте туда никого. (*Стучитъ въ дверь танцовщицы и входитъ къ ней.*)

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ.

Д. Марціо, Траппола, *потомъ* Пандольфо.

Траппола.

Слышали? Къ браку нужно имѣть уваженіе.

Д. Марціо (*ходитъ взадъ и впередъ*).

Мнѣ-то? Вы не пойдете... Имѣйте уваженіе... Мнѣ-то? И я стою смирно? Не говорю ничего? Не бью его? Разбойникъ! Мужикъ! Мнѣ-то? Мнѣ-то? (*Садится.*) Кофею!

Траппола.

Сейчасъ! (*Идетъ за кофеемъ и подаетъ. Входитъ Пандольфо.*)

Пандольфо.

Сеньёръ, я нуждаюсь въ вашемъ покровительствѣ.

Д. Марціо.

Что̀ съ тобой?

Пандольфо.

Плохо дѣло.

Д. Марціо.

Въ чемъ плохо? Скажи, я помогу.

Пандольфо.

Вы, сеньёръ, знаете, что есть злые завистники, которые не желаютъ добра бѣднымъ людямъ. Видя, что я честно тружусь для приличнаго содержанія своего семейства, эти разбойники донесли, что у меня фальшивыя карты.

Д. Марціо (*съ иронією*).

Разбойники! А ты благородный человѣкъ? Какъ же ты узналъ?

Пандольфо.

Одинъ пріятель сказалъ мнѣ. Я увѣренъ, что доносчики не имѣютъ доказательствъ, потому что въ мою лавку ходятъ честные люди, и никто не можетъ сказать про меня худо.

Д. Марціо.

Ну, если-бъ спросили у меня, я знаю про тебя хорошія вещи.

Пандольфо.

Добрѣйшій сеньёръ, не губите меня! я прошу вашей милости, вашего покровительства, для бѣдныхъ дѣтей.

Д. Марціо.

Ну, я тебѣ помогу. Предоставь все дѣло мнѣ. Но и самъ берегись. Замѣченныхъ картъ нѣтъ у тебя въ лавкѣ?

Пандольфо.

Я самъ не мѣчу... Но нѣкоторые игроки этимъ занимаются.

Д. Марціо.

Сожги ихъ скорѣе! Я не скажу.

Пандольфо.

Я боюсь, что не успѣю.

Д. Марціо.

Спрячь!

Пандольфо.

Пойду, спрячу.

Д. Марціо.

Куда хочешь спрятать?

Пандольфо.

У меня есть потайное мѣстечко подъ поломъ; самъ чортъ не найдетъ. (*Уходитъ въ лавку.*)

Д. Марціо.

Однако ты шутъ большой руки. (*Входятъ переряженные полицейскіе и сыщикъ ихъ въ маскѣ.*)

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ.

Д. Марціо, полицейскіе, *потомъ* Траппола.

Д. Марціо.

Не нынче, завтра сошлютъ его на галеры. Если хоть половина его плутней откроется, его сейчасъ же въ тюрьму засадятъ.

Сыщикъ (*въ глубинѣ сцены полицейскимъ*).

Ходите здѣсь неподалеку. Когда позову, приходите. (*Полицейскіе расходятся.*)

Д. Марціо (*про-себя*).

Мѣченыя карты! Ахъ, разбойники!

Сыщикъ (*садится у кофейной*).

Кофею!

Траппола.

Сейчасъ! (*Уходитъ и приноситъ кофе.*)

Сыщикъ.

Хорошіе дни стоятъ.

Д. Марціо.

Это не надолго.

Сыщикъ.

Что дѣлать! Будемъ пользоваться ими, пока хороши.

Д. Марціо.

Не долго намъ ими пользоваться.

Сыщикъ.

Въ дурную погоду можно ходить въ казино, играть въ карты.

Д. Марціо.

Да, ужъ придется ходить туда, гдѣ грабятъ.

Сыщикъ.

Въ этой игорной лавкѣ, кажется, дѣло идетъ на чести.

Д. Марціо.

На чести? Это воровской притонъ.

Сыщикъ.

Здѣсь хозяинъ, кажется, Пандольфо?

Д. Марціо.

Онъ самый.

Сыщикъ.

Сказать правду, я слышалъ, что онъ самъ тоже игрокъ.

Д. Марціо.

Плутъ преестественный.

Сыщикъ.

Не обыгралъ ли онъ и васъ?

Д. Марціо.

Меня вѣтъ, я не дуракъ. Но всѣ, которые у него бывали, пошли по-міру.

Сыщикъ.

Что-жъ онъ не показывается, вѣрно боится чего нибудь?

Д. Марціо.

Онъ тамъ въ лавкѣ, прячетъ карты.

Сыщикъ.

Зачѣмъ же ихъ прятать?

Д. Марціо.

Какъ же не прятать, коли онѣ фальшивыя.

Сыщикъ.

Ну, конечно. А куда онъ ихъ прячетъ?

Д. Марціо.

Хотите пошутить надъ нимъ? Онъ ихъ прячетъ въ потайномъ мѣстѣ подъ поломъ.

Сыщикъ (*про-себя*).

Ну, съ меня довольно.

Д. Марціо.

Вы, сеньёръ, тоже играете?

Сыщикъ.

Иногда.

Д. Марціо.

Я что-то васъ не знаю.

Сыщикъ (*встаетъ*).

Сейчасъ узнаете.

Д. Марціо.

Вы уходите?

Сыщикъ.

Я ворочусь.

Траппола.

Сеньёръ, а за кофей?

Сыщикъ.

Сейчасъ заплачу. (*Отходитъ и свищетъ. Полицейскіе сходятся и входятъ въ лавку Пандольфо. Д. Марціо и Траппола пристально смотрятъ, что дѣлается.*)

СЦЕНА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Д. Марціо, Траппола.

Д. Марціо.

Траппола...

Траппола.

Сеньёръ Донъ Марціо...

Д. Марціо.

Что это за люди?

Траппола.

Да должно быть ищейки *). (*Выходятъ изъ лавки: полицейскіе и Пандольфо, связанный.*)

СЦЕНА ТРИНАДЦАТАЯ.

Пандольфо, полицейскіе *и* тѣ же.

Пандольфо.

Сеньёръ Донъ Марціо, благодарю васъ!

---

*) Въ подлинникѣ иронически L'onorata famiglia.

Д. Марціо.

Меня? Я знать не знаю.

Пандольфо.

Меня, вѣроятно, сошлютъ на галеры; но и васъ стоитъ поставить къ позорному столбу. (*Уходитъ съ полицейскими.*)

Сыщикъ.

Да, сеньёръ, мы захватили его въ то время, когда онъ пряталъ карты. (*Уходитъ.*)

Траппола.

Пойти поглядѣть, куда они пойдутъ. (*Уходитъ.*)

СЦЕНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Д. Марціо (*одинъ*).

Ахъ, чортъ возьми! Что я сдѣлалъ! Я его принялъ за важнаго сеньёра, а онъ переодѣтый сыщикъ. Меня предали, меня обманули! Я добрый человѣкъ, говорю со всѣми откровенно. (*Изъ дома танцовщицы выходятъ Ридольфо и Леандро.*)

СЦЕНА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Ридольфо, Леандро, Д. Марціо.

Ридольфо.

Хорошо; вотъ это мнѣ нравится: кто слушается разсудка, сейчасъ видно, что онъ человѣкъ хорошій.

Леандро.

Вотъ кто мнѣ совѣтовалъ уѣхать.

Ридольфо.

Отлично, сеньёръ Донъ Марціо! Хорошіе совѣты даете! Вмѣсто того, чтобъ стараться помирить его съ женой, вы ему совѣтуете бросить ее и уѣхать.

Д. Марціо.

Помирить съ женой? Это невозможно; онъ ее не любитъ.

Ридольфо.

А мнѣ такъ было возможно. Я съ двухъ словъ его убѣдилъ; и онъ опять сойдется съ женой.

Леандро (*про-себя*).

По неволѣ сойдешься, а то бѣда.

Ридольфо.

Пойдемте къ сеньёрѣ Плячидѣ: она здѣсь, въ цирюльнѣ.

Д. Марціо.

Ступайте къ своей милой супругѣ!

Леандро.

Между нами сказать, сеньёръ Донъ Марціо, у васъ прескверный языкъ. Я — любя. (*Уходитъ съ Ридольфо въ цирюльню.*)

СЦЕНА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Д. Марціо, *потомъ* Ридольфо.

Д. Марціо.

Не хвалятъ мой языкъ; а чѣмъ онъ дуренъ? Это правда, что я иногда кой-что разсказываю, то про того, то про другаго, но я говорю правду; такъ зачѣмъ же мнѣ удерживаться? я говорю откровенно все, что знаю; и все это оттого, что я добрый человѣкъ. (*Ридольфо выходитъ изъ цирюльни.*)

Ридольфо.

Ну, и эту уладилъ.

Д. Марціо.

Великій Ридольфо! Вы соединяете супруговъ.

Ридольфо.

А вы ихъ разлучаете.

Д. Марціо.

Для ихъ же пользы.

Ридольфо.

Дурное дѣло не можетъ быть никому въ пользу.

Д. Марціо (*съ презрѣніемъ*).

Ты великій ученый!

Ридольфо.

Вы умнѣе меня; только извините, у меня языкъ покороче вашего.

Д. Марціо.

Ты говоришь дерзости.

Ридольфо.

Если можете извинить меня, извините; а если нѣтъ, лишите вашего покровительства.

Д. Марціо.

Я тебя лишу, я тебя лишу. Ты меня не увидишь больше въ своей лавкѣ.

Ридольфо (*про-себя*).

Дай-то Богъ! (*Выходитъ мальчикъ изъ кофейной.*)

СЦЕНА СЕМНАДЦАТАЯ.

Мальчикъ изъ кофейной *и* тѣ же.

Мальчикъ.

Хозяинъ, сеньёръ Евгеніо васъ зоветъ. (*Уходитъ.*)

Ридольфо.

Сейчасъ приду. (*Д. Марціо.*) Съ вашего позволенія.

Д. Марціо.

Мое почтеніе, сеньёръ-политикъ. Что-то вы выиграете вашими хлопотами?

Ридольфо.

Выиграю любовь и уваженіе хорошихъ людей, что̀ для меня всего дороже. (*Уходитъ.*)

Д. Марціо.

Какой дуракъ! Какія министерскія идеи имѣетъ! Лавочникъ разыгрываетъ примирителя! И какъ хлопочетъ! И сколько времени на это тратитъ! Все это я устроилъ бы въ четверть часа. (*Выходятъ изъ кофейной: Ридольфо, Евгеніо и Витторія.*)

СЦЕНА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Ридольфо, Евгеніо, Витторія *и* Д. Марціо.

Д. Марціо (*про-себя*).

Вотъ три дурака: дуракъ развратный, дура ревнивая и дуракъ хвастунъ.

Ридольфо (*Витторіи*).

Повѣрите ли, какъ я радъ!

Витторія.

Милый Ридольфо, вы мнѣ возвратили миръ, покой и, можно сказать, жизнь.

Евгеніо.

Повѣрьте, мой другъ, мнѣ надоѣла эта жизнь, только я не умѣлъ отстать отъ нея. Вы мнѣ открыли глаза, то совѣтами, то упреками, то одолженіями и благодѣяніями; вы меня навели на путь истинный и заставили краснѣть за самого себя. Я теперь другой человѣкъ, и всѣмъ обязанъ вамъ.

Ридольфо.

Слишкомъ много, сеньёръ; я этого не стою.

Витторія.

Пока я жива, я не забуду того, что̀ вы для меня сдѣлали. Вы возвратили мнѣ мужа, что̀ дороже для меня всего на свѣтѣ. Я столько плакала, я такъ боялась потерять его! Я и теперь плачу, но отъ любви, отъ радости: радость наполняетъ мою душу и заставляетъ забыть прошедшее горе. И всѣмъ этимъ я обязана вамъ.

Ридольфо.

Вы трогаете меня до слезъ.

Д. Марціо (*смотритъ въ лорнетъ*).

О! Проклятые сумасброды!

Евгеніо (*женѣ*).

Хотите домой идти?

Витторія.

Нѣтъ, я такая заплаканная и растрепанная. Тамъ меня дожидается мать и кой-кто изъ родныхъ; я не хочу, чтобъ они видѣли у меня слезы на глазахъ.

Евгеніо.

Ну, успокойся, подождемъ немного.

Витторія.

Ридольфо, нѣтъ ли у васъ зеркала? Надо взглянуть, какова я.

Д. Марціо.

Вѣрно, супругъ попортилъ прическу.

Ридольфо.

Если хотите посмотрѣться въ зеркало, пойдемте наверхъ, въ игорную лавку.

Евгеніо.

Нѣтъ, ужъ туда я ни ногой.

Ридольфо.

Знаете новость? Пандольфо посадили въ тюрьму.

Евгеніо.

Да? За дѣло разбойнику. Какъ они меня обобрали!

Витторія.

Пойдемъ, мой милый!

Евгеніо.

Если тамъ нѣтъ никого, пойдемъ.

Витторія.

Я не могу видѣть себя въ такомъ безпорядкѣ. (*Весело вбѣгаетъ въ лавку.*)

Евгеніо.

Бѣдняжка, какъ она рада! (*Входитъ въ лавку.*)

Ридольфо.

Пойти послужить имъ. (*Уходитъ за ними.*)

СЦЕНА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Донъ Марціо, *потомъ* Леандро *и* Плячида.

Д. Марціо.

Я знаю, зачѣмъ Евгеніо помирился съ женой. Онъ раззорился, ему нечѣмъ жить; жена молода, хороша... Придумано не дурно; Ридольфо будетъ маклеровать. (*Леандро и Плячида выходятъ изъ цирюльни.*)

Леандро.

Пойдемте же въ гостинницу за вашими вещами.

Плячида.

Какъ же у васъ хватило духу оставить меня?

Леандро.

Ну, объ этомъ довольно. Я перемѣню свою жизнь.

Плячида.

Дай-то Богъ!

Д. Марціо (*насмѣшливо*).

Вашъ слуга, ваше сіятельство, сеньёръ-графъ!

Леандро.

Мое почтеніе, сеньёръ-покровитель, сеньёръ-болтунъ!

Д. Марціо.

Честь имѣю кланяться, сеньёра-графиня!

Плячида.

Здравствуйте, сеньёръ кавалеръ печоныхъ каштановъ! (*Входитъ съ Леандро въ гостинницу.*)

Д. Марціо.

Теперь вдвоемъ будутъ странствовать по свѣту да мошенничать. Весь ихъ багажъ колода картъ.

СЦЕНА ДВАДЦАТАЯ.

Лизаура (*у окна*), Д. Марціо.

Лизаура.

Пилигримка ушла въ гостинницу съ этимъ несчастнымъ Леандро. Если она здѣсь долго останется, я переѣду изъ этого дома. Не могу я видѣть ни его, ни ее.

Д. Марціо (*съ лорнетомъ*).

Вашъ слуга, сеньёра!

Лизаура (*сердито*).

Мое почтеніе!

Д. Марціо.

Что съ вами? Вы, кажется, сердитесь?

Лизаура.

Я удивляюсь, какъ въ гостинницу пускаютъ такихъ людей.

Д. Марціо.

О комъ вы говорите?

Лизаура.

Я говорю о пилигримкѣ, она дурная женщина; у насъ по сосѣдству прежде такихъ глупостей не было.

СЦЕНА ДВАДЦАТЬ-ПЕРВАЯ.

Плячида (*у окна гостинницы*) и тѣ же.

Плячида.

Эй, сеньёрина, что такое вы про меня говорите? Я женщина честная. Не знаю, можно ли то же сказать объ васъ.

Лизаура.

Если-бъ вы были честная женщина, вы не стали бы скитаться по свѣту попрошайкой. (*Д. Марціо глядитъ въ лорнетъ то на ту, то на другую и смѣется.*)

Плячида.

Я пришла сюда за мужемъ.

Лизаура.

А въ прошломъ году за кѣмъ приходили?

Плячида.

Я прежде никогда не бывала въ Венеціи.

Лизаура.

Вы лгунья! Въ прошломъ году вы разыгрывали здѣсь очень жалкую фигуру. (*Д. Марціо смотритъ въ лорнетъ и смѣется.*)

Плячида.

Кто вамъ сказалъ?

Лизаура.

Вотъ кто: сеньёръ Донъ Марціо.

Д. Марціо.

Я ничего не говорилъ.

Плячида.

Онъ не могъ сказать такого вздору. Вотъ про вашу жизнь и ваше поведеніе онъ мнѣ все разсказалъ. Онъ разсказалъ мнѣ, чѣмъ вы живете, и какъ потихоньку принимаете къ себѣ разныхъ гостей черезъ заднюю дверь.

Д. Марціо.

Я не говорилъ.

Плячида.

Нѣтъ, говорили.

Лизаура.

Возможно ли, чтобъ сеньёръ Донъ Марціо сказалъ обо мнѣ такую неправду!

Д. Марціо.

Увѣряю васъ, ничего не говорилъ.

СЦЕНА ДВАДЦАТЬ-ВТОРАЯ.

Евгеніо (*открываетъ окно въ комнатахъ Пандольфо, другое окно открываетъ*) Ридольфо, (*третье*) Витторія *и* тѣ же.

Евгеніо.

Да, онъ говорилъ это, онъ мнѣ говорилъ то же самое и про ту, и про другую. Про пилигримку, что она въ прошломъ году шлялась по Венеціи; про танцовщицу, что къ ней ходятъ гости черезъ заднюю дверь.

Д. Марціо.

Я это слышалъ отъ Ридольфо.

Ридольфо.

Я не способенъ говорить такія вещи. Мы даже поссорились за это. Я утверждалъ, что сеньёра Лизаура честная женщина, а вы настаивали, что она женщина дурная.

Лизаура.

Ахъ, противный!

Д. Марціо.

Ты лгунъ!

Витторія.

Онъ и мнѣ говорилъ, что мой мужъ въ короткихъ отношеніяхъ и съ танцовщицей, и съ пилигримкой, и описывалъ мнѣ ихъ, какъ самыхъ негодныхъ женщинъ.

Плячида.

Ахъ, злодѣй!

Лизаура.

Ахъ, проклятый!

СЦЕНА ДВАДЦАТЬ-ТРЕТЬЯ.

Леандро (*у дверей гостинницы*) *и* тѣ же.

Леандро.

Да, сеньёръ, да! Вы произвели много безпорядковъ; вы очернили репутацію двухъ честныхъ женщинъ.

Д. Марціо.

И танцовщица тоже честная?

Лизаура.

Да, и горжусь этимъ. Я была въ дружбѣ съ сеньёромъ Леандро единственно потому, что думала выдти за него замужъ; я не знала, что онъ женатъ.

Плячида.

Да, онъ женатъ, и я его жена.

Леандро.

Если-бъ я послушался сеньёра Донъ-Марціо, я опять бы убѣжалъ отъ нея.

Плячида.

Негодный!

Лизаура.

Обманщикъ!

Витторія.

Сплетникъ!

Евгеніо.

Болтунъ!

Д. Марціо.

Вы это меня-то? Меня-то, самаго честнаго человѣка въ мірѣ?

Ридольфо.

Чтобъ быть честнымъ человѣкомъ, мало не воровать; нужно еще и поступать хорошо.

Д. Марціо.

Я не сдѣлалъ ни одного дурнаго дѣла. (*Входитъ Транпола.*)

СЦЕНА ДВАДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТАЯ.

Транпола *и* тѣ же.

Транпола.

Славное дѣло сдѣлалъ Донъ Марціо!

Ридольфо.

А что онъ сдѣлалъ?

Траппола.

Онъ сдѣлалъ доносъ на Пандольфа; его связали и, говорятъ, завтра будутъ плетьми наказывать.

Ридольфо.

Онъ доносчикъ! Прочь отъ моей лавки! (*Отходитъ отъ окна. Выходитъ мальчикъ изъ цирюльни.*)

СЦЕНА ДВАДЦАТЬ-ПЯТАЯ.

Мальчикъ *и* тѣ же.

Мальчикъ.

Сеньёръ-шпіонъ, больше къ намъ въ лавку бриться не жалуйте! (*Входитъ въ лавку. Выходитъ слуга изъ гостинницы.*)

СЦЕНА ДВАДЦАТЬ-ШЕСТАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

Слуга изъ гостинницы *и* тѣ же.

Слуга.

Сеньёръ-шпіонъ, больше къ намъ обѣдать не жалуйте! (*Уходитъ въ гостинницу.*)

Леандро.

Сеньёръ-покровитель, между нами сказать, любя, доносить — дѣло подлое. (*Уходитъ въ гостинницу.*)

Плячида.

Вотъ вамъ и печоные каштаны! Сеньёръ-доказчикъ! (*Отходитъ отъ окна.*)

Леандро.

Къ позорному столбу, къ позорному столбу! (*Отходитъ отъ окна.*)

Витторія.

Ахъ, милый сеньёръ Донъ Марціо! Тѣ десять цехиновъ, которые вы давали мужу въ долгъ, — это у васъ была плата за шпіонство. (*Отходитъ отъ окна.*)

Евгеніо.

Мое почтеніе, сеньёръ-повѣренный! (*Отходитъ отъ окна.*)

Траппола.

Честь имѣю кланяться, сеньёръ-доносчикъ! (*Уходитъ въ лавку.*)

Д. Марціо.

Я пораженъ, я униженъ; не знаю, гдѣ я! Я шпіонъ? Я шпіонъ? За то, что я случайно открылъ преступное поведеніе Пандольфо, меня будутъ считать шпіономъ? Я не зналъ полицейскаго, не предвидѣлъ обмана, я не виноватъ въ этомъ безчестномъ поступкѣ. Однако всѣ меня оскорбляютъ, всѣ меня унижаютъ, никто не хочетъ меня видѣть и всякій гонитъ. Да, они правы: языкъ мой, рано или поздно, доведетъ меня до большой бѣды. Онъ сталъ причиной моего безчестія; ужъ хуже этого нѣтъ ничего. Оправданія тутъ не помогутъ. Я потерялъ довѣріе и ужь не ворочу его. Уѣду изъ этого города; уѣду съ сожалѣніемъ; уѣду потому, что мой несчастный языкъ заставляетъ меня бѣжать изъ этой страны, въ которой всѣ живутъ хорошо, пользуются свободой, миромъ и удовольствіями, всѣ, кто умѣетъ вести себя умно, осторожно и честно.

ЗАБЛУДШІЯ ОВЦЫ.

КОМЕДІЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

(Сюжетъ заимствованъ изъ итальянской комедіи Теобальдо Чикони: „Le pecorelle smarite“.)

ЛИЦА:

Викторъ Аполлоновичъ Жаворонковъ, поэтъ.
Любовь Ивановна, жена его.
Иванъ Ѳомичъ Черновъ.
Петръ Петровичъ Зябликовъ, племянникъ его.
Князь Киргизовъ.
Баронъ Помпей Богдановичъ фонъ-Бацъ.
Лидія Семеновна, его жена.
Иванъ.
Человѣкъ барона.
Дама.
Кавалеръ.
Гости обоего пола. Слуги безъ рѣчей.

(Комната въ квартирѣ Виктора, убранная съ нѣкоторымъ изяществомъ. Дверь по срединѣ и двѣ по бокамъ. Направо дамскій рабочій столикъ, налѣво мужской письменный столъ, на немъ, кромѣ разныхъ принадлежностей для письма, книги, газеты, колокольчикъ. Въ глубинѣ зеркало. Стулья и кресла въ безпорядкѣ, на полу коверъ.)

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Любовь Ивановна (*вяжетъ у рабочаго столика*), Викторъ (*въ халатѣ, за письменнымъ столомъ, читаетъ рукопись*).

Викторъ (*вполголоса*).

«О милый ангелъ, не зови
Моей печали непонятной!
То сердца вздохъ, но вздохъ пріятный,
То меланхолія любви.»

(*Продолжаетъ пробѣгать глазами остальное, потомъ складываетъ въ видѣ пакета и звонитъ. Входитъ Иванъ. Любовь на все это смотритъ подозрительно.*)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же *и* Иванъ.

Викторъ (*отдаетъ ему конвертъ*).

Снеси въ типографію. (*Иванъ уходитъ. Викторъ въ задумчивости беретъ книгу и перелистываетъ.*)

Любовь (*встаетъ тихо, подходитъ къ нему и кладетъ ему на плечо руку*).

Викторъ!

Викторъ.

Ну?

Любовь.

Я хочу попросить тебя, хочу...

Викторъ.

Ѣхать въ театръ, что ли? Сегодня я не могу. Я обѣщалъ пріятелямъ быть въ клубѣ.

Любовь.

Да нѣтъ, совсѣмъ не о томъ...

Викторъ (*съ нетерпѣніемъ*).

Ну, такъ объ чемъ же?

Любовь.

Если ты дашь мнѣ слово не сердиться...

Викторъ.

Даю слово не сердиться.

Любовь.

Эта рукопись, которую ты послалъ въ типографію. .

Викторъ.

Эта рукопись... Есть рукопись.

Любовь.

Тамъ стихи?

Викторъ.

Тамъ стихи.

Любовь.

Посвященные...

Викторъ.

Ну, посвященные; что-жъ дальше?

Любовь (*робко*).

Посвященные женщинѣ.

Викторъ (*съ гнѣвомъ*).

Ну, а если и такъ?

Любовь.

Ты обѣщалъ не сердиться.

Викторъ (*стараясь не сердиться*).

А если и такъ?

Любовь.

Если такъ, Викторъ...

Викторъ.

Дальше, дальше!

Любовь.

Мнѣ кажется, я умру съ отчаянія.

Викторъ.

Любовь Ивановна!

Любовь (*обнимая его*).

Ахъ! Радость моя! Жизнь моя!

Викторъ.

Пожалуйста, безъ аханья. Что за ребячество! Твоя ревность

и бабья подозрительность наконецъ мнѣ надоѣлятъ. Изрѣдка куда еще не шло; но цѣлый-то Божій день мучить меня смѣшными распросами и подозрѣніями: этого ужь терпѣть нельзя. Я тебя предупреждаю отнынѣ навсегда: или ты перестань, или мнѣ нужно будетъ принять какія-нибудь мѣры на будущее время.

Любовь (*отходитъ совершенно убитая*).

Ты никогда такъ не говорилъ со мной.

Викторъ.

Ты сама доводишь, пеняй на себя.

Любовь (*сквозь слезы садясь къ столу*).

Хорошо, хорошо. Я виновата. Я бѣдная, воспитана въ деревнѣ, по-старому; у меня только и есть въ головѣ, что любовь къ мужу. Твое дѣло образовать меня по-столичному, чтобы я была похожа на тѣхъ вашихъ дамъ, которыя изучаютъ семейныя обязанности по моднымъ картинкамъ или по французскимъ романамъ. Къ тому же супружеская любовь не имѣетъ ничего плѣнительнаго, ничего обаятельнаго: жена писателя не имѣетъ права требовать, чтобы мужъ для семейнаго спокойствія отказывался отъ восторговъ публики. Онъ человѣкъ геніальный, ему нужно всеобщее поклоненіе, а ты, глупенькая, думала, что съ него довольно твоихъ поцѣлуевъ. Тѣмъ хуже для тебя, что ты не умѣла понять, что̀ значитъ геніальные люди.

Викторъ (*беретъ стулъ и садится возлѣ жены*).

Вы кончили?

Любовь (*со слезами*).

Терпи и покорись судьбѣ своей.

Викторъ.

Если вы кончили, начну я; и прежде всего попрошу васъ вспомнить вечеръ 24-го іюля 1865 года, то есть вечеръ нашей свадьбы. Мы были въ деревнѣ у вашего отца, на берегу Волги. Помните: ясное небо, чистый воздухъ, вдали пѣсня, ну и прочее... Вы мнѣ сказали тогда: „Викторъ, этимъ высокимъ небывалымъ счастіемъ я обязана тебѣ. Съ этихъ поръ я вполнѣ вѣрю душѣ твоей! Если когда нибудь случится, что мнѣ придетъ въ голову какое нибудь подозрѣніе, или я готова буду произнести жалобу или упрекъ тебѣ, ты напомни женѣ своей вечеръ 24-го іюля“.

Ну вотъ я вамъ напоминаю. (*Встаетъ. Въ продолженіи этихъ словъ, произнесенныхъ въ важностью, лицо жены мало-по-малу одушевляется и покрывается радостной улыбкой.*)

Любовь.

О, если-бъ можно было воротить это время, эти мѣста, Викторъ! Жить опять также, какъ прежде.

Викторъ.

Пока вы были дѣвушкой, вы такъ и жили; а теперь ужъ пора вамъ быть женщиной солидной и благоразумной.

Любовь (*подходя къ мужу*).

Да, ну-же! Не сердись на меня. Помиримся, помиримся! И давай такъ жить, какъ Богъ велитъ; два тѣла — одна душа. Прочь эти вздоры, подозрѣнія, ревность! Я буду дѣлать только то, что̀ тебѣ нравится. А ты, сокровище мое, прощай мои слабости и люби меня. Не правда ли, ты любишь меня?

Викторъ (*съ досадой*).

Это мой долгъ.

Любовь.

И ты поѣдешь со мной погулять въ Зоологическій садъ?

Викторъ (*съ большой досадой*).

Ну, въ Зоологическій садъ, но потомъ?

Любовь.

И не будешь писать стиховъ для хорошенькихъ женщинъ?

Викторъ (*нетерпѣливо*).

Ну, еще что?

Любовь (*топая ногой*).

Вотъ какая скверная память! Ты правъ,—я глупа. Сейчасъ только обѣщала и сейчасъ же забыла, это ужасно! (*Входитъ Иванъ.*)

Иванъ.

Петръ Петровичъ пришли-съ.

Любовь.

Ахъ, тоска! Насъ дома нѣтъ.

Викторъ.

Что̀ ты, въ умѣ ли? Проси! (*Иванъ уходитъ.*) Я не хочу прятаться ни отъ кого, а тѣмъ болѣе отъ твоего брата. Онъ отличный-малый.

Любовь.

Вѣтреникъ.

Викторъ.

Вѣтреникъ? Почему? Потому только, что любитъ шампанское и знакомъ съ танцовщицами. Вся молодежь нынче такова. (*Входитъ Зябликовъ въ тепломъ пальто.*)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Зябликовъ *и* тѣ же.

Зябликовъ (*въ дверяхъ*).

Извини кузина, но, при одномъ градусѣ тепла, не мѣшало бы въ передней поменьше вентиляціи. Впрочемъ надо переплыть ледовитое море, чтобъ доплыть до сѣвернаго полюса. Съ добрымъ утромъ, сестрица!

Любовь.

Прощайте, Петръ Петровичъ.

Зябликовъ (*Виктору*).

Можно пожать руку вашему парнасскому сіятельству?

Викторъ.

Еще бы! (*Подаетъ ему руку.*) Однако столица васъ измѣнила порядочно. Что за учтивость, что за галантерейность!

Зябликовъ.

Вамъ кажется! (*Про-себя.*) Кабы его чортъ унесъ куда нибудь!

Викторъ.

Ну да, какъ же! И деревенскій загаръ прошелъ, и вообще видѣть васъ большое удовольствіе.

Зябликовъ.

Покорнѣйше благодарю. Теперь позвольте мнѣ снять пальто. Въ деревнѣ я переходилъ отъ тепла къ холоду и наоборотъ безъ всякой опасности, а здѣсь берегусь; здѣсь сейчасъ кашель отъ малѣйшей перемѣны воздуха.

Викторъ.

Э! Другъ мой, ужины послѣ театра́ особенно вредны для многихъ.

Зябликовъ.

Эпиграммы на мой счетъ; ну, да это ничего, Ахъ, Фанни! Легкая, эластичная Фанни! Ну, что хотите, нельзя не имѣть слабости къ этимъ воздушнымъ женщинамъ. Было время, когда я плѣнялся деревенскими красавицами въ хороводахъ, теперь предпочитаю балетныхъ красавицъ въ трико и розовыхъ юбочкахъ. Другой образъ жизни, другія требованія.

Любовь (*продолжая работать*).

Ты шутишь, Петя: ты что-то ужъ слишкомъ прельщаешься столицей! Въ провинціи у тебя была сестра, были знакомые, нѣкоторые тебя любили, было одно существо, которое могло бы украсить твою пустую жизнь. Въ провинціи ты былъ румянъ, здоровъ, веселъ и спокоенъ совѣстью. А здѣсь ты учтивъ, блѣденъ, въ перчаткахъ, надушенъ, но едвали ты доволенъ здѣшней шумной и дорогой жизнью. (*Петръ Петровичъ нѣсколько конфузится.*)

Викторъ.

Петръ Петровичъ, не заступиться ли за васъ?

Зябликовъ.

Она была всегда такова.—Что-жъ дѣлать-то, я самъ виноватъ. Я съ самаго начала сдѣлалъ фальшивый шагъ; мнѣ хотѣлось, чтобъ меня замѣтили, чтобы объ моемъ вкусѣ и устроуміи говорили въ Москвѣ. Ну вотъ, такимъ-то манеромъ я въ два года потерялъ и состояніе, и аппетитъ; то есть разстроилъ и состояніе, и аппетитъ. (*Викторy.*) Вы смѣетесь? Ну, что-жъ. Вы правы: поэты могутъ питаться воздухомъ и славой, а я нѣтъ. Я не сочиняю гимновъ лунѣ. (*Входитъ Иванъ съ письмомъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Иванъ *и* тѣ же.

Иванъ.

Къ вамъ, сударь, письмо. (*Подаетъ Виктору.*)

Викторъ.

Кто принесъ?

Иванъ.

Человѣкъ отъ...

Викторъ (*взглянувъ адресъ*).

Ну, довольно, знаю.

Иванъ.

Мнѣ идти прикажете?

Викторъ.

Подожди! (*Читаетъ письмо. Зябликовъ разговариваетъ съ сестрой, которая, не слушая, смотритъ на мужа.*)

Зябликовъ.

Ты вѣдь знаешь немножко этого ангела Лидочку?

Любовь (*машинально*).

Да, знаю немножко.

Зябликовъ.

Не правда ли, она до сихъ поръ еще хороша?

Любовь.

Да, хороша.

Викторъ (*кладетъ письмо въ карманъ халата*).

Иванъ!

Иванъ.

Что прикажете?

Викторъ.

Шляпу и пальто изъ кабинета.

Иванъ.

Слушаю-съ!

Викторъ.

Постой! Въ гардеробѣ два чемодана. Ты возьми маленькій и положи туда что нужно дня на два. Поскорѣе! (***Иванъ*** *уходитъ.*)

Любовь.

Что это значитъ, Викторъ?

Зябликовъ.

Да, сударь, что это значитъ?

Викторъ (*нѣсколько сконфузясь*).

Ничего не значитъ. Мнѣ непремѣнно нужно въ Тверь.

Любовь.

Въ Тверь?

Викторъ.

Да, очень важное дѣло, выгодное. Ты, Люба, не безпокойся: я мигомъ. Поѣду сегодня и послѣ-завтра вернусь. Я поѣду съ почтовымъ поѣздомъ въ 2 часа. (*Смотритъ на часы.*) Теперь часъ, полчаса на проѣздъ. Будь же веселѣе, не серди меня!

Любовь (*улыбаясь*).

Да я очень весела.

Викторъ.

Если сегодня тебѣ вздумается въ театръ: Петръ Петровичъ тебя проводитъ. Вы сдѣлаете для меня эту услугу?

Зябликовъ.

Что касается до услугъ, только приказывайте. Я рожденъ для услугъ.

Викторъ.

Потомъ вы мнѣ разскажете, каково прошла піэса. (*Входитъ Иванъ съ чемоданомъ, сертукомъ, пальто и шляпой.*) Что ты копаешься! (*Торопливо одѣвается передъ зеркаломъ. Халатъ кладетъ на стулъ. Любовь и Зябликовъ смотрятъ на него: она съ печалью, Зябликовъ съ удивленіемъ.*)

Зябликовъ (*въ сторону*).

Вотъ чудакъ!

Викторъ (*небрежно*).

Извините! Я безъ церемоніи.

Зябликовъ.

Скажите, пожалуйста! Это удивительно! Да сдѣлайте одолженіе, будьте какъ дома.

Викторъ (*Ивану*).

Снеси чемоданъ внизъ.

Иванъ.

Слушаю-съ! (*Уходятъ.*)

Викторъ.

Люба! Что это еще за новости? Что тутъ такого необыкновеннаго?

Любовь.

Ничего.

Викторъ.

Съ чего же это ты надулась?

Любовь.

Я надулась! Ты ошибаешься.

Викторъ.

Развѣ я не могу дѣлать то, что̀ мнѣ нужно или что мнѣ нравится? Неужели о всякой малости подавать тебѣ прошеніе и составлять протоколъ?

Зябликовъ (*про-себя*).

Ого! Это новости!

Любовь.

Кто тебѣ говоритъ объ этомъ. Я отъ тебя ничего не требую.

Викторъ (*сердито*).

Такъ и не вытягивай физіогномію.

Любовь (*презрительно*).

Это ты вытянулъ физіогномію.

Викторъ.

Ну, довольно! (*Смотритъ съ угрозой на жену.*)

Зябликовъ (*про-себя*).

Это называется бракъ по страсти. (*Громко.*) Если я не ошибаюсь, у вашего подъѣзда остановилась карета. Кто нибудь съ визитомъ. Я этикета не люблю, и потому скрываюсь. Если захочешь въ театръ, пришли за мной, я все на той же квартирѣ. Въ пять я обѣдаю, до шести отдыхаю, а послѣ къ твоимъ услугамъ. (*Хочетъ идти; входитъ Иванъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же, Иванъ, *потомъ* Баронъ *и* Баронесса.

Иванъ.

Баронъ и Баронесса!

Любовь (*удивленная*).

Баронесса? (*Входятъ Баронъ и Баронесса, которая, нѣсколько смутившись при видѣ Зябликова, подходитъ къ хозяйкѣ и обнимаетъ ее, и не слишкомъ тихо разговариваетъ.*)

Баронъ (*не замѣчая Зябликова*).

Да здравствуетъ Любовь Ивановна въ святилищѣ музъ! Дорогой нашъ поэтъ! (*Кладетъ руку на плечо Виктора.*)

Викторъ.

Имѣю честь кланяться, Баронъ!

Баронъ.

Что такія за слова: „имѣю честь... Баронъ“... Называйте меня по имени, — имя мое самое историческое и стоитъ десяти баронствъ. Помпей Богданычъ! Помпей! Сдѣлайте милость, попробуйте произнести это имя, какъ оно широко и кругло выходитъ. Кромѣ шутокъ, это, батюшка, былъ первый человѣкъ своего времени.

Зябликовъ (*приближаясь*).

Да, но только послѣ Цезаря, Баронъ.

Баронъ.

Та, та, та! Это вы, мой любезный? Извините, я васъ не замѣтилъ. Руку, руку! Цѣлый вѣкъ мы не видали васъ. Баронесса погибаетъ съ тоски по васъ.

Зябликовъ (*довольный*).

Погибаетъ?

Викторъ (*съ неудовольствіемъ*).

Это что-то ужь слишкомъ.

Баронъ.

Не правда ли, Лидочка, ты погибаешь съ тоски отъ того, что господинъ Зябликовъ рѣдко бываетъ у насъ?

Баронесса.

Погибаю? Ну, не скажу. (*Продолжаетъ разговоръ съ Любовью.*)

Баронъ.

Она шутитъ, притворяется; я вѣрно знаю, что она скучаетъ. А насчетъ Цезаря, мой любезный, ученые еще спорятъ. Мнѣ не далѣе, какъ третьяго дня, другъ мой, профессоръ политической экономіи, говорилъ, что недавно вышло много замѣчательныхъ сочиненій, которыя бросаютъ новый свѣтъ на эту темную эпоху римской исторіи. Между прочимъ книга одного француза... Какого это француза?... Ну, ужь эти французы! Никогда ихъ не запомнишь. Помогите мнѣ, Викторъ Аполлонычъ!

Викторъ (*разсѣянно*).

Не могу вамъ сказать, Баронъ. Можетъ-быть эта книга: Юлій Цезарь Ламартина.

Баронъ.

Браво! Именно Юлій Цезарь Ламартина, да, Ламартина. Еще онъ, кажется, участвовалъ въ „Сынѣ Отечества“. Не угодно ли? (*Подаетъ табакерку Зябликову.*)

Зябликовъ.

Благодарю, я не нюхаю.

Баронъ.

Какъ, не нюхаете? Вотъ не ожидалъ! Какъ же мнѣ говорили, что вы имѣете рѣшительно всѣ пороки?

Зябликовъ (*низко кланяясь*).

Премного вамъ благодаренъ.

Баронъ.

Я совсѣмъ не хочу васъ обидѣть. Между пороками есть различія: одни пороки — дѣйствительно пороки, а другіе — собственно не пороки.

Зябликовъ.

Пороки порочные и пороки безпорочные.

Баронъ.

Ну, да, да, да! Именно такъ, превосходно!

Баронесса (*подходя къ Виктору*).

Знаете ли, Викторъ, я нахожу, что ваша жена такъ свѣжа (*смотритъ на нее*), что досадно. Совершенно розовый бутонъ. Мы съ ней поговорили, теперь съ вами. (*Подаетъ Виктору руку, которую тотъ цалуетъ.*)

Викторъ.

Я очень тронутъ вашимъ вниманіемъ къ нашему семейству.

Баронесса (*тихо*).

Поѣдете?

Викторъ (*тихо*).

Поѣду.

Любовь (*про-себя*).

Это она!

Зябликовъ (*про-себя*).

Это онъ!

Баронесса (*подходя къ Любови Ивановнѣ*).

А вѣдь мы къ вамъ, милая и добрая Любовь Ивановна, съ большой просьбой...

Баронъ (*перебивая*).

Да, да, милая и добрая Любовь Ивановна, съ очень большой просьбой.

Баронесса.

Въ субботу вечеромъ у насъ будетъ небольшой кружокъ друзей. Самое избранное и умное общество. Я разсчитываю на васъ. Ваше присутствіе будетъ такъ пріятно для нашихъ знакомыхъ.

Любовь (*кланяясь*).

Благодарю васъ, баронесса! Я еще не успѣла привыкнуть къ обществу. Я немного робка, воспитана по-деревенски. Во всякомъ случаѣ, какъ будетъ угодно мужу.

Баронесса.

Въ немъ-то мы вполнѣ увѣрены. (*Виктору.*) Вы пріѣдете, не правда ли?

Викторъ.

Съ величайшей благодарностью принимаемъ ваша приглашеніе. Мы съ женой не знаемъ, чѣмъ заплатить вамъ за ваши милости. Не угодно ли садиться?

Баронесса.

Благодарю! Если бы въ другое время, я бы съ удовольствіемъ. Насъ ждетъ карета, намъ пора на желѣзную дорогу. Представьте себѣ, мой мужъ вздумалъ прогуляться въ Тверь.

Любовь (*съ испугомъ*).

Въ Тверь?

Зябликовъ.

Переселеніе гуртомъ.

Баронесса.

Это васъ удивляетъ? Но что-жъ дѣлать. Намъ нужно купить цвѣтовъ, а тамъ дешево продается цѣлая оранжерея, — а также и фруктовыя деревья. Можно бы эту покупку поручить кому нибудь изъ знакомыхъ, но свой глазъ всетаки лучше.

Баронъ.

Вотъ я говорю супругѣ моей, баронессѣ: Лидочка, давай-ка смастеримъ это дѣло сами. 5 часовъ туда, 5 часовъ оттуда. Выберешь камеліи, какія тебѣ понравятся. Сказано — сдѣлано: велѣлъ Алешкѣ закладывать сѣрыхъ — и маршъ. Если у васъ есть какія нибудь порученія, приказывайте. Послѣ-завтра мы назадъ.

Викторъ.

Знаете ли, Баронъ, какое счастіе? вѣдь и мнѣ нужно въ Тверь.

Баронъ.

Безподобно! А съ какимъ поѣздомъ вы ѣдете?

Викторъ.

Въ два часа.

Баронъ.

Ну и прекрасно, ѣдемъ вмѣстѣ: вы будете развлекать мою супругу, баронессу. На меня этотъ проклятый паръ производитъ страшное дѣйствіе: только въ вагонъ—сейчасъ же и засну, какъ тюлень.

Зябликовъ.

Это что-то на меня похоже.

Баронъ.

Какъ, и вы тоже? Ну, честь имѣю поздравить.

Зябликовъ.

Желѣзная дорога, портеръ и трагедія погружаютъ меня въ мертвый сонъ.

Баронъ.

Да, вотъ кстати о трагедіяхъ-то, любезнѣйшій Петръ Петровичъ, я было и забылъ вамъ сказать: пожалуйте къ намъ въ субботу вечеромъ, премного обяжете. (*Жент.*) Такъ я говорю, Лидочка?

Баронесса.

Конечно. Петръ Петровичъ такъ любитъ танцы.

Зябликовъ.

Пощадите, Баронесса!

Баронесса.

А танцовщицъ еще болѣе.

Зябликовъ (*про-себя*).

Шпильки пошли.

Баронесса (*Виктору*).

Вы можете доѣхать до станціи съ нами въ каретѣ.

Викторъ.

Я боюсь васъ стѣснить, Баронесса.

Зябликовъ.

Теперь нѣтъ сомнѣнія, это онъ.

Баронъ.

Что за стѣсненіе! Въ нашей каретѣ десять человѣкъ усядутся. Теперь поклонъ да и вонъ, а то мы опоздаемъ.

Баронесса (*прощаясь съ Любовью*).

Прощайте и не сердитесь, что я увожу вашего мужа.

Любовь.

Сердиться! Что вы! Викторъ такъ занятъ, много работаетъ, маленькое развлеченіе ему здорово. (*Виктору.*) Прощай, мой другъ; погода хорошая, общество отличное: это возвратитъ тебѣ хорошее расположеніе духа.

Викторъ (*тихо*).

Ну, не дѣлай сцены!

Любовь.

До свиданія, баронесса!

Баронесса.

Еще разъ прощайте, моя дорогая!

Баронъ.

Надо же и кончить когда нибудь. Честь имѣю кланяться, сударыня!

Любовь.

До свиданія, Баронъ!

Баронъ (*Зябликову*).

Счастливо оставаться!

Зябликовъ.

Покойной ночи, пріятнаго сна!

Баронъ.

Ахъ, разбойникъ!

Викторъ (*Зябликову*).

Такъ я на васъ надѣюсь.

Зябликовъ.

Насчетъ театра? Будьте покойны. (*Уходятъ: Баронесса, за ней Баронъ, потомъ Викторъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Любовь Ивановна *и* Зябликовъ.

(*Любовь вынимаетъ изъ кармана халата письмо, нѣсколько времени стоитъ въ нерѣшительности, потомъ тихо и съ волненіемъ читаетъ его. Зябликовъ разсуждаетъ самъ съ собой.*)

Зябликовъ.

Какъ глупъ я былъ! Надобно было, надобно было... да... при продолжительной и правильной осадѣ крѣпость должна была сдаться. Надо признаться, что я еще не совсѣмъ искусенъ. Я еще не умѣю съ успѣхомъ доводить до конца завоеванія баронессъ. У меня нѣтъ высшихъ соображеній. А у поэта, кажется, есть эти высшія соображенія.

Любовь (*кончивъ читать, вскрикиваетъ съ отчаяніемъ*).

Нѣтъ!

Зябликовъ (*испугавшись*).

Ай, батюшки мои!

Любовь (*жметъ въ рукѣ письмо и въ волненіи ходитъ по сценѣ*).

Нѣтъ, я не могу стерпѣть такого оскорбленія.

Зябликовъ.

Любочка!

Любовь (*не замѣчая его*).

Нѣтъ, я имъ не игрушка!

Зябликовъ.

Любочка!

Любовь.

Обманывать меня, и потомъ смѣяться надо мною, какъ надъ дурой!

Зябликовъ (*про-себя*).

Я начинаю понимать.

Любовь.

Увидимъ, кто надъ кѣмъ посмѣется!

Зябликовъ (*беретъ ее за руку*).

Сестрица!

Любовь (*отталкиваетъ его*).

Убирайся!

Зябликовъ.

Благодарю покорно! (*Хочетъ уйти.*)

Любовь.

Постой! (*Подумавъ.*) Довольно, Любовь Ивановна, довольно. Пора кончить супружескія нѣжности. Глупо быть такой деревенской простотой и невинностью. Надо быть дамой современной, безъ предразсудковъ и безъ совѣсти. Надо и тебѣ играть свою роль въ этой смѣшной комедіи, которую мы называемъ свѣтомъ. Петя!

Зябликовъ.

Здѣсь!

Любовь.

Въ послѣдній разъ ты мнѣ говорилъ о своемъ другѣ, князѣ Киргизовѣ.

Зябликовъ.

Говорилъ.

Любовь.

Ты говорилъ, что онъ неотступно просилъ тебя познакомить со мной?

Зябликовъ.

Говорилъ.

Любовь.

Ты говорилъ, что онъ мое знакомство предпочитаетъ всѣмъ другимъ?

Зябликовъ.

Говорилъ.

Любовь.

Ну, прекрасно: слушай теперь.

Зябликовъ.

Слушаю и не дышу.

Любовь.

Хорошъ князь Киргизовъ?

Зябликовъ.

Греческій профиль.

Любовь.

Богатъ?

Зябликовъ.

Мотаетъ и играетъ, какъ Монте-Кристо.

Любовь.

Ловокъ?

Зябликовъ.

Первый левъ.

Любовь.

Ну, и прекрасно. Прошлый разъ я тебѣ сказала, что ни подъ какимъ видомъ не желаю его видѣть.

Зябликовъ.

Правда.

Любовь.

Теперь я другаго мнѣнія.

Зябликовъ.

Обстоятельства перемѣняютъ людей.

Любовь (*даетъ ему руку*).

Ну, такъ по-рукамъ?

Зябликовъ.

По-рукамъ.

Любовь.

Представь мнѣ сегодня вечеромъ князя Киргизова. (*Уходитъ.*)

Зябликовъ.

Прощайте! Первый человѣкъ, который мнѣ понался на встрѣчу, былъ горбатый. Древній римлянинъ возвратился бы домой. Ну, дѣлать нечего. Пойдемъ искать князя Киргизова.

(*Занавѣсъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

(Та же комната.)

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Иванъ (*входитъ, за нимъ*) Черновъ (*въ дорожномъ платьѣ, съ тростью, на головѣ шляпа*).

Иванъ.

Пожалуйте, сударь!

Черновъ.

Иду.

Иванъ (*подавая стулъ*).

Не угодно ли садиться?

Черновъ.

Сяду.

Иванъ.

Откуда, сударь, пріѣхать изволили?

Черновъ.

Изъ Нижняго.

Иванъ.

Вы не родня ли нашей барынѣ?

Черновъ.

Нѣтъ.

Иванъ.

Онѣ скоро будутъ. Онѣ почти-что никогда и изъ дому-то не выходятъ: да сегодня у насъ были кавалеры, такіе веселые, такъ взманили ихъ проминажъ сдѣлать.

Черновъ.

А мужъ?

Иванъ.

Викторъ Аполлоновичъ?

Черновъ.

Да?

Иванъ.

Они теперича въ Твери, хотѣли черезъ день вернуться; а вотъ третій день ихъ нѣтъ. Къ вечеру-съ ждемъ непремѣнно.

Черновъ.

Ты давно ли здѣсь служишь?

Иванъ.

Два мѣсяца, сударь.

Черновъ.

Отходить не думаешь?

Иванъ.

Подумываю. Барыня у насъ, надобно говорить, какъ есть настоящій ангелъ.

Черновъ.

Я знаю.

Иванъ.

Не придираются за всякую малость. А баринъ такъ совсѣмъ другое дѣло: ужасти какъ горячъ; чуть что ни по немъ, такъ совсѣмъ какъ тигръ сдѣлается! Сами барыня, и то иногда не знаютъ, что съ нимъ дѣлать.

Черновъ.

Что ты говоришь?

Иванъ.

Вѣрно говорю. А ужъ барыня наша, кажется, съ кѣмъ хочешь уживется. Никакъ звонятъ у подъѣзда? Мнѣ, сударь, бѣжать надо.

Черновъ.

Постой на минуту!

Иванъ.

Некогда, сударь.

Черновъ.

Не говори обо мнѣ ни слова! Я хочу сюрпризъ сдѣлать.

Иванъ.

Слушаю, сударь! (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Черновъ (*одинъ*).

Изволите видѣть: мужа нѣтъ дома, жена променажъ дѣлаетъ съ кавалерами. Что я говорилъ, то и вышло. Вотъ они, поэты!

Ну, что-жъ, милая моя, сама захотѣла. Всѣ барышни на одинъ манеръ; представится имъ хорошая партія, человѣкъ солидный, благомыслящій, безъ пустяковъ въ головѣ, того имъ не надобно. А набѣжитъ откуда нибудь тощій стихоплетъ, бѣдный, безъ гроша въ карманѣ, — ну, сходятъ съ ума, точно Богъ знаетъ какое сокровище. (*Вынимаетъ изъ кармана письмо.*) А сокровище-то вотъ какія штуки выкидываетъ. (*За сценой смѣхъ и голосъ Любови Ивановны.*) Кажется, компанія-то веселая. Куда бы спрятаться... да вотъ... и отлично! (*Уходитъ въ дверь направо.*

Князь (*за сценой*).

Вотъ прекрасно! Rions donc!

Любовь (*за сценой*).

Какъ ты глупъ!

Зябликовъ (*за сценой*).

Это я сегодня ужъ въ другой разъ слышу.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

(*Входятъ: Князь Киргизовъ, потомъ Любовь Ивановна и Зябликовъ, который поддерживаетъ ея разорванное платье.*)

Киргизовъ.

Идите потише, а то онъ совсѣмъ оторветъ всю юбку. C'est magnifique!

Зябликовъ.

Magnifique! Это со всякимъ можетъ случиться.

Киргизовъ.

Вы ошибаетесь. Люди хорошаго тона не ходятъ ногами по подоламъ.

Зябликовъ.

Что-жъ, они руками ходятъ?

Любовь.

Сдѣлайте одолженіе, князь, на моемъ столикѣ булавки. Подайте ихъ.

Киргизовъ (*подавая булавки*).

Вотъ вамъ булавки, онѣ пронзительны, но не такъ, какъ ваши глаза.

Зябликовъ (*помогая Любови Ивановнѣ закалывать платье*).

Вотъ вамъ комплементъ изъ временъ царя Гороха.

Любовь.

Вотъ и готово. Посмотрите, князь, какъ мы умѣемъ поправлять то, что̀ мужчины испортятъ. (*Садится на кресло: справа князь, слѣва Зябликовъ, оба стоя.*)

Зябликовъ.

Согласись, Любочка, что въ деревнѣ подобныхъ скандаловъ не бываетъ. Въ деревнѣ гуляютъ тихо, по дорогамъ широкимъ, просторнымъ; въ столицѣ всѣ пути и стези гораздо опаснѣе.

Киргизовъ.

Ну, я не согласенъ. Вы тоже, я думаю, моего мнѣнія. de mon avis?

Любовь.

Безъ сомнѣнія. Смѣю ли я имѣть другое мнѣніе, кромѣ вашего, князь?

Зябликовъ.

Браво! Смѣю ли я имѣть другое мнѣніе? Князь, у васъ пятьдесятъ тысячъ дохода; повѣрьте, что съ вами всѣ будутъ соглашаться. Когда я, къ великому моему несчастію, пріѣхалъ въ Москву, я тогда имѣлъ еще хорошее состояніе: лѣса, поля и пастбища. Тогда говорили, что я подаю большія надежды и со мной тоже всѣ соглашались. Теперь, когда я употребилъ, съ помощью друзей, уже двѣ трети моего состоянія въ видѣ рейнвейна, шампанскаго и прочаго, теперь ужъ мнѣ говорятъ, что я все ошибаюсь, —

Чтитъ Бога земнаго,
Тельца золотаго,
Весь нынѣшній свѣтъ,
Смотри и лей слезы поэтъ!

Эти стихи, хоть и не очень хороши, но зато совершенно справедливы: ихъ писалъ твой мужъ. Преждѐ чѣмъ онъ женился на тебѣ, у него въ головѣ была бездна идей и одна другой ядо-

витѣе. Послѣ свадьбы, когда онъ получилъ приданое, эта строгость къ людямъ у него прошла. Онъ ужъ теперь не плачетъ въ стихахъ, а самъ покланяется золотому тельцу.

Любовь.

Слышите, князь? Мой милый кузинъ остритъ надъ моимъ милымъ мужемъ.

Киргизовъ.

Да, да, надъ милымъ мужемъ.

Любовь.

Что съ вами? Развѣ при васъ нельзя произносить слово „мужъ“. Отчего вы надулись?

Князь (*нѣсколько смѣшавшись*).

C'est tout naturel, madame; я долженъ съ нѣкоторымъ трепетомъ помышлять о товарищѣ вашихъ дней.

Любовь.

О товарищѣ чьихъ нибудь другихъ дней, а не моихъ. Вы, можетъ быть, думаете, что у меня мужъ дюжинный, провинціальный, который не стыдится цѣловать свою жену при посторонникъ? Ошибаетесь, князь. У меня мужъ по послѣдней модѣ, мужъ столичный, высшаго сорта.

Зябликовъ.

Мужъ усовершенствованный.

Любовь.

Когда я была невѣстой и жила въ деревнѣ, я была для Виктора дѣвушкой и граціозно обворожительной, и небесно чистой: я имѣла всѣ обольщенія красоты, всѣ задатки счастія. Викторъ въ своихъ стихахъ величалъ меня то утренней звѣздой, то сиренью, то дѣвой съ очами серафима. Онъ клялся по три раза въ день, что наша любовь будетъ безсмертна, какъ наши души; наша вѣрность крѣпка, какъ гранитъ. Когда мы стали мужемъ и женой и переѣхали въ Москву, все это стало смѣшно. Викторъ постоянно въ обществѣ, между дамами, и совершенно увѣренъ, что человѣкъ съ дарованіемъ долженъ смотрѣть на жену, какъ на лишную мебель.

Зябликовъ (*про-себя*).

Вражда открытая.

Киргизовъ.

Это возмутительно. Cela m'etonne. И вы это равнодушно переносите?

Любовь.

Что-жъ дѣлать? Неужели мнѣ плакать оттого, что мужъ мой не бываетъ дома? Что онъ предпочитаетъ моей болтовнѣ разговоръ свѣтскихъ дамъ? Неужели я должена приходить въ отчаяніе и взывать о помощи оттого, что мужъ мой позволяетъ мнѣ быть въ обществѣ милыхъ и пріятныхъ молодыхъ людей? (*Нѣжно смотритъ на князя.*) Только въ провинціи плачутся на такія мелочи, потому что тамъ не умѣютъ жить порядочно: въ столицѣ стоны жертвъ превращаются въ смѣхъ и шутки. Мы съ мужемъ сошлись на этотъ счетъ. Мы оставили въ деревнѣ излишнія супружескія нѣжности и привезли въ Москву ту долю порядочности, которая позволяетъ намъ раздѣлиться на двѣ половины, какъ депутатамъ въ парламентѣ. Мужъ налѣво, жена направо. (*Показывая на боковыя двери.*)

Князь Киргизовъ.

Я консерваторъ: я—направо, въ вашу партію.

Зябликовъ.

Ужъ это не слишкомъ ли? Пользуясь правомъ родства, я призываю васъ къ порядку.

Любовь (*съ чувствомъ князю*).

А вы меня понимаете, кажется?

Князь.

Mon Dieu! Васъ-то не понять!

Любовь.

Съ этихъ поръ я разсчитываю на вашу дружбу, на вашу преданность. (*Жметъ ему руку.*)

Киргизовъ.

Вашъ навсегда, a toujours! (*Цѣлуетъ руку.*)

Любовь.

Который часъ, Петя?

Зябликовъ.

Часъ, въ который пора все это кончить.

Любовь (*встаетъ, треплетъ Зябликова по щекѣ*).

Ты, кажется, мой миленькій, не въ духѣ?

Зябликовъ.

Нѣтъ, но двусмысленныя положенія мнѣ разстроиваютъ нервы. Ну, князь, я ухожу. Если вы расположены слѣдовать по моимъ стопамъ, такъ пожалуйте. (*Подходитъ къ двери.*)

Киргизовъ.

Онъ шутникъ.

Любовь.

До свиданья, князь!

Киргизовъ.

До свиданья!

Любовь.

Вспоминайте меня и поскорѣе!

Киргизовъ.

Вы очаровательны.

Любовь.

Мужъ почти каждый вечеръ въ театрѣ.

Киргизовъ.

Ah! j'ai compris. Еще разъ прощайте!

Зябликовъ.

Пойдете вы или нѣтъ, наконецъ?

Киргизовъ.

Иду. Какой вы горячій!

Зябликовъ.

Горячій? Прогорѣлый развѣ? Пожалуйте! (*Показывая дверь.*)

Киргизовъ.

Allons! (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Любовь, *потомъ* Черновъ.

Любовь (*садится къ рабочему столику, склоняетъ голову на руки и плачетъ, не замѣчая Чернова, который тихо выходитъ изъ дверей и становится за ея стуломъ*).

Не могу, не могу, это выше силъ моихъ! Я чувствую, что мое сердце разрывается. А что, если я ошибаюсь, если это только моя фантазія? (*Вынимаетъ письмо изъ кармана.*) Я

десять разъ перечитываю это письмо, — и всякій разъ ищу, нѣтъ ли тамъ чего нибудь новаго. (*Читаетъ.*) „Викторъ Аполлонычъ. Моему глупому мужу пришла въ голову умная мысль прокатиться въ Тверь. Мы ѣдемъ сегодня въ два часа и возвратимся завтра. Сыщите какой нибудь предлогъ обмануть жену, и поѣдемте вмѣстѣ. Около половины втораго я заѣду за вами. Лидія!“ (*Съ отчаяніемъ.*) Найдите предлогъ обмануть жену! Эту довѣрчивую дурочку, жену! — да, мой отецъ былъ правъ. Онъ говорилъ мнѣ: выходи, Любочка, за него, если онъ тебѣ нравится, если ты его любишь, если ты думаешь, что онъ составитъ твое счастіе; но знай, что поэтовъ окружаютъ не столько музы небесныя, сколько музы земныя. Онъ говорилъ это, а едва ли и самъ думалъ, что это сбудется. Что бы онъ теперь сказалъ, видя меня въ такомъ положеніи?

Черновъ.

Онъ бы сказалъ: чему быть, тому не миновать.

Любовь (*бросаясь ему на шею*).

Ахъ, Боже мой! Папенька! Это вы! (*Прячетъ письмо.*)

Черновъ.

Не прячь, не прячь, я все видѣлъ.

Любовь.

Вы въ Москвѣ?

Черновъ.

Я все слышалъ.

Любовь.

Гдѣ же вы были?

Черновъ.

Тамъ! (*Указываетъ на дверь направо.*)

Любовь.

И вы слышали... (*Опускаетъ голову.*)

Черновъ.

Подыми голову! Что ты покраснѣла? Ты несчастлива, у тебя горе; ну, такъ будь смѣлѣе, надо съ нимъ бороться. Если ты боишься, что твоихъ силъ мало, я тебѣ помогу. Положись на меня и дѣйствуй смѣло!

Любовь.

Ахъ, папенька!

Черновъ.

Я тебѣ говорилъ, что этотъ бракъ—афёра. Ты была хорошенькая картинка, да, кромѣ того, въ золотой рамкѣ. Вотъ женихи больше и тянулись за рамкой-то. Дѣло обыкновенное. И Викторъ твой тоже.

Любовь.

Нѣтъ, папенька, нѣтъ! Я ужъ слишкомъ снисходительна къ Виктору, а вы ужъ несправедливы.

Черновъ.

Хорошо, кабы такъ.

Любовь (*горячо*).

Ахъ, папенька! Бываютъ въ жизни женщины такія минуты, когда ей нуженъ весь умъ и вся сила воли. Въ такомъ положеніи теперь я. Вы говорили, что нужно быть смѣлѣе, я дѣйствую смѣло. Вы ужъ знаете, какое оружіе я выбрала.

Черновъ.

Довольно опасное.

Любовь.

Что за дѣло?

Черновъ.

Можно уколоть пальчики, коли не умѣешь владѣть имъ.

Любовь.

Э, полноте! Я знаю себя хорошо. Я умѣю владѣть собой. Князь Киргизовъ...

Черновъ (*съ удареніемъ*).

Князь Киргизовъ!

Любовь.

Онъ сейчасъ былъ у меня вмѣстѣ съ Петей. А что?

Черновъ.

Ничего, ничего. Продолжай!

Любовь.

Онъ пустой волокита, недальнаго ума, полу-французъ, полутатаринъ. Но мнѣ такого и нужно. Онъ отлично одѣвается, борода самая модная, галантерейность перваго сорта. Чего же мнѣ лучше? Ну, пусть возвратится теперь мой мужъ изъ Твери. Милости просимъ! Онъ увидитъ, что кроткая голубка сдѣлалась львицей! Узнаёте вы теперь свою дочь? Вы видите, что въ моихъ жилахъ течетъ горячая кровь Черновыхъ.

Викторъ *(за сценой).*

Возьмите скорѣй чемоданъ изъ кареты барона и несите наверхъ.

Любовь *(съ испугомъ).*

Ахъ! Онъ, онъ...

Черновъ.

Вотъ-те и горячая кровь Черновыхъ! Стыдись! Ты ни въ чемъ не виновата! Кого ты испугалась? Вѣдь онъ... вѣдь онъ... мошенникъ. Садись! (*Сажаетъ ее насильно.*)

Любовь.

Да, вы правы, не надо выходить изъ позиціи... ха, ха, ха! (*Поетъ:*)

La donna e'mobile,
Qual piuma al vento,
Muta d'accento,
E di pensier.

(*Входитъ Викторъ, читая газету.*)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Викторъ *и* тѣ же.

Викторъ *(читая газету и не замѣчая ни Чернова, ни Любови).*

Важныя перемѣны...

Любовь.

Это ты, Викторъ? Здравствуй! Я не ждала тебя такъ скоро.

Викторъ *(продолжая читать).*

Я, кажется, обѣщалъ воротиться еще вчера.

Любовь.

Вчера? А я и забыла.

Викторъ.

Благодарю!

Любовь.

Развѣ у меня одно это въ головѣ? Ты знаешь, сколько у женщинъ заботъ, по-неволѣ забудешь. Скажи пожалуйста, весело въ Твери?

Викторъ.

Почему я знаю?

Любовь.

Конечно, ты вѣдь былъ очень занятъ дѣломъ. Ахъ, дѣла, дѣла! Отъ нихъ съ ума сейдешь!

Викторъ.

Именно сойдешь.

Любовь.

Все-таки ты хорошо прокатился?

Викторъ.

Отлично!

Любовь.

И милая баронесса также?

Викторъ.

Также.

Любовь.

Про Барона ужъ и говорить нечего?

Викторъ.

Онъ все спалъ.

Любовь.

Какой милый!

Викторъ.

Прекрасный человѣкъ!

Любовь.

Отличный! На немъ хоть воду вози. (*Мьняя тонъ.*) Однако, Викторъ, когда ты прочтешь всѣ извѣстія изъ Калькуты, обрати вниманіе на папеньку, онъ желаетъ съ тобой познакомиться.

Викторъ (*удивленный, роняетъ газету; Любовь ее поднимаетъ*).

Что ты! Гдѣ? (*Увидавъ Чернова, который стоитъ безъ движенія.*) Боже мой, Иванъ Ѳомичъ въ Москвѣ! Наконецъ-то. И не скажешь ни слова! Хорошо, Иванъ Ѳомичъ!

Черновъ.

Вы были заняты литературой, я это занятіе уважаю.

Викторъ.

Вы все такой же шутникъ. Вы меня удивили. А давно ли, позвольте спросить?

Черновъ (*грубо*).

Сейчасъ только.

Викторъ.

Тѣмъ лучше, мнѣ все-таки не такъ совѣстно. Надѣюсь, что вы у насъ погостите.

Черновъ.

Очень недолго.

Викторъ (*въ сторону*).

Ну, еще бѣда не велика.

Черновъ.

Вы знаете, что я безъ деревни, какъ рыба безъ воды. Я такъ привыкъ къ деревенскимъ порядкамъ, что не могу жить безъ нихъ. Тамъ и жить здоровѣе,—и воздухъ чище, да и совѣсть чище.

Викторъ.

Все зависитъ отъ привычки. Вотъ мы съ Любочкой не можемъ долго жить въ деревнѣ. А кстати, Иванъ Ѳомичъ, какъ вы нашли вашу дочку? Такъ же хороша, такъ же мила и такъ же любитъ своего негоднаго мужа, какъ и прежде.

Черновъ.

На мой взглядъ, у ней только одинъ недостатокъ.

Викторъ.

Догадываюсь: она потолстѣла немного.

Черновъ.

Нѣтъ, а то, что она очень васъ любитъ.

Викторъ.

Какой вы проказникъ!

Любовь (*хохочетъ, читая газету*).

Вотъ мило! Я этого не ожидала... Викторъ.

Викторъ.

Что, моя радость? (*Смотритъ на нее съ удивленіемъ, на платье и туалетъ ея.*)

Любовь.

Что ты на меня такъ смотришь?

Викторъ.

Ничего... но я не понимаю.

Любовь.

Чего не понимаешь?

Викторъ.

Вы выходили куда нибудь? Выходили?

Любовь.

Еще бы! я ходила гулять съ братомъ и еще съ однимъ господиномъ.

Викторъ (*удивленный*).

Еще съ однимъ господиномъ?

Любовь.

Да. Онъ давно желалъ со мной познакомиться; вчера Петя мнѣ его представилъ. Онъ очень хорошій молодой человѣкъ, немножко ломаный, немножко глупенекъ... но онъ очень милъ и интересенъ...

Викторъ.

Люба!

Любовь.

Что?

Викторъ.

Ты или шутишь, или я не знаю, что такое.

Любовь.

Что за шутка!

Викторъ.

Знакомство, прогулки, наряды...

Любовь.

Ты это платье видѣлъ... Что-жъ такого, я нарядилась,—я хочу нравиться и имѣть обожателей. Наконецъ, что тутъ удивительнаго, что жена твоя хочетъ быть красивой и показываться въ публику прилично одѣтой. Все это такъ просто, обыкновенно. Какъ вы скажете, папенька?

Черновъ.

Въ этомъ пока нѣтъ ничего дурнаго.

Викторъ.

Но этотъ господинъ милый, интересный.

Любовь.

Этотъ господинъ есть господинъ.

Викторъ (*громко*).

Но какъ его имя?

Любовь.

У него 15 тысячъ дохода, очень хорошій голосъ, теноръ...

Викторъ (*громче*).

Имя? Я тебя спрашиваю.

Любовь.

Лошади, экипажи: все это прелесть.

Викторъ (*съ гнѣвомъ*).

Но имя, имя? Глуха что ли ты? Его имя? (*Входитъ Иванъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же *и* Иванъ.

Иванъ.

Князь Киргизовъ.

Любовь.

Ну, вотъ онъ!

Викторъ (*въ сторону*).

Ахъ, чортъ его возьми!

Любовь.

Ты его знаешь?

Викторъ.

Насъ нѣтъ дома.

Любовь.

Что ты, въ умѣ ли? Я не прячусь ни отъ кого,—это твои же слова. (*Ивану.*) Проси!

Викторъ (*съ гнѣвомъ Ивану*).

Нѣтъ дома, говорятъ тебѣ. (*Иванъ уходитъ.*)

Любовь.

Тебя нѣтъ, такъ я дома. Я приму его въ залѣ. (*Уходитъ.*)

Викторъ.

Несчастная! (*Хочетъ идти за нею.*)

Черновъ (*останавливая его*).

Постойте!

Викторъ (*сердито вырывается*).

Оставьте!

Черновъ.

Остановитесь, я вамъ говорю. Если князь васъ увидитъ, онъ можетъ сказать вамъ: заплатите деньги и деритесь.

Викторъ (*пораженный*).

Какъ?

Черновъ.

Ну, теперь идите, коли хотите. (*Викторъ садится на стулъ и въ отчаяніи склоняетъ голову на руки.*)

(*Занавѣсъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Гостиная въ домѣ Барона, роскошно убранная и освѣщенная. Главный входъ и два другіе: одинъ въ бальную залу, другой въ комнату для игры; всѣ покрыты богатыми драпировками. По серединѣ большой столъ, покрытый приготовленной къ чаю посудой, конфектами и вазами съ цвѣтами. Направо диванъ и стулья, налѣво небольшой столикъ, покрытый альбомами, журналами, газетами, окруженный стульями.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Баронесса *и* Викторъ (*сидятъ на диванѣ*). Зябликовъ (*сидитъ у стола, гдѣ журналы, съ газетой въ рукахъ*). Баронъ (*стоитъ подлѣ большаго стола*). *Въ глубинѣ:* Дамы *и* Кавалеры (*составляютъ различныя группы*). Прислуга (*въ богатыхъ ливреяхъ разноситъ мороженое, апельсины и прочее*).

Баронъ (*предлагая Зябликову чашку чая*).

Не угодно ли?

Зябликовъ.

Благодарю, Баронъ, — я неохотникъ. (*Продолжаетъ читать.*)

Баронъ.

Тѣмъ хуже для васъ. (*Беретъ поднось съ конфектами и подноситъ дамамъ. Потомъ подходитъ къ Виктору.*) Поэты должны любить сласти.

Викторъ.

Меня увольте.

Баронъ (*ставя поднось на столъ*).

Что же касается до моей жены, то и говорить нечего, — она ненавидитъ сладкое. Мы оба любимъ другъ друга, какъ голуби, а вкусы наши діаметрально противоположны. Я люблю пирожки, а она ихъ видѣть не можетъ. Ей по вкусу устрицы, а по мнѣ хоть бы ихъ и на свѣтѣ не было. Я все ѣмъ съ сахаромъ, а она съ уксусомъ, или съ перцомъ.

Зябликовъ (*прерывая чтеніе*).

Очень понятно.

Баронъ.

Что понятно, мой милый Петръ Петровичъ?

Зябликовъ.

Баронъ — сахаръ.

Баронъ.

Сахаръ?

Зябликовъ.

А баронесса — перецъ.

Баронъ.

Перецъ?

Баронесса.

Благодарю за комплиментъ.

Зябликовъ.

Всегда къ вашимъ услугамъ.

Баронесса.

Прекрасный и оригинальный комплиментъ, такъ что можно подумать, что сейчасъ вычитали въ Будильникѣ.

Зябликовъ.

Извините, я теперь читаю Дамскій журналъ.

Баронесса.

Прекрасно! Вѣроятно статью „Искусство нравиться женщинамъ. Нравоученіе для нищихъ духомъ“?

Зябликовъ.

Нѣтъ! Тутъ есть двѣ интересныя статьи (*читаетъ*): Первая называется: „Головное украшеніе моего мужа“, а вторая: „Лирическіе полеты мотылька“.

Баронесса (*про-себя*).

Наглецъ!

Зябликовъ.

Тутъ еще стихи.

Баронъ.

Серьезные или смѣшные?

Зябликовъ.

Не умѣю сказать. Заглавіе обѣщаетъ много: „Еще одинъ поцѣлуй и умереть“.

Баронесса (*Виктору*).

Ваши?

Викторъ (*тихо*).

Осторожнѣе!

Баронъ.

Еще одинъ поцѣлуй и умереть: что нибудь смѣшное. Сдѣлайте одолженіе, прочтите.

Человѣкъ (*докладываетъ*).

Г-жа Жаворонкона и Князь Киргизовъ.

Викторъ.

Это невозможно. (*Входятъ: Любовь Ивановна и Князь Киргизовъ. Зябликовъ и всѣ гости встаютъ съ мѣстъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Любовь, Киргизовъ *и* тѣ же.

Баронъ.

Ничего невозможнаго нѣтъ на свѣтѣ.

Любовь.

Мнѣ очень совѣстно, я нарушила вашу бесѣду.

Киргизовъ.

Oh, le beau salon! C'est superbe!

Баронъ.

Вы намъ сдѣлали превосходный сюрпризъ. А ужъ мы были въ отчаяніи: вашъ негодный мужъ совсѣмъ отнялъ у насъ надежду видѣть васъ.

Любовь (*Баронессѣ*).

Хорошо ли я сдѣлала?

Баронесса.

Что-жъ тутъ дурнаго! Вы намъ сдѣлали дорогой подарокъ. Мы очень благодарны князю. Садитесь. (*Сажаетъ подлѣ себя на диванъ.*)

Баронъ (*подавая руку князю*).

Позвольте мнѣ поздравить васъ съ успѣхами, которые вы дѣлаете въ завоеваніи сердецъ нашихъ красавицъ.

Киргизовъ.

Это моя слабость... C'est mon affaire. (*Разговариваетъ тихо съ Барономъ.*)

Викторъ (*тихо Зябликову*).

Вы знаете?

Зябликовъ.

Кое-что.

Викторъ.

Вы все знаете, я вамъ повторяю.

Зябликовъ.

Какъ вамъ угодно.

Викторъ.

Я у васъ потребую объясненія по этому случаю.

Баронесса (*разсматриваетъ букетъ*).

Превосходный букетъ! Посмотрите, Викторъ Аполлонычъ,— какой прекрасный вкусъ у вашей жены.

Любовь.

Букетъ составленъ со вкусомъ, но я въ этомъ не виновата, это подарокъ князя.

Викторъ (*съ неудовольствіемъ*).

Князя?

Киргизовъ (*Барону*).

Я вамъ говорю: нѣтъ.

Баронъ (*князю*).

Ну, какъ хотите, а тутъ что нибудь должно быть.

Киргизовъ.

Rien, честное слово... sur ma foi.

Баронесса.

О чемъ вы тамъ говорите? Я слышу какія-то клятвы.

Баронъ.

Есть одно дѣльце, касающееся князя. Князь запирается, а я знаю, что это такъ же вѣрно, какъ меня зовутъ Помпеемъ.

Зябликовъ.

Я держу пари, что угадалъ. Вы говорите о пиковой девяткѣ.

Викторъ (*съ волненіемъ*).

Что такое?

Баронъ.

Браво, Петръ Петровичъ! о девяткѣ пикъ.

Киргизовъ (*важно*).

Извините, господа. Я долженъ прекратить всякій разговоръ объ этомъ предметѣ. (*Слышна музыка контраданса.*)

Баронъ.

Оставимъ девятки и обратимся къ дамамъ. Петръ Петровичъ, берите даму и не заставляйте васъ ждать. (*Всѣ гости встаютъ и уходятъ за Барономъ.*)

Зябликовъ.

Кузина, позвольте разорвать вамъ другое платье.

Любовь.

Опоздали: я обѣщала первую кадриль князю.

Князь.

Извините, первая обѣщана мнѣ. (*Подаетъ руку Любови Ивановнѣ и уходитъ въ залу.*)

Зябликовъ.

Обѣщана ему! Роптать грѣхъ! (*Подаетъ руку Баронессѣ.*) Баронесса...

Баронесса.

Извините! Я не могу. Я боюсь сдѣлать фальшивый шагъ.

Зябликовъ.

Неужели!

Баронесса.

Въ той комнатѣ играютъ, я совѣтую вамъ попытать счастія въ игрѣ, потому что кто несчастливъ въ любви... знаете?

Зябликовъ.

Совѣтамъ опытныхъ (*съ удареніемъ на этомъ словѣ*) дамъ я всегда слѣдую. Пойду искать счастія. (*Виктору тихо.*) Смотрите за княземъ. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Викторъ *и* Баронесса.

Баронесса.

Вотъ и этотъ глупенькій тоже ухаживаетъ за мной.

Викторъ.

Скажите лучше, что и этотъ глупенькій тоже жертва вашего кокетства.

Баронесса.

Когда Зябликовъ пріѣхалъ въ Москву, онъ имѣлъ видъ провинціала: въ немъ была и робость, и простота, которыя такъ нравятся женщинамъ, когда имъ успѣютъ надоѣсть изысканныя позы нашихъ присяжныхъ волокитъ. Тогда онъ мнѣ нравился, но потомъ онъ измѣнился, сталъ похожъ на всѣхъ, и съ тѣхъ поръ онъ мнѣ противенъ.

Викторъ.

И вы ему сказали очень учтиво: подите прочь.

Баронесса.

Не сказала, но дала понять. Притомъ же въ эту эпоху въ моемъ сердцѣ произошелъ радикальный переворотъ. Знакомства легкія, мимолетныя мнѣ надоѣли. Я почувствовала необходимость глубокой, бурной привязанности,—необходимость сильной страсти. Ваши стихи, Викторъ, зазвучали въ моихъ ушахъ, какъ прелюдія музыки серьезной, торжественной. Мнѣ суждено было полюбить васъ, и я васъ полюбила.

Викторъ.

Съ тѣмъ, чтобы бросить меня при первомъ удобномъ случаѣ.

Баронесса.

Вы несправедливы къ себѣ; вы не имѣете вѣры въ свои достоинства.

Викторъ.

Перестанемте забавляться. Мы находимся въ фальшивомъ положеніи. Мы оба не знаемъ, сколько дѣйствительнаго и сколько притворнаго въ нашей любви. Мы, какъ будто, съ вами играемъ двѣ трагическихъ роли въ смѣшной комедіи.

Баронесса.

Вы прежде такъ не говорили со мной.

Викторъ (*напыщенно*).

Я люблю въ васъ свѣтскую даму, люблю сферу, въ которой вы находитесь, драгоцѣнный ореолъ, который васъ окружаетъ. Но даже и этого не довольно для моего романа: въ моемъ воображеніи я окружаю васъ обаяніемъ и властью, я сажаю васъ на тронъ и издали любуюсь, какъ вы милуете и караете, даете жизнь и смерть. Да, баронесса, иной разъ я съ ума схожу. Мнѣ кажется, что вы всемогущая царица; я говорю себѣ: бѣдный поэтъ, пой красоту твоей повелительницы!

Баронесса.

Послушайте меня, Викторъ: спуститесь на землю.

Викторъ (*не слушая ее*).

А вы, баронесса, что вы любите во мнѣ? Вы не любите меня, какъ человѣка: вы любите во мнѣ только поэта, любите мои фантазіи, мои идеи. Что вы хороши и увлекательны, что вы умны и граціозны, вы слышали сотни разъ, но въ прозѣ,— въ выраженіяхъ слишкомъ обыкновенныхъ; вамъ нужно, чтобы все это было повторено въ стихахъ. И вотъ вы мнѣ говорите: я снисхожу до тебя, покрываю тебя крыломъ своимъ, счастливлю тебя своей улыбкой, шепчу тебѣ на-ухо сладкія слова любви. Поэтъ, зови Камену и пой хвалы мнѣ, баронессѣ.

Баронесса.

Довольно, довольно!

Викторъ (*перемѣнивъ тонъ*).

Мы, баронесса, главныя лица картины, но въ глубинѣ, въ тѣни другія фигуры, которыхъ мы не можемъ спрятать отъ насъ самихъ: добрый человѣкъ, который съ улыбкою жметъ мою руку,—вашъ мужъ, бѣдная женщина, которая цѣлуетъ васъ со

слезами, — моя жена, и еще строгій и неподкупный судья: это публика.

Баронесса.

Довольно, говорю я вамъ. Вы нынче нестерпимы. Вамъ бы остаться дома и разсуждать о суетѣ міра сего. Впрочемъ, я догадываюсь. Послѣ появленія вашей жены съ княземъ, я замѣтила въ васъ большую перемѣну. Вы дрожите, блѣднѣете. Короче: если къ вамъ опять вернулась супружеская любовь, да еще въ сопровожденіи ревности, такъ вы мнѣ скажите заранѣе, чтобы я могла написать на дверяхъ моего сердца: „заперто, по случаю смерти хозяина“.

Викторъ.

Ахъ!...

Баронесса.

Ну что?

Викторъ.

Вы шутите надъ вещами самыми серьезными.

Баронесса.

Напротивъ — вы принимаете за серьезное самыя пустыя вещи.

Викторъ.

Если вы меня любите, вы должны прочесть въ душѣ моей...

Баронесса.

Что тамъ читать-то?

Викторъ.

Безпокойство, подозрѣніе, боязнь, укоръ самому себѣ...

Баронесса.

Ну, я не имѣю счастія понимать васъ. Или вы, или я нездоровы сегодня. Надо привести въ равновѣсіе наши чувства, пойдемте танцовать. (*Идутъ въ залу. Входятъ Баронъ и Князь, поддерживая Любовь Ивановну.*)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Баронъ, Князь, Любовь Ивановна и тѣ же.

Баронъ (*суетливо*).

Люди... Иванъ... Петръ! Скорѣе мороженаго, пуншу, одеколону...

Баронесса.

Что сдѣлалось?

Баронъ.

Это ужасно!

Викторъ.

Ужасно?

Любовь.

Не безпокойте никого, прошу васъ.

Баронесса.

Но что же...

Любовь.

Ничего, ничего... маленькая дурнота, головокруженіе... Танцы... Жарко... Я, право, не знаю... Ну, вотъ и все прошло: я дышу свободно.

Баронъ.

Вы дышите свободно. Ну, вотъ и отлично, и я тоже свободно дышу. (*Вздыхаетъ.*)

Киргизовъ.

Садитесь... (*Сажаетъ Любовь Ивановну на диванъ.*) Cela va bien.

Любовь.

Мнѣ совѣстно, я произвожу безпорядокъ. Баронесса, сдѣлайте для меня одолженіе,—займите въ кадрили съ Викторомъ то мѣсто, которое мы съ княземъ должны были занимать.

Баронъ.

Что за одолженіе? Что за одолженіе? Баронессѣ это даже будетъ пріятно. (*Женѣ.*) Не правда ли, тебѣ будетъ пріятно?

Викторъ.

Но какъ же она?

Баронъ.

Ваша жена не имѣетъ въ васъ никакой нужды, она чувствуетъ себя очень хорошо. И кромѣ того, здѣсь князь, который можетъ ей прислуживать. Положитесь на него, какъ на каменную стѣну! Пойдемте! (*Уводитъ жену и Виктора.*)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Любовь, Князь, *потомъ* Зябликовъ.

Киргизовъ.

Я очень опечаленъ.

Любовь.

Чѣмъ?

Киргизовъ.

Не столько за васъ, сколько за себя. Я признаюсь, я эгоистъ... Я опечаленъ тѣмъ, что вы прервали лучшій моментъ моей жизни. (*Вздыхаетъ.*)

Любовь.

Мечты, князь, мечты.

Киргизовъ.

Нѣтъ, не мечты. Я видѣлъ въ васъ Терпсихору, порхающую между небомъ и землею.

Любовь (*смѣется*).

Вы переберете весь Олимпъ. Вчера я была граціозна, какъ Венера и умна, какъ Минерва, сегодня у меня крылья Терпсихоры, завтра, вѣроятно, вы мнѣ отдадите скипетръ Юноны...

Киргизовъ.

Все это значитъ...

Любовь.

Все это значитъ, что вы любите миѳологію.

Киргизовъ.

Все это значитъ, что я дуракъ и что je vous aime. (*Съ сильными жестами.*)

Любовь (*встаетъ*).

Ахъ, Боже мой! Говорите тише, васъ могутъ услышать.

Киргизовъ.

Не будьте жестоки, не презирайте мольбы души страстной... frenetique.

Любовь (*отходя*).

Тише, говорю вамъ! Мы послѣ поговоримъ.

Киргизовъ (*преслѣдуя ее*).

Ахъ, гдѣ же?

Любовь (*хочетъ идти*).

У меня дома. (*Входитъ Зябликовъ.*)

Киргизовъ (*преслѣдуя ее*).

Когда?

Любовь.

Завтра.

Киргизовъ.

Часъ?

Любовь.

Въ шесть.

Зябликовъ (*про-себя*).

То были цвѣточки, теперь ягодки.

Киргизовъ (*падая на колѣни*).

Mercі... mercі... (*Увидавъ Зябликова, быстро встаетъ*).

Зябликовъ.

Ничего, стойте, нужды нѣтъ.

Любовь.

Петръ Петровичъ!

Зябликовъ.

Я такъ мимоходомъ. Я проигрался, иду искать утѣшенья. (*Идетъ въ залу.*)

Любовь.

Остановись, мнѣ тебя нужно!

Зябликовъ.

Извините меня... (*Гости входятъ и располагаются какъ въ началѣ акта.*)

Любовь (*тихо*).

Останься, иначе онъ можетъ меня скомпрометировать. (*Подходитъ къ Киризову и тихо говоритъ съ нимъ.*)

Зябликовъ (*про-себя*).

Онъ можетъ ее скомпрометировать? Тѣмъ лучше. Мнѣ этого и хочется. Надо, во что бы то ни стало, отмстить этому поэту. (*Размышляетъ.*) Надо отнять у него жену. (*Дѣлаетъ жесты.*)

Любовь (*князю*).

Вы мнѣ вѣрите?

Киргизовъ.

Если вы меня обнадежите...

Любовь.

На этотъ разъ я подаю вамъ надежду.

Киргизовъ.

Vraiment?

Любовь.

Да.

Киргизовъ.

Très bien! Вы меня воскрешаете.

Зябликовъ (*топая ногой*).

Отлично!

Киргизовъ (*испугавшись*).

Mon Dieu!

Любовь.

Что съ тобой?

Зябликовъ.

Нечего... это у меня нервное. Это со мной всегда, какъ надѣну бѣлый галстукъ.

Киргизовъ.

Такъ вы сядьте,—mon ami.

Зябликовъ.

Merci, mon ami! Не мѣшайте мнѣ стоять на ногахъ. я вѣдь не мѣшаю вамъ стоять на колѣняхъ.

Киргизовъ.

Вашъ кузинъ всегда говоритъ глупости... toujours fou!

Зябликовъ.

Прекрасно, — значитъ, я глупъ, что... а вы умны, что... Мы такимъ образомъ дойдемъ до того, что волки станутъ баранами, а бараны волками. (*Входятъ Баронесса и Викторъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Баронесса, Викторъ *и* тѣ же.

Баронесса.

Кто же будутъ волки и кто бараны?

Зябликовъ.

Волки тѣ, которые позволяютъ себя кушать, а бараны тѣ, которые будутъ кушать. (*Тихо Виктору.*) Ваша жена назначила князю свиданіе завтра въ шесть часовъ.

Викторъ.

Что вы говорите?

Зябликовъ.

Мнѣ это не нравится, но что же дѣлать! Всѣ мы смертны.

Викторъ.

Она?

Зябликовъ.

Конечно, она. У нея такая голубиная душа. Будьте благоразумны и не выдавайте меня!

Баронесса.

Ну, вотъ, вы опять разцвѣли.

Киргизовъ.

Розы опять возвратились на свое мѣсто... à sa place.

Любовь.

Это такъ: ничего, просто глупость! Во всякомъ случаѣ, я благодарю васъ за дружбу, которую вы мнѣ оказываете.

Баронесса.

Благодарите лучше князя, онъ показалъ истинно рыцарскую услужливость.

Киргизовъ.

Ah, c'est mon devoir.

Любовь (*про-себя*).

Ну, погоди-жъ ты. (*Громко.*) Да, князю нужно отдать справедливость. Его благородство напоминаетъ времена крестовыхъ походовъ и рыцарей „Круглаго стола“.

Викторъ (*про-себя*).

Несчастная!

Зябликовъ (*Виктору*).

Успокойтесь.

Любовь.

Вы, баронесса, должны знать, какъ мы, женщины, дорого цѣнимъ преданность благороднаго сердца. (*Вздыхаетъ.*)

Викторъ.

Это ужъ слишкомъ.

Зябликовъ.

Вы поберегите себя до завтра, до шести часовъ.

Баронесса.

Я очень рада, что моя близость дѣлаетъ такія перемѣны въ дамахъ, которымъ я дѣлаю честь принимать у себя. Какой нибудь часъ вы у меня въ домѣ, и ужъ сдѣлали удивительные успѣхи. (*Про-себя.*) Вотъ тебѣ!

Любовь.

Каковъ учитель, таковы и ученики.

Баронесса.

Вы сдѣлались и граціознѣе, и находчивѣе, и остроумнѣе. Однимъ словомъ, если-бъ у меня былъ любовникъ, я только его и ревновала бы къ вашимъ улыбкамъ и къ вашимъ нѣжнымъ вздохамъ.

Любовь.

А если бы у меня былъ, я охотно уступила бы его вамъ въ полной увѣренности, что онъ былъ бы совершенно счастливъ подъ обаяніемъ вашихъ прелестей и титуловъ.

Баронесса (*про-себя*).

Деревня!

Любовь (*про-себя*).

Ругательница!

Зябликовъ.

Перестрѣлка. (*Увидя Барона.*) А вотъ подвижной лазаретъ подбираетъ мертвыхъ. (*Входятъ Баронъ и гости.*)

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Баронъ *и* тѣ же.

Баронъ (*острая нота, къ Зябликову*).

Что съ вами? Вы какъ-будто чѣмъ-то недовольны.

Зябликовъ.

Глядя...

Баронъ.

Глядя почему?

Зябликовъ.

Глядя по погодѣ. Я подозрѣваю, что теперь сѣверный вѣтеръ. Для меня сѣверный вѣтеръ — то же, что безотвязный кредиторъ. Я боюсь сѣвернаго вѣтра, какъ семи смертныхъ грѣховъ.

Баронъ.

Вамъ надо было танцовать.

Зябликовъ.

Я не могъ по неимѣнію средствъ.

Баронъ.

По неимѣнію средствъ?

Зябликовъ.

Я вамъ объясню. Я хотѣлъ танцовать съ милой сестрицей—но милая сестрица предпочла князя. Я хотѣлъ танцовать съ баронессой, вашей супругой, но баронесса, ваша супруга, предпочла поэта. Такимъ образомъ, я остался какъ ракъ на мели.

Баронъ.

Поцѣлуйте меня.

Зябликовъ.

Съ удовольствіемъ.

Баронъ.

Я узнаю въ васъ второе изданіе меня самого: и я въ подобныхъ обстоятельствахъ всегда остаюсь какъ ракъ на мели.

Баронесса.

Какія претензіи! Господинъ Зябликовъ изъ тѣхъ людей, которые всегда требуютъ, а сами ничего не даютъ. Если вамъ угодно, чтобъ Любовь Ивановна выбрала васъ своимъ кавалеромъ, вы должны были имѣть столько же любезности, сколько князь.

Киргизовъ.

Ah! Oui, c'est bon—любезности.

Баронесса.

Вы должны были посвятить себя ей, подарить великолѣпный букетъ, быть обольстительнымъ до такой степени, чтобы вырвать изъ объятій родительскихъ и привести къ намъ танцовать.

Любовь.

Ну вотъ, братецъ, вотъ тебѣ драгоцѣнные уроки, умѣй ими воспользоваться при случаѣ. Баронесса по этой части знаетъ очень много, и ей безъ спору принадлежитъ титулъ воспитательницы.

Баронесса.

Много чести для меня.

Любовь.

Только справедливость, баронесса!

Киргизовъ (*про-себя*).

Je suis faché, c'est un complot cela.

Баронъ (*Зябликову*).

Поняли?

Зябликовъ.

Еще-бы!

Баронъ.

Моя жена—единственная женщина во всей Москвѣ.

Зябликовъ.

Единственная.

Баронъ.

И достоинства ея во всей ихъ глубинѣ и обширности знаемъ только мы двое: я и онъ. (*Показывая на Виктора.*)

Зябликовъ.

Вы со стороны прозы, а онъ со стороны поэзіи.

Баронъ.

А кстати, Викторъ Аполлонычъ, мы васъ не выпустимъ сегодня безъ маленькой контрибуціи. Стиховъ намъ нужно, стиховъ. Я обѣщалъ моимъ благороднымъ друзьямъ, что они услышатъ ваши произведенія,—и они услышатъ.

Викторъ.

Сегодня я рѣшительно не могу.

Баронъ.

Ну ужъ нѣтъ, я далъ моимъ гостямъ честное слово.

Викторъ.

Спросите у вашей жены, могу ли я читать сегодня.

Зябликовъ.

И на него, должно быть, дѣйствуетъ сѣверный вѣтеръ.

Баронъ.

Ну, если не поэму, такъ идиллію, если не двѣ тысячи стиховъ, такъ хоть двѣсти, сто, пятьдесятъ, двадцать, одинъ наконецъ, но мы услышимъ. Лидочька, ты имѣешь власть надъ поэтами, скажи ему одно словечко, задѣнь его за живое.

Баронесса.

Когда идетъ рѣчь о томъ, чтобъ исполнить желаніе публики, я думаю, что Викторъ не заставитъ себя просить.

Викторъ.

Но, баронесса...

Баронесса.

Ну, будьте же любезны. (*Тихо.*) Я хочу васъ испытать.

Любовь.

Послушай, мой другъ, если баронесса приказываетъ, нужно исполнить.

Зябликовъ.

Такимъ требованіямъ не отказываютъ. Развѣ Петрарка могъ отказать въ чемъ нибудь Лаурѣ?

Викторъ (*про-себя*).

Я задыхаюсь отъ бѣшенства!

Баронесса.

Читайте, я такъ хочу.

Баронъ.

И такъ...

Зябликовъ.

Начнемъ.

Киргизовъ.

Allons donc?

Зябликовъ (*взявъ газету*).

Вотъ! Если не хотите читать своихъ стиховъ, прочитайте чужіе. „Еще поцѣлуй, и умереть“,—стихотвореніе неизвѣстнаго.

Баронъ.

Превосходно! Еще поцѣлуй, и умереть. А я-то и забылъ совсѣмъ.

Киргизовъ.

И умереть. Il y a de la tragedie là dedans?

Любовь.

А вотъ послушаемъ, такъ узнаемъ.

Зябликовъ (*подаетъ газету Виктору*).

Ученому и книги въ руки.

Викторъ (*про-себя*).

Что за мученье!

Баронесса (*тихо*).

Боитесь?... Читайте.

Викторъ (*читаетъ*).

О милый ангелъ, не зови
Моей печали непонятной!
То сердца вздохъ, но вздохъ пріятный,
То меланхолія любви.»

Баронъ.

Браво, браво! Вотъ это стихи! „То сердца вздохъ". Какъ это натурально!

Зябликовъ.

Вздохъ глубокій, какъ артезіанскій колодецъ.

Любовь.

Бѣдный поэтъ! Какъ замѣтно, что онъ въ сей юдоли плача только и живетъ для запаха лилій и журчанья ручейковъ. (*Киргизову.*) Что вы скажете, князь?

Киргизовъ.

Я всегда говорю то же, что и вы.

Баронесса.

Читайте, не выдавайте себя.

Викторъ (*читаетъ съ большимъ чувствомъ*).

«Когда тебя воображу я
Въ тотъ незабвенный, чудный мигъ,
Когда всю сладость поцѣлуя
Я, осчастливленный, постигъ: —
Я жгучей жаждою сгараю:
На пламенныхъ устахъ моихъ
Я ту же сладость ощущаю,
Твой поцѣлуй горитъ на нихъ.»

Баронъ.

Превосходно, превосходно! (*Беретъ чашку чаю и держитъ въ рукахъ.*)

Зябликовъ.

«На пламенныхъ устахъ монхъ
Я ту же сладость ощущаю,
Твой поцѣлуй горитъ на нихъ.»

Вотъ это поцѣлуй!

Викторъ (*читаетъ*).

«Одни мы были, сердца трепетъ
Любви признанья заглушалъ,
И лишь неясный робкій лепетъ
Всю силу страсти выражалъ.»

Любовь (*громко хохочетъ*).

Ха! ха! ха! ха, ха, ха!

Викторъ (*громко*).

Ну, довольно же наконецъ. (*Бросаетъ газету.*)

Баронъ.

Боже мой! Что случилось? (*Роняетъ чашку.*)

Зябликовъ.

Ничего. Разбилась. (*Показываетъ чашку. Общее смятеніе. Дамы и кавалеры встаютъ.*)

Викторъ.

Князь Киргизовъ, мнѣ нужно сказать вамъ нѣсколько словъ.

Киргизовъ.

A vos ordes. (*Подходитъ къ нему.*)

Викторъ (*тихо*).

Вы знаете мой адресъ. Я васъ жду завтра въ шесть часовъ.

Киргизовъ.

Слушаю.

Викторъ.

Намъ надо кончить наши счеты.

Киргизовъ.

Кончимте.

Викторъ.

Любовь Ивановна, батюшка насъ ждетъ. Я прошу извиненія, господа, что нарушаю вашу компанію. Съ вашего позволенія,

баронесса. Честь имѣю кланяться, баронъ. (*Уходитъ съ женой. Музыка играетъ; дамы и кавалеры уходятъ въ залъ.*)

1-й кавалеръ (*дамѣ*).

Что вы скажете?

Дама.

Скандалъ, больше ничего.

Баронъ.

Во снѣ это, или на-яву? Князь, прошу васъ дать мнѣ объясненіе по этому случаю.

Киргизовъ.

Mon Dieu! Почемъ я знаю? Господинъ Зябликовъ долженъ знать что-нибудь объ этомъ. Честь имѣю кланяться. (*Уходитъ.*)

Баронъ.

Что это значитъ, любезнѣйшій Петръ Петровичъ?

Зябликовъ.

Меня не спрашивайте. Я невиненъ, какъ устрица. Баронесса должна знать что-нибудь. Честь имѣю кланяться... (*Уходитъ.*)

Баронъ.

Лидочка!

Баронесса.

Оставьте меня, вы мнѣ давно надоѣли! Я иду спать. Занимайте ваше прекрасное общество.

Баронъ (*стоитъ, задумавшись*).

Пойду занимать общество.

(*Занавѣсъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Комната 1-го дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Любовь (*сидитъ. Входитъ*) Черновъ (*въ шляпѣ, съ палкой*).

Черновъ.

Проклятыя эти лѣстницы! (*Кладетъ палку и шляпу на стулъ.*)

Любовь.

Что вы, папаша? Вы гуляли?

Черновъ.

Гулялъ. Народу, народу! И всѣ-то бѣгутъ, скачутъ, точно сумасшедшіе. Поди-ка сюда!

Любовь (*подходитъ*).

Что̀ вамъ угодно?

Черновъ.

Ты что-то какъ-будто повеселѣе стала.

Любовь.

Вамъ кажется?

Черновъ.

Давай Богъ! Нѣтъ ли какихъ новостей, для тебя пріятныхъ?

Любовь.

Очень пріятныя.

Черновъ.

Подѣлись съ отцомъ!

Любовь.

Меня очень потѣшилъ Викторъ: онъ ушелъ съ грознымъ видомъ и въ глубокомъ молчаніи.

Черновъ.

Смотри, дочка! Это шутки плохія.

Любовь.

Нѣтъ, я знаю, что дѣлаю; я начала и должна кончить. Останавливаться нельзя; эта попытка стоила мнѣ многихъ слезъ и униженія.

Черновъ.

Но твой мужъ, несчастная?

Любовь.

Онъ исправится.

Черновъ.

Онъ?

Любовь.

Исправится, говорю вамъ. Я въ этомъ дѣлѣ медикъ, а къ медикамъ нужно имѣть довѣріе.

Черновъ.

Ну, если ты медикъ, такъ медики должны знать все, — отъ нихъ ничего скрывать не должно.

Любовь.

Что такое? Вы меня пугаете.

Черновъ (*даетъ ей письмо*).

Читай!

Любовь (*читаетъ*).

„Другъ мой, Иванъ Ѳомичъ, я обѣщалъ тебя увѣдомлять о поведеніи твоего зятя въ Москвѣ и всегда дѣлалъ это съ охотою. Но сегодня я бы съ удовольствіемъ сложилъ эту обязанность на кого нибудь другаго: такъ она мнѣ тяжела и непріятна. Въ ночь 4-го февраля...“ (*Читаетъ про-себя и потомъ нѣсколько времени остается въ задумчивости.*) Это жестоко, папаша!

Черновъ.

Что жестоко? Но я ли жестокъ?

Любовь.

Вы лишаете меня послѣдней надежды.

Черновъ.

А хорошіе медики никогда не отчаяваются. Будь смѣлѣе!

Любовь.

Ахъ, папаша! Смѣлѣе. Смѣлость у меня есть, но...

Черновъ.

Что же „но?“

Любовь.

Медикъ-то я хорошій, да медикаментовъ-то у меня нѣтъ.

Черновъ.

Какихъ это медикаментовъ?

Любовь.

Догадайтесь, папа! (*Ласкаясь къ нему.*)

Черновъ.

Пилюль,—только золотыхъ.

Любовь.

Ну, вотъ вы и догадались.

Черновъ.

Ну, такъ прописывай, а ужъ я, такъ и быть, отпущу.

Любовь (*обнимая*).

Ахъ, какъ я вамъ благодарна!

Черновъ.

Тише! Кажется, онъ идетъ. Я тебя съ нимъ оставлю. Займись работой и не подавай ему виду.

Любовь.

Не безпокойтесь, я свое дѣло знаю. (*Черновъ уходитъ. Любовь садится къ столу. Викторъ входитъ съ пистолетами въ рукахъ, кладетъ ихъ на письменный столъ и тихими шагами подходитъ къ женѣ.*)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Любовь *и* Викторъ.

Викторъ.

Теперь шесть часовъ безъ четверти, видите? (*Показывая часы.*)

Любовь.

Ну, такъ что же?

Викторъ.

Я хочу сказать, что тотъ, кого вы ждете, долженъ явиться скоро.

Любовь.

Я никого не жду.

Викторъ.

Вы, милостивая государыня, слишкомъ равнодушно относитесь къ вашимъ приглашеніямъ.

Любовь.

Приглашеніямъ?

Викторъ.

А князь Киргизовъ?

Любовь (*смѣется*).

Да, вы правы. Бѣдный князь! онъ у меня изъ головы вонъ.

Викторъ.

Я васъ предупреждаю, что я сегодня не расположенъ смѣяться.

Любовь.

А я напротивъ. Если вы думаете, что я непремѣнно должна раздѣлять вашу меланхолію, такъ вы ошибаетесь.

Викторъ.

Вотъ видите ли, по странному стеченію обстоятельствъ, я тоже жду князя и именно въ этотъ часъ.

Любовь.

Тѣмъ лучше.

Викторъ.

Мнѣ нужно съ нимъ объясниться.

Любовь.

И отлично.

Викторъ.

Мы будемъ драться, сударыня.

Любовь.

Ну, вотъ этому я не вѣрю.

Викторъ.

Я повторяю, что мы будемъ драться.

Любовь.

А я повторяю, что не вѣрю. Если-бъ вы имѣли это намѣреніе, такъ вы бы дрались на другой день послѣ ночи 4-го февраля.

Викторъ.

Что?

Любовь.

Уберите это оружіе! Если вы тогда не имѣли на столько благородства, чтобы взять его въ руки, когда васъ оскорбляли, на что теперь оно?

Викторъ.

Ночь 4-го февраля!

Любовь.

Да; эта ночь была позоромъ для васъ, для меня и для всѣхъ, кто хотѣлъ уважать васъ, не зная вашего униженія.

Викторъ.

Молчите!

Любовь (*встаетъ*).

Вотъ вамъ: столъ покрытый серебромъ и золотомъ, карты! Князь Киргизовъ держитъ банкъ. Человѣкъ съ важнымъ видомъ, со святымъ вдохновеніемъ на челѣ, съ возвышенными фразами на устахъ, однимъ словомъ, поэтъ, увлекся блескомъ презрѣннаго металла, ставитъ карту, проигрываетъ, другую тоже. шесть, десять, двадцать. Человѣкъ со вдохновеніемъ на челѣ теряетъ разсудокъ, даже стыдъ. Онъ проигрываетъ шестьсотъ, тысячу рублей на слово князю Киргизову. Тутъ одна карта случайно упала на полъ... Прекрасный случай, фантазія нашего поэта разыгрывается. ...„Князь Киргизовъ, девятка пикъ упала изъ вашего рукава“. Что вы говорите, несчастный! Я говорю, что вы шуллеръ! Я сейчасъ же требую отъ васъ удовлетворенія. Я не дерусь съ шуллерами. И человѣкъ съ вдохновеніемъ на челѣ имѣлъ столько храбрости, что бѣжалъ изъ дому, при оскорбленіяхъ и насмѣшкахъ своего кредитора и при свисткахъ всей компаніи. Для всякаго другаго это было бы не простой карточной ссорой, а вопросомъ совѣсти и чести; но для дѣтей Аполлона это ничего, мы забываемъ стыдъ и поемъ.

Викторъ.

Довольно, довольно! Развѣ ты не видишь, что я умираю? Не видишь ты, что у меня на лицѣ отчаяніе и смерть?

Любовь.

Ну, вотъ, теперь я повѣрю, что вы будете драться.

Викторъ.

Ты хочешь, чтобъ я былъ убитъ?

Любовь.

Ахъ, нѣтъ! напротивъ, я хочу, чтобъ ты остался живъ. Къ тебѣ возвращаются благородные инстинкты: это хорошая перемѣна; можно надѣяться, что ты вообще исправишься.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Слуга *и* тѣ же.

Слуга.

Князь Киргизовъ.

Любовь.

Проси! (*Слуга уходитъ.*) А вы уходите вотъ сюда. (*Показываетъ налѣво.*)

Викторъ.

Я?

Любовь.

Уходите!

Викторъ.

Но...

Любовь.

Ну же! Здѣсь насъ только двое! У одного изъ насъ совѣсть чиста. Если это вы: поднимите голову и смотрите мнѣ въ глаза прямо. Если нѣтъ, — уходите. (*Викторъ уходитъ сконфуженный. Любовь покрываетъ пистолеты платкомъ, потомъ садится въ кресла. Входитъ Киргизовъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Любовь *и* Киргизовъ.

Киргизовъ.

Madame!

Любовь (*любезно*).

Князь!

Киргизовъ.

Одни?

Любовь.

Одна съ вами.

Киргизовъ.

Одни!

Любовь.

Что-жъ, развѣ вамъ это не нравится?

Киргизовъ.

Нѣтъ, mon Dieu, но...

Любовь.

Но что же?

Киргизовъ.

Вотъ видите ли, вашъ мужъ...

Любовь.

Вы боитесь моего мужа? Мой мужъ не гіенна. Во всякомъ случаѣ, будьте покойны: Виктора нѣтъ дома и онъ прежде ночи не возвратится.

Киргизовъ.

А! Нѣтъ дома?

Любовь.

Да.

Киргизовъ.

И прежде ночи не возвратится?

Любовь.

Да.

Киргизовъ (*про-себя*).

Онъ шутитъ со мной. C'est horrible. Итакъ, тѣмъ лучше, я пользуюсь счастливымъ обстоятельствомъ, чтобъ изъявить вамъ чувства моего... de mon cœur... чтобы сказать вамъ, сколько я страдалъ и какія питалъ надежды, чтобъ повторять вамъ безконечно, что я васъ люблю, que je vous aime и что жду отъ васъ слова, въ утѣшеніе... (*Становится на колѣни.*)

Любовь.

Князь, вотъ ужъ другой разъ въ одни сутки я вижу васъ въ такомъ положеніи. Это ужъ слишкомъ....

Киргизовъ.

Я не тронусь съ мѣста! Ваше слово, ваше слово!

Любовь.

Позвольте. Князь, вы негодный человѣкъ!

Киргизовъ.

Ахъ! (*Встаетъ.*)

Любовь.

На мой взглядъ, вы негодный человѣкъ.

Киргизовъ.

Въ какомъ смыслѣ?

Любовь.

Берите стулъ и садитесь.

Киргизовъ (*беретъ стулъ*).

Я васъ слушаю.

Любовь.

Поговоримъ откровенно. Вы представьте себѣ, что разговариваете съ сестрой.

Киргизовъ.

О, извольте! (*Въ сторону.*) Je m'agite.

Любовь.

Вы встрѣчаете на улицѣ, въ театрѣ, или гдѣ нибудь, красивую женщину, желаете съ ней познакомиться, сблизиться, это очень естественно. Но только что она учтиво допустила васъ въ свой домъ, только что дружески протянула вамъ свою руку,—вы ужъ сейчасъ думаете, что имѣете право сомнѣваться въ ея чести. Я очень хорошо знаю, что по-свѣтски все это ничего не значитъ; но на языкѣ обыкновенныхъ честныхъ людей такіе поступки называются прямо своимъ именемъ, то есть: дурными и безчестными.

Киргизовъ (*встаетъ съ неудовольствіемъ*).

C'est juste. Ваша проповѣдь очень хороша, но ко мнѣ не относится.

Любовь.

Почему же?

Киргизовъ.

Потому что я не люблю васъ.

Любовь (*смѣется*).

Я это знаю.

Киргизовъ.

Вы знаете?

Любовь.

Да какже не знать. Милый мой, любовь сказывается въ глазахъ, а не въ колѣняхъ. Она выражается молчаніемъ, а не объясненіемъ. А вы ужъ слишкомъ много преклоняли колѣна и объяснялись.

Киргизовъ.

Madame!

Любовь.

Что вамъ угодно?

Киргизовъ.

Я начинаю думать...

Любовь.

О чемъ думать, князь?

Киргизовъ.

О томъ, что вы очень хорошая женщина, une veritable femme.

Любовь.

Неужели? Ну, такъ садитесь и поговоримъ немного.

Киргизовъ (*про-себя*).

Mais, c'est un demon...

Любовь.

Если вы меня не любите, зачѣмъ же вы пріѣзжаете ко мнѣ и компрометируете имя и репутацію честной женщины?

Киргизовъ.

Зачѣмъ? Ну, я вамъ этого сказать не могу.

Любовь.

Ну, такъ я вамъ скажу. Тутъ очень дурной, очень злой умыселъ, недостойный благороднаго человѣка. Мой мужъ виноватъ передъ вами, очень виноватъ! Не удивляйтесь, я все знаю. Онъ долженъ былъ дать вамъ удовлетвореніе и отказался. Вы хотѣли отомстить ему. Вы сказали себѣ: Викторъ оскорбилъ мою честь въ четырехъ стѣнахъ и при небольшомъ числѣ свидѣтелей. Ну, такъ оскорбленіе за оскорбленіе: я ему заплачу во сто разъ, я внесу стыдъ въ его домъ и разглашу по площадямъ его безчестье. Вы это сказали, князь, и хотѣли сдѣ-

лать. Сегодня идутъ разговоры по Москвѣ: „вчера былъ скандалъ у Барона. Кто? Какъ? Отчего? Застали князя Киргизова на колѣняхъ передъ женой Виктора Жаворонкова". (*Встаетъ.*) Благодарю, князь, благодарю! Если вы и теперь желаете удовлетворенія, мы согласны. Выбирайте секунданта, у мужа я буду секундантомъ. (*Князь стоитъ пораженный. Выходитъ Викторъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Викторъ *и* тѣ же.

Викторъ.

Ты ангелъ! Я тебя не стою.

Киргизовъ.

Vraiment! Я и вы не стоимъ одного ея пальца.

Викторъ.

Я обѣщалъ вамъ кончить свои счеты съ вами. Мы оба другъ у друга въ долгу; какъ же мы разсчитаемся?

Киргизовъ.

А вотъ какъ будетъ угодно вашей женѣ. Я все предоставляю ей.

Любовь.

Неужели, князь?

Киргизовъ.

Oui, madame.

Любовь.

Довѣріе ко мнѣ полное?

Киргизовъ.

Полное.

Любовь.

Безграничное?

Киргизовъ.

Безграничное.

Любовь.

Ну, такъ слушайте. Ваши счеты равны и я ихъ разрываю.

Киргизовъ (*Виктору*).

Вашу руку!

Любовь.

Погодите, князь! Мы кончили счеты моральные, теперь остаются долги денежные, которые нужно платить непремѣнно. (*Входитъ Черновъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Черновъ *и* тѣ же.

Викторъ.

Ахъ, это онъ еще здѣсь!

Киргизовъ.

Кто этотъ господинъ?

Любовь.

Этотъ господинъ мой отецъ.

Киргизовъ.

Что ему угодно?

Любовь.

Увидимъ.

Черновъ (*подавая Киргизову переводное письмо*).

Князь Киргизовъ, деньги заплачены.

Киргизовъ (*читаетъ*):

По сему переводному письму... Иванъ Черновъ.

Викторъ.

Благодѣтель мой!

Киргизовъ.

Я не принимаю этого письма, господинъ Черновъ.

Черновъ.

Карточные долги нужно платить, князь.

Киргизовъ.

Эти деньги не пойдутъ въ прокъ, какъ сказалъ Вольтеръ, а я ему вѣрю.

Любовь.

Князь, не спорьте: вы довѣрились мнѣ.

Киргизовъ.

C'est-a-dire?

Любовь.

Кладите въ карманъ и не разговаривайте.

Киргизовъ.

Кладу въ карманъ и не разговариваю. (*Входитъ Зябликовъ.*)

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Зябликовъ *и* тѣ же.

Зябликовъ (*въ дверяхъ*).

Можно войти?

Любовь.

Вы очень кстати. Пожалуйте!

Зябликовъ.

Ничего не пожалую. (*Становится на колѣна на порогѣ.*) Это положеніе не мое, а князя Киргизова, но я нахожу его удобнымъ и принимаю.

Киргизовъ.

Le coquin!

Черновъ.

Ну тебя съ глупостями-то!

Зябликовъ.

Дядюшка, вы нашъ благодѣтель, я васъ люблю, уважаю, почитаю, но не двинусь съ мѣста. Я надѣлалъ преступленій и ожидаю рѣшенія. Если нужно молить боговъ, молите! Если нужно жертвоприношеніе—вотъ жертва! Нужно козла очищенія—вотъ козелъ. Приносите меня въ жертву. (*Наклоняетъ голову.*)

Киргизовъ.

Ah, ah! C'est beau cela!

Любовь.

Ну, негодный, въ силу даннаго мнѣ полномочія, я васъ прощаю, и приказываю вамъ встать на ноги.

Зябликовъ.

Значитъ, амнистія?

Любовь.

Амнистія.

Зябликовъ.

Въ этомъ случаѣ, я принимаю опять перпендикулярное положеніе и спѣшу облобызать милующую меня руку. (*Увидавъ пистолеты.*)

Киргизовъ.

Опять?

Зябликовъ.

Любезный братецъ, во-первыхъ, поэты должны пѣть, а не драться; во-вторыхъ, дуэль вещь возмутительная. Кому принадлежитъ этотъ артиллерійскій паркъ?

Викторъ.

Кому они принадлежали, тотъ ужъ сдался на капитуляцію. (*Входитъ Иванъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ же *и* Иванъ, *потомъ* Баронъ *и* Баронесса.

Иванъ.

Карета барона. (*Всѣ удивлены.*)

Любовь.

Во-время.

Баронъ (*за кулисами*).

Гдѣ они? Здоровы ли? (*Входитъ.*) Ахъ, слава Богу! Иди, Лидочка, иди, они всѣ живы. (*Входитъ Баронесса.*) Представьте: мы сегодня весь день какъ на иголкахъ. По Москвѣ идутъ Богъ знаетъ какіе толки о вчерашнемъ происшествіи въ моемъ домѣ. Но все бы это ничего, мы бы не обратили вниманія, но Алексѣй, нашъ кучеръ, встрѣтилъ сегодня нашего общаго друга на улицѣ съ пистолетами въ рукахъ. Пистолеты! Ужъ я не говорю, какъ мы испугались: я и это бѣдное созданіе. (*Показывая на Баронессу.*) Надо было узнать, увидать, убѣдиться, услышать своими ушами, ощупать своими руками. И вотъ черезъ двѣ минуты мы здѣсь, и желаемъ получить необходимыя свѣдѣнія объ этомъ печальномъ эпизодѣ нашей жизни. (*Любовь, Зябликовъ и Викторъ хохочутъ.*)

Баронъ.

Что-жъ это значитъ, Лидочка: они смѣются?

Баронесса.

Въ самомъ дѣлѣ, это очень загадочно.

Любовь.

Загадка тутъ есть.

Зябликовъ.

Есть.

Киргизовъ.

Есть.

Любовь.

Но она легко отгадывается: мы всѣ шутили.

Зябликовъ.

Шутили.

Баронъ.

Какъ, какъ, какъ? Сцена прошлой ночью?

Любовь.

Шутка.

Зябликовъ.

Шутка.

Киргизовъ.

Une plaisanterie.

Баронъ.

А пистолеты?

Любовь.

Шутка.

Зябликовъ.

Шутка.

Киргизовъ.

Une plaisanterie.

Баронесса (*тихо*).

А ваша ревность?

Любовь.

Тоже шутка,—какъ и ваша любовь.

Баронъ.

Сударыня, я не жалуюсь, я не дѣлаю вамъ упрековъ. Но общественное мнѣніе, но строгій судъ свѣта?

Любовь.

Успокойтесь! То, что происходило въ вашемъ домѣ, до васъ нисколько не касается.

Зябликовъ.

Нисколько.

Любовь.

О Баронессѣ кто же имѣетъ говорить что нибудь?

Зябликовъ.

Никто.

Киргизовъ.

Personne.

Любовь.

Мой братецъ Зябликовъ не боится строгаго суда свѣта. Князь выше предразсудковъ.

Киргизовъ.

Oui, madame.

Любовь.

Остаемся Викторъ и я... а мы поищемъ спасенія отъ злословія и клеветы гдѣ нибудь подальше, хоть на берегахъ Волги. (*Обнимаетъ отца.*)

Черновъ.

Такъ-то вотъ лучше.

Зябликовъ.

На подножный кормъ.

Баронесса (*Виктору тихо*).

Это правда? Вы оставляете Москву?

Викторъ (*тихо*).

Меня похищаетъ жена.

Баронесса (*про-себя*).

Ребенокъ!

Баронъ (*тихо*).

Madame, позвольте мнѣ исполнить долгъ дружбы. — Говорятъ, что вчерашніе стихи писалъ вашъ мужъ. (*Подаетъ ей газету.*)

Любовь.

Баронъ, позвольте мнѣ исполнить долгъ благодарности. Это писала ваша жена.

Киргизовъ (*Зябликову*).

Ou'est ce que, c'est que ca?

Зябликовъ.

Увидишь.

Любовь (*читаетъ*).

Еще поцѣлуй, и умереть... (*Продолжаетъ про-себя*)

Баронъ (*Читаетъ*).

Этотъ дуракъ, мой мужъ... (*Читаетъ про-себя.*)

Викторъ.

Что̀ это такое?

Любовь.

Ничего. Шарада. Мы ее разгадаемъ въ деревнѣ.

Баронесса (*Барону*).

Что̀ это такое?

Баронъ.

Ничего, шарада. Мы ее разгадаемъ въ каретѣ.

Баронесса (*Зябликову*).

Вашу руку.

Зябликовъ.

Извините, я боюсь сдѣлать фальшивый шагъ.

Баронесса (*Князю*).

Вашу руку, князь!

Киргизовъ.

Pardon, у меня есть важное дѣло.

Баронесса (*мужу*).

Вашу руку, негодный!

Баронъ.

Это я слышу въ первый разъ въ жизни.

Баронесса.

Я задыхаюсь отъ бѣшенства! (*Уходитъ, таща за собой Барона.*)

Любовь.

Ну, папаша, что же вы скажете?

Черновъ.

Скажу, что въ Москву ѣхать мнѣ было скучно, а изъ Москвы будетъ весело.

Викторъ.

Вмѣстѣ съ дѣтьми.

Черновъ.

Хорошо бы!

Зябликовъ.

И съ племянникомъ.

Любовь.

И ты тоже?

Зябликовъ.

Да, ѣду въ деревню — возвратить разсудокъ и поправить аппетитъ.

Любовь.

И увидишь Лизу, которая все еще тебя любитъ.

Зябликовъ.

Меня любитъ? Ну, такъ я женюсь на ней. А вы, князь: вы остаетесь въ Москвѣ, такъ если какая нибудь баронесса или танцовщица спроситъ васъ объ Викторѣ или обо мнѣ — вы скажете: „Заблудшія овцы возвратились въ овчарню".

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

А. Н. Островскій.

Изданіе Н. Г. Партынова.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

А. Н. ОСТРОВСКАГО.

ДРАМАТИЧЕСКІЕ ПЕРЕВОДЫ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1886.

А. Н. Островскій.

СОБРАНІЕ

ДРАМАТИЧЕСКИХЪ

ПЕРЕВОДОВЪ.

ТОМЪ II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книжнаго магазина Н. Г. МАРТЫНОВА.
1886.

Въ типографіи В. Безобразова и Комп
(Вас. Остр., 8 линія, № 45).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Усмиреніе своенравной. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. *В. Шекспира* 1

Добрый баринъ. Шутка въ одномъ дѣйствіи. (Заимствовано) 105

Семья преступника Драма въ пяти дѣйств. *П. Жакометти.* 136

Рабство мужей. Комедія въ трехъ картинахъ. (Сюжетъ заимствованъ изъ французской пьесы: «Les maris sont esclaves» par *A. de Leris.*) 214

Великій банкиръ. Комедія въ двухъ частяхъ. *Итало Франки.* 275

ДРАМАТИЧЕСКІЕ ПЕРЕВОДЫ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

УСМИРЕНІЕ СВОЕНРАВНОЙ.

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

В. ШЕКСПИРА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Баптиста—богатый падуанскій дворянинъ.
Винченціо—старый дворянинъ изъ Пизы.
Люченціо—сынъ его, влюбленный въ Бьянку.
Петручіо—дворянинъ веронскій, женихъ Катарины.
Греміо, **Гортензіо** } женихи Бьянки.
Траніо, **Біонделло** } слуги Люченціо.
Груміо, **Куртисъ** } слуги Петручіо.
Старый педантъ, представляющій Винченціо.
Катарина, **Бьянка** } дочери Баптисты.
Вдова.
Портной и разносчикъ.
Слуги Баптисты и Петручіо.

Дѣйствіе происходитъ частью въ Падуѣ, частью въ загородномъ домѣ Петручіо.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА ВЪ ПРОЛОГѢ:

Лордъ.
Христоферъ Сляй—пьяный мѣдникъ.
Хозяйка.
Пажъ.
Актёры.
Охотники и слуги, сопровождающіе лорда.

ПРОЛОГЪ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

У дверей кабачка. Пустынная мѣстность.

Входятъ Хозяйка *и* Сляй.

Сляй.

Ей-Богу, я тебя отдую.

Хозяйка.

Въ колодки бы тебя, мошенника!

Сляй.

Ахъ, ты сволочь! Сляи никогда не были мошенниками; справься со старыми лѣтописями: мы пришли въ Англію съ Ричардомъ-Завоевателемъ. Поэтому — paucas pallabris; пускай все идетъ своимъ чередомъ! sessa!

Хозяйка.

Такъ ты не заплатишь мнѣ за разбитую посуду?

Сляй.

Ни денежки. Ступай, ради святаго Іеронима, ложись въ холодную постель и погрѣйся тамъ.

Хозяйка.

Ну, такъ хорошо же, я знаю средство: я приведу десятскаго. (*Уходитъ.*)

Сляй.

Хоть десятскаго, хоть сотскаго, хоть тысяцкаго: я знаю, что отвѣчать по закону. Я, братецъ, ни на вершокъ не сдвинусь съ мѣста! Пусть ихъ приходятъ на здоровье.

(*Ложится на землю и засыпаетъ. Слышенъ звукъ охотничьихъ роговъ.*)

Входятъ Лордъ *въ охотничьемъ платьѣ*, слуги *и* охотники.

Лордъ.

Ты, доѣзжачій, береги собакъ-то!
Веселый-гончій выбился изъ силъ;
А Злобнаго сосворить бы съ Горланомъ.
А видѣлъ ты, какъ Серебро махнулъ

Въ углу у тына ужъ остывшимъ слѣдомъ?
Давай мнѣ двадцать фунтовъ—не продамъ.

1-й охотникъ.

Ну, право, лордъ, Звонокъ ни чѣмъ не хуже:
Онъ лаялъ, даже потерявши слѣдъ
И находилъ его опять два раза.
Повѣрьте, лордъ, онъ—лучшая собака.

Лордъ.

Ты, братецъ, глупъ. Будь Эхо побыстрѣй—
Онъ стòилъ бы двѣнадцати Звонковъ.
Корми ихъ лучше, вообще заботься:
Мы завтра тоже ѣдемъ на охоту.

1-й охотникъ.

Не безпокойтесь, лордъ.

Лордъ.

А это что?
Мертвецъ иль пьяный? Дышетъ посмотри-ка!

2-й охотникъ.

Онъ дышетъ, лордъ. Но не нагрѣйся пивомъ,
Въ такой постелѣ крѣпко не заснуть бы.

Лордъ.

Безпутный скотъ: разлегся какъ свинья.
Ужасна смерть; подобіе же—гнусно.
Ребята, надо пошутить съ пьянчугой!
Что, если-бъ вы снесли его въ постель—
Да въ тонкое бѣлье—на пальцы перстни,
Къ кровати ближе добрую закуску,
А подлѣ—слуги. Нищій нашъ, проснувшись,
Я думаю, себя-то не узнаетъ?

1-й охотникъ.

Да, непремѣнно. Вѣрьте, не узнаетъ.

2-й охотникъ.

Вотъ странное-то будетъ пробужденье!

Лордъ.

Мечтаньемъ, сномъ покажется ему.
Берите-жъ—и ведите шутку тоньше:
Снесите тихо въ лучшій мой покой;

Развѣсьте соблазнительныхъ картинокъ;
Башку ему водой обмойте теплой;
Смолой пахучей надушите въ спальнѣ.
Готовьте музыку—и лишь проснется,
Чтобъ издавала сладостные звуки.
Лишь ротъ разинетъ—всѣ вы въ струнку живо
И съ низкимъ и почтительнымъ поклономъ
Скажите: „что угодно вашей чести?“
Тотъ съ тазомъ стой серебрянымъ, наполнивъ
Его цвѣтами; съ розовой водой
Другой кувшинъ неси; салфетку третій—
Молъ „не угодно-ль вашей чести мыться?“
Одинъ внесетъ роскошныя одежды
И спроситъ: „что надѣть угодно будетъ?“
Другіе скажутъ про собакъ, про коней
И что его болѣзнь жену печалитъ.
Сказать ему, что онъ съ ума сходилъ,
А вспомнитъ, кто онъ—говорить, что бредитъ,
Что онъ не кто другой, а славный лордъ.
Устройте это хорошенько, братцы!
Отличная у насъ забава будетъ,
Коль вы скромненько дѣло поведете.

1-й охотникъ.

Милордъ, повѣрьте, мы сыграемъ роли
Съ такою скромностью, что онъ повѣритъ,
Что онъ тотъ самый, какъ ему сказали.

Лордъ.

Берите же, несите полегоньку—
И по мѣстамъ, лишь только онъ проснется.

(*Сляя уносятъ. Трубы.*)

Что тамъ за трубы—погляди поди!
Ужь вѣрно лордъ какой-нибудь желаетъ
Здѣсь отдохнуть, проѣздивши весь день.

Входитъ Слуга.

Лордъ.

Ну, кто же?

Слуга.

Съ позволенья вашей чести,
Актёры предлагаютъ вамъ услуги.

Лордъ.

Ну, пусть они войдутъ.

Входятъ Актеры.

Лордъ.

Здорово, братцы!

Актеры.

Благодаримъ покорно вашу милость.

Лордъ.

Хотите вы здѣсь на ночь оставаться?

Актеры.

Угодно-ль вамъ, а мы служить готовы.

Лордъ.

Я радъ. Мнѣ помнится, вотъ этотъ парень
Игралъ однажды фермерскаго сына:
Ты волочился, помнишь, за дворянкой.
Забылъ, какъ звать тебя, но въ этой роли
Игралъ ты просто и съ большимъ талантомъ.

1-й актеръ.

Вы говорить изволите про Сото.

Лордъ.

Да, правда. Ты сыгралъ его отлично.
Какъ-разъ вы во-время ко мнѣ попали;
Тѣмъ болѣе, что я придумалъ шутку,
Въ которой вы мнѣ можете помочь.
Вы будете играть предъ важнымъ лордомъ;
Но я боюсь, друзья, за вашу скромность,
Что, видя странные его поступки —
Онъ никогда не видывалъ театра —
Вы не удержите себя отъ смѣха
И тѣмъ его обидите; вы знайте,
Что онъ разсердится при вашемъ смѣхѣ.

1-й актеръ.

Не бойтесь, ваша честь, не засмѣемся,
Будь онъ чудакъ забавнѣйшій на свѣтѣ.

Лордъ.

Эй, малый, проведи ихъ до буфета

И угости какъ можно порадушнѣй!
Что есть у насъ—давай имъ безъ отказу.

(*Актеры и одинъ изъ слугъ уходятъ.*)

А ты скажи пажу Варфоломею,
Чтобъ одѣвался въ женскую одежду;
Когда-жь одѣнется, веди къ пьянчугѣ,
Зови „madame“ и будь съ нимъ поучтивѣй.
Скажи, что если заслужить онъ хочетъ
Любовь мою, чтобъ велъ себя важнѣе;
Какъ замѣчалъ онъ въ благородныхъ дамахъ,
Какъ тѣ ведутъ себя передъ мужьями,
И онъ бы такъ же обходился съ пьянымъ.
Пусть скажетъ нѣжнымъ голосомъ, учтиво:
„Что приказать угодно вашей чести,
Чтобы могла я, нѣжная супруга,
Исполнить долгъ и доказать любовь?“
Пусть, нѣжно обнимая и цалуя
И голову склонивъ къ нему на грудь,
Онъ проливаетъ радостныя слезы,
Что мужъ избавился отъ той болѣзни,
Въ которой онъ считалъ себя напрасно
Два семилѣтія бѣднѣйшимъ нищимъ.
А если мальчикъ не имѣетъ женской
Способности когда угодно плакать,
Головка луку очень помогаетъ:
Въ платокъ его припрятать хорошенько,
Тогда глаза заплачутъ поневолѣ.
Смотри же, кончи поскорѣй, какъ можно,
Потомъ еще получишь приказанье. (*Слуга уходитъ.*)
Я знаю, мальчикъ очень ловко приметъ
И женскій видъ, и поступь, и наружность.
Послушать бы, какъ пьяницу онъ будетъ
Звать мужемъ; какъ отъ смѣха удержаться
Стараться будутъ люди, угождая
Почтительно простому мужику.
Пойду еще ихъ поучу: со мною
Они умѣрятъ лишнюю веселость,
А то, пожалуй, выйдутъ изъ границъ. (*Уходитъ.*)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Спальня въ домѣ Лорда.

Сляй—неодѣтый; кругомъ слуги: одинъ держитъ платье, другіе тазъ, рукомойникъ и принадлежности. Входитъ Лордъ, *одѣтый слугою.*

Сляй.

О, ради Бога, кружку пива мнѣ!

1-й слуга.

Вамъ не угодно-ль сладкаго вина?

2-й слуга.

Варенья вашей чести не угодно-ль?

3-й слуга.

Какое платье вамъ надѣть угодно?

Сляй.

Я Христоферъ Сляй—не зовите меня ни лордомъ, ни вашей честью. Я въ жизни моей не пилъ сладкаго вина, а что касается варенья, то дайте мнѣ варенья изъ говядины. Не спрашивайте меня никогда, какое платье я надѣну, потому-что у меня кафтановъ не больше чѣмъ спинъ, чулокъ столько, сколько икръ, а башмаковъ—сколько ногъ; да еще иногда ногъ бываетъ больше, а то такъ башмаки такіе, что сквозь нихъ пальцы видны.

Лордъ.

О, небо, прекрати его безумство!
Могучій лордъ извѣстнѣйшаго рода,
Съ такимъ владѣніемъ, съ такимъ почетомъ—
И о себѣ такъ низко помышляетъ!

Сляй.

Что такое? Вы хотите свести меня съ ума. Развѣ я не Христоферъ Сляй, сынъ стараго Сляя, изъ Буртонской пустыни, родомъ разносчикъ, по воспитанію чесальщикъ, по обстоятельствамъ вожакъ медвѣдей, а теперь мѣдникъ? Спросите Маріану Гаккетъ, толстую цаловальничиху въ Винкотѣ, знаетъ ли она меня. Если она не считаетъ за мной четырнадцати пенсовъ за

варникское пиво, то считайте меня самымъ лживымъ мерзавцемъ во всемъ христіанствѣ. Не околдованъ же я! Вотъ...

1-й слуга.

Вотъ это и печалитъ вашу лэди.

2-й слуга.

Вотъ оттого и слуги ваши плачутъ.

Лордъ.

Вотъ отъ чего не ѣздятъ къ вамъ родные,
Испуганные вашимъ сумасбродствомъ.
Вы вспомните свое происхожденье,
Возьмите, лордъ, вашъ прежній образъ мыслей
И прогоните эти сны пустые.
Взгляните, лордъ: готовы ваши слуги —
Всѣ по мѣстамъ, ждутъ вашего кивка.
Вамъ музыки? Такъ слушайте — играетъ
Самъ Аполлонъ и соловьи поютъ. (*Музыка.*)
Угодно спать? Проводимъ васъ въ постелю,
Которая и мягче, и покойнѣй
Семирамиды сладострастныхъ ложъ.
Гулять угодно? — мы цвѣты разсыплемъ;
Кататься? — на коня сѣдло надѣнемъ
И съ жемчугами золотую сбрую.
Поѣхать съ соколомъ? — они готовы
И понесутся жаворонковъ выше.
Охотиться? — собаки громкимъ лаемъ
Наполнятъ воздухъ, а пещеры — эхомъ.

1-й слуга.

Гонять звѣрей? — борзыя ваши скоры,
Быстрѣй оленей, легче дикихъ козъ.

2-й слуга.

Картины любите? — мы вамъ покажемъ
Надъ ручейкомъ журчащимъ Адониса
И Цитерею въ гибкомъ тростникѣ,
Который движется ея дыханьемъ,
Какъ на игривомъ вѣткѣ осока.

Лордъ.

Покажемъ Іо: нѣжная дѣвица

Взята обманомъ и обольщена.
Написано такъ живо, какъ на дѣлѣ.

3-й слуга.

Иль Дафну, какъ бѣжитъ въ лѣсу тернистомъ:
Вотъ, кажется, что брызнетъ кровь изъ ногъ—
И плачетъ Аполлонъ при этомъ видѣ:
Такъ живо писаны и кровь, и слезы.

Лордъ.

Вы знатный лордъ и ничего другаго.
У васъ жена красивѣе гораздо
Другихъ всѣхъ женщинъ въ этотъ вѣкъ упадка.

1-й слуга.

Покуда слезы о болѣзни вашей
Еще лица ея не наводняли,
Она была прекраснѣй всѣхъ на свѣтѣ,
Да и теперь едва-ль кому уступитъ.

Сляй.

Я лордъ? и у меня жена такая?
Или я грежу? иль я прежде грезилъ?
Нѣтъ, я не сплю: я слышу, говорю,
Я чую запахъ, осязаю ложе.
Ей-Богу, я и въ самомъ дѣлѣ лордъ.
Не мѣдникъ же, не Христоферъ же Сляй!
Такъ приведите на глаза супругу
И все-жь-таки подайте кружку пива.

2-й слуга.

Угодно вашей чести вымыть руки?

(*Слуги подносятъ тазъ, рукомойникъ и полотенце.*)

О, какъ мы рады, видя васъ здоровымъ!
О, если-бъ вы опять пришли въ себя!
Пятнадцать лѣтъ во снѣ вы проводили
И, просыпаясь, были какъ во снѣ.

Сляй.

Пятнадцать лѣтъ! Ей-Богу, сонъ недуренъ;
Но развѣ я не говорилъ ни слова?

1-й слуга.

Какъ можно! Только странны были рѣчи.

Вы, лежа въ этой комнатѣ прекрасной,
Сказали, будто васъ толкали въ шею
На улицу, ругалися съ хозяйкой
И въ судъ ее потребовать хотѣли;
Что у нея посуда безъ печатей;
Упоминали про Сесилью Гаккетъ.

Сляй.

А, это дочь хозяйки кабачка.

1-й слуга.

Ни дѣвка, ни кабакъ вамъ неизвѣстны
И ни одинъ изъ тѣхъ, что называли,
Ни Стефанъ Сляй, ни старый Джонъ Напсъ-Грисъ,
Ни Питеръ Торфъ, ни Генри Пимпернель
И больше двадцати именъ подобныхъ.
Ихъ нѣтъ на свѣтѣ и никто не знаетъ.

Сляй.

Я поправлюсь—ну и слава Богу!

Всѣ.

Аминь.

Сляй (*слугѣ*).

Спасибо. И тебѣ не будетъ хуже.

Входитъ Пажъ *въ женскомъ платьѣ.*

Пажъ.

Здоровье ваше, благородный лордъ?

Сляй.

Да ничего; кругомъ ѣды довольно.
А гдѣ-жь жена?

Пажъ.

Здѣсь, благородный лордъ. Что вамъ угодно?

Сляй.

Вы мнѣ жена, а не зовете мужемъ.
Для слугъ я точно лордъ, а вамъ—хозяинъ.

Пажъ.

Владыка мой и мужъ, мужъ и владыка,
Я ваша всепокорная жена.

Сляй.

Да, знаю. А какъ звать-то ихъ?

Лордъ.

Madame.

Сляй.

Да какъ madame-то? Элиссъ, или Дженъ?

Лордъ.

Madame—и только: такъ зовутъ всѣ лорды.

Сляй.

Madame-жена, вотъ говорятъ—я грезилъ
И спалъ безъ малаго пятнадцать лѣтъ.

Пажъ.

Мнѣ это время за̀ тридцать казалось.
Изгнанницѣ супружескаго ложа.

Сляй.

Ужь это слишкомъ! Слуги, насъ оставьте!
Такъ раздѣвайтесь и ложитесь рядомъ.

Пажъ.

О, трижды благородный лордъ, прошу васъ
Меня уволить на одну-двѣ ночи
Или хоть только до заката солнца.
Мнѣ доктора велѣли непремѣнно,
Чтобъ не подвергнуть васъ болѣзни прежней,
Чтобъ я не раздѣляла съ вами ложа.
Надѣюсь, извинительна причина.

Сляй.

Ну, въ настоящемъ положеніи мнѣ довольно трудно ждать; но мнѣ не хотѣлось бы впасть въ прежнюю болѣзнь: поэтому подождемъ, несмотря на нашу плоть и кровь.

Входитъ слуга.

Слуга.

Актёры, слыша, будто вамъ полегче,
Пришли сыграть веселую піесу —
Такъ приказали ваши доктора̀,
Замѣтя, что печаль вамъ кровь сгущаетъ,
А скука къ помѣшательству ведетъ;
Они совѣтуютъ игру послушать
И праздному веселью отдаваться,
Что бережетъ и продолжаетъ жизнь.

Сляй.

Хорошо, пускай играютъ. Что это, рождественскій фарсъ или скоморошество?

Пажъ.

Нѣтъ, ихъ матерія повеселѣе.

Сляй.

Какая же матерья—скатерть, что ли?

Пажъ.

Какая-то исторія, милордъ.

Сляй.

Ну, поглядимъ! Madame-жена, со мной садитесь.
Разъ въ жизни молоды. Пусть будетъ то, что будетъ.

(*Садятся.*)

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Падуя. Площадь.

Входятъ: Люченціо *и* Траніо.

Люченціо.

Ты знаешь, Траньо. слѣдуя желанью
Увидѣть Падую, наукъ питомникъ,
Въ цвѣтущую Ломбардію я прибылъ,
Веселый садъ Италіи великой.
Любовь и позволеніе отца,
Его согласіе съ моимъ желаньемъ,
Твое сообщество, слуга мой вѣрный,
Испытанный, напутствіемъ служили
Въ моей дорогѣ: здѣсь мы поселимся
И въ добрый часъ занятія начнемъ.
Я свѣтъ увидѣлъ въ Пизѣ, знаменитой
Гражданами почтенными, и тамъ же
Живетъ отецъ, богачъ изъ первыхъ въ мірѣ,

Винченціо, изъ рода Бентиволи.
Винченцьо сынъ, воспитанникъ Флоренціи.
Обязанъ оправдать его надежды
И добрыми дѣлами увѣнчать
Его богатство. Съ этой цѣлью, Траніо,
Рѣшился я своихъ занятій время
Ученью добродѣтели отдать
И мудрости, которая насъ учитъ
Чрезъ добродѣтель счастья достигать.
Что скажешь ты? Я въ Падую пріѣхалъ,
Покинувъ Пизу, какъ пловецъ отважный,
Который въ глубь летитъ изъ мелководья,
Чтобы полнѣе жажду утолить.

Траніо.

Мі perdonate, мой сеньёръ. Я тоже
Согласенъ съ вами; даже очень радъ,
Что вы рѣшились мудрости сладчайшей
Всей сладостью насытиться; однако
Остережемся, добрый мой сеньёръ,
Чтобъ, нравственную мудрость изучая,
Не сдѣлаться изъ стоиковъ—столбами,
Чтобъ, Аристотелю вполнѣ отдавшись,
Овидія проклятью не предать.
О логикѣ съ друзьями разсуждайте,
Риторику пускайте въ разговоры
Обыкновенные. Одушевляйте
Поэзіей и музыкой себя,
А метафизикой — безъ принужденья;
И математикой вы занимайтесь:
Что непріятно, то и не полезно.
Ну, словомъ, нужно веселѣй учиться.

Люченціо.

Спасибо, Траніо: твой совѣтъ хорошъ.
Будь Біонделло здѣсь, ужь мы давно бы
Устроились и наняли квартиру
Приличную, чтобъ принимать друзей,
Которыхъ въ Падуѣ пріобрѣту я.
Постой! гляди, что за люди подходятъ?

Транio.

Не выслалъ ли ихъ городъ къ намъ для встрѣчи?
(*Отходятъ.*)

Входятъ: Баптиста, Катарина, Бьянка, Гремio и Гортензio.

Баптиста.

Нѣтъ, господа, вы мнѣ не докучайте!
Вы знаете, что я рѣшился твердо
Дочь младшую не выдавать дотолѣ,
Пока я старшей мужа не найду.
Когда бы вы любили Катарину,
Я, зная васъ, съ охотой бы дозволилъ
Ухаживать за ней, какъ вамъ угодно.

Гремio.

Ухаживать? Ее бы — уходить!
Нѣтъ, для меня она сурова очень.
А вотъ Гортензьо — не возьметъ ли онъ?

Катарина.

Скажите мнѣ, какая вамъ охота
Меня приманкой ставить женихамъ?

Гортензio.

Да, женихамъ, да только-что не вашимъ.
Вотъ если-бъ вы милѣй, любезнѣй были...

Катарина.

Нѣтъ, вы, сеньёръ, меня не опасайтесь:
Вы далеки отъ сердца моего;
А будь вы близки, я-бъ похлопотала,
Чтобъ голову вамъ стуломъ причесать
И, какъ шуту, вамъ рожу расписать.

Гортензio.

Господь, храни отъ дьявола такого!

Гремio.

Да и меня помилуй Богъ!

Транio.

Смотрите-ка, да это презабавно!
Она иль дура, или своенравна.

Люченціо.

За-то въ безмолвіи другой мнѣ ясны
Всѣ прелести души ея прекрасной.
Но тише, Траньо!

Траніо.

Вы правы — тише и любуйтесь молча!

Баптиста.

Ужь у меня — что сказано, то свято:
За словомъ дѣло. Ну, ступай же, Бьянка,
Къ себѣ въ покои. Ты не огорчайся:
Моя любовь къ тебѣ не уменьшится.

Катарина.

Овечка кроткая, она заплачетъ;
О чемъ заплакать-то не знаетъ только.

Бьянка.

Сестрица, радуйся моей печали.
Вамъ, батюшка, охотно повинуюсь.
Мнѣ общество замѣнятъ — лютня, книги:
Я въ одиночествѣ займуся ими.

Люченціо.

О, Траніо, я въ ней Минерву слышу!

Гортензіо.

Сеньёръ, для насъ поступки ваши странны.
Мнѣ очень больно, что любовью нашей
Мы огорченье доставляемъ Бьянкѣ.

Греміо.

Какъ, запереть ее, сеньёръ? За что же?
За дьявола? За злой языкъ одной
Наказывать другую?

Баптиста.

Успокойтесь.
Мое рѣшенье будетъ неизмѣнно.
Поди, дитя. (*Бьянка уходитъ.*)
Повѣрьте мнѣ, она со всей любовью
Поэзіей и музыкой займется.
Я приглашу учителей, способныхъ
Образовать ихъ юность. Если вы,
Гортензіо и Греміо, найдете

Такого человѣка, то пришлите.
Я знающему буду очень радъ
И ничего не пожалѣю, только-бъ
Образовать прилично дочерей.
Прощайте! Ты останься, Катарина,
А я пойду да потолкую съ Бьянкой. (*Уходитъ.*)

Катарина.

Ну какъ же! Вотъ еще! И я пойду: вотъ мило!
Такъ временемъ моимъ располагать, какъ будто
Не знаю я, что̀ дѣлать, что̀ не дѣлать! Га! (*Уходитъ.*)

Греміо.

Поди хоть къ чортовой бабушкѣ! Ты такъ мила, что никто тебя удерживать не захочетъ. Любовь наша не такъ горяча, Гортензіо, чтобъ намъ дуть на пальцы. Попостимся. Пирогъ не доспѣлъ еще съ обѣихъ сторонъ. Прощайте. Какъ бы то ни было, я такъ люблю прекрасную Бьянку, что отыщу человѣка, способнаго преподавать предметы, изученіе которыхъ ей нравится, и пошлю его къ отцу ея.

Гортензіо.

Я самъ хочу то же сдѣлать, сеньёръ Греміо. Но позвольте еще одно слово. Хотя соперничество наше и не допускало насъ до разговоровъ, но вотъ вамъ мой совѣтъ, касающійся насъ обоихъ: для того, чтобъ снова имѣть свободный доступъ къ прекрасной нашей Бьянкѣ и быть счастливыми соперниками въ любви къ ней, мы необходимо должны похлопотать объ одномъ.

Греміо.

Позвольте спросить, о чемъ же?

Гортензіо.

Да о томъ, чтобы добыть мужа сестрѣ ея.

Греміо.

Какого мужа? Развѣ чорта?

Гортензіо.

Нѣтъ, мужа, говорю я.

Греміо.

А я говорю — чорта! Неужели вы думаете, Гортензіо, что, при всемъ богатствѣ отца ея, найдется такой дуракъ, который женится на адѣ?

Гортензіо.

Полноте, Греміо! Изъ того, что ни вы, ни я не можемъ выносить ея крика, еще никакъ не слѣдуетъ, чтобъ не нашлось молодца, который за большое приданое не побоится взять ее при всѣхъ ея недостаткахъ. Стоитъ только напасть на такого.

Греміо.

Ну, не скажу. Для меня это все равно, что взять приданое съ условіемъ, что каждое утро будутъ тебя сѣчь у позорнаго столба.

Гортензіо.

Оно, конечно, что за выборъ между гнилыми яблоками! Теперь помѣха эта сблизила насъ, потому будемъ дружны, пока сыщемъ мужа для старшей дочери Баптисты и дадимъ младшей свободу выдти замужъ. Тогда опять за дѣло! О, милая Бьянка! Кто счастливѣе, тому она и достанется. Кто скачетъ быстрѣе, тотъ скорѣе попадаетъ въ цѣль. Что вы скажете на это, сеньёръ Греміо?

Греміо.

Я согласенъ. Я подарилъ бы лучшую лошадь въ Падуѣ тому, кто осмѣлился бы выѣхать на это сватовство, кто рѣшился бы жениться на ней, раздѣлить съ нею ложе и избавить отъ нея этотъ домъ. Идемте! (*Уходятъ.*)

Траніо (*выходя*).

Помилуйте, сеньёръ, возможно-ль это,
Чтобы любовь такъ скоро къ вамъ пристала?

Люченціо.

О, Траніо, пока не испыталъ,
Я думалъ самъ, что это невозможно.
И вотъ, пока стоялъ я беззаботно,
Надъ беззаботностью всю силу страсти
Узналъ. Тебѣ признаюсь: ты мнѣ близокъ,
Какъ Анна королевѣ карѳагенской.
Горю я, Траньо, тлѣю — я погибну,
Коль не достану этой кроткой дѣвы.
Совѣтуй мнѣ: совѣтовать ты можешь;
Спасай меня: спасать меня ты хочешь.

Траніо.

Сеньёръ, бранить бы васъ теперь, да поздно:

Любви не выбранишь изъ сердца. Если
Вы такъ затронуты любовью, вотъ что:
Redime te captum quam queas minimo.

Люченціо.

Благодарю. Ну, продолжай! Я вижу,
Ты мнѣ поможешь — ты благоразуменъ.

Траніо.

Сеньёръ, глядѣли на нее вы долго,
А главное-то видѣли, аль нѣтъ?

Люченціо.

О, да! я въ ней такую прелесть видѣлъ,
Какой дочь Агенора покорила
Юпитера, когда онъ берегъ критскій
Колѣнями своими лобызалъ.

Траніо.

И только-то? Вы развѣ не видали,
Какъ старшая шумѣла? Эта буря
Для уха смертнаго невыносима.

Люченціо.

Кораллы устъ я видѣлъ; благовоннымъ
Ея дыханьемъ воздухъ наполнялся:
Въ ней все божественно, прекрасно было.

Траніо.

Пора его въ себя привесть. Очнитесь,
Сеньёръ! Ужь если полюбили вы,
Такъ ухитритесь какъ добыть. Вотъ дѣло
Какого рода: старшая сестра
Чертовски зла; пока отецъ не сбудетъ
Ее изъ дома, вашей въ дѣвкахъ быть;
А для того, чтобы не докучали
Ей женихи, её онъ заперъ въ домѣ.

Люченціо.

О, Траніо, какъ онъ жестокъ! Но развѣ
Ты не замѣтилъ, что старикъ ей хочетъ
Искуснаго учителя найти?

Траніо.

Ну, какъ же, слышалъ; я и планъ составилъ.

Люченціо.

Я тоже.

Траніо.

Кажется, сеньёръ, мы оба
Придумали одну и ту же штуку.

Люченціо.

Скажи свою.

Траніо.

Въ учители хотите,
Въ наставники къ возлюбленной попасть—
Не такъ ли?

Люченціо.

Такъ. Да будетъ ли возможность?

Траніо.

Ну, нѣтъ, сеньёръ, нельзя. А кто же будетъ
Здѣсь, въ Падуѣ, за васъ Винченцьо сыномъ,
Хозяйничать, учиться, принимать
И посѣщать друзей и угощать ихъ?

Люченціо.

Я все придумалъ—basta, успокойся!
Насъ здѣсь пока никто еще не знаетъ;
А по лицу никакъ не распознаешь,
Кто баринъ, кто слуга. Ну и выходитъ,
Что бариномъ ты будешь за меня
И управлять всѣмъ домомъ и слугами,
А я другимъ прикинусь: флорентинцемъ,
Пизанцемъ, или неаполитанцемъ.
За словомъ дѣло! Ну, снимай же платье,
Бери мой плащъ и шляпу; Біонделло
Твоимъ слугою будетъ, какъ пріѣдетъ,
Но пусть языкъ свой держитъ за зубами.

Траніо (*мѣняясь платьемъ съ Люченціо*).

Ну, будь по-вашему. Вы такъ хотите,
А я во всемъ повиноваться долженъ.
„Служи ему“, сказалъ мнѣ вашъ отецъ,
Когда въ дорогу отпускалъ насъ съ вами.
Конечно, онъ сказалъ не въ этомъ смыслѣ,
Чо я съ охотой сдѣлаюсь Люченцьо,
А потому, что я люблю Люченцьо...

Люченціо.

И потому, что и Люченцьо любитъ —
Въ рабы пойду для дѣвы, взоръ которой
Очаровалъ мнѣ раненое сердце.

Входитъ Біонделло.

Люченціо.

Вотъ и подлецъ! Ты гдѣ же, шельма, былъ?

Біонделло.

Гдѣ былъ-то? Вы скажите, гдѣ вы сами?
У васъ ли Траньо, вы ли у него
Украли плащъ, иль другъ у друга, что ли?

Люченціо.

Да ты не разговаривай, мерзавецъ:
Не кстати шутки. Знай, на все есть время.
Товарищъ твой, спасая жизнь мою,
Надѣлъ мой плащъ, а я, чтобы спастися,
Надѣлъ его. Лишь только я пріѣхалъ,
Какъ вышла ссора — и убилъ я въ дракѣ
Здѣсь человѣка. Я боюсь быть узнанъ.
Служи ему какъ мнѣ — вотъ мой приказъ:
А я для своего спасенья скроюсь.
Ну, понялъ?

Біонделло.

Я-то? Ничего не понялъ.

Люченціо.

О Траніо чтобъ не было ни слова:
Теперь въ Люченціо онъ превратился.

Біонделло.

Тѣмъ лучше для него: я самъ не прочь бы.

Траніо.

И я не прочь, лишь только бы Люченцьо
Умѣлъ достать меньшую дочь Баптисты.
Не для себя прошу — для господина,
Чтобъ въ обществѣ ты былъ со мной учтивѣй.
Наединѣ съ тобой — я тотъ же Траньо,
А при людяхъ я господинъ, Люченцьо.

Люченціо.

Пойдемъ же, Траньо! Стой: еще есть дѣло,
Которое исполнить ты обязанъ:
Ты долженъ тоже женихомъ явиться.
Зачѣмъ? ты спросишь — послѣ объяснится.

1-й слуга.

Милордъ, вы спите? Вамъ не до піесы?

Сляй.

Нѣтъ, я смотрю, клянусь святой Анной! Славная исторія, право! А что̀, многое еще осталось?

Пажъ.

Лишь только начали, милордъ.

Сляй.

Вѣдь исторія важная, madame-жена! Кабы только конецъ поскорѣе.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Тамъ же. Передъ домомъ Гортензіо.

Входятъ Петручіо *и* Груміо.

Петручіо.

Съ Вероной я простился: повидаться
Съ друзьями въ Падуѣ хочу и больше
Всѣхъ съ лучшимъ и вѣрнѣйшимъ другомъ мнѣ
Гортензіо. Кажись, что этотъ домъ
Его. Валяй-ко, Груміо, у двери.

Груміо.

Валять, сеньёръ. Мнѣ валять? Да развѣ здѣсь кто обидѣлъ вашу милость?

Петручіо.

Мерзавецъ, развѣ ты не понимаешь меня?

Груміо.

Васъ, сеньёръ? Да какъ же это, сеньёръ? Кто же я такой, чтобъ васъ колотилъ, сеньёръ?

Петручіо.

Мерзавецъ, колоти скорѣй, да шибче,
Иль береги свою холопью рожу.

Груміо.

Мой господинъ драчунъ. Ударь-ка я хоть разъ,
Такъ послѣ самому мнѣ не уйти отъ васъ.

Петручіо.

Дождусь ли я? О, чортъ возьми, не хочешь
Ты колотить? Я на своемъ поставлю
И sol и fa тебя тянуть заставлю. (*Деретъ его за уши.*)

Груміо.

Ой, помогите! Баринъ мой взбѣсился.

Петручіо.

Ты колоти, когда велятъ, бездѣльникъ!

(*Груміо становится на колѣни.*)

Входитъ Гортензіо.

Гортензіо.

Что тутъ такое? въ чемъ дѣло? Старый другъ, Груміо, и мой добрый другъ, Петручіо! Ну, какъ вы тамъ въ Веронѣ?

Петручіо.

Вы вышли къ намъ на шумъ, какъ погляжу я?
Con tuto il cuore ben trovato, вамъ скажу я.

Гортензіо.

Alla nostra casa ben venuto, molto honorato, signor mio Petrucio. Встань, Груміо, встань: мы сейчасъ помиримъ васъ.

Груміо.

Нѣтъ, латынью не поможешь. Неужели-жь и теперь я не имѣю законной причины отказаться отъ мѣста? Видите ли, сеньёръ, онъ велѣлъ мнѣ поколотить его, да поколотить хорошенько; а развѣ прилично слугѣ обращаться такъ съ господиномъ? Ему ужь за тридцать, онъ не пискунъ-мальчишка.

Ей-Богу жаль, что не былъ я смѣлѣе:
Поколотить его — такъ самъ бы былъ цѣлѣе.

Петручіо.

Безмозглый шутъ! Любезнѣйшій Гортензьо,

Я приказалъ стучаться негодяю
У двери вашей и не могъ добиться.

Груміо.

У двери вашей! Небеса! Не вы ли
Сказали мнѣ: „валяй меня, да шибче.
Бездѣльникъ!“ А теперь вы говорите,
Что приказали мнѣ стучаться въ двери.

Петручіо.

Молчи, иль прочь поди — вотъ мой совѣтъ.

Гортензіо.

Оставь, Петручьо. Я вступлюсь за Грумьо.
У васъ тутъ что-то странное случилось
Между тобой и старымъ вѣрнымъ Грумьо.
Скажи же мнѣ, какой счастливый вѣтеръ
Васъ изъ Вероны въ Падую занесъ?

Петручіо.

А тотъ, который молодежь разноситъ
Искать фортуны вдалекѣ отъ дома,
Гдѣ опытность растетъ довольно туго —
Короче, другъ Гортензьо, вотъ въ чемъ дѣло:
Отецъ мой умеръ; въ этотъ лабиринтъ
Я кинулся искать себѣ невѣсту,
Да попытать—не будетъ ли удачи.
Въ карманѣ кроны есть, въ дому довольство—
Вотъ я и вздумалъ свѣта поглядѣть.

Гортензіо.

А что, Петручьо, если-бъ я посваталъ
Жену тебѣ и злую, и дурную,
Ты за нее спасибо мнѣ не скажешь?
Добавить нужно, что она богата,
Богата очень. Впрочемъ, мы такъ дружны,
Что я тебѣ ее не пожелаю.

Петручіо.

Между друзьями много словъ не нужно—
И если на примѣтѣ ты имѣешь
Богатую невѣсту для меня,
Чей свадебный припѣвъ одно богатство,

Будь такъ гадка, какъ рыцаря Флорентья
Любезная, лѣтами какъ Сивилла
И какъ Сократова Ксантиппа зла
И даже хуже — это не измѣнитъ
Моихъ намѣреній, и пусть суровѣй
Адріатическаго моря будетъ,
Пріѣхалъ я, чтобъ выгодно жениться.
Женюсь, такъ значитъ я пріѣхалъ къ счастью.

Груміо.

Видите ли, сеньёръ, онъ вамъ откровенно говоритъ, какъ онъ думаетъ объ этомъ предметѣ. Ему дайте только золота и жените хоть на куклѣ, хоть на маріонеткѣ, хоть на старой коргѣ, у которой нѣтъ ни одного зуба, а болѣзней столько, сколько у пятидесяти-двухъ клячъ — что-жь, ему все равно, были бы деньги.

Гортензіо.

Петручьо, такъ какъ мы зашли далеко,
Я доскажу тебѣ, что началъ въ шутку.
Петручьо, я могу тебѣ доставить
Жену богатую и молодую,
Красавицу, съ дворянскимъ воспитаньемъ.
Одинъ порокъ у ней, но стоитъ многихъ:
Капризна, зла, сердита до того,
Что будь мои дѣла гораздо хуже,
Я не женюсь за золотой рудникъ.

Петручіо.

Молчи: ты силы золота не знаешь!
Скажи—какъ звать отца: съ меня довольно.
Я все-таки хочу на ней жениться,
Греми она, какъ громъ въ осеннихъ тучахъ.

Гортензіо.

Отецъ ея—Баптистъ-Миколла, добрый
И очень обходительный старикъ.
Ей имя Катарина; всѣмъ извѣстенъ
Здѣсь въ Падуѣ ея языкъ задорный.

Петручіо.

Ее не знаю, а отецъ извѣстенъ:
Онъ былъ знакомъ съ моимъ отцомъ покойнымъ.

До той поры, пока я не увижу
Ее, я не засну. Вы извините
За неучтивость: я оставлю васъ.
Или меня проводите вы сами.

Груміо.

Сеньёръ, пусть онъ идетъ: благо есть охота. Вотъ вамъ честное слово: узнай она его такъ хорошо, какъ я, она догадается, что бранью его не возьмешь. Скажи она ему хоть двадцать разъ „бездѣльника“, или что-нибудь подобное, это ему ровно ничего. А ужъ когда онъ примется, такъ переберетъ всѣ брани. Я вамъ скажу, если только она свяжется съ нимъ, онъ ей пуститъ въ лицо такую фигуру и такъ ее обезфигуритъ, что ей, какъ кошкѣ, придется смотрѣть на свѣтъ, прищурившись. Вы не знаете его, сеньёръ.

Гортензіо.

Постой, Петручьо: я пойду съ тобой.
На заперти, подъ стражей у Баптисты,
Мое богатство, брилліантъ души —
Меньшая дочь, прелестнѣйшая Бьянка.
Онъ отъ меня ее теперь скрываетъ
И отъ другихъ, соперниковъ моихъ.
Онъ разсудилъ, что невозможно будетъ
Ему найти для Катарины мужа
При недостаткахъ, о которыхъ слышалъ
Ты отъ меня. Ну, вотъ онъ и придумалъ,
Чтобъ Бьянку не видалъ никто, покуда
Не сбудетъ съ рукъ проклятой Катарины.

Груміо.

Проклятой Катарины! Это слово
Для дѣвушки не очень-то здорово.

Гортензіо.

Петручьо, другъ мой, окажи услугу!
Я поскромнѣй одѣнусь; ты-жь Баптистѣ
Представь меня хорошимъ музыкантомъ
И предложи въ учители Біянкѣ.
При этой хитрости мнѣ будетъ можно
Искать любви ея и волочиться,
Ни въ комъ не возбуждая подозрѣнья.

Груміо (*въ сторону*).

Развѣ это не плутни? Посмотрите, какъ молодежь сговаривается обмануть стариковъ.

Входятъ Греміо *и переодѣтый* Люченціо, *съ книгами подъ мышкой.*

Груміо.

Сеньёръ, сеньёръ! оглянитесь: кто-то идетъ.

Гортензіо.

Потише, Грумьо: это мой соперникъ.
Петручьо, отойдемте къ сторонѣ.

Груміо.

Молокососъ, а тоже ужь любовникъ! (*Отходятъ.*)

Греміо.

Прекрасно: я прочелъ весь этотъ списокъ.
Отдайте переплесть какъ можно лучше.
Однѣ любовныя читайте книги —
Смотрите же — и никакихъ другихъ.
Вы поняли? Къ тому, что̀ дастъ Баптиста,
Добавлю щедро: вы вполнѣ довольны
Останетесь. Бумаги надушите,
Да хорошенько: та, которой руки
Коснутся ихъ, самихъ благоуханій
Пріятнѣе. Вы что читать начнете?

Люченціо.

Что-бъ ни читалъ, для васъ стараться буду.
Какъ покровителя — вы мнѣ повѣрьте —
И точно также, будто бы вы сами;
И даже, можетъ быть, успѣю больше,
Коль сами вы не очень изъ ученыхъ.

Греміо.

Ученость! О, какая это вещь!

Груміо.

Ахъ, ты куликъ! Какой же ты оселъ!

Петручіо.

Молчи, дуракъ!

Гортензіо.

Молчи! (*Греміо.*) Сеньёру Гремьо!

Греміо.

Радъ видѣть васъ, Гортензьо. Угадайте,
Къ кому идти сбираюсь я? Къ Баптистѣ.
Я обѣщалъ ему, что позабочусь
Найти учителя прекрасной Бьянкѣ;
И вотъ, по счастью, встрѣтилъ человѣка,
Который по способностямъ достоинъ
Быть ей учителемъ: поэтовъ знаетъ
И разныя другія книги. Вѣрно.

Гортензіо.

Прекрасно! Вотъ и мнѣ попался тоже
Пріятель и взялся мнѣ отыскать
Въ учители для Бьянки музыканта.
Вотъ, значитъ, мы другъ другу не уступимъ
Въ готовности служить любимой Бьянкѣ.

Греміо.

Любимой мной—дѣла мои докажутъ.

Груміо (*въ сторону*).

И кошелекъ.

Гортензіо.

Теперь не время хвастать
Любовью вашей. Выслушайте только
И я вамъ сообщу такую новость,
Которая важна для насъ обоихъ.
Вотъ дворянинъ: мы встрѣтились случайно;
Онъ ради насъ и по своей охотѣ
Рѣшился свататься за Катарину,
Лишь было бы приданаго довольно.

Греміо.

Вотъ хорошо, кабы за словомъ дѣло!
А вы сказали про ея пороки?

Петручіо.

Я слышалъ: злая, бѣшеная дѣвка.
Ну, если только—я бѣды не вижу.

Греміо.

Отлично, другъ! А вы откуда родомъ?

Петручіо.

Я родился въ Веронѣ, сынъ Антоньо.
Отецъ мой умеръ, но живетъ богатство,
И я хочу жить хорошо и долго.

Греміо.

Съ такой женою? Это очень странно!
Но если вкусъ такой у васъ, такъ съ Богомъ:
Я вамъ помощникъ. Нѣтъ, вы въ самомъ дѣлѣ
Хотите свататься за эту кошку?

Петручіо.

Хочу-ль я жить—спросите у меня.

Груміо (*въ сторону*).

Онъ женится—не-то ее повѣсить.

Петручіо.

Зачѣмъ же ѣхалъ я, какъ не за этимъ?
Уже-ль отъ женскихъ криковъ я оглохну?
Да не слыхалъ я развѣ львовъ рыканья,
Иль бурею всклокоченнаго моря,
Когда оно, какъ дикій вепрь, ярится?
Иль не слыхалъ я на поляхъ пальбы,
Иль въ тучахъ громъ небесной канонады?
Иль не слыхалъ я кликовъ страшной битвы,
И коней ржанья и звучанья трубъ?
О женскомъ языкѣ вы говорите?
Да онъ трещитъ слабѣе, чѣмъ каштаны,
Когда ихъ мызникъ жаритъ на огнѣ.
Пугайте пугалами ребятишекъ.

Груміо (*въ сторону*).

Онъ ничего-то не боится.

Греміо.

Чуетъ
Душа моя, Гортензьо, что онъ прибылъ
Для насъ къ добру и также для себя.

Гортензіо.

Я обѣщалъ, что мы ему поможемъ
И на себя возьмемъ издержки свадьбы.

Греміо.

И я согласенъ, только-бъ онъ женился.

Груміо (*въ сторону*).

Я въ томъ увѣренъ больше, чѣмъ въ обѣдѣ.

Входятъ Траніо *въ богатой одеждѣ и* Біонделло.

Траніо.

Сеньёры, здравствуйте! Беру я смѣлость
Спросить у васъ: какой дорогой ближе
Пройти мнѣ къ дому, гдѣ живетъ Баптиста?

Греміо.

Отецъ прекрасныхъ дочерей—не такъ ли?
Его вамъ нужно?

Траніо.

Да. Эй, Біонделло!

Греміо.

Его-ль, ее ли—вамъ кого угодно?

Траніо.

Его-ль, ее ли—вамъ какое дѣло?

Петруччіо.

Я попрошу, сеньёръ, не трогать злую.

Траніо.

Мнѣ злыхъ не надо. Біонделло, въ путь!

Люченціо (*тихо Траніо*).

Начало хорошо.

Гортензіо.

Сеньёръ, позвольте:
Вы свататься хотите—такъ иль нѣтъ?

Траніо.

А хоть бы такъ, что-жь за бѣда такая?

Греміо.

Да ничего, коль вы и прочь сейчасъ же.

Траніо.

А отчего? Здѣсь улицы свободны
Для васъ и для меня.

Греміо.

Но не она.

Транio.

Да отчего?

Гремio.

Ну, если знать хотите,
Она предметъ любви сеньёра Гремьо.

Гортензio.

Она предметъ любви Гортензьо также.

Транio.

Сеньёры, тише! Если вы дворяне,
Прошу меня прослушать терпѣливо.
Баптиста, благородный дворянинъ,
Съ моимъ отцомъ знакомъ давно, и если-бъ
Еще прелестнѣй дочь имѣлъ и больше
Искателей, могъ быть и я въ числѣ ихъ:
Ихъ тысячу имѣла Леды дочь,
Однимъ пусть будетъ больше и у Бьянки.
Пусть самъ Парисъ захочетъ здѣсь явиться,
Люченцio не прочь поволочиться.

Гремio.

Вотъ чудо! Онъ заговоритъ насъ всѣхъ.

Люченцio.

Вы дайте волю — онъ сейчасъ заврется!

Петручio.

Гортензio, къ чему всѣ эти рѣчи?

Гортензio.

Осмѣлюсь я спросить у васъ, сеньёръ,
Случалось ли вамъ видѣть дочь Баптисты?

Транio.

Нѣтъ. Но я слышалъ у него ихъ двѣ
И что одна изъ нихъ извѣстна злостью,
Другая же напротивъ — послушаньемъ.

Петручio.

Не троньте первую: она моя.

Гремio.

Оставимъ этотъ подвигъ Геркулесу:
Онъ всѣхъ двѣнадцати важнѣе будетъ.

Петручіо.

Сеньёръ, поймите вы: Баптиста заперъ
Отъ жениховъ дочь младшую, которой
Вы добиваетесь и онъ не выдастъ
Ни за кого ее, пока не выйдетъ
Сестра ея въ замужство: вотъ тогда ужъ
И младшая свободна, но не прежде.

Траніо.

Ну, если такъ — и вы хотите точно
Намъ помогать, такъ старшую берите,
Чтобъ младшую для насъ освободить,
И тотъ изъ насъ, кому поможетъ счастье
Взять младшую, повѣрьте, грубъ не будетъ
И не останется неблагодарнымъ.

Гортензіо.

И сказано, и понято прекрасно.
Но, какъ женихъ, вознаградить должны
Вы съ нами вмѣстѣ этого сеньёра,
Которому обязаны мы столько.

Траніо.

Я не замедлю. Чтобъ вамъ доказать,
Прошу я всѣхъ провесть со мною вечеръ:
Мы выпьемъ за здоровье нашихъ дамъ,
Какъ стрянчіе, которые бранятся
Въ судѣ и какъ друзья потомъ пируютъ.

Груміо и Біонделло.

Ну, вотъ отлично! Господа, пойдемте!

Гортензіо.

Не дурно предложеніе. Да будетъ!
(*Къ Петручіо.*)
Гортензіо твой ben venuto будетъ.
(*Уходятъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Комната въ домѣ Баптисты.

Входятъ Катарина *и* Бьянка.

Бьянка.

Не тронь меня! Себя ты унижаешь,
Со мною поступая какъ съ рабой.
Мнѣ только это больно; что-жъ до тряпокъ,
Ты развяжи мнѣ руки — я сама
Всѣ платья сброшу, до послѣдней юбки.
Все сдѣлаю, что только ты прикажешь:
Я знаю, какъ повиноваться старшимъ.

Катарина.

Такъ вотъ скажи: кого ты больше любишь
Изъ жениховъ своихъ, да не скрывай.

Бьянка.

Повѣрь, сестра, изъ всѣхъ людей доселѣ
Не встрѣтила еще ни одного я,
Котораго могла бы предпочесть.

Катарина.

Ты, душка, лжешь! Гортензіо — навѣрно?

Бьянка.

Его ты любишь: такъ, клянусь, я буду
Сама стараться, чтобъ онъ былъ твоимъ.

Катарина.

Ну, значитъ, ты мечтаешь о богатствѣ:
Ты хочешь Греміо, чтобъ жить роскошно.

Бьянка.

Ужели ты ко мнѣ его ревнуешь?
Да нѣтъ, ты шутишь; да, я понимаю:
Ты это все со мной шутила только.
Прошу, сестрица, развяжи мнѣ руки.

Катарина.

А, это шутки! Такъ и это шутка! (*Бьетъ ее.*)

Входитъ Баптиста.

Баптиста.

Что это? что ты? что въ тебѣ за дерзость!
Уйди же, Бьянка! Бѣдная, какъ плачетъ!
Займись шитьемъ, не связывайся съ нею.
Стыдить ты, дьяволъ, обижать сестру,
Которая тебя не огорчаетъ.
Обидѣла-ль она тебя хоть словомъ?

Катарина.

Я за молчанье ей отмстить хочу. (*Бросается къ Бьянкѣ.*)

Баптиста.

И при моихъ глазахъ! Поди же, Бьянка.
(*Бьянка уходитъ.*)

Катарина.

Вы ненавидите меня. Я вижу:
Она сокровище; ей надо мужа,
А мнѣ босой плясать у ней на свадьбѣ.
Изъ-за нея мнѣ няньчить обезьянъ.
Молчите: я сидѣть и плакать буду,
Пока найдется случай отомстить. (*Уходитъ.*)

Баптиста.

Нѣтъ дворянина горестнѣй меня!
Но кто-то входитъ.

Входятъ: Греміо, *съ переодѣтымъ* Люченціо, Петручіо, *съ переодѣтымъ* Гортензіо, Траніо *и* Біонделло, *съ лютней и книгами.*

Греміо (*Баптисту*).

Здравствуйте, сеньёръ!

Баптиста.

Здравствуйте, сосѣдъ Греміо! Здравствуйте, сеньёры!

Петручіо.

Благодарю. Сеньёръ, есть дочь у васъ
Прекрасная сеньёра Катарина?

Баптиста.

Есть дочь, сеньёръ, ей имя — Катарина.

Греміо.

А вы не вдругъ: начните по порядку.

Петручіо.

Оставьте, Гремьо: не мѣшайте мнѣ.
Сеньёръ, я дворянинъ веронскій, много
Наслышавшись о красотѣ, умѣ,
Любезности и скромности стыдливой
И тихомъ нравѣ вашей Катарины,
Осмѣлился явиться къ вамъ незваннымъ,
Чтобъ самому повѣрить всѣ разсказы,
Которыхъ я наслушался довольно.
И вотъ, сеньёръ, (*подводя Гортензіо*) для перваго знакомства,
Позвольте вамъ представить человѣка
И математика и музыканта,
Чтобъ научить ее вполнѣ наукамъ,
Которыя, я слышалъ, ей знакомы.
Отказомъ вы обидите меня.
Изъ Мантуи онъ родомъ, имя—Личьо.

Баптиста.

Я радъ васъ видѣть, также и его.
Но что до дочери до Катарины,
Она, къ несчастью, будетъ не по-васъ.

Петручіо.

Я вижу, вамъ съ ней жалко разставаться,
А можетъ-быть и я не нравлюсь вамъ.

Баптиста.

Нѣтъ, вы не то... Я дѣло говорю.
Какъ ваше имя? вы откуда родомъ?

Петручіо.

Меня зовутъ Петручьо, сынъ Антоньо:
Онъ человѣкъ въ Италіи извѣстный.

Баптиста.

Ну, какъ не знать! Сеньёръ, я радъ вамъ очень.

Греміо.

Сеньёръ Петручьо, вы не осердитесь:

Я перебью васъ. Надо же намъ, бѣднымъ,
Сказать хоть слово: вы ужь очень скоры.

Петручіо.

Мнѣ кончить бы хотѣлось — извините.

Греміо.

Я вѣрю вамъ, но послѣ не тужите.

Я увѣренъ, что предложеніе Петручіо вамъ пріятно. Чтобъ не уступить ему въ любезности, и я, обласканный вами болѣе другихъ, смѣло представляю вамъ этого молодаго ученаго. (*Подводитъ Люченціо.*) Онъ долго учился въ Реймсѣ, знаетъ греческій, латинскій и другіе языки, также какъ тотъ музыку и математику. Его имя Камбіо. Прошу васъ принять его услуги.

Баптиста.

Тысячу благодарностей вамъ, сеньёръ Греміо! Очень радъ вамъ, любезный Камбіо! (*Обращаясь къ Транію.*) Но вы, сеньёръ, вы мнѣ незнакомы. Осмѣлюсь спросить причину вашего прихода.

Транію.

Сеньёръ, прошу простить меня за дерзость,
Что въ вашемъ городѣ я, незнакомый
И чужестранецъ, прихожу къ вамъ прямо
Просить руки прекрасной, кроткой Бьянки.
Сеньёръ, я знаю — вы хотите прежде
Отдать въ замужство старшую сестру.
Я одного прошу, чтобъ вы, узнавши
Мое происхожденье, не лишили
Меня расположенья, какъ и прочихъ,
И позволенья посѣщать вашъ домъ.
Для вашихъ дочерей я приношу вамъ
Вотъ этотъ инструментъ и эту связку
Латинскихъ книгъ и греческихъ. И если
Вы примете, онѣ получатъ цѣну.

Баптиста.

Люченціо ваше имя? Вы откуда-жь?

Транію.

Изъ Пизы я, сеньёръ, Винченціо сынъ.

Баптиста.

Онъ въ Пизѣ сильный человѣкъ; я слышалъ

О немъ довольно. Очень радъ васъ видѣть.
(*Гортензіо.*) Возьмите лютню.
(*Люченціо.*) Вы возьмите книги.
Сейчасъ покажутъ вашихъ ученицъ.
Эй, кто-нибудь! (*Входитъ слуга.*)
Ты къ дочерямъ проводишь
Господъ учителей. Да ты скажи имъ,
Чтобы онѣ ихъ приняли прилично.
(*Слуга, Гортензіо, Люченціо и Біонделло уходятъ.*)
Пойдемте въ садъ, сеньёры, погуляемъ —
Потомъ обѣдать. Очень радъ васъ видѣть,
Въ чемъ вы не сомнѣваетесь, надѣюсь.

Петручіо.

Дѣла мои не терпятъ: не могу я
Къ вамъ каждый день со сватовствомъ являться.
Отца вы знали, а по немъ — меня,
Наслѣдника богатства и владѣній;
Я не разстроилъ, а устроилъ ихъ.
Ну, если ваша дочь меня полюбитъ,
Скажите мнѣ, вы что за ней дадите?

Баптиста.

Умру, такъ изъ имѣнья половину;
Теперь получишь двадцать тысячъ кронъ.

Петручіо.

А я за-то ей завѣщаю все
На случай, если бы вдовой осталась,
Недвижимость и движимость мою.
Напишемъ же подробно эту запись
И пусть она для насъ контрактомъ служитъ.

Баптиста.

Я думаю, что пріобрѣсть вамъ надо
Ея любовь — вотъ главное-то дѣло.

Петручіо.

О, это вздоръ, отецъ мой! Увѣряю,
Она горда, я также непреклоненъ;
А гдѣ два сильные огня сойдутся,
Они сжигаютъ все, что ихъ питало.
Хоть слабый вѣтеръ раздуваетъ пламя,

Но очень сильный вихрь задуетъ сразу.
Вотъ такъ и я — и мнѣ она уступитъ:
Мужчина я, а не грудной ребенокъ.

Баптиста.

Ну, сватайся! Будь счастлива поспѣшность
Твоя; но ты услышишь много брани.

Петручіо.

Ну вотъ! Стоятъ же горы противъ вѣтра,
Не покачнутся — дуй хоть безпрестанно.

Входитъ Гортензіо *съ прошибленной головой.*

Баптиста.

Что съ вами, другъ мой? Отчего вы блѣдны?

Гортензіо.

Съ испуга блѣденъ — увѣряю васъ.

Баптиста.

Что дочь моя? видна ли въ ней артистка?

Гортензіо.

Она похожа больше на солдата:
Ей надобно не лютню, а булатъ.

Баптиста.

Вы, значитъ, съ лютней толку не добились?

Гортензіо.

Она добила лютню объ меня.
Я указалъ лады, согнулъ ей руку,
Чтобъ показать, какъ разставляютъ пальцы,
Вдругъ на меня накинулась, какъ дьяволъ:
„Такъ вотъ лады; ну, я тебя налажу!“
И лютней такъ по головѣ хватила,
Что голова прошла сквозь инструментъ.
Съ минуту я какъ столбъ стоялъ, изъ лютни,
Какъ изъ колодки, глядя; а она-то
Честитъ меня гудочникомъ безмозглымъ
И разными позорными словами,
Какъ-будто ихъ нарочно подбирала,
Чтобы меня больнѣе оскорбить.

Петручіо.

Вотъ мило-то! Ну мнѣ теперь она
Разъ въ десять больше нравится, чѣмъ прежде.
О, какъ бы мнѣ съ ней поболтать хотѣлось?

Баптиста (*Гортензіо*).

Вы успокойтесь — и пойдемте вмѣстѣ.
Вы съ младшей занимайтесь: эта любитъ
Занятія и будетъ благодарна.
Петручіо, вы съ нами? или развѣ
Не лучше ли послать къ вамъ Катарину?

Петручіо.

Я васъ прошу. Я буду дожидаться.

(*Баптиста, Траніо, Греміо и Гортензіо уходятъ.*)

Пускай придетъ: возьмусь за дѣло храбро.
Ругаться станетъ — я скажу на это,
Что распѣваетъ точно соловей;
Нахмурится — а я скажу, что взоры
Ея нѣжнѣе розы подъ росою;
А замолчитъ — тогда хвалить я стану
За разговорчивость ее: скажу ей,
Что краснорѣчіе ея прелестно.
Попроситъ вонъ — начну благодарить,
Какъ-будто на недѣлю оставляетъ;
Откажетъ — день я попрошу назначить
Для оглашенья въ церкви и вѣнчанья.
Ну, вотъ идетъ. Петручьо, говори!

Входитъ Катарина.

Петручіо.

Здорово, Катя — такъ, вѣдь, ваше имя?

Катарина.

Вы плохо слышали: вы вѣрно глухи.
Меня зовутъ не Катей — Катариной.

Петручіо.

Ей-Богу, лжете вы! Зовутъ васъ Катей,
Прелестной Катенькой, сердитой Катей,
Но все же Катей, въ цѣломъ христіанствѣ
Милѣйшей Катей. Ты изъ Катей Катя.
Мнѣ слаще всѣхъ конфектъ такая Катя.

Узнай же, Катя, радость, жизнь моя,
Что слава громкая, гремя повсюду
О добротѣ и красотѣ твоей,
Но все-жь не столько, сколько-бъ надо было,
Посвататься подвинула меня.

Катарина.

Подвинула? Такъ пусть, кто васъ подвинулъ,
И выдвинетъ отсюда. Я и вижу:
Вы — движимость.

Петручіо.

Я — движимость? какая?

Катарина.

Скамейка.

Петручіо.

Вѣрно. Сядь, поди, скорѣе.

Катарина.

Оселъ и созданъ, чтобы насъ носить.

Петручіо.

И женщина, вѣдь, создана на то же.

Катарина.

Что до меня, такъ я не такова.

Петручіо.

Ну, я тебя обременять не стану:
Я знаю: ты легка и молода.

Катарина.

Я такъ легка, что олуху такому
И не поймать, и все же не тяжеле
Я вѣса своего.

Петручіо.

Не легче пчелки.

Катарина.

Какъ сычъ понятливъ!

Петручіо.

Этотъ сычъ поймаетъ
Тебя, голубку.

Катарина.

Берегись, однако,
А то голубка заклюетъ сыча.

Петручіо.

Ну, полно-жь, осочка: ты очень зла.

Катарина.

Оса? такъ ты остерегайся жала.

Петручіо.

Я знаю средство: взять его да вырвать.

Катарина.

Да нужно знать, дуракъ, гдѣ это жало.

Петручіо.

Гдѣ жало у осы? Да кто-жь не знаетъ?
Въ хвостѣ.

Катарина.

Нѣтъ, въ языкѣ.

Петручіо.

Въ чьемъ языкѣ?

Катарина.

У васъ хвосты на языкѣ — такъ въ вашемъ.
Прощайте.

Петручіо.

Мой языкъ въ твоемъ хвостѣ?
Нѣтъ, стой: я дворянинъ.

Катарина.

А вотъ увидимъ. (*Бьетъ его.*)

Петручіо.

Ударь еще, такъ я отколочу.

Катарина.

Тогда герба лишишься. Ты ударишь
Меня, тогда не будешь дворяниномъ
И значитъ у тебя герба не будетъ.

Петручіо.

Геральдикъ ты, такъ запиши мой гербъ.

Катарина.

У васъ на шлемѣ что — пѣтушій гребень?

Петручіо.

Безъ гребня хоть, лишь будь моей молодкой.

Катарина.

Не для меня, пѣтухъ, кричишь цыпленкомъ.

Петручіо.

Зачѣмъ такъ морщиться? Ну, полно, Катя!

Катарина.

Отъ яблоковъ лѣсныхъ всегда я морщусь.

Петручіо.

Да нѣтъ ихъ здѣсь, съ чего-жь глядѣть такъ кисло?

Катарина.

Нѣтъ, есть.

Петручіо.

Ну, гдѣ?

Катарина.

Жаль, зеркала-то нѣту.

Петручіо.

Такъ это я?

Катарина.

Ты молодъ, а догадливъ.

Петручіо.

Клянусь Георгомъ, для тебя я молодъ.

Катарина.

Поблекъ.

Петручіо.

Съ заботы.

Катарина.

Мнѣ-то нѣтъ заботы. (*Хочетъ уйти.*)

Петручіо.

Постой же, Катя! Нѣтъ, ты не уйдешь.

Катарина.

Мнѣ оставаться — только васъ сердить.

Петручіо.

Не думай! Я нашелъ, что ты любезна.
Сказали мнѣ, что ты груба, дика,
Сурова — нѣтъ, я вижу, что обманутъ:
Любезна ты и ласкова, шутлива;

Тиха, за то пріятна какъ цвѣточекъ.
Ты не умѣешь хмуриться, коситься
И не кусаешь губъ, какъ злыя дѣвки.
Противорѣчить ты не любишь, кротко
Ты съ женихами разговоръ ведешь,
Учтиво, мило необыкновенно.
Съ чего же взяли, будто ты хромаешь?
О, сплетники! Орѣшины прямѣе,
Стройнѣе Катя и смуглѣй орѣха
И зернышка его гораздо слаще.
Пройдись, пройдись: уже-ли ты хромаешь?

Катарина.

Приказывай, дуракъ, кому ты платишь.

Петручіо.

Діана рощей такъ не украшала,
Какъ эту комнату ты украшаешь, Катя.
Будь ты Діаной, а Діана — Катей,
Ты цѣломудренной, она — шутливой.

Катарина.

Откуда вы такихъ рѣчей набрались?

Петручіо.

Экспромты все; отъ матушки достались.

Катарина.

Сострила мать, коль родила такого.

Петручіо.

Я развѣ простъ?

Катарина.

Конечно, простъ и скоро
Совсѣмъ простынешь ты.

Петручіо.

Ну, нѣтъ, едва-ли
Я подъ бочкомъ твоимъ простыну. Катя,
Оставимъ шутки. Коротко и ясно:
Отецъ твой мнѣ отдать тебя согласенъ,
Приданое назначено — и хочешь
Или не хочешь — а моей ты будешь.
Я по-тебѣ: тебѣ такого нужно.
Клянуся свѣтомъ, при которомъ видѣлъ

И полюбилъ я красоту твою,
Что я тебя не уступлю другому.
Я съ тѣмъ рожденъ, чтобъ усмирить тебя.
Повѣрь мнѣ, Катя, что изъ дикой Кати
Я сдѣлаю хорошую хозяйку.
Идетъ отецъ: не вздумай „нѣтъ“ сказать!
Хочу и долженъ взять я Катю замужъ.

Входятъ Баптиста, Греміо *и* Траніо.

Баптиста.

Ну что, поладили, сеньёръ Петручьо,
Вы съ дочерью?

Петруччіо.

Еще бы не поладить!
Да развѣ можно намъ съ ней не поладить?

Баптиста.

Съ чего же, дочь моя, ты такъ печальна?

Катарина.

Вы дочерью меня зовете? Вижу
Родительскую нѣжность вашу: выдать
За сумасшедшаго меня хотите,
За наглаго, который такъ увѣренъ,
Что онъ всего добиться можетъ бранью.

Петруччіо.

Вотъ дѣло въ чемъ, отецъ: весь свѣтъ и ты —
Вы, говоря о ней, все только лгали.
Вотъ сердится, а это только хитрость!
Она не сердится, она — что голубь;
Не вспыльчива, а, какъ луна, тиха;
Терпѣніемъ она Гризельда будетъ,
Стыдливостью — Лукреція-римлянка.
Короче: такъ мы нравимся другъ другу,
Что въ воскресенье будетъ наша свадьба.

Катарина.

Повѣсить бы тебя до воскресенья.

Греміо.

Петручьо, слышишь ты? до воскресенья.

Траніо.

Такъ вотъ какъ вы! Теперь прощай все дѣло!

Петручіо.

Сеньёры, стойте! Я избралъ ее.
Она довольна—что же вамъ за дѣло?
Мы здѣсь уговорились съ ней нарочно,
Чтобъ при людяхъ она казалась злой.
Ну, просто вамъ сказать, невѣроятно,
Какъ полюбила. Нѣжная дѣвица!
Виситъ на шеѣ, поцѣлуи градомъ
И клятвы сыплются и все такъ быстро,
Что въ мигъ одинъ меня и покорила.
Вы новички, а стòитъ посмотрѣть,
Какъ самый слабый покорить съумѣетъ
Капризную, самъ-другъ оставшись съ ней.
Дай ручку, Катя! Я сейчасъ уѣду
Въ Венецію за платьемъ къ нашей свадьбѣ.
Вы балъ готовьте да гостей зовите —
И Катя будетъ всѣхъ милѣй — я знаю.

Баптиста.

Не знаю, чтò сказать! Подайте руки.
Дай Богъ вамъ счастья! Дѣло рѣшено.

Греміо *и* Траніо.

Аминь. А мы свидѣтелями будемъ.

Петручіо.

Отецъ, невѣста, вы, друзья, прощайте:
Въ Венецію! До воскресенья близко.
Бездѣлокъ нужно разныхъ и колецъ.
Цалуй: мы въ воскресенье подъ вѣнецъ!

(*Петручіо и Катарина уходятъ въ разныя стороны.*)

Греміо.

Какъ неожиданно сошлись! Скажите!

Баптиста.

Я въ этой свадьбѣ роль купца играю
И наудачу свой товаръ пускаю.

Транio.

Лежалъ да портился; теперь вамъ прибыль
Онъ принесетъ, или потонетъ въ морѣ.

Баптиста.

Ихъ счастіе — вотъ прибыль для меня.

Гремio.

Счастлива будетъ — въ этомъ нѣтъ сомнѣнья.
Теперь, Баптиста, разговоръ о младшей.
Ужь близокъ день, котораго мы ждали;
Я вашъ сосѣдъ, изъ жениховъ я первый.

Транio.

А я люблю сильнѣе, чѣмъ словами
Сказать возможно, или даже вздумать.

Гремio.

Ты юнъ и такъ любить, какъ я, не можешь.

Транio.

Ты сѣдъ, ты холоденъ.

Гремio.

А ты кипишь.
Назадъ, прыгунъ! За старикомъ сытѣе.

Транio.

За молодымъ за-то для жонъ милѣе.

Баптиста.

Сеньёры, стойте: я рѣшу вашъ споръ.
Награда по дѣламъ. Кто завѣщаетъ
Изъ васъ, на случай смерти, больше Бьянкѣ,
Того и Бьянка будетъ — вотъ и все!
Скажите, Гремьо, что вы дать хотите?

Гремio.

Вы знаете, во-первыхъ, домъ, снабженный
Серебряной и золотой посудой
Для умыванья рукъ ея прекрасныхъ,
Обитъ обоями изъ тирскихъ тканей;
Набиты кронами ларцы изъ кости,
А въ кипарисныхъ сундукахъ ковры,
Наряды, пологи, бѣлье, завѣсы
И съ жемчугомъ турецкія подушки,

Шитье венеціанцевъ золотое
И мѣдная посуда — все, что нужно
Для дома и хозяйства, да на мызѣ
Коровъ молочныхъ сотня, да по стойламъ
Быковъ сто-двадцать жирныхъ; остальное
Все въ этихъ же размѣрахъ. Я, признаться,
Теперь ужь въ лѣтахъ и умри хоть завтра —
Ея все будетъ, только-бъ согласилась
Моею быть, пока я живъ еще.

Траніо.

Не будь послѣдняго, такъ хорошо бы!
Я по отцѣ единственный наслѣдникъ
И если ваша дочь моею будетъ,
Я завѣщаю три-четыре дома
Въ богатой Пизѣ, ни одинъ не хуже
Того, что Гремьо въ Падуѣ имѣетъ;
Да каждый годъ двѣ тысячи дукатовъ
На часть ея съ своихъ земель даю.
Что, Гремьо, васъ задѣло за живое?

Греміо.

Еще съ земель двѣ тысячи дукатовъ?
Мои всѣ земли этого не стоятъ.
Ну, я еще прибавлю ей корабль,
Который въ гавани теперь въ Марсели.
Ну, что̀, сеньёръ, я кораблемъ задѣлъ васъ?

Траніо.

Извѣстно всѣмъ, что у отца ихъ три
И всѣ нагружены, и двѣ галеры,
Гребныхъ судовъ двѣнадцать: всѣ за нею
Даю и вдвое, что-бъ ни предложили.

Греміо.

Я предложилъ ей все, что я имѣю
И больше этого имѣть нельзя ей.
Я нравлюсь — такъ себя и все отдамъ.

Траніо.

Она моя теперь предъ цѣлымъ свѣтомъ:
Вы обѣщали. Я даю ей больше.

Баптиста.

Согласенъ: ваше предложенье лучше —
И если-бъ вашъ родитель поручился,
За васъ бы отдалъ; нѣтъ — такъ извините.
Умрете вы — она при чемъ же будетъ?

Транio.

Одна придирка. Онъ старикъ, я молодъ.

Гремio.

И молодые мрутъ, какъ старики.

Баптиста.

Сеньёры, вотъ послѣднее рѣшенье:
Извѣстно вамъ, что въ это воскресенье
Я Катарину замужъ отдаю.
Въ другое воскресенье выдамъ Бьянку
За васъ, когда вы актомъ укрѣпите,
Что обѣщали; нѣтъ — отдамъ за Гремьо.
Прощайте: я благодарю обоихъ. (*Уходитъ.*)

Гремio.

Прощай, сосѣдъ. Ну, другъ, ты мнѣ не страшенъ,
Не будетъ глупъ отецъ твой, не откажетъ
Тебѣ всего, чтобы потомъ подъ старость
Къ тебѣ идти на хлѣбы. Подождешь:
Лисицу старую не проведешь. (*Уходитъ.*)

Транio.

Чтобъ надъ твоей башкой бѣда стряслася!
Со мной играешь, такъ туза получишь.
Я барину съумѣю услужить.
И отчего-бъ поддѣльному Люченцьо
Не взять отца, поддѣльнаго Винченцьо?
Вотъ странно! Всѣ отцы добыть хлопочутъ
Дѣтей себѣ, а я отца добуду.
Не промахнусь, такъ молодецъ я буду! (*Уходитъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Падуя. Комната въ домѣ Баптисты.

Входятъ Люченціо, Гортензіо *и* Бьянка.

Люченціо.

Оставьте же! Вы стали очень дерзки!
Вы скоро позабыли угощенье,
Которымъ встрѣтила васъ Катарина.

Гортензіо

Педантъ задорный, видите: предъ нами
Сама богиня музыки небесной,
А потому вы уступить должны.
Сначала часъ мы музыкой займемся,
Потомъ вы столько же займетесь чтеньемъ.

Люченціо.

Оселъ безмозглый! Вы читали мало;
На что намъ музыка — вамъ неизвѣстно.
Она дана, чтобъ освѣжать нашъ умъ,
Ученьемъ или трудами утомленный.
И потому пустите насъ заняться
Науками, а забавляйтесь послѣ.

Гортензіо.

Я вашей брани слушать не намѣренъ.

Бьянка.

Обидно мнѣ: вы ссоритесь, сеньёры,
О томъ, что вовсе не отъ васъ зависитъ.
Не школьникъ я: меня нельзя заставить
Учиться по часамъ. Какъ мнѣ угодно,
Такъ я и буду заниматься съ вами.
Чтобъ кончить споръ, мы съ вами сядемъ здѣсь,
А вы возьмите лютню и играйте.
Пока мы кончимъ, вамъ и не настроить.

Гортензіо.

Вы кончите, лишь только я настрою?

Люченціо.

Ну, этого не будетъ. Впрочемъ, стройте.

Бьянка.

Мы гдѣ остановились?

Люченціо.

Здѣсь, сеньёра.
Hac ibat Simois; hic est Sigeia tellus;
Hic steterat Priami regia celsa senis.

Бьянка.

Переведите мнѣ.

Люченціо.

Hac ibat—какъ я ужь вамъ сказалъ, Simois—я, Люченціо, hic est — сынъ Винченціо изъ Пизы, Sigeia tellus — переодѣтый для того, чтобы снискать любовь вашу, hic steterat — а Люченціо, что явился женихомъ, Priami — мой слуга Транio, regia — представляетъ меня и носитъ мое имя, celsa senis—чтобы провести стараго Панталона.

Гортензіо.

Сеньёра, у меня готова лютня.

Бьянка.

Послушаемъ. Фи, какъ дискантъ фальшивитъ!

Люченціо.

Поплюйте на колки, да снова стройте.

Бьянка.

Теперь я вамъ сама переведу.
Hac ibat Simois—я васъ не знаю, hic est Sigeia tellus—я вамъ не вѣрю, hic steterat Priami — берегитесь, чтобъ онъ не услыхалъ, regia—не будьте очень самонадѣянны, celsa senis — и не отчаявайтесь.

Гортензіо.

Теперь готово.

Люченціо.

Только басъ фальшивитъ.

Гортензіо.

Нѣтъ, басъ-то вѣренъ; это ты фальшивишь. (*Въ сторону.*)

Однако онъ горячъ и дерзокъ очень.
Клянусь, что онъ волочится за нею,
Да вѣдь и я присматривать умѣю.

Бьянка.

Быть-можетъ послѣ; но теперь не вѣрю.

Люченціо.

Не сомнѣвайтесь. Эакидъ все то же,
Что и Аяксъ: онъ названъ такъ по дѣду.

Бьянка.

Учителю должна во всемъ я вѣрить,
А будь иначе, я бы сомнѣвалась.
Довольно съ вами. Личіо, начнемте.
Вы не сердитесь, господа, однако,
Что я себѣ шутливость позволяю.

Гортензіо.

Ты можешь прочь идти и насъ оставить:
Здѣсь трехголосной музыки не будетъ.

Люченціо.

Вы очень строги.
(*Въ сторону.*) Лучше я останусь,
Да присмотрю за нимъ, а то сдается,
Что нашъ прекрасный музыкантъ влюбленъ.

Гортензіо.

Сеньёра, прежде чѣмъ коснетесь лютни
И прежде чѣмъ начнете ставить пальцы,
Я объясню вамъ первыя начала
Искусства нашего отъ самой гаммы,
Короче и пріятнѣй, и понятнѣй,
Успѣшнѣй, чѣмъ другіе музыканты.
Вотъ гамма, переписанная четко.

Бьянка.

Ужъ гамму я давно прошла и знаю.

Гортензіо.

А я, чтобъ вы мою прочли, желаю.

Бьянка (*читаетъ*).

„Я — гамма всей гармоніи основа!
А-ге, Гортензьо Бьянку умоляетъ:

B-mi, возьми его своимъ супругомъ;
C-fa, тебя одну онъ обожаетъ.
D-sol-re — ключъ одинъ, но въ немъ двѣ ноты;
E-la-mi, сжалься, иль убьешь его ты.“
И это гамма ваша? Нѣтъ, я больше
Ту, старую люблю. Не легковѣрна
И стараго на новость не мѣняю.

Входитъ СЛУГА.

Слуга.

Васъ проситъ батюшка оставить книги
И комнату убрать помочь сестрицѣ.
Вы знаете, что завтра будетъ свадьба.

Бьянка.

Любезные учители, прощайте. (*Бьянка и слуга уходятъ.*)

Люченціо.

И мнѣ, сеньёра, нечего здѣсь дѣлать. (*Уходитъ.*)

Гортензіо.

А мнѣ такъ есть: тебя подозрѣвать.
Мнѣ кажется, онъ смотритъ какъ влюбленный;
Но если, Бьянка, ты себя унизишь
И кинешь взоръ на перваго пришельца —
Бери его. И если я открою
Твою невѣрность — разстаюсь съ тобою. (*Уходятъ.*)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Тамъ же. Передъ домомъ Баптисты.

Входятъ БАПТИСТА, ТРАНІО, КАТАРИНА, БЬЯНКА, ЛЮЧЕНЦІО *и слуги.*

Баптиста.

Сеньёръ Люченціо, вотъ и день насталъ,
День свадьбы Катарины и Петручіо,
А и помину нѣтъ еще о зятѣ.
Что люди скажутъ? Что за срамъ такой!
Священникъ ждетъ, готовъ обрядъ вѣнчальный

Онъ совершитъ, а нашъ женихъ не ѣдетъ.
Что скажете вы о такомъ позорѣ?

Катарина.

Позоръ лишь мнѣ! Меня вы противъ воли
Принудили идти за грубіяна
Капризнаго, который скоръ лишь сватать,
А женится—когда ему досужно.
Я говорила, что наглецъ безстыдно
Обиды грубой шуткой прикрываетъ
И, чтобъ его за чудака считали,
Онъ будетъ свататься и день назначитъ,
Созоветъ гостей на балъ, объявитъ въ церкви,
А самъ и не подумаетъ жениться.
Всѣ будутъ пальцами на Катарину
Показывать и говорить: „смотрите:
Жена Петручьо! Жаль, что не женился".

Транio.

Баптиста, Катарина, успокойтесь!
Петручьо не обманетъ — жизнь порукой.
Его случайность только задержала.
Хоть онъ чудакъ, но онъ уменъ — я знаю;
Хоть онъ чудакъ, но честный человѣкъ.

Катарина.

Ужъ лучше-бъ вовсе не видать его мнѣ!
(*Уходитъ, плача, съ Бьянкой и слугами.*)

Баптиста.

Поди — тебя не упрекну за слезы.
Такой обиды не снесетъ святая,
А ты и безъ того нетерпѣлива.

Входитъ Біонделло.

Біонделло.

Сеньёры, новость! старая вамъ новость!
Такая новость... Съ роду не слыхали!

Баптиста.

И старая и новость — это чудо!

Біонделло.

А развѣ не новость — вѣсть о томъ, что Петручіо ѣдетъ?

Баптиста.

Онъ пріѣхалъ?

Біонделло.

Нѣтъ, сеньёръ.

Баптиста.

Такъ какъ же?

Біонделло.

Онъ ѣдетъ.

Баптиста.

Скоро ли же онъ будетъ?

Біонделло.

А вотъ когда будетъ стоять здѣсь, гдѣ стою и видѣть васъ тамъ.

Баптиста.

Ну, какія же тамъ старыя новости?

Біонделло.

А вотъ: Петручіо ѣдетъ сюда въ новой шляпѣ и въ старой курткѣ; брюки старые, раза три вывороченные; сапоги на немъ прежде служили ящиками для свѣчей; одинъ изъ нихъ съ пряжкой, а другой съ завязками; старый заржавленный мечъ изъ городского арсенала, съ изломаннымъ эфесомъ и безъ ноженъ и съ разорванными ремнями, на хромой лошади; сѣдло старое, изъѣденное молью, а стремена разныя. Лошадь же сопата и, кажется, что на спинѣ у нея скоро выростетъ мохъ. Кромѣ того, она больна насосомъ, паршива, съ желтухой, изуродована заушницей и подкожными червями и страдаетъ головокруженіемъ; удила изломаны, узда изъ бараньей шкуры и вся въ узлахъ: видно, онъ ее часто натягивалъ, чтобы не дать лошади упасть, отъ чего она и разрывалась; подпруга сшита изъ шести кусковъ; нахвостникъ бархатный, съ дамскаго сѣдла, съ двумя именными буквами, великолѣпно вынизанъ гвоздиками и мѣстами связанъ веревками.

Баптиста.

Кто съ нимъ ѣдетъ?

Біонделло.

Его слуга, сеньёръ — и, клянусь вселенной, убранъ точно

такъ же, какъ и лошадь: одна нога въ чулкѣ, а другая въ шерстяномъ штиблетѣ: одна подвязана синей, а другая красной покромкой; на головѣ изношенная шляпа, въ которую, вмѣсто пера, воткнуто „Сорокъ любовныхъ пѣсенъ“. Чудовище, просто, чудовище и не похожъ на слугу христіанина и дворянина.

Траніо.

Какая-нибудь особенная причуда заставила его это сдѣлать. Онъ часто одѣвается очень просто.

Баптиста.

Я радъ, что онъ придетъ, въ какомъ бы видѣ ни пришелъ.

Біонделло.

Да онъ не придетъ.

Баптиста.

Да не ты ли сейчасъ сказалъ, что придетъ?

Біонделло.

Кто придетъ? Петручіо?

Баптиста.

Да, Петручіо.

Біонделло.

Нѣтъ, сеньёръ, придетъ-то его лошадь, а онъ сидитъ на ней.

Баптиста.

Это все одно.

Біонделло.

Клянусь Іаковомъ
И ставлю цѣлый пенсъ,
Что конь и человѣкъ
Хоть больше одного,
А все-жь не двое.

Входятъ Петручіо *и* Груміо.

Петручіо.

Ну, гдѣ же эти франты? Кто же дома?

Баптиста.

Сеньёръ, здорово!

Петручіо.

Не совсѣмъ здорово.

Баптиста.

Вы не хромаете?

Траніо.

Не такъ одѣты,
Какъ слѣдуетъ.

Петручіо.

А что-жь! и въ лучшемъ платьѣ
Все тотъ же самый я Петручьо буду.
А гдѣ же Катя? гдѣ моя невѣста?
Что, батюшка? Что вы, друзья, печальны?
И отчего, друзья мои, скажите
Все общество такъ смотритъ, будто видятъ
Во мнѣ комету, иль какое чудо?

Баптиста.

Вы знаете, что нынѣче ваша свадьба!
Мы безпокоились, что васъ не будетъ.
Вы хуже поступили, такъ одѣвшись.
Долой лохмотья! Какъ же вамъ не стыдно?
Они позорятъ наше торжество.

Траніо.

Скажите намъ, какой же важный случай
Васъ задержалъ такъ долго и представилъ
Теперь сюда ни на что непохожимъ?

Петручіо.

Разсказъ великъ и слушать будетъ скучно.
Довольно съ васъ: далъ слово и—пріѣхалъ.
Хоть я отъ слова отступилъ немного,
Но на досугѣ въ этомъ оправдаюсь—
Вы будете довольны совершенно.
Гдѣ Катя? Я и такъ замѣшкалъ долго.
Проходитъ утро—намъ пора быть въ церкви!

Траніо.

Вы не кажитесь ей въ такомъ нарядѣ.
Зайдемъ ко мнѣ: перемѣните платье.

Петручіо.

Ну, нѣтъ, не надо: я явлюсь къ ней въ этомъ.

Баптиста.

Не такъ же вы пойдете съ ней вѣнчаться?

Петручіо.

Такъ именно. Оставьте разговоры:
Со мной вѣнчаться будетъ, а не съ платьемъ.
Вотъ если-бъ могъ я подновить себя
Такъ скоро и легко, какъ это платье,
Для ней же лучше, а ужь мнѣ—такъ вдвое.
Что-жь я, дуракъ, затолковался съ вами!
Пора идти къ невѣстѣ – поцалуемъ
Мои права надъ ней запечатлѣть. (*Уходитъ.*)

Траніо.

Онъ съ умысломъ такой нарядъ надѣлъ.
Однакожъ надо будетъ постараться,
Чтобъ онъ передъ вѣнчаньемъ передѣлся.

Баптиста.

Пойти и посмотрѣть что дальше будетъ. (*Уходитъ.*)

Траніо (*къ Люченціо*).

Одной любви, сеньёръ, тутъ мало—нужно
Согласіе отца, и съ этой цѣлью,
Какъ вашей милости уже извѣстно,
Я пріискать стараюсь человѣка—
И кто-бъ онъ ни былъ, мы его настроимъ,
И будетъ онъ Винченціо изъ Пизы
И въ Падуѣ поручится за васъ
Гораздо больше, чѣмъ мы обѣщали.
И вы спокойно насладитесь счастьемъ
И женитесь на Бьянкѣ по согласью.

Люченціо.

Вотъ если-бъ музыкантъ не такъ старался
Подсматривать за каждымъ шагомъ Бьянки,
Намъ можно-бъ было обвѣнчаться тайно.
Потомъ пускай весь свѣтъ со мной заспоритъ,
Свое я право отстоять съумѣю.

Траніо.

Нѣтъ, мы устроимъ это помаленьку
И осторожно дѣло поведемъ,

Перехитримъ и Греміо сѣдого,
И близорукаго отца Миноллу,
И музыканта Личіо обманемъ.
И все для васъ, мой господинъ Люченціо.

Входитъ Греміо.

Траніо.

А, Гремьо! вы вернулися изъ церкви?

Греміо.

И радъ, какъ-будто вырвавшись изъ школы.

Траніо.

А молодые мужъ съ женой ужь вышли?

Греміо.

Какой онъ мужъ—мужикъ онъ безобразный!
Она узнаетъ, въ чьи попала лапы!

Траніо.

Онъ бѣшенѣй ея? Нѣтъ, невозможно!

Греміо.

Ну, нѣтъ, онъ дьяволъ—дьяволъ, сатана!

Траніо.

Вѣдь и она-то дьяволъ, дьяволъ тоже!

Греміо.

Она предъ нимъ овца, голубка, крошка.
Ну, слушайте! Пасторъ спросилъ его:
Согласенъ онъ взять замужъ Катарину?
„Да, разумѣется“, онъ крикнулъ и божился
Такъ громко, что пасторъ, со страха, книгу
Не удержалъ, и только онъ нагнулся,
Чтобы поднять ее, какъ сумасшедшій
Толкнулъ его такъ сильно, что упали
Пасторъ и книга. „Пусть ихъ подымаетъ
Теперь кто хочетъ“, онъ добавилъ громко.

Траніо.

А что-жь невѣста? Что-нибудь сказала?

Греміо.

Она тряслась; онъ топалъ и ругался,
Какъ-будто пастырь чѣмъ его обидѣлъ.
Когда обрядъ вѣнчанья отошелъ,

Онъ попросилъ себѣ вина и громко
Здоровье крикнулъ, будто послѣ бури
Онъ пьянствовалъ на кораблѣ съ друьями.
Онъ разомъ выпилъ мускатель; остатки-жь
Онъ кистеру плеснулъ въ лицо за то,
Что тотъ, тряся своей бородкой тощей,
Пока онъ пилъ, какъ бы просилъ подачки.
Потомъ схватилъ невѣсту за затылокъ
И такъ ее онъ чмокнулъ прямо въ губы,
Что раздалось по церкви. Я отъ срама,
Увидя это, выбѣжалъ изъ церкви
И, вѣроятно, всѣ почти за мною.
Ну, нѣтъ, подобной свадьбы не бывало!
Чу, слышите? играютъ музыканты. (*Музыка.*)

Входятъ Петручіо, Катарина, Бьянка, Баптиста, Гортензіо, Груміо, *слуги и свита.*

Петручіо.

За хлопоты, друзья, благодарю васъ!
Со мною вы хотите пообѣдать
И приготовили мнѣ пиръ роскошный;
Но я спѣшу: дѣла мои не терпятъ,
И долженъ я сейчасъ проститься съ вами.

Баптиста.

Ужели вы хотите ѣхать на ночь?

Петручіо.

Нѣтъ, даже прежде, чѣмъ наступитъ вечеръ.
Не удивляйтесь! Если бы вы знали
Дѣла мои, меня вы гнали-бъ сами.
Благодарю, честные господа.
Вы видѣли, какъ самъ себя я отдалъ
И кроткой и прекраснѣйшей изъ женщинъ.
Обѣдайте-жь и выпейте съ отцомъ,
А я сейчасъ уѣду. Ну, прощайте!

Траніо.

Мы просимъ васъ — останьтесь пообѣдать.

Петручіо.

Никакъ нельзя.

Гремiо.

И я прошу остаться.

Петручiо.

Я не могу, нельзя.

Катарина.

Ну, я прошу васъ.

Петручiо.

Я очень радъ.

Катарина.

Вы рады здѣсь остаться?

Петручiо.

Я радъ, что просите меня остаться.
А не останусь, сколько-бъ ни просили.

Катарина.

Любя меня, останьтесь!

Петручiо.

Лошадей!

Груміо.

Онѣ готовы и овесъ ужъ съѣденъ.

Катарина.

Какъ хочешь ты, но нынче не поѣду,
Ни завтра я, пока не захочу.
Ворота отперты, а вотъ дорога—
Ступай, покуда крѣпки сапоги,
А я останусь, сколько мнѣ угодно.
Сейчасъ и видно—вы хорошій мужъ:
Вы съ самаго начала доказали.

Петручiо.

Ну, полно, Катя, не сердись, прошу я.

Катарина.

Хочу сердиться: вамъ какое дѣло?
Онъ здѣсь останется—вы успокойтесь.

Гремiо.

Теперь, сеньёръ, пойдетъ у нихъ работа.

Катарина.

Прошу за столъ, сеньёры! Да, я знаю,

Что женщину не долго одурачить,
Когда она противиться не въ силахъ.

Петручіо.

Они пойдутъ, послушаются Катю.
Сеньёры, повинуйтесь новобрачной:
Повиноваться нужно ей. Ступайте,
Пируйте, пейте за ея невинность
Безумно, весело, иль убирайтесь!
А что до Кати, такъ она уѣдетъ.
Ты не косись и не ворчи, не топай!
Ты собственность моя, я твой владыка.
Моя земля ты, домъ и дворъ, посуда,
Ты поле, житница, моя ты лошадь,
Мой волъ, оселъ—ну, словомъ, все мое.
Вотъ здѣсь она: ну, тронь ее, кто смѣетъ!
Я проучу того, кто загородитъ
Мнѣ въ Падую дорогу съ нею. Грумьо,
Бери свой мечъ: разбойники напали—
Спаси сеньёру, если ты мужчина.
Не бойся, Катя, насъ они не тронутъ:
Я отобьюсь хоть противъ милліона.

(*Петручіо, Катарина и Груміо уходятъ.*)

Баптиста.

Ну и ступайте съ Богомъ! Вотъ-такъ пара!

Греміо.

Ну, не уйди—я умеръ бы со смѣху!

Траніо.

Подобнаго безумства не бывало.

Люченціо.

Что скажете, сеньёра, о сестрицѣ?

Бьянка.

Что сумасшедшій свелъ ее съ ума.

Греміо.

Нѣтъ, развѣ онъ окатаринилъ ею.

Баптиста.

Сосѣди и друзья, на нашемъ пирѣ
Не будетъ молодой и молодого,

За то не будетъ недостатка въ блюдахъ.
Люченцьо, вы на мѣсто жениха
Садитесь. Бьянка сядетъ за невѣсту.

Траніо.

Чтобъ пріучалась Бьянка быть невѣстой.

Баптиста.

А почему-жь не такъ? Идемъ. сеньёры! (*Уходятъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Комната въ загородномъ домѣ Петручіо.

Входитъ Груміо.

Груміо.

Чортъ возьми всѣхъ усталыхъ клячъ, всѣхъ бѣшеныхъ баръ и всѣ гадкія дороги! Былъ ли кто такъ избитъ, такъ забрызганъ грязью? уставалъ ли когда такъ человѣкъ? Меня послали впередъ разводить огонь, а они пріѣдутъ грѣться. Не имѣй я способности, какъ всѣ маленькіе горшки, согрѣваться вдругъ, мои губы примерзли бы къ зубамъ, языкъ — къ нёбу, а сердце — къ брюху, прежде, чѣмъ я успѣлъ бы развести огонь, чтобы оттаять себя. Но, раздувая огонь, я самъ поразогрѣюсь. Судя по этой погодѣ, не то что я, а и большой человѣкъ можетъ простудиться. Эй, Куртисъ!

Входитъ Куртисъ.

Куртисъ.

Кто зоветъ меня такъ холодно?

Груміо.

Кусокъ льду; если-жь сомнѣваешься, можешь скатиться съ плеча моего къ пяткамъ — и не надо тебѣ больше разбѣгу, какъ отъ головы до шеи. Огня, добрый Куртисъ!

Куртисъ.

А что, Груміо, нашъ баринъ съ молодой женой ѣдутъ?

Груміо.

Да, Куртисъ, и потому — огня, огня! Ты давай огня, а не переливай изъ пустого въ порожнее.

Куртисъ.

А что, она въ самомъ дѣлѣ такъ горяча и зла, какъ о ней разсказываютъ?

Груміо.

Да, добрый Куртисъ, была горяча до этого мороза. Но ты знаешь, зима укрощаетъ и мужчину, и женщину, и скотину; поэтому она укротила и стараго барина, и новую барыню, и меня, братъ Куртисъ.

Куртисъ.

Убирайся ты, трехвершковый дуракъ! Я-то ужь не скотина.

Груміо.

Я трехвершковый? Да въ твоихъ рогахъ футъ и во мнѣ — столько же росту, по-крайней-мѣрѣ. Будешь ты разводить огонь, или мнѣ пожаловаться на тебя барынѣ? Хоть она и сама подъ рукой, а тебѣ отъ ея руки будетъ холодно за твою неисправность въ горячей должности.

Куртисъ.

Разскажи-ка лучше, Груміо, что̀ дѣлается на свѣтѣ?

Груміо.

Въ свѣтѣ все холодно, добрый Куртисъ, кромѣ твоей должности — и потому ты давай огня! Дѣлай должное и бери должное. Баринъ съ барыней чуть до смерти не замерзли.

Куртисъ.

Вотъ тебѣ огонь. Теперь — новости, добрый Груміо.

Груміо (*напѣваетъ*).

„Ну, Джекъ! ну, малый!“ Столько новостей, сколько тебѣ угодно!

Куртисъ.

Ты все шутишь. Охъ ты, продувной!

Груміо.

Да, меня продуло не на шутку, потому я и просилъ тебя раздуть огонь. Гдѣ поваръ? Готовъ ли ужинъ? Убранъ ли домъ? Посыпаны ли полы, обметена ли паутина, а прислуга въ новомъ ли платьѣ и бѣлыхъ чулкахъ и всѣ ли въ свадебномъ нарядѣ?

Рюмки и стаканы вымыты ли и снутри и снаружи? разостланы ли ковры и все ли у васъ въ порядкѣ?

Куртисъ.

Все готово! Сдѣлай милость, разсказывай новости.

Груміо.

Во-первыхъ, знай, что моя лошадь устала, а господинъ и госпожа упали.

Куртисъ.

Какъ?

Груміо.

Съ сѣделъ въ грязь. Тутъ цѣлая исторія.

Куртисъ.

Такъ разсказывай, добрый Груміо.

Груміо.

Дай-ка сюда ухо!

Куртисъ.

На, вотъ.

Груміо (*бьетъ его по-уху*).

На, вотъ!

Куртисъ.

Да этакъ чувствуешь новость, а не слышишь.

Груміо.

Оттого разсказъ и называется чувствительнымъ. Впрочемъ, этотъ ударъ для того, чтобы разбудить твое вниманіе. Начинаю: imprimis, мы съѣзжали съ дрянного пригорка; баринъ сидѣлъ позади барыни.

Куртисъ.

Оба на одной лошади?

Груміо.

А тебѣ что за дѣло?

Куртисъ.

Да лошади-то каково!

Груміо.

Ну, такъ самъ и разсказывай эту исторію. Не перебей ты меня, ты услыхалъ бы, какъ ея лошадь упала, а она подъ лошадь; услыхалъ бы, въ какомъ это грязномъ мѣстѣ было, какъ

она загрязнилась, какъ онъ оставилъ лежать ее подъ лошадью; какъ колотилъ меня за-то, что ея лошадь споткнулась; какъ она шлепала по грязи, чтобъ оттащить его отъ меня; какъ онъ ругался, а она, до-сихъ-поръ не просившая никого, просила его; какъ я оралъ, а лошади разбѣжались; какъ изорвалась уздечка, а я потерялъ подпругу. Ты услыхалъ бы еще много другихъ замѣчательныхъ вещей, которыя теперь умруть въ забвеніи, а ты сойдешь въ могилу, не зная ничего этого.

Куртисъ.

Такъ, выходитъ, онъ еще сердитъй ея?

Груміо.

Еще бы! А вотъ и ты, и всѣ вы узнаете это, какъ онъ пріѣдетъ. Да что я толкую! Позови Нафанаила, Іосифа, Николая, Филиппа, Вальтера, Блюдолиза и прочихъ: пусть они причешутъ головы поглаже, вычистятъ синіе колеты, подвяжутъ чулки свои разноцвѣтными подвязками, чтобы они становились на лѣвое колѣно и не смѣли касаться даже къ хвосту лошади господина, пока не поцалуютъ рукъ ихъ. Всѣ ли они готовы?

Куртисъ.

Готовы.

Груміо.

Зови ихъ.

Куртисъ.

Слышите! Эй, вы! вамъ надо встрѣтить барина, чтобъ показать барынѣ приличный видъ.

Груміо.

Зачѣмъ же ей? у ней свой есть.

Куртисъ.

Да кто-жь этого не знаетъ?

Груміо.

Да ты; потому-что собираешь людей, чтобы показать видъ.

Куртисъ.

Я сзываю, чтобъ показать ей довѣріе.

Груміо.

Да она ѣдетъ не за тѣмъ, чтобъ занимать у васъ?

Входятъ ЧЕТВЕРО СЛУГЪ.

Нафанаилъ.

Съ пріѣздомъ, Груміо.

Филиппъ.

Какъ ты поживаешь, Груміо?

Іосифъ.

Здоровъ ли ты, Груміо?

Николай.

Ну, какъ ты, Груміо?

Нафанаилъ.

Что̀ новаго, старый шалунъ?

Груміо.

Здравствуй, ты! ну, а ты! ты что̀? ты, товарищъ! ну и будетъ съ васъ. Теперь, нарядные друзья мои, все ли готово? Все ли у васъ въ порядкѣ?

Нафанаилъ.

Все. А что̀, далеко еще нашъ баринъ?

Груміо.

Здѣсь, подъ-носомъ, ужь соскочилъ, я думаю, съ лошади, а потому... А, чортъ возьми! молчите! я слышу голосъ его.

Входятъ ПЕТРУЧІО *и* КАТАРИНА.

Петручіо.

Гдѣ-жь олухи? ни одного въ воротахъ:
Ни стремя поддержать, ни взять коня!
Нафанаилъ, Филиппъ, Григорій, гдѣ вы?

Слуги.

Мы здѣсь, сеньёръ, мы здѣсь, сеньёръ, мы здѣсь!

Петручіо.

Мы здѣсь, сеньёръ, мы здѣсь, сеньёръ! мы здѣсь!
Болваны, ни малѣйшаго вниманья.
Ни уваженья должнаго! А гдѣ же
Тотъ безтолковый, что впередъ былъ посланъ?

Груміо.

Я здѣсь и все такой же безтолковый!

Петручіо.

Болванъ, поганецъ, кляча, не тебѣ ли

Я приказалъ, чтобъ ты насъ встрѣтилъ въ паркѣ
И взялъ съ собой всѣхъ этихъ негодяевъ?

Груміо.

Нафанаилу куртка не готова,
Гаврилѣ не подшиты башмаки,
А у Петра не вычернена шапка,
У Вальтера же шпага безъ ноженъ;
Одѣты только Ральфъ, Адамъ, Григорій,
Другіе же, какъ нищіе, въ лохмотьяхъ;
А впрочемъ, всѣ собрались встрѣтить васъ.

Петручіо.

Мерзавцы, ужинать скорѣй давайте!
(*Слуги уходятъ. Поетъ:*)

Гдѣ-жь ты, жизнь моя, моя прежняя!

Да гдѣ-жь вы тамъ?
Садись же, Катя, милости прошу.
Ухъ-ухъ-ухъ-ухъ! (*Слуги вносятъ ужинъ.*)
Да ну же, Катя, будь повеселѣе!
Эй, негодяи: сапоги стащите! (*Поетъ:*)

Жилъ да былъ монахъ убогой,
Онъ пошелъ путемъ-дорогой...

Разбойникъ, прочь: ты выдернулъ мнѣ ногу! (*Бьетъ его.*)
А вотъ, чтобъ ты не оторвалъ другую.
Да веселѣй же, Катя! Эй, воды мнѣ!
А гдѣ Троилъ, собака? Эй, воды мнѣ!
Зови скорѣе брата Фердинанда.
Ты, Катя, съ нимъ должна поцаловаться.
А туфли гдѣ? Дадутъ ли намъ воды? (*Подаютъ воду.*)
Мой руки, Катя — и покорно просимъ.
(*Слуга роняетъ рукомойникъ.*)
Мерзавецъ, урони еще, попробуй! (*Бьетъ его.*)

Катарина.

Ну, успокойся: онъ, вѣдь, не нарочно.

Петручіо.

Мерзавецъ, вислоухій негодяй!
Садись же, Катя, ты проголодалась.
Сама прочтешь молитву, или мнѣ?
А это что? баранина?

1-й слуга.

Такъ точно.

Петручіо.

Кто подалъ?

1-й слуга.

Я.

Петручіо.

Она подожжена —
И все подожжено. Что за собаки!
Гдѣ поваръ-негодяй? И какъ вы смѣли
Подать такую гадость! Вамъ извѣстно,
Что не стерплю. Долой тарелки, рюмки!
(*Сбрасываетъ со стола кушанье и посуду.*)
Безмозглые, безпечные болваны!
Какъ, вы ворчать еще! такъ я же васъ!

Катарина.

О, другъ мой, я прошу васъ — успокойтесь!
Не дурно кушанье — вамъ показалось.

Петручіо.

Нѣтъ, Катя, подожженое, сухое,
А это строго мнѣ запрещено:
И развиваетъ жолчь и гнѣвъ вселяетъ.
Ужь лучше мы немного поговѣемъ,
Чѣмъ ѣсть горѣлое, сухое мясо.
И безъ того съ тобой мы оба жолчны.
Ты потерпи: мы утромъ наведемъ,
А ночью ужь поститься вмѣстѣ будемъ.
Пойдемъ, я въ спальню провожу тебя.
(*Петручіо и Катарина уходятъ.*)

Нафанаилъ.

Ну, Петръ, видалъ ли ты такія штуки?

Петръ.

Ея-жь орудіемъ ее-жь и бьетъ.

Входитъ Куртисъ.

Груміо.

Ну, гдѣ онъ?

Куртисъ.

Въ спальнѣ проповѣдь читаетъ
О воздержаніи и самъ хохочетъ,
Клянется, бѣсится; она-жь, бѣдняжка,
Не знаетъ гдѣ ей стать, куда смотрѣть,
Что говорить: сидитъ какъ бы въ просонкахъ.
Уйдемъ, уйдемъ, онъ самъ идетъ сюда!

Петручіо *возвращается.*

Петручіо.

Надъ ней господство я искусно началъ;
Надѣюсь, что и кончу я съ успѣхомъ.
Теперь мой соколъ навостренъ порядкомъ;
Пока къ рукамъ привыкнетъ, корма меньше:
Какъ зобъ набьетъ, тогда плоха охота.
Еще есть средство пріучить ее,
Заставить подходить и знать мой голосъ:
Мѣшать ей спать, какъ коршуну мѣшаемъ,
Когда не слушаетъ, клюетъ и бьется.
Она не ѣла нынче и не будетъ;
Той ночью не спала, не спать и въ эту.
Какъ въ кушаньѣ, такъ точно и въ постели
Найду я небывалый недостатокъ;
Сюда подушки, а туда перину,
Направо пологъ, простыню налѣво
И покажу ей въ этомъ самомъ шумѣ,
Что изъ любви все это происходитъ;
А кончу тѣмъ, что не заснетъ и нынче.
Задремлетъ — я кричать и бѣсноваться
И громкимъ крикомъ прогоню ей сонъ.
Вотъ способъ уморить жену любовью!
Но я убью лишь бѣшеный характеръ.
Кто знаетъ лучше усмирять капризныхъ,
Пусть скажетъ намъ: вѣдь это будетъ благо.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Падуя. Передъ домомъ Баптисты.

Входятъ Транio *и* Гортензio.

Транio.

Возможно-ль, другъ, чтобъ Бьянка полюбила
Кого-нибудь другаго — не Люченцьо?
Я пользуюсь ея расположеньемъ.

Гортензio.

Я докажу вамъ. Станемте къ сторонкѣ —
И слушайте, чему ее онъ учитъ. (*Отходятъ къ сторонъ.*)

Входятъ Бьянка *и* Люченцio.

Люченцio.

Ну, какъ вамъ нравится мое ученье?

Бьянка.

Чему вы учите, вы мнѣ скажите.

Люченцio.

Одно искусство знаю я — любить.

Бьянка.

А вы владѣете искусствомъ этимъ?

Люченцio.

А вы владѣете моей душою. (*Отходятъ.*)

Гортензio.

Каковъ успѣхъ! Что скажете теперь?
А вы осмѣлились сказать, что Бьянка
Лишь только одного Люченцьо любитъ.

Транio.

Любовь коварная! непостоянство!
Нѣтъ, это удивительно, другъ Личьо.

Гортензio.

Не заблуждайтесь больше: я не Личьо,
Я не учитель музыки; мнѣ стыдно,
Что, изъ любви, предъ ней я притворялся.
Она пренебрегаетъ дворяниномъ
И любитъ низкаго простолюдина:
Узнайте же — меня зовутъ Гортензьо.

Транio.

Сеньёръ Гортензьо, много я наслышанъ
Про вашу преданность сеньёрѣ Бьянкѣ.
Увѣрившись въ ея непостоянствѣ,
Мы вмѣстѣ съ вами, если вы согласны,
Откажемся отъ Бьянки наотрѣзъ.

Гортензіо.

Смотрите какъ цалуются! Люченцьо,
Вотъ вамъ рука моя: я вамъ клянусь,
Что отъ нея отказываюсь вовсе.
Она не стóитъ той любви горячей,
Которую я тратилъ такъ безумно.

Транio.

И я клянусь, что не женюсь на ней:
Навязывайся хоть сама — не надо!
Смотрите, какъ любезничаютъ звѣрски!

Гортензіо.

Ее бы бросить всѣмъ: пусть онъ при ней!
А я, чтобы вѣрнѣй исполнить слово,
Въ три дня, не позже, на вдовѣ богатой
Женюсь: она меня любила даже,
Когда любилъ я гордое созданье.
Сеньёръ Люченціо, прошу прощенья!
Одной любовью нѣжной, а не взглядомъ
Мою любовь пріобрѣсти возможно.
Прощайте! Я останусь вѣренъ клятвѣ.

Люченціо *и* Бьянка *подходятъ.*

Транio.

Сеньёра Бьянка, счастья вамъ желаю
И всякихъ радостей, любви взаимной!
Ха-ха! Я подсмотрѣлъ всѣ ваши шашни
И мы отъ васъ съ Гортензьо отказались.

Бьянка.

Вы шутите! Ужели отказались?

Транio.

Да, оба.

Люченціо.

Личьо больше неопасенъ.

Траніо.

На вдовушкѣ веселенькой онъ хочетъ
Посвататься и въ тотъ же день жениться.

Бьянка.

Дай Богъ имъ радости!

Траніо.

Повѣрьте.
Онъ усмиритъ ее.

Бьянка.

Онъ самъ сказалъ?

Траніо.

Затѣмъ пошелъ онъ въ школу усмиренья.

Бьянка.

Да развѣ есть такая школа?

Траніо.

Есть.
Петручьо въ ней учителемъ, сеньёра.
Онъ учитъ, какъ капризныхъ усмиряютъ
И язычокъ привязываютъ имъ.

Вбѣгаетъ Біонделло.

Біонделло.

Сеньёръ, сеньёръ, я сторожилъ такъ долго,
Что хуже пса усталъ и наконецъ-то
Подмѣтилъ старикашку. Онъ съ горы
Спускается. Такой годится.

Траніо.

Кто онъ?

Біонделло.

Купецъ или педантъ — сеньёръ, навѣрно
Не знаю я. По виду, по наряду
И по всему отецъ онъ настоящій.

Люченціо.

Ну что ты, Траніо, объ этомъ скажешь?

Траніо.

Коль онъ довѣрчивъ и повѣритъ сказкѣ,
Я сдѣлаю, что будетъ радъ назваться

Винченціо и даже поручиться
Передъ Баптистой, какъ и самъ Винченціо.
А для успѣха вы меня оставьте.

(*Люченціо и Бьянка уходятъ.*)

Входитъ Педантъ.

Педантъ.

Здоровы будьте!

Траніо.

Здравствуйте, сеньёръ!
Вы остаетесь здѣсь или въ дорогу?

Педантъ.

Я погожу недѣлю или двѣ,
А тамъ опять въ дорогу, въ Римъ и дальше
И въ Триполи, коль, Богъ дастъ, доживу.

Траніо.

Откуда вы?

Педантъ.

Изъ Мантуи я родомъ.

Траніо.

Изъ Мантуи? О, сохрани васъ Богъ!
Вы въ Падуѣ — и вамъ за жизнь не страшно?

Педантъ.

За жизнь? Да что же? Это что-то страшно.

Траніо.

Всѣхъ мантуанцевъ въ Падуѣ казнятъ —
Ужель не знали вы? Венеціянцы
Задерживаютъ ваши корабли:
Дожъ, съ вашимъ герцогомъ враждуя лично,
Такое повелѣнье объявилъ.
Мнѣ странно! Если бы пришли вы прежде,
Вы-бъ услыхали это приказанье.

Педантъ.

Сеньёръ, дѣла мои выходятъ плохи!
Я изъ Флоренціи для перевода
Взялъ векселя — ихъ нужно предъявить.

Траніо.

Чтобъ вамъ сеньёръ услугу оказать,
Вотъ посовѣтовать что вамъ теперь могу я:
Скажите мнѣ, бывали ли вы въ Пизѣ?

Педантъ.

Да, какже, я бывалъ тамъ часто. Пиза
Своими гражданами знаменита.

Траніо.

А вы Винченціо тамъ не знавали?

Педантъ.

Я знать не зналъ; за то слыхалъ частенько:
Купецъ, одинъ изъ самыхъ богатѣйшихъ.

Траніо.

Онъ мой отецъ, сеньёръ — и по обличью
Вы на него значительно похожи.

Біонделло *въ сторону*.

Какъ яблоко на устрицу — не больше!

Траніо.

Чтобъ вашу жизнь спасти, сеньёръ, желаю
Я въ этой крайности вамъ услужить.
Я полагаю, что съ Винченціо сходство
Поможетъ вамъ не мало въ этомъ дѣлѣ.
Возьмите имя и кредитъ его.
Вы у меня найдете помѣщенье.
За дѣло принимайтесь хорошенько.
Вы поняли, сеньеръ?—и безопасно
Вы всѣ дѣла здѣсь можете окончить.
Принять услугу эту вы согласны?

Педантъ.

О, съ благодарностью—и васъ считаю
Спасителемъ я жизни и свободы.

Траніо.

Ну, такъ пойдемте и уладимъ дѣло;
Однако же я васъ предупреждаю,
Что со дня на день ждемъ отца сюда
Для заключенья брачнаго контракта
Межъ мной и младшей дочерью Баптисты.

Я обо всемъ подробно разскажу вамъ.
Пойдемте! Надо вамъ переодѣться. (*Уходятъ.*)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Комната въ загородномъ домѣ Петручіо.

Входятъ Катарина *и* Груміо.

Груміо.

Нѣтъ, я не смѣю — я клянусь вамъ жизнью!

Катарина.

Чѣмъ мнѣ обиднѣй, тѣмъ и онъ жесточе.
Онъ взялъ жену, чтобъ съ голоду морить.
И нищій, что просилъ у нашей двери,
Подачу получалъ, а коль откажутъ,
Такъ онъ въ другихъ находитъ состраданье;
А я и не умѣла и не знала
Нужды просить. Я голодомъ томлюся
И мучусь жаждой сна — онъ прогоняетъ
Мой сонъ проклятьями, а бранью кормитъ.
И что̀ больнѣе мнѣ, что все подъ видомъ
Любви ко мнѣ, какъ-будто бы сказали
Ему, что если я усну, поѣмъ,
Такъ захвораю, иль умру навѣрно.
Ну, принеси-жь мнѣ что-нибудь скорѣе;
Мнѣ все равно, была бы только пища.

Груміо.

Что скажете насчетъ телячьей ножки?

Катарина.

Ну, и прекрасно. Подавай скорѣе!

Груміо.

Да я боюсь, чтобъ васъ не раздражило.
Вотъ развѣ жирныхъ жареныхъ кишокъ?

Катарина.

Я ихъ люблю. Ступай за ними, Грумьо!

Груміо.

Боюсь: онѣ подѣйствуютъ на желчь.
Вотъ развѣ ужь говядины съ горчицей?

Катарина.

Да, это блюдо я люблю и очень.

Груміо.

Но, вѣдь, горчица будетъ горячить.

Катарина.

Говядину подай мнѣ безъ горчицы.

Груміо.

Ну, нѣтъ, нельзя, сеньёра: безъ горчицы
Говядины вамъ Грумьо не подастъ.

Катарина.

Говядину, горчицу — ну, что хочешь.

Груміо.

Такъ лучше безъ говядины горчицы.

Катарина.

Поди же вонъ сейчасъ! Ты лгунъ, насмѣшникъ:
Названіями кушаньевъ ты кормишь.
Проклятіе тебѣ и всей ватагѣ,
Которая моей бѣдѣ такъ рада!
Вонъ, говорю я, съ глазъ моихъ долой! (*Бьетъ его.*)

Входятъ Петручіо *съ блюдомъ кушанья и* Гортензіо.

Петручіо.

Какъ поживаешь, Катя? Что печальна?

Гортензіо.

Какъ поживаете?

Катарина.

До-нельзя худо!

Петручіо.

Повеселѣе будь; взгляни получше.
Ты видишь, какъ я о тебѣ забочусь:
Состряпалъ самъ и самъ принесъ къ тебѣ.
(*Ставитъ блюдо на столъ.*)
Я думаю сказать спасибо можно;

А ты ни слова — стало-быть не вкусно
И хлопоталъ я для тебя напрасно?
Возьмите! эй!

Катарина.

Ахъ, нѣтъ! прошу, оставьте!

Петручіо.

Благодарятъ и малую услугу.
Не тронь, пока не скажешь мнѣ спасибо.

Катарина.

Сеньёръ, я васъ благодарю за это.

Гортензіо.

Петручьо, стыдно! не срамись! Сеньёра,
Я къ вамъ подсяду — и начнемте вмѣстѣ.

Петручіо (*тихо Гортензіо*).

Ты съѣшь одинъ, коли меня ты любишь.
Ну, кушай, Катя—дай Богъ на здоровье!
Скорѣе кушай! Миленькая Катя,
Мы возвратимся къ нашему отцу:
Тамъ попируемъ и пощеголяемъ
Въ шелкахъ, въ брыжжахъ и въ шапочкахъ и въ кольцахъ,
Въ манжетахъ, фижмахъ, шарфахъ, вѣерами,
Браслетами, янтарнымъ ожерельемъ
И множествомъ другихъ подобныхъ вздоровъ.
Ужь ты сыта? Портной тамъ ожидаетъ,
Чтобы покрыть тебя шумящимъ платьемъ.
Портной, войди!

Входитъ ПОРТНОЙ.

Петручіо.

Кажи свою работу!
Давай-ка платье!

Входитъ РАЗНОЩИКЪ.

Петручіо.

Ты съ какимъ товаромъ?

Разнощикъ.

Вотъ шапочка по вашему заказу.

Петручіо.

Да ты никакъ ее съ кастрюли сдѣлалъ?
Да это миска! Фи, какъ неприлично!
Какъ скорлупа орѣховая точно,
Или ракушка — гадость, мерзость, дрянь!
Ребячья шапка! Прочь! Побольше сдѣлай!

Катарина.

Я больше не хочу: такія въ модѣ,
Теперь такія точно носятъ дамы.

Петручіо.

И у тебя, коль ты любезнѣй будешь,
Такая-жь будетъ.

Гортензіо (*въ сторону*).

Будетъ, да не скоро.

Катарина.

Я думаю, мнѣ можно говорить;
Я говорить хочу — я не ребенокъ;
И лучше васъ да слушали меня.
А не хотите, такъ заткните уши.
Языкъ мой выскажетъ негодованье,
Которое на сердцѣ накопилось,
Иль сердце разорвется. Я желаю
Теперь въ словахъ своихъ имѣть свободу.

Петручіо.

Вотъ правда! Шапка эта не годится!
Пастетъ, игрушка, шелковый пирогъ!
Не нравится тебѣ? Люблю за это!

Катарина.

Мнѣ нравится, люби иль не люби;
Ее хочу, иль никакой не надо.

Петручіо.

Про платье ты? Портной, подай-ка платье!
О, Боже мой, да что-жь за маскарадъ?
А это что? рукавъ? ну, нѣтъ — мортира...
Защипано какъ яблочный пирогъ.
А складокъ-то, а вырѣзокъ, прорѣзовъ —
Ну, точно у цирюльника въ курилкѣ.
Ахъ, чортъ возьми! Портной, ты что же это?

Гортензіо (*въ сторону*).

Не будетъ ей ни шапочки, ни платья.

Портной.

Вы приказали сшить мнѣ хорошенько
И чтобы было по послѣдней модѣ.

Петручіо.

Такъ сшить же, ты припомни, хорошенько:
Я не велѣлъ тебѣ по модѣ портить.
Пошелъ же вонъ! Ступай къ себѣ домой
И на меня ты больше не работай:
Не надо дряни. Убирайся вонъ!

Катарина.

Я никогда не видывала платья
Красивѣе и болѣе со вкусомъ.
Вамъ хочется, чтобъ я одѣлась куклой.

Петручіо.

Да, нарядить тебя онъ хочетъ куклой.

Портной.

Она говоритъ, что ваша милость хочетъ нарядить ее куклой.

Петручіо.

Чудовищная дерзость! Лжешь ты, нитка,
Наперстокъ, мѣлъ, аршинъ, подкладка, четверть,
Три четверти аршина, пол-аршина,
Вершокъ, блоха, сверчокъ! Моталка нитокъ
Смѣется надо мной въ моемъ же домѣ!
Такъ вонъ же, лоскутъ! вонъ, тряпьё, остатокъ,
Иль смѣрю я тебя твоимъ аршиномъ —
И ты всю жизнь уже не будешь врать.
Я говорю, что ты изгадилъ платье.

Портной.

Вы, ваша честь, ошиблись. Платье сшито,
Какъ вы хозяину велѣли. Грумьо
Намъ отдалъ приказаніе, какъ сдѣлать.

Груміо.

Я не приказъ — матерью вамъ отдалъ.

Портной.

Но вы сказали тоже, какъ и шить.

Груміо.

Вотъ хорошо! Какъ шить? иголкой съ ниткой.

Портной.

Вы развѣ не назначили покроя?

Груміо.

И много платьевъ ты перекроилъ?

Портной.

Да.

Груміо.

Ты не вздумай и меня перекроить по-своему. Одѣть — ты одѣнешь, а поддѣть меня — не поддѣнешь. Я велѣлъ твоему хозяину выкроить платье, а не говорилъ, чтобъ онъ искроилъ его въ мелкіе куски: ergo — ты врешь!

Портной.

Да вотъ и записка, какъ сшить его; она докажетъ вамъ.

Петручіо.

Читай!

Груміо.

Записка вретъ, если говоритъ, что я говорилъ такъ.

Портной (*читаетъ*).

„Imprimis: широкое платье...“

Груміо.

Сеньёръ, если я когда-нибудь говорилъ: „широкое платье“, такъ зашейте меня въ подолъ его и бейте моткомъ нитокъ дотѣхъ-поръ, пока я издохну. Я сказалъ: „платье“...

Петручіо.

Далѣе!

Портной (*читаетъ*).

„Съ маленькимъ, кругленькимъ, воротничкомъ...“

Груміо.

Воротничокъ — такъ.

Портной (*читаетъ*).

„Съ короткимъ рукавомъ...“

Груміо.

Съ двумя рукавами.

Портной (*читаетъ*).

„Красиво вырѣзанными...“

Петручіо.

Вотъ это-то и гадко!

Груміо.

Вретъ записка, сеньёръ! Я сказалъ, чтобъ рукава выкроили, а потомъ пришили, и я это докажу тебѣ, хоть твой палецъ и въ наперсткѣ.

Портной.

Все, что̀ я говорилъ—правда, и встрѣнь я тебя не здѣсь, ты бы узналъ меня!

Груміо.

Что̀-жь, я не прочь! Дай мнѣ свой аршинъ, а самъ возьми эту записку и не жалѣй меня.

Гортензіо.

Полно, Груміо! бой будетъ неравенъ.

Петручіо.

Сказать короче, платье не по-мнѣ.

Груміо.

Да, сшито не по васъ—по госпожѣ.

Петручіо (*бросивъ платье*).

Ну, подымай! И какъ хозяинъ хочетъ...

Груміо.

Негодяй, берегись! Поднять платье моей госпожи для своего хозяина!

Петручіо.

Вотъ что̀ выдумалъ! Что̀ хочешь ты сказать?

Греміо.

Нѣтъ, сеньёръ, это дѣло гораздо важнѣе, чѣмъ вы полагаете. Поднять платье нашей госпожи для его хозяина — фи! фи!

Петручіо (*тихо Гортензіо*).

Скажи портному, что ему заплатятъ. (*Громко портному.*) Что толковать! Бери и убирайся!

Гортензіо (*тихо портному*).

Тебѣ заплатятъ завтра. Ты молчи,

На брань его не обращай вниманья.
Ступай домой! Хозяину поклонъ! (*Портной уходитъ.*)

Петручіо.

Такъ ѣдемъ, ѣдемъ, Катя! Ты поѣдешь
Къ отцу въ простомъ обыкновенномъ платьѣ.
Хоть платье бѣдно, да въ карманѣ много:
Душой богато только наше тѣло.
Сквозь черныхъ тучъ просвѣчиваетъ солнце;
Подъ рубищемъ замѣтно благородство.
Ужель сорока жаворонка лучше
Лишь оттого, что перьями пестрѣе?
Не лучше развѣ угорь, чѣмъ змѣя,
Хоть кожа у змѣи для глазъ пріятнѣй?
Нѣтъ, Катя, нѣтъ—и мы не будемъ хуже,
Будь твой нарядъ и простъ и даже бѣденъ.
А если думаешь, что это стыдно,
Ты на меня скажи. Будь веселѣй:
Мы пировать и праздновать поѣдемъ.
Скажи, чтобъ люди наготовѣ были:
Мы ѣдемъ—лошадямъ стоять за тыномъ;
Мы тамъ и сядемъ, а туда—пѣшкомъ.
Мнѣ кажется, что нѣтъ еще семи
И стало быть къ обѣду мы поспѣемъ.

Катарина.

Теперь ужь два, сеньёръ: я увѣряю,
Едва ли мы и къ ужину поспѣемъ.

Петручіо.

Ну, до семи я не поѣду. Видишь,
Что ни скажи, ни сдѣлай, ни задумай—
Ты все напротивъ. Нынче я не ѣду—
И не поѣду я, пока не будетъ
Тотъ самый часъ, какой угодно мнѣ.

Гортензіо (*въ сторону*).

Вотъ это такъ! И солнцемъ править хочетъ!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Падуя. Передъ домомъ Баптисты.

Входятъ Траніо *и* Педантъ.

Траніо.

Вотъ домъ Баптисты. Можно постучать?

Педантъ.

Стучите! Если я не ошибаюсь,
Меня сеньёръ Баптиста долженъ вспомнить:
Тому лѣтъ двадцать, мы стояли вмѣстѣ
Съ нимъ въ Генуѣ, въ гостинницѣ Пегаса.

Траніо.

Ну, хорошо! Выдерживайте роль
Важнѣе, строже, какъ отцу прилично.

Входитъ Біонделло.

Педантъ.

Не безпокойтесь. Да не худо-бъ было
Вамъ своего слугу предупредить.

Траніо.

О немъ не безпокойтесь. Біонделло,
На забывайся. Ты представь себѣ,
Что это самъ Винченцьо настоящій.

Біонделло.

Меня не бойтесь: я за все отвѣчу.

Траніо.

Исполнилъ ли мое ты порученье?

Біонделло.

Сказалъ, что изъ Венеціи день за день
Мы ожидаемъ вашего отца.

Траніо.

Ты славный малый: вотъ тебѣ на водку!
Вотъ и Баптиста! Будьте посмѣлѣе.

Входятъ Баптиста *и* Люченціо.

Траніо.

Сеньёръ Баптиста, очень радъ васъ видѣть.
Сеньёръ, вонъ тотъ, о комъ мы говорили.
Прошу васъ, будьте истиннымъ отцомъ:
Отдайте мнѣ въ наслѣдство вашу Бьянку.

Педантъ.

Ты тише, сынъ мой, тише! (*Баптисту.*)
Я, съ позволенья вашего, пріѣхалъ
Къ вамъ въ Падую, чтобы собрать долги —
И услыхалъ я здѣсь о важномъ дѣлѣ:
О томъ, что сынъ мой любитъ вашу дочь.
Про васъ, сеньёръ, я слышалъ очень много
Хорошаго; про ихъ любовь другъ къ другу
Я тоже знаю. Какъ отецъ хорошій,
Я не хочу томить ихъ и согласенъ
На этотъ бракъ—и если вы, сеньёръ,
Не противъ этого, то я сейчасъ же
Готовъ контрактъ ихъ брачный подписать—
Условія отъ васъ зависѣть будутъ.
По уваженію, что я имѣю
Къ особѣ вашей, я не смѣю спорить.

Баптиста.

Вы извините рѣчь мою, сеньёръ.
Мнѣ прямота и откровенность ваша
Понравилась. Да, дочь мою онъ любитъ;
Да и она его, ужь если только
Она не притворяется ужасно.
Ну, если вы, какъ слѣдуетъ отцу,
Согласны укрѣпить, на случай смерти,
За дочерью приличное наслѣдство,
Такъ дѣло кончено и свадьбѣ быть —
Пусть женится на дочери моей.

Траніо.

Благодарю, сеньёръ. Скажите только,
Гдѣ будетъ лучше совершить контрактъ
По нашимъ обоюднымъ соглашеньямъ?

Баптиста.

Не у меня. Ты знаешь, въ нашемъ домѣ
У стѣнъ есть уши, дворня велика
И Гремiо-старикъ все насторожѣ.
Они еще, пожалуй, помѣшаютъ.

Транiо.

Угодно у меня? Гораздо лучше;
Тамъ и отецъ живетъ. Сегодня ночью
Мы кончимъ дѣло тихо, безъ помѣхи.
Пошлите Камбiо за вашей Бьянкой,
А я слугу за маклеромъ пошлю.
Жаль одного, что времени немного
И угощенье будетъ незавидно.

Баптиста.

Пожалуй. (*Люченцiо.*) Камбiо, ступай домой.
Скажи, чтобъ Бьянка собралась скорѣе.
Ну, разскажи, пожалуй, если хочешь,
Что въ Падую отецъ Люченцьо прибылъ
И что она женой Люченцьо будетъ.

Люченцiо.

Молю боговъ, чтобъ это такъ и было!

Транiо.

Ну, что тутъ боги? Ты ступай скорѣе!
Сеньёръ, угодно слѣдовать за мною?
Что дѣлать: ужинъ будетъ небогатый,
Но мы поправимъ въ Пизѣ.

Баптиста.

Ну, идемте!

(*Транiо, Педантъ и Баптиста ходятъ.*)

Бiонделло.

Камбiо!

Люченцiо.

Что, Бiонделло?

Бiонделло.

Видѣли вы, какъ господинъ мой вамъ кивалъ головой и смѣялся?

Люченціо.

Что-жь изъ этого, Біонделло?

Біонделло.

Ничего. Онъ поручилъ мнѣ передать вамъ смыслъ его намековъ.

Люченціо.

Ну, такъ передавай.

Біонделло.

Вотъ, видите ли, Баптиста по-добру-по-здорову болтаетъ теперь съ ложнымъ отцомъ ложнаго сына.

Люченціо.

Ну, что-жь?

Біонделло.

А васъ послалъ привести дочь къ ужину.

Люченціо.

Потомъ?

Біонделло.

Старый пасторъ церкви святого Луки къ вашимъ услугамъ, когда угодно.

Люченціо.

Ну, что-жь изъ всего этого?

Біонделло.

Не знаю. Впрочемъ, пока они хлопочутъ о подписаніи ложнаго контракта, почему-жь вамъ не сдѣлать настоящаго контракта cum privilegio ad imprimendum solum? Ступайте въ церковь, да захватите съ собой пастора, церковника и порядочное число свидѣтелей. Если не хотите, такъ мнѣ нечего и говорить больше: тогда ужь проститесь съ Бьянкой навсегда со днемъ.

Люченціо.

Послушай, Біонделло.

Біонделло.

Нѣтъ, мнѣ некогда ждать. Я знаю, что одна дѣвушка обвѣнчалась въ самый полдень, когда пошла въ садъ за петрушкой для начинки кролика. И вы дѣлайте то же, сеньёръ — и прощайте, сеньёръ. Мнѣ надобно сбѣгать еще въ церковь св. Луки, сказать пастору, чтобъ онъ готовъ былъ встрѣтить васъ, когда явитесь вы, да еще съ придачей. (*Убѣгаетъ.*)

Люченціо.

Я такъ и сдѣлаю, коль согласится;
Что-жь согласится, въ этомъ нѣтъ сомнѣнья.
Скажу ей прямо и пускай какъ хочетъ:
Ужель напрасно Камбіо хлопочетъ.

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Большая дорога.

Входятъ Петручіо, Катарина, Гортензіо *и* слуги.

Петручіо.

Скорѣй, скорѣе—вѣдь къ отцу мы ѣдемъ!
О, Боже мой, какъ ярко свѣтитъ мѣсяцъ!

Катарина.

Не мѣсяцъ—солнце: мѣсяцу не время.

Петручіо.

Я говорю, что это мѣсяцъ свѣтитъ.

Катарина.

Я говорю, что это солнце свѣтитъ.

Петручіо.

Клянуся сыномъ матери моей,
А этотъ сынъ—я самъ, что это мѣсяцъ,
Что это звѣзды—все, что мнѣ угодно,
Иль я не ѣду. Эй, ворочать коней!
Противорѣчитъ—все противорѣчитъ!

Гортензіо (*Катаринѣ*).

Будь по-его, иначе—не поѣдемъ.

Катарина.

Нѣтъ, ради Бога! Мы почти ужь дома.
Будь мѣсяцъ, солнце—все, что вамъ угодно,
Коли хотите, ночникомъ зовите—
Я обѣщаю, что согласна буду.

Петручіо.

Я говорю, что мѣсяцъ.

Катарина.

Да, я знаю.

Петручіо.

Неправда: благодѣтельное солнце.

Катарина.

И точно — благодѣтельное солнце.
А скажешь, что не солнце — такъ не солнце:
Луна луной не будетъ, если хочешь;
И что ты скажешь, такъ оно и есть
И тѣмъ останется для Катарины.

Гортензіо.

Петручьо, въ путь: ты одержалъ побѣду.

Петручіо.

Теперь впередъ, друзья! Вотъ такъ! По склону
И долженъ шаръ катиться, а не въ гору.
Потише, стойте: кто-то къ намъ подходитъ!

Входитъ Винченціо.

Петручіо (*къ Винченціо*).

Богъ помочь вамъ, сеньёра! Какъ спѣшите!
Скажи мнѣ, Катя, по душѣ, видала-ль
Когда-нибудь ты дѣвушку прекраснѣй?
Какъ съ бѣлизною споритъ въ ней румянецъ!
Нѣтъ, звѣзды неба такъ не украшали,
Какъ эти глазки нѣжное лицо.
Еще поклонъ тебѣ, краса-дѣвица.
Поди же, Катя, обними ее.

Гортензіо.

Онъ взбѣситъ этого человѣка, принимая его за женщину.

Катарина.

О, юная прекрасная дѣвица,
Куда идешь теперь и гдѣ живешь ты?
Какъ счастливы родители тобою;
Но тотъ, кому тебя назначатъ звѣзды
Въ подруги взять—еще счастливѣй будетъ!

Петручіо.

Помилуй, Катя, ты съ ума сошла!
Да это старецъ дряхлый, изможденный
И сморщенный, а не дѣвица вовсе.

Катарина.

Прости, отецъ, глазамъ моимъ ошибку!
Сіянье солнца ослѣпило ихъ—
И мнѣ теперь все кажется зеленымъ.
Теперь я вижу: ты почтенный старецъ.
Прости меня за глупую ошибку!

Петручіо.

Прости ее, старикъ. Скажи-ка намъ,
Куда идешь? Коль будетъ по дорогѣ,
Такъ твоему товариществу рады.

Винченціо.

Сеньёръ и вы, шутливая сеньёра,
Меня своимъ привѣтомъ удивили.
Меня зовутъ Винченцьо; я изъ Пизы
Пріѣхалъ въ Падую, чтобъ повидаться
Съ сынкомъ, котораго давно не вижу.

Петручіо.

Какъ звать его?

Винченціо.

Люченціо, сеньёръ.

Петручіо.

Для сына твоего счастлива встрѣча.
Теперь тебя не только-что по лѣтамъ,
Могу назвать отцомъ и по закону:
Твой сынъ теперь женился на сестрѣ
Жены моей, прекрасной этой дамы.
Не удивляйся и не огорчайся:
Она красива и съ большимъ приданымъ;
По роду-жъ своему, по воспитанью
Не осрамитъ любого дворянина.
Позволь обнять тебя, Винченцьо. Вмѣстѣ
Поѣдемъ къ сыну. Какъ онъ будетъ радъ!

Винченціо.

Да правда ли? Вы шутите опять?
Дорожные нерѣдко позволяютъ
Себѣ такія шутки межъ собой.

Гортензіо.

Нѣтъ, увѣряю васъ, сеньёръ, что правда.

Петручіо.

Ну, такъ поѣдемъ — и увѣрься самъ:
Отъ нашихъ шутокъ сталъ ты недовѣрчивъ.

(*Петручіо, Катарина и слуги уходятъ.*)

Гортензіо.

Спасибо, другъ: ты духу придалъ мнѣ.
Теперь — къ вдовѣ. Благодаря наукѣ,
Ужь я теперь ей не поддамся въ руки.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Падуя. Передъ домомъ Люченціо.

Съ одной стороны входятъ Біонделло, Люченціо *и* Бьянка. Греміо *прохаживается по другой сторонѣ.*

Біонделло.

Тихонько и поскорѣе, сеньёръ: насторъ васъ ждетъ.

Люченціо.

Лечу, Біонделло; но ты, можетъ-быть, понадобишься дома, потому оставь насъ.

Біонделло.

Нѣтъ; прежде вы будете въ церкви, а потомъ побѣгу я къ господину какъ можно скорѣе.

(*Люченціо, Бьянка и Біонделло уходятъ.*)

Греміо.

Странно, что Камбіо до-сихъ-поръ не приходитъ!

Входятъ Петручіо, Катарина, Винченціо, Греміо *и* слуги.

Петручіо.

Вотъ двери дома, гдѣ вашъ сынъ живетъ;
Мой тесть живетъ вонъ тамъ, поближе къ рынку.
Я васъ оставлю: у меня есть дѣло.

Винченціо.

Сеньёръ, для встрѣчи разопьемъ бутылку.
Надѣюсь, здѣсь я тоже, что хозяинъ:
Найдется намъ и закусить кой-что. (*Стучитъ.*)

Греміо.

Тамъ чѣмъ-нибудь заняты: надо стучать посильнѣе.

Педантъ *показывается изъ окошка.*

Педантъ.

Кто это такъ колотитъ, какъ будто хочетъ выломать двери?

Винченціо.

Дома сеньёръ Люченціо?

Педантъ.

Дома, сеньёръ, но нельзя его видѣть.

Винченціо.

Ну, а если бы кто-нибудь принесъ ему сто или двѣсти фунтовъ на удовольствіе?

Педантъ.

Поберегите эти сто фунтовъ для себя: онъ не будетъ нуждаться въ деньгахъ, пока я живъ.

Петручіо.

Я сказалъ вамъ, что сына вашего любятъ въ Падуѣ. (*Педанту.*) Но, послушайте, сеньёръ! пустяки въ сторону, скажите Люченціо, что его отецъ пріѣхалъ изъ Пизы и ждетъ его у дверей, чтобы поговорить съ нимъ.

Педантъ.

Ты лжешь! отецъ его пріѣхалъ изъ Пизы и теперь смотритъ изъ окна.

Винченціо.

Развѣ ты отецъ его?

Педантъ.

Да, сеньёръ, такъ говорила его мать, если только вѣрить ей.

Петручіо (*къ Винченціо*).

Что это значитъ, другъ? Плоская шутка — брать на себя чужое имя.

Педантъ.

Схватите негодяя! Онъ хочетъ кого-нибудь надуть здѣсь подъ моимъ именемъ.

Входитъ Біонделло.

Біонделло.

Я видѣлъ ихъ въ церкви вмѣстѣ. Дай имъ Богъ счастливаго плаванія!... Это что? мой старый господинъ Винченціо! Ну, попались мы—и конецъ намъ всѣмъ!

Винченціо (*къ Біонделло*).

Поди-ка сюда, пеньковая мычка!

Біонделло.

Надѣюсь, что я имѣю свою волю.

Винченціо.

Подойди. говорю тебѣ! Какъ, бездѣльникъ, развѣ ты забылъ меня?

Біонделло.

Васъ забыть—нѣтъ. сеньёръ, я не могъ васъ забыть, потому-что никогда въ жизни васъ не видывалъ.

Винченціо.

Какъ! ты, разбойникъ, никогда не видалъ отца твоего господина, Винченціо?

Біонделло.

Что? моего стараго, почтеннаго господина? О, нѣтъ! Вонъ онъ смотритъ изъ окна.

Винченціо (*бьетъ его*).

Это ты вправду?

Біонделло.

Помогите, помогите! какой-то сумасшедшій хочетъ убить меня! (*Убѣгаетъ.*)

Педантъ.

Помогите! Сынъ мой! сеньёръ Баптиста! (*Отходитъ отъ окна.*)

Петручіо.

Катя, станемъ къ сторонкѣ и посмотримъ, чѣмъ кончится эта исторія. (*Отходятъ въ сторону.*)

Педантъ, Баптиста, Траніо *и* слуги *выходятъ на улицу.*

Траніо.

Что вы за человѣкъ, сеньёръ, что смѣете бить моего слугу?

Винченціо.

Кто я? Нѣтъ, кто ты? Безсмертные боги! О, бездѣльникъ! Шелковая куртка, бархатные штаны, пурпуровый плащъ, остроконечная шляпа! Я раззоренъ, раззоренъ! Я хлопочу дома, какъ добрый хозяинъ, а сынъ мой и слуга проматываютъ здѣсь все.

Траніо.

Что такое? Про что вы это?

Баптиста.

Что онъ — лунатикъ, что ли?

Траніо.

Сеньёръ, по наружности и по платью вы, кажется, степенный человѣкъ, а по рѣчамъ вы сумасшедшій. Какое вамъ дѣло, что я ношу жемчугъ и золото? Благодаря доброму отцу, я имѣю средства на это.

Винченціо.

Твой отецъ! О, негодяй! твой отецъ работаетъ паруса въ Бергамо.

Баптиста.

Вы ошибаетесь, вы ошибаетесь, сеньёръ! А какъ, по вашему мнѣнію, его имя?

Винченціо.

Какъ его имя? Мнѣ ли не знать его имени? я воспиталъ его съ двухъ лѣтъ; его имя Траніо.

Педантъ.

Поди ты, безумный оселъ! Его имя Люченціо; онъ единственный сынъ и наслѣдникъ всего моего, то-есть сеньёра Винченціо, имѣнія.

Винченціо.

Люченціо? О, онъ убилъ своего господина! Возьмите его — приказываю вамъ именемъ герцога! Сынъ мой! сынъ мой! Скажи, разбойникъ, гдѣ сынъ мой Люченціо?

Траніо.

Позвать полицію. (*Слуга уходитъ.*) Ведите этого сумасшед-

шаго въ тюрьму. Батюшка Баптиста, потрудитесь присмотрѣть, чтобъ его отправили.

Винченціо.

Меня отправить въ тюрьму?

Слуга *возвращается съ* полицейскимъ.

Греміо.

Остановитесь, господинъ-офицеръ! онъ не пойдетъ въ тюрьму.

Баптиста.

Оставьте, сеньёръ Греміо; я вамъ говорю, что онъ пойдетъ въ тюрьму.

Греміо.

Берегитесь, сеньёръ Баптиста, чтобъ вамъ не запутаться въ этой исторіи. Я готовъ вамъ поклясться, что это настоящій Винченціо.

Педантъ.

Ну, клянись, если смѣешь.

Греміо.

Нѣтъ, не смѣю.

Траніо.

Пожалуй, ты скажешь, что и я не Люченціо?

Греміо.

Нѣтъ, я знаю, что ты сеньёръ Люченціо.

Баптиста.

Прочь этого стараго дурака! въ тюрьму его!

Винченціо.

Вотъ какъ притѣсняютъ и обижаютъ здѣсь иностранцевъ! О, чудовище! злодѣй!

Входятъ Біонделло, Люченціо *и* Бьянка.

Біонделло.

О, мы погибли! Вотъ онъ! Откажитесь отъ него, отрекитесь отъ него, или мы всѣ погибли!

Люченціо (*на колѣняхъ*).

Простите, батюшка!

Винченціо.

Ты живъ, мой сынъ?

(*Біонделло, Траніо и Педантъ убѣгаютъ.*)

Бьянка (*Баптисту*).

Меня простите!

Баптиста.

Въ чемъ ты виновата?
А гдѣ Люченціо?

Люченціо.

Я, я Люченцьо,
Я настоящій сынъ отца Винченцьо.
Мы съ вашей дочкой тайно обвѣнчались,
Пока съ поддѣльными вы оставались.

Греміо.

Ну, такъ ловкой же штукой они насъ надули!

Винченціо.

Что-жь Траніо, мошенника, не видно?
Онъ мнѣ въ глаза смѣялся преобидно.

Баптиста (*Люченціо*).

Скажите мнѣ, да развѣ вы не Камбьо?

Бьянка.

Изъ Камбіо въ Люченцьо превратился.

Люченціо.

Все это чудо сдѣлала любовь:
Я отдалъ Траніо свое прозванье —
И вотъ, пока онъ представлялъ меня,
Я къ пристани благополучно прибылъ
И счастіе желанное нашелъ.
Здѣсь Траньо дѣлалъ, что ему велѣли.
Вы для меня, сеньёръ, его простите.

Винченціо.

Я разобью носъ этому мошеннику, который хотѣлъ меня отправить въ тюрьму.

Баптиста.

Но, послушайте, сеньёръ, вы женились на моей дочери, не спрося у меня позволенія.

Винченціо.

Не бойтесь, вы останетесь довольны.
А все-таки за дерзость накажу я. (*Уходитъ.*)

Баптиста.

А толку всетаки не нахожу я. (*Уходитъ.*)

Люченціо (*Бьянкѣ*).

Ты не блѣднѣй: сердиться онъ не будетъ. (*Уходятъ.*)

Греміо (*уходя*).

Пропало все; но я къ нимъ въ домъ войду;
Хоть въ дуракахъ, а ужинъ тамъ найду.

Петручіо *и* Катарина *подходятъ.*

Катарина.

Посмотримъ, другъ, чѣмъ кончится все это!

Петручіо.

Пойдемъ, но прежде поцалуй меня.

Катарина.

Какъ, посереди улицы?

Петручіо.

Что-жь, ты стыдишься меня?

Катарина.

Нѣтъ, клянусь Богомъ! но мнѣ стыдно цаловать.

Петручіо.

Ну, такъ домой! Эй, вы! скорѣй назадъ сбирайтесь!

Катарина.

Нѣтъ, поцалую я: прошу тебя остаться. (*Цалуетъ его.*)

Петручіо.

Ну, чѣмъ же худо? Катя, лучше поздно,
Чѣмъ никогда; разъ лучше, чѣмъ ни разу. (*Уходятъ.*)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Тамъ же. Комната въ домѣ Люченціо. По срединѣ накрытый столъ.

Входятъ Люченціо, Бьянка, Петручіо, Катарина, Баптиста, Винченціо, Греміо, Педантъ, Гортензіо *и* жена *его*. Траніо, Біонделло, Груміо *и другіе прислуживаютъ.*

Люченціо.

Ну, вотъ мы, послѣ долгихъ несогласій,
Сошлись въ созвучіе; война проходитъ

И мы смѣемся миновавшимъ страхамъ.
Проси же, Бьянка, моего отца:
Я твоего просить съ почтеньемъ буду.
Петручьо-братъ, сестрица-Катарина,
Сеньёръ Гортензіо и вы, сеньёра —
Я очень радъ — пируйте, веселитесь!
Мы въ заключенье этого обѣда
Устроимъ пиръ. Я васъ прошу садиться:
Здѣсь можно и болтать и кушать вмѣстѣ.

Петручіо.

И все сидѣть да ѣсть, сидѣть да ѣсть.

Баптиста.

Извѣстна Падуя гостепріимствомъ.

Петручіо.

Всѣ въ Падуѣ привѣтливы — я знаю.

Гортензіо.

Для насъ бы хорошо, коль это правда.

Петручіо.

Клянусь, Гортензьо за жену боится!

Жена Гортензіо.

Нѣтъ, я, сеньёръ, совсѣмъ небоязлива.

Петручіо.

Понятливы, а поняли не такъ.
Хочу сказать: Гортензьо васъ боится.

Жена Гортензіо.

Кто угорѣлъ, предъ тѣмъ весь свѣтъ кружится.

Петручіо.

Круглò отвѣчено.

Катарина.

Вы что сказали?

Жена Гортензіо.

Сказала я, что поняла его.

Петручіо.

Вы поняли меня? ну и прекрасно!
Гортензіо, мы поняли другъ друга.

Гортензіо.

Твои слова, конечно, поняла.

Петручіо.

Поправился. Его вы поцалуйте.

Катарина.

„Кто угорѣлъ, предъ тѣмъ весь свѣтъ кружится“ —
Я васъ прошу мнѣ это объяснить.

Жена Гортензіо.

Вашъ мужъ отъ вашей злости закружился
И тужитъ о моемъ, что онъ женился.
Вотъ мысль мою вы знаете теперь!

Катарина.

Мысль жалкая!

Жена Гортензіо.

Я думала о васъ.

Катарина.

Конечно, я жалка въ сравненьи съ вами.

Петручіо.

Смѣлѣе, Катя!

Гортензіо (*женѣ*).

Милая, смѣлѣй!

Петручіо.

Держу сто марокъ: Катя верхъ возьметъ.

Гортензіо.

Ну, нѣтъ, сеньёръ, ужь это наше дѣло.

Петручіо.

Ты дѣловой, такъ за твое здоровье! (*Пьетъ.*)

Баптиста.

Что, Гремьо, каково они болтаютъ?

Греміо.

Ну да, они бодаются отлично.

Бьянка.

Бодаются? Ужь вы себѣ оставьте
Рогатыя способности свои.

Винченціо.

Ай, молодая! И она проснулась.

Бьянка.

Но безъ испуга: я опять засну.

Петручіо.

Мы не дадимъ. Вы начали, такъ ждите,
Что и на васъ двѣ-три насмѣшки будутъ.

Бьянка.

Но если вы въ меня стрѣлять хотите,
Какъ въ птицу, я перелечу въ кусты:
Вотъ и ловите. Господа, прощайте!
(*Бьянка, Катарина и жена Гортензіо уходятъ.*)

Петручіо.

Не дождалась отвѣта. Бѣдный Траньо
По этой птичкѣ мѣтился — да мимо.
Здоровье всѣхъ, кто промахи даетъ!

Траніо.

Я былъ собакой своего сеньёра,
А гончія для господина ловятъ.

Петручіо.

Сравненье складное, хоть и собачье.

Траніо.

Вамъ хорошо: вы для себя старались,
А ваша дичь, сеньёръ, васъ только водитъ.

Баптиста.

Ого, Петручьо! Онъ въ тебя попалъ.

Люченціо.

Ну, Траніо, спасибо за насмѣшку.

Гортензіо.

Ну, признавайся, онъ тебя задѣлъ.

Петручіо.

Я признаюсь, что онъ задѣлъ немного;
Но въ десять разъ закладую—задѣла
Меня стрѣла, а васъ насквозь пробила.

Баптиста.

Но, къ моему прискорбью, сынъ, Петручьо,
Мнѣ кажется, твоя жена всѣхъ злѣе.

Петручіо.

Такъ нѣтъ же, говорю. Я докажу вамъ:
Попробуйте, за жонами пошлите —
Пусть каждый за своей—и тотъ, чья прежде

Послушаетъ и выйдетъ, пусть беретъ
Закладъ, который мы сейчасъ назначимъ.

Гортензіо.

Согласенъ я. Какой закладъ?

Люченціо.

Кронъ двадцать.

Петручіо.

Какъ, двадцать кронъ? Да я держу по стольку
За сокола и за мою собаку,
А за жену я въ двадцать разъ держу.

Люченціо.

Ну, что?

Гортензіо.

Пожалуй.

Петручіо.

Ну, идетъ, идетъ!

Гортензіо.

А кто начнетъ?

Люченціо.

Да я. Эй, Біонделло!
Скажи женѣ, чтобы сюда явилась.

Біонделло.

Иду. (*Уходитъ.*)

Баптиста.

Я въ половинѣ, что придетъ.

Люченціо.

Зачѣмъ дѣлиться? я одинъ отвѣчу.

Біонделло *возвращается.*

Люченціо.

Что новаго?

Біонделло.

Сеньёра вамъ велѣла
Сказать, что занята и—быть не можетъ.

Петручіо.

Вотъ такъ-то: „занята и быть не можетъ".
Отвѣтъ ли это?

Греміо.

Да—и прелюбезный.
Смотрите, вамъ, сеньёръ, отвѣтятъ хуже.

Петручіо.

Ну, нѣтъ; я думаю, что будетъ лучше.

Гортензіо (*къ Біонделло*).

Поди, проси жену мою придти
Ко мнѣ сейчасъ. (*Біонделло уходитъ.*)

Петручіо.

Ага! „поди проси!“
Ну, какъ ей не придти?

Гортензіо.

Ну да; а вашу
И просьбами-то даже не упросишь.

Біонделло *возвращается.*

Гортензіо.

Ну, гдѣ жена?

Біонделло.

Она сказать велѣла,
Что шутите—что не пойдетъ она
И проситъ васъ пожаловать самихъ.

Петручіо.

Что дальше—хуже. Какъ, идти не хочетъ!
Да это низко! это нестерпимо!
Поди же, Грумьо, и скажи женѣ,
Что я приказываю ей явиться. (*Груміо уходитъ.*)

Гортензіо.

Отвѣтъ я знаю.

Петручіо.

Ну?

Гортензіо.

„Я не пойду.“

Петручіо.

Тѣмъ будетъ хуже для меня—и все тутъ.

Входитъ Катарина.

Баптиста.

Владычица! она идетъ сюда!

Катарина.

Что нужно вамъ, сеньёръ? зачѣмъ вы звали?

Петручіо.

А гдѣ-жь сестра? и гдѣ жена Гортензьо?

Катарина.

Онѣ сидятъ, болтаютъ у камина.

Петручіо.

Поди веди ихъ; если-жь не хотятъ,
Тогда гони къ мужьямъ чѣмъ ни попало.
Ступай и посылай ихъ непремѣнно. (*Катарина уходитъ.*)

Люченціо.

Вотъ чудо, если чуда нужно вамъ!

Гортензіо.

Да, чудо! только что̀ оно пророчитъ?

Петручіо.

Пророчитъ миръ, любовь и тишину,
Покорность и почтительный порядокъ.
Ну, словомъ все, что счастіемъ зовутъ.

Баптиста.

Такъ будь же счастливъ, добрый мой Петручьо!
Ты выигралъ закладъ, а я прибавлю
Къ закладнымъ деньгамъ двадцать тысячъ кронъ.
Другая дочь—приданое другое;
Она не та—совсѣмъ другая стала.

Петручіо.

Два раза я бы выигралъ закладъ...
Хотите, вамъ еще разъ покажу я,
Какой она покорной, кроткой стала?

Катарина *возвращается съ* Бьянкой *и женой* Гортензіо.

Петручіо.

А вотъ ведетъ и вашихъ жонъ, какъ плѣнницъ
Краснорѣчивыхъ женскихъ убѣжденій.
Послушай, Катя, шапочка такая
Нейдетъ къ тебѣ. Брось подъ ноги ее.
(*Катарина бросаетъ шапочку.*)

Жена Гортензіо.

О, Господи, храни меня, покуда
Не сдѣлаю подобнаго безумства!

Бьянка.

Фи! стыдно! Что̀ за глупая покорность!

Люченціо.

Ужь лучше-бъ ты была покорна глупо!
Отъ умной непокорности твоей
Я проигралъ за ужиномъ сто кронъ.

Бьянка.

Такъ глупы вы, надѣясь на покорность.

Петручіо.

Тебѣ я поручаю, Катарина,
Растолковать имъ, своенравнымъ жонамъ,
Обязанности ихъ къ своимъ мужьямъ.

Жена Гортензіо.

Оставьте: намъ проповѣдей не нужно.

Петручіо.

Ну, Катя, прямо начинай съ нея!

Жена Гортензіо.

Не станетъ.

Петручіо.

Станетъ. Начинай съ нея!

Катарина.

Фи! стыдъ! Разгладь наморщенныя брови
И гнѣвныхъ взглядовъ не бросай на мужа
И господина: онъ твой повелитель.
Твой гнѣвъ чернитъ красу твою, какъ холодъ
Чернитъ луга и затемняетъ славу,
Какъ вихорь почки. Дурно, неприлично!
Во гнѣвѣ женщина—источникъ мутный,
Лишенный красоты и чистоты —
И какъ бы жажда ни была велика
У человѣка, онъ его минуетъ.
Твой мужъ—твой господинъ; онъ твой хранитель,
Онъ жизнь твоя, твоя глава, твой царь;

Онъ о твоемъ печется содержаньи,
Онъ переноситъ тягости труда
На сушѣ, въ морѣ, въ бурю, въ непогоду,
А ты въ теплѣ, въ покоѣ, безопасна —
И никакой не требуетъ онъ дани,
А лишь любви, покорности и ласки —
Ничтожной платы за его труды!
Какъ подданный передъ своимъ монархомъ,
Такъ и жена должна быть передъ мужемъ;
Но если же упряма, своенравна,
Сурова, зла и непокорна волѣ,
Тогда она—преступный возмутитель,
Измѣнница предъ любящимъ владыкой.
Стыжусь за глупость вашу. Вамъ бороться-ль,
Тогда какъ вы должны молить о мирѣ.
Хотите властвовать—а ваше дѣло
Услуживать, любить, повиноваться.
Зачѣмъ же тѣло наше нѣжно, слабо,
Такъ неспособно выносить труды?
Не для того-ль, чтобы сердца и души
Съ наружностью согласовались нашей?
Оставьте дерзость и безумство, черви!
Мой духъ былъ такъ же точно непреклоненъ,
Такое-жь сердце было, какъ у васъ,
И больше васъ имѣла я причины
На дерзость дерзостью отвѣтить мужу;
Но я увидѣла, что копья наши —
Соломенки, что сила наша—слабость
Безмѣрная; чѣмъ выше мы, тѣмъ ниже.
Смирите гордость: толку мало въ ней!
Склоните головы къ ногамъ мужей!
Скажи мой мужъ—и я предъ нимъ готова
Свою покорность доказать вамъ снова.

Петручіо.

Цалуй меня! Вотъ это такъ жена!

Люченціо.

Ты счастливъ, другъ: она усмирена.

Винченціо.

Какъ весело, что дѣти такъ покорны!

Люченціо.

Какъ горько намъ, что жены такъ упорны!

Петручіо.

Пойдемъ-ка спать; мы здѣсь позаболтались.
Женаты трое—двое ужь попались;
Сегодня выигралъ я съ васъ не мало —
Затѣмъ покойной ночи. Наше взяло.

(*Петручіо и Катарина уходятъ.*)

Гортензіо.

Ступай: передъ тобой капризница смирилась.

Люченціо.

Вотъ чудо! какъ она перемѣнилась!

ДОБРЫЙ БАРИНЪ.

ШУТКА ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

(Заимствовано.)

ЛИЦА:

Иванъ Иванычъ Пыровъ, богатый баринъ, вдовый, лѣтъ подъ-60.
Василій Николаевичъ Лытаевъ, молодой человѣкъ.
Дуняша, экономка у Пырова, молодая дѣвушка.

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ.

Небольшая зала, въ глубинѣ дверь въ переднюю; налѣво (отъ актеровъ) въ углу дверь въ комнату Дуняши, ближе къ зрителямъ—въ кабинетъ Пырова, направо дверь въ столовую. На лѣвой сторонѣ круглый столъ, на немъ много книгъ и колокольчикъ; подъ столомъ коверъ; на правой—кресло и маленькій столикъ и на немъ колокольчикъ. Вся мебель изящная и удобная.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Дуняша, одна (*разсматриваетъ на столѣ книги*).

Дуняша.

Что тутъ такое? Опять новыя книги, то и дѣло покупаетъ; мало еще ихъ у него! (*Садится и читаетъ заглавія:*) „Вопросы о жизни и духѣ“, „Мозгъ и мысль“. Все глупости какія! Вотъ на что деньги-то бросаетъ! (*Въ кабинетѣ звонокъ.*) „Правда о мужчинѣ и женщинѣ“. (*Звонокъ.*) Говоритъ: не суйся, гдѣ тебя

не спрашиваютъ, не шевели ничего на столѣ, не трогай книгъ! Хорошо ему разговаривать: а вотъ не посмотри я сама, вѣдь и не знала бы... (*открывая книгу*) что такое за правда о женщинахъ? Вздоръ, я думаю. Развѣ можно про насъ всю правду въ такую книжку уписать? Вотъ, у насъ рядомъ одна мамзель живетъ, такъ про нее про одну двѣ, либо три большія книги напишешь. Да и откуда имъ знать всю правду про женщинъ? Вотъ про меня напримѣръ что кто знаетъ! (*Читаетъ*:) „Мужчина есть существо вольное и дѣятельное, женщина, напротивъ, прикована къ мѣсту, жизнь ея домашняя и мечтательная.“ Именно прикована: живешь у мѣста, со двора тебя не пускаютъ; другіе въ праздники гуляютъ, гдѣ хотятъ, а ты сиди да мечтай только. Вотъ она и выходитъ мечтательная. Это все какъ есть про меня. (*Читаетъ*:) „Мужчина искатель выгодъ и славы; женщина вся создана для любви.“ Ахъ, это правда! „Создана для любви“: да, конечно, для любви, ужъ это дѣло извѣстное. Только надо, чтобъ любовь была настоящая: чтобъ любить человѣка стоющаго, богатаго, а если какая нестоющая любовь, такъ ужъ лучше жить въ услуженіи. Полюбить-то долго ли, это хоть сейчасъ: только было бы за что. Однако эта книжка интересная. (*Читаетъ про-себя. Громкій звонокъ.*) Ахъ, какъ надоѣлъ онъ мнѣ своимъ звонкомъ! Только усядешься... Ну, такъ, вотъ, не подойду же... Ужъ отучу его трезвонить... На всѣхъ столахъ колокольчиковъ наставилъ, лѣнь ему съ мѣста подняться. Пусть самъ побезпокоится, коли что ему нужно. (*Погружается въ чтеніе. Пыровъ выходитъ изъ кабинета.*)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Дуняша, Пыровъ.

Пыровъ.

Прекрасно, прекрасно, очень хорошо! Ты не слышишь? Ты не слышишь, что я звоню, что я четверть часа мозолю себѣ руки объ сонетку?

Дуняша (*сидя*).

Нѣтъ, извините, я слышала.

Пыровъ.

Да, ты слышала? Ты слышала и не побезпокоилась войти ко мнѣ? Что-жъ за дѣла у тебя такія важныя, что тебѣ оторваться нельзя?

Дуняша.

Да какія дѣла! Развѣ вы не видите: я читаю. (*Развертываетъ книгу.*)

Пыровъ.

А! Ты ужъ тутъ разрыла всѣ книги у меня, да и разрѣзываешь. Мнѣ кажется, ты и подождать могла бы.

Дуняша.

Только васъ послушай, такъ вѣчно ждать придется всего.

Пыровъ.

Прытка некстати!

Дуняша.

Ужъ какая есть. А вы вотъ такъ не очень прытки, ужъ про васъ этого сказать нельзя.

Пыровъ.

„Не очень прытки“. А если мнѣ такъ слѣдуетъ; я думаю, что... мое дѣло. Нельзя же всѣмъ прыткими быть.

Дуняша (*встаетъ*).

Охъ, да, конечно! (*Со вздохомъ.*) Охъ, гдѣ ужъ!

Пыровъ.

Охъ, да охъ, да! Какой неприличный тонъ! Что ты хочешь сказать этимъ: охъ, да?

Дуняша.

Ничего... А вы что думали, что?

Пыровъ (*съ сердцемъ*).

„Охъ, да охъ, да!“ Желалъ бы я знать, что это значитъ.

Дуняша.

А вы-то что думали? Ну, скажите! Вотъ не говорите, такъ я и уйду. (*Хочетъ идти.*)

Пыровъ.

Останься! (*Сквозь зубы.*) Змѣенышъ!

Дуняша.

Вотъ ужъ вы какъ!

Пыровъ.

Да, змѣенышъ... котораго я отогрѣлъ на груди своей.

Дуняша.

Скажите пожалуйста!

Пыровъ.

Да, да, я тебя отогрѣлъ! Ты еще спорить будешь? Ну, поспорь, поспорь! Нельзя тебѣ со мной спорить, да и не смѣешь ты. Ну, довольно! Теперь я тебѣ задамъ вопросъ.

Дуняша.

Да что за задачи такія? Съ вами, право, никакого житья нѣтъ.

Пыровъ (*показывая письмо*).

Это что такое? Это что такое?

Дуняша (*не слушая*).

Задачи какія-то задавать придумали! (*Взглянувъ.*) Ну, что вы мнѣ передъ глазами-то вертите? „Что такое, да что такое?" Поглядите сами хорошенько, такъ увидите, что письмо.

Пыровъ (*быстро*).

Постой, постой, постой!

Дуняша.

Эка рѣдкость какая! Письмо да и все тутъ.

Пыровъ.

„Письмо". Знаю, что письмо... Да когда оно получено?

Дуняша.

„Когда?" Вотъ еще... Развѣ упомнишь? мало ли дѣла у меня! Либо вчера, либо нынче.

Пыровъ.

Ты получила вчера. А когда ты отдала мнѣ его?

Дуняша.

А отдала-то сегодня. Ну, что-жъ?

Пыровъ.

Десять минутъ назадъ.

Дуняша.

А вы еще скажите спасибо, что я вспомнила; а то и теперь лежало бы оно у меня въ карманѣ.

Пыровъ.

Дерзости вотъ... у тебя ужъ черезчуръ.

Дуняша.

У васъ все „дерзости“. Вы не любите, когда вамъ правду говорятъ.

Пыровъ.

А! Скажите пожалуйста! Никакой правды, никакой, однѣ дерзости.

Дуняша.

Ну, а дерзости, такъ дерзости. Что-жъ дѣлать, коль я такая уродилась. (*Садится.*)

Пыровъ.

Прекрасно, прекрасно! „Такая уродилась“. Ты родилась гадкой, дрянной дѣвчонкой и желаешь такой остаться, исправиться не хочешь? Поздравляю! Да скажи, сдѣлай милость, что ты такое здѣсь, служанка, или барыня?

Дуняша.

Да вамъ что нужно-то отъ меня? Что вы привязываетесь ко всякому слову.

Пыровъ.

А тоже... коли ты служанка, такъ кто долженъ служить: ты мнѣ, или я тебѣ?

Дуняша.

Отчего-жъ бы... Нешто это не бываетъ? Очень часто случается.

Пыровъ.

„Отчего-жъ бы“. Но... какъ тебѣ сказать... бѣситъ, съ толку сбиваетъ она меня своей дерзостью. Невозможно наконецъ... Какіе съ ней разговоры! Что больше говорить, то хуже... Вотъ письмо отъ моего пріятеля! Онъ пишетъ, что пріѣдетъ сегодня въ одиннадцать часовъ, а ты мнѣ отдала его въ десять съ половиной. Хорошо это?

Дуняша.

Развѣ я знала, что̀ онъ тамъ пишетъ?

Пыровъ.

Только вѣдь этого и недостаетъ, чтобъ ты распечатывала да читала мои письма.

Дуняша.

Коль вы мною недовольны...

Пыровъ.

Ну, да, недоволенъ; ну, да... мнѣ надоѣли твои глупости, они меня бѣсятъ.

Дуняша (*плача*).

Да ужъ и вы хороши тоже... что на людей-то!

Пыровъ.

Нѣтъ, помолчать ты не можешь; а? не можешь?

Дуняша.

Ну, что-жъ, зачѣмъ дѣло стало? И кончено... Развѣ послѣ вашихъ такихъ словъ я могу жить у васъ?

Пыровъ.

Какихъ словъ, какихъ „такихъ словъ“?

Дуняша.

Да такихъ, чего хуже еще и представить себѣ даже никто не можетъ. Развѣ можно всякими разными такими словами обижать дѣвушку. Ну, и значитъ, пожалуйте мнѣ паспортъ.

Пыровъ.

Ишь, вѣдь, что выдумала! Отдать вамъ паспортъ, скажите пожалуйста! Ну, а если я отдамъ?

Дуняша.

Что, я на казню, что-ль, къ вамъ служить-то пошла? Совсѣмъ не того я отъ васъ ожидала.

Пыровъ.

Ну, извольте, ну, я отдамъ вамъ паспортъ.

Дуняша.

Я и уйду.

Пыровъ.

Куда это? По Москвѣ шляться безъ пристанища? Ты думаешь, что такъ сразу ты и найдешь себѣ мѣсто. Ну, хоть и найдешь, да такое ли?

Дуняша.

Да хоть и не такое... Ужъ, конечно, гдѣ же!

Пыровъ.

Ну, вотъ видишь!.. Ахъ, ты несчастная! Поступишь ты къ

какому-нибудь... слушай, слушай! Къ какому-нибудь дураку... да еще женатому... какъ я былъ когда-то; онъ, изъ угожденія женѣ, чтобъ она не ревновала, будетъ обращаться съ тобой грубо, будетъ обижать тебя. Придется тебѣ вставать рано, ложиться поздно.

Дуняша (*плача*).

Да, ужъ конечно, ужъ все совсѣмъ по другому.

Пыровъ.

А здѣсь ты спишь, пока тебѣ самой не надоѣстъ, дѣлаешь для меня очень мало, а для себя все, что тебѣ въ голову придетъ. Пожалуй, возьмите паспортъ, возьмите, только чтобъ не плакать потомъ.

Дуняша.

Я вѣдь оттого, сударь...

Пыровъ.

„Сударь“. Это что еще за новости! Иванъ Ивановичемъ меня зовутъ.

Дуняша (*смѣется*).

Иванъ Иванычъ. Вы сами... тоже... вѣдь ужъ какіе обидчики-то!

Пыровъ.

Значитъ, вы меня прощаете?

Дуняша.

Да ужъ что-жъ дѣлать, поневолѣ...

Пыровъ.

Прощаете? Это очень мило съ вашей стороны! Изволите видѣть, какая она добрая, она меня прощаетъ. Ну, хорошо; такъ вы хоть, по крайней мѣрѣ, поцалуйте меня за это.

Дуняша.

Ну, нѣтъ, ужъ этого не будетъ... и никогда.

Пыровъ.

Ты не желаешь меня поцаловать? ты, можетъ быть, хочешь, чтобъ я самъ потрудился, поцаловалъ тебя? Что-жъ, я съ удовольствіемъ. (*Хочетъ обнять Дуняшу.*)

Дуняша (*отходя*).

Это мы еще посмотримъ.

Пыровъ.

Такъ ты не прощаешь?

Дуняша.

Прощаю, да...

Пыровъ.

Да не сейчасъ... Будь по-твоему! Подождемъ. Ну, не нынче, такъ завтра.

Дуняша.

Ни нынче, ни завтра и никогда! (*Бѣжитъ.*)

Пыровъ (*преслѣдуетъ, припѣвая*).

„Прочь, прочь отойди, какой безпокойный!“ Ишь ты, жестокая какая! (*Дуняша уходитъ въ переднюю.*)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Пыровъ, *потомъ* Дуняша.

Пыровъ (*къ публикѣ, серьезно*).

Изъ того, что я хотѣлъ поцаловать эту дѣвицу, никакъ не слѣдуетъ заключить... Охъ, нѣтъ, нисколько... тутъ совсѣмъ не то; а такъ какъ я добрый баринъ, очень добрый, а она въ сущности очень хорошая дѣвушка, ну, иногда немножко и понѣжничаешь... Ну, вы понимаете одиночество... я человѣкъ вдовый, скука .. А чтобы, напримѣръ, дальше... ни, ни... Ни подъ какимъ видомъ... Изготовитъ она что нибудь неожиданное къ завтраку, или любимое блюдо къ обѣду, какой нибудь десертъ... ну, однимъ словомъ, все, чѣмъ можно угодить пріятному барину. Только, только... (*со вздохомъ*). Ахъ, да только и всего... За то, что она меня балуетъ, и я ее балую, не всегда съ нея взыскиваю. Ну, вотъ и избаловалъ на свою голову, и случается то, что вы сейчасъ видѣли. Я получилъ отъ нея сегодня въ одиннадцатомъ часу письмо, которое пришло еще вчера и въ которомъ мой пріятель, Василій Николаевичъ, извѣщаетъ меня, что пріѣдетъ сегодня въ одиннадцать. Мой пріятель, онъ хоть и молодъ еще и немножко легкомысленъ, а малый отличный, золотой человѣкъ. Надо бы распорядиться приготовить ему комнату, а теперь когда ужъ,—того гляди...

Дуняша (*изъ передней*).

Къ вамъ гость. (*Проходитъ въ свою комнату. Входитъ Лытаевъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Пыровъ, Лытаевъ.

Лытаевъ.

Иванъ Иванычъ! (*Подаетъ руку.*) Дорогой Иванъ Иванычъ!

Пыровъ.

Ахъ, вотъ ты! Очень радъ, спасибо! Ну, какъ ты тамъ?

Лытаевъ.

Помаленьку. Какъ вы поживаете, Иванъ Иванычъ? Объ Наденькѣ не имѣете ли извѣстія?

Пыровъ.

Я, ничего, слава Богу, благодарю тебя.

Лытаевъ.

А Наденька?

Пыровъ.

Ты усталъ, я думаю, съ дороги? Ты откуда теперь?

Лытаевъ.

Изъ Нижняго, Иванъ Иванычъ, проѣздомъ въ Петербургъ.

Пыровъ.

А въ Нижнемъ что дѣлалъ?

Лытаевъ.

Вѣдь, я хозяинъ, Иванъ Иванычъ: въ имѣніи былъ, за работами смотрѣлъ, счеты въ порядокъ приводилъ.

Пыровъ.

Что-то не похоже на тебя, какъ будто.

Лытаевъ.

Да вѣдь я перемѣнился, ужъ я давно перемѣнился.

Пыровъ.

Правда ли?

Лытаевъ.

Такъ перемѣнился, что меня даже совсѣмъ узнать нельзя.

Пыровъ.

Ну, дай Богъ. Я очень радъ. Не хочешь ли отдохнуть, закусить, выпить чего нибудь?

Лытаевъ.

Какъ Наденька, Иванъ Иванычъ?

Пыровъ.

Да какая Наденька? Ты мнѣ надоѣлъ, братецъ.

Лытаевъ.

Дочка ваша, Иванъ Иванычъ, ваша дочка. Про кого же мнѣ и спрашивать?

Пыровъ.

Ну, такъ что-жъ! Тебѣ что за дѣло до нея? Она у тётки, въ Петербургѣ.

Лытаевъ.

Все тамъ же?

Пыровъ.

Все тамъ же. Ты не безпокойся. Тамъ ей хорошо; тамъ есть все рѣшительно, что ей нужно...

Лытаевъ.

То есть, куклы, конфекты... Вы, кажется, воображаете, что ей все еще двѣнадцать лѣтъ.

Пыровъ.

Да какое тебѣ дѣло до того, что я воображаю?

Лытаевъ.

Есть маленькое дѣло, Иванъ Иванычъ, есть. Вѣдь, вы никакъ не догадаетесь, зачѣмъ я въ Москву пріѣхалъ.

Пыровъ.

Не догадаюсь, да и догадываться не желаю.

Лытаевъ.

Такъ я самъ скажу. Вѣдь ужъ рано ли, поздно ли, надо будетъ сказать, такъ чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше; я пріѣхалъ къ вамъ затѣмъ, чтобъ имѣть честь просить у васъ руки Надежды Ивановны.

Пыровъ.

Ты? А, вотъ что! Ты за этимъ только и пріѣхалъ ко мнѣ?

Лытаевъ.

Единственно за этимъ, Иванъ Иванычъ.

Пыровъ.

Такъ я тебя не задержу; ты сегодня же можешь и уѣхать.

Лытаевъ.

Значитъ, согласны?

Пыровъ.

Значитъ, да не то. Это значитъ: я не согласенъ.

Лытаевъ.

Ахъ, Иванъ Иванычъ!

Пыровъ.

Ахъ, Василій Николаевичъ!

Лытаевъ.

Я думалъ, что это дѣло двухъ словъ; мы такіе пріятели.

Пыровъ.

Что-жъ, что пріятели? Мы пріятелями и останемся. Наденька тебя совсѣмъ не знаетъ, ты видѣлъ ее раза два-три въ жизни, когда она пріѣзжала изъ пансіона.

Лытаевъ.

Нѣтъ, Иванъ Иванычъ, не два и не три, а много разъ.

Пыровъ.

Какъ „много“? Когда, какимъ образомъ?

Лытаевъ.

Иванъ Иванычъ, я долженъ вамъ признаться, мы виноваты передъ вами: мы любимъ другъ друга.

Пыровъ.

Вы любите другъ друга? Что за вздоръ такой! Этого не можетъ быть.

Лытаевъ.

Виноваты, Иванъ Иванычъ, виноваты.

Пыровъ (*со вздохомъ*).

Впрочемъ, отъ тебя всего ожидать можно. Непріятно, очень непріятно. Неугодно ли тебѣ будетъ сейчасъ же объяснить мнѣ, какъ могло это случиться?

Лытаевъ.

Съ удовольствіемъ. Очень просто, Иванъ Иванычъ.

Пыровъ.

Вотъ, и не просто. Надя живетъ у моей сестры, а у нея домъ неприступная крѣпость.

Лытаевъ.

Да вѣдь и крѣпости берутъ.

Пыровъ.

Но къ ней доступа нѣтъ, она никого не принимаетъ.

Лытаевъ.

Никого, кромѣ...

Пыровъ.

Кромѣ людей солидныхъ, богомольныхъ.

Лытаевъ.

А развѣ я не могу быть солиднымъ и богомольнымъ?

Пыровъ.

То-есть притвориться на время.

Лытаевъ.

А хоть бы и притвориться, но если это съ добрымъ намѣреніемъ.

Пыровъ.

Ну, потомъ?

Лытаевъ.

Потомъ ваша сестрица занимается столоверченіемъ.

Пыровъ.

Къ несчастію, правда; ну, что-жъ далѣе?

Лытаевъ.

А такъ какъ я въ этомъ дѣлѣ пользуюсь громкой извѣстностью...

Пыровъ.

Ты и втерся къ ней въ домъ?

Лытаевъ,

И сдѣлался необходимымъ человѣкомъ.

Пыровъ.

Довольно, остальное знаю. Да, теперь я вижу, что нужно поскорѣй выдать Надю замужъ.

Лытаевъ.

Да, поскорѣй, и за меня.

Пыровъ.

Нѣтъ, не за тебя, а за кого нибудь починовнѣе и подѣльнѣе. Ужъ у меня есть на-примѣтѣ.

Лытаевъ.

Ахъ, да, понимаю... Какой нибудь вашъ пріятель и ровесникъ, школьный товарищъ, другъ дѣтства... человѣкъ солидный, разумѣется, потому что въ шестьдесятъ лѣтъ пора перебѣситься.

Пыровъ.

Да какія шестьдесятъ, какія шестьдесятъ! Мнѣ еще далеко.

Лытаевъ.

Ну, и въ чинахъ, конечно; потому что, проживя мафусаиловы-то вѣки, до чего нибудь доживешься.

Пыровъ.

„Мафусаиловы вѣки". Скажите пожалуйста! Что ты болтаешь!

Лытаевъ.

Очень хорошо, безподобно! Бѣдная дѣвушка! Я вамъ не нравлюсь, я молодъ для васъ?

Пыровъ.

Не то бѣда, что ты молодъ, а то, что поведеніе твое...

Лытаевъ.

Ужъ не вамъ бы говорить о поведеніи! Мнѣ простительно, я молодой человѣкъ. Ахъ, Иванъ Иванычъ, лучше подурачиться смолоду, чѣмъ въ ваши лѣта, напримѣръ.

Пыровъ.

Да что ты все про мои лѣта! Я всегда и во всякія лѣта веду себя безукоризненно.

Лытаевъ.

Ну, да, какъ же! Знаемъ мы васъ.

Пыровъ.

Нечего знать-то, другъ мой милый. Вотъ что: пріятелемъ я твоимъ останусь всегда, но родственникомъ... нѣтъ, Вася, невозможно.

Лытаевъ.

Ну, какъ хотите. Ахъ, да... Какъ прислуга у васъ? Нынче всѣ жалуются. Что, это экономка, которую вы взяли недавно, вы ею довольны?

Пыровъ.

Ты хочешь перемѣнить разговоръ? Вотъ и прекрасно; на

томъ и покончимъ и, пожалуйста, больше не начинай. Ты про Дуняшу спрашиваешь? Ничего, я доволенъ, да... да. для экономки она такъ-себѣ.

Лытаевъ.

А я, было, хотѣлъ вамъ другую предложить.

Пыровъ.

Благодарю, мой другъ! Что-жъ, у тебя контора что ли для доставки прислуги?

Лытаевъ.

Вы, Иванъ Иванычъ, говорите со мной откровенно! Коли вамъ эта не нравится, такъ я вамъ сейчасъ другую. Сколько вы платите, Дуняшѣ?

Пыровъ.

Она порядилась сначала за восемь... потомъ чайныя...

Лытаевъ.

Значитъ, около десяти рублей въ мѣсяцъ?

Пыровъ.

Нѣтъ, больше, я ей прибавилъ недавно... съ подарками-то, круглымъ счетомъ...

Лытаевъ.

Неужели пятнадцать?

Пыровъ.

Ну, положимъ двадцать-пять, и толковать объ этомъ нечего... Довольно, довольно...

Лытаевъ.

Вотъ такъ житье!

Пыровъ.

Ну, тамъ еще на прачку малость...

Лытаевъ.

Ай, ай! Иванъ Иванычъ, вѣдь это раззоренье! Я вамъ доставлю подешевле. Вы не очень дорожите Дуняшей?

Пыровъ.

Я совсѣмъ недорожу, только отпускать я ее не желаю. Она очень хорошо знаетъ свое дѣло... она преданна, учтива. (*Равнодушно.*) А твоя молодая, хорошенькая?

Лытаевъ.

Собой нехороша, но за то здоровенная чухонка; она вамъ за семь рублей въ мѣсяцъ замѣнитъ всю прислугу.

Пыровъ.

Чухонка? Нѣтъ, въ нихъ граціозности очень мало.

Лытаевъ.

Ну, такъ я вамъ хохлушку.

Пыровъ.

Да не надо, не надо! не безпокойся! Вотъ видишь ты: я привыкъ къ Дуняшѣ, а привычка въ мои лѣта важное дѣло. Положимъ, я плачу очень дорого, но ужъ такъ и быть, я съ ней не разстанусь, чего бы мнѣ это ни стоило.

Лытаевъ.

Съ Дуняшей не разстанетесь? Ну, какъ хотите, это ваше дѣло. Такъ и запишемъ. (*Помолчавъ.*) Какъ же, Иванъ Иванычъ... неужели, несмотря на всѣ просьбы, вы останетесь непреклонны?

Пыровъ.

Ну, да, Боже мой! Хоть мнѣ и жаль огорчать тебя, и извини ты меня, сдѣлай милость; но я тебѣ отказываю рѣшительно.

Лытаевъ.

А я такъ надѣялся.

Пыровъ.

Ну, что дѣлать, не могу. Чего нельзя, такъ нельзя. Но если ты хочешь погостить у меня нѣсколько дней, сдѣлай милость, располагайся, какъ дома. Вотъ тебѣ кабинетъ. (*Звонитъ.*) Я очень доволенъ, что поселился въ Москвѣ; тихо, покойно, отъ всего близко: Тверской бульваръ подъ бокомъ, Англійскій клубъ рукой подать, книжная лавка тоже недалеко. (*Звонитъ.*) Если хочешь, завтра пообѣдаемъ въ клубѣ. (*Звонитъ.*)

Лытаевъ.

Не придетъ.

Пыровъ.

А вотъ увидишь.

Лытаевъ.

Да ужъ не придетъ.

Пыровъ.

Такъ я же докажу тебѣ. Но надо же ей дать время. (*Звонитъ.*) Обыкновенно она сейчасъ же... она вѣроятно занята чѣмъ нибудь... ну, конечно, если нейдетъ, такъ значитъ... (*Звонитъ. Лытаевъ беретъ другой колокольчикъ и звонитъ. Входитъ Дуняша съ салфеткой въ рукахъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Пыровъ, Лытаевъ, Дуняша.

Дуняша.

Звоните вы хоть цѣлый день; ужъ если я нейду сразу, такъ значитъ... (*Пыровъ. Лытаевъ останавливаются.*)

Лытаевъ.

Не церемоньтесь, продолжайте, я свой человѣкъ.

Пыровъ.

Молчи, пожалуйста, ты ее пристыдилъ. Мы, Дуняша, тебѣ помѣшали, ты вѣдь занята. Я такъ ему и говорилъ.

Дуняша.

Я готовила завтракъ, да бѣлье доставала къ столу.

Пыровъ (*Лытаеву*).

Ну, вотъ, видишь, вотъ видишь! Она готовила завтракъ... ну, а въ кухнѣ она госпожа.

Лытаевъ.

Да, я полагаю, что въ другихъ комнатахъ тоже.

Пыровъ.

Ты шутишь. Онъ шутникъ, Дуняша. Но вѣдь ты самъ знаешь, что ты говоришь вздоръ; зачѣмъ же ты ее конфузишь? (*Дуняшѣ.*) Какъ приготовишь завтракъ, такъ вели подать намъ лафиту получше.

Дуняша.

Ужъ я знаю, какого.

Пыровъ (*Лытаеву*).

Я пойду погулять передъ завтракомъ по бульвару. Ты меня извини. Я своихъ привычекъ никогда и ни для кого не нару-

шаю. Располагайся тутъ, какъ тебѣ удобнѣе. Я вернусь черезъ четверть часа.

Лытаевъ.

Дѣлайте, что хотите и, пожалуйста, не заботьтесь обо мнѣ. До свиданья! (*Пыровъ уходитъ. Дуняша провожаетъ его.*)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Лытаевъ, *потомъ* Дуняша.

Лытаевъ.

Вѣдь, это онъ отъ жадности не хочетъ отдать Наденьку: онъ, въ самомъ дѣлѣ, дожидается, что какой нибудь старикъ возьметъ ее безъ приданаго. Старый эгоистъ! Самъ блаженствуетъ, а объ дочери и думать забылъ. Погоди-жъ ты! Я твою слабость вызналъ; ты у меня иначе заговоришь. Сейчасъ за дѣло, зѣвать некогда! (*Входитъ Дуняша.*) Дуняша!

Дуняша.

Что вамъ угодно?

Лытаевъ (*бросаясь на колѣни*).

Дуняша, я тебя люблю, люблю, люблю!

Дуняша (*вскрикнувъ*).

Ай! Какія глупости! Какъ вы меня испугали!

Лытаевъ.

Дуняша, я съ ума схожу по тебѣ... я помѣшаюсь, если ты... Хочешь ты любить меня, говори! Говори скорѣй! сейчасъ, сію минуту!

Дуняша.

Ишь вы какіе проворные! Объ этакомъ дѣлѣ надо разсудить хорошенько... Да встаньте, вы протрете панталоны на колѣнкахъ.

Лытаевъ.

Панталоны! Ну, вотъ, важность! Я пылаю, а она... о такихъ пустякахъ...

Дуняша.

Пылаете! Какъ же это вы ужъ очень такъ вдругъ.

Лытаевъ.

Ахъ, Дуняша, да я всегда вдругъ... я вѣдь на другихъ людей не похожъ.

Дуняша.

Только правду ли вы говорите! Вѣдь мужчины какіе обманщики-то!

Лытаевъ.

Да, это вѣрно, Дуняша, всѣ обманщики, всѣ; только одинъ я и не обманываю.

Дуняша.

Что-жъ, вѣдь, пожалуй; вы и вправду... Нешто не бываетъ... Очень похоже, что вы въ самомъ дѣлѣ... Вы такой милый, добрый, обходительный...

Лытаевъ.

Да, милый, добрый и обходительный, да и мало-ль во мнѣ хорошаго! Узнай-ка меня покороче, то-ли увидишь. Значитъ, ты меня полюбила, это кончено дѣло.

Дуняша (*задумчиво*).

Ахъ, право, я не знаю!

Лытаевъ.

Да тутъ и знать-то ничего не надо! Чего еще знать? Полюбила, да и все тутъ. Такъ ты полюбила меня? (*Цалуетъ Дуняшу.*) Ужъ я по глазамъ вижу, что полюбила.

Дуняша.

Да оно очень бы хорошо... ужъ чего лучше... ежели вы только на чести.

Лытаевъ.

А то какъ же... Она еще спрашиваетъ! Разумѣется, на чести. У меня все на чести.

Дуняша.

Ахъ! толкую я съ вами, а про завтракъ-то и забыла.

Лытаевъ.

Да, въ самомъ дѣлѣ. Ну, да вотъ мы оба примемся, такъ у насъ мигомъ. (*Снимаетъ жакетку.*) Дай-ка сюда. (*Беретъ у Дуняши салфетку и повязываетъ на голову въ видѣ колпака.*)

Дуняша.

Что вы? Что вы дѣлаете?

Лытаевъ.

Пойдемъ стряпать.

Дуняша.

Да не можетъ быть! Какъ же это?

Лытаевъ.

А что-жъ такое! Коли любишь кого, такъ ужъ все пополамъ: и горе, и радость, и заботы, и труды. А то, что-жъ это за любовь? ты будешь стряпать, трудиться, а я смотрѣть на тебя, сложа руки. (*Цалуетъ Дуняшу.*)

Дуняша.

Вотъ, хорошаго человѣка сейчасъ видно. Ни въ васъ этой гордости и ничего такого прочаго.

Лытаевъ.

Гордости! Вотъ захотѣла. Да ее во мнѣ съ роду не бывало.

Дуняша.

Ну, что-жъ, давайте стряпать. Только, вѣдь это, право, смѣшно. (*Уходитъ въ свою комнату и оставляетъ дверь отворенную.*)

Лытаевъ.

Еще бы! Очень смѣшно! (*У двери.*) Ну, что тамъ у тебя: капуста, морковь? Давай ихъ сюда!

Дуняша (*подаетъ морковь на тарелкѣ*).

Вотъ извольте!

Лытаевъ.

И называй ты меня Васей, это гораздо короче. (*Чиститъ морковь у стола.*)

Дуняша.

Ахъ, вы запачкаете коверъ!

Лытаевъ.

Что за вы! Говори мнѣ ты! Какія еще между нами церемоніи! А коверъ... послушай, ну что намъ за дѣло до ковра! Вѣдь онъ не нашъ, такъ нечего намъ и безпокоиться. (*Съ увлеченіемъ чиститъ морковь.*)

Дуняша (*кладетъ руку на плечо Лытаеву*).

Какой ты чудной, Вася! Да вѣдь баринъ сердиться будетъ.

Лытаевъ.

И пусть его сердится, сколько ему угодно: это до насъ не касается. Мы съ тобой любимъ другъ друга, такъ что-жъ намъ до него! Пусть сердится на здоровье!

Дуняша (*разсматриваетъ рукавъ рубашки Лытаева*).

Ишь, какъ хорошо выглажено.

Лытаевъ.

Ну, морковь готова.

Дуняша.

Погоди, не вертись! Вѣдь вотъ не сдѣлать мнѣ такъ ни-за-что. Покажи запонки.

Лытаевъ (*поднимаетъ руку*).

Вотъ запонки! Куда морковь?

Дуняша (*разсматриваетъ запонки*).

Ужъ поваръ знаетъ куда!

Лытаевъ.

Еще работы, Дуняша, еще работы! Что у тебя тамъ еще есть?

Дуняша.

Мало ли что есть: рѣпа, земляныя груши.

Лытаевъ.

Рѣпа, земляныя груши, превосходно! Еще чего нѣтъ ли? Я для тебя на все. Видишь ты, видишь ты, какъ я люблю тебя! (*Уходитъ съ тарелкой въ комнату Дуняши.*)

Дуняша.

Кабы зналъ Иванъ Иванычъ, какъ мы тутъ для него стараемся! Ужъ коли этимъ завтракомъ онъ будетъ недоволенъ, такъ я и не знаю... Кто-то пришелъ. (*Притворяетъ дверь въ свою комнату. Входитъ Пыровъ.*)

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Дуняша, Пыровъ.

Пыровъ.

Какъ! ты одна? а Василій Николаевичъ?

Дуняша.

Какой Василій Николаевичъ?

Пыровъ.

Василій Николаевичъ Лытаевъ.

Дуняша.

Ахъ, да! вашъ гость. Онъ тоже ушелъ. (*Слышенъ звукъ разбитой тарелки.*)

Пыровъ.

Кто тамъ у тебя, въ комнатѣ?

Дуняша.

Нѣтъ, это ничего, это кошка.

Пыровъ.

Василій Николаевичъ не говорилъ тебѣ, куда пошелъ?

Дуняша.

Не говорилъ. Да гдѣ-жъ имъ быть... извѣстно, гуляютъ. Подите на бульваръ, тамъ ихъ и встрѣтите.

Пыровъ.

Нѣтъ, зачѣмъ же мнѣ идти! Что мнѣ за нимъ бѣгать, я не маленькій! Я лучше его здѣсь подожду. Что ты намъ готовишь хорошенькаго?

Дуняша.

Духовую говядину.

Пыровъ.

Съ морковкой и разными разностями?

Дуняша.

Да, съ морковкой и разными разностями. Пора мнѣ знать, что вы любите.

Пыровъ.

Пора тебѣ знать; а ты не знаешь. Ты думаешь, что я одну духовую говядину люблю; я и тебя тоже люблю.

Дуняша.

Сдѣлайте одолженіе, оставьте эти ваши комплименты.

Пыровъ.

То-то я слышу, такъ обольстительно попахиваетъ изъ кухни! Пойти поглядѣть, что тамъ за прелести готовятся. (*Хочетъ идти въ комнату Дуняши.*)

Дуняша (*загораживая дорогу*).

Куда вы?

Пыровъ.

Хочу пройти въ кухню черезъ твою комнату.

Дуняша.

Черезъ мою комнату мужчинамъ ходу нѣтъ!

Пыровъ.

Ты отъ меня тамъ прячешь что-то или кого-то.

Дуняша.

Какъ вы могли подумать! Вотъ ужъ безстыдникъ, сейчасъ видно.

Пыровъ.

Ну, хорошо, не буду думать; ну, такъ поцалуй.

Дуняша.

Ахъ, оставьте! что вы! вотъ еще придумываете отъ нечего-то дѣлать. Я всегда въ работѣ, всегда при занятіи, такъ мнѣ эти глупости не очень-то въ голову приходятъ.

Пыровъ.

Одинъ только разъ поцалую, одинъ маленькій разочекъ.

Дуняша.

Ну, ужъ нечего съ вами дѣлать, только поскорѣй и одинъ только разъ, никакъ не больше. (*Пыровъ цалуетъ Дуняшу. Входитъ Лытаевъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Пыровъ, Дуняша, Лытаевъ.

Лытаевъ.

Громъ и молнія! Онъ ее цалуетъ, ее, мою Дуняшу!

Дуняша (*тихо*).

Ахъ, Вася!

Лытаевъ.

Позвольте васъ спросить, Иванъ Иванычъ, что это значитъ?

Пыровъ.

Что значитъ? А тебѣ какое дѣло? Ничего это не значитъ... вотъ и все. Отеческій поцалуй.

Лытаевъ.

Но позвольте, Иванъ Иванычъ, это не шутка, это дѣло серьёзное. Я её люблю и она меня любитъ. (*Дуняшѣ.*) Да скажи же ему, что ты меня любишь.

Дуняша.

Ахъ, Вася... молчи пожалуста!

Пыровъ.

Какъ, что такое? „Ты... Вася“... Но, несчастные, что же у васъ тутъ? Что за дикая безнравственность!

Дуняша.

Нѣтъ, Иванъ Иванычъ, тутъ совсѣмъ никакой безнравственности и ничего такого нѣтъ; а вотъ что: такъ какъ мы очень любимъ другъ друга...

Лытаевъ.

Ну, да, конечно, она правду говоритъ.

Пыровъ (*Дуняшѣ*).

Ты говоришь глупости; онъ не можетъ тебя любить, онъ тебя обманываетъ.

Лытаевъ.

Не вѣрь ему, Дуняша, не вѣрь!

Дуняша.

Ужъ, конечно, я скорѣй ему повѣрю, ничѣмъ вамъ.

Пыровъ.

Да онъ сейчасъ просилъ у меня руки моей дочери Нади.

Дуняша.

Какъ же это такъ? На что-жъ это похоже?

Лытаевъ.

Не вѣрь, Дуняша, не вѣрь! Это онъ тебѣ глаза отводитъ; онъ хочетъ поссорить, разлучить насъ съ тобой. Нѣтъ, Иванъ Иванычъ, это штука-то старая, играная.

Пыровъ.

Не слушай ты его! Онъ влюбленъ въ Надю; получасу не прошло, какъ онъ на этомъ самомъ мѣстѣ мнѣ клялся и просилъ руки ея. Но я отказалъ ему, разумѣется, отказалъ. Дуняша! Ахъ, ты простота! Какъ легко обмануть тебя!

Дуняша.

Кому-жъ мнѣ вѣрить послѣ этого?

Пыровъ.

Мнѣ вѣрь: я не вертопрахъ, у меня сѣдые волосы.

Дуняша (*Лытаеву сквозь слезы*).

Такъ что-жъ это такое? Насмѣшка что ли съ вашей стороны?

Пыровъ.

Тутъ все: и насмѣшка, и гнусный обманъ.

Лытаевъ.

Разговаривайте, разговаривайте, я помолчу пока.

Пыровъ (*Дуняшѣ*).

Не прельщайся обѣщаніемъ, не прельщайся, погибнешь; нашла мѣсто и живи, живи честно, будь довольна своимъ скромнымъ жалованьемъ.

Лытаевъ.

На двадцати-то пяти рубляхъ въ мѣсяцъ... а коли мало, онъ еще тебѣ прибавитъ.

Пыровъ.

Не мѣняй вѣрнаго на невѣрное. Не бросай хорошаго мѣста, не покидай своего добраго барина. Здѣсь тебя любятъ, ласкаютъ...

Дуняша (*въ слезахъ*).

Какая я несчастная! Вотъ ужъ несчастная-то!

Пыровъ.

Ну, что-жъ, и поплачь, и поплачь! Это хорошо, это значитъ, что твое сердце еще не испорчено. Ты вѣдь отъ раскаянія плачешь; такъ вѣдь? Ну, и прекрасно; это послужитъ урокомъ тебѣ впередъ. (*Лытаеву.*) Надѣнь пиджакъ-то, честь честью, и приходи въ столовую, я съ тобой поговорю, я тебѣ прочту нотацію. (*Уходитъ въ столовую.*)

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Лытаевъ, Дуняша.

Лытаевъ (*надѣвая пиджакъ*).

Дуняша!

Дуняша.

Оставьте вы меня, я васъ слушать не хочу!

Лытаевъ.

Напрасно. Пожалѣешь, Дуняша. Я тебя люблю и ни на кого на свѣтѣ не промѣняю.

Дуняша.

А Надежда Ивановна?

Лытаевъ.

Да вѣдь это хитрость. Развѣ ты не понимаешь? Это я нарочно ему, чтобъ отвлечь отъ подозрѣнія. Я пріѣхалъ въ Москву для тебя; неужели такъ прямо и сказать ему! Ну, я и выдумалъ отводъ.

Дуняша.

Да правда ли?

Лытаевъ.

Вотъ еще! Конечно, правда.

Дуняша.

Поклянись.

Лытаевъ.

Ну, клянусь тебѣ.

Дуняша.

Да чѣмъ? Ты поклянись тѣмъ, что для тебя всего дороже.

Лытаевъ.

Изволь! Клянусь тебѣ тѣмъ, что для меня всего дороже.

Дуняша.

Ну, то-то же.

Лытаевъ.

Отчего же не поклясться? Что для меня дороже-то всего? Для меня дороже всего мой портной.

Дуняша.

Да, хорошо, хорошо, теперь ужъ я тебѣ вѣрю.

Лытаевъ.

Что клятвы! Я тебѣ какое хочешь доказательство! Да вотъ что... ужъ чего, кажется, лучше?

Дуняша.

Ну, что, что? говори!

Лытаевъ.

Хочешь въ Петербургъ?

Дуняша.

Съ тобой?

Лытаевъ.

Со мной, сейчасъ.

Дуняша.

Да не лжешь?

Лытаевъ.

Не лгу.

Дуняша.

Побожись!

Лытаевъ.

Опять божиться! Ужъ я далъ клятву, чего-жъ тебѣ еще?

Дуняша.

Ну, хорошо; такъ поѣдемъ скорѣй!

Лытаевъ.

Сейчасъ, сейчасъ, только тебѣ нужно одѣться получше, побольше шику! Поѣдемъ въ первомъ классѣ; тамъ публика хорошая. Нѣтъ ли тутъ у васъ какого магазина? Тебѣ нужно тальму, или ротонду, что ли.

Дуняша.

Да ужъ знаю, знаю!

Лытаевъ.

Шляпу, зонтикъ, перчатки, плэдъ. Ну, а манеры?

Дуняша.

Нѣтъ, ужъ это оставьте! Ужъ пожалуйста объ манерахъ-то ты не безпокойся! Я такую даму разыграть могу... А магазинъ у насъ рядомъ, въ нашемъ домѣ.

Лытаевъ.

Вотъ и прекрасно.

Дуняша.

Ботинки у меня новыя.

Лытаевъ.

Покажи ботинки. (*Дуняша показываетъ ботинки.*) Ботинки — первый сортъ.

Дуняша.

Такъ пойдемъ!

Лытаевъ.

Пойдемъ, купимъ все, что нужно,—и маршъ!

Дуняша.

Ахъ, какъ хорошо, какъ весело! Пойдемъ скорѣй! (*Уходятъ. Входитъ Пыровъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Пыровъ (*одинъ*).

Пыровъ.

Дуняша, что-жъ ты не сбираешь завтракать? Да ее нѣтъ. Должно быть у себя въ комнатѣ... плачетъ, бѣдная, оплакиваетъ свое заблужденіе. И съ чего вздумалъ этотъ повѣса кружить ей голову? А еще жениться сбирается! Хорошъ, нечего сказать; бѣгаетъ за всякой горничной. Потому что Дуняша вѣдь, что ни говори, всетаки горничная... не простая горничная, конечно, не какая-нибудь дѣвка-чернавка... это я лучше всѣхъ чувствую, потому что, между нами сказать, она получаетъ у меня тридцать рублей въ мѣсяцъ, а все-жъ-таки не барышня. Для него она всетаки горничная. Но для меня... для меня... я долженъ наконецъ признаться... нанималъ-то я ее какъ прислугу; но теперь оказывается, что она живетъ у меня больше, такъ сказать, для компаніи; получаетъ очень большое жалованье, не то что другая прислуга... ну, оттого нѣсколько презрительно и относится къ труду. И это ей очень извинительно... и я, чортъ возьми, вовсе не желаю разставаться съ ней для этого вертопраха. Но что-жъ это она сегодня такъ долго? Все еще плачетъ. Да, женщинѣ стоитъ только расплакаться, ужъ не скоро ее уймешь. (*Отворяя дверь въ комнату Дуняши.*) Дуняша, ты не плачь, дитя мое! Ну, стоитъ ли! Поплакала, да и будетъ! Да ее нѣтъ здѣсь. (*Подбѣгаетъ къ выходной двери.*) Дуняша, Дуняша! Никакого отвѣта! Развѣ она... Да нѣтъ... (*Идетъ къ дверямъ кабинета.*) Василій Николаевичъ, не видалъ ли ты Дуняшу? И тутъ молчаніе! (*Отворяетъ дверь.*) Да его нѣтъ... Ни его, ни ее... Что-жъ это значитъ? Дуняша! Василій Николаевичъ!

Входятъ: Лытаевъ *и* Дуняша *разряженная.*

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Пыровъ. Лытаевъ, Дуняша.

Пыровъ.

А, наконецъ-то! Что такое, что такое? Дуняша, ты къ чему это такъ разодѣлась?

Дуняша.

Ничего не разодѣлась, а какъ слѣдуетъ, чтобы прилично... какъ завсегда принято въ хорошемъ обществѣ...

Пыровъ.

Какое общество? Откуда у тебя взялось хорошее общество?

Лытаевъ.

Иванъ Иванычъ, я ее въ Петербургъ везу съ собой, такъ нельзя же!

Пыровъ.

Ты везешь ее въ Петербургъ? Но я на это не согласенъ. Дуняша должна остаться у меня. (*Дуняшѣ.*) У тебя нѣтъ паспорта.

Дуняша.

Коли вы чувствуете себя, что вы порядочный господинъ и добрый человѣкъ, вы сами должны отдать мнѣ паспортъ. А жалованье за этотъ мѣсяцъ мнѣ, пожалуй, не нужно, я могу теперь это все презрѣть.

Лытаевъ.

Вотъ такъ, Дуняша, такъ!

Пыровъ.

Но, Дуняша, ты только подумай, оставить меня, меня, такого добраго барина.

Дуняша.

Ахъ, скажите! А вы зачѣмъ мнѣ сейчасъ наговорили пустяковъ на Василія Николаевича? Человѣка любишь всей душой, а вы вдругъ про него такія глупости сочиняете. Вѣдь, вы ужасть какъ меня разстроили. Что васъ слушать-то?

Лытаевъ.

Мы, Иванъ Иванычъ, зашли, чтобъ имѣть честь раскланяться

съ вами. Дня черезъ два-три, я вамъ вышлю ту хохлушку, о которой я вамъ говорилъ. Поварская часть у ней усовершенствована такъ...

Пыровъ.

Погоди, шалопай! Вѣдь я не вѣрю ни одному слову во всей этой исторіи. (*Тихо.*) Ну, говори, что тебѣ нужно?

Лытаевъ.

Наденьку.

Пыровъ.

Никогда!... Низачто!...

Лытаевъ.

Идемъ, что ли, Дунечка! Присядь барину!

Дуняша (*присѣдая*).

Прощайте! Либо увидимся, либо нѣтъ, не поминайте лихомъ (*смѣется*), и добромъ нечѣмъ.

Пыровъ.

Каково она поговариваетъ! (*Лытаеву.*) Ну, хочешь отступнаго?

Лытаевъ (*тихо*).

Или все, или ничего.

Пыровъ (*Дуняшѣ, тихо*).

Вѣдь я тебѣ говорилъ, что онъ сейчасъ просилъ у меня руки моей дочери.

Дуняша (*громко*).

Нѣтъ, ужъ вы меня два раза на одну и ту же штуку не поддѣнете. Нѣтъ, ужъ это дудки-съ! Отваливайте!

Пыровъ.

Что за слова! Что за тонъ! Стыдись! (*Лытаеву, тихо.*) Изволь, я согласенъ; оставь мнѣ Дуняшу.

Лытаевъ.

Честное слово? По-рукамъ?

Пыровъ (*подавая руку*).

По-рукамъ. Хоть и скрѣпя сердце, а ужъ нечего съ тобой дѣлать.

Лытаевъ (*обнимая Пырова*).

Отецъ вы мнѣ, Иванъ Иванычъ, отецъ. Чтобы вамъ сразу... а то заставили меня...

Пыровъ.

Ну, да ужъ что толковать!

Дуняша.

Ну, скоро-ль ты тамъ?

Лытаевъ.

Ахъ, Дуняша! хоть мнѣ и жаль тебя разочаровывать, а ужъ нечего дѣлать... мы не поѣдемъ.

Дуняша

Это еще что такое?

Лытаевъ.

Иванъ Иванычъ согласенъ отдать за меня Наденьку.

Дуняша.

Ну, а я-то какъ же? (*Хочетъ плакать.*)

Пыровъ.

Ты у меня останешься, чего-жъ тебѣ еще! Я пожалуй прибавлю тебѣ жалованья; костюмъ этотъ, коли тебѣ нравится, можешь оставить.

Лытаевъ.

А за безпокойство ваше пятьдесятъ рублей. если позволите.

Дуняша (*улыбаясь*).

Что-жъ! Это довольно благородно съ вашей стороны.

Пыровъ (*Лытаеву*).

Ну, милый человѣкъ, теперь тебѣ надо будетъ глупости-то бросить и жить посолиднѣе.

Лытаевъ.

Не съ васъ ли примѣръ брать, Иванъ Иванычъ? Вотъ, ужъ теперь не вамъ меня учить! Я скоро буду женатый человѣкъ и такихъ экономокъ...

Дуняша (*обидясь*).

Какихъ „такихъ“? Это что значитъ?

Лытаевъ.

Ты, Дуняша, не обижайся! Я хочу сказать: такихъ дорогихъ.

Дуняша (*Пырову*).

Если вы считаете, что я дорога для васъ, такъ вы можете взять другую подешевле.

Пыровъ.

Потому-то я и не разстанусь съ тобой, что ты дорога для меня во всѣхъ отношеніяхъ.

Дуняша *(смѣется).*

Туда же „во всѣхъ отношеніяхъ“! Ужъ говорилъ бы кто, да не вы.

Лытаевъ.

Вотъ теперь, сдѣлавши дѣло, можно и позавтракать.

СЕМЬЯ ПРЕСТУПНИКА.

(„LA MORTE CIVILE“).

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ,

П. ЖІАКОМЕТТИ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ИТАЛЬЯНСКАГО.

ЛИЦА:

Коррадо.	**Гаэтано.**
Арриго Пальміери, докторъ.	**Розалія.**
Джіоанино Руво, монсиньоръ.	**Эмма.**
Донъ Фернандо.	**Агата.**

Дѣйствіе происходитъ въ глубинѣ Калабріи, во время владычества Бурбоновъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Зала въ домѣ доктора, очень прилично и скромно меблированная. Выходная дверь по серединѣ; три боковыя ведутъ: въ садъ, въ библіотеку и во внутренніе покои.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Донъ Фернандо *и* Агата.

Д. Фернандо.

Такъ ты меня съ разу узнала?

Агата.

Съ разу: какъ же мнѣ не узнать, я ваша кормилица. я васъ кормила.

Д. Фернандо.

Ты скажи лучше, что мнѣ ужъ было вѣрныхъ 15 лѣтъ, когда дядюшка меня отправилъ отсюда въ Катанію учиться и что...

Агата.

Ну, да вѣдь и съ того времени много воды утекло. Развѣ вы не видите, Донъ Фернандо, какъ я состарѣлась? А вы все такой же молоденькій.

Д. Фернандо.

То-то ты и удивилась, какъ увидѣла меня и ротъ разинула.

Агата.

Ахъ, нѣтъ! Я удивилась, что вы все еще въ свѣтскомъ званіи.

Д. Фернандо.

А, понимаю! Ты, моя добрая кормилица, надѣялась увидать меня паломникомъ, прелатомъ? Не правда ли?

Агата.

А какъ я молилась объ этомъ святому Дженаро!

Д. Фердандо.

Спасибо за хлопоты! Хвала святому, что не слушалъ твоихъ молитвъ!

Агата.

Ай, Боже мой! Что за мысли!

Д. Фернандо.

Мысли честнаго человѣка, моя милая. Для всякаго ремесла нужна охота, а иначе будетъ плохо дѣло. Это истинная правда, что монсиньоръ, мой дядюшка, прочилъ меня въ духовное званіе и изъ Катаніи препроводилъ меня въ Римъ къ своему братцу-кардиналу; но онъ ошибся въ разсчетѣ. Деньги я тратилъ хорошо, учился мало, забавлялся много, безобразничалъ еще больше и воротился къ дядюшкѣ чуть-чуть христіаниномъ, — да и то еще чудо великое!

Агата.

Господи, что я слышу! Такъ ли я васъ ростила! Я ли не открещивала васъ отъ всякаго навожденія! Я ли не вѣшала

вамъ на грудь ладонки и всякую святыню! Ахъ, я несчастная! Если-бъ монсиньоръ слышалъ, что вы говорите, вотъ бы разгнѣвался. Вы хоть при немъ-то будьте поскромнѣе!

Д. Фернандо.

Чортъ возьми! Я не даромъ былъ въ Римѣ, и лицемѣрію и обману обучился порядочно... Я вотъ и здѣсь теперь служу службу монсиньору по сыскной части: видишь, я еще хорошій католикъ.

Агата.

По сыскной части?

Д. Фернандо.

Розыскъ впрочемъ самый невинный и очень пріятнаго свойства, такъ какъ дѣло касается женщины.

Агата.

Женщины? Ахъ, вѣроятно... да, должно быть, такъ... впрочемъ, такое порученіе едвали по васъ... но нѣтъ, монсиньоръ ошибаться не можетъ. А я думала, что вы пріѣхали сюда только затѣмъ, чтобъ повидаться съ докторомъ Пальміери, съ которымъ провели свое дѣтство и чтобъ меня навѣстить.

Д. Фернандо.

Оно такъ-то такъ, и тебя, и Арриго мнѣ видѣть очень пріятно; но эта таинственная дама, которую, какъ я слышалъ отъ дяди, докторъ вывезъ изъ Катаніи и прячетъ здѣсь въ глуши Калабріи, меня интересуетъ всего болѣе. Кто она? Какъ ее зовутъ?

Агата.

Кто она—неизвѣстно. Какъ зовутъ?—Розалія.

Д. Фернандо.

Розалій въ Сициліи много... я ихъ зналъ пропасть. Ты скажи мнѣ: эта Розалія—дѣвушка?

Агата.

Кто-жъ ее знаетъ.

Д. Фернандо.

Замужняя?

Агата.

Кто ее знаетъ.

Д. Фернандо.

Вдова?

Агата.

А кто-жъ ее знаетъ.

Д. Фернандо.

Значитъ, неизвѣстно? Ну, наконецъ, хороша она?

Агата *(пожимая плечами)*.

Гм...

Д. Фернандо.

Про это тебя и спрашивать-то бы не надо.

Агата.

Отчего же?

Д. Фернандо.

Ни одна старуха на такой вопросъ не отвѣтитъ, а только пожметъ плечами, какъ ты. Это ужъ лучше я самъ разсмотрю. Дѣло въ томъ, что эта незнакомка очень сокрушаетъ моего дядю; въ качествѣ пастыря онъ обязанъ, онъ самъ такъ говоритъ, быть на-стражѣ добрыхъ нравовъ, отвращать соблазны... А эта Розалія, судя по тому, что я слышалъ, возбуждаетъ подозрѣнія и тревожитъ совѣсть здѣшнихъ обывателей, которые къ несчастію и отъ природы подвержены ханженству и суевѣрію.

Агата.

Ахъ! Соблазну тутъ очень много. Не даромъ же я молюсь Мадоннѣ, чтобъ поскорѣй выбраться изъ этого дома, отъ грѣха.

Д. Фернандо.

Что же ты не уйдешь?

Агата.

Нельзя. У этого еретика-доктора я живу по приказанію монсиньора, а онъ мой духовникъ.

Д. Фернандо.

Это что-то мудрено. Значитъ, дядюшка имѣетъ какія нибудь непріятности съ докторомъ...

Агата.

Не знаю.

Д. Фернандо.

Но съ чего-жъ бы имъ ссориться?

Агата.

Ахъ, Донъ Фернандо! о такихъ вещахъ лучше молчать, онѣ слишкомъ оскорбляютъ нравственность.

Д. Фернандо.

Въ такомъ случаѣ, я у тебя спрашиваю: зачѣмъ же твой духовникъ держитъ тебя, такъ сказать, у самыхъ вратъ адовыхъ? Развѣ сторожемъ?

Агата.

Нѣтъ, Донъ Фернандо, мнѣ, бѣдной грѣшницѣ, для спасенія души моей, нужно испытаніе.

Д. Фернандо.

Въ должности шпіона. (*Въ сторону.*) Надо остеречь друга.

Агата.

Позвольте мнѣ идти, у меня есть дѣло...

Д. Фернандо.

Погоди: мнѣ нужно еще спросить кой-что... но только отвѣчай хорошенько, а не жми плечами. Докторъ былъ женатъ?

Агата.

Конечно, былъ, только жена его давно умерла.

Д. Фернандо.

Гдѣ умерла?

Агата.

Въ этомъ домѣ, за два года передъ тѣмъ, какъ докторъ переѣхалъ на житье въ Катанію вмѣстѣ съ дочкой. Отъ этихъ родовъ его жена и умерла?

Д. Фернандо.

Въ Катанію? Значитъ, послѣ моего отъѣзда, иначе какъ бы намъ не встрѣтиться. И мой другъ все еще вдовецъ?

Агата.

Кто же его знаетъ.

Д. Фернандо.

Опять „кто знаетъ“.

Агата.

Ахъ, Боже мой! Да что-жъ мнѣ говорить?

Д. Фернандо.

Ты однако довольно разговариваешь. Итакъ есть подозрѣніе, что онъ женился опять?

Агата.

Гм...

Д. Фернандо.

Можетъ быть тайно? На Розаліи, что ли?

Агата.

Но!

Д. Фернандо.

Гм... но!... Ты только дразнишь мое любопытство.

Агата.

А мнѣ до нихъ и дѣла нѣтъ.—Хотите видѣть незнакомку? Вотъ она! (*Показываетъ въ дверь налѣво.*)

Д. Фернандо.

Не разглядишь хорошенько. Съ ней дѣвушка... кто она? Дочь ея? Дочь доктора, что ли?

Агата.

Ничего не знаю.

Д. Фернандо.

Чортъ возьми, какъ это забавно! Я люблю все диковинное, и если мнѣ удастся открыть...

Агата.

Не удастся...

Д. Фернандо.

Во всякомъ случаѣ... подожди, онѣ идутъ сюда. Посторонимся. (*Отходятъ въ глубину сцены.*)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Розалія, Эмма, Д. Фернандо, Агата.

Розалія (*держитъ Эмму за руку*).

Не хотите ли въ садъ, милая Эмма, нарвать цвѣточковъ?

Эмма.

Съ величайшимъ удовольствіемъ. Мы сдѣлаемъ хорошенькій букетъ и я его подарю папа, когда онъ воротится отъ больныхъ. Я ему дарю цвѣты, а онъ меня цѣлуетъ, — мнѣ выгоднѣе.

Розалія.

Да, поцѣлуи родителей — святыня. Это хорошо чувствуютъ тѣ дѣти, которыя ужъ не могутъ ими пользоваться.

Эмма (*печально*).

И я знаю только поцѣлуи отца.

Розалія (*скоро*).

Пойдемъ, пойдемъ въ садъ. (*Идутъ въ двери.*)

Д. Фернандо (*подходя*).

Извините, если...

Эмма (*тихо Розаліи*).

Какой-то господинъ. Кто это?

Розалія (*взглянувъ на Фернандо*).

Я его гдѣ-то видала, но...

Д. Фернандо.

Я искалъ... моя нескромность... (*Агатѣ.*) Кажется, я ее знаю.

Агата.

Неужели?

Розалія.

Извините, сеньёръ: меня ждутъ.

Агата (*про-себя*).

Кто это?

Д. Фернандо.

Сдѣлайте одолженіе, одну минуту! Теперь я вижу, что моя память меня не обманываетъ. Мы были знакомы въ Катаніи.

Розалія.

Не помню, сеньёръ.

Д. Фернандо.

Вы не помните Донъ Фернандо, который такъ часто бывалъ у вашего отца, который былъ другомъ вашего...

Розалія (*быстро перебивая его*).

Очень можетъ быть... да, мнѣ кажется... но столько лѣтъ...

Д. Фернандо.

Около четырнадцати.

Розалія.

Да, четырнадцать.

Д. Фернандо.

Какая счастливая случайность... А эта прелестная дѣвица ваша дочка?

Эмма.

Нѣтъ, сеньёръ, я не знаю своей матери, она умерла, лишь только явилась я на свѣтъ... какія угрызенія я испытываю! Можетъ быть, я глупа! Всетаки не я ли была причиной ея смерти!

Д. Фернандо.

Бѣдненькая!

Эмма.

Ахъ, если бы добрая Розалія была моей матерью!...

Агата (*про-себя*).

Да, она и есть.

Эмма.

Я не знала бы этой боли въ своемъ сердцѣ. Говорятъ, что мое здоровье ненадежно, что я очень впечатлительна, часто плачу... Но это отъ того, что я не могу забыть... Какъ только вспомню, что моя мать умерла отъ меня, что я была причиной ея смерти, я страдаю... я постоянно страдаю. И если-бъ не отецъ такой благородный, такой добрый, который такъ меня любитъ, такъ ласкаетъ ежеминутно...

Д. Фернандо.

Такъ вы дочь Пальміери?

Эмма.

Да, сеньёръ.

Д. Фернандо.

Друга моего дѣтства?

Розалія (*съ удивленіемъ*).

Онъ вашъ другъ?

Эмма.

Ахъ, вы его знаете! Вы его любите! Какъ мнѣ это пріятно! Не правда ли, что онъ ангелъ?

Д. Фернандо.

Да, онъ изъ рѣдкихъ людей; и теперь, когда я смотрю на васъ и слушаю васъ, я вижу, что онъ награжденъ достаточно

за свои добрыя качества. Дѣйствительно, я теперь припоминаю, что у него была дочь.

Агата.

Не говорила ли я вамъ, Донъ Фернандо, что у него была дочь... только она съ лѣтами очень измѣнилась. Особенно глаза были черные, стали голубые, такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ ея кормилица; а кормилица, я это по себѣ знаю, ошибиться не можетъ.

Д. Фернандо.

Святой Дженнаро сотворилъ чудо.

Агата.

Видно, что такъ.

Розалія.

Что вы этимъ хотите сказать, милая Агата?

Агата.

Рѣшительно ничего. Я говорю то, что слышала сто разъ отъ другихъ.

Розалія.

Вы очень любите разговоры... но теперь ужъ мы болѣе въ нихъ не нуждаемся, и я попросила бы васъ заняться лучше своимъ дѣломъ, потому что...

Агата.

Какъ прикажете.

Розалія.

Я прошу васъ.

Агата.

Отчего-жъ и не приказывать? Развѣ вы не хозяйка въ домѣ?

Розалія.

У васъ одинъ хозяинъ.

Агата.

Одинъ, такъ одинъ.

Эмма.

Нехорошая Агата! Ты вѣчно сердишься! Что ты болтаешь о черныхъ и голубыхъ глазахъ! Глаза мнѣ далъ Богъ, Онъ можетъ и измѣнить ихъ. Я не люблю, какъ ты всегда оби-

жаешь добрую Розалію, которая мнѣ вмѣсто матери. и которую я люблю какъ мать.

Агата.

А, вотъ ужъ какъ!

Эмма.

Поди, я не люблю тебя!

Агата.

Иду, иду! (*Уходя. про-себя:*) Какова прыть у этихъ незаконнорожденныхъ! (*Уходитъ.*)

Д. Фернандо.

Эти ханжи—вѣдьмы порядочныя.

Розалія.

Нужно терпѣть.

Д. Фернандо.

Разскажите мнѣ теперь, сеньёра Розалія. про вашу семью, про...

Розалія (*дѣлаетъ знакъ, чтобъ онъ молчалъ*).

Эмма, мнѣ нужно поговорить съ Донъ Фернандо; а вы не хотите ли погулять по саду?

Эмма.

Пожалуй; я нарву цвѣтовъ. пока отецъ не вернулся. До свиданія, Розалія! прощайте, Донъ Фернандо!

Д. Фернандо.

Прощайте, ангелъ небесный! (*Эмма уходитъ.*) Мнѣ право совѣстно, что я васъ такъ безпокою; сеньёрина могла бы остаться съ нами. Можетъ быть, въ томъ, что вы хотите сказать мнѣ, есть какая нибудь тайна?

Розалія.

Дѣвочка не знаетъ моего прошедшаго; оно такъ печально, что я, отвѣчая на ваши вопросы. огорчила бы ея нѣжную душу... Она, бѣдненькая, такъ любитъ меня... Вы сами видѣли.

Д. Фернандо.

Да, но я не понимаю, что же тутъ дурнаго, если она узнаетъ, что у васъ былъ мужъ. Не видя при васъ вашего мужа и судя по вашему незавидному положенію въ этомъ домѣ, если внѣшность меня не обманываетъ, я полагаю, что онъ умеръ.

Розалія.

А если живъ?

Д. Фернандо.

Въ такомъ случаѣ нужно согласиться, что внѣшность обманчива. Живъ! Это дѣло другаго рода... какъ, гдѣ живетъ онъ? Что случилось? Разводъ?

Розалія.

Я не могу отвѣчать вамъ.

Д. Фернандо.

Но я вижу по глазамъ вашимъ... Онъ васъ бросилъ? Вы опускаете голову? Бросилъ? Я такъ и ждалъ. Эти бурныя страсти годятся больше для романа, чѣмъ для дѣйствительной жизни и всегда доводятъ до бѣды. Я хорошо помню вашу свадьбу.— Онъ, сумасшедшій, похитилъ васъ. Только подъ нашимъ огненнымъ небомъ и на нашей волканической почвѣ родятся такіе люди; они не знаютъ ни въ чемъ середины, во всемъ у нихъ крайности: если ужъ добродѣтели, такъ великія, если преступленія, такъ ужасныя.

Розалія.

Да, ужасныя, ужасныя!

Д. Фернандо.

Ваши родители были правы, когда...

Розалія.

Ахъ, молчите!

Д. Фернандо.

Что кому на роду написано, то сбудется... я въ томъ увѣренъ. Вы-то были бы по крайней мѣрѣ свободны! Какъ же вы поживаете съ докторомъ? Не очень-то хорошо, не правда ли? Я понимаю: безъ законнаго признанія, безъ благословенія церкви.

Розалія (*въ изумленіи*).

Донъ Фернандо, что вы говорите!

Д. Фернандо.

Будьте покойны, я совсѣмъ безъ предразсудковъ и имѣю свои собственныя воззрѣнія на бракъ... но наши гражданскія установленія... римская курія... Тріентскій соборъ.

Розалія.

Довольно! И вы тоже... И тутъ я оклеветана... вездѣ. А

между тѣмъ я невинна; въ бѣдности, оставленная родными, я взяла должность гувернантки, какъ единственное средство къ жизни. Докторъ Арриго, добрѣйшій человѣкъ, какого только я знаю, сдѣлался моимъ спасителемъ. Намъ не въ чемъ упрекать себя, повѣрьте мнѣ, Донъ Фернандо, — на душѣ у насъ чисто.

Д. Фернандо.

Я вѣрю вамъ, сеньёра Розалія, но я уважалъ бы васъ и въ противномъ случаѣ. Для меня здравый смыслъ убѣдительнѣе канонического права; но, согласитесь сами, мой дядюшка монсиньоръ моихъ мыслей имѣть не можетъ.

Розалія (*съ большимъ удивленіемъ*).

Что вы говорите? Монсиньоръ вашъ дядя?

Д. Фернандо.

Вамъ это не нравится?

Розалія.

Очень; онъ-то меня и преслѣдуетъ.

Д. Фернандо.

Да, изъ его разговоровъ можно понять, что онъ къ вамъ особенной дружбы не питаетъ; но преслѣдовать васъ... развѣ ужъ по долгу совѣсти.

Розалія.

По совѣсти не клевещутъ.

Д. Фернандо.

Согласенъ; но представьте вы себя въ его рясѣ. Онъ дѣйствуетъ по принципу. Пожалуй, если хотите, онъ дѣйствуетъ какъ инквизиторъ, но инквизиторъ честный. Онъ увѣренъ, что между вами и Арриго существуютъ отношенія, которыхъ нельзя не назвать еретическими.

Розалія.

Но такихъ отношеній не существуетъ.

Д. Фернандо.

Я вамъ вѣрю. Но общественное мнѣніе...

Розалія.

Общественное мнѣніе можно повернуть, какъ угодно.

Д. Фернандо.

Кому до этого дѣло?

Розалія.

Тѣмъ, которые хвастаются христіанской любовью и милосердіемъ. А вашъ дядюшка первый поднялъ камень на меня.

Д. Фернандо.

Нужели онъ?

Розалія.

Гдѣ родились клевета? Откуда она вышла и поползла изъ дома въ домъ? Изъ аббатства.

Д. Фернандо.

Скажите: дядя дѣлалъ вамъ упреки, угрожалъ вамъ?

Розалія.

Нѣтъ. Ахъ, Боже мой! Эта борьба идетъ во мракѣ, подъ покровомъ тайны. Жертва чувствуетъ удары и не видитъ руки, которая ихъ наноситъ. Я живу въ постоянномъ страхѣ; не сегодня, такъ завтра... ненависть патеровъ не даетъ пощады.

Д. Фернандо.

Ненависть? Вообще я съ вами согласенъ... но мой дядя... Онъ васъ ненавидитъ?

Розалія.

Да, глубоко.

Д. Фернандо.

Должны же быть тайныя причины.

Розалія.

Онѣ есть.

Д. Фернандо.

Могу я знать ихъ?

Розалія.

Нѣтъ,—я деликатна. (*Входитъ Агата.*)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Розалія, Д. Фернандо, Агата.

Розалія.

Что вамъ, Агата?

Агата.

Я пришла узнать, дома ли докторъ. Монсиньоръ дожидается его въ залѣ, ему очень нужно видѣть доктора.

Розалія (*съ испугомъ*).

Монсиньоръ?

Агата.

Вамъ, сеньёра, этотъ визитъ не нравится?

Розалія.

Этотъ визитъ не ко мнѣ. Докторъ еще не воротился, но онъ скоро будетъ. Если монсиньору угодно подождать, проведите его сюда, здѣсь его племянникъ.

Агата (*съ усмѣшкой*).

Много вамъ благодарны. (*Уходитъ.*)

Розалія.

Я пойду въ садъ, къ Эммѣ.

Д. Фернандо.

Я совѣтовалъ бы вамъ остаться, вы бы меня поддержали.

Розалія.

Мнѣ остаться? Невозможно. Донъ Фернандо, вы знали меня дѣвушкой, вы убѣждены, что я ни въ чемъ не виновата, — увѣрьте его, что я ничего дурнаго не дѣлаю, что преслѣдовать меня не за что, я и безъ того много страдала. Пусть онъ оставитъ меня въ покоѣ въ этомъ скромномъ убѣжищѣ. Скажите ему все это, или ужь, покрайней мѣрѣ, не марайте меня еще болѣе. Будьте честны, я прошу васъ. (*Уходитъ въ ту же дверь, въ которую вышла Эмма.*)

Д. Фернандо.

Есть причины къ ненависти? Мой дядюшка, вмѣсто того, чтобъ воевать съ порокомъ, ужъ не воюетъ ли съ добродѣтелью. Я хорошо помню, какъ этотъ пастырь въ прежніе годы оказывалъ особое предпочтеніе нѣкоторымъ овечкамъ, и что-жъ мудренаго, что онъ и теперь эту заблудшую овцу хочетъ загнать въ овчарню... милосердія ради. (*Входитъ монсиньоръ.*)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Монсиньоръ *и* Д. Фернандо.

Монсиньоръ.

Ты здѣсь еще! Каково идетъ твой розыскъ?

Д. Фернандо.

Я дѣйствовалъ, какъ инквизиторъ. Хотите вѣрьте, хотите нѣтъ, а ремесло очень трудное.

Монсиньоръ.

Какъ ты нашелъ эту унылую искательницу приключеній? Ты отказался отъ служенія Богу и захотѣлъ жить въ свѣтѣ, ты долженъ знать по опыту всякую мину, всякое выраженіе лица женщины: и сентиментальное, и стыдливое, и обольстительное.

Д. Фернандо.

Да, я знаю кой-что, но тѣ, которые ихъ исповѣдуютъ, знаютъ больше.

Монсиньоръ.

Такія женщины не бываютъ на исповѣди.

Д. Фернандо (*въ сторону*).

Что онѣ за дуры...

Монсиньоръ.

Ну, что же однако?

Д. Фернандо.

Однако эта Розалія, съ своей тихой печалью, очень мила, и если-бъ я былъ анахоретомъ, то предпочелъ бы ее сухояденію и бичеваніямъ: вотъ почему я и оправдываю.

Монсиньоръ.

Что ты оправдываешь?

Д. Фернандо.

Вашу справедливую ненависть къ ней.

Монсиньоръ.

Мнѣ ненавидѣть ее! Напротивъ, я ее жалѣю, очень жалѣю. Я хотѣлъ воротить ее на путь истинный. Знай, что я рѣшился даже дать ей убѣжище въ аббатствѣ подлѣ себя.

Д. Фернандо.

Неужели? („*Хотьлъ-таки загнать въ овчарню*“.) И она отказалась?

Монсиньоръ.

Съ негодованіемъ и рѣшительно. Жаль разстаться.

Д. Фернандо.

Съ кѣмъ?

Монсиньоръ.

Съ любовникомъ.

Д. Фернандо.

Съ Арриго? Вы ошибаетесь, онъ не любовникъ ея.

Монсиньоръ.

Не любовникъ? Ты не знаешь Пальміери; а я его насквозь вижу. Онъ атеистъ.

Д. Фернандо.

Арриго атеистъ?

Монсиньоръ.

Да. Какія книги онъ читаетъ? Во всемъ домѣ одно Распятіе, и то потому только, что онъ считаетъ его за произведеніе Бенвенуто Челлини. Чьи портреты въ библіотекѣ? Сарни, Арнальдо, Джіордано Бруно, Кампанеллы, Филянджіери, Франческо Конфорти, Доменико Чирилло.

Д. Фернандо.

Все великіе люди.

Монсиньоръ.

Кончившіе жизнь на эшафотѣ.

Д. Фернандо.

Какъ мученики.

Монсиньоръ.

Что ты говоришь: опомнись!

Д. Фернандо.

Я удивляюсь, монсиньоръ, какимъ образомъ вы такъ хорошо знаете все, что здѣсь дѣлаютъ, говорятъ, думаютъ, ѣдятъ: вы такъ рѣдко здѣсь бываете.

Монсиньоръ.

Я вижу сквозь стѣны.

Д. Фернандо.

Но я не понимаю, на чемъ вы основываете свое заключеніе о нравственности Арриго и объ его отношеніяхъ къ Розаліи.

Монсиньоръ.

Ты не понимаешь, что безъ религіозности не можетъ быть и нравственности?

Д. Фернандо.

Не понимаю. Я знаю, что хвалятъ доктора преимущественно бѣдные, что называютъ его добрымъ, благороднымъ, ангеломъ-утѣшителемъ...

Монсиньоръ.

Въ этомъ-то я и вижу развратъ и соблазнъ.

Д. Фернандо.

Я вижу, что между вами борьба изъ-за принциповъ, и жертвой этой борьбы будетъ бѣдная Розалія.

Монсиньоръ.

Бѣдная Розалія должна быть готова отправиться отсюда очень далеко.

Д. Фернандо.

Вы ее прогоните? Вы? Обезчестить женщину по одному подозрѣнію, это дѣло...

Монсиньоръ.

Подозрѣнію? Знай, что у меня въ рукахъ такія доказательства, которыя заставляютъ меня дѣйствовать рѣшительно.

Д. Фернандо.

Обдумайте дѣло, монсиньоръ! Розалія не заслуживаетъ подобнаго обращенія; я ее давно знаю: она была добрая, честная... и если-бъ не это несчастное замужество...

Монсиньоръ *(съ удивленіемъ)*.

Она замужемъ?... тѣмъ хуже... или нѣтъ, тѣмъ лучше! Гдѣ ея мужъ?

Д. Фернандо.

Я не знаю.

Монсиньоръ.

Они разошлись?

Д. Фернандо.

Она невиновата.

Монсиньоръ.

Всегда виновата жена.

Д. Фернандо.

Не вдругъ рѣшайте, нужно разобрать.

Монсиньоръ.

Въ дѣлахъ брака мы не разбираемъ.

Д. Фернандо.

И бываете несправедливы.

Монсиньоръ (*строго*).

Что?

Д. Фернандо.

То есть...

Монсиньоръ.

Но всетаки я благодарю тебя за извѣстіе.

Д. Фернандо (*въ сторону*).

Думалъ помочь, а вышло хуже. (*Входитъ Агата.*)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Монсиньоръ, Д. Фернандо *и* Агата.

Монсиньоръ.

Что, вернулся этотъ сеньёръ?

Агата.

Ужъ порядочно-таки, да позамѣшкался въ саду съ букетомъ цвѣтовъ. Нельзя же, подарокъ отъ... отъ дочки. Нѣжности по этому случаю, потомъ, само собой разумѣется, любезности, улыбочки сеньёрѣ... гувернанткѣ.

Д. Фернандо (*про-себя*).

Эта проклятая!...

Монсиньоръ.

Сдѣлаетъ онъ мнѣ честь принять меня?

Агата.

Онъ пошелъ въ библіотеку и проситъ монсиньора подождать минуту.

Д. Фернандо.

Хорошо. Съ какимъ удовольствіемъ я увижу его!

Монсиньоръ.

Но только не сейчасъ: мнѣ нужно говорить съ нимъ безъ свидѣтелей.

Д. Фернандо.

Но я...

Монсиньоръ.

Приказывать тебѣ нужно?

Д. Фернандо.

Я уйду. (*Уходитъ.*)

Монсиньоръ (*важно*).

Есть что нибудь новое?

Агата.

Нѣтъ. Но относительно дѣвочки я вѣрно знаю, что...

Монсиньоръ.

Объ ней я знаю все, что нужно. Ступай! (*Агата цѣлуетъ его руку.*) Завтра я буду ждать тебя.

Агата.

Непремѣнно, монсиньоръ. (*Уходитъ.*)

Монсиньоръ.

Теперь, если господину-философу угодно будетъ вступить со мной въ словопреніе, я готовъ. (*Выходитъ Пальміери.*)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Пальміери *и* Монсиньоръ.

Пальміери.

Монсиньоръ, прошу извинить меня, что я заставилъ васъ дожидаться, но...

Монсиньоръ.

Я самъ долженъ извиниться передъ вами, что своимъ визитомъ отрываю отъ семейныхъ радостей, отъ философскихъ размышленій... Повѣрьте, что безъ причины...

Пальміери.

За чѣмъ бы вы ни пожаловали, монсиньоръ: прошу васъ садиться.

Монсиньоръ.

Благодарю васъ. (*Садятся.*) Насъ никто не слышитъ?

Пальміери.

Никто.

Монсиньоръ.

Дѣло, о которомъ я буду говорить съ вами, слишкомъ важно.

Пальміери.

Я готовъ выслушать васъ съ такимъ же терпѣніемъ, какъ и всегда.

Монсиньоръ.

Чтобъ не злоупотреблять вашимъ терпѣніемъ, я оставляю всякія околичности и приступаю прямо къ дѣлу.

Пальміери.

Премного обяжете.

Монсиньоръ.

Я пришелъ поговорить съ вами объ этой извѣстной женщинѣ...

Пальміери.

Кто эта извѣстная женщина?

Монсиньоръ.

Гм! Розалія.

Пальміери.

Разговоръ не новый, но всегда пріятный.

Монсиньоръ.

На этотъ разъ онъ пріятенъ не будетъ. Ей необходимо удалиться не только изъ вашего дома, но даже изъ этого округа.

Пальміери.

Для чего, монсиньоръ?

Монсиньоръ.

Я не желалъ бы объясняться болѣе.

Пальміери.

Въ такомъ случаѣ нашъ разговоръ будетъ не рѣшенъ. Вы считаете меня философомъ; а для философа первое дѣло — искать причины вещей и явленій. Я не нахожу никакихъ разумныхъ основаній для той необходимости, о которой вы говорите. Розалія честная женщина, живетъ въ домѣ честнаго человѣка,—она гувернантка моей дочери, и довольно.

Монсиньоръ.

Вашей дочери...

Пальміери.

Вы сомнѣваетесь, монсиньоръ?

Монсиньоръ.

Нѣтъ. Я боюсь только, что эта дѣвочка не та, которая родилась у васъ и которую я имѣлъ честь крестить.

Пальміери.

Какъ же это такъ?

Монсиньоръ.

Я думаю, что ребенокъ,—настоящая Эмма, умерла въ Катаніи, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ вашего пріѣзда въ этотъ городъ.

Пальміери.

Вамъ сказали неправду.

Монсиньоръ.

Ничего не можетъ быть справедливѣй этого. Сегодня утромъ я получилъ отъ аббата Бенедиктиновъ свидѣтельство объ ея смерти,—я требовалъ его на всякій случай и имѣю честь представить вамъ. (*Подаетъ ему листъ.*) Ничего, возьмите, возьмите, полюбуйтесь на досугѣ,—у меня другое есть. Вы видите, что я хоть и не философъ, а тоже доискиваюсь причинъ вещей и явленій.

Пальміери.

Да, когда это нужно для того, чтобъ вредить другимъ, я это вижу, вижу также, что вы занимаетесь моими дѣлами больше, чѣмъ слѣдуетъ.

Монсиньоръ.

Можетъ ли быть постороннимъ дѣломъ то, что тревожитъ совѣсть моей паствы?

Пальміери.

Какая тревожная совѣсть!

Монсиньоръ.

Итакъ, жена ваша умерла, на другой вы неженаты, значитъ, вторая Эмма незаконная.

Пальміери.

Я могъ бы разубѣдить васъ въ этомъ... Но въ своихъ поступкахъ, монсиньоръ, я никому не даю отчета, кромѣ своей совѣсти. Законная дочь Эмма, или незаконная, это нисколько не доказываетъ, чтобы Розалія была ея матерью.

Монсиньоръ.

Не доказываетъ, но заставляетъ подозрѣвать.

Пальміери.

Подозрѣваютъ только дурные люди.

Монсиньоръ.

Но, по крайней мѣрѣ, вотъ что не подвержено сомнѣнію: Розалія замужемъ, живетъ врозь съ мужемъ и слѣдовательно... Видите, докторъ, что знаю и это.

Пальміери.

Вижу, вижу.

Монсиньоръ.

Эта женщина живетъ у васъ, разойдясь съ собственнымъ мужемъ...

Пальміери.

„Разойдясь“, это неоспоримо. Но по какой причинѣ, знаете ли, монсиньоръ?

Монсиньоръ.

Нѣтъ.

Пальміери.

А еще судите и осуждаете.

Монсиньоръ.

Пусть она возвратится...

Пальміери.

Куда?

Монсиньоръ.

Къ мужу.

Пальміери.

Въ неаполитанскіе казематы?

Монсиньоръ.

Какъ?

Пальміери.

Четырнадцать лѣтъ, какъ онъ осужденъ и заключенъ.

Монсиньоръ.

Осужденъ!... Ахъ, Боже мой! И она, вмѣсто того, чтобъ оплакивать мужа...

Пальміери.

Что же она дѣлаетъ?

Монсиньоръ.

Не знаю.

Пальміери.

А я знаю... Положеніе ея ужасно: она ни въ чемъ не виновата, а между тѣмъ осуждена страдать.

Монсиньоръ.

Кто-жъ виноватъ?

Пальміери.

Тріентское законоположеніе. Мужъ лишенъ всѣхъ человѣческихъ правъ, осужденъ на вѣчное заключеніе, — это то же, что смерть, — смерть гражданская, политическая. И жена не можетъ располагать собой, не можетъ выйти замужъ...

Монсиньоръ.

Этотъ законъ святъ.

Пальміери.

Не вѣрю.

Монсиньоръ.

Вы говорите нечестиво.

Пальміери.

Не слушайте!

Монсиньоръ (*встаетъ*).

Жду вашего рѣшенія относительно Розаліи.

Пальміери.

Мое рѣшеніе, монсиньоръ, слѣдующее: никто не въ правѣ испытывать мою душу, розыскивать мои сердечныя привязанности, мое семейство; Розалія несчастна, обижена закономъ, отвержена обществомъ, оклеветана ханжами, я ей далъ честное и покойное убѣжище. И никто въ мірѣ не принудитъ меня, ни совѣтами, ни доносами, ни угрозами, отказаться отъ добраго дѣла, которое я считаю своимъ долгомъ.

Монсиньоръ.

Мы еще посмотримъ.

Пальміери.

Сколько вамъ угодно. Имѣете еще что нибудь сообщить мнѣ?

Монсиньоръ.

Нѣтъ.

Пальміери.

Тѣмъ лучше. (*Монсиньоръ уходитъ.*) Бѣдная Розалія! Удалить ее! Разлучить ее съ дочерью! О, нѣтъ! Она не переживетъ этого горя.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Кабинетъ монсиньора; въ немъ большая библіотека, картины историческаго содержанія, письменный столъ, католическій налой съ подножкой для колѣнопреклоненія. Вечеръ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Монсиньоръ (*стоитъ у письменнаго стола и читаетъ книгу нѣсколько времени, потомъ закрываетъ ее*).

Въ тюрьмѣ?... За какое преступленіе?... Я узнаю. Это открытіе очень важно, оно придастъ новую таинственность положенію Розаліи... Я долженъ удалить ее отсюда по многимъ причинамъ. Глупо я сдѣлалъ... Я слишкомъ ясно далъ ей понять мои намѣренія... я обнаружилъ передъ ней свою слабость... она можетъ огласить ее, а я этого совсѣмъ не желаю... Свидѣтелей и обличителей надо убирать подальше... Съ удаленіемъ Розаліи весь скандалъ падетъ на доктора, — тѣмъ лучше, жалѣть его нечего, а примѣръ показать надобно. А, вотъ новая мысль! Если бы этотъ... мужъ ея не сидѣлъ на цѣпи? Если-бъ можно было вызвать его, какъ страшный призракъ, — какъ грознаго судью надъ женой, которая покоится въ объятіяхъ другаго... Безъ сомнѣнія этотъ буйный каторжникъ будетъ для нея страшнѣе инквизиціи. Мысль удивительная, и, кто знаетъ, можетъ быть мнѣ ее удастся привести въ исполненіе!... У меня такія связи въ Неаполѣ, что... духовникъ Королевы... надо будетъ обдумать ночью... (*Входитъ Гаэтано со свѣчами.*)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Монсиньоръ *и* Гаэтано.

Гаэтано (*ставя свѣчи на столъ*).

Да сохранитъ васъ Господь, монсиньоръ!

Монсиньоръ.

И тебя также, Гаэтано.

Гаэтано.

Позвольте доложить: какой-то неизвѣстный человѣкъ зашелъ къ намъ.

Монсиньоръ.

Въ такую пору?... Ты спрашивалъ его, кто онъ?

Гаэтано.

Сейчасъ же разспросилъ. Сначала, признаться сказать, этотъ странникъ, да еще къ ночи-то, показался мнѣ очень сомнительнымъ; да и разсмотрѣть-то его было трудно; лежитъ съёжившись у самой колонны. Когда онъ услыхалъ, что я иду, вздрогнулъ, вскочилъ и сталъ озираться, — видно испугался. Ну, думаю, не очень страшно и сталъ его разспрашивать. Пробормоталъ онъ мнѣ что-то; да и голосъ у него дрожитъ; только можно было понять, что онъ опоздалъ въ городѣ, заблудился въ горахъ и желаетъ видѣть монсиньора, чтобъ попросить пристанища не надолго.

Монсиньоръ.

Въ этомъ никому не отказываютъ... но въ нашихъ горахъ бродятъ бандиты.

Гаэтано.

У него, кажется, нѣтъ оружія, развѣ спрятано.

Монсиньоръ.

Какъ одѣтъ онъ?

Гаэтано.

Почти такъ, какъ нашего города жители. Широкіе сапоги, длинный плащъ и калабрійская шляпа, и все это поношено. Ростомъ высокъ, лицо смуглое, нечистое, глаза быстрые, борода всклокоченная, длинная...

Монсиньоръ.

А какъ лѣтами?

Гаэтано.

Около сорока. Богъ его знаетъ, по лицу никакъ не разберешь, что̀ онъ за человѣкъ. Можетъ быть, онъ и бандитъ; только, знать, захворалъ, — дышетъ тяжело и насилу держится на ногахъ, видно усталъ. Неугодно ли монсиньору самому разспросить его...

Монсиньоръ.

Непремѣнно. Это очень любопытно. Приведи его... но не забудь сказать моимъ людямъ, чтобы они были наготовѣ.

Гаэтано.

Ужъ само собою, монсиньоръ. (*Уходитъ.*)

Монсиньоръ.

А что, какъ бандитъ? Вѣдь кто его знаетъ!... Впрочемъ, чего же мнѣ бояться? Бандиты въ сущности не дурные люди; они набожны; и часто даже оказываютъ намъ значительныя услуги. Кажется, идетъ. (*Гаэтано вводитъ Коррадо.*)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Монсиньоръ. Гаэтано, Коррадо.

Гаэтано (*къ Коррадо*).

Вотъ вамъ и монсиньоръ!

Монсиньоръ.

Подойдите поближе, честный человѣкъ: не бойтесь. Вы устали? (*Къ Гаэтано:*) Подай ему стулъ! (*Гаэтано подаетъ стулъ.*)

Коррадо (*садясь*).

Благодарю, монсиньоръ! (*Гаэтано.*) И васъ благодарю!

Монсиньоръ (*къ Гаэтано*).

Ступай! (*Гаэтано уходитъ.*) Ну, что же вамъ угодно отъ меня? говорите.

Коррадо.

Одно только: позвольте переночевать, отдохнуть хоть немного. Я весь день шелъ пѣшкомъ, ночь застала меня на паперти вашего храма. Благовѣстъ передъ „Ave Maria" разбудилъ во мнѣ воспоминанія дѣтства, я почувствовалъ жажду молитвы и вошелъ во храмъ. Столько лѣтъ я не молился... и сегодня.

Монсиньоръ.

Столько лѣтъ? Это дурно. Слава Богу, что вы зашли къ намъ; мы позаботимся о вашей душѣ.

Коррадо.

Нѣтъ, ужъ я самъ позабочусь о своей душѣ.

Монсиньоръ.

Если ваша душа больна, я вылечу ее.

Коррадо.

Вылечить? Не вѣрю; невозможно, монсиньоръ.

Монсиньоръ.

Отчего?... Если человѣкъ почувствуетъ угрызеніе совѣсти...

Коррадо.

Угрызеніе совѣсти?...

Монсиньоръ.

Что вы такъ задрожали? Перестаньте! Успокойтесь, сынъ мой!

Коррадо.

Успокоиться! Угрызеніе совѣсти!... Вы считаете меня преступникомъ!

Монсиньоръ.

Совсѣмъ нѣтъ; но во всякомъ случаѣ вы можете имѣть ко мнѣ полное довѣріе. Вы въ совершенной безопасности: наша обитель имѣетъ право убѣжища.

Коррадо.

Я это зналъ.

Монсиньоръ.

Потому и зашли ко мнѣ?

Коррадо.

Я ужъ сказалъ вамъ, что я нуждаюсь въ ночлегѣ. Угодно вамъ пустить меня? Да, или нѣтъ?

Монсиньоръ.

Да, мой сынъ, да. Я вижу, что васъ убило горе, а не преступленіе, и принимаю въ васъ большое участіе. Ваше лицо, хотя и истомленное, вѣроятно лишеніями, достаточно увѣряетъ меня въ томъ, что положеніе ваше не такъ низко, какъ показываетъ ваше платье.

Коррадо.

Да, я не горецъ... къ несчастію... Хотя я и не имѣлъ большихъ средствъ, но занимался благороднымъ искусствомъ.

Монсиньоръ.

Какимъ?

Коррадо.

Живописью.

Монсиньоръ.

Вы сицилiецъ?

Коррадо.

Былъ когда-то.

Монсиньоръ.

Имѣете семейство?

Коррадо.

Имѣлъ.

Монсиньоръ.

Теперь одиноки?

Коррадо.

Одинокъ?... Ахъ, горе мнѣ, если... Довольно, монсиньоръ, у меня только и есть надежда, оставьте мнѣ ее. Вы меня допрашиваете, какъ судья; вы меня пугаете, перестаньте! Я просилъ отдыха для моего тѣла и не давалъ вамъ права мучить мою душу. Вамъ нѣтъ никакой надобности знать обо мнѣ больше того, что вы знаете. Я къ вамъ на одну ночь: проснувшись завтра, вы ужъ не найдете меня. Ну, монсиньоръ, я прошу только соломы, хлѣба и кружку воды, чтобы залить огонь въ моихъ жилахъ, больше мнѣ ничего не надо.

Монсиньоръ.

Что вы, что вы! Мы васъ примемъ какъ должно. Но такъ какъ я хочу помочь вамъ чѣмъ нибудь существеннымъ, то пожелалъ бы знать, куда вы намѣрены отправиться отсюда.

Коррадо.

Къ самой Этнѣ, въ Катанiю.

Монсиньоръ.

Если бы я зналъ васъ нѣсколько болѣе, я бы могъ васъ отправить...

Коррадо.

Благодарю.

Монсиньоръ.

Вы туда въ первый разъ?

Коррадо.

Я тамъ родился.

Монсиньоръ.

Въ такомъ случаѣ, послѣдній вопросъ: вы знали въ Катаніи молодаго человѣка, Фернандо Мерано?

Коррадо.

Кажется, помню... Но вѣдь столько времени... онъ учился законовѣдѣнію?

Монсиньоръ.

Именно.

Коррадо.

Да, мы были знакомы, были даже друзьями.

Монсиньоръ.

Друзьями? Ну, такъ я буду вамъ полезенъ, даже противъ вашей воли. Знайте, что этотъ Фернандо мой племянникъ и теперь здѣсь у меня.

Коррадо (*съ неудовольствіемъ*).

Здѣсь?... Что-жъ мнѣ за дѣло! Мнѣ нуженъ только покой, и я въ третій разъ прошу васъ: дайте мнѣ ночлегъ хоть въ собачьей конурѣ.

Монсиньоръ.

Подождите немного. Мой племянникъ радъ будетъ васъ видѣть, я велю его позвать.

Коррадо.

Мнѣ не нужно никого, — я не хочу новыхъ разспросовъ, съ меня довольно и вашихъ.

Монсиньоръ.

Что-жъ дѣлать! Хоть вамъ и непріятно, но ужъ мнѣ позвольте. (*Звонитъ. Входитъ Гаэтано.*) Скажи племяннику, чтобъ сейчасъ шелъ сюда; другъ его изъ Катаніи желаетъ его видѣть. (*Гаэтано уходитъ.*)

Коррадо.

Монсиньоръ, имѣйте немножко состраданія. Вы видите, въ какомъ я положеніи; зачѣмъ вы подвергаете меня разспросамъ, стыду... Дорого же обходится мнѣ ваша милостыня. Но и каждый бѣднякъ имѣетъ свою гордость. Боже мой! я вижу, что я попалъ въ судилище инквизиціи, и ухожу. (*Хочетъ идти.*)

Монсиньоръ.

Остановитесь, прошу васъ! Если-бъ вы мнѣ и не говорили, что вы родились у подножія Этны, я бы сейчасъ догадался по вашей вспыльчивости. Не хорошо; усмиритесь, другъ мой; съ такимъ характеромъ не долго до бѣды... а часто и до преступленія.

Коррадо.

До преступленія. (*Стихаетъ и опирается на спинку стула.*) Да, правда.

Монсиньоръ.

Я васъ оставлю съ племянникомъ. Онъ, кажется, идетъ.

Коррадо.

Какъ вамъ угодно.

Монсиньоръ.

Съ другомъ вы будете откровеннѣй. (*Уходя.*) Обманетъ меня предчувствіе, или нѣтъ? (*Уходитъ направо.*)

Коррадо.

Есть рѣчи, отъ которыхъ леденѣетъ кровь. Что я скажу ему? Что онъ мнѣ скажетъ?... Ахъ, можетъ быть онъ мнѣ укажетъ какіе нибудь слѣды... Если только онѣ обѣ живы, я буду бродить до тѣхъ поръ, пока найду ихъ... Если онѣ ужъ въ землѣ, и я за ними... У меня есть вѣрное средство соединиться съ ними навѣки, и оно всегда со мной. (*Входятъ Д. Фернандо и Гаэтано.*)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Коррадо, Д. Фернандо, Гаэтано.

Д. Фернандо (*входя, къ Гаэтано*).

Гдѣ же монсиньоръ?

Гаэтано.

Онъ вышелъ, чтобы оставить васъ наединѣ съ вашимъ другомъ: вотъ онъ.

Д. Фернандо (*съ удивленіемъ разсматривая одежду Коррадо*).

Этотъ?

Гаэтано.

Да, я васъ оставлю. Если нужно будетъ, позовите. (*Уходитъ.*)

Д. Фернандо.

Какой-то горецъ... Не припомню... (*Подойдя къ Коррадо.*) Гдѣ же, мой другъ, мы съ вами познакомились?

Коррадо.

Въ Катаніи.

Д. Фернандо.

Давно?

Коррадо.

Давно.

Д. Фернандо (*пристально вглядываясь*).

Какъ будто я припоминаю... кажется...

Коррадо.

Ну, да что тутъ! Я—Коррадо.

Д. Фернандо.

Коррадо?... Да, да... Обнимите меня... не сонъ ли это? Какъ вы измѣнились!

Коррадо.

А вы нисколько; очень просто, вы не страдали.

Д. Фернандо.

Можетъ быть. Къ тому же, эта странная одежда... Какимъ это образомъ?

Коррадо.

Жестокіе удары судьбы...

Д. Фернандо.

Понимаю... я знаю.

Коррадо (*быстро*).

Что вы знаете?

Д. Фернандо (*спохватясь*).

Почти ничего... Знаю, что вы страдали... стоитъ только вглянуть на васъ... (*Про-себя.*) Не знаю, какъ и начать съ нимъ.

Коррадо.

О чемъ вы разсуждаете?

Д. Фернандо.

Объ этомъ странномъ случаѣ. Могло ли мнѣ когда нибудь придти въ голову, что я встрѣчу васъ у моего дяди, здѣсь, у подошвы Аппенинъ... Ну, разскажите же мнѣ что нибудь. Гдѣ вы были? Откуда идете?

Коррадо.

Я не знаю.

Д. Фернандо.

Ну, это еще мудренѣе. Но, позвольте: я помню, что когда я уѣхалъ изъ Катаніи въ Римъ, вы были женаты.

Коррадо.

Да, былъ.

Д. Фернандо.

И жена ваша, сколько я помню, была милая, прекрасная женщина...

Коррадо.

Да, прекрасная.

Д. Фернандо.

Гдѣ же она теперь, умерла?

Коррадо.

Надѣюсь, что нѣтъ.

Д. Фернандо.

Вы надѣетесь?... Но какъ же... Развѣ вы разссорились? Разошлись?

Коррадо.

Разошлись.

Д. Фернандо.

Какая же причина?

Коррадо.

Ужасная.

Д. Фернандо.

Ужасная? Могу я знать?

Коррадо.

Нѣтъ.

Д. Фернандо.

Вы думаете отправиться въ Катанію?

Коррадо.

Да.

Д. Фернандо.

Вѣроятно, вы надѣетесь тамъ найти жену?

Коррадо.

И дочь.

Д. Фернандо (*съ удивленіемъ*).

И дочь?

Коррадо.

Да, мою Аду, которую я не видалъ четырнадцать лѣтъ. Я бы желалъ имѣть какія нибудь свѣдѣнія о томъ, но, къ несчастію, вы не знаете.

Д. Фернандо.

Кой-что знаю.

Коррадо.

Что вы говорите! Онѣ живы? Говорите скорѣе! Онѣ въ Катаніи?

Д. Фернандо.

То есть... Вотъ что, мой другъ: я могу вамъ сообщить кой-что о женѣ... но о дочери...

Коррадо.

Она съ матерью?

Д. Фернандо.

Ну, нѣтъ.

Коррадо.

Да вы видѣли Розалію?

Д. Фернандо.

Я ее видѣлъ, и если вы хотите опять соединиться съ ней...

Коррадо.

Да для чего же я и странствую.

Д. Фернандо.

Такъ останьтесь!

Коррадо.

Остаться?

Д. Фернандо.

Розалія живетъ здѣсь.

Коррадо (*горячо*).

Розалія здѣсь! Вы меня не обманываете?... И я такъ скоро нашелъ ее?

Д. Фернандо.

Боже мой, вамъ дурно! Я поторопился.

Коррадо.

Нѣтъ, ничего... у меня слабы нервы... Розалія! Но Ада?

Д. Фернандо.

Я говорю вамъ, что дочери нѣтъ съ ней.

Коррадо.

Вы увѣрены?

Д. Фернандо.

Совершенно.

Коррадо.

Боже мой! Боже мой! Она умерла; она была такая нѣженькая... нужда, голодъ убили это слабенькое тѣльце... все напрасно... я ее не увижу.

Д. Фернандо.

Кто знаетъ... можетъ быть, она гдѣ нибудь въ ученьи. Успокойтесь, вы все узнаете отъ Розаліи.

Коррадо.

Да, правда, она, можетъ быть, еще жива... зачѣмъ отчаяваться! Мнѣ очень нужно, чтобъ она была жива. Ну, проводите же меня къ Розаліи.

Д. Фернандо.

Нельзя же такъ скоро... такъ неожиданно, ночью, не узнавши ничего...

Коррадо.

Да, вы правы; мнѣ нужно прежде узнать, многое узнать, Донъ Фернандо. Хочетъ ли Розалія меня видѣть?... Не забыла ли меня?... О, нѣтъ, невозможно! въ такомъ видѣ я ее испугаю.

Д. Фернандо.

Испугаете?... Вы такъ горячо любили другъ друга... а любовь извиняетъ все.

Коррадо.

Все?

Д. Фернандо.

Конечно, все... Притомъ же Розалія была такъ добра...

Коррадо.

Добра ли она и теперь? Вспоминаетъ ли обо мнѣ?... Говорите. Вы не знаете? Еще одинъ вопросъ—Розалія въ бѣдности, не такъ ли? Чѣмъ она живетъ? Какъ живетъ?

Д. Фернандо.

Въ гувернанткахъ.

Коррадо.

Въ гувернанткахъ? Моя жена! У кого?

Д. Фернандо.

У особы почтенной.

Коррадо.

У женщины?

Д. Фернандо.

Ну, нѣтъ, у мужчины, у доктора Арриго Пальміери... у него дочь... милая дѣвушка.

Коррадо.

Онъ женатъ?

Д. Фернандо.

Вдовый.

Коррадо.

Вдовый?... Сколько ему лѣтъ?

Д. Фернандо.

Лѣтъ тридцать-шесть.

Коррадо.

Еще молодъ!... И Розалія гувернантка его дочери! Гувернантка только?

Д. Фернандо.

Да, навѣрное, я въ томъ увѣренъ.

Коррадо (*пожимая ему руку*).

Благодарю, Донъ Фернандо! Но столько времени... Ахъ, ей было только девятнадцать лѣтъ, когда я ее оставилъ!

Д. Фернандо.

Что же вы хотите сказать?

Коррадо.

Вы спрашиваете? Слава Богу, что сонъ мертвыхъ вѣченъ... Горе, если бы они могли пробуждаться.

Д. Фернандо.

Что за странныя мысли!

Коррадо.

Не очень странныя, мой другъ; мнѣ бы нужно было уснуть навѣки.

Д. Фернандо.

Я не понимаю, божусь вамъ... Во всякомъ случаѣ, утѣшьтесь: Розалія все еще ваша жена и пойдетъ за вами, куда вамъ угодно.

Коррадо.

Пойдетъ за мной?

Д. Фернандо.

Будьте увѣрены. Мнѣ кажется, вы могли бы съ ней отправиться въ Катанію, къ семейству...

Коррадо.

Къ какому семейству?

Д. Фернандо.

Развѣ родители Розаліи умерли? Но, можетъ быть, живъ братъ, Алонзо?

Коррадо.

Алонзо! Какое имя вы назвали... Алонзо! (*Падаетъ на стулъ и закрываетъ лицо руками.*)

Д. Фернандо.

Коррадо, отчего это ужасное разстройство? Я не понимаю... я не знаю, что говорить... (*Входитъ Монсиньоръ.*)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Д. Фернандо, Коррадо *и* Монсиньоръ.

Д. Фернандо.

Пожалуйте къ намъ, монсиньоръ.

Монсиньоръ.

Ну, кто же этотъ другъ твой?

Д. Фернандо.

Кто онъ?... Представляю вамъ мужа Розаліи.

Монсиньоръ (*вздрогнувъ*).

Что ты говоришь!... Ахъ, если-бъ это была правда! Но мужъ Розаліи осужденъ на вѣчное заключеніе въ тюрьмахъ Неаполя.

Коррадо (*быстро встаетъ*).

Кто вамъ сказалъ, монсиньоръ?

Монсиньоръ.

Такъ это вы?... Но какимъ образомъ? Вы прощены? Говорите прямо, вамъ здѣсь нечего бояться.

Д. Фернандо.

Мы васъ спасемъ, во что бы то ни стало. Вы бѣжали?

Монсиньоръ.

Говорите, вамъ же лучше будетъ.

Коррадо.

Да, запираться не къ чему: я бѣжалъ.

Монсиньоръ.

Вы исполнили мое жеваніе; потому что, знайте, мой милый: невѣрное, несчастное, опасное положеніе Розаліи такъ меня трогало, что я рѣшился, при помощи духовника королевы, просить о вашемъ освобожденіи; навѣрное успѣлъ бы въ этомъ. Ваше бѣгство не разстроитъ моихъ плановъ,—напротивъ. Разскажите мнѣ подробно все, что касается вашего несчастія, тогда мнѣ будетъ легче хлопотать о вашемъ освобожденіи. Ну, смѣлѣе! Разсказывайте все! Потомъ мы васъ проводимъ на покой, и завтра вы будете въ состояніи сдѣлать пріятный сюрпризъ вашей женѣ, которая, конечно, васъ не ожидаетъ... Я впередъ радуюсь за нее.

Коррадо.

Охъ, разстравлять раны!... Донъ Фернандо ужъ вамъ сказывалъ, какъ я женился...

Монсиньоръ.

Говорилъ немного.

Д. Фернандо.

Я и зналъ немного. Я помню только, что вы до безумія любили Розалію, она тоже любила васъ, противъ воли своихъ

родителей, которымъ не нравился вашъ пылкій нравъ, вашъ жестокій, буйный характеръ, что вы безъ всякихъ церемоній, недолго думавши, въ одну прекрасную ночь похитили Розалію и женились. Вотъ что я знаю. Потомъ я уѣхалъ изъ Катаніи, и что дальше было — мнѣ неизвѣстно.

Коррадо.

Дальше лучше было. Предоставляю вамъ самимъ изобразить и печаль, и гнѣвъ ея родителей. У жены моей былъ братъ, Алонзо. Ему удалось уговорить отца, но не въ мою пользу. Честный старикъ охотно прощалъ дочь, если она меня оставитъ. У Розаліи ужъ была хорошенькая дочка; ни совѣты, ни просьбы, ни угрозы не могли поколебать ее: тогда задумали у меня ее похитить, и Алонзо взялся за это дѣло. Кромѣ того клеветали, доносили на меня, представили меня подозрительнымъ человѣкомъ... Я зналъ обо всемъ и ждалъ бѣды. Однажды ночью я замѣтилъ, что кто-то крадется къ моему дому, — я притаился за угломъ и вдругъ загородилъ ему дорогу. Это былъ Алонзо. Если-бъ онъ былъ поумнѣе, ему бы бѣжать отъ меня, а онъ сталъ грозить. Мнѣ! мнѣ! Грозить! Несчастный! Кровь бросилась мнѣ въ голову, жилы натянулись! Я его убилъ на мѣстѣ!

Монсиньоръ.

Продолжайте, несчастный!

Коррадо.

Не успѣлъ я опомниться, какъ ужъ былъ арестованъ ночнымъ патрулемъ на мѣстѣ преступленія. Судъ коротокъ. Улика на-лицо; я бѣшено сопротивлялся полиціи, я былъ ужъ и прежде заподозрѣнъ.—все это увеличивало вину. Меня присудили заключить на всю жизнь.

Монсиньоръ.

Мнѣ кажется, судьи могли бы найти смягчающія обстоятельства въ самомъ вашемъ темпераментѣ.

Коррадо.

Можетъ быть. Я дѣйствительно никогда не могъ сладить съ собой, порокъ у меня въ крови. Четырнадцать лѣтъ заключенія только подлили желчи въ мои жилы.—Можете себѣ представить, что я долженъ былъ чувствовать. Мнѣ было двадцать-восемь лѣтъ, я былъ артистъ, мужъ, отецъ, и я былъ, какъ звѣрь, запертъ въ желѣзную клѣтку. Воображеніе мое удвоивало мои

мученія: я представлялъ себѣ Розалію, одинокую, презрѣнную, нищую... но молодую и прекрасную. Чѣмъ ей жить? Или милостыней, или позоромъ. Я ревѣлъ и бѣсновался отъ ревности, меня наказывали за буйство... Я оставилъ дочь, Аду, — ей не было двухъ лѣтъ, больную, блѣдную, какъ восковой ангелъ. Иногда мнѣ представлялось, что она лежитъ во гробѣ усыпанная гіацинтами; иногда покрытая рубищемъ, на рукахъ матери, протягиваетъ свои ручонки къ проходящимъ; чаще я видѣлъ, что она хорошо одѣта, рѣзвится, прыгаетъ въ богатомъ домѣ, разсыпаетъ дочернія ласки богатому сеньёру, любовнику ея матери... Эта послѣдняя, безотвязная мысль, этотъ страшный сонъ доводили меня до горячешнаго бреда...

Монсиньоръ.

Вѣрю. И въ самомъ дѣлѣ, если воображеніе васъ не обманывало... Ахъ, бѣдный!... Но что-жъ далѣе?

Коррадо.

Далѣе я задумалъ бѣжать. Отъ постояннаго напряженія мозга я захворалъ медленной лихорадкой. Смотритель перевелъ меня въ другое помѣщеніе, получше. Я выздоровѣлъ, но нарочно притворялся больнымъ, чтобы за мною было менѣе присмотра. Такъ и случилось. Надо знать, какъ изощряются всѣ способности заключеннаго! Мнѣ удалось постепенно и съ невѣроятными усиліями расшатать рѣшотку въ окнѣ; потомъ осталось только ее вынуть. Я спустился во дворъ тюрьмы, потомъ въ поле...

Д. Фернандо.

Отлично!

Монсиньоръ.

Воображаю, что̀ вы почувствовали на свободѣ.

Коррадо.

Нѣтъ, не можете. Надо быть погребеннымъ четырнадцать лѣтъ; нужно считать эти долгіе года, считать часами, жаждать свободы, семьи, воздуха, солнца!—Мнѣ показалось, что я ожилъ.— Я шелъ всю ночь, поутру скрылся въ ущельи. Одинъ добрый человѣкъ далъ мнѣ это платье, другой побогаче далъ мнѣ нѣсколько денегъ, и такимъ образомъ, по гребню Апенинъ, я добрался сюда.

Монсиньоръ.

Провидѣніе привело васъ прямо къ женѣ.

Д. Фернандо.

Смѣлѣе, мой другъ!

Коррадо.

О! смѣлости во мнѣ было много, и теперь еще осталось... Но, когда я узналъ, что моей Ады нѣтъ съ матерью у этого доктора...

Монсиньоръ.

Вашей Ады?... Постойте... Судя по вашимъ словамъ, дѣвочкѣ должно быть шестнадцатый годъ...

Коррадо.

Да.

Монсиньоръ.

Это лѣта той дѣвочки, у которой Розалія гувернанткой... Но, сами посудите, законная дочь Пальміери давно умерла...

Д. Фернандо.

Неужели?

Монсиньоръ (*подходя къ столу*).

Вотъ свидѣтельство о ея смерти, я предъявлялъ его доктору и...

Коррадо (*вспыхнувъ*).

Кто же мать этой дѣвочки?

Монсиньоръ.

Ну, это....

Коррадо.

Ради спасенія души вашей, говорите прямо!

Монсиньоръ.

Боже мой, какой вы горячій!... Не въ моихъ правилахъ предполагать въ людяхъ дурное; но я хочу только сказать, что эта мнимая дочка не ваша ли Ада...

Коррадо.

Ада?

Д. Фернандо.

Чортъ возьми!... Это невозможно.

Монсиньоръ.

Какъ знать! Въ числѣ различныхъ предположеній для объясненія этого таинственнаго дѣла...

Коррадо.

Чтобъ моя Ада называла отцомъ другаго? Любила другаго?... Значитъ, видѣнія мои не были адскимъ бредомъ?

Д. Фернандо.

Повѣрьте мнѣ, вы заблуждаетесь.

Монсиньоръ.

Нѣтъ ли какихъ примѣтъ, по которымъ вы можете узнать свою дочь?

Коррадо.

Ахъ! Какія примѣты! Я говорю вамъ, что она была двухъ лѣтъ, когда я ее оставилъ.

Монсиньоръ.

Да, конечно... Но отцу не нужно примѣтъ, сама природа...

Коррадо.

Да, сердце мнѣ скажетъ... Но вѣдь четырнадцать лѣтъ...

Монсиньоръ.

Разспросите Розалію: какъ мать, она отвѣтитъ вамъ за дочь; какъ жена—сама за себя.

Коррадо.

За себя?...

Монсиньоръ.

Это ваши права.

Коррадо.

Мои права? Не знаю, монсиньоръ; скажу вамъ только: какъ страстно я ни желалъ, что я ни дѣлалъ для того, чтобы видѣть Розалію; но теперь, когда я близокъ къ ней, — я готовъ бѣжать опять въ тюрьму.

Монсиньоръ.

Зачѣмъ?

Коррадо.

Не знаю.

Д. Фернандо.

Смѣлѣй, Коррадо! Вы очень взволнованы, очень слабы: вамъ теперь хорошенько поужинать и отдохнуть попокойнѣе.

Монсиньоръ.

А ты позаботься хорошенько о томъ и о другомъ. Потомъ завтра... Не унывайте: милосердіе Божіе велико.

Коррадо.

А правосудіе?... Милосердіе Божіе, или правосудіе привлекло меня сюда?... Вы завтра узнаете! (*Уходитъ съ Д. Фернандо.*)

Монсиньоръ.

Завтра левъ со свѣжими силами... и мы, сеньёръ-докторъ, поговоримъ съ вами. (*Уходитъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Декорація перваго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Входятъ: Монсиньоръ, *затѣмъ* Агата.

Монсиньоръ.

По крайней мѣрѣ сегодня докторъ дома?

Агата.

Я ужъ докладывала моньсиньору, что въ этотъ часъ онъ дѣлаетъ визиты больнымъ. Онъ воротится не скоро: онъ лѣчитъ больныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ развращаетъ ихъ души своими утѣшеніями.

Монсиньоръ.

Ужъ недолго ему.

Агата.

Дай-то Богъ! Вамъ и сегодня угодно ждать его?

Монсиньоръ.

Ну, нѣтъ. Позови мнѣ эту женщину.

Агата.

Сейчасъ. Когда этотъ соблазнъ кончится?

Монсиньоръ.

Скоро.

Агата.

Ахъ, кабы! (*Уходитъ налѣво.*)

Монсиньоръ.

Соблазнъ можетъ быть и увеличится. Это зависитъ отъ того,

что отвѣтитъ мнѣ Розалія. Драма можетъ и кончиться, и только что начаться. Увидимъ. (*Входитъ Розалія.*)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Монсиньоръ *и* Розалія.

Розалія.

Вы меня звали. Но со мной ли вы желаете говорить, можетъ быть съ докторомъ?

Монсиньоръ.

Съ нимъ вчера я ужъ говорилъ довольно.

Розалія.

Даже слишкомъ.

Монсиньоръ.

Можетъ быть. Но вы не безпокойтесь; я уже не имѣю болѣе надобности упрекать васъ; вашему пребыванію въ этомъ домѣ, благодаря Провидѣнію, наступаетъ конецъ.

Розалія.

Да, я знаю, что монсиньоръ, по добротѣ своей, приказалъ моему благодѣтелю прогнать меня. Я бы могла жаловаться на васъ свѣтской власти, могла бы однимъ словомъ, однимъ даже дуновеніемъ снять съ васъ маску ложной святости и открыть лицемѣра! Вы знаете, хорошо знаете, что я добродѣтельна, съ глазу на глазъ со мной вы должны въ томъ признаться; вы даже не смѣете глядѣть мнѣ въ лицо такъ прямо, какъ я на васъ смотрю... Этой побѣды съ меня довольно, монсиньоръ... я не хочу упорствовать, не хочу вредить другимъ дорогимъ для меня особамъ... я удаляюсь.

Монсиньоръ.

Вы удалитесь, если вамъ угодно, но ужъ никакъ не одна.

Розалія.

Кто же меня будетъ провожать?

Монсиньоръ.

Мужъ вашъ.

Розалія.

Какія шутки, монсиньоръ!

Монсиньоръ.

Никакихъ, моя милая.

Розалія.

Вамъ ужъ извѣстно, въ какомъ позорномъ мѣстѣ находится человѣкъ, бывшій, къ несчастію, моимъ мужемъ.

Монсиньоръ.

Бывшій? Онъ и теперь вашъ мужъ, дочь моя. Онъ не могъ жить безъ васъ: въ порывѣ отчаянія, съ Божьей помощію, онъ сокрушилъ свои оковы... мало вамъ этого? Ну, такъ я вамъ скажу, что со вчерашняго вечера онъ гоститъ у меня.

Розалія (*съ крайнимъ изумленіемъ*).

Коррадо?... Возможно ли?... Правда ли?

Монсиньоръ.

Такими важными дѣлами не шутятъ.

Розалія.

Коррадо здѣсь?... Но какъ? За чѣмъ? Кого онъ ищетъ?

Монсиньоръ.

Семью свою.

Розалія.

Семью свою?

Монсиньоръ.

Именно. Однако я удивляюсь, и возмущаюсь, видя, съ какимъ неудовольствіемъ вы слышите отъ меня новость, которую я такъ спѣшилъ передать вамъ,—я самъ такъ радовался. Всякая жена благодарила бы меня.

Розалія.

Всякая, кромѣ меня.

Монсиньоръ.

Вы подумайте хорошенько о томъ, что вы говорите!

Розалія.

А вы, прежде чѣмъ осуждать, знайте...

Монсиньоръ.

Я знаю, что Коррадо убилъ вашего брата, но...

Розалія.

И послѣ этого вы можете думать, что у него есть семья! Что я жена его! Что я должна идти за нимъ!

Монсиньоръ.

Конечно, я такъ думаю, меня законъ заставляетъ такъ думать. Я понимаю, что положеніе ваше не легко: четырнадцать лѣтъ жить безъ мужа, найти себѣ утѣшеніе: и вдругъ является мужъ; несовсѣмъ пріятно, но, что-жъ дѣлать, нужно терпѣть. Всетаки вамъ лучше отправиться съ мужемъ, чѣмъ одной и съ позоромъ.

Розалія.

Лучше послѣднее.

Монсиньоръ.

Вы не имѣете права выбирать. Развѣ вы забыли, что Корадо ревнивъ и бѣшенъ...

Розалія.

Онъ хочетъ заставить меня силой...

Монсиньоръ.

Онъ и не думаетъ, онъ такъ любитъ васъ; но не слѣдуетъ ударять огниво о кремень, если боишься искръ. Чѣмъ ждать его здѣсь, вы сами подите къ нему... или, лучше сказать, пойдемте, я провожу васъ въ его объятія.

Розалія.

Я? Въ его объятія?

Монсиньоръ.

Слушайте. Теперь мужу вашему бояться нечего; здѣсь его не знаютъ и не найдутъ. Потомъ я обѣщалъ ему выхлопотать освобожденіе, — и успѣю въ томъ. Подъ другимъ небомъ вы можете быть счастливы. Вы видите теперь, что я плачу добромъ за зло. Ну, послушайтесь моего совѣта, пойдемте!

Розалія *(подумавъ)*.

Невозможно.

Монсиньоръ.

Смотрите, онъ самъ придетъ, онъ ужъ недалеко.

Розалія.

Недалеко? Онъ? Ахъ, нѣтъ...

Монсиньоръ.

И вы должны будете отвѣчать на его вопросы, на многіе вопросы... напримѣръ: чья это дѣвушка? Куда дѣвалась его маленькая Ада?

Розалія (*съ испугомъ*).

Ада?

Монсиньоръ.

Конечно... онъ ее любитъ, хочетъ ее видѣть... Во всякомъ случаѣ, я очень радъ, что успѣлъ предупредить васъ. Немного времени остается вамъ, чтобъ справиться съ своей совѣстью и приготовиться къ разговору, который, конечно, будетъ не легокъ для васъ, — и можетъ превратиться въ допросъ, который дѣлаетъ судья преступницѣ. Прощайте, сеньёра!

Розалія.

Что же вы ему скажете?

Монсиньоръ.

Что вы страстно желаете его видѣть.

Розалія.

Нѣтъ, скажите ему лучше, чтобъ онъ не приходилъ, чтобы онъ уважилъ мое положеніе, чтобы пожалѣлъ меня.

Монсиньоръ.

Какъ вы совѣтуете мнѣ подобную глупость? Ранить льва, когда слышно ужъ его рычаніе? Нѣтъ, одумайтесь, моя милая, и примите его съ кротостью. (*Уходитъ.*)

Розалія.

Коррадо! Я увижу Коррадо!... Не сонъ ли это! Послѣ той страшной ночи! послѣ стольнихъ лѣтъ увидать его, говорить съ нимъ! Сегодня! Здѣсь! У меня не хватитъ силы, не хватитъ словъ, не хватитъ смѣлости смотрѣть на него! Монсиньоръ говорилъ правду, онъ будетъ о многомъ спрашивать: а какъ, съ какимъ лицомъ мнѣ отвѣчать ему? Что сказать о дочери? Ничего? или все? Къ несчастію, доктора нѣтъ дома, не съ кѣмъ посовѣтоваться. Бѣжать, или спрятаться? Не будетъ ли хуже? Да и въ правѣ ли я бѣжать, оттолкнуть его, отказать ему въ утѣшеніи, котораго онъ ищетъ? Развѣ я не любила его, не бѣжала съ нимъ отъ родителей? Ахъ, еслибъ не странное, ужасное положеніе, въ которомъ я нахожусь, я бы открыла ему свои объятія... Но, Боже! Онъ придетъ отнять у меня, разрушить... (*Входитъ Эмма.*)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Розалія, Эмма.

Эмма (*подходитъ близко*).

Что съ вами, Розалія?

Розалія.

Ничего, милая Эмма.

Эмма.

Ничего? Правда ли?... Мнѣ кажется, что вы сегодня печальнѣе обыкновеннаго, и это мнѣ непріятно.—Хоть поцалуйте меня, развѣ я не стою. (*Розалія цалуетъ ее.*) Ахъ, у васъ слезы! О чемъ вы плачете? Что вы такъ смотрите на меня? Не блѣдна ли я? Не думаете ли, что я больна?

Розалія.

Нѣтъ.

Эмма.

Такъ что же вы?... Вотъ и отецъ, тоже что-то задумался. Меньше бываетъ дома, а когда воротится, такой скучный, молчаливый... Боже мой! что съ нимъ? Онъ сердится на меня? Я огорчила его?

Розалія.

Вы? бѣдная, чѣмъ же?

Эмма.

Можетъ быть, вы ждете какой нибудь бѣды? О, говорите, если знаете! говорите!

Розалія.

Бѣды?... не думаю... Бѣдная Эмма! Вы очень любите отца?

Эмма.

Я его люблю такъ, что и выразить не могу. Помните, когда онъ отправилъ меня въ институтъ, въ Неаполь, долго ли я тамъ осталась! Я не могла больше выдержать разлуки съ нимъ... Послушайте меня, я никогда не выйду замужъ; я не могу понять, какъ дочь можетъ оставить родителей и идти за человѣкомъ, котораго едва знаетъ!... Это дурная дочь! Что съ вами, Розалія? Что вы нахмурились? Я говорю глупо?

Розалія.

Напротивъ, дочь моя!

Эмма.

Ахъ, какъ мнѣ это нравится,—дочь! Сколько разъ я васъ просила называть всегда меня дочерью, а вы все забываете. Зачѣмъ же это? Послушайте, что я вамъ скажу; только не браните меня. Однажды, то есть не однажды, а нѣсколько разъ я видѣла во снѣ, что вы и мой папа — мужъ и жена и что я сижу между вами,—и такъ я счастлива... Поутру просыпаюсь, бѣгу къ папа въ кабинетъ, онъ сидитъ одинъ, — и долго я плачу на груди его. (*Розалія въ сильномъ волненіи, не въ силахъ выговорить ни одного слова, — горячо обнимаетъ Эмму и быстро убѣгаетъ въ свою комнату.*) Она ушла отъ меня... но какъ она меня обнимала! Ахъ, еслибъ сбылось то, что я видѣла во снѣ! Да и не во снѣ, сколько разъ я думала о томъ же и на-яву... Отчего-жъ бы этому не случиться? (*Садится и въ задумчивости закрываетъ лицо руками. Входитъ Коррадо.*)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Эмма и Коррадо.

Коррадо (*въ сторону*).

Гдѣ-жъ она?... она не хочетъ меня видѣть? (*Входя въ комнату, замѣчаетъ Эмму.*) Дѣвушка? Можетъ быть она... (*Тихо подходитъ къ ней и, чтобъ лучше разсмотрѣть, беретъ ее за руку, чтобъ открыть ей глаза.*)

Эмма (*встаетъ со стула и въ испугѣ отходитъ*).

Чужой человѣкъ... Кто вы? Кого вамъ нужно? Вы къ папа?

Коррадо (*быстро*).

А кто вашъ папа?

Эмма.

Онъ отличный человѣкъ.

Коррадо.

Да кто же наконецъ?

Эмма.

Онъ всѣмъ здѣсь благодѣтель, докторъ Арриго Пальміери.

Коррадо.

Пальміери?

Эмма.

Вы его не знаете?

Коррадо.

Желалъ бы познакомиться.

Эмма (*отходя дальше*).

Ну, такъ...

Коррадо (*подвигаясь къ ней*).

Ну, такъ... что же?

Эмма.

Не подходите ко мнѣ.

Коррадо.

Отчего же? (*Пристально смотритъ на нее.*)

Эмма.

Ахъ, ваши глаза точно угли, — не глядите на меня!

Коррадо.

Нѣтъ, мнѣ нужно глядѣть на васъ.

Эмма.

Нужно? (*Хочетъ закрыть глаза.*)

Коррадо.

Дайте мнѣ поглядѣть на васъ! Въ вашемъ лицѣ я ищу сходства съ моей дочерью.

Эмма.

У васъ есть дочь?... ну, такъ я меньше боюсь васъ; отецъ не бываетъ злымъ человѣкомъ.

Коррадо.

Это правда! И я былъ бы добрѣе, еслибъ дочь моя была со мною.

Эмма.

Вы ее потеряли?

Коррадо.

Да; но я найду ее, если только она жива. Позвольте поглядѣть на васъ. (*Смотритъ на нее пристально, съ напряженнымъ вниманіемъ.*) Нѣтъ, я сумасшедшій! Припомнить невозможно. Какъ васъ зовутъ?

Эмма.

Эмма.

Коррадо.

Эмма?

Эмма.

Развѣ вамъ не нравится это имя?

Коррадо.

Нѣтъ; но лучше, еслибъ васъ звали Ада.

Эмма.

Отчего же Ада?

Коррадо.

Это имя моей дочери. Васъ никто такъ не называлъ?

Эмма.

Никто.

Коррадо.

И ваша мать даже?

Эмма.

Моя мать на небѣ.

Коррадо

На небѣ?... Она была жена доктора?

Эмма.

Да, и умерла при моемъ рожденіи.

Коррадо (*про-себя*).

Ложь! Вотъ оно, ужасное сомнѣніе! Ада умерла, законная дочь доктора умерла... чья же эта?... Розаліи? Цаловать мнѣ ее, или... (*Подходитъ къ Эммѣ.*)

Эмма (*съ испугомъ*).

Вы меня пугаете!

Коррадо.

Нѣтъ, дитя мое, не бойтесь.

Эмма.

Но ваши глаза такіе страшные.

Коррадо.

Не всегда они страшны, въ нихъ бываетъ и любовь, бываютъ и слезы, — много слезъ, — горькихъ слезъ! — Поглядите на меня.

Эмма.

Когда вы говорите нѣжно, я васъ еще больше боюсь.

Коррадо.

Все страхъ да боязнь! Вы сами сказали, что отецъ не можетъ быть злымъ... Ну, я васъ буду называть Ада, а вы зовите меня отцомъ... я хочу быть вашимъ отцомъ. (*Подходя.*)

Эмма (*удаляясь*).

Вы мой отецъ?

Коррадо (*горячо*).

Вѣдь если не я, такъ горе вамъ! Горе вамъ!

Эмма.

Ахъ, Боже мой, помогите! (*Входитъ Розалія.*)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Розалія, Эмма, Коррадо.

Розалія (*не замѣчая Коррадо*).

Что съ вами, Эмма? (*Увидавъ Коррадо, вскрикиваетъ отъ ужаса, прижимаетъ Эмму къ своей груди, потомъ уводитъ Эмму въ ту же дверь, откуда вышла, и, возвратясь, остается на порогѣ съ поникшей головой.*)

Коррадо.

Розалія! (*Она закрываетъ лицо руками.*) Я не привидѣніе, чего меня бояться? Ты не хотѣла сама придти ко мнѣ, такъ должна была приготовиться принять меня у себя. Твое поведеніе непонятно. Я не знаю, чего ты испугалась, — меня ли, или того, что застала меня съ этою дѣвушкой, которую я считаю нашей дочерью.

Розалія.

Адой? Ты въ бреду. Она говорила тебѣ, что ее зовутъ Эммой?

Коррадо.

Говорила.

Розалія.

Что она дочь доктора Пальміери?

Коррадо.

Говорила; но ты подтвердишь ли?

Розалія.

Подтверждаю.

Коррадо.

Тѣмъ хуже для тебя. Она дочь доктора Пальміери? Но единственная законная дочь доктора умерла давно. Теперь я тебя спрошу и ты мнѣ отвѣтишь: кто же мать этой дѣвочки, которую ты такъ поторопилась спасти отъ моей ревности?

Розалія.

Кто ея мать? Не знаю. Я была въ крайней бѣдности, когда взяли меня къ ней въ гувернантки, и не считала себя въ правѣ требовать ея метрическаго свидѣтельства. Спроси у ея отца.

Коррадо.

Спрошу. Теперь другой вопросъ: гдѣ Ада? Что ты съ ней сдѣлала?

Розалія.

Странный вопросъ! Что я съ ней сдѣлала? Она умерла.

Коррадо.

Ада умерла?

Розалія.

Да, умерла. Бѣдной женѣ преступника, презираемой всѣми, не доставало милостыни для прокормленія себя съ дочерью; она умерла отъ нужды.

Коррадо.

Моя Ада?... И такъ равнодушно ты объявляешь мнѣ объ ея смерти? Ты! Мнѣ? Не вѣрю. Гдѣ свидѣтельство объ ея смерти?

Розалія.

Ступай въ Катанію и спроси тамъ. У меня ты не имѣешь права спрашивать отчета; ты насъ бросилъ.

Коррадо.

Я васъ бросилъ?... Я?... Для чего же я четырнадцать лѣтъ сгибалъ душу и тѣло подъ тяжестью цѣпей и не вздыхалъ, какъ лошадь? Для чего я терпѣлъ удары и бичеванье? Что берегло мою жизнь, если не надежда увидать тебя, увидать дочь. Зачѣмъ же я пилилъ и ломалъ желѣзныя рѣшетки? Зачѣмъ, не боясь смерти, тащился я по лѣсамъ и оврагамъ, еле двигая свои израненыя цѣпями ноги? Куда стремился я? Въ домъ, гдѣ

оставилъ жену. Кого искалъ я? Розалію, мою первую любовь, единственную женщину, которую любилъ я съ такимъ жаромъ,— и такъ не долго. Ахъ! да, Розалію, чтобы сказать ей: „смотри, сколько я страдалъ и прости меня!" Смотри, что я перенесъ, чтобы дотащиться до твоихъ ногъ (*падаетъ на колѣни*), и будь великодушна, подыми меня и иди со мной.

Розалія.

Съ тобой? Нѣтъ. Я тебя очень жалѣю, но ты насъ жалѣлъ ли? Ты зналъ, что у тебя дочь больная, слабая, что у тебя жена, которая для тебя покинула родителей и покинута всѣми. Ты не хотѣлъ пожалѣть насъ, не хотѣлъ сдержать своего буйнаго характера! Ты зналъ, что мы дышемъ только тобою, что безъ тебя мы погибнемъ отъ голода, стыда, униженія! Ты забылъ насъ и помнилъ только о мести. Ты убилъ моего брата...

Коррадо (*медленно подымаясь*).

Не произноси этого имени!... Оно не переставало звучать въ душѣ моей самымъ горькимъ упрекомъ... Алонзо хотѣлъ лишить меня всего и отнялъ у меня все... Это преступленіе... но я страданіями искупилъ его.

Розалія.

Ты думаешь? Не буду спорить съ тобой... но вѣдь позоръ преступленія вѣченъ, неизгладимъ, онъ переходитъ по наслѣдству къ невиннымъ дѣтямъ... Тюремщики, заковывая твои цѣпи, расковали наши брачныя узы...

Коррадо.

Нѣтъ, Розалія, законъ не таковъ.

Розалія.

Законъ? А развѣ время не законъ? Развѣ сердце не законъ?

Коррадо.

Такъ спроси свое сердце. Если пугаютъ тебя пересуды, предразсудки общества, мы обманемъ общество. Мое имя позорно, я перемѣню его... Мы пойдемъ, мы укроемся въ далекія, неизвѣданныя страны: куда только тебѣ будетъ угодно...

Розалія.

Коррадо, вспомни, — насъ раздѣляютъ два призрака: братъ и мать моя: она не перенесла его смерти и умерла, проклиная меня... И, несмотря на то, если бы ты пришелъ тогда, я пошла бы за тобой... Но четырнадцать лѣтъ! Время имѣетъ свои права...

Будь справедливъ!... Былъ у меня домъ родительскій: ты разрушилъ его; не отнимай же у меня этого убѣжища! Удались!

Коррадо.

Удалиться одному? Оставить тебя въ этомъ домѣ? Невозможно! Если ты боишься осужденій, которыя падаютъ на мое имя, то ты должна бояться и тѣхъ осужденій, которыя могутъ пасть на твое имя.

Розалія.

Что ты говоришь?

Коррадо.

Я говорю о томъ, о чемъ молчалъ до сихъ поръ,—я все утѣшалъ себя несбыточными мечтами... я испытывалъ твое сердце и нашелъ его закрытымъ для меня и неумолимымъ. Я говорю о томъ, что если ты еще будешь упорствовать, будешь отказываться идти со мной,—я въ самомъ дѣлѣ подумаю, что я мертвецъ, что я какъ призракъ явился вывѣдать твои тайны и разрушить твою радость, твое счастье.

Розалія.

Мою радость, мое счастье?

Коррадо.

Я подумаю, что этотъ новый домъ для тебя пріятнѣе стараго—что ты прячешь въ немъ свою новую любовь, свою новую дочь.

Розалія.

Прекрасно! Думай это! Думай все, что хочешь! Я ужъ тысячу разъ оклеветана по твоей милости. Никто не вѣрилъ въ добродѣтель, въ самоотверженіе женщины, бѣдной, одинокой, замужней, проживающей безъ мужа... Присоединись къ клеветникамъ; брось и ты комокъ грязи мнѣ въ лицо—дѣлай то, что другіе.

Коррадо.

Я хочу смыть ее съ тебя. Ради Бога, иди за мной, пока я не встрѣтился съ этомъ человѣкомъ. Спаси меня, спаси и его!

Розалія.

Ты хочешь рѣшиться на новое преступленіе?

Коррадо.

Ахъ, Боже мой! Но зачѣмъ же раздувать огонь? Зачѣмъ

же дразнить аспида? Я не хочу преступленія, я хочу владѣть собой; но кровь моя меня не слушаетъ. (*Съ отчаяніемъ.*) Розалія, пойдемъ!

Розалія (*въ испугѣ*).

Пожалѣй меня! (*Въ дверяхъ показывается Пальміери.*) Ахъ, онъ!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Розалія, Коррадо, Пальміери.

Коррадо.

Онъ! Это онъ? Пальміери?

Пальміери.

Я, а вы кто такой?

Коррадо.

Мужъ, который требуетъ жену свою.

Пальміери (*съ изумленіемъ*).

Коррадо?

Коррадо.

Коррадо, который будетъ судить васъ обоихъ.

Пальміери (*холодно*).

Судите!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Декорація I и III дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Коррадо *и* Д. Фернандо.

Коррадо (*сидитъ у стола*).

Другъ мой, еще разъ прошу васъ, оставьте меня въ покоѣ.

Д. Фернандо.

Я тоже еще разъ прошу васъ сказать мнѣ хоть что нибудь

о вашей встрѣчѣ. Во-первыхъ, это и меня очень интересуетъ, во-вторыхъ, мнѣ хочется исполнить желаніе дяди: онъ ждетъ вашего отвѣта съ нетерпѣніемъ.

Коррадо.

Монсиньоръ слишкомъ безпокоится, и не знаю для чего. Что отвѣчать мнѣ? Что сказать, коли я ничего не знаю?

Д. Фернандо.

Вы не видали Розалію?

Коррадо.

Видѣлъ.

Д. Фернандо.

Что-жъ она говорила вамъ?

Коррадо.

Много, но понялъ я одно.

Д. Фернандо.

Что же именно?

Коррадо (*указывая на сердце*).

Это здѣсь, мой другъ.

Д. Фернандо.

И не выйдетъ оттуда?

Коррадо.

Не разорвавъ сердца, не выйдетъ.

Д. Фернандо.

Если такъ, я не смѣю спрашивать. Но дочь?

Коррадо.

Чья дочь?

Д. Фернандо.

Въ томъ-то и вопросъ... Вы ее разглядѣли?

Коррадо.

Да.

Д. Фернандо.

Какое же впечатлѣніе произвела она на васъ?

Коррадо.

Развѣ можно передавать впечатлѣнія? Мнѣ хотѣлось и цаловать ее, и убить.

Д. Фернандо.

Въ одно и то же время?

Коррадо.

Да.

Д. Фернандо.

Значитъ, совершенный мракъ?

Коррадо.

Ужасный! Жду разъясненія отъ доктора, а онъ не очень торопится. Я жду его съ тоской, съ лихорадкой. Мы должны говорить съ нимъ здѣсь; вотъ почему я прошу васъ уйти, прошу въ третій разъ, не заставьте просить въ четвертый!

Д. Фернандо.

Не заставлю. Но мнѣ хочется, чтобы вы успокоились, чтобы вы хорошенько подумали о своихъ обстоятельствахъ, которыя могутъ быть очень серьезны. Я ужъ видѣлъ нѣсколько конныхъ жандармовъ, которые, вѣроятно, явились, чтобъ...

Коррадо.

Арестовать меня?... Тѣмъ лучше!... У кого ужъ нѣтъ семьи, тому можно и умереть. Я жилъ для жены и дочери; иначе развѣ я не разбилъ бы себѣ голову о каменныя стѣны моей темницы, за неимѣніемъ другаго средства. Но знайте, что у меня есть и другое, лучшее средство, есть оно у меня и теперь... мнѣ нужно только нѣсколько минутъ, чтобъ устроить свои дѣла въ этомъ домѣ, и потомъ...

Д. Фернандо.

Все это и загадочно, и страшно. Но подумайте, что во всякомъ случаѣ вы не имѣете права ни наказывать, ни мстить.

Коррадо.

Кто вамъ говоритъ о томъ или о другомъ.

Д. Фернандо.

Надо же пожалѣть и Розалію: не сама же она васъ бросила. И жена, и вдова въ одно и то же время!... девятнадцать лѣтъ... Какъ бы вы поступили на ея мѣстѣ?

Коррадо.

Легко разсуждать тому, кто не страдаетъ. (*Съ нетерпѣніемъ.*) Что-жъ онъ найдетъ? Что-жъ?

Д. Фернандо.

Онъ придетъ; но я боюсь послѣдствій вашего разговора. Что,

если онъ будетъ такъ глупо благороденъ, что признается вамъ... Ахъ, Боже мой!... Что вы тогда сдѣлаете?

Коррадо.

Развѣ я знаю, что онъ будетъ говорить?... Что я стану дѣлать? Развѣ пуля, пока она еще не вылетѣла изъ ружья, знаетъ, куда она попадетъ? Идите же; мнѣ нужно подумать прежде, чѣмъ говорить съ докторомъ.

Д. Фернандо.

Это справедливо. Подумайте и посовѣтуйтесь со своей совѣстью. Мужайтесь, мой бѣдный другъ. (*Жметъ ему руку и уходитъ.*)

Коррадо.

Я не имѣю права наказывать, а тѣмъ болѣе мстить... я согласенъ. Розалія, брошенная мной на краю бездны, безъ опоры, слабая, могла поскользнуться, упасть... не спорю. Розалія желала моей смерти, ждала ее со дня на день, какъ пріятную вѣсть, чтобъ быть свободной, счастливой... и... Но что-жъ нейдетъ этотъ докторъ? что онъ мучитъ? Они, вѣроятно, совѣтуются, какъ обмануть меня... О, горе имъ, если они не сознаются... горе! (*Увидавъ Пальміери.*) Вотъ онъ, наконецъ! Господи, помилуй насъ!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Коррадо *и* Пальміери.

Пальміери.

Къ вашимъ услугамъ. Извините, что заставилъ ждать, но мнѣ нужно было приготовиться къ этому неожиданному разговору и спокойно обдумать все, что я долженъ сказать вамъ.

Коррадо.

Я такъ и полагалъ.

Пальміери.

Для меня рѣшеніе этого дѣла очень не легко. Я не могъ положиться въ этомъ случаѣ на одного себя, я долженъ былъ соображаться съ чужой волей.

Коррадо.

Съ Розаліей?

Пальміери.

Именно. Я такъ и сдѣлалъ. Вотъ наше общее рѣшеніе: человѣкъ провинившійся долженъ умѣть загладить свои проступки, даже цѣною собственной жизни.

Коррадо.

Это ваше признаніе?

Пальміери.

Нѣтъ еще. Я говорю о васъ.

Коррадо.

Обо мнѣ? Но прежде всего, сдѣлайте одолженіе, покажите мнѣ метрическое свидѣтельство вашей дочери.

Пальміери.

Вы требуете невозможнаго, у меня нѣтъ дѣтей.

Коррадо.

Нѣтъ дѣтей? а эта дѣвочка?

Пальміери.

Этотъ ангелъ — дѣвочка?... Она считаетъ себя Эммой, и другіе тоже... она Ада.

Коррадо.

Ада?

Пальміери.

Ваша дочь.

Коррадо.

Ада жива? Она здѣсь? Я ее видѣлъ? (*Едва стоитъ на ногахъ.*)

Пальміери.

Вы теряете силы? Вы дрожите?

Коррадо.

Есть радости, отъ которыхъ можно умереть... но я буду жить... теперь только я живу! Моя Ада такъ хороша! Но зачѣмъ она считаетъ васъ своимъ отцомъ? Зачѣмъ любитъ? Вы не говорите; я не хочу и знать. Вы мнѣ ее возвращаете — и довольно. Остальное я вамъ прощаю, прощаю все... и всѣхъ... Я бѣгу къ ней!

Пальміери.

Подождите.

Коррадо.

Я вамъ повторяю, что мнѣ больше ничего не нужно.

Пальміери.

Но мнѣ нужно знать, стоите ли вы Ады.

Коррадо.

Если не стоилъ, такъ буду стоить.

Пальміери.

Я надѣюсь, увидимъ. Успокойтесь и подумайте хладнокровно о томъ, что̀ я вамъ скажу, я еще очень мало сказалъ вамъ. Сядемте лучше.

Коррадо.

Говорите.

Пальміери.

Лишнее разсказывать, какъ мы встрѣтились съ Розаліей. Это случилось черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ вашего заточенія. Я узналъ ее въ горѣ, въ бѣдности, покинутую родными. Ея положеніе меня тронуло и я рѣшился помочь ей. Я самъ былъ въ несчастіи, недавно я потерялъ жену и дочь, Эмму. Я былъ не въ такомъ положеніи, чтобъ думать о любви, но, признаюсь вамъ, если-бъ Розалія была свободна, я бы женился на ней, чтобъ дать ей положеніе въ обществѣ. Къ несчастію, она была скована съ вами... Съ чувствомъ сожалѣнія глядѣть я на Аду,— она была нѣсколько похожа на Эмму, — и день ото дня привязывалась ко мнѣ, быть можетъ и оттого, что я ласкалъ ее. Вскорѣ я убѣдился, что Ада была одна изъ тѣхъ нѣжныхъ, болѣзненныхъ, нервныхъ натуръ, для которыхъ всякія сильныя впечатлѣнія и радости и горя равно губительны. Я думалъ: „бѣдная малютка! Когда ты выростешь, ты спросишь объ отцѣ: что тебѣ отвѣтитъ мать твоя? Что тебѣ скажутъ чужіе? Увы! постоянная мысль будетъ портить каждую твою радость, каждое чувство, прерывать твой сонъ; а позже, когда душа запроситъ любви, кто отвѣтитъ тебѣ любовью?... Кто дастъ свое имя дочери преступника?“ Я началъ думать, какъ помочь ей, и однажды сказалъ Розаліи: вы добрая мать; если хотите, я заставлю общество уважать Розалію. Если я не могу возстановить вашего положенія, я могу сдѣлать это для дочери, — могу дать ей безпорочное имя, — свое имя. Я буду думать, что моя дочь не умирала, и въ вашей Адѣ буду обнимать свою Эмму. Такъ и сдѣлалось, — теперь судите меня!

Коррадо.

Безъ сомнѣнія, все это благородно... и тѣмъ болѣе, если вы не ждали награды...

Пальміери.

Ждалъ отъ васъ.

Коррадо.

Отъ меня? Но я скажу вамъ, что доброе дѣло теряетъ всю свою цѣну, когда нарушается чужое право. Сеньёръ! У этой дѣвочки былъ отецъ.

Пальміери.

Извините, я никакъ не могу убѣдиться въ этомъ; я не знаю разницы между вѣчнымъ заключеніемъ и могилою. Во всякомъ случаѣ, если я даже и нарушилъ чужое право, то съ добрымъ намѣреніемъ; если я сдѣлалъ проступокъ, то благородный.

Коррадо.

Который вы и загладите, какъ сами сказали.

Пальміери.

Слова мои относились къ вашимъ проступкамъ, которые важнѣй моихъ,—искупить ихъ ваша обязанность. Розалія, ваша жертва, подаетъ вамъ высокій примѣръ твердости. Чтобы скрыть обманъ, чтобы увѣрить всѣхъ, что моя Эмма жива, Розалія должна была отказываться отъ правъ и радостей матери.

Коррадо.

Розалія отказалась? Но вы понимаете, что я не могу и не хочу отказываться.

Пальміери.

Вы откажетесь, это необходимо.

Коррадо.

Необходимо?

Пальміери.

Какъ же иначе? Я не знаю, гдѣ вы найдете словъ для разговора съ этимъ нѣжнымъ, робкимъ созданіемъ. Что вы ей скажете?... Честный человѣкъ, котораго ты уважаешь и такъ горячо любишь, не отецъ твой; твой отецъ я,—я убилъ твоего роднаго дядю; я протягиваю къ тебѣ руки, израненныя кандалами,—я не прощенъ, я бѣжалъ,—каждый день, каждый часъ меня могутъ схватить и отправить въ тюрьму, я твой отецъ. Если ты умрешь

отъ жалости, отъ горя, мнѣ нужды нѣтъ, — только бы обнять тебя.

Коррадо.

О, ради Бога, молчите!

Пальміери.

Я буду молчать, лишь бы заговорило ваше сердце.

Коррадо.

Вы его истерзали и хотите, чтобъ оно заговорило.

Пальміери.

Въ такомъ случаѣ кончимъ разговоръ. (*Подходитъ къ двери и знакомъ приглашаетъ войти кого-то.*)

Коррадо.

Что это значитъ?

Пальміери.

Вы увидите. Я исполнилъ долгъ мой, — исполняйте свой. Судите, милуйте, казните, — все, что вамъ угодно. — Вы хотите разрушить весь мой трудъ? Вы имѣете на то право; я его не оспариваю. Я признаю за вами право убить вашу дочь. — Смотрите, она идетъ; бѣдная, великодушная мать ведетъ ее на вашъ судъ.

Коррадо.

Ахъ! (*Закрываетъ лицо руками.*)

Пальміери.

Будьте тверже! Однимъ словомъ, вы можете убить два сердца.

Коррадо.

Что за мука! (*Входятъ: Розалія и Эмма.*)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Пальміери, Коррадо, Розалія, Эмма.

Эмма (*не замѣчая Коррадо, подбѣгаетъ прямо къ Пальміери*).

Наконецъ-то я тебя нашла, гадкій папа! Я одной минуты не могу быть безъ тебя и очень обрадовалась, когда Розалія позвала меня къ тебѣ. Не приласкаешь ли ты меня хоть немного?

Пальміери.

Мнѣ нужно кой-что сказать тебѣ... но я заговорился съ этимъ человѣкомъ...

Эмма (*увидавъ Коррадо, съ испугомъ*).

Онъ опять здѣсь?

Пальміери.

Развѣ ты его боишься?

Эмма.

Очень боюсь. Я ужъ его разъ видѣла, и Розалія насилу спасла меня отъ него.

Коррадо.

Но тогда я... (*Розалія не сводитъ глазъ съ Коррадо.*)

Эмма.

Что я вамъ тогда сдѣлала? Представь, папа, онъ говорилъ, что меня должно звать не Эммой, а Адой...

Пальміери.

Потому что... (*Встрѣтивъ взглядъ Розаліи, останавливается.*)

Эмма.

Потому что такъ зовутъ вашу дочь: такъ каждую дѣвушку и звать Адою?... Хотѣлъ обнять меня, хотѣлъ, чтобъ я называла его отцомъ...

Пальміери.

А ты не хочешь, чтобъ онъ былъ твоимъ отцомъ?

Эмма.

Я бы умерла сейчасъ же. Но вѣдь ты мой отецъ. (*Съ крикомъ и дрожа отъ страха.*) Ты, это правда? Не оставляй меня! Я останусь съ тобой всегда, всегда! (*Обвиваетъ его шею руками.*)

Пальміери (*кладетъ ей руку на голову*).

Всегда.

Эмма.

Всегда?... Ахъ, какъ это хорошо! Но пойдемъ отсюда. у меня болитъ сердце, когда я вижу этого человѣка... Пойдемъ, ты хотѣлъ что-то поговорить со мной.

Пальміери.

Поди въ кабинетъ... я сейчасъ приду.

Эмма.

Не заставляй меня дожидаться. (*Уходитъ.*)

Пальміери (*Коррадо*).

Подумайте хорошенько о томъ, что̀ вы слышали и видѣли. (*Уходитъ; нѣкоторое молчаніе.*)

Розалія.

Коррадо, ты ничего не имѣешь сказать мнѣ?

Коррадо.

Много. — Но мнѣ приказано подумать о томъ, что я видѣлъ и слышалъ: человѣкъ покрытый плотью, одаренный такими же, какъ и я, страстями велитъ мнѣ подумать. Онъ приказываетъ моему сердцу молчать, когда оно хочетъ стонать, и приказываетъ ему говорить, когда оно умерло. Да, я видѣлъ и слышалъ. Я видѣлъ мою дочь, прекрасную, какъ ангелъ, мою дочь, которая боится и ненавидитъ меня, не зная меня и не замѣчая, что я дышу только ею. Моя дочь любитъ другаго, ласкаетъ, цалуетъ, обнимаетъ его... и ты дозволила ей это. Вмѣсто того, чтобы научить ее плакать о моемъ несчастіи, молиться за бѣднаго заключеннаго: ты взлелѣяла въ ея сердцѣ ложное, лживое чувство, противное природѣ и законамъ.

Розалія.

Коррадо, я думала, что я въ правѣ возвратить этой несчастной то, что ты у ней отнялъ, — добраго отца и честное имя.

Коррадо.

Добраго отца?... Да, я долженъ удивляться тому, что сдѣлала ты, что сдѣлалъ Арриго... но разумъ разсуждаетъ такъ, а сердце иначе. Есть наказанія, превосходящія всякую мѣру преступленія, оскорбляющія человѣчество. Можно ли отцу, который, послѣ столькихъ лѣтъ разлуки, встрѣтился съ дочерью, приказать быть равнодушнымъ, нѣмымъ? Я не камень... Я молчалъ, окаменѣлъ... но кровь опять заговорила во мнѣ; теперь я чувствую и горесть и ревность, ужасную ревность. Отдай мою дочь!

Розалія.

Развѣ ты не слыхалъ? Твоя дочь умретъ.

Коррадо.

Не умретъ. Я разскажу ей мои страданія, мою тоску, мои угрызенія. Если она добра, она согласится быть моимъ ангеломъ-утѣшителемъ. Да! Мнѣ нужно, чтобъ чистая бѣлая рука

разгладила мое чело: освѣжила мою кровь, чтобъ она вела меня и поддерживала. Пусть это будетъ только одинъ разъ, но позвольте прижать къ груди мою... нашу Аду, — потомъ я убѣгу.

Розалія.

Одинъ только разъ! Но что будетъ съ ней послѣ? съ Адой? Ахъ, Коррадо, невозможно! Ты говоришь мнѣ о своихъ жестокихъ страданіяхъ — я ихъ вижу, чувствую; но не видишь и не чувствуешь ты моихъ страданій. Ты хочешь сказать нашей Адѣ, что ты ея отецъ? Но сказала ли я ей, что я ея мать? Чтобъ избѣжать вопросовъ отъ нея: кто я; что я сдѣлала; гдѣ отецъ: я лишила себя правъ и радостей матери и взяла должность гувернантки, няньки, служанки... Часто въ тишинѣ ночи я украдкой подходила къ ея постелькѣ, чтобъ взглянуть на нее глазами матери; я цаловала ее со страхомъ и скорѣй бѣжала прочь, — въ моихъ ушахъ постоянно звучали крики общества, которое въ Катаніи, здѣсь, вездѣ ославило меня падшей женщиной.

Коррадо (*вздрогнувъ*).

Тебя?... И все это за меня!

Розалія.

Хорошо, что ты это понимаешь; пойми же, что ты не долженъ отнимать у меня того, что мнѣ стоило такого самоотверженія. Нѣтъ, ты не лишишь твою дочь тѣхъ удобствъ, которыя такъ нужны для ея слабаго сложенія; не позовешь ее дѣлить съ тобой безславіе и чорствый хлѣбъ подаянія; не поведешь ее въ горы, гдѣ она должна трепетать каждую минуту, что тебя откроютъ, поймаютъ, убьютъ у ея ногъ... Ахъ, нѣтъ, Коррадо! если ты не слушаешь мольбы матери, не трогаютъ тебя слезы жены, такъ пожалѣй няньку, которая сберегла твою дочь! (*Становится на колѣни.*)

Коррадо.

Ты на колѣнахъ! Предо мной! Встань, Розалія, встань!

Розалія (*вставая*).

Ну, слушай, Коррадо: вотъ мое рѣшеніе! Пусть наша Ада всегда будетъ Эммой и останется у благороднаго человѣка, который далъ ей свое имя. Что касается меня, жена раба, — пусть такъ и будетъ; я не жалуюсь, — я же иду за тобой въ горы, въ темницу, на эшафотъ, если хочешь.

Коррадо.

Ты пойдешь за мной?... За мной?

Розалія.

Развѣ ты не нуждаешься въ рукѣ, которая бы разгладила твое чело, освѣжила твою кровь, которая бы тебя вела и поддерживала? Вотъ та рука, которую ты ищешь, вотъ она: возьми ее, она твоя!

Коррадо.

Я не достоинъ коснуться ея!

Розалія.

Бѣдный Коррадо! Забудь хоть на минуту прошлое... и успокой свою горячую голову на груди моей. Поди ко мнѣ, несчастный Коррадо.

Коррадо (*обнявъ Розалію*).

Розалія! Какое блаженство!

Розалія.

Я тебѣ простила, все простила! Ты рѣшился? Не правда ли?

Коррадо.

Да, я рѣшился: я не въ силахъ болѣе противиться тебѣ; желѣзная душа моя растопилась въ слезахъ на груди твоей. (*Входитъ монсиньоръ.*)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Коррадо, Розалія, Монсиньоръ.

Монсиньоръ.

Извините, вы вѣроятно меня не ожидали. Но, кажется, я пришелъ въ добрую минуту, чтобъ принять участье въ вашей назидательной бесѣдѣ.

Розалія.

Вы пришли перервать ее... но немного поздно, къ моему счастію, всѣ разговоры кончены и мы во всемъ согласны. Не правда ли, Коррадо?

Коррадо.

Да.

Розалія.

Порадуйтесь, монсиньоръ, и позвольте мнѣ удалиться. (*Уходитъ.*)

Монсиньоръ.

Вы ее простили?

Коррадо.

Вы, монсиньоръ, ошибаетесь: она меня простила.

Монсиньоръ.

Прекрасно, взаимное оставленіе грѣховъ—дѣло христіанское. Но я слышалъ, стоя за дверью: такъ какъ я пришелъ немножко рано и не хотѣлъ мѣшать вашимъ благороднымъ изліяніямъ, — что ваша Ада живетъ здѣсь подъ именемъ Эммы.

Коррадо.

Живетъ,—но не для меня.

Монсиньоръ.

Не для васъ?

Коррадо.

Я долженъ отказаться отъ нея.

Монсиньоръ.

Должны?... Не можетъ быть... Мужья и отцы не теряютъ правъ своихъ.

Коррадо.

Есть случаи, когда теряютъ.

Монсиньоръ.

Я съ вами не согласенъ.

Коррадо.

Я вѣрю. (*Задумчиво.*) Здѣсь, въ нѣсколько часовъ, душа моя стала чище, чѣмъ впродолженіи четырнадцати лѣтъ заключенія; въ тюрьмѣ рычалъ звѣрь, здѣсь плакалъ человѣкъ.

Монсиньоръ.

Никто не имѣлъ права заставлять васъ плакать, ваша семья принадлежитъ вамъ. Несчастный, и вы не понимаете, что хотятъ васъ избавиться! Докторъ отнялъ у васъ права отца, хочетъ отнять и супружескія.

Коррадо.

Вы лжете! А вамъ бы не слѣдовало.

Монсиньоръ.

Я лгу?

Коррадо.

Да, лжете. Вѣдь вы подслушивали у двери, какъ же вы не слыхали, что Розалія рѣшилась идти со мной.

Монсиньоръ.

Она притворяется, она знаетъ, что полиція напала на ваши слѣды и что...

Коррадо.

Молчите, не смѣйте оскорблять честную женщину!

Монсиньоръ.

Честную?

Коррадо.

Да, болѣе нежели честную: святую.

Монсиньоръ.

А! Въ такомъ случаѣ мнѣ остается только жалѣть васъ: полиція васъ открыла, и я васъ предупреждаю, что двери моего дома заперты для васъ. Предоставляю васъ судьбѣ вашей.

Коррадо.

Я думаю даже, что вы на меня донесли.

Монсиньоръ.

Вы не посмѣете подозрѣвать меня.

Коррадо.

А вы не посмѣете запереться. Подите, монсиньоръ, скажите тѣмъ, которые меня ищутъ, что я здѣсь и жду ихъ. (*Монсиньоръ уходитъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Декорація та же.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Коррадо, *потомъ* Розалія.

Коррадо.

Что медлитъ Розалія? Мои минуты сочтены. Ахъ, вотъ она!

Розалія.

Коррадо, ты хотѣлъ говорить со мной,—вотъ я. Что, развѣ ужъ время намъ отправиться?

Коррадо.

Нѣтъ еще; мнѣ прежде нужно кой-что сказать тебѣ и сдѣлать нѣсколько вопросовъ. Я былъ взволнованъ, очень разгорячень, не могъ собрать мыслей, — теперь я покойнѣе. Розалія, сядь со мной. (*Розалія садится подль него.*) Скажи мнѣ: сдержалъ ли я свое обѣщаніе? Умѣю ли я покориться, молчать, терпѣть?

Розалія.

Да, Коррадо.

Коррадо.

Послѣ твоихъ ласокъ, послѣ твоего обѣщанія идти со мной, я долженъ былъ это сдѣлать.

Розалія.

И я тоже сдержу свое обѣщаніе.

Коррадо.

Да, но какую жертву ты должна принести! Скажи мнѣ, довѣрься мнѣ! Розалія, не разорвется ли твое сердце, когда ты будешь покидать эти мѣста, этотъ домъ?

Розалія.

Этотъ домъ? И ты меня спрашиваешь! Не здѣсь ли мы покидаемъ и, можетъ быть, навсегда нашу Аду?

Коррадо.

Знаю; но кромѣ дочери, не жалко ли тебѣ оставить еще кого нибудь?

Розалія.

Кого же?

Коррадо.

Отвѣчай прямѣе:—того, кто останется съ дочерью?

Розалія.

Благородный человѣкъ...

Коррадо.

Которому ты обязана многимъ, которому ты уступила мои права отца. Все ли я сказалъ?

Розалія.

Коррадо, говори яснѣе!

Коррадо.

Ты говори яснѣе: какъ ты жила у него столько времени, любила ли ты его, любилъ ли онъ тебя?

Розалія.

Такіе вопросы!...

Коррадо.

Если я не имѣю права, такъ имѣю надобность знать все это. Розалія, признавайся мнѣ смѣло, я и самъ человѣкъ виновный и притомъ другъ твой, и готовъ простить тебя.

Розалія.

Пусть другъ меня судитъ, пусть мужъ меня обвиняетъ, если я того стою. Ты узнаешь то, что̀, кромѣ меня, не знаетъ никто въ мірѣ. Ты знаешь Арриго, знаешь его честность, его великодушіе, ты хорошо знаешь, что̀ онъ сдѣлалъ для дочери и для меня. Я прибавлю только, что онъ избавилъ меня отъ ужаснаго чудовища, которое доводитъ до паденія: отъ бѣдности. Оттого благодарность моя ему походитъ на обожаніе. Да и дѣйствительно, только Богъ одинъ могъ послать мнѣ такого ангела-хранителя! Я стала жить покойно, никакого страха, никакихъ угрызеній я не чувствовала; но спокойствіе мое нарушилось, когда я стала замѣчать, что чувства мои къ нему измѣняются; а когда я замѣтила, перемѣна ужъ совершилась. Я стала наблюдать за собой, бороться—и побѣдила.

Коррадо.

А онъ?

Розалія.

Мнѣ кажется, онъ страдалъ и боролся такъ же, какъ я. Я потому такъ думаю, что хотя глаза измѣняли намъ, но звуки замирали на губахъ. — Постоянно въ такихъ отношеніяхъ, въ такой борьбѣ и жили мы. Коррадо, клянусь тебѣ въ томъ! Мы не хотѣли оправдать клеветы, чтобы не потуплять передъ нею глазъ своихъ. Но, если къ моему безпокойству, къ тѣмъ мукамъ, которыя я переносила, какъ мать, ты прибавишь эту постоянную, нечеловѣческую борьбу, ты поймешь, какова была моя жизнь впродолженіи этихъ четырнадцати лѣтъ искушеній, непризнанной добродѣтели, клеветы и самоотверженія! Теперь я тебѣ призналась и жду твоего приговора.

Коррадо.

Ты мнѣ не все сказала.

Розалія.

Все, Коррадо.

Коррадо.

Нѣтъ. Ты не сказала мнѣ вотъ чего: въ минуты твоей внутренней борьбы, въ минуту ослабленія, не приходила ли тебѣ въ голову мысль,—что весьма просто и естественно, мысль о моей смерти.

Розалія.

О твоей смерти?

Коррадо.

Ты не думала? Не желала ее? Не просила у Бога въ награду за свою добродѣтель?

Розалія.

Клянусь тебѣ! Я бы не смѣла глядѣть на нашу дочь.

Коррадо.

Но, если бы это случилось, развѣ бы ты не вышла замужъ за Арриго?

Розалія.

Коррадо, это неблагородно! Какъ я отвѣту тебѣ?

Коррадо.

Отчего-жъ не отвѣтить! Будь такъ же откровенна, какъ и онъ! Онъ мнѣ сказалъ, что если-бъ бы была свободна, онъ далъ бы тебѣ свое имя, чтобъ поднять тебя во мнѣніи общества.

Розалія.

Онъ?... Объ этомъ я слышу въ первый разъ.

Коррадо.

Тѣмъ лучше. Я тебя спрашиваю, примешь ли ты его имя и его руку? Розалія, я спрашиваю какъ другъ, отвѣчай!

Розалія (*опуская голову*).

Да.

Коррадо.

И послѣ всего этого, ты готова оставить этотъ домъ и идти за мной?

Розалія.

Ужъ я тебѣ сказала. Пойдемъ!

Коррадо.

Но если наше бѣгство ужъ невозможно? Меня услѣдили, и можетъ быть, сейчасъ... сію минуту придутъ взять меня...

Розалія.

Правда ли это, Коррадо?

Коррадо.

Положимъ, что правда... Что же ты сдѣлаешь?

Розалія.

Буду жить по сосѣдству съ твоей тюрьмой, или пойду въ монастырь; свѣтъ такъ много клеветалъ на меня... О, нѣтъ! Мы спасемся, мы успѣемъ бѣжать... ночь близка; бѣжимъ, — мое сердце проснулось; я хочу жить съ тобой. Я люблю тебя, Коррадо, люблю какъ прежде, больше прежняго.

Коррадо.

Ты меня любишь? Меня любишь? Ахъ, Розалія, какое блаженство потерялъ я!

Розалія.

Мы его найдемъ опять, будемъ опять счастливы...

Коррадо.

Счастливы?... Да! Поди, приготовься, ночью мы бѣжимъ. Оставь меня одного! Я такъ взволнованъ, что если ты останешься хоть минуту, я умру.

Розалія.

Ну, такъ прощай, до ночи, бѣдный мой Коррадо. (*Жметъ ему руку и уходитъ.*)

Коррадо.

И всетаки я умру, — но исполнивъ долгъ справедливости. Бѣдная, великодушная женщина! Сколько горя я нанесъ ей! Она любила благороднѣйшаго человѣка, онъ поднялъ ее изъ той грязи, въ которую я бросилъ ее... Но я, трупъ, мѣшалъ имъ, я стоялъ между ними... но трупъ не исчезнетъ, я похороню его. (*Вынимаетъ медальонъ.*) Нѣсколько капель изъ этого медальона—и довольно. Жалкіе палачи! Вы снова хотите кормить меня горькимъ хлѣбомъ тюрьмы, чтобы продлить муку этихъ двухъ сердецъ?... Нѣтъ; я выпью... и усну. (*Останавливаясь.*) Но, дочь моя?... Ну, что-жъ! Я внушаю ей отвращеніе... Хорошо и это: она не будетъ плакать о моей смерти. (*Входитъ Эмма.*) Ахъ, она! Самъ Богъ послалъ ее.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Коррадо *и* Эмма.

Эмма.

Опять онъ здѣсь! (*Хочетъ уйти.*)

Коррадо.

Нѣтъ, не бѣгите отъ меня: мнѣ такъ нужно поговорить съ вами.

Эмма.

Говорить со мной? Все вамъ говорить со мной!

Коррадо.

Въ послѣдній разъ.

Эмма.

Вы уѣзжаете?

Коррадо.

Да, завтра вы меня не увидите,—это вамъ будетъ пріятно?

Эмма.

Немножко, потому что...

Коррадо.

Потому что я васъ пугаю... Я знаю... Но развѣ вы не видите во мнѣ перемѣны? Не смирнѣе ли я? Не сталъ ли я нѣжнѣе съ вами? Если вы и теперь меня боитесь, я стану передъ вами на колѣни. (*Становится на колѣни.*)

Эмма.

Ахъ, нѣтъ, этого не надо!

Коррадо.

Хотите, чтобъ я всталъ? Я слабъ, помогите мнѣ, дайте мнѣ руку...

Эмма (*подавая ему руку*).

Ахъ, бѣдный... (*Замѣчаетъ на его рукахъ слѣды цѣпей.*) Что это? Ваши руки были ушибены? Ахъ! Можетъ быть... Боже мой... вы были въ кандалахъ? (*Коррадо садится на стулъ.*) Васъ осудили? За что?... Нѣтъ, не говорите! И зачѣмъ я васъ спрашиваю! Не сердитесь!... Вы плачете... Ахъ, я теперь не боюсь васъ, а мнѣ васъ жалко... Несчастный!... Если вы теперь найдете вашу Аду...

Коррадо.

Я ужъ не найду ее, она умерла.

Эмма.

Вамъ дурно? Боже мой! Какъ вы поблѣднѣли! Я васъ обидѣла? Я не хотѣла васъ обидѣть... Вы очень страдаете; не позвать ли кого?

Коррадо.

Нѣтъ... Смотрите! (*Показываетъ ей медальонъ.*) Въ этомъ медальонѣ есть лекарство, которое меня вылечитъ.

Эмма.

Не могу ли я чѣмъ помочь вамъ?

Коррадо.

Вы? О, нѣтъ... Если ужъ вы такъ добры, вы лучше повернитесь въ ту сторону и помолитесь за меня.

Эмма.

Да, я помолюсь за васъ. (*Складываетъ руки. Въ это время Коррадо прикладываетъ медальонъ къ губамъ, потомъ, оставивъ его на столѣ, подходитъ къ Эммѣ.*)

Коррадо.

Благодарю васъ... мнѣ теперь лучше...

Эмма.

Я очень рада, если это правда; я съ такимъ чувствомъ молилась о васъ... видите, я плачу... Вы какъ будто затѣмъ и пришли сюда, чтобъ заставить всѣхъ плакать.

Коррадо.

Я?

Эмма.

Да, и отецъ, и Розалія такіе скучные съ самаго вашего пріѣзда.

Коррадо.

А между тѣмъ я пришелъ сюда за тѣмъ, чтобъ сдѣлать всѣхъ счастливыми... чтобъ оставить по себѣ добрую память.

Эмма.

Вы уѣзжаете: странно что-то! Мнѣ кажется, будто и Розалія задумала уѣхать, покинуть меня.

Коррадо.

Она вамъ сказала?

Эмма.

Нѣтъ; но сейчасъ она обнимала меня и плакала, какъ будто прощалась со мной надолго.

Коррадо.

Вы ошиблись. Оставить васъ? Зачѣмъ? — А вы жалѣли бы объ ней?

Эмма.

Очень жалѣла бы.

Коррадо.

Значитъ, вы очень любите бѣдную Розалію?

Эмма.

Какъ родную мать.

Коррадо.

А если-бъ она дѣйствительно была вашей матерью, вы бы обрадовались?

Эмма.

Я бы очень обрадовалась. Знаете ли, въ душѣ моей что-то говоритъ мнѣ, что такое счастіе возможно для меня. Сколько разъ я видѣла это во снѣ... Мнѣ снилось, что отецъ и Розалія обвѣнчаны тайно... вотъ что!

Коррадо (*подумавъ*).

А если то, что вы видѣли во снѣ, правда?

Эмма (*съ удивленіемъ*).

Что вы говорите, Коррадо?

Коррадо.

Вотъ зачѣмъ я пришелъ сюда, дитя мое. Я пришелъ сказать, что несправедливо такъ долго обманывать васъ, что напрасно вы устремляете свои глаза на небо и ищете тамъ свою мать, когда она такъ давно живетъ съ вами въ этомъ домѣ...

Эмма.

Розалія?

Коррадо.

Да, вотъ память, которую я хотѣлъ оставить по себѣ.

Эмма.

Розалія моя мать? Но не сонъ ли это опять? Ахъ, если это правда, благодарю васъ, другъ мой! Но гдѣ же Розалія? Не ушла ли она, не покинула ли меня? Гдѣ мой отецъ? (*Бѣжитъ*

къ дверямъ.) Ахъ, подите, подите сюда! (*Входятъ: Пальміери и Розалія.*)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Коррадо, Эмма, Пальміери, Розалія.

Розалія.

Что вамъ, Эмма?

Пальміери.

Коррадо?

Эмма (*Пальміери*).

Скажи мнѣ, правда ли то, что говоритъ Коррадо? Моя мать не умерла? (*Розаліи:*) Говорите и вы, выньте у меня занозу изъ сердца. Вы ли, ты ли моя мать?

Розалія (*съ ужасомъ*).

Ахъ!

Пальміери.

Какъ! Вы ей сказали?

Коррадо.

Успокойтесь! Я сказалъ ей, что васъ соединяютъ съ Розаліей законныя узы.

Пальміери.

Какимъ образомъ?

Коррадо.

Простите, что я открылъ вашу тайну! Но я долженъ былъ поступить такъ въ эту торжественную минуту, когда препятствіе къ объявленію вашего брака исчезаетъ навсегда.

Розалія (*въ ужасѣ*).

Исчезаетъ?

Пальміери.

Коррадо, что вы сдѣлали?

Коррадо.

Я разсудилъ о томъ, что видѣлъ и слышалъ.

Пальміери.

Если я васъ понялъ, я боюсь...

Коррадо.

Вы все еще боитесь, милая дѣвушка, что васъ обманулъ? (*Беретъ ее за руку.*) Пойдемте, я васъ соединю съ вашей матерью и полюбуюсь на васъ.

Эмма.

Сонъ мой сбывается.

Розалія (*все еще въ ужасѣ*).

О, дочь моя! (*Коррадо едва можетъ стоять, шатаясь подходитъ къ стулу и садится.*) Коррадо!

Эмма.

Ему дурно...

Пальміери (*подходя къ Коррадо*).

Онъ умираетъ.

Розалія.

Умираетъ?

Эмма.

Постойте! Въ этомъ медальонѣ лекарство, онъ пилъ изъ него, дайте ему еще!

Пальміери (*взявъ медальонъ*).

Это ядъ. Онъ отравился!

Розалія.

Боже мой!

Эмма.

Отравился?

Розалія.

Поскорѣй! Какое нибудь средство...

Пальміери.

Никакого... ужъ поздно.

Коррадо (*повторяетъ машинально*).

Никакого. (*Какъ-бы въ бреду.*) Бѣдная женщина! Благородный человѣкъ!... Они заслуживаютъ счастія, награды... и получатъ ее отъ меня.

Розалія.

Я виновата, мое признаніе сдѣлало его самоубійцей...

Пальміери.

Онъ для насъ пожертвовалъ своей жизнью!

Коррадо (*въ бреду*).

Вы говорите, что пришли меня взять? А! Доносчикъ... негодяй! Безумные! живой трупъ теряетъ движеніе... я добилъ его... Ахъ, Ада! Ада!

Розалія (*про-себя*).

Онъ зоветъ дочь... (*Эмму.*) Ему представляется, что ты его дочь... Подойди къ нему... назови его отцомъ... тогда онъ умретъ спокойно.

Эмма.

Ахъ, да! (*Подходитъ къ Коррадо и положивъ ему руку на плечо.*) Отецъ, отецъ мой! Посмотри на свою Аду!

Коррадо (*какъ бы проснувшись*).

Ада? (*Встаетъ, обнимаетъ ее. Дѣлаетъ знакъ Пальміери и Розаліи, чтобы они подошли, отдаетъ имъ Эмму, падая на стулъ.*) Нѣтъ, ты Эмма! (*Умираетъ. Розалія и Эмма съ крикомъ бросаются къ нему.*)

РАБСТВО МУЖЕЙ.

КОМЕДІЯ ВЪ ТРЕХЪ КАРТИНАХЪ.

(Сюжетъ заимствованъ изъ французской пьесы: „Les maris sont esclaves“ par A. de Leris.)

ЛИЦА:

Иванъ Александровичъ Прѣсновъ.
Вѣра Петровна, жена его.
Машенька, ея сестра.
Ѳома Ѳомичъ, дядя Прѣснова, старый холостякъ.
Василій Николаевичъ Гуляевъ, другъ Прѣснова.
Прокофій, слуга Прѣснова.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Зала.—двери: выходная и двѣ по сторонамъ, налѣво окно, направо фортепьяно; по срединѣ круглый столъ, между столомъ и окномъ диванъ, у окна маленькій столикъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Прѣсновъ, Вѣра Петровна *и* Ѳома Ѳомичъ (*входятъ изъ двери направо*).

Ѳома.

На дачу, на дачу, непремѣнно на дачу! И поближе къ морю! Гулять, гулять, все лѣто гулять! Отчего я такъ свѣжъ? Оттого,

что гуляю. Я вчера цѣлый день гулялъ отъ Стрѣльны до Ораніенбаума и обратно, и сейчасъ съ Петергофской дороги пришелъ пѣшкомъ.

Вѣра.

Да, на дачу, непремѣнно на дачу! И для меня, и для моего ребенка это необходимо.

Прѣсновъ.

Я съ вами согласенъ; но вы только подумайте, сколько затрудненій!

Ѳома.

„Затрудненій, затрудненій!“ Скажите пожалуйста! Какія это затрудненія?

Прѣсновъ.

А служба-то!

Ѳома (*передразнивая его*).

„А служба-то!“ А желѣзныя дороги-то! Для чего же онѣ и сдѣланы, какъ не для того, чтобы возить страстныхъ мужей къ ихъ нѣжнымъ женамъ.

Прѣсновъ.

А можетъ быть и для того, чтобы возить нѣжныхъ женъ.

Ѳома.

Не бойся: жены отъ мужей не уѣдутъ. Онѣ крѣпко за васъ уцѣпились. Если надо кому бѣжать, такъ это вамъ, мужьямъ, отъ женъ.

Вѣра.

Благодарю, дядюшка!

Ѳома.

Не стоитъ благодарности.

Прѣсновъ.

Мнѣ иной разъ цѣлый день случится пробыть въ городѣ. И мнѣ безъ жены будетъ скучно, и ей безъ меня.

Ѳома.

Вотъ я всю жизнь безъ жены, да мнѣ не скучно.

Вѣра.

Попробуйте, женитесь.

Ѳома.

Покорно васъ благодарю. (*Садится на диванъ.*)

Вѣра.

Не стоитъ благодарности. Однако, мы удалились отъ вопроса. У меня есть еще причина, почему дачу нанять необходимо. (*Мужу.*) Сестрѣ Машѣ пора замужъ.

Ѳома (*вставая*).

Что такое? Что такое?

Вѣра.

Это до васъ, Ѳома Ѳомичъ, не касается. (*Мужу.*) На дачѣ гораздо легче свести знакомство: тамъ скорѣе могутъ оцѣнить ея прекрасный характеръ; на дачу чаще пріѣзжаютъ молодые люди; а вѣдь Машу стоитъ только увидать, чтобъ влюбиться въ нее.

Ѳома (*опять садясь*).

Каково это сидѣть и слушать, какъ строятъ ковы и козни, какъ изготовляютъ для нашего брата ловушки! Кто ты, несчастный? Ты, можетъ быть, ходишь, бродишь, веселый такой, пѣсенки напѣваешь, о бѣдѣ и не думаешь, — и вотъ ты пріѣдешь на дачу повеселиться, выпить бутылочку винца, какъ слѣдуетъ порядочному человѣку — и вдругъ тебя, раба божьяго, — цапъ, и на веревочку!

Вѣра (*мужу*).

Тебѣ объ этомъ надобно подумать, у нея родныхъ нѣтъ.

Прѣсновъ.

Да, дѣйствительно, надо серьозно подумать. Эта дѣвушка можетъ доставить счастіе всякому порядочному человѣку.

Ѳома.

Да почемъ ты это все знаешь?

Прѣсновъ.

Она прелестная дѣвушка.

Вѣра.

Съ очаровательнымъ характеромъ.

Прѣсновъ.

Любитъ моего сына, значитъ будетъ отличной матерью.

Вѣра.

Любитъ моего мужа, значитъ будетъ отличной женой.

Ѳома.

Постойте, постойте! (*Громче.*) Погодите! Я не успѣю отвѣ-

чать вамъ. Вы говорите много, а про логику забыли. Повторяйте по порядку, что̀ вы сказали, тогда можно будетъ отвѣчать вамъ: я васъ разобью въ-пухъ, не трогая тяжелой артиллеріи.

Прѣсновъ.

Едва ли! Я говорю, что она прелестная дѣвушка, я ее знаю съ дѣтства.

Ѳома.

Изъ этого только слѣдуетъ, что она можетъ и остаться прелестной дѣвушкой, а какова будетъ женой — неизвѣстно.

Вѣра.

Я говорю, что у нея очаровательный характеръ.

Ѳома.

У всѣхъ дѣвушекъ очаровательный характеръ, когти отростутъ послѣ свадьбы.

Вѣра.

Отчего-жъ у меня не выросли?

Ѳома.

„Не выросли, не выросли!“ Еще выростутъ, не отчаивайтесь.

Прѣсновъ.

Я говорю, что она любитъ дѣтей и, слѣдовательно, будетъ отличной матерью. Ну, что вы на это скажете?

Ѳома.

Любить чужихъ дѣтей не то, что своихъ; чужихъ только цѣлуютъ, а за своими надо ухаживать: а это не все равно.

Вѣра.

Я вижу, какъ она любитъ моего мужа, какъ же она должна любить своего?

Ѳома.

Своего? А можетъ быть у ней только и есть способность любить чужихъ мужей. Тогда своему-то барыша немного.

Вѣра.

Я не хочу съ вами говорить.

Ѳома.

И я не хочу.

Вѣра (*мужу*).

Послушай, мой другъ, это дѣло рѣшено, мы ѣдемъ на дачу. Надо освѣжиться, надо пожить въ природѣ. (*Обнимаетъ мужа.*) Ахъ, какъ легко быть счастливой, какъ счастье доступно! Въ хорошей веселой мѣстности любимый мужъ, милый ребенокъ, нѣсколько истинныхъ друзей...

Прѣсновъ.

Мужъ, ребенокъ — все это возможно; а истинныхъ друзей, душа моя, такъ мало.

Ѳома.

Мало, да, кромѣ того, я буду сторожемъ ходить кругомъ дачи и, изъ любви къ человѣчеству, гонять истинныхъ друзей, — особенно молодыхъ, чтобы изъ нихъ кого нибудь не женили.

Прѣсновъ.

Гдѣ взять много; хорошо бы хоть одного истиннаго друга!

Вѣра.

Такого, какъ Гуляевъ, про котораго ты мнѣ такъ часто говоришь.

Ѳома.

Какой такой Гуляевъ?

Прѣсновъ.

Вы его не знаете; вы были съ эскадрой въ другомъ полушаріи, когда я съ нимъ познакомился. Да, это былъ искренній другъ. Но вотъ ужъ два года, пропалъ безъ вѣсти.

Вѣра.

Какъ это странно!

Прѣсновъ.

Да, онъ вдругъ исчезъ, не простившись ни съ кѣмъ. Я его искалъ, вездѣ разспрашивалъ, — все напрасно... И я ужъ не надѣюсь...

Вѣра.

Ну, довольно, я вижу, что этотъ разговоръ тебя разстраиваетъ.

Прѣсновъ.

Я объ немъ часто думаю... У него было прекрасное сердце, и ты бы его полюбила... Были у него и недостатки, какъ у

всѣхъ насъ, но были и свои достоинства. Воспріимчивый, добрый малый, немного слабъ былъ характеромъ, но единственно по добротѣ. Онъ любилъ иногда оригинальничать, но самъ же первый смѣялся надъ собой. Веселый, живой, способный скоро увлечься, а главное неизмѣнно преданный. Онъ постоянно жилъ для другихъ и забывалъ о себѣ.

Вѣра.

Да, мой другъ, это очень рѣдкія качества.

Прѣсновъ.

Я подобнаго характера и не знаю, развѣ вотъ у твоей сестры. Ахъ, если-бъ онъ былъ здѣсь...

Ѳома.

Ахъ, если-бъ его не было!

Вѣра.

Его и такъ нѣтъ, не бойтесь!

Прѣсновъ.

Позвольте намъ хоть помечтать, дядюшка. (*Входитъ Прокофій.*) Что тебѣ?

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Прѣсновъ, Вѣра, Ѳома Ѳомичъ *и* Прокофій.

Прокофій.

Васъ, сударь, кто-то спрашиваетъ.

Прѣсновъ.

Мнѣ теперь некогда. Кто такой?

Прокофій.

Вотъ, мнѣ карточку дали. (*Подаетъ карточку.*) Не насчетъ ли квартиры?

Прѣсновъ.

Боже мой! Гуляевъ! Скажите пожалуйста!

Вѣра.

Неужели это онъ, твой другъ?

Прѣсновъ.

Проси скорѣй! Гуляевъ! А мы только-что объ немъ говорили. (*Бѣжитъ къ двери.*) Вотъ онъ! (*Входитъ Гуляевъ. Прокофій уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Прѣсновъ, Вѣра, Ѳома Ѳомичъ *и* Гуляевъ.

Гуляевъ (*обнимая Прѣснова*).

Вотъ онъ!

Прѣсновъ.

Наконецъ-то я увидалъ тебя!

Гуляевъ (*замѣтя Вѣру*).

Mais pardon...

Прѣсновъ.

Жена моя.

Гуляевъ.

Какъ, эта дама...

Прѣсновъ.

Жена моя, жена! (*Гуляевъ оглядываетъ комнату.*) Чего ты ищешь?

Гуляевъ.

Ничего, ничего. (*Въ сторону.*) Гдѣ же блондинка?

Прѣсновъ.

Ну, позволь же, я тебя познакомлю. (*Жент.*) Василій Николаевичъ Гуляевъ. (*Гуляеву.*) Жена моя Вѣра Петровна. А этотъ почтенный человѣкъ—дядюшка мой, Ѳома Ѳомичъ. (*Гуляевъ подастъ руку Ѳомѣ Ѳомичу.*)

Ѳома (*со вздохомъ*).

Ахъ, молодой человѣкъ!

Гуляевъ.

Я не думалъ встрѣтить тебя женатымъ.

Прѣсновъ.

Ты не думалъ; а я вотъ, слава Богу, женатъ.

Ѳома.

А я, слава Богу, не женатъ, молодой человѣкъ.

Прѣсновъ.

Это тебѣ нисколько не помѣха. Мы оба будемъ любить тебя.

Гуляевъ.

Благодарю... (*Въ сторону.*) Гдѣ же блондинка?

Прѣсновъ.

Ты, пожалуйста, не стѣсняйся. Въ нашихъ отношеніяхъ ничего не измѣнилось, будемъ свободны по-старому, жена намъ позволяетъ. Поговоримъ о тебѣ. Что ты сдѣлалъ? Откуда явился? (*Садятся: Вѣра на диванѣ подлѣ Ѳомы Ѳомича, Прѣсновъ сзади стола, Гуляевъ съ лѣвой стороны стола.*)

Гуляевъ.

Я объѣхалъ весь свѣтъ: былъ въ Испаніи, въ Египтѣ, въ Турціи, немного въ Индіи и много въ другихъ мѣстахъ.

Прѣсновъ.

Что же ты намъ поразскажешь?

Гуляевъ.

Видѣлъ много, а разсказывать нечего; а открытія мои, признаюсь, хуже твоихъ.

Прѣсновъ.

Ну, я тебя предупреждаю: жена комплиментовъ не любитъ.

Вѣра.

Говорите проще, мнѣ будетъ гораздо пріятнѣе. Мужъ мнѣ такъ часто и много говорилъ объ васъ, что я ужъ привыкла считать себя вашей старой знакомой. Я прошу васъ точно также относиться ко мнѣ. (*Протягиваетъ руку.*)

Гуляевъ (*подходитъ и беретъ руку*).

Это ужъ слишкомъ для меня, — я такъ тронутъ: вы меня извините, если...

Прѣсновъ.

Не безпокойся. (*Гуляевъ садится.*)

Ѳома.

Да, вы не безпокойтесь!

Гуляевъ (*Прѣснову, тихо*).

Я немножко не понимаю твоего дядюшку.

Прѣсновъ (*тихо*).

Поймешь послѣ, онъ добрый чудакъ. (*Громко.*) Но представьте себѣ, въ ту самую минуту, какъ мы говорили, что намъ, для полнаго счастія, недостаетъ только тебя, мнѣ подали твою карточку.

Гуляевъ.

Сколько разъ и я вспоминалъ о тебѣ. Но на что же я вамъ? Вы и такъ счастливы, вы другъ друга любите.

Прѣсновъ.

Такъ что же?

Гуляевъ.

Въ такомъ случаѣ третій—часто лишній.

Прѣсновъ.

Когда ты будешь лишній, мы тебя прогонимъ.

Гуляевъ.

Правда?

Прѣсновъ.

Будь увѣренъ.

Вѣра.

Разговаривайте, господа, а у меня есть дѣло. (*Встаетъ.*)

Гуляевъ (*встаетъ*).

Не уйти ли и мнѣ?

Вѣра.

Зачѣмъ? Вы меня извините, что я веду себя съ вами попросту. (*Мужу.*) Меня сестра дожидается, намъ нужно кой-что приготовить.

Прѣсновъ (*Гуляеву*).

Да, въ самомъ дѣлѣ, ты кстати пріѣхалъ: у насъ послѣзавтра годовщина нашей свадьбы. Мы потанцуемъ; если успѣемъ переѣхать на дачу,—такъ на дачѣ; а то здѣсь.

Вѣра.

Мы разсчитываемъ также и на васъ: вы не откажетесь, неправда ли? (*Мужу.*) Когда мы кончимъ, мы придемъ за тобой, чтобы ѣхать вмѣстѣ. (*Гуляеву.*) Я не говорю вамъ прощайте, а до свиданія. (*Ѳомѣ Ѳомичу.*) Дядюшка!

Прѣсновъ.

Не тронь его, онъ спитъ, онъ такъ усталъ.

Ѳома (*просыпаясь*).

А?

Вѣра.

Наймите намъ дачу, какая вамъ понравится, и дайте задатокъ.

Ѳома.

Хорошо. (*Засыпаетъ. Вѣра уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Прѣсновъ, Ѳома Ѳомичъ *и* Гуляевъ.

Прѣсновъ (*Гуляеву, который подходитъ къ окну*).

Что ты тамъ смотришь?

Гуляевъ.

Я считаю этажи... Ты во второмъ?

Прѣсновъ.

Да.

Гуляевъ.

Такъ это здѣсь. Я тебѣ объясню послѣ. Ну, какъ твои дѣла?

Прѣсновъ.

Нѣтъ, прежде о твоихъ. Разскажи мнѣ, какимъ образомъ ты вдругъ скрылся на цѣлыхъ два года, — и никого не предупредилъ, даже и меня.

Гуляевъ.

Да, я виноватъ передъ тобой, извини меня... но мнѣ не было времени... обстоятельства были такъ важны... такая опасность грозила мнѣ.

Прѣсновъ.

Опасность?

Гуляевъ.

Ужасная... меня хотѣли женить.

Ѳома.

А, вотъ оно что! (*Гуляевъ на него смотритъ.*)

Прѣсновъ.

Онъ, должно быть, во снѣ.

Ѳома (*встаетъ съ дивана*).

Какъ не во снѣ!

Прѣсновъ (*Гуляеву*).

Неужели правда? И ты бѣжалъ въ Индію?

Гуляевъ.

Убѣжишь. Я говорю тебѣ, что меня хотѣли женить. Ты меня знаешь, я человѣкъ слабый, защититься я не въ силахъ;

я испугался за свою свободу, дорогую свободу... И давай Богъ ноги.

Ѳома.

И разчудесно.

Прѣсновъ.

У тебя все еще старыя идеи, которыя ты прежде мнѣ проповѣдывалъ.

Гуляевъ.

Да, я ненавижу супружества... Но я проповѣдывалъ въ пустынѣ, всетаки ты, бѣднякъ, попался. А мы еще говоримъ, что живемъ въ вѣкъ прогресса: освобождаемъ рабовъ, а сами охотой идемъ въ рабы, т. е. женимся.

Ѳома.

Браво! Ну, браво! Вотъ оно...

Прѣсновъ.

Бракъ — старый обычай, даже очень старый, я согласенъ; но всетаки хорошій.

Гуляевъ.

Всѣ мужья такъ говорятъ; они нарочно скрываютъ свои раны, чтобъ не испугать новобранцевъ.

Ѳома.

Такъ, такъ... Вотъ оно! Вотъ какъ умные-то люди говорятъ.

Прѣсновъ.

Но вѣдь и женщины согласны съ нами.

Гуляевъ.

Ну, да какъ же имъ не соглашаться! Ты знаешь, для чего онѣ выходятъ замужъ?

Прѣсновъ.

Чтобы имѣть хозяйство, дѣтей.

Гуляевъ.

Совсѣмъ нѣтъ! Чтобъ имѣть слугу — мужа, — лакея, раба, который все обязанъ дѣлать, что его ни заставь.

Ѳома (*Прѣснову*).

Вотъ, слышишь, слышишь! Теперь я не боюсь за васъ, благородный молодой человѣкъ. Позвольте васъ поцаловать. (*Цалуетъ Гуляева.*) Я вамъ другъ на всю жизнь, я теперь

отъ васъ не отстану,—я буду заходить къ вамъ каждый день, утверждать васъ и самъ утверждаться въ вашихъ правилахъ. А теперь я могу отправиться нанимать дачу, совершенно покойный на вашъ счетъ, васъ не обманутъ. Прощайте! (*Уходитъ.*)

Прѣсновъ.

Поздравляю тебя съ союзникомъ! Но послушай, развѣ ты не вѣришь, что есть женщины добрыя, милыя, добродѣтельныя?

Гуляевъ.

Увы! Добродѣтельныхъ много.

Прѣсновъ.

Къ чему же „увы"?

Гуляевъ.

Охъ! Добродѣтель ихъ очень дорого обходится, — добродѣтельная женщина почти всегда имѣетъ дурной характеръ, но и вообще у всѣхъ женщинъ одна только страсть: властвовать и еще властвовать.

Прѣсновъ.

А мужчины, какъ бараны, знаютъ только одно: повиноваться и повиноваться. Видимо, до какого вздора ты договорился. Я тебѣ скажу про себя: я очень счастливъ, потому что моя Вѣра...

Гуляевъ.

Прекрасная, я съ этимъ согласенъ; но всетаки она женщина.

Прѣсновъ.

И нисколько не думаетъ властвовать.

Гуляевъ.

И ты свободенъ также, какъ и до свадьбы?

Прѣсновъ.

Совершенно.

Гуляевъ.

Ты уходишь, приходишь, когда хочешь?

Прѣсновъ.

Конечно. И не имѣю никакой надобности спасаться въ Индіи. Ну, а ты что сдѣлалъ со своей золотой свободой?

Гуляевъ.

Почти ничего. Свободенъ, и только.

Прѣсновъ.

Иногда скучаешь?

Гуляевъ.

Да, бываетъ.

Прѣсновъ.

А я не скучаю.

Гуляевъ.

Тѣмъ лучше. Я не люблю брака, но я люблю тебя, полюблю твою жену, твоего ребенка... я вижу, что ты доволенъ; до остальнаго мнѣ дѣла нѣтъ.

Прѣсновъ.

И прекрасно. Но какъ ты нашелъ мою квартиру? (*Садятся на диванъ.*)

Гуляевъ.

Я тебя давно ищу по Петербургу, и только сегодня удалось...

Прѣсновъ.

Какимъ образомъ?

Гуляевъ.

А вотъ видишь ли, квартиры стали очень дороги. За свою прежнюю дрянную квартиру я платилъ шестьсотъ рублей; а теперь хозяинъ проситъ за нее тысячу; ну, я, чтобъ его не обидѣть, сталъ искать въ другомъ мѣстѣ. И нанялъ противъ тебя.— гляди, вонъ этажъ.

Прѣсновъ.

Третій?

Гуляевъ.

Третій. А ты во второмъ... я очень часто въ этомъ окнѣ видалъ очаровательную дѣвушку, лѣтъ семнадцати, блондинку.

Прѣсновъ.

Эта сестра моей жены, Маша.

Гуляевъ.

Сестра твоей жены?

Прѣсновъ.

Добрая, милая дѣвушка.

Гуляевъ.

И блондинка. Съ нѣкоторыхъ поръ черные волосы мнѣ не-

пріятны... я имѣю на то свои причины... ты не подумай... я смотрѣлъ такъ, машинально.

Прѣсновъ.

Что-жъ, тутъ ничего дурнаго нѣтъ.

Гуляевъ.

Я думаю. Сегодня я вдругъ вижу профиль, правда, не такой граціозный, но твой, — бросаюсь черезъ улицу, и совершенно счастливъ, что наконецъ нашелъ тебя!

Прѣсновъ.

Однако причина тому, что мы свидѣлись, все-таки Маша. Я ее поблагодарю, и ты поблагодари; ты будешь съ ней танцовать послѣ-завтра.

Гуляевъ.

Пожалуй; но мнѣ собственно нужно одного тебя; приходи ко мнѣ сегодня на холостой обѣдъ вспомнить старину.

Прѣсновъ.

Невозможно, мой другъ. Я сегодня у тёщи.

Гуляевъ (*встаетъ*).

Что я говорилъ? Вотъ она, цѣпь-то супружества... я обѣдаю у тёщи.

Прѣсновъ.

Но ты понимаешь...

Гуляевъ.

Очень хорошо! Завтра у дяди, потомъ у тётки, потомъ жена въ гости, у сына зубы рѣжутся...

Прѣсновъ.

Будь по-твоему, не станемъ спорить! Но вѣдь ты свободенъ?

Гуляевъ.

Какъ птица.

Прѣсновъ.

Такъ не оставляй насъ. Мы ѣдемъ прокатиться на острова.

Гуляевъ.

Хорошо... но мнѣ нужно сбѣгать домой, я жду письма по одному серьезному дѣлу: у меня, мой другъ, есть важная забота, о которой поговоримъ послѣ. (*Прокофій входитъ.*)

Прокофій.

Барыня велѣла сказать, что онѣ черезъ десять минутъ будутъ готовы.

Гуляевъ.

Ну, положимъ, черезъ двадцать,—этого для меня довольно.

Прѣсновъ.

Не опоздай!

Гуляевъ.

Не бойся, я вѣдь не на привязи, я свободенъ. До свиданія! (*Уходитъ. Прокофій отворяетъ ему дверь и возвращается.*)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Прѣсновъ *и* Прокофій.

Прокофій.

Будете, сударь, одѣваться?

Прѣсновъ.

Нѣтъ, я такъ поѣду. Дай мнѣ шляпу!

Прокофій (*ищетъ шляпу*).

Это, сударь, вашъ знакомый?

Прѣсновъ.

Да, и очень близкій. Куда я дѣлъ перчатки?

Прокофій.

Онъ, сударь, живетъ насупротивъ насъ.

Прѣсновъ.

Я знаю.

Прокофій (*подавая шляпу*).

Перчатки въ шляпѣ-съ.

Прѣсновъ.

Подай палку!

Прокофій (*ищетъ палку*).

А барыню-то, вы, сударь, знаете?

Прѣсновъ.

Что ты врешь! Какую барыню? Онъ не женатъ.

Прокофій.

Я знаю, что не женатъ-съ.

Прѣсновъ.

Скоро ли ты?

Прокофій.

Да я не знаю, гдѣ палка-съ.

Прѣсновъ.

Кто тебѣ сказалъ про барыню?

Прокофій.

Я вѣдь, сударь, ничего про нихъ дурнаго... (*Увидавъ палку у окна.*) Вотъ она-съ.

Прѣсновъ (*смотритъ въ окно*).

Кто?

Прокофій.

Палка-съ. (*Подаетъ.*)

Прѣсновъ.

Ты, Прокофій, не сплетничай, я не люблю...

Прокофій.

Я, сударь, никогда. Только-что развѣ... у нихъ вотъ швейцаръ мнѣ землякъ, такъ иногда разговоримся мимоходомъ, когда зачѣмъ пошлете.

Прѣсновъ.

Оттого-то тебя никогда и не дождешься, что ты разныя сплетни слушаешь.

Прокофій.

Да, окромя того, я самъ ее видалъ сколько разъ въ окно... она говоритъ такъ громко, что нехотя остановишься да взглянешь.

Прѣсновъ.

Ты видалъ отсюда? Развѣ она живетъ...

Прокофій.

Съ нимъ, сударь... я думалъ, что она жена ихняя... потому приказываетъ себя звать госпожей Гуляевой.

Прѣсновъ.

Она носитъ его фамилію?

Прокофій.

Да-съ. А баринъ холостой; такъ ужъ это какъ-же-съ? А вотъ, если раскричится...

Прѣсновъ.

Какъ раскричится?

Прокофій.

А когда разсердится... А коли ужъ очень, такъ ужъ тутъ все бить, что подъ руку попало.

Прѣсновъ.

Еще лучше!

Прокофій.

Это говоритъ хорошо, для успокоенія нервъ.

Прѣсновъ.

Возможно ли?

Прокофій.

Ужъ это, сударь, вѣрно. Вотъ въ послѣдній разъ двѣнадцать тарелокъ да миску. Я тогда убиралъ вашъ кабинетъ... вонъ тамъ въ третьемъ этажѣ.

Прѣсновъ.

Ну, довольно!

Прокофій.

Да, жаль, сударь... Г. Гуляевъ такой прекрасный баринъ...

Прѣсновъ.

Я не люблю никакихъ исторій, ты береги ихъ про-себя. Слышишь?

Прокофій.

Слушаю-съ.

Прѣсновъ.

Ступай! (*Прокофій уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Прѣсновъ, *потомъ* Вѣра *и* Машенька.

Прѣсновъ.

У него женщина... Гуляевъ... онъ такъ любитъ приличіе... и какая женщина! Надъ которой смѣются лакеи, которая кричитъ, колотитъ посуду. (*Входятъ: Вѣра и Машенька съ картономъ, который ставятъ на столъ.*)

Вѣра.

Мы готовы, мой другъ.

Прѣсновъ.

Проворно.

Вѣра.

Что это, упрекъ?

Машенька.

Или эпиграмма?

Прѣсновъ.

Ни то, ни другое. Я самъ хочу просить у васъ извиненія, что не готовъ, т. е. я жду Гуляева, который хотѣлъ съ нами ѣхать.

Вѣра.

Онъ поѣдетъ?

Прѣсновъ.

Не напрасно ли я его пригласилъ, душа моя?

Вѣра.

Нисколько.

Машенька *(открывая картонъ.*

Въ ожиданіи вашего друга, посмотрите мою покупку.

Прѣсновъ.

Цвѣты?

Машенька.

Вѣнокъ для твоей жены... Вѣра не хвалитъ... Скажите, кто это г. Гуляевъ: знаю я его или нѣтъ? *(Прѣсновъ садится на диванъ.)*

Вѣра.

Нѣтъ, это другъ мужа, онъ недавно пріѣхалъ изъ Турціи, изъ Индіи, ужъ не знаю откуда и сразу меня обидѣлъ.

Прѣсновъ.

Тебя?

Вѣра.

Я шучу. (*Машенькѣ.*) Представь себѣ: онъ думалъ, что Jean еще холостой и, увидавъ меня, вытаращилъ глаза... (*Мужу.*) Между нами, онъ порядочный оригиналъ. (*Машенькѣ.*) Но, кажется, у него доброе сердце.

Прѣсновъ.

Это справедливо.

Машенька *(вынувъ вѣеръ).*

Нравится тебѣ?

Прѣсновъ.

Я въ этомъ ничего не понимаю... для меня только то и хорошо, что жена носитъ. Подожди Гуляева, онъ знатокъ тонкій.

Машенька.

Въ такомъ же родѣ, вѣроятно; онъ хвалитъ прическу только на тѣхъ дамахъ, которыя ему нравятся.

Прѣсновъ.

Нѣтъ, онъ человѣкъ со вкусомъ. А вотъ и доказательство: онъ спрашивалъ меня, что за прелестное созданіе онъ часто видитъ здѣсь у окна.

Вѣра.

Ты заставляешь ее краснѣть.

Машенька.

Я знаю, зачѣмъ онъ говоритъ комплименты... онъ хочетъ загладить вину своего друга, который заставляетъ насъ дожидаться... Но вы оба его что-то ужъ очень хвалите. *(Садится. Входитъ Прокофій, потомъ Гуляевъ.)*

Прокофій.

Господинъ Гуляевъ. *(Всѣ встаютъ.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Прѣсновъ, Вѣра, Машенька и Гуляевъ.

Прѣсновъ.

Поскорѣй!

Гуляевъ *(кланяясь).*

Извините!

Прѣсновъ.

Хорошо, хорошо,—намъ пора, поѣдемъ!

Гуляевъ.

Вотъ что...

Прѣсновъ *представляетъ ее Машенькѣ, которая переноситъ цвѣты на маленькій столикъ къ окну.*

Моя belle soeur.

Гуляевъ *(кланяясь).*

Ахъ! (*Въ сторону.*) Это она!

Прѣсновъ.

Ты въ своей медленности извинишься передъ ней дорогой.

Гуляевъ *(въ замѣшательствѣ).*

Я въ отчаяніи, но... дѣло... безотлагательное...

Прѣсновъ.

Тебя задержало... ничего... дамы простятъ.

Гуляевъ.

Нѣтъ, къ несчастію... я не могу.

Прѣсновъ.

Какъ не можешь?

Гуляевъ.

Я такъ радъ былъ твоему приглашенію!... но я забылъ, что мнѣ нѣтъ времени.

Вѣра.

Вы не можете съ нами ѣхать?

Прѣсновъ.

Вѣдь ты мнѣ обѣщалъ... откажись отъ своего дѣла.

Гуляевъ.

Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно!... Это можетъ имѣть непріятныя послѣдствія.

Прѣсновъ.

Да, помню, важная забота, о которой ты мнѣ намекнулъ.

Гуляевъ.

Да, да! Она часто меня задерживаетъ.

Прѣсновъ.

Кто, она?

Гуляевъ.

Эта забота... я боюсь, что и послѣ-завтра...

Прѣсновъ.

Ты не будешь у насъ! Ну, ужъ этого я тебѣ не прощу никогда.

Вѣра.

У насъ будутъ всѣ наши друзья...

Прѣсновъ.

Да какъ же? Я обѣщалъ Машенькѣ, что ты будешь танцовать съ ней.

Гуляевъ.

Непремѣнно, если могу...

Прѣсновъ.

Ты можешь; я этого желаю.

Вѣра.

Нечего дѣлать, надо отъ васъ отказаться. (*Машенькѣ.*) Ты убрала цвѣты?

Гуляевъ (*въ сторону*).

Вблизи она еще лучше.

Прѣсновъ (*въ сторону*).

Это странно.

Вѣра (*Гуляеву*).

Мужъ говоритъ, что вы большой знатокъ,—что вы скажете объ этомъ вѣнкѣ?

Прѣсновъ.

Это вкусъ Марьи Петровны.

Гуляевъ.

Очаровательно!

Вѣра.

Вы были въ Турціи и должны знать языкъ цвѣтовъ.

Гуляевъ.

Знаю очень хорошо, и если вамъ угодно...

Прѣсновъ.

А какъ же твое дѣло?

Гуляевъ.

Часъ, или полчаса, я могу быть совершенно свободенъ. (*Садится къ столу. Входитъ Прокофій.*)

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Прокофій (*Гуляеву*).

Васъ, сударь, спрашиваютъ.

Прѣсновъ.

Кто?

Прокофій.

Одна особа, которая... Она тамъ внизу-съ.

Прѣсновъ.

Какъ, она...

Прокофій.

Она, особа-съ... она очень кричитъ.

Гуляевъ (*быстро встаетъ*).

Что такое? Что такое?

Прѣсновъ.

Одна особа желаетъ тебя видѣть.

Прокофій.

И сердится-съ.

Гуляевъ (*смущенный*).

Ахъ, я знаю! да, это мой повѣренный.

Прокофій.

Онъ пришелъ за вами.

Вѣра.

Проси сюда!

Гуляевъ.

Нѣтъ, нѣтъ! Нѣтъ, нѣтъ! Скажи ему, что сейчасъ буду сію минуту. (*Прокофій уходитъ.*)

Вѣра.

А что-жъ языкъ цвѣтовъ?

Гуляевъ.

Въ другое время; извините... эти люди такіе...

Прѣсновъ.

Да, я знаю ихъ; тебѣ надо идти скорѣе...

Вѣра.

Приходите послѣ-завтра!

Прѣсновъ.

Вѣдь ты совершенно свободенъ.

Гуляевъ.

Да, да... послѣ-завтра! (*Кланяется.*) Madame, mademoiselle.

Прокофій.

Повѣренный выходитъ изъ себя-съ. (*Гуляевъ убѣгаетъ.*)

(*Занавѣсъ.*)

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Квартира Гуляева.

Кабинетъ. У задней стѣны каминъ, съ правой стороны, на заднемъ планѣ, библіотека, съ лѣвой, на заднемъ планѣ, окно. Двери справа и слѣва; посреди комнаты, нѣсколько направо, конторка. Между окномъ и дверью, съ лѣвой стороны, письменный столъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Гуляевъ (*выходитъ изъ двери направо и говоритъ въ растворенную дверь.*

А! Вы не хотите пустить меня? Вы не хотите? Нѣтъ? Такъ я уйду... вотъ сейчасъ уйду... Будетъ съ васъ и того, что вы вчера осрамили меня; утащили меня отъ лучшаго моего друга. И зачѣмъ? Зачѣмъ? я васъ спрашиваю! Затѣмъ, чтобъ ѣхать на Невскій, хвастаться вашимъ неприличнымъ нарядомъ. (*Заглядываетъ въ дверь.*) Что вы говорите? (*Дверь захлопываютъ ему передъ самымъ носомъ.*) Ей нечего отвѣчать... Нѣтъ, она знаетъ, что я умѣю поставить на своемъ, если захочу. Ну, а мнѣ только этого и надо, потому что, въ сущности, мнѣ уходить незачѣмъ. Только-бъ она уступила мнѣ, и довольно... вѣдь она не зла. (*Прислушивается.*) Вотъ принялась все бросать... это нервы... это пройдетъ... Въ самомъ дѣлѣ, лучше остаться, а то она сдѣлаетъ мнѣ сцену, когда я вернусь... Конечно, такая причина меня не остановила бы... но вѣдь скучно... Къ тому же мнѣ очень нужно писать письма. (*Слушаетъ.*) Она молчитъ... Имѣя твердость въ характерѣ, съ женщиной можно все сдѣлать, что захочешь... (*Садится передъ конторкой.*) Однако надо писать...

Кто-то звонитъ... Кому бы мнѣ написать? Вотъ ужъ не припомню... Хорошо бы написать г-ну Цвѣткову, отъ котораго зависитъ мое дѣло. Онъ долженъ былъ отвѣтить мнѣ тогда же, а я вотъ уже четыре дня жду отвѣта. (*Звонятъ сильнѣе.*) Чортъ возьми! Тамъ кто-то выходитъ изъ терпѣнія... Да, случайные люди всегда таковы, щедры только на обѣщанія. (*Слышатся голоса за дверью налѣво.*) Какъ громко говорятъ! Что? Меня дома нѣтъ. (*Встаетъ и идетъ къ двери.*) Что такое? Кого нужно? (*Отворяетъ дверь, входитъ Пресновъ.*) А, Пресновъ!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Гуляевъ *и* Пресновъ.

Пресновъ.

Ты велѣлъ говорить, что тебя дома нѣтъ?

Гуляевъ (*въ дверь*).

Зачѣмъ ты это сказала? (*Дверь затворяется.*)

Пресновъ.

Она увѣряла меня, что тебя нѣтъ дома.

Гуляевъ.

Какъ же она смѣла!... (*Въ сторону.*) Опять ея штуки.

Пресновъ.

Значитъ, ты не давалъ такого приказанія?

Гуляевъ.

Конечно, нѣтъ!... Или, по крайней мѣрѣ, вышло недоразумѣніе! Я только сказалъ, что запрусь писать письма. Для тебя я всегда дома... если-бъ ты сказалъ заранѣе.

Пресновъ.

Да я и не думалъ быть у тебя; мнѣ нужно много ѣздить по случаю завтрашняго вечера.

Гуляевъ.

Ахъ, да... Садись, пожалуйста.

Пресновъ.

Да, отдохнуть надо, я избѣгалъ весь Петербургъ. (*Садится.*)

Гуляевъ.

Исполняя приказанія.

Прѣсновъ.

Ужъ такова участь мужей.

Гуляевъ.

Мороженое, пирожное... фрукты.

Прѣсновъ.

Музыканты.

Гуляевъ.

Цвѣты и такъ далѣе.

Прѣсновъ.

Вѣдь ты самъ говорилъ вчера про насъ, бѣдныхъ мужей, что мы слуги, рабы.

Гуляевъ.

Неужели ты сердишься на меня за это?

Прѣсновъ.

И не думалъ. Ты видишь, что я укрываюсь у тебя, пришелъ искать немножко свободы.

Гуляевъ.

Ну, отдохни, бѣдный рабъ! Не хочешь ли сигару?

Прѣсновъ.

Нѣтъ, благодарю.

Гуляевъ.

Значитъ не велѣно?

Прѣсновъ.

О, нѣтъ!

Гуляевъ.

То есть запрещено, да не очень строго.

Прѣсновъ.

А ты не пользуйся своими привиллегіями! Конечно, ты совершенно свободный человѣкъ, оттого-то я не вѣрю твоей вчерашней угрозѣ.

Гуляевъ.

Какой угрозѣ?

Прѣсновъ.

Не быть у меня на балу.

Гуляевъ.

Ахъ, извини! (*Беретъ его за руку.*) Я боюсь, что дѣла..

Прѣсновъ.

Какія дѣла въ десять часовъ вечера?

Гуляевъ.

Иногда случаются... Нѣтъ, ты не говори...

Прѣсновъ.

Послушай! Одно только и можетъ быть: Аглая тебя не пуститъ.

Гуляевъ.

Какъ? Что ты говоришь?

Прѣсновъ.

Я говорю: не пуститъ Аглая.

Гуляевъ.

А, ты знаешь все?

Прѣсновъ.

Очень хорошо... по слухамъ: про нее много говорятъ.

Гуляевъ.

Развѣ говорятъ? (*Въ сторону.*) Стоило мѣнять квартиру.

Прѣсновъ.

Объ ней говорятъ много хорошаго.

Гуляевъ.

Неужели?

Прѣсновъ.

Много.

Гуляевъ (*въ сторону*).

Удивительно! (*Громко.*) Всетаки скажи откровенно, когда ты услыхалъ о ней, тебѣ показалось страннымъ?

Прѣсновъ.

Совсѣмъ нѣтъ. Ты твердъ въ своихъ принципахъ, ты не женатъ.

Гуляевъ.

Нѣтъ, нѣтъ! Я ничѣмъ не связанъ, не давалъ никакой клятвы.

Прѣсновъ.

Ты можешь съ ней говорить рѣшительно, ты господинъ у себя.

Гуляевъ.

Могу.

Прѣсновъ.

Можешь даже разорвать...

Гуляевъ.

Что разрывать! Я ничѣмъ не связанъ, никакой цѣпи. Но, скажи мнѣ, правда ли, что объ ней отзываются хорошо?

Прѣсновъ.

Да, во-первыхъ говорятъ, что она красавица.

Гуляевъ.

Правда, она не дурна: греческій носъ, большіе, прекрасной формы глаза, чорные волосы, фигура.

Прѣсновъ.

Говорятъ, что умна.

Гуляевъ.

Очень... природный умъ, знаешь ли... Есть тоже кой-какіе таланты: она недурно барабанитъ на фортепьяно... характеръ у ней...

Прѣсновъ.

Тоже хвалятъ...

Гуляевъ (*забывшись*).

Ну вотъ еще! Не можетъ быть.

Прѣсновъ.

Развѣ неправда?

Гуляевъ.

О, нѣтъ! Она очень смирна... нервная женщина, но очень смирна.

Прѣсновъ.

Впрочемъ, я подозрѣваю, что она немножко горяча.

Гуляевъ.

А, ты подозрѣваешь? Почему же?

Прѣсновъ.

Когда вчера она утащила тебя отъ насъ... вѣдь твой повѣренный былъ—она: Прокофій мнѣ говорилъ.

Гуляевъ (*вскакивая съ мѣста*).

При дамахъ?

Прѣсновъ.

Нѣтъ, мнѣ одному.

Гуляевъ.

Это всетаки лучше.

Прѣсновъ.

Изъ этого поступка я заключаю, что у ней есть тоже, какъ ты выражаешься, желаніе властвовать.

Гуляевъ (*прислонясь къ конторкѣ*).

Да, на первый взглядъ можетъ показаться, что она горяча, она очень жива... но за то добра... отличная дѣвушка... Вчера я самъ былъ неправъ, я обѣщалъ идти съ ней гулять, а когда обѣщаешь...

Прѣсновъ.

Надо исполнять; твоя правда.

Гуляевъ.

Мужчина не долженъ обижать женщину.

Прѣсновъ.

Да, если онъ не тиранъ; а ты вѣдь... не тиранъ.

Гуляевъ (*въ сторону*).

Смѣется онъ, что ли, надо мной? (*Громко.*) Ты не думай, что если человѣкъ не женатъ, такъ ужъ онъ и избавленъ отъ извѣстной предупредительности... Напротивъ, я обязанъ быть внимательнымъ къ Аглаѣ... она изъ семейства... уважаемаго... она мнѣ пожертвовала.

Прѣсновъ.

Своимъ положеніемъ въ свѣтѣ?

Гуляевъ.

Нѣтъ... но своей будущностію... по увлеченію, изъ любви.

Прѣсновъ.

Не спорю.

Гуляевъ.

Я въ ней такъ увѣренъ; притомъ же у меня то преимущество передъ мужьями, что мы ничѣмъ не связаны, и она во всякое время можетъ оставить меня, если ей будетъ угодно.

Прѣсновъ.

Въ васъ говоритъ сердце, а не разсчетъ... и къ тому же тобой не командуютъ, — а это главное. И потому я жду тебя завтра непремѣнно; въ противномъ случаѣ скажу, что Аглая... (*Стукъ въ дверь на лѣвой сторонѣ.*)

Гуляевъ.

Стучатъ.

Прѣсновъ.

Не она ли это? Ты что-то испугался.

Гуляевъ.

Я не испугался... она вошла бы, и...

Прѣсновъ.

Не постучавши.

Гуляевъ.

Но совсѣмъ не нужно было тебѣ говорить такъ громко. (*Опять стукъ.*)

Прѣсновъ.

Опять стучатъ.

Гуляевъ (*нѣсколько встревоженный*).

Войдите. (*Входитъ Прокофій съ письмомъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Гуляевъ, Прѣсновъ *и* Прокофій.

Прѣсновъ (*вставая*).

А, это Прокофій. (*Гуляеву.*) Я съ тобой безъ церемоній; чтобы поскорѣе отдѣлаться и пробыть у тебя подольше, я далъ ему нѣсколько порученій и позволилъ принести мнѣ отвѣтъ сюда.

Гуляевъ.

Будь, какъ дома.

Прѣсновъ.

Что-жъ, видѣлъ ты капельмейстера?

Прокофій.

Видѣлъ, сударь. Онъ говоритъ, что, если вы ему прибавите, у него насморкъ пройдетъ и онъ опять можетъ играть на скрипкѣ. Я обѣщалъ-съ, онъ придетъ.

Прѣсновъ.

Ну, и прекрасно. Это письмо ко мнѣ?

Прокофій (*подаетъ письмо Гуляеву*).

Нѣтъ, это къ нимъ-съ. Вамъ бы, сударь, его не получить, кабы не я.

Гуляевъ.

Это какже?

Прокофій.

Я былъ внизу, когда пришелъ почтальонъ.

Гуляевъ.

Ну что-жъ! Я и получилъ бы его.

Прокофій.

Можетъ, получили бы, а можетъ, и нѣтъ.

Гуляевъ.

Что за вздоръ ты говоришь!

Прѣсновъ.

Что ты хочешь этимъ сказать? (*Видя, что Прокофій колеблется.*) Говори же!

Прокофій.

Вотъ видите ли...

Прѣсновъ.

Ну!

Прокофій.

Какъ сказать-то-съ? Наше дѣло сторона.

Прѣсновъ.

Да ну же!

Гуляевъ (*въ сторону*).

Опять Аглая!

Прѣсновъ (*Прокофію*).

Ты, видно, опять съ земляком поговорилъ?

Прокофій.

Самую малость, сударь.

Прѣсновъ.

Ну, ужъ ты началъ, такъ разсказывай.

Гуляевъ.

Нѣтъ, не нужно. Я выше сплетень: мнѣ пріятнѣе ничего не слыхать.

Прѣсновъ.

Какъ хочешь... однако бываютъ случаи, когда все лучше знать.

Гуляевъ (*въ сторону*).

Чтобъ посмѣяться надо мной.

Прѣсновъ.

Ты какъ будто боишься объясненія?

Гуляевъ.

Я? Вотъ еще! Я ничего не боюсь, пусть его говоритъ.

Прокофій.

Прикажете, сударь?

Прѣсновъ.

Говори!

Прокофій.

Вотъ въ чемъ дѣло-съ: я былъ у швейцара, пришелъ почталіонъ, я говорю: „дайте мнѣ письмо, я иду наверхъ къ барину.“

Прѣсновъ.

И швейцаръ тебѣ отдалъ... Любопытная исторія!...

Прокофій.

Отдалъ, да не вдругъ-съ. Говоритъ: барыня разсердится.

Прѣсновъ.

Барыня?

Гуляевъ (*въ сторону*).

Я такъ и зналъ. Каждый день новыя штуки.

Прѣсновъ.

Значитъ, всѣ письма...

Прокофій.

Поступаютъ къ барынѣ; „таковъ, говоритъ, приказъ“. А я говорю: „Чей приказъ? Барыни? А баринъ, говорю, не приказывалъ.“ А онъ...

Гуляевъ (*съ сердцемъ*).

Кто проситъ тебя вмѣшиваться! (*Сдерживаясь.*) Я въ самомъ дѣлѣ приказалъ, не то чтобъ... но чтобъ письма отдавались кому нибудь изъ насъ.

Прѣсновъ (*перебивая его*).

Ты путаешься. (*Прокофію.*) Посиди въ передней, ты еще будешь нуженъ.

Прокофій.

Я, сударь, внизу подожду.

Прѣсновъ.

У швейцара? Нѣтъ останься въ передней, подожди меня!

Прокофій.

Слушаю-съ! (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Гуляевъ *и* Прѣсновъ.

Гуляевъ (*съ волненіемъ ходитъ по комнатѣ, взглядывая отъ времени до времени на Прѣснова, потомъ останавливается передъ нимъ*).

Прѣсновъ.

Напрасно ты принимаешь такой торжествующій видъ.

Гуляевъ.

Ты думаешь, что я не вижу тебя насквозь? Тебѣ очень хочется поймать меня на чемъ нибудь... А вотъ не на чемъ, потому что письма ничего не доказываютъ. Она хочетъ видѣть мои письма. Ну, такъ что-жъ? Нескромности съ ея стороны нѣтъ... она и читать-то не умѣетъ.

Прѣсновъ.

А! Я не зналъ...

Гуляевъ.

Тутъ одна любовь. Она меня очень любитъ, естественно, что и ревнуетъ. Она не можетъ отдавать себѣ отчета въ своихъ поступкахъ: она не воспитана, не знаетъ приличій, но... но... она добрая дѣвушка. Не случилось бы никакой бѣды безъ твоего Прокофья и безъ тебя: вы во всемъ виноваты.

Прѣсновъ.

Я виноватъ, что твои письма...

Гуляевъ.

Конечно. Я бы ничего не зналъ, а теперь вы заставляете меня сердиться...

Прѣсновъ.

И ты, для начала, сердишься на меня. Но оставимъ это. Прочти письмо, ты ждалъ отвѣта.

Гуляевъ.

Теперь ужъ поздно ждать. (*Прѣсновъ садится у камина. Гуляевъ распечатываетъ письмо и смотритъ подпись*) А! Это отъ того значительнаго лица, которое мнѣ покровительствуетъ... онъ пишетъ о моемъ дѣлѣ... отличное мѣсто!

Прѣсновъ.

Ну, читай!

Гуляевъ (*читаетъ*).

„Милостивый государь, я имѣлъ честь писать вамъ три дня тому назадъ, что ваша просьба была принята во вниманіе: я сообщилъ вамъ также, на какихъ условіяхъ и просилъ немедленно отвѣта. Молчаніе ваше заставляетъ меня заключить, что вы отказываетесь отъ этого дѣла". А? Каково! Все противъ меня!

Прѣсновъ.

Онъ говоритъ, что писалъ тебѣ.

Гуляевъ.

Да, три дня тому назадъ.

Прѣсновъ.

Ты получилъ письмо?

Гуляевъ.

Да нѣтъ же. Неисправность почты...

Прѣсновъ.

Погоди! Ты не бросилъ ли, не разорвалъ ли его нечаянно?

Гуляевъ.

Письмо, котораго я ждалъ съ такимъ нетерпѣніемъ! Что ты!

Прѣсновъ (*мѣшая въ каминѣ*).

Тутъ въ золѣ цѣлая куча бумагъ.

Гуляевъ (*живо*).

Поглядимъ.

Прѣсновъ (*вынимаетъ щипцами конвертъ*)

Посмотри: не оно ли?

Гуляевъ.

Тотъ же почеркъ.

Прѣсновъ.

Именно... И штемпель отъ 9-го числа.

Гуляевъ.

А сегодня 12-е.

Прѣсновъ.

Значитъ, оно получено три дня тому назадъ.

Гуляевъ.

Конвертъ пустъ.

Прѣсновъ.

Письмо должно быть сожжено.

Гуляевъ.

Это она сигару имъ раскуривала. (*Прѣсновъ дѣлаетъ движеніе.*) Ну, да! Боже мой!... она куритъ... О, если-бъ только это! (*Послѣ минутнаго молчанія, съ досадой бросаетъ письмо на конторку.*) Смѣйся надо мной, я того стою.

Прѣсновъ.

Я смѣяться надъ тобой не стану, ты это хорошо знаешь. Я понимаю всю затруднительность твоего положенія. Аглая можетъ имѣть недостатки, но у ней есть вѣдь также свои достоинства.

Гуляевъ.

Немного.

Прѣсновъ.

Какъ же не быть, если ты ее любишь.

Гуляевъ.

Да нѣтъ, я ее не люблю. Я самъ не знаю, какъ попалъ въ такое положеніе. Я былъ одинъ, скучалъ, встрѣтилъ ее... Это была связь, самая легкая; остальное просто: мало-по-малу я запутался... Но теперь она стала невыносима, и если-бъ не любовь ея ко мнѣ...

Прѣсновъ.

Ну, объ ней мы поговоримъ послѣ; сначала уладимъ твое дѣло. Надо устранить препятствія и сейчасъ же отправиться къ этому господину.

Гуляевъ.

Ты правъ: можетъ быть еще не все потеряно.

Прѣсновъ.

Что ты ищешь?

Гуляевъ.

Шляпу... Куда я ее поставилъ? А, на письменный столъ. (*Идетъ къ столу.*) Нѣтъ, я твердо помню, что поставилъ ее сюда.

Прѣсновъ.

Переставилъ куда-нибудь.

Гуляевъ (*взбѣшенный*).

Нѣтъ, я понимаю, что̀ это значитъ. Чтобъ помѣшать мнѣ уйдти изъ дому... то же самое было два дня тому назадъ.

Прѣсновъ.

Неужели она прячетъ твою шляпу?

Гуляевъ.

Да, вотъ до чего мы дошли! Но мѣра переполнилась, запирать мои письма, распечатывать мою шляпу... нѣтъ, жечь мою шляпу... нѣтъ... Я наконецъ покажу себя, я докажу ей...

Прѣсновъ.

Тебѣ это легко, ты неженатъ.

Гуляевъ.

Неженатъ.

Прѣсновъ.

Ты можешь дѣлать все, что хочешь...

Гуляевъ.

Да...

Прѣсновъ.

Пойди и возьми шляпу.

Гуляевъ (*быстро идетъ направо*).

Да, пойду, ты увидишь. (*Отворяетъ дверь.*)

Аглая (*за дверью съ досадой*).

Что тамъ такое?

Гуляевъ (*кротко*).

Другъ мой, не видала ли ты моей шляпы?

Аглая.

Да, видѣла... (*Гуляевъ входитъ, дверь затворяется.*)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Пѣсновъ (*одинъ*).

Пѣсновъ.

Онъ боится жениться, чтобъ не быть рабомъ? Бѣдный! Отказаться отъ порядочной дѣвушки, которая во всемъ ему пара, и попасть подъ команду кому же? Аглаѣ! Жалко! Гуляевъ парень добрый, онъ можетъ составить счастіе порядочной женщинѣ. Лучше бы было. (*Садится передъ конторкой.*) Посмотрѣть, отъ кого письмо. (*Смотритъ на письмо.*) Да, это мой другъ Цвѣтиковъ! Ну, такъ мы устроимъ дѣло: мнѣ стоитъ только повидаться съ нимъ. Я поѣду вмѣстѣ съ Гуляевымъ. (*Кричитъ въ дверь: „Прокофій!" Прокофій входитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Пѣсновъ *и* Прокофій.

Прокофій.

Звали, сударь?

Пѣсновъ.

Да. Тебѣ еще куда нибудь нужно, или нѣтъ?

Прокофій.

Къ кондитеру. Да это мнѣ одна минута.

Пѣсновъ.

Хорошо. Иди скорѣе, и на возвратномъ пути найми карету.

Прокофій.

Слушаю, сударь. Больше ничего не прикажете?

Пѣсновъ.

Скажи барынѣ, чтобъ она не ждала меня рано, у меня есть дѣло. Слышишь?

Прокофій.

Онѣ васъ подождали, подождали, да куда-то уѣхали. Какъ шумятъ-съ.

Прѣсновъ.

Не твое дѣло.

Прокофій.

Слушаю-съ.

Прѣсновъ.

Помни же!... И главное, не болтай съ швейцаромъ. Понимаешь?

Прокофій.

Понимаю-съ! (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Прѣсновъ, *потомъ* Гуляевъ.

Прѣсновъ (*одинъ*).

Я откажу Прокофью, я не хочу, чтобъ Гуляевъ краснѣлъ передъ нимъ. (*Прислушивается.*) Осмѣлился ли онъ, хватило ли у него храбрости поступить рѣшительно. (*Дверь отворяется.*) Ну, что?

Гуляевъ (*гордо выходитъ, на головѣ у него шляпа*).

Вотъ и шляпа!... Я ей показалъ себя... она поняла свою глупость и ужъ не будетъ больше...

Прѣсновъ.

Сегодня?

Гуляевъ.

Никогда. Она поклялась мнѣ... Въ сущности она...

Прѣсновъ.

Добрая дѣвушка...

Гуляевъ.

Только я взволнованъ немного...

Прѣсновъ.

Изъ-за шляпы-то?

Гуляевъ.

Нѣтъ... Ну, я не хочу скрывать, на меня женскія слезы производятъ сильное дѣйствіе.

Прѣсновъ.

Что такое?

Гуляевъ.

Ясное дѣло, она увидала, что я разсерженъ, серьезно разсерженъ.

Прѣсновъ.

Ты, конечно, не забылся до того, чтобъ... (*Поднимаетъ руку.*)

Гуляевъ.

О, нѣтъ! Но это такъ взволновало ее, такъ взволновало, что она перестала браниться.

Прѣсновъ.

И заплакала?

Гуляевъ.

Ну, да! Она такъ огорчилась, такъ огорчилась... Я увѣренъ, что теперь плачетъ бѣдная въ три ручья... (*Слышны звуки фортепьяно.*)

Прѣсновъ.

Она не дурно играетъ.

Гуляевъ (*въ сторону*).

Дура!

Прѣсновъ.

Изъ какой это оперы?

Гуляевъ.

Не знаю. Она это такъ, машинально...

Прѣсновъ.

Мотивъ не очень грустный! (*Встаетъ, беретъ палку и шляпу.*)

Гуляевъ.

Что ты дѣлаешь?

Прѣсновъ.

Я съ тобой поѣду вмѣстѣ.

Гуляевъ.

Ѣхать?

Прѣсновъ.

Да, вѣдь шляпа на тебѣ. Ты не называлъ мнѣ человѣка,

отъ котораго зависитъ твое дѣло; но я его знаю и могу все устроить для тебя. Поѣдемъ къ нему.

Гуляевъ.

Сегодня?

Прѣсновъ.

Да, теперь онъ дома. Я послалъ Прокофья нанять намъ карету.

Гуляевъ.

Благодарю тебя... но мнѣ... лучше бы отложить до завтра.

Прѣсновъ.

Испортить важное дѣло? Ужъ не она ли запретила тебѣ выходить изъ дому?

Гуляевъ.

Нѣтъ; но я не разсудилъ, что этотъ визитъ надо сдѣлать такъ скоро... Я самъ... чтобъ успокоить ее немножко... я ей сказалъ...

Прѣсновъ.

Что ты останешься дома?

Гуляевъ.

Что я останусь съ ней.

Прѣсновъ.

Прекрасно! Зачѣмъ же было выходить съ гордымъ видомъ, съ шляпой на головѣ? Торжествовать побѣду? Какъ это смѣшно! Вотъ такъ побѣда!

Гуляевъ.

Побѣда! Но вѣдь съ каждой стороны должна быть уступка. Ты то же бы сдѣлалъ.

Прѣсновъ.

Нѣтъ. Я мужъ, я рабъ, но меня не запираютъ дома.

Гуляевъ.

Зачѣмъ преувеличивать?

Прѣсновъ.

Докажи, что я преувеличиваю. (*Входятъ: Прокофій и Ѳома Ѳомичъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Гуляевъ, Прѣсновъ, Ѳома Ѳомичъ *и* Прокофій.

Прокофій.

Карета у подъѣзда-съ.

Прѣсновъ *(тихо Гуляеву).*

Не говори ничего при дядюшкѣ.

Ѳома.

Что вы шепчетесь? Знаю, знаю.

Гуляевъ.

Что же вы знаете?

Ѳома.

Все знаю. Вотъ эти дураки (*указывая на Прокофія*): прислуга наша и ваша смѣются, а я васъ уважаю. Вы, всетаки, свободный человѣкъ, нашъ братъ холостякъ.

Гуляевъ.

Благодарю васъ.

Ѳома.

Жаль, что я засталъ-то васъ на отъѣздѣ. (*Толкая его локтемъ.*) Вы бы меня познакомили.

Гуляевъ.

А вотъ садитесь въ кресло и подождите меня, мы на одну минуту, по дѣлу. Вотъ вамъ цѣлая библіотека.

Ѳома.

Хорошо. Я усядусь, усядусь. (*Беретъ книгу и садится.*)

Прѣсновъ.

Такъ ѣдемъ!

Гуляевъ.

Хорошо, ѣдемъ. (*Ищетъ чего-то.*)

Прѣсновъ.

Чего ты?

Гуляевъ.

Шляпу!

Прѣсновъ.

Она у тебя на головѣ. (*Прокофью.*) Отвори двери! (*Про-*

кофій идетъ къ двери. Слышно, какъ снаружи въ ней два раза повертывается ключъ.) Это что такое?

Прокофій.

Заперли насъ снаружи.

Гуляевъ (*у двери*).

Кто тамъ?

Горничная (*за дверью*).

Я, Катерина, горничная.

Гуляевъ.

Зачѣмъ ты запираешь?

Горничная.

Барыня приказала, она велѣла всѣ двери запереть.

Прѣсновъ.

Да, я теперь вижу, какъ она поняла, что виновата передъ тобой и не будетъ больше.

Гуляевъ.

Довольно! Пощади меня!

Прокофій.

Замокъ можно отвинтить; отверточка со мной. (*Ѳома Ѳомичъ встаетъ.*)

Прѣсновъ.

Отвинчивай живѣе!

Гуляевъ.

Нѣтъ, я поговорю съ ней по-своему. (*Хочетъ идти.*)

Ѳома.

Погодите, молодой человѣкъ! Горячиться не хорошо; съ женщинами надо лаской, все лаской...

Прѣсновъ (*загораживая Гуляеву дорогу*).

Зачѣмъ? Довольно разговоровъ! Ты поговоришь съ ней послѣ.

Гуляевъ.

Какъ хочешь.

Прѣсновъ (*слушая*).

Молчи! Постой!

Гуляевъ.

Что такое?

Прѣсновъ.

Она идетъ.

Гуляевъ (*Прокофію*).

Отвинчивай проворнѣй! (*Бросается къ двери направо и придерживаетъ ее; въ ту же минуту начинаютъ стучать въ дверь.*)

Прѣсновъ (*подходя и удерживая дверь*).

Это она.

Гуляевъ.

Ее узнать не трудно.

Прокофій (*отвинчивая*).

Только одинъ винтикъ остается. (*Удары въ дверь дѣлаются сильнѣе.*)

Гуляевъ.

Я боюсь, дверь отворится. (*Тащитъ кресло къ двери.*) Ѳома Ѳомичъ, садитесь здѣсь, васъ она не сдвинетъ.

Ѳома.

Извольте, мнѣ все равно. Лаской надо, господа, лаской. (*Садится въ кресло.*)

Прѣсновъ (*Прокофію*).

Кончилъ ты?

Прокофій.

Отвинтилъ.

Прѣсновъ (*Гуляеву*).

Пойдемъ! (*Идутъ къ двери, слышится трескъ отъ разбиваемой посуды.*) Это что еще?

Ѳома.

Это что такое?

Прѣсновъ.

Она успокоиваетъ свои нервы.

Гуляевъ.

Безпрестанно: не накупишься. (*Ѳома Ѳомичъ встаетъ съ кресла и заглядываетъ въ дверь.*)

Прокофій.

Зачѣмъ вы, сударь, встали? (*Оба стоятъ у двери; дверь отворяется, въ ней видна Аглая, которая даетъ по пощечинѣ Ѳомѣ Ѳомичу и Прокофью. Гуляевъ убѣгаетъ.*)

Ѳома.

Вотъ тебѣ и разъ!

Прѣсновъ.

Дядюшка, пойдемте! Довольно.

Ѳома.

Пойдемте! Довольно, съ меня очень довольно. (*Уходятъ.*)

(*Занавѣсъ.*)

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

Декорація первой картины.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Прѣсновъ (*выходитъ и видитъ Прокофья, который смотритъ въ окно*).

Прѣсновъ.

Прокофій! (*Отдаетъ ему шляпу и палку.*) Барыня дома?

Прокофій.

Нѣтъ еще-съ.

Прѣсновъ.

Странно! Гдѣ это она такъ долго? Гуляевъ придетъ черезъ десять минутъ, ты его сейчасъ же проводи ко мнѣ. Ты помни, что я говорилъ, я болтуновъ не люблю.

Прокофій.

И я тоже, сударь.

Прѣсновъ (*взглянувъ на него*).

И любопытныхъ.

Прокофій.

И я тоже, будьте покойны. (*Уходитъ.*)

Прѣсновъ (*смотритъ на часы*).

Вотъ ужъ десять минутъ, какъ мы разстались. (*Подходитъ къ окну.*) Объясненіе у нихъ началось. (*Прислушиваясь.*) Я не слышу никакого крику. Должно быть Аглая притихла, видя,

что дѣло плохо. Шляну онъ выручилъ, дѣло его мы устроили отлично, — это придало ему храбрости, и онъ пошелъ домой твердыми шагами. Ну, mademoiselle Аглая, вамъ теперь не сдобровать; на этотъ разъ мой другъ не уступитъ. (*Входитъ Гуляевъ, повься голову.*)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Прѣсновъ *и* Гуляевъ.

Прѣсновъ.

А! Вотъ ужъ и ты!

Гуляевъ.

Да, ужъ и я.

Прѣсновъ.

Но когда же ты успѣлъ... (*Глядя ему въ лицо.*) Ты, должно быть, не заходилъ домой.

Гуляевъ.

Да, охъ, да... Я пошелъ... и дошелъ до самой двери... (*Опускаетъ руки съ отчаяніемъ.*) Не брани меня! (*Садится на диванъ.*)

Прѣсновъ (*передразнивая его*).

„Я сейчасъ пойду къ ней и скажу рѣшительно, что пора кончить эти тяжелыя и позорныя для меня отношенія“... И дошелъ только до двери...

Гуляевъ.

Ну, да, я слабъ. Это правда, но... это, какъ зубная боль, она тотчасъ проходитъ, какъ позвонишь у двери дантиста.

Прѣсновъ.

И на другой день возвращается.

Гуляевъ (*встаетъ*).

Да, и кончится тѣмъ, что наконецъ я зубъ выдерну. И это непремѣнно сдѣлаю, завтра... можетъ быть сегодня же; но надо же имѣть какой нибудь поводъ, предлогъ.

Прѣсновъ.

Да, конечно, у тебя ихъ нѣтъ.

Гуляевъ.

Да разумѣется нѣтъ... теперь... Хотя очень желалъ бы ихъ

имѣть... Ты думаешь, мнѣ пріятно жить съ ней. Я знаю, что ты хочешь сказать: у ней нѣтъ ничего, ни ума, ни красоты.

Прѣсновъ.

Греческій носъ.

Гуляевъ.

У нея? Маленькій, востренькій... очень дурный признакъ.

Прѣсновъ.

А глаза?

Гуляевъ.

Ну, что-жъ глаза! У всѣхъ есть глаза... И притомъ у нее черные волосы.

Прѣсновъ.

Черные волосы тебя непріятны?

Гуляевъ.

Потому что у нее черные.

Прѣсновъ (*въ сторону*).

И потому что у другой бѣлокурые.

Гуляевъ.

Кромѣ того она очень надменна! Проводитъ каждый день два часа съ парикмахеромъ. Я ей не мѣшаю, и хоть два часа въ день, да покоенъ.

Прѣсновъ.

Два часа изъ двадцати-четырехъ.

Гуляевъ.

Это смѣшно; но нельзя же расходиться съ женщиной за то, что она заботится о своей прическѣ.

Прѣсновъ.

Конечно, этой причины мало.

Гуляевъ.

Ахъ, если-бъ я имѣлъ какой нибудь серьезный предлогъ... Но этого и вообразить нельзя: она такъ добродѣтельна.

Прѣсновъ.

На свой манеръ.

Гуляевъ.

Она имѣетъ всѣ недостатки, но этого, вотъ нарочно, на зло мнѣ, не имѣетъ.

Прѣсновъ.

И ты увѣренъ, что она на зло тебѣ... добродѣтельна.

Гуляевъ.

Увы!.. а это былъ бы хорошій предлогъ... Ахъ, я бы далъ придачи тому благородному человѣку, который... но ты не можешь, и не знаю... Нѣтъ, ты ни на что не годишься.

Прѣсновъ.

Нѣтъ, на меня не надѣйся, я никакъ не могу помочь тебѣ... только женщина... блондинка...

Гуляевъ.

Блондинка?

Прѣсновъ.

Молчи! (*Прислушиваясь.*) Звонятъ, это она.

Гуляевъ.

Кто она?

Прѣсновъ.

Жена моя. Я сегодня хотѣлъ быть дома очень рано, она меня долго ждала и ушла одна.

Гуляевъ.

Ну, вотъ сейчасъ и сцена; и мужья тоже не счастливѣй насъ. (*Отходитъ въ сторону. Вѣра входитъ и, не замѣчая его, подходитъ къ мужу.*)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Прѣсновъ, Гуляевъ *и* Вѣра.

Вѣра.

Здравствуй, мой другъ, ты такъ долго не возвращался. (*Обнимая Прѣснова*). Извини меня, что я пошла гулять безъ тебя.

Гуляевъ (*въ сторону*).

Извиняется!

Прѣсновъ.

Ты прекрасно сдѣлала... А гдѣ же Машенька?

Вѣра.

Она снимаетъ шаль и шляпу, а я не могла утерпѣть, мнѣ

поскорѣе хотѣлось видѣть тебя. (*Въ продолженіи разговора снимаетъ шляпу и кладетъ на столъ.*) Знаешь, откуда мы?

Прѣсновъ.

Изъ Лѣтняго сада.

Вѣра.

Совсѣмъ нѣтъ, что тамъ дѣлать столько времени: съ Петергофской дороги. Помнишь ты тотъ хорошенькій домикъ, которымъ мы любовались въ прошломъ году?

Прѣсновъ.

Ну, какъ же не помнить! Старый садъ, видъ отличный.

Вѣра.

Дядюшка его вчера осмотрѣлъ, а я сегодня не утерпѣла, поѣхала и дала задатокъ. Похвалишь ты меня?

Прѣсновъ.

Ты такая добрая, такая милая!

Гуляевъ.

Совершенно справедливо.

Вѣра.

Ахъ, извините! Я васъ и не вижу; вы такъ далеко спрятались.

Гуляевъ.

Я гляжу, слушаю... и удивляюсь.

Вѣра.

Чему?

Прѣсновъ.

Нашимъ проэктамъ насчетъ дачи?

Вѣра.

Намъ будетъ очень хорошо; одно неловко, въ концѣ сада есть маленькій домикъ, который отдается отдѣльно. Нехорошо, если наймутъ чужіе; надо найти кого нибудь изъ знакомыхъ.

Прѣсновъ (*Гуляеву*).

Вотъ бы тебѣ нанять.

Гуляевъ.

Мнѣ?

Прѣсновъ.

Ты холостой, живешь одинъ, ты намъ не помѣшаешь.

Вѣра.

Напротивъ,—больше удовольствія,—вы нашъ другъ.

Прѣсновъ.

Тебѣ тамъ будетъ очень удобно... да и докторъ велѣлъ тебѣ жить на свѣжемъ воздухѣ.

Гуляевъ.

Да, да, и докторъ.

Вѣра.

Вамъ будетъ очень весело, у насъ всегда большое общество; сестра Маша проживетъ на дачѣ все лѣто.

Гуляевъ.

А!.. Все лѣто?

Прѣсновъ (*тихо Гуляеву*).

Когда ты выдернешь зубъ?

Вѣра (*Гуляеву*).

Рѣшайтесь скорѣй! (*Входитъ Машенька изъ двери направо.*)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Прѣсновъ, Гуляевъ, Вѣра *и* Машенька.

Машенька.

Ну, что, угодили ли мы милому братцу? (*Подаетъ ему руку и отходитъ къ сестрѣ.*)

Прѣсновъ.

Хотя и не угодили, милая сестрица, но я великодушенъ, я прощаю тѣхъ, кто доставляетъ мнѣ удовольствіе.

Гуляевъ.

И эта не сердится.

Прѣсновъ.

Ахъ, Вѣра! я забылъ: я пригласилъ Василья Николаевича,—онъ у насъ обѣдаетъ сегодня.

Гуляевъ.

Какъ, развѣ!

Прѣсновъ.

Что толковать! Вѣдь ты согласился; мы обѣдаемъ только вчетверомъ, да еще развѣ дядюшка.

Гуляевъ (*быстро*).

Да, я останусь, если позволите.

Прѣсновъ (*Гуляеву*).

Ну, а до обѣда ты свободенъ. (*Женѣ.*) Ему нужно кончить нѣкоторыя дѣла... раздѣлаться кой съ кѣмъ.

Гуляевъ.

Еще время терпитъ.

Прѣсновъ.

Такихъ дѣлъ никогда не нужно откладывать, ты еще успѣешь до обѣда.

Вѣра.

Ну, ужъ меня извините, я займусь по хозяйству. (*Беретъ свою шляпу.*) Я васъ оставлю въ пріятномъ обществѣ. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Прѣсновъ, Гуляевъ *и* Машенька (*садится за столъ и беретъ свою работу*).

Гуляевъ (*тихо*).

Какая кротость на лицѣ! Какъ она прелестна!

Прѣсновъ (*подходитъ къ нему*).

Кто! Моя жена?

Гуляевъ.

Нѣтъ... да, твоя жена тоже ангелъ.

Прѣсновъ.

Это правда. (*Подходитъ къ Машенькѣ и садится подлѣ нея.*)

Гуляевъ.

Въ ней все прелестно... и еще бѣлокурые волосы.

Прѣсновъ (*Машенькѣ*).

Что ты дѣлаешь?

Машенька.

Подушку для маменьки.

Гуляевъ (*въ сторону*).

Подушку... да еще для маменьки... ну, не восторгъ ли это?

Прѣсновъ.

Посмотри, Василій Николаевичъ, моя сестренка вяжетъ какъ фея!

Машенька.

Ты льстецъ, ты меня балуешь.

Прѣсновъ.

Спроси у Гуляева, онъ не станетъ тебя баловать, онъ суровъ, какъ профессоръ.

Гуляевъ.

Я-то?

Машенька.

Это очень хорошо, не защищайтесь; потому что, чѣмъ вы суровѣе, тѣмъ дороже ваша похвала! Слышать постоянно пошлые комплименты—скучно.

Гуляевъ.

Вы меня конфузите. Мнѣ нечего говорить, когда вы всякую правду принимаете за комплиментъ.

Прѣсновъ.

Я тебѣ подержу клубокъ. (*Беретъ клубокъ изъ корзины.*)

Машенька (*тянетъ немного сильнѣе нитку, клубокъ изъ рукъ Прѣснова падаетъ на полъ*).

Ахъ, не оборвите нитку!

Прѣсновъ (*Гуляеву*).

Вотъ что ты дѣлаешь,—а на меня сердятся. (*Машенькѣ.*) Онъ лицемѣръ, онъ обыкновенно дурно говоритъ о женщинахъ.

Гуляевъ (*живо*).

Не вѣрьте ему, сдѣлайте одолженіе! Мнѣ ли дурно говорить о женщинахъ! Здѣсь нельзя объ этомъ и подумать.

Прѣсновъ.

Ужъ не думаешь ли ты, что онѣ всѣ добрыя?

Гуляевъ.

Нѣтъ. За то ужъ, когда добры, такъ онѣ безцѣнны. Онѣ имѣютъ всѣ хорошія качества, которыхъ у насъ нѣтъ: ласку, терпѣніе...

Прѣсновъ (*съ иронiей*).

Покорность.

Гуляевъ.

Ну да, и покорность.

Прѣсновъ (*встаетъ*).

А я знаю людей, которые говорятъ, что у женщинъ одна страсть: властвовать и властвовать.

Гуляевъ (*горячо*).

Кто говоритъ такія глупости?

Машенька (*Прѣснову*).

Покрайней мѣрѣ, не вы?

Гуляевъ.

Да и не я... Повѣрьте мнѣ.

Прѣсновъ.

Ну, вотъ и слава Богу.

Гуляевъ (*Машенькѣ*).

Что вы ищете?

Машенька.

Нитку. (*Замѣтивъ, что Прѣсновъ ее спуталъ.*) Ну, кончено. Теперь ужъ я одна ничего не могу сдѣлать. (*Беретъ мотокъ.*) Въ наказаніе давай свои руки.

Прѣсновъ.

Ахъ нѣтъ, избавь меня! это мнѣ разстраиваетъ нервы.

Гуляевъ.

Позвольте мнѣ замѣнить его? Я не очень нервный человѣкъ. (*Садится на скамеечку передъ столомъ.*)

Машенька.

Ахъ, благодарю васъ! я боялась...

Прѣсновъ.

Ничего, онъ человѣкъ очень общежительный. (*Гуляевъ беретъ мотокъ на руки.*) Онъ завтра будетъ танцовать съ тобой первую кадриль.

Гуляевъ (*съ радостью*).

Съ Марьей Петровной? Я, признаться, ужъ давно отсталъ отъ танцевъ; но съ такой дамой...

Прѣсновъ.

Ты держи руки-то хорошенько.

Гуляевъ (*Машенькѣ*).

Извините!

Прѣсновъ.

Сестра, можетъ быть, сдѣлаетъ для тебя это одолженіе; но прежде ты долженъ окончить всѣ свои дѣла и непремѣнно быть на балѣ. Ты, кажется, совсѣмъ забылъ... самое-то необходимое.

Гуляевъ.

Да какъ же? Вѣдь еще мотокъ не конченъ.

Машенька.

Это нужды нѣтъ. (*Беретъ у него изъ рукъ мотокъ.*) Съ меня пока довольно.

Прѣсновъ.

Вы домотаете вечеромъ... ты все кончишь, дѣлать тебѣ будетъ нечего.

Гуляевъ (*встаетъ и тихо, но рѣшительно, говоритъ Прѣснову*).

Я приду на балъ, клянусь тебѣ, приду! (*Громко.*) Если позволите мнѣ первый вальсъ.

Машенька.

Съ удовольствіемъ.

Гуляевъ.

И кадриль?

Прѣсновъ.

За кадриль я отвѣчаю.

Гуляевъ.

Mercі, mademoiselle! (*Прѣснову:*) Я сейчасъ иду, сейчасъ...

Прѣсновъ (*тихо*).

Если опять только позвонить у двери, такъ хорошаго будетъ немного.

Гуляевъ (*тихо Прѣснову*).

Нѣтъ, нѣтъ, я взбѣшонъ... Нѣтъ, я твердъ и я иду! (*Громко.*) Mercі, mademoiselle, mercі! (*Уходитъ.*)

Прѣсновъ (*въ сторону*).

Кажется, домикъ въ саду надо будетъ оставить за собой. (*Машенькѣ:*) Я сейчасъ, мнѣ нужно написать нѣсколько строкъ. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Машенька, *потомъ* Вѣра.

Машенька (*послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія*).

Что это съ Васильемъ Николаевичемъ?... Чѣмъ онъ такъ взволнованъ? Братъ говоритъ, что онъ робокъ; но его голосъ, его взгляды... (*Ходитъ по комнатѣ. Останавливается передъ фортепіано и беретъ нѣсколько аккордовъ.*) Братъ его очень любитъ, — сестра хвалитъ. (*Вѣра входитъ.*)

Вѣра.

Ты за музыку принялась?

Машенька.

Не знаю.

Вѣра.

Какъ не знаешь?

Машенька.

Я такъ, пробую... Хочешь, я тебѣ сыграю маршъ изъ „Фауста“? Нѣтъ, что я, вальсъ...

Вѣра.

Играй, милая, что хочешь!... Эти господа тебя оставили?

Машенька.

Да, братъ въ кабинетѣ, а Гуляевъ ушелъ. Правда, что онъ робокъ?

Вѣра.

Я не знаю: зачѣмъ тебѣ?

Машенька.

Для того... Какъ я люблю вальсъ изъ „Фауста“!

Вѣра.

Такъ играй, если любишь...

Машенька (*встаетъ*).

Мнѣ кажется, что онъ занятъ чѣмъ-то.

Вѣра.

Кто? Ахъ, да... Гуляевъ... Очень просто, онъ ждетъ отвѣта.

Машенька.

Какого отвѣта?

Вѣра.

Мужъ говорилъ о какой-то должности, казенной или частной.

Машенька.

Развѣ онъ занятъ только этимъ?

Вѣра.

Чѣмъ еще?

Машенька.

Я не знаю... мнѣ кажется... онъ точно груститъ о чемъ-то.

Вѣра.

Я не замѣтила. Мужъ мой съ нимъ очень коротокъ, и я имѣю къ нему полную довѣренность. Можетъ быть, онъ тебѣ понравится.

Машенька.

О, нѣтъ! Я его почти не знаю.

Вѣра.

Мы будемъ имѣть случай узнать его покороче. Мужъ предложилъ ему тотъ маленькій домикъ на дачѣ.

Машенька.

Ахъ... онъ будетъ жить все лѣто?

Вѣра.

Вѣроятно, ему надоѣло странствовать.

Машенька.

О, да!

Вѣра.

Но, можетъ быть, это кому нибудь не понравится?

Машенька.

Нисколько!... Притомъ же, такъ хочетъ братъ. Что-жъ, тутъ нѣтъ ничего дурнаго.

Вѣра.

Конечно... вотъ развѣ то, что онъ груститъ.

Машенька.

Или робокъ...

Вѣра.

Да, или робокъ... Ему нужно узнать насъ покороче.

Машенька.

Мы будемъ весело жить на дачѣ. (*Входитъ Прѣсновъ.*)

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Машенька, Вѣра и Прѣсновъ.

Прѣсновъ.

Гуляевъ еще не воротился?

Вѣра.

Нѣтъ. Мы сейчасъ объ немъ говорили... Маша находитъ, что онъ груститъ о чемъ-то.

Машенька.

Я сказала... занятъ.

Прѣсновъ.

Можетъ быть... но мы его развлечемъ... Вы мнѣ поможете обѣ; вы его полюбите, когда узнаете поближе. (*Жен.:*) Маша не слушаетъ.

Вѣра.

Нѣтъ, она слышитъ. (*Машенькѣ, которая стоитъ, облокотясь на фортепіано.*) О чемъ ты думаешь?

Машенька.

Ни объ чемъ.

Прѣсновъ (*подходя къ окну*).

Гуляевъ идетъ. (*Жен.:*) Поди позаботься объ обѣдѣ!

Вѣра (*тихо мужу*).

Ты хочешь остаться съ нимъ наединѣ?

Прѣсновъ.

На два слова.

Вѣра.

Маша, не хочешь ли помочь мнѣ распорядиться обѣдомъ, а мнѣ нужно потолковать съ горничной. (*Вѣра уходитъ въ дверь направо. Машенька въ заднюю дверь, встрѣчается съ Гуляевымъ, который очень взволнованъ; онъ ей кланяется и провожаетъ глазами. Входитъ Ѳома Ѳомичъ, Гуляевъ ходитъ въ волненіи по комнатѣ, Ѳома Ѳомичъ стоитъ молча.*)

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Прѣсновъ, Гуляевъ, Ѳома Ѳомичъ.

Прѣсновъ.

Ахъ, Боже мой! Что значитъ это волненіе? У васъ была ужасная сцена?

Гуляевъ.

Нѣтъ, никакой сцены не было.

Ѳома.

Никакой! Я былъ свидѣтелемъ... Я заходилъ къ нему...

Гуляевъ.

Только-что я въ двери, швейцаръ встрѣчаетъ меня съ улыбкой и говоритъ: барыня уѣхала.

Ѳома.

Уѣхала.

Прѣсновъ.

Несмотря на свое горе, она уѣхала.

Гуляевъ.

Въ-пухъ разряженая... Я жалѣю, что не засталъ ее, очень жалѣю! Но, войдя наверхъ, мой другъ, что я увидѣлъ! Ты никогда не бывалъ на полѣ битвы?

Ѳома.

Я бывалъ.

Прѣсновъ.

А я нѣтъ.

Гуляевъ.

И я не бывалъ. Представь себѣ... Да, нѣтъ, этого представить нельзя, надо видѣть: одежда разбросана, разорвана въ клочки, трупы. Фарфоръ, стулья переломаны, китайскій подносъ въ мелкія крошки; на этотъ разъ она очень хорошо успокоивала свои нервы. О, если бы она мнѣ попалась на глаза въ эту минуту... ну, я почувствовалъ бы тоже необходимость успокоить нервы.

Ѳома.

Да ужъ и я бы пособилъ успокоивать.

Прѣсновъ.

А вчера вы говорили, что нужно лаской.

Ѳома.

Да, лаской! Меня вчера такъ обласкали, что я ужъ перемѣнилъ свои мысли.

Прѣсновъ.

Хорошо, кабы и Гуляевъ то же сдѣлалъ.

Гуляевъ.

Тутъ попался мнѣ на глаза, на каминѣ, ящичекъ съ ея вещами, я его схватилъ...

Прѣсновъ.

И разбилъ?

Ѳома.

Нѣтъ, только замахнулся.

Гуляевъ.

И что же выпало оттуда: угадай.

Прѣсновъ.

Письмо.

Гуляевъ.

О, нѣтъ, какія письма у безграмотной!

Прѣсновъ.

Что же такое?

Гуляевъ.

Карточка фотографическая, портретъ.

Прѣсновъ.

Мужской?

Гуляевъ.

Тщательно спрятанный, въ самомъ низу, подъ ароматической подушкой.

Прѣсновъ.

Какъ драгоцѣнность; ну, ты теперь доволенъ? Ты говорилъ, что у тебя нѣтъ предлога и жаловался на ея вѣрность...

Гуляевъ.

Всегда такъ говорятъ, пока не случится; а случилось, такъ кошки за сердце...

Прѣсновъ.

Право? Что-жъ тебѣ?

Гуляевъ.

„Что-жъ тебѣ!“ А то мнѣ, что я смѣшонъ, что я въ дуракахъ. Я воображалъ, что меня обожаетъ.

Прѣсновъ.

Да вѣдь ты въ выигрышѣ. Знаешь игру въ колдавки: кто проигралъ, тотъ выигралъ... Портретъ съ тобой?

Ѳома.

О, хо, хо, хо, хо! Какъ же! Мы захватили.

Гуляевъ.

Оскорбительно! Вотъ погляди... Глупенькій человѣчекъ, пошлый, съ претензіями. (*Подаетъ Прѣснову.*) И пахнетъ ванилью.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Прѣсновъ, Гуляевъ, Ѳома Ѳомичъ, Вѣра (*входитъ незамѣченная, потомъ Машенька*).

Прѣсновъ (*разсматриваетъ портретъ*).

Да, не красавецъ.

Вѣра (*подходя*).

Что вы смотрите?

Прѣсновъ.

Ничего, такъ, визитная карточка...

Гуляевъ.

Да, да, карточка. (*Въ сторону.*) Обыскъ начинается.

Вѣра.

Мнѣ показалось, фотографія.

Прѣсновъ.

Дрянная.

Гуляевъ.

Разорвать да бросить.

Вѣра (*останавливаетъ его*).

Покажите мнѣ, если это не секретъ. (*Прѣсновъ отдаетъ ей карточку.*) Какъ къ вамъ попалъ портретъ Нарциза?

Прѣсновъ.

Нарциза?

Гуляевъ.

Какого Нарциза?

Вѣра.

Это мой парикмахеръ.

Ѳома.

О хо, хо! Парикмахеръ.

Гуляевъ.

Парикмахеръ! (*Чуть не падаетъ.*)

Прѣсновъ (*поддерживаетъ его*).

У тебя кружится голова, ты говорилъ, что пахнетъ ванилью.

Вѣра.

Да, это правда.

Гуляевъ (*въ сторону*).

Она по два часа въ день проводила съ нимъ съ глазу на глазъ.

Вѣра (*мужу*).

Гдѣ ты взялъ его?

Прѣсновъ.

У швейцара. Нарцизъ должно быть разнесъ свои портреты по всѣмъ домамъ, гдѣ причёсываетъ.

Вѣра.

Онъ должно быть хочетъ открыть свою мастерскую; онъ женится, и, кажется, разсчитываетъ на порядочное приданое.

Прѣсновъ.

Онъ женится?

Вѣра.

Непремѣнно. Онъ ждетъ только, чтобы его невѣста накопила побольше денегъ... горничная должно быть.

Гуляевъ.

Вы ее знаете?

Вѣра.

По его словамъ только. У ней отличные черные волосы.

Гуляевъ (*въ сторону*).

Она!

Вѣра.

Это хорошая приманка.

Гуляевъ.

Для парикмахера. (*Въ сторону:*) Съ придачей моихъ денегъ. (*Входитъ Машенька.*)

Машенька.

Кушать готово, господа.

Вѣра (*показывая ей портретъ*).

Посмотри!

Машенька.

Ахъ, какое сходство! Какой онъ гадкій!

Гуляевъ.

Правда ваша.

Прѣсновъ.

Доволенъ ли ты?

Гуляевъ (*тихо*).

Да... но парикмахеръ,. урокъ-то очень жестокъ.

Ѳома.

Ну, и мнѣ было не легче.

Прѣсновъ.

Пойдемте обѣдать; тамъ мы поговоримъ.

Вѣра.

О нашей дачѣ.

Прѣсновъ.

Ты возьмешь тотъ домикъ въ саду?

Гуляевъ.

Я тамъ поселюсь, и ужъ не выѣду оттуда. Исключая завтрашняго дня. (*Машенькѣ.*) Я приду умолять васъ...

Прѣсновъ.

То есть, ты хочешь сказать: ангажировать на вальсъ.

Гуляевъ (*тихо*).

Нѣтъ, не на вальсъ, а на всю жизнь.

Прѣсновъ.

Ангажировать на вальсъ ты можешь: ты теперь свободенъ.

Гуляевъ.

И всегда хочу быть такимъ.

Прѣсновъ.

Каковъ ты былъ прежде.

Гуляевъ.

Нѣтъ, каковъ ты теперь.

Вѣра.

Дядюшка, что вы задумчивы? Что же вы не хвалите хо́лостую жизнь?

Ѳома.

И никогда не буду. Вотъ что: вы жените сперва ихъ (*указывая на Гуляева и Марью Петровну*), а потомъ ужъ и мнѣ ищите невѣсту. (*Подаетъ руку Вѣрѣ, Гуляевъ Машенькѣ; за ними Прѣсновъ. Уходятъ.*)

(*Занавѣсъ.*)

ВЕЛИКІЙ БАНКИРЪ.

КОМЕДІЯ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ИТАЛО ФРАНКИ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ИТАЛЬЯНСКАГО.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(22 октября 1792 г.)

ЛИЦА:

Натанъ Готшильдъ.
Маркизъ де Сенъ-Кастъ.
Іонафанъ бенъ-Манассія.
Леонидъ.
Горацій Коклесъ Брикабракъ.
Маркъ-Юній Брутъ.
Исаакъ.
Рита, жена Натана.

Дѣйствіе происходитъ въ еврейскомъ кварталѣ во Франкфуртѣ.

(Бѣдная комната въ нижнемъ этажѣ, темная и сырая, въ квартирѣ Натана, въ еврейскомъ кварталѣ, во Франкфуртѣ; въ глубинѣ окно готической архитектуры, дверь на улицу, отворяемая во внутрь; тамъ же справа старая лавочная скамья и подлѣ нея колесо для граненія драгоцѣнныхъ камней; налѣво немного античныхъ стульевъ, изъ рѣзнаго дерева, массивныхъ, безъ подушекъ, древняя, мѣдная лампада, висящая на цѣпи надъ колесомъ; налѣво же большое кресло и подлѣ него люлька; за люлькой, ближе къ авансценѣ, большой старинный очагъ, или каминъ, который примыкаетъ къ лѣстницѣ, ведущей въ верхній этажъ; дверка съ противоположной стороны, ведущая тоже на улицу. По стѣнамъ полки съ пивными нѣмецкими кружками, съ горшками и другой кухонной посудой.)

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Іонафанъ (*одинъ входитъ изъ средней двери съ запечатаннымъ конвертомъ въ рукахъ*).

Натанъ еще не за работой. А бывало въ восемь часовъ утра ужь навѣрное застанешь его за гранильнымъ колесомъ; но съ тѣхъ поръ, какъ онъ женился, драгоцѣнные камни съ нимъ въ разводѣ... Бѣдняга! (*Вынимаетъ изъ кармана маленькій свертокъ съ деньгами.*)—Вотъ и деньги,—я получилъ ихъ за брилліантовую пряжку, которую мнѣ вчера Натанъ поручилъ продать за него. Какими судьбами, чортъ возьми, попала къ нему эта пряжка? Онъ хотѣлъ меня увѣрить, что это порученіе отъ его друга... Да, какъ бы не такъ, знаемъ мы этихъ друзей-то. (*Взвѣшивая на рукѣ конвертъ.*)—Вотъ еще конвертъ, который я принялъ за него на почтѣ. (*Читаетъ адресъ.*) „Гражданину Бонъ-Анфанъ, у Натана Готшильда, въ еврейскомъ кварталѣ, во Франкфуртѣ...“ Что тамъ? онъ таки тяжеленекъ. (*Оглядывается.*) Натанъ все нейдетъ! Между тѣмъ французы ужь входятъ въ городъ и мнѣ не хочется пропустить это зрѣлище! Натанъ! (*У боковой двери.*) Эй! Натанъ Готшильдъ!

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Натанъ (*выходя изъ двери на верху лѣстницы*) и Іонафанъ.

Натанъ.

Шш!... (*Дѣлаетъ знакъ Іонафану, чтобы онъ говорилъ тише.*) Іонафанъ, шш!...—разбудите дѣвочку. (*Идетъ проворно къ люлькѣ.*) Нѣтъ, нѣтъ, крѣпко спитъ, бѣдное созданьице! (*Вздыхаетъ горько.*) Охъ! Если бы такъ же могли спать ея родители!

Іонафанъ.

Гм! А раввинъ сердится, что вы крѣпко спите.

Натанъ.

Я знаю, что̀ онъ хочетъ сказать этими намёками. Онъ всегда неумолимъ ко мнѣ! Чѣмъ болѣе заповѣдано любви въ религіи, тѣмъ жесточе главные ея ревнители.

Іонафанъ.

Другъ Натанъ, я въ эти дѣла не мѣшаюсь. Говоритъ ли раввинъ про тотъ сонъ, который закрываетъ глаза, или про тотъ, который усыпляетъ совѣсть: мнѣ это все равно: и я готовъ служить ему такъ же, какъ и вамъ, если мнѣ даютъ порученія. Вы вчера дали мнѣ порученіе продать пряжку (*даетъ ему завернутыя деньги*); вотъ и получайте деньги, но мнѣ надо же взять что нибудь за труды.

Натанъ (*жадно принимая деньги*).

Сколько? Сколько? (*Считаетъ.*) Пятнадцать талеровъ! Я клянусь вамъ, что она стоитъ тридцать...

Іонафанъ.

Вы мнѣ говорили, что нужно продать ее поскорѣе, что пряжка не ваша.

Натанъ.

Нѣтъ, но она у меня на коммисіи, по три гроша за талеръ; такимъ образомъ я потерялъ сорокъ пять грошей... а можетъ быть и пятьдесятъ... Клянусь Моисеемъ! Я въ томъ увѣренъ...

Іонафанъ.

Зачѣмъ сами не пошли на торговую площадь.

Натанъ.

Зачѣмъ? (*Съ глубокой ненавистью и какъ-будто обращаясь къ другимъ, а не къ Іонафану.*) А вѣдь знаетъ, что нѣтъ еврея, который бы хотѣлъ подать руку Натану Готшильду! Медики утверждаютъ, что проказа исчезла между нами. Это—ложь, Іонафанъ. Развѣ я не прокаженный во Франкфуртѣ? Развѣ моя рука не въ проказѣ, развѣ мое дыханіе не ядовито, развѣ мои деньги не заразительны? И вы хотите, чтобы я торговалъ самъ? Благодарю, Іонафанъ, бенъ-Манассія, благодарю за добрый совѣтъ.

Іонафанъ.

На кого тутъ жаловаться, Натанъ? Вы сами этого захотѣли,—вы знаете нашъ законъ и всетаки...

Натанъ.

И всетаки я женился на христіанкѣ, и за то вы меня отвергли отъ общенія съ вами, отъ вашихъ сборищъ, отъ вашихъ законовъ, отъ торговли... Я этого хотѣлъ, это правда, да! И

если бы всѣ пророки вмѣстѣ обѣщали возвратить мнѣ то, что я утратилъ, только съ условіемъ, чтобы я отказался отъ жены моей, я бы не согласился...

Іонафанъ.

Оно правда, что ваша Рита созданіе доброе, хотя и христіанка.

Натанъ.

Доброе созданіе! Я торговалъ всю мою жизнь драгоцѣнными камнями, Іонафанъ, и могу сказать, что этотъ камень стоитъ того, что я на него истратилъ... а это большая сумма. (*Вздыхаетъ. Слышны звуки оружія и народныя крики.*) Что это за тревога?

Іонафанъ.

Это крики и демонстраціи, которыми народъ встрѣчаетъ солдатъ французской республики. Я иду тоже покричать въ честь нашихъ освободителей. (*Уходя.*) Ахъ! я и забылъ отдать вамъ этотъ пакетъ, который я получилъ за васъ на почтѣ. Прощайте, Натанъ! Виватъ! (*Уходя.*) Да здравствуетъ свобода! Да здравствуетъ братство! (*Уходитъ, крича. Крики на улицѣ продолжаются еще нѣсколько времени.*)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Натанъ (*одинъ*).

Кай Адонаи! Ишь орутъ! Чтобы ваша глотка лопнула! Еще немного, и они разбудятъ мою дочку. (*Указывая на люльку.*) Свобода! Братство! Хорошо, если бы эти слова звучали правдой! Тогда дворяне не притѣсняли бы евреевъ, не было бы у евреевъ жестокихъ законовъ надъ евреями. Если бы въ этихъ словахъ звучала правда: для нашего бѣднаго племени наступило бы освобожденіе, равное освобожденію Моисея! Нѣтъ болѣе рабства, нѣтъ болѣе отверженія, люди ужь не прячутся отъ людей, какъ звѣри отъ собакъ. (*При послѣднихъ словахъ вбѣгаетъ маркизъ Де-Сенъ-Кастъ, какъ-будто преслѣдуемый, въ дверь, которую Іонафанъ оставилъ незатворенной.*)

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Маркизъ де-Сенъ-Кастъ *и* Натанъ.

Натанъ (*оглянувшись*).

Кто тамъ? (*Маркизъ сбрасываетъ на стулъ плащъ, въ которомъ былъ завернутъ до глазъ.*) Гражданинъ Бонъ-Анфанъ...

Маркизъ.

Взгляните за дверь, мой другъ! (*Натанъ выходитъ за дверь.*) Я надѣюсь, что успѣлъ скрыть слѣды свои отъ этихъ тощихъ санкюлотовъ. И сознаться, что мы рождены въ одной землѣ, я и эта сволочь... (*Съ отвращеніемъ.*) Фи!

Натанъ (*возвращается, запирая дверь желѣзнымъ болтомъ*).

Улица пуста; весь кварталъ бросился встрѣчать французское войско. Вамъ бы тоже надо бѣжать, гражданинъ.

Маркизъ.

Я не хочу притворяться, господинъ Натанъ: я ненавижу крики черни. (*Рукоплесканія на улицѣ.*)

Натанъ.

Слышите? Да здравствуетъ свобода, братство, равенство! И ваше сердце не бьется отъ радости при такихъ крикахъ?

Маркизъ.

Бьется, но не отъ радости. Если бы вамъ привелось слышать столько этой музыки, сколько я ее слышалъ, и при томъ съ непремѣннымъ припѣвомъ: „à la lanterne“, вы бы не приходили въ такой восторгъ. (*Оглянувшись и посмотрѣвъ въ окно.*) Однако, мой превосходный другъ, будемъ играть въ открытую: вы не имѣете ли какого подозрѣнія на мой счетъ?

Натанъ.

Нѣтъ, я знаю навѣрное.

Маркизъ (*встрепенувшись*).

Что же?

Натанъ.

Что вы эмигрантъ, аристократъ; что вы пробираетесь къ войску принцевъ, которые хотятъ съ помощію оружія возвратиться въ страну, изъ которой изгнаны. Я знаю навѣрное, что

васъ, противъ вашей воли, задерживаетъ во Франкфуртѣ недостатокъ денегъ. Случай васъ привелъ въ мое бѣдное жилище, вы хотѣли продать вещицу и воспользовались моимъ посредничествомъ. И съ того дня нѣсколько разъ загоняла васъ ко мнѣ нужда въ деньгахъ. (*Разсматривая булавку, которой заколотъ воротникъ маркиза.*) Вотъ хорошенькій брилліантъ, хорошей воды и хорошо оправленъ. Клянусь Мишной! Подумаешь, есть же люди, которые гуляютъ въ брилліантахъ! Ну, что вы возьмете за эту бездѣлку? А? Я думаю, что можно будетъ найти покупщика, который дастъ пятьдесятъ талеровъ, а за коммисію мнѣ особо.

Маркизъ.

Благодарю! Пока у меня голова на плечахъ, этотъ брилліантъ останется тамъ, гдѣ онъ есть. Это предсмертный подарокъ моего отца.

Натанъ.

Все это прекрасно. Но мнѣ кажется, что для васъ лучше будетъ обратить его въ деньги, въ которыхъ вы нуждаетесь.

Маркизъ.

И, кромѣ того, по этой булавкѣ меня могутъ узнать санкюлоты, которые вошли сегодня во Франкфуртъ съ генераломъ Нейвингердомъ.

Натанъ.

Для того, чтобы попасться къ нимъ въ руки—сегодняшнее торжество представляетъ очень благопріятный случай, маркизъ...

Маркизъ.

Маркизъ?

Натанъ.

Де-Сенъ-Кастъ.

Маркизъ.

Ахъ, нѣтъ! нѣтъ! Извините! Титулы теперь уничтожены, и я называюсь просто гражданинъ Бонъ-Анфанъ.

Натанъ.

Да, на адресѣ письма, которое вы мнѣ поручили взять съ почты, это такъ, но на вашей пряжкѣ вырѣзано было: маркизъ де-Сенъ-Кастъ. Вамъ бы, маркизъ, нужно было какъ можно тщательнѣе уничтожать свое имя на вещахъ, прежде чѣмъ отдавать ихъ въ еврейскій кварталъ. Но успокойтесь, я былъ

осторожнѣе васъ... Вотъ деньги, пятнадцать талеровъ, сочтите; я вычелъ за коммисію по три гроша съ талера.

Маркизъ (*помолчавъ*).

Я въ вашихъ рукахъ! Вы, вѣроятно, думаете о томъ, за сколько можете предать меня. Вы скажите мнѣ откровенно сумму, тогда мы посмотримъ: можетъ быть, вамъ будетъ выгоднѣе помогать мнѣ.

Натанъ.

А вотъ этотъ конвертъ поможетъ намъ сдѣлать этотъ разсчетъ. (*Показываетъ конвертъ, принесенный Іонафаномъ.*)

Маркизъ.

Конвертъ на мое имя? Я ожидалъ его. Да (*съ притворнымъ равнодушіемъ*), тутъ мои семейныя бумаги. (*Протягиваетъ руку за конвертомъ.*)

Натанъ.

Нѣтъ, извините. Тутъ банковые билеты.

Маркизъ (*съ притворнымъ*).

Вы его распечатывали?

Натанъ.

О, нѣтъ! Мнѣ достаточно только пощупать: мои пальцы такъ чувствительны.

Маркизъ (*открываетъ конвертъ*).

Да, вы правы. Вы привычнѣе меня въ этихъ дѣлахъ... безъ управляющаго моего я ничего не понимаю... Скажите мнѣ, какую сумму представляютъ эти билеты? (*Отдаетъ ему конвертъ.*)

Натанъ (*перебирая билеты съ притворствомъ кассира*).

По курсу на Гамбургъ — двѣсти тысячъ талеровъ, нѣсколько грошей болѣе или менѣе; по курсу на Лондонъ — около трехъ тысячъ талеровъ меньше. (*Развязно.*) Маркизъ, у васъ мильонъ франковъ; вы видите теперь, что ваша голова стоитъ довольно дорого. (*Отдаетъ пакетъ.*)

Маркизъ.

Прекрасно! Но съ тѣмъ, кто захочетъ торговать моей головой, я разочтусь вотъ этой монетой. (*Показываетъ на пару пистолетовъ.*)

Натанъ.

Уберите, уберите оружіе!

Маркизъ.

А! Вы боитесь?

Натанъ (*оправившись*).

Я боюсь, чтобы вы не разбудили бѣдную мою дочку... Нѣтъ, господинъ маркизъ, не беритесь за оружіе; моя жизнь не стоитъ и малѣйшей части этихъ денегъ... да и ваша тоже...

Маркизъ.

Вы сами видѣли, сколько у меня денегъ!

Натанъ.

Да, а какъ вы думаете, много ли останется изъ нихъ на мою долю, если я васъ предамъ? Да потомъ—это дурное дѣло... предавать на разстрѣляніе своихъ довѣрителей?

Маркизъ.

Но вы, мнѣ кажется, партизанъ г. Робеспьера и компаніи! Вы знаете теперь, кто я: эмигрантъ-аристократъ, человѣкъ внѣ покровительства законовъ.

Натанъ.

Для меня вы, прежде всего, довѣритель, кліентъ. Мои предки обожали золотаго тельца; обожаю деньги и я, но деньги трудовыя. Деньги, запятнанныя кровью, ведутъ къ раззоренію. Я не измѣню вашей тайнѣ. (*Подходитъ къ люлькѣ.*)

Маркизъ.

Чѣмъ же мнѣ заплатить вамъ за это?

Натанъ.

Будьте помилостивѣе къ своему ближнему, къ еврею, съ которымъ имѣете дѣло... и... потомъ... (*Изъ движеній Натана видно, какъ первоначальное благородное и безкорыстное чувство, внушенное ему женой, уступаетъ жадности къ деньгамъ и къ прибыли.*) Если бы вы рѣшились разстаться съ этимъ брилліантомъ (*указывая на булавку*) и не поскупились бы прилично заплатить мнѣ за коммисію, напримѣръ грошей двадцать за талеръ...

Маркизъ.

Я объ этомъ попомню въ другой разъ; сегодня я долженъ ѣхать изъ Франкфурта въ Кобленцъ. Позвольте мнѣ предло-

жить вамъ это малое вознагражденіе за ваши услуги. (*Дастъ ему банковый билетъ.*)

Натанъ (*недовѣрчиво разсматривая его*).

Билетъ въ тысячу франковъ?

Маркизъ.

Вы меня огорчите, если откажетесь. Ну, зачѣмъ вы колеблетесь?

Натанъ.

Это билетъ французскій... именной... безъ передаточной надписи: онъ безполезенъ для меня.

Маркизъ (*идетъ къ столу, дѣлаетъ надпись на билетѣ и отдаетъ Натану*).

Вотъ... вашей дочкѣ на память обо мнѣ.

Натанъ.

Благодарю, благодарю! она въ этомъ очень нуждается, бѣдненькая, и мы тоже, всѣ мы. (*Переходя на-льво.*) Мы такъ бѣдны! Такъ бѣдны!

Маркизъ.

А теперь, другъ, благодарю васъ, прощайте! (*Протягиваетъ ему руку.*)

Натанъ.

Какъ! Вы не боитесь подать руку прокаженному? Вы, маркизъ, христіанинъ? между тѣмъ, какъ мои братья не хотятъ пожать ее! (*Пожимаетъ.*) Храни васъ Іегова! Благословеніе еврея не сдѣлаетъ вреда христіанину. (*Отворяетъ дверь и смотритъ на улицу. Маркизъ завертывается въ плащъ и хочетъ перешагнуть черезъ порогъ. Натанъ быстро удерживаетъ его и заставляетъ спрятаться за дверь, которую затворяетъ, чтобы лучше скрыть маркиза, а самъ становится въ дверяхъ, почти на улицѣ. Слышится грохотъ барабановъ, потомъ проходятъ солдаты французской республики, дурно одѣтые и оборванные. Натанъ тихо маркизу:*) Французы! Молчите, если жизнь дорога вамъ. (*Кричитъ въ дверь:*) Свобода, братство, равенство! Да здравствуютъ наши освободители! (*Смотритъ вслѣдъ за толпой.*) Ушли избавители! (*Запираетъ дверь.*)

Маркизъ.

Палачи!... Да, если бы я попался къ нимъ въ руки!

Натанъ.

Минута прежде—и вы бы попали въ средину ихъ. (*Смотритъ опять.*) Дѣлаютъ привалъ на нашей площади... ставятъ ружья въ сошки... Измаилъ Вольфъ несетъ имъ вина... Ставятъ часовыхъ въ улицахъ.

Маркизъ.

Я долженъ пройти мимо ихъ, чтобы воротиться въ гостинницу... что, если меня остановятъ?...

Натанъ.

По языку, васъ примутъ за француза, по обращенію — за дворянина... васъ обыщутъ... Имѣете при себѣ билетъ гражданина?

Маркизъ.

Нѣтъ! Разбойники! Я знаю ихъ пароль... Кошелекъ или жизнь.

Натанъ.

Нѣтъ, и кошелекъ и жизнь! Для васъ таковъ будетъ пароль; вы никакъ не можете скрыть вашего сословія...

Маркизъ.

Какъ же мнѣ уйти? Я не забочусь о жизни, но эти деньги...

Натанъ.

Браво! Вы правы! Заботьтесь о деньгахъ!

Маркизъ.

Тутъ все наслѣдство, которое я оставлю женѣ и сыну. (*Послѣ краткаго размышленія.*) Натанъ, могу я ввѣриться вамъ?

Натанъ.

Немного поздно теперь спрашивать объ этомъ.

Маркизъ.

Да, правда, я долженъ довѣриться вамъ... Вы уже доказали мнѣ свою честность, вы могли присвоить себѣ все, что я имѣю... Я вамъ ввѣряюсь совершенно; имѣйте попеченіе объ этомъ пакетѣ до моего возвращенія.

Натанъ.

Вы довѣряете бѣдному еврею за-разъ и деньги и голову?

Маркизъ.

Нѣтъ другаго средства, и притомъ же я вамъ вполнѣ вѣрю. Я долженъ воротиться въ гостинницу „Бѣлаго Коня“. Надо

уничтожить важныя бумаги, которыя могутъ компрометировать „наше дѣло".

Натанъ.

То-есть, ваше...

Маркизъ.

Уничтоживъ ихъ...

Натанъ.

А если васъ уничтожатъ прежде?

Маркизъ.

Что дѣлать! Я иду на рискъ: деньги я оставлю въ безопасности — это касается меня: а жизнь свою я не задумаюсь пожертвовать — это касается моего короля. (*Хочетъ идти.*)

Натанъ (*про-себя, пожимая плечами*).

Странныя правила у этихъ христіанъ! Подождите! (*Закрываетъ ему плащомъ грудь и шею.*) Закрывайте вашъ брилліантъ; можете ввести въ искушеніе...

Маркизъ.

О, да! Вы правы, другъ! Равенство, братство, также какъ и женщины, не могутъ устоять противъ брилліантовъ. (*Уходитъ.*)

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Натанъ (*одинъ. Аккуратно запираетъ дверь и смотритъ въ окно*).

Видно, и противъ вина тоже устоять не могутъ. Мнѣ кажется, что наши освободители ужь порядочно пьяны. Если такъ будетъ продолжаться, то они къ ночи осушатъ послѣднюю бочку у Измаила Вольфа. Въ какомъ-то положеніи теперь маркизъ? Въ настоящую минуту онъ въ опасности. Ну, вотъ хорошо: онъ миновалъ стражу спокойно. Браво, браво! Запахивайте плащъ! (*Дѣлаетъ знаки.*) А! Сержантъ его останавливаетъ, кладетъ ему руку на плечо. Ай, ай, ай! Дѣло плохо! Предлагаетъ ему выпить. Ахъ, господинъ маркизъ! Какъ должно быть вамъ пріятно пить съ разбойниками! какъ вы называете ихъ. Но это нужно для вашего спасенія, значитъ нечего и толковать... Онъ идетъ дальше... Онъ свободенъ! И онъ, и его прекрасные банковые билеты теперь въ безопасности. Вотъ они, голуби мои

обожаемые! (*Закрываетъ окно и, прижавши билеты къ своей груди, возвращается на авансцену.*) А вѣдь я доволенъ тѣмъ, что онъ вырвался изъ когтей нашихъ освободителей. Про меня нельзя сказать, чтобы я не желалъ этого. Только злые люди могутъ такъ думать обо мнѣ. Онъ учтиво подалъ мнѣ руку, а ужь давно, кромѣ Риты, никто этого не дѣлалъ. Однако, убрать эти драгоцѣнныя бумаги. (*Глядя на нихъ.*) Все это переводы... И все на евреевъ... Великій народъ въ денежныхъ оборотахъ! Вотъ подпись Мейера! Вотъ Оппенгейма! Вотъ Мендельсона! Все это банки, въ которыхъ всегда золота столько, сколько его нужно. А векселя христіанъ! Фуй! (*Съ презрѣніемъ, потомъ взвѣшивая конвертъ и разглядывая его.*) Человѣку съ головой можно смѣло идти на биржу съ такимъ капиталомъ въ рукахъ; время теперь благопріятно для большихъ оборотовъ. Цѣнности и фонды государственные подымаются и опускаются, какъ волны на морѣ во время бури... Теперь ловкому человѣку чистыя деньги могутъ принести пятьдесятъ процентовъ. (*Цалуетъ переводы.*) О! Святые ангелы! Если бы вы были мои, какую бы цѣну я умѣлъ дать вамъ! (*Молчаніе.*) Святые пророки! (*Вскрикиваетъ съ удивленіемъ и восторгомъ.*) Сумасшедшій, ушелъ, не взявъ съ меня росписки!... онъ даже не спросилъ ее!... Вотъ какъ христіане раззоряются! А его голова можетъ слетѣть каждую минуту. Ни росписки! Ни свидѣтеля!... И моя бѣдная Рита, которая столько разъ голодала со мной... и наша дочка... (*Конвульсивно сжимая векселя.*) Нѣтъ! нѣтъ! прочь отъ меня! На каждомъ этомъ листѣ печать Вельзевула... (*Завертываетъ билеты.*) Ихъ нужно сейчасъ запечатать, хорошенько запечатать! (*Идетъ къ очагу, чтобы зажечь свѣчку.*) Бѣдненькіе!... Запереть ихъ! А какъ было бы хорошо пустить ихъ летать по свѣту и приносить сто на сто. (*Хочетъ запечатать билеты.*) Ахъ! взгляну еще разъ на эту красоту. (*Считаетъ билеты.*) „Заплатить пять тысячъ талеровъ черезъ три мѣсяца. Оппенгеймъ“. „Заплатить предъявителю шесть тысячъ пятьсотъ. Рейзель“. Это христіанинъ, но хорошій банкиръ, солидный человѣкъ. „Десять тысячъ...“ (*Рита входитъ изъ боковой двери съ корзиной въ рукѣ, блѣдна и испугана. Натанъ, углубившись въ разсматриваніе билетовъ, не примѣчаетъ ее.*)

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

Рита *и* Натанъ.

Рита (*подходя къ люлькѣ*).

Слава Богу, крикъ не разбудилъ ее.

Натанъ (*обернувшись быстро, невольнымъ движеніемъ прячетъ билеты*).

Рита! Ахъ! (*Переведя духъ.*) Что-жъ, продала ты свое вышиванье?

Рита.

Да, вотъ деньги, Натанъ! (*Отдаетъ ему деньги; онъ ихъ кладетъ въ кошелекъ и прячетъ въ карманъ.*) Надо было идти продавать на самый конецъ Франкфурта, тамъ меня еще не знаютъ.

Натанъ (*подбѣгая къ ней, встревоженный*).

Что съ тобой, моя милая? Ты блѣдна, ты нездорова?

Рита.

Нѣтъ, это все пройдетъ черезъ минуту. Я видѣла одно происшествіе, Натанъ. Французскіе солдаты...

Натанъ.

Наши освободители.

Рита.

Освободители! Ахъ, Натанъ! Печальна свобода, которая приходитъ съ грустными рѣчами на губахъ, со скотскимъ опьяненіемъ въ глазахъ и съ кровью на рукахъ.

Натанъ.

Съ кровью?

Рита.

Когда я шла по улицѣ Фаро, они убивали какого-то несчастнаго. (*Закрываетъ лицо руками.*) Мнѣ кажется, что я его еще и теперь вижу.

Натанъ.

Убили? Улица Фаро, рядомъ съ гостинницей „Бѣлаго Коня“! (*Глубоко задумывается.*) Скажи, Рита, онъ французъ, да?

Рита.

Да, говорятъ, эмигрантъ.

Натанъ (*привскакивая*).

Эмигрантъ!... Среднихъ лѣтъ, въ большомъ плащѣ, въ булавкой на воротѣ рубашки, отличный брилліантъ?

Рита.

Я не разсматривала. Я увидѣла кровь и бросилась бѣжать безъ ума. Какой ужасный видъ!

Натанъ (*про-себя*).

Если это маркизъ! Нужно идти удостовѣриться! Въ улицѣ Фаро, говоришь ты? (*Уходя.*) Я побѣгу, Рита, и сейчасъ ворочусь.

Рита.

Не оставляй меня одну, Натанъ, не оставляй меня одну! Они могутъ придти сюда.

Натанъ.

Ну, милости просимъ! Они наши братья; они всѣмъ братья, кромѣ тирановъ и притѣснителей.

Рита.

Всѣ евреи считаются богатыми, а богатые, по ихъ мнѣнію, притѣснители.

Натанъ (*про-себя*).

Да, это правда, и билеты тогда перейдутъ въ ихъ руки... Рита, душа моя, могу я довѣриться тебѣ?

Рита (*изумившись*).

Натанъ!

Натанъ.

Твоему сердцу я могу довѣриться: но ты такъ боязлива.

Рита.

Я не боязлива, когда ты со мной. Притомъ же, глупо думать, что солдаты могутъ придти сюда... Здѣсь взять нечего...

Натанъ (*грозя пальцемъ*).

Тс... смотри! (*Показываетъ билеты.*)

Рита.

Что это?

Натанъ (*съ сильнымъ выраженіемъ*).

Мильонъ!

Рита.

Переводы! Въ твоихъ рукахъ банковые билеты, Натанъ?

Натанъ.

Сейчасъ только ихъ оставилъ мнѣ одинъ французъ, эмигрантъ, роялистъ: кто знаетъ: не его ли ты видѣла, не его ли убивали?

Рита.

О, нѣтъ! Дай Богъ, чтобы это былъ не онъ!

Натанъ.

То же и я скажу, но... а если?... (*Подъ вліяніемъ жадности.*) Между нашимъ нищенствомъ и богатствомъ есть преграда... и эта преграда... можетъ быть не существуетъ.

Рита.

Скажи, Натанъ, этотъ французъ оставилъ деньги въ твое полное распоряженіе?

Натанъ.

Даже не попросилъ у меня и росписки.

Рита.

А ты ему и не напомнилъ объ этомъ... Ахъ, Натанъ, Натанъ! (*Съ упрекомъ и жалобой переходитъ на другое мѣсто и плачетъ.*)

Натанъ (*ласкаетъ ее, а она съ сердцемъ и грустью уклоняется*).

Ну, не плачь же, моя милая Рита; ты знаешь, что я не могу видѣть, какъ ты плачешь. Развѣ ты не имѣешь ко мнѣ довѣрія?

Рита.

А вы сами-то имѣете къ себѣ довѣріе?

Натанъ (*нѣсколько сердито*).

Ну, а если онъ не воротится? Кто-жъ тогда имѣетъ право на эти деньги?

Рита.

Мы меньше всякаго имѣемъ право на нихъ.

Натанъ.

Но, миленькая моя, нельзя же деньгамъ лежать безъ пользы. Переводы и билеты не затѣмъ сдѣланы, чтобъ ихъ запечатывать и прятать, какъ муміи египетскія. О! Я съумѣлъ бы

извлечь пользу изъ нихъ, пока не явится законный ихъ владѣлецъ... съ подлинными документами, конечно... И всѣ наши бѣдствія окончились бы; оставимъ Франкфуртъ, перемѣнимъ имя, отправимся въ Парижъ, въ Амстердамъ, въ Лондонъ... всюду, гдѣ есть биржи, чтобы торговать банковыми билетами и богатѣть... мы скоро бы разбогатѣли.

Рита.

Натанъ, дьяволъ—хитрый искуситель, и самая сильная приманка его есть золото.

Натанъ.

Нѣтъ, нѣтъ, не то, что ты думаешь... Я не хочу совсѣмъ присвоить себѣ деньги; я только пущу ихъ въ дѣло, чтобы взять на нихъ пользу... для тебя, для тебя, моя Рита.

Рита.

И любовь тоже можетъ служить дьяволу приманкою.

Натанъ.

Ну, для нашего ребенка! (*Съ умоляющимъ видомъ.*)

Рита (*съ постоянною твердостью и важностью*).

Искуситель можетъ явиться также и подъ видомъ этого невиннаго ребенка. (*Рѣшительно.*) Перестань колебаться, Натанъ! Мой Натанъ! (*Нѣжно.*) Ты долженъ найти этого человѣка и отдать ему деньги.

Натанъ.

Ну, да! Для того, чтобъ черезъ минуту у него ихъ украли! Это грѣхъ, это грѣхъ...

Рита.

По крайней мѣрѣ, если ты берешься сохранить для него деньги, дай ему росписку и проси, чтобы онъ тебѣ ясно объяснилъ, кому отдать деньги въ случаѣ его смерти... или долгаго отсутствія. Иди сейчасъ, мой добрый Натанъ... (*Онъ тихо подвигается, она тихо толкаетъ его, ласково и нѣжно.*) Постой, дай мнѣ пакетъ, пока ты воротишься. (*Протягиваетъ руку.*)

Натанъ (*быстро кладетъ билеты за пазуху и прижимаетъ къ груди*).

Нѣтъ, дай мнѣ подержать ихъ здѣсь... на груди. Ужь

давно я не чувствовалъ теплоты отъ хорошей пачки банковыхъ билетовъ!

Рита (*важно*).

Натанъ, когда я полюбила тебя, меня называли сумасшедшей за то, что я отдала сердце еврею — человѣку, для котораго деньги дороже семьи, жены и дѣтей. Я не повѣрила этимъ разговорамъ, вышла за тебя: для тебя оставила отца и мать, сестеръ, братьевъ, все. Узнала нищету и презрѣніе, и съ тобой, Натанъ, мнѣ пріятно было горе. До этого дня я не раскаявалась въ своемъ выборѣ. Натанъ, Натанъ, неужели сегодня я должна раскаяваться?

Натанъ (*долго борется; потомъ отдаетъ пакетъ женѣ*).

Возьми, Рита, возьми и спрячь; не отдавай мнѣ, если-бъ я просилъ его даже на колѣняхъ. Лучше любовь и довѣріе въ бѣдности, чѣмъ деньги, которыя могутъ помрачить наше согласіе, моя Рита.

Рита (*цѣлуетъ его съ увлеченіемъ*).

Вотъ мой Натанъ!... Ну, ступай за французомъ.

Натанъ.

Подожди, я теперь припоминаю! Онъ говорилъ, что пойдетъ въ гостинницу „Бѣлаго Коня“; я найду его тамъ, если ему удалось избѣжать отъ преслѣдованія. (*Слышенъ стукъ въ дверь. Натанъ умоляющимъ и задыхающимся голосомъ.*) Билеты, билеты... (*Рита прячетъ на груди пакетъ. Натанъ дрожащимъ голосомъ.*) Кто тамъ?

Маркизъ (*за сценой*).

Гражданинъ Бонъ-Анфанъ. Скорѣе отоприте!

Натанъ (*Ритѣ*).

Маркизъ! (*Осторожно отворяетъ дверь и акъуратно запираетъ ее за маркизомъ.*)

Рита.

Благодареніе Богу, онъ живъ!

СЦЕНА СЕДЬМАЯ.

МАРКИЗЪ ДЕ-СЕНЪ-КАСТЪ *и* ТѢ ЖЕ.

Маркизъ (*выходя на авансцену*).

Да, живъ... пока... (*Увидя Риту.*) Женщина! (*Кланяется Ритѣ.*)

Натанъ (*становясь между ними*).

Это жена моя, можете довѣриться ей, также какъ мнѣ... больше чѣмъ мнѣ... она все знаетъ.

Маркизъ.

Экой болтунъ! Чортъ его возьми! (*Ритѣ.*) Мужья-христіане гораздо менѣе довѣрчивы къ женамъ! Я спасся отъ санкюлотовъ тѣмъ, что выпилъ съ сержантомъ какого-то отряда. Бумаги, которыя неудобно держать при себѣ, я уничтожилъ, а другія здѣсь, въ этомъ маленькомъ ящикѣ. (*Показываетъ ей ящикъ, который спрятанъ у него подъ плащомъ.*) Я нанялъ карету, она ждетъ меня за воротами Ганау... Я воротился, чтобы оставить вамъ адресъ, по которому вы можете пересылать въ Кобленцъ всѣ письма и бумаги, которыя придутъ сюда на имя гражданина Бонъ-Анфанъ.

Рита.

А какъ вы думаете распорядиться деньгами?

Маркизъ.

Поберегите ихъ... Когда я буду въ безопасности, я вамъ напишу.

Рита.

Мой мужъ все безпокоится, что не далъ вамъ росписки... Хорошо, что вы воротились... Пиши, Натанъ.

Натанъ (*сидитъ задумчиво*).

А? Что? Росписка? (*Сбирается съ мыслями и отвѣчаетъ болѣе спокойно.*) Вы у меня ее не требовали... а я позабылъ вамъ напомнить. (*Нѣсколько подумавши.*) Но если ее найдутъ у васъ, это можетъ стоить жизни... вамъ и мнѣ...

Маркизъ.

Я, какъ старый заговорщикъ, имѣю съ собой разные снаряды. (*Достаетъ маленькую стклянку.*) Вотъ симпатическія

чернила: они невидимы, пока ихъ не поднесутъ къ огню: пишите росписку ими.

Натанъ (*пишетъ и прочитываетъ*).

„По предъявленіи сего, обязуюсь заплатить маркизу де-Сенъ-Кастъ, или кому онъ прикажетъ, двѣсти тысячъ талеровъ, которые получилъ отъ него на сохраненіе. Натанъ Готшильдъ".

Рита (*подходитъ къ нему*).

Я подпишусь свидѣтелемъ и поставлю число. „22 октября, 1792. Удостовѣряю и обязуюсь. Рита Готшильдъ".

Натанъ (*беретъ билеты и садится у окна*).

Подождите. Позвольте, я еще разъ пересчитаю билеты, чтобы удостовѣриться, точно ли ту сумму они представляютъ... Я хоть переберу ихъ еще разъ. (*Считаетъ билеты и такъ углубляется въ это занятіе, что не слышитъ разговора между женой и маркизомъ.*)

Маркизъ.

Это лишняя формальность; но такъ-какъ вы настаиваете, друзья мои, я прячу, какъ вы видите, вашу росписку въ секретный ящикъ этой шкатулки. (*Показываетъ Ритѣ великолѣпный нессесеръ, который онъ держалъ подъ плащомъ. Оборачивается въ плащъ съ изяществомъ того времени.*) Миленькій нессесеръ, не правда ли? Это подарокъ жены моей, — у нея два одинакихъ: одинъ съ моимъ портретомъ, — тотъ она оставила себѣ, — а мнѣ отдала съ своимъ, вотъ онъ... на крышкѣ. (*Вздыхаетъ.*)

Рита.

Ваша жена теперь въ безопасности?

Натанъ.

Дай-то Богъ! Я принужденъ былъ оставить ее съ сыномъ на французской границѣ. Кто знаетъ, увидимся ли мы! Прощайте, мои добрые, мои лучшіе друзья! (*Хочетъ идти.*)

Рита (*удерживая его*).

Одну минуту! (*Зажигаетъ свѣчу.*) Натанъ, кончилъ ли ты считать?

Натанъ (*пересталъ считать*).

Да, Рита, да!

Рита.

Дай мнѣ эти бумаги! Нужно сдѣлать новый конвертъ и запечатать.

Натанъ (*печально*).

Вотъ онѣ.

Рита (*дѣлаетъ конвертъ*).

Теперь, господинъ маркизъ, запечатайте сами. (*Подаетъ маркизу, который запечатываетъ перстнемъ.*) Если же вы не воротитесь за этимъ, священнымъ для насъ, залогомъ, скажите, по крайней мѣрѣ, куда переслать его вашей женѣ.

Маркизъ.

Въ такомъ случаѣ... адресуйте письмо...

Натанъ.

Нѣтъ, нѣтъ, не говорите... Насиліемъ отъ насъ могутъ вывѣдать... Напишите бумажку, мы спрячемъ.

Маркизъ.

Вы правы. (*Пишетъ.*) Вотъ вамъ адресъ жены моей. (*Кладетъ листокъ на столъ.*) Прощайте! (*Слышны шаги солдатъ, барабанъ и шумъ.*) Ахъ, позаботьтесь объ этихъ деньгахъ! тутъ все, что̀ я могу оставить моему сыну.

Рита.

Не бойтесь! Я провожу васъ безопасной дорогой до самыхъ городскихъ воротъ. Пойдемте со мной. (*Беретъ его за руку и уводитъ въ ту дверь, въ которую прежде вошла.*)

СЦЕНА ВОСЬМАЯ.

Натанъ (*одинъ*).

О, женщины, женщины! Ужь слишкомъ онѣ совѣстливы и всегда помѣшаютъ поймать счастье на-лету. Но Рита... Да, Рита всегда права... Онъ оставилъ бумагу. (*Видитъ на столѣ адресъ, но не читаетъ его.*) Это адресъ его жены! Нѣтъ, лучше не читать! Положу его въ пакетъ съ билетами... Рита будетъ беречь все это... Ахъ, не взяла ли она его съ собой? Я такъ бы охотно подержалъ ихъ еще въ рукахъ! Добрая женщина! Съ ней маркизъ будетъ цѣлъ... (*Вздыхая съ дурно скрытымъ огорченіемъ.*) Большое счастіе, что его не убили прежде, чѣмъ онъ взялъ отъ насъ росписку.

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ.

Іонафанъ *и* Натанъ.

Іонафанъ (*за дверью*).

Натанъ! Натанъ!

Натанъ.

Іонафанъ бенъ-Манассія! (*Бѣжитъ отпирать ему дверь.*) Что тамъ? Не горитъ ли синагога?

Іонафанъ.

А кто ее знаетъ. Надо полагать, что она загорится первая. Французы теперь распоряжаются въ городѣ, какъ настоящіе хозяева, то-есть братаются съ народомъ, какъ они говорятъ.

Натанъ.

И съ евреями также, какъ и со всѣми, Іонафанъ? О, равенство!

Іонафанъ.

Никому не даютъ преимущества. У кого есть съѣстное, тотъ выставляй его на улицу; деньги и вещи конфискуются безъ малѣйшей разности, съ удивительнымъ равенствомъ.

Натанъ.

Но вѣдь наша обязанность сдѣлать хорошій пріемъ нашимъ освободителямъ. Если же они и возьмутъ что нибудь лишнее, можно ли на это обижаться?

Іонафанъ.

У васъ въ домѣ, конечно, имъ поживы немного... Но во всякомъ случаѣ, будьте увѣрены, Натанъ, что они навѣстятъ и васъ. Ужь сильно поговариваютъ, что они хотятъ грабить еврейскій кварталъ... Они захватили съ собой шпіона... этого собаку Исаака. Онъ обѣщалъ имъ розыскать всѣ наши ларцы. Ахъ, Натанъ, какъ вы счастливы, что у васъ нѣтъ ларцовъ, а если и есть, такъ пустые!

Натанъ.

Да, пустые! Все пусто въ бѣдномъ домишкѣ Натана Готшильда... ларцы и ящики... комнаты и чуланы... Скажите это Исааку; скажите, что онъ можетъ избавить меня отъ своего посѣщенія... онъ только потеряетъ напрасно и время и трудъ.

Іонафанъ.

Что̀ мнѣ говорить ему? Онъ мнѣ не повѣритъ.

Натанъ.

Да и я не вѣрю тому, что вы говорите. Какъ! Сыновья великой республики, апостолы свободы, унизились до грабежа? Это ложь!

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ.

Тѣ же *и* Рита.

Рита (*останавливаясь на порогѣ*).

Это правда, французы ужь начали грабить евреевъ. Ужъ двое вошли въ вашу лавку, Іонафанъ.

Іонафанъ.

О, святой пророкъ Авраамъ! Всѣ трудовыя деньги тамъ, въ моей конторкѣ. Клянусь Мельхиседекомъ! Если они приберутъ ихъ къ рукамъ, я чистъ. Ахъ, раввинъ правду говоритъ! Теперь такое время, что съ пустымъ кошелькомъ спишь спокойно. (*Слышенъ стукъ выбиваемыхъ дверей и стеколъ.*) Слышите, какъ они работаютъ! Кто знаетъ, можетъ быть, они ужь выломали мои двери. Охъ!... (*Въ отчаяніи, хватаясь за голову, то выбѣгаетъ на улицу, то возвращается въ квартиру Натана.*) Виватъ французы! (*Новый шумъ въ комнатѣ.*) Адское несчадіе! (*Выбѣгаетъ за дверь.*) Свобода, братство или смерть! (*Возвратившись.*) Злыя собаки, дѣти Ваала! да здравствуютъ наши освободи... Сломали у меня... Сломали лавку! О, собаки! О, дикіе звѣри! (*Убѣгаетъ.*)

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ.

Натанъ *и* Рита.

Натанъ (*запирая двери за Іонафаномъ*).

Неужели ты ужь успѣла проводить маркиза до воротъ Ганау?

Рита.

Онъ заставилъ меня воротиться, лишь только мы вышли изъ нашего квартала.

Натанъ.

Но пакетъ съ собой, не такъ ли?

Рита.

Вотъ онъ. (*Вынимаетъ изъ-за лифа и показываетъ ему.*)

Натанъ.

Дай сюда. (*Хочетъ взять, но Рита не отдаетъ.*) Нужно его спрятать. Куда? Куда? (*Съ безпокойствомъ бѣгаетъ по комнатѣ.*)

Рита.

Сюда въ подполье.

Натанъ.

Нѣтъ, нѣтъ, Исаакъ Соломоновъ знаетъ это мѣсто. Онъ самъ торговалъ прежде въ этой лавкѣ.

Рита.

Въ секретный ящикъ подъ колесомъ. (*Показывая его.*)

Натанъ.

Постучатъ ружьями и узнаютъ, что тутъ есть ящикъ. (*Конвульсивно ломая руки.*) О, бумаги! Драгоцѣнныя бумаги! (*Шумъ шаговъ на улицѣ.*)

Рита.

Тише! Вотъ они! Они у дверей!

Натанъ (*какъ помѣшанный бродитъ по комнатѣ, оглядывая всѣ углы*).

Что дѣлать? Куда спрятать такое сокровище? Если они найдутъ у тебя билеты, они убьютъ тебя! Дай мнѣ: пусть лучше убьютъ меня! О! я съумѣю сберечь ихъ. (*Сильные удары въ дверь.*)

Рита.

Нѣтъ, нѣтъ! (*Прижимаетъ пакетъ къ груди.*)

Горацій (*съ улицы*).

Отоприте, именемъ республики, единой и нераздѣльной!

Натанъ.

А! Нашелъ! Сюда, въ люльку. Жизнь ребенка священна! (*Рита кладетъ пакетъ въ люльку; вынимаетъ изъ мѣшка, который у нея сбоку, работу и, садясь подлѣ люльки, вяжетъ кружево. Она и Натанъ стараются сохранить спокойствіе и равнодушіе. Натанъ отпираетъ дверь. Входятъ французскіе солдаты и Исаакъ Соломоновъ.*)

СЦЕНА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Леонидъ, Горацій Коклесъ *и разные солдаты французскіе, запыленные и оборванные.* Исаакъ Соломоновъ, *который ихъ ввелъ, отходитъ къ сторонѣ и оглядываетъ комнату.* Рита *и* Натанъ.

Натанъ *(встрѣчая солдатъ почтительно и униженно).*

Милости просимъ въ мою бѣдную хижину, господа...

Леонидъ *(съ одной стороны).*

Господа! Это слово подозрительно.

Горацій *(съ другой стороны).*

Больше чѣмъ подозрительно, гражданинъ Леонидъ: оно преступно, и, какъ таковое, даетъ право къ немедленной конфискаціи всего движимаго и недвижимаго имущества преступника. Да, госпожа... (*Ритѣ.*) То-есть, гражданка... (*Кланяется Ритѣ по-военному.*) Горацій Коклесъ, перваго легіона, легкой пѣхоты... Прискорбно мнѣ, что мы безпокоимъ гражданку... но разговоръ этого...

Рита.

Онъ мой мужъ.

Горацій.

Гм!... (*Подходитъ близко къ Ритѣ.*) Хвалю вкусъ преступника! (*Подходитъ къ Натану вплоть.*) Но не могу похвалить вкуса гражданки. Утверждаю и присуждаю, что преступныя рѣчи сего лица, въ соединеніи съ отягчающими обстоятельствами, что онъ долго держалъ за дверьми и не впускалъ единую и нераздѣльную республику, подаютъ поводъ къ болѣе сильнымъ подозрѣніямъ. Исаакъ, дѣлай свое дѣло! (*Исаакъ подходитъ. Горацій беретъ его за воротъ.*) Веди единую и нераздѣльную республику въ сундукъ этого преступника.

Натанъ *(сопровождая ихъ).*

Повѣрьте мнѣ, господинъ... (*Горацій и Леонидъ, косясь на него, ударяютъ въ землю прикладами ружей.*) Достойные граждане! Доблестные освободители! Если найдете во всемъ домѣ болѣе полуталера, я даю голову на отсѣченіе (*Исааку.*)

Не хлопочи указывать дорогу, мой добрый другъ, я вамъ все покажу. Смотрите, граждане. смотрите: не удастся ли хоть вамъ найти того, что мнѣ не удается, то есть немножко денегъ. Смотрите, обыщите все. (*Открываетъ ящики.*) Я—бѣдный еврей, отвергнутый своими единовѣрцами... Нѣтъ у меня товаровъ, нѣтъ дорогихъ вещей, только кой-что изъ кухонной посуды да каменное колесо... Господа граждане... Мы нищіе, неимущіе, Іегова вамъ свидѣтель. (*Солдаты ищутъ повсюду.*)

Исаакъ.

Ты забылъ, Натанъ. что прежде тебя я занималъ эту лавочку и потому знаю всѣ норки. Вотъ тутъ есть маленькое подполье.

Натанъ.

Позволь, я покажу его нашимъ благороднымъ освободителямъ, душа моя, милѣйшій мой Исаакъ. (*Открываетъ западню подполья.*) Видите, кромѣ пыли и паутины, тамъ ничего нѣтъ. У друга моего, Исаака, тутъ было все полно, а у меня нѣтъ и двухъ грошей, чтобъ положить ихъ тамъ рядомъ. для компаніи. (*Солдаты щупаютъ штыками въ подполье.*)

Леонидъ.

Пусто, какъ въ моемъ ранцѣ.

Горацій.

Это ужасно! Такъ-то ты вознаграждаешь своихъ освободителей?

Натанъ (*съ униженіемъ*).

Все, что я имѣю, все это ваше... Я совершенно убитъ, что у меня всего такъ мало.

Исаакъ.

Ты забылъ ящикъ подъ колесомъ, мой добрый Натанъ.

Натанъ (*поспѣшно идетъ къ колесу и ретиво отклоняетъ Исаака*).

Нѣтъ, позволь ты мнѣ самому показать нашимъ чудеснымъ освободителямъ, какъ тронуть пружинку, мой несравненный Исаакъ. (*Распускаетъ пружину.*)

Горацій (*Леониду*).

Вотъ такъ дружба, товарищъ! Эти два еврея живутъ душа въ душу.

Натанъ (*открываетъ ящикъ, солдаты запускаютъ туда штыки*).

Ищите, граждане, ищите; я искалъ долго и не нашелъ тамъ ничего. (*Солдаты, кромѣ Леонида и Горація, идутъ въ боковыя комнаты. Натанъ поглядываетъ на люльку. Исаакъ это замѣчаетъ.*)

Исаакъ (*идя къ люлькѣ*).

Иногда и въ занавѣсахъ люльки можно спрятать кой-что. (*Натанъ дрожитъ. Горацій идетъ къ люлькѣ.*)

Рита (*съ граціозной улыбкой*).

Гражданинъ, можетъ быть, самъ отецъ и не захочетъ разбудить мою дочку.

Горацій (*шагъ назадъ*).

Нѣтъ, sacrè mille tonneres!... У меня есть маленькій Горацій Коклесъ собственнаго производства, и я знаю, какъ это пріятно, если онъ вдругъ заведетъ свою музыку. Пусть маленькая гражданка спитъ въ своихъ пеленкахъ, и будетъ надѣяться, что изъ нея выйдетъ Лукреція... только не римская.

Леонидъ (*выходя впередъ*).

А если я пощупаю немного штыкомъ подъ малюткой?

Рита (*идя ему на встрѣчу*).

А если я пощупаю немного своими когтями твое лицо, гражданинъ? Люди ли вы? Отцы ли? Имѣйте уваженіе къ единственному сокровищу матери. Прочь!

Горацій (*становясь между Ритой и Леонидомъ*).

Храбрая гражданка! Я даю тебѣ позволеніе употребить въ дѣло твое природное орудіе: оборонительное и наступательное. Стыдись, гражданинъ Леонидъ! Республика единая и нераздѣльная уважаетъ дѣтей... которыя спятъ.

Рита (*цалуетъ его съ благодарностію*).

Сержантъ, вы хорошій человѣкъ, получите отъ меня поцалуй въ знакъ братства.

Горацій.

Съ удовольствіемъ. А ты получи отъ меня другой въ знакъ равенства. (*Натану, который выходитъ впередъ.*) Что ты зеленѣешь, безнадежный гражданинъ? Ты и такъ ужь лимоннаго цвѣта. Твоя половина теперь подъ моимъ покровительствомъ! Я оставлю у вашихъ дверей почетную стражу. Съ этого времени

вы можете спать спокойно подъ покровомъ республики, единой и нераздѣльной... Дайте-ка мнѣ огонька закурить трубку. (*Рита идетъ къ очагу зажечь свѣчу; солдаты возвращаются изъ комнатъ, не найдя ничего. Изъ средней двери, которая оставалась растворенной, входитъ Маркъ-Юній Брутъ.*)

СЦЕНА ТРИНАДЦАТАЯ.

Маркъ-Юній Брутъ *и* тѣ же.

Маркъ.

Эй, товарищи! Хороша ли у васъ добыча?

Леонидъ.

Ни одного су, — вотъ какъ, Маркъ Юній Брутъ! Нищета и тряпки!

Горацій.

А прекрасныя губки гражданки! Я цѣню ихъ, по крайней мѣрѣ, во сто франковъ ассигнаціями...

Маркъ.

Что-жъ вы, дурацкая порода, даромъ время теряете! А на улицѣ отличная охота за дичью: переодѣтые аристократы, эмигранты, которые ускользаютъ у насъ изъ-подъ носу, чтобъ присоединиться къ принцамъ. Нѣтъ еще и десяти минутъ, какъ мы захватили одного за воротами Ганау. (*Рита приноситъ зажженную свѣчу и останавливается пораженная.*) Славная фигурка, вышитыя манжеты, бѣлыя ручки, улыбающаяся физіономія, сжатые зубы... всѣ признаки предателя...

Рита (*подаетъ дрожащей рукой огонь Горацію*).

Вотъ закуривайте трубку, господинъ сержантъ.

Горацій.

Благодарю, гражданка! А сказалъ онъ свое имя?

Маркъ.

Никакихъ бумагъ, никакого документа! Ему хотѣлось увѣрить насъ, что его называютъ гражданиномъ Бонъ-Анфанъ. (*Рита и Натанъ переглядываются.*)

Горацій.

Вымышленное имя,—это ясно... Огня! (*Рить.*) Ты дрожишь, гражданка!

Натанъ (*беретъ у нея изъ рукъ свѣчу*).

Она съ нѣкоторыхъ поръ чувствуетъ припадки... болѣзни...

Горацій.

Дьяволъ! Окаянный! Поставь свѣчку, я не люблю копченаго табаку, я самъ закурю. (*Идетъ къ камину, замѣчаетъ на столѣ бумагу, на которой маркизъ написалъ адресъ.*) А, писаная бумага!

Маркъ.

Что тамъ?

Натанъ (*Ритѣ*).

Адресъ, оставленный маркизомъ... мы погибли.

Маркъ (*беретъ бумагу и поворачиваетъ*).

Что за крючки?

Рита (*тихо Натану*).

Возьми у нихъ листокъ.

Натанъ (*тихо Ритѣ*).

Это будетъ еще подозрительнѣе.

Рита (*тихо*).

Не умѣютъ читать.

Натанъ (*тихо*).

Исаакъ умѣетъ.

Горацій (*сложивъ бумагу въ видѣ закурки*).

Это ненужная бумага, гражданинъ, не такъ ли?

Исаакъ (*выходя*).

А вотъ посмотримъ.

Натанъ (*беретъ бумагу у Горація, проворно зажигаетъ на свѣчкѣ, которая стоитъ на столѣ*).

Ничего незначущая бумажка; вотъ, сержантъ: закуривайте трубку. (*Учтиво подаетъ Горацію.*)

Рита (*принимаетъ отъ Натана свѣчу, несетъ ее на каминъ и шепчетъ мужу съ печальнымъ упрекомъ*).

Послѣднее свидѣтельство уничтожено... Охъ, Натанъ!

Натанъ.

Оно принесено въ жертву за спасеніе нашей жизни.

Горацій.

Какъ же вы поступили съ плѣнникомъ? (*Куритъ.*)

Маркъ.

Точно такъ же, какъ обыкновенно поступаемъ съ предателями: умеръ, какъ гадина, изрыгая ядъ... Вотъ моя доля его шкуры. (*Показываетъ брилліантовую булавку.*)

Натанъ (*тихо Ритѣ*).

Брилліантъ маркиза.

Рита.

Убитъ!

Маркъ.

Ты гранишь брилліанты... Тебѣ говорятъ, еврейская собака! (*Натану.*) Ты долженъ знать цѣну этого камня... Сколько дашь? (*Отдаетъ Натану, который принимаетъ дрожа.*) Что еще съ тобой? Параличъ, что ли, тебя расшибъ?

Натанъ.

Онъ замаранъ кровью. (*Отдаетъ ему.*)

Маркъ.

Какое цыплячье сердце! (*Передразнивая Натана, Леониду и Горацію, которые пожимаютъ плечами съ презрѣніемъ.*) Что ты мнѣ дашь за нее, глупая скотина?

Натанъ.

Можетъ быть, я найду пріятеля, который вамъ дастъ за нее тридцать талеровъ; у меня нѣтъ денегъ... что знаютъ и эти госпо...

Горацій (*съ гнѣвомъ*).

Что?

Натанъ.

Что извѣстно и этимъ превосходнымъ гражданамъ.

Исаакъ (*становясь между Натаномъ и Маркомъ*).

Дайте, я посмотрю. (*Беретъ брилліантъ и разсматриваетъ про-себя.*) Онъ стоитъ тысячу, а Натанъ хотѣлъ купить за тридцать, разбойникъ. Я дамъ за него пятьдесятъ.

Маркъ.

Идетъ за пятьдесятъ! Эге! Шкура этихъ аристократовъ

стоитъ недешево. А кто знаетъ, что еще было у него тамъ, въ ящикѣ.

Леонидъ.

Въ какомъ ящикѣ?

Маркъ.

У этого бѣглеца былъ спрятанъ подъ плащомъ ящикъ. Его взялъ себѣ капитанъ.

Леонидъ.

Львиная доля, по обычаю.

Маркъ.

Да, свобода и равенство... только тамъ, гдѣ нѣтъ чиновъ... Онъ говорилъ, что въ немъ только бумаги и запечаталъ его до пріѣзда генерала.

Горацій.

Ну, не хотѣлъ бы я быть на мѣстѣ тѣхъ, о которыхъ упоминается въ этихъ бумагахъ.

Леонидъ.

Шесть пуль въ животъ и покойной ночи.

Натанъ (*дрожа, Ритѣ*).

Если найдутъ росписку, эти шесть пуль достанутся мнѣ.

Маркъ.

Идемъ, товарищи; за угломъ есть гостинница: Исаакъ поставитъ намъ, вмѣсто магарыча, пару бутылокъ.

Исаакъ.

Пожалуй, хоть четыре. (*Про-себя.*) Да и больше, чтобъ у тебя въ глазахъ двоилось и чтобъ ты двадцать-пять талеровъ принялъ за пятьдесятъ.

Горацій.

Браво, Маркъ Юній Брутъ! У меня горло пересохло, какъ обгорѣлая бумага. Прощай, прекрасная гражданка! (*Солдаты уходятъ съ Исаакомъ. Горацій съ Леонидомъ остаются.*)

Рита.

Прощайте, сержантъ... Исполните же обѣщаніе.

Горацій (*на порогѣ*).

Обѣщаніе? Что я, чортъ-возьми, обѣщалъ тебѣ?

Рита.

Освободить насъ отъ другаго посѣщенія единой и нераздѣльной республики.

Горацій.

А, хорошо! Вотъ и подтвержденіе обѣщанія. (*Цалуетъ ее.*) Давай, Леонидъ. перо. чернила и чернильницу. (*Леонидъ достаетъ изъ кармана кусокъ мыла.*) Вотъ это: перо, чернила и чернильница. (*Отворяетъ дверь и пишетъ большой нуль.*) Вотъ и бумага. Мое правописаніе не обширно, за то очень понятно. Нуль,—это значитъ ничего: все войско пойметъ, что тутъ взять нечего. (*Натану съ презрѣніемъ.*) Еврей съ пустымъ сундукомъ!... Я теперь вѣрю. что ты отвергнутъ, какъ недостойный сынъ Израиля. (*Уходя.*) Стыдъ! Искали, искали — и ни одного су! Принимать республику съ пустыми руками! Стыдъ!

Натанъ (*провожая*).

Ахъ, сержантъ, ахъ, ахъ! (*Хохочетъ.*) Какой вы шутникъ! Добраго дня вамъ и всякаго счастія! Ха, ха, ха! (*Ждетъ, пока они удалятся и тщательно запираетъ дверь.*)

СЦЕНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Рита и Натанъ.

Натанъ (*поспѣшно возвращается и беретъ Риту за руку*).

Рита, если найдутъ мою росписку, мы погибли. Буди и одѣвай ребенка! Нужно бѣжать въ эту ночь... сейчасъ... Счастье наше, что мы теперь имѣемъ средства...

Рита.

Какія же средства мы имѣемъ, Натанъ?

Натанъ.

Какъ же; а билеты...

Рита.

Они не наши, Натанъ.

Натанъ.

А чьи же? Чьи? Маркизъ убитъ... Адресъ, по которому можно было найти его жену, сожженъ... Не я ли сжегъ его... нѣтъ, Рита... то-есть, да... но я былъ принужденъ, чтобы тѣмъ

спасти нашу жизнь... Не правда ли, Рита? Видишь, что это правда, ты не отвѣчаешь, ты всегда мнѣ противорѣчишь.

Рита.

Что я могу отвѣчать? Инстинктъ самосохраненія врожденъ въ человѣкѣ и сильнѣе голоса чести...

Натанъ (*нетерпѣливо ходитъ по комнатѣ*).

Да, это такъ... гораздо сильнѣе... О! И гораздо сильнѣе.

Рита.

А если притомъ еще жадность къ золоту, — что̀ значитъ тогда честь, Натанъ?

Натанъ (*собирая посуду и мелкія вещи*).

Я вижу, что не долженъ былъ брать этихъ денегъ.

Рита.

Но ты долженъ былъ спрятать и эту бумагу.

Натанъ.

Ну, что сдѣлано, то сдѣлано. Моисей свидѣтель, что я хотѣлъ ее спрятать, но торопливость, страхъ... И притомъ, сама посуди, какъ же мнѣ было положить эту бумагу вмѣстѣ съ другими, когда ты унесла съ собою пакетъ съ билетами? Во всякомъ случаѣ, гораздо лучше, что деньги въ нашихъ рукахъ, чѣмъ у этихъ кровожадныхъ чудовищъ.

Рита.

Да, лучше, потому что мы постараемся отыскать тѣхъ, кому они принадлежатъ по праву. Неправда ли, Натанъ, мы сыщемъ...

Натанъ.

О, да, да... если можемъ.

Рита.

Можемъ, если захотимъ, мой Натанъ.

Натанъ.

Но мы теряемъ драгоцѣнное время... Теперь могутъ найти роспись. И надо же тебѣ было заставить меня сдѣлать эту глупость. Немного огня, пепла, наши имена выдутъ на бумагѣ и... шесть пуль... Ты слышала? Идемъ, надо бѣжать скорѣе! Скорѣй, Рита, дай мнѣ мой плащъ, сбери въ узелъ свои платья, все остальное брось... Вотъ книга закона, это книга моего отца;

я не долженъ оставлять ее... (*Рита сидитъ спокойно подлѣ люльки.*) Рита, что за глупости! Зачѣмъ ты меня задерживаешь?

Рита.

Я пойду, Натанъ (*встаетъ*); обязанность и любовь заставляютъ меня слѣдовать за тобой. Но прежде я хочу сказать тебѣ кое-что. Натанъ, ты меня любишь?

Натанъ.

Можешь ли ты сомнѣваться?

Рита.

Я хочу испытать тебя. При всѣхъ моихъ страданіяхъ я никогда не жаловалась, не правда ли, Натанъ?

Натанъ.

Никогда, никогда, бѣдная женщина! Я видѣлъ, какъ ты терпѣла оскорбленія отверженія отъ своихъ, голодъ... и всегда съ яснымъ лицомъ. Ты была блѣдна и болѣзненна, но улыбалась мнѣ, чтобъ поддержать во мнѣ бодрость, и говорила мнѣ, что ты счастлива.

Рита.

Я и теперь счастлива, хотя иногда имѣю предчувствіе, что должна буду скоро васъ оставить, тебя и нашу малютку...

Натанъ.

Не говори этого, не говори, Рита.

Рита.

Если Богу такъ угодно, пусть такъ и будетъ; моя религія и твоя учатъ насъ полагаться на волю Провидѣнія. Но буду ли я жить долго, или умру скоро, я надѣюсь, мой Натанъ, что ты не захочешь сдѣлать, чтобы жизнь была для меня жестокой пыткой, а смерть еще болѣе ужаснымъ мученіемъ. Поклянись мнѣ, Натанъ, что ты не разрушишь ту вѣру, которую возлагаетъ на тебя твоя Рита, живая и мертвая, что ты употребишь всѣ старанія найти законныхъ наслѣдниковъ этихъ денегъ! Клянись мнѣ, что, когда ты найдешь ихъ, ты отдашь имъ все въ цѣлости. (*Беретъ у него книгу.*) Клянись мнѣ, Натанъ, надъ книгой закона, которую оставилъ тебѣ отецъ... (*кладетъ въ люльку въ головахъ дочери*) надъ головой нашего ребенка...

Натанъ.

Я сдѣлаю это, Рита, когда мы будемъ въ безопасности.

Рита.

Нѣтъ, здѣсь, теперь! (*Ведетъ его къ люлькѣ.*) Я не уйду... не сдѣлаю одного шага безъ твоей клятвы... Когда я умру, я знаю, что не останется на землѣ ни одного свидѣтеля твоей клятвы; но Судія живыхъ и мертвыхъ... видѣлъ... и будетъ видѣть тебя всегда. Клянись, Натанъ! (*Съ глубокимъ чувствомъ и торжественностью. Вдали слышна музыка.*)

Натанъ (*становится на колѣни у люльки: потомъ встаетъ; мало-по-малу опускаетъ руку, на книгу преклоняетъ голову и произноситъ тихимъ, но важнымъ голосомъ*).

Клянусь!

(*Занавѣсъ.*)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(4 апрѣля 1814 г.)

ЛИЦА:

Натанъ Готшильдъ.
Іонафанъ бенъ-Манассія.
Викторъ, сынъ маркиза де-Сенъ-Кастъ.
Робертсъ.
Жюстинъ Брикабракъ.
Давидъ.
Рита, дочь Натана.

(Дѣйствіе происходитъ на дачѣ Натана, близъ Лондона.)

Дача банкира Готшильда въ разстояніи одной мили отъ Лондона. Великолѣпная зала въ нижнемъ этажѣ, выходящая въ садъ. Всюду цвѣты. Роскошная мебель. На правой сторонѣ письменный столъ съ ящикомъ, надъ нимъ портретъ Риты во весь ростъ, — въ томъ платьѣ, въ какомъ она была въ первой части.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Давидъ *вводитъ* Робертса.

Робертсъ.

Всѣ отговорки безполезны, мнѣ нужно его видѣть. (*Проходитъ впередъ.*)

Давидъ.

Я рискую потерять свое мѣсто. Миссъ Рита дала сегодня особенный приказъ, чтобы не пускать никого съ дѣлами къ ея отцу.

Робертсъ.

Миссъ Рита дала приказъ! (*Входитъ Рита.*)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Рита *и* тѣ же.

Рита.

Такъ точно, господинъ Робертсъ; и этому приказу надо повиноваться; нынче день моего рожденія; на двадцать-четыре часа я царица и не хочу, чтобы говорили съ отцомъ о дѣлахъ впродолженіе моего царствованія.

Робертсъ.

Миссъ Рита, примите мое поздравленіе и мое извиненіе; но я непремѣнно долженъ видѣть вашего отца.

Рита.

Непремѣнно! Нынче на нашей дачѣ только я могу говорить такъ рѣшительно. Завтра, когда отецъ вернется въ банкъ, въ Сити, въ Лондонъ, — говорите, что хотите. Отецъ принялъ мои условія, а банкиръ долженъ держать свое слово.

Робертсъ.

Миссъ Рита, дѣло, о которомъ идетъ рѣчь, нельзя отложить. Вы не можете представить, какъ оно важно.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Натанъ *и* тѣ же.

Рита (*бѣжитъ на встрѣчу отцу*).

Папа, папа, прогони скорѣе этого несноснаго! Скажи ему, что банкъ закрытъ, что счетная книга подъ ключомъ, конторщики пошли гулять, что нынче день рожденія твоей Риты и что никто другой, кромѣ ея, не имѣетъ права говорить съ тобой.

Натанъ *(очень нѣжно).*

Богъ да благословитъ тебя, обожаемое созданіе. Но вѣдь ты знаешь, что мухи всегда летаютъ надъ медомъ.

Робертсъ.

Я очень огорченъ, что мѣшаю вамъ, господинъ Готшильдъ. но нужда не знаетъ законовъ, потому съ позволенія миссъ Риты...

Рита.

Я не даю позволенія, грубый человѣкъ... (*Становится между ними.*)

Натанъ.

Вы видите, что эта барышня сегодня не принимаетъ никакихъ резоновъ. Это въ самомъ дѣлѣ важный день. Она дѣло говоритъ... Торжественная годовщина! Это не только воспоминаніе дня ея рожденія, но также и того времени, когда я сдѣлался человѣкомъ.

Робертсъ.

Какъ, господинъ Готшильдъ? Развѣ вы не всегда были человѣкомъ?

Натанъ.

Да развѣ бѣдняки — люди? Да, чортъ возьми! двадцать-одинъ годъ тому назадъ, я въ этотъ день высадился въ Лондонѣ... и, увѣряю васъ, Робертсъ, у меня ничего не было, ни денегъ, ни кредита и даже, увы! семейнаго счастія. Моя бѣдная жена умерла на дорогѣ, въ Амстердамѣ, гдѣ мы были проѣздомъ, и я пріѣхалъ сюда бѣдный, одинокій, вдовый, безъ друзей, съ маленькой сироткой на рукахъ. (*Показываетъ на Риту.*)

Робертсъ.

И въ двадцать-одинъ годъ вы изъ низкаго положенія возвысились до положенія одного изъ самыхъ большихъ банкировъ Лондона.

Натанъ.

Да, такъ называютъ меня, Робертсъ: „самый большой лондонскій банкиръ“! Правда, что когда я вступилъ на берегъ Темзы, я былъ не съ пустыми руками: у меня былъ ничтожный капиталъ, пустяки—двѣсти тысячъ талеровъ. Какъ вы видите, этотъ капиталъ выросъ, какъ выросъ я, какъ выросла моя Рита... потолстѣлъ, какъ я. Вы видите, я имѣлъ основаніе

сказать, что съ того времени я сталъ человѣкомъ, я пересталъ быть рабомъ, нищимъ... я самъ распоряжаюсь своимъ...

Рита.

Эхъ! Если-бъ я была тоже человѣкомъ, какъ бы я умѣла распорядиться своимъ! Сколько счастливыхъ я бы сдѣлала!

Натанъ.

Мотовка! Кто знаетъ, по какимъ улицамъ разбѣжались бы мои милліоны.

Рита *(перемѣнивъ тонъ).*

Ну, господинъ Робертсъ, ступайте! Нынче нѣтъ прозы въ нашемъ домѣ, нѣтъ цифръ, нѣтъ дѣлъ...

Робертсъ.

Я въ огорченіи, миссъ Рита, но господинъ Готшильдъ долженъ меня выслушать: наша фирма находится въ большой опасности.

Натанъ *съ насмѣшкой.*

Какъ! Знаменитый домъ Лакерштейнъ и компанія! Чортъ возьми! Серьезная вещь, въ самомъ дѣлѣ.

Робертсъ.

Ахъ, не шутите, господинъ Готшильдъ! Вы говорили, что мы можемъ иногда переводить платежи на васъ.

Натанъ.

Ну, и скажите это вашимъ кліентамъ! Говорить ничего не стоитъ ни вамъ, ни мнѣ.

Робертсъ.

Вѣдь вы же намъ совѣтовали всѣ ваши операціи. Вы заставили насъ скупить всѣ бумаги на биржѣ: теперь у насъ нѣтъ денегъ и намъ придется реализировать ихъ съ большой потерей, если мы не можетъ удержать ихъ, пока они подымутся.

Натанъ.

Держите ихъ въ портфелѣ! держите ихъ подъ замкомъ! Вы знаете, мой другъ, что я тоже скупаю все и вездѣ.

Рита *(которая стояла подлѣ двери въ садъ).*

Вотъ предательство! Смѣть говорить о дѣлахъ въ моемъ присутствіи...

Робертсъ.

Сдѣлайте милость, миссъ Рита, позвольте намъ поговорить, если не хотите, чтобъ нашъ домъ обанкрутился.

Рита (*важно*).

Обанкрутился! Прошу у васъ извиненія, господинъ Робертсъ. Я шутила, потому что не знала, что у васъ разговоръ о такихъ важныхъ дѣлахъ. Извините меня за легкомысліе! Оставляю васъ, — говорите на свободѣ. Прощай, папа! Прощай на четверть часа. Ты позовешь меня, чтобы снова сдѣлать царицей, не правда ли?

Натанъ.

Да, да, ангелъ мой. (*Робертсъ отходитъ.*)

Рита.

Ты смотри, помоги господину Робертсу и его хозяевамъ... Ты ему поможешь? Мнѣ грустно видѣть бѣднаго старика въ такомъ безпокойствѣ. А я еще недавно его такъ мучила... (*Пожимаетъ руку отцу.*) Обѣщай мнѣ, что ты сдѣлаешь для него все, что можешь.

Натанъ (*цалуя ее*).

Все, что ты хочешь, моя Рита.

Рита.

Это мнѣ нравится, папа. (*Робертсу.*) Прощайте, господинъ Робертсъ. (*Тихо.*) Я сказала за васъ словечко... Смѣлѣе, смѣлѣе! Все будетъ хорошо. (*Уходитъ въ садъ.*)

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Натанъ *и* Робертсъ.

Натанъ (*быстро и измѣнивъ физіономію*).

Скажите мнѣ, въ какомъ состояніи ваша касса? Говорите яснѣе и короче!

Робертсъ.

Дѣйствуя по вашимъ совѣтамъ, наша касса купила на двѣсти тысячъ фунтовъ стерлинговъ бумагъ Веллингтоновскаго займа. Теперь эти бумаги упали на десять съ половиной процентовъ. Если продавать ихъ, мы пропали, а если мы удер-

жимъ эти бумаги, у насъ не хватитъ пятидесяти тысячъ фунтовъ стерлинговъ для нынѣшнихъ и завтрашнихъ платежей.

Натанъ.

Въ какомъ состояніи разсчеты мои съ вашимъ домомъ? Посмотримъ! (*Думаетъ.*)

Робертсъ.

Вотъ, въ главной книгѣ... (*беретъ толстую книгу, которую, входя, положилъ на столъ*) счетъ того, что вы намъ выдали.

Натанъ.

Къ чорту ваши книги! Не думаете ли вы, что я считать не умѣю?

Робертсъ.

Ну, хорошо, посмотрите у себя. Гдѣ ваши счеты?

Натанъ (*указывая на лобъ*).

Здѣсь, въ моей главной книгѣ. Итогъ суммы, которую я вамъ ссудилъ третьяго-дня, былъ двѣсти-восемьдесятъ тысячъ фунтовъ, двѣнадцать шиллинговъ и шесть пенсовъ.

Робертсъ (*смотря въ книгу*).

Именно такъ. Какая голова у васъ, господинъ Готшильдъ!

Натанъ (*холодно*).

Если вы принуждены будете кончить дѣла, какія условія вы можете представить кредиторамъ?

Робертсъ.

О, господинъ Готшильдъ, что вы говорите? Кончить дѣла, обанкрутиться!

Натанъ.

Какъ же еще говорить! Сколько за сто?

Робертсъ.

Самое большое—двадцать-пять на сто.

Натанъ.

Въ такомъ случаѣ я потеряю шестьдесятъ тысячъ фунтовъ три шиллинга и полтора пенса. Нужно васъ поддержать, нечего дѣлать. Я дамъ вамъ еще пятьдесятъ тысячъ фунтовъ двѣнадцать шиллинговъ и шесть пенсовъ. Какое обезпеченіе вы можете мнѣ дать?

Робертсъ.

Вотъ билеты банка.

Натанъ.

Хорошо! Я беру ихъ.

Робертсъ.

Но знайте, что они упали на восемь процентовъ.

Натанъ.

Хорошо, хорошо. (*Беретъ ихъ.*) Потомъ?

Робертсъ.

Вотъ эти лучше... пятипроцентныя бумаги ирландскія; онѣ стоятъ аль-пари.

Натанъ.

Нѣтъ, нѣтъ, не надо!

Робертсъ.

Странный человѣкъ!... Мнѣ нечего болѣе предложить вамъ, какъ только бумаги займа главнокомандующаго лорда Веллингтона; но вы знаете лучше меня, онѣ упали на десять съ половиной, и если и не будетъ хорошихъ извѣстій изъ лагеря... упадутъ совсѣмъ...

Натанъ.

Хорошо, я ихъ беру, беру. Вотъ вамъ приказъ моему кассиру на пятьдесятъ тысячъ фунтовъ. (*Идетъ къ письменному столу и прикладываетъ подпись къ листку.*) Вы заплатите мнѣ всю сумму черезъ мѣсяцъ. Вотъ здѣсь ваши билеты и бумаги...

Робертсъ (*удивленный*).

О, добрый господинъ Готшильдъ... Вы спасли честь нашего дома! Чѣмъ мы можемъ благодарить васъ?

Натанъ.

Чѣмъ? Вы заплатите мнѣ пятнадцать процентовъ.

Робертсъ (*удивленный и опечаленный*).

Пятнадцать?

Натанъ.

Если вы не согласны на мои условія, ищите денегъ въ другомъ мѣстѣ.

Робертсъ (*умоляющимъ голосомъ*).

Господинъ Готшильдъ, возьмите десять процентовъ.

Натанъ.

Вы меня принимаете за ростовщика. Я не торгуюсь. Или пятнадцать, или я разрываю приказъ кассиру. (*Показываетъ.*)

Робертсъ.

Нѣтъ, нѣтъ, господинъ Готшильдъ! вы получите пятнадцать. Будь по-вашему. Вы спасли домъ... Еще такое же спасеніе—и мы раззоримся совершенно. (*Раскланивается.*)

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Натанъ (*одинъ. Ходитъ взадъ и впередъ, потирая руки.*)

Славныя времена! Славныя времена! Желанное время для того, чтобы ловить милліоны въ мутной водѣ европейскихъ биржъ. „Союзники взяли Шалонъ“. Курсы повышаются! „Блюхеръ отступилъ отъ Жанвильера“. И заемъ нашего главнокомандующаго бѣжитъ внизъ, сломя голову. „Императоръ взялъ Шалонъ“. Англійскіе, прусскіе, австрійскіе фонды гибнутъ; спасайся, кто можетъ. „Шварценбергъ отбилъ Труа“. Вотъ снова англійскіе фонды въ гору. И вотъ мы, большіе ловцы, съ полными сѣтями, а маленькія рыбачьи лодочки идутъ ко дну, ко дну... и пропадаютъ навсегда. (*Сильнѣе потирая руки и ускоряя шаги.*) И говорятъ еще объ игорныхъ домахъ, о фараонѣ, о красномъ и черномъ... Это игрушки, бѣдныя дѣтскія игрушки!... Нѣтъ, дайте мнѣ биржу Лондона, биржу Парижа въ конвульсіяхъ, какъ родильницу! Вотъ это игра! Вотъ это жизнь! Вотъ опьяненіе! Нынче владѣтель милліона, завтра—на порогѣ нищеты, но всегда съ лицомъ спокойнымъ, съ душой невозмутимой, всегда съ кредитомъ, съ уваженіемъ, съ общимъ почетомъ и съ титуломъ короля банкировъ и банкира королей! Кто не подастъ теперь руки Натану Готшильду, кто ему не поклонится при встрѣчѣ съ нимъ? И какъ торопятся его единовѣрцы дать ему первое мѣсто въ синагогѣ! А между тѣмъ, если не бѣдная жена его, которую они, злые люди, гнусныя маріонетки, заставили умереть отъ трудовъ и огорченій, то его дочь, тоже христіанка, какъ и въ то время, когда вы плевали въ слѣдъ этому отверженцу, который просилъ себѣ только мѣста подъ солнцемъ. А теперь, если бы пришла ему охота плевать на васъ въ свою очередь,

сколько бы изъ васъ сочли это для себя украшеніемъ! И все это, этотъ тріумфъ, эта слава, которая теперь возросла гигантски, вышло отсюда. (*Ударяя себя по лбу.*) И изъ бѣдныхъ двухсотъ тысячъ талеровъ, оставленныхъ мнѣ французскимъ бѣглецомъ... О, люди, какъ вы мелки! О, деньги, какъ вы велики, всемогущи, дивны!

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

Давидъ, *потомъ* Іонафанъ бенъ-Манассія *и* Натанъ.

Давидъ.

Вашъ первый прикащикъ, онъ пріѣхалъ изъ Лондона.

Натанъ.

Мой старый Манассія! Пусть войдетъ! (*Давидъ уходитъ въ боковую дверь.*) Вотъ золотой прикащикъ! Получаетъ шесть тысячъ франковъ жалованья, а заслуживаетъ ста тысячъ! Если-бъ онъ зналъ... Но онъ не знаетъ! Онъ былъ всегда нищъ духомъ относительно своихъ выгодъ. Свѣтъ дѣлится такъ: одни служатъ, а другіе заставляютъ себѣ служить. (*Входитъ Іонафанъ и почтительно кланяется.*) Ну, старикъ Іонафанъ, что фонды?

Іонафанъ.

Всѣ падаютъ: вотъ вамъ курсы въ полдень. (*Подаетъ «Биржевой Листокъ».*) Какъ вы думаете, не пора ли намъ поберечься, пока дѣла не пошли еще хуже?

Натанъ.

О, нѣтъ, старикъ Іонафанъ, еще не время. Посмотримъ, не можемъ ли мы выдержать еще дня два. Сообщи мнѣ, каковы слухи. Я не читаю журналовъ, хотя и плачу за нихъ много. Если пойдешь за журналистами, такъ собьешься съ пути.

Іонафанъ.

Сегодня новости очень дурныя для союзниковъ. Наполеонъ отрѣзалъ войско Шварценберга отъ пруссаковъ при Сенъ-Дизье. Кажется, онъ хочетъ разбить ихъ порознь. (*Съ довольнымъ видомъ.*) Вы увидите, что союзники должны будутъ отступить отъ Парижа.

Натанъ (*ходя*).

Ты вѣришь, Іонафанъ?

Іонафанъ.

Такъ же вѣрю, какъ приговору синедріона.

Натанъ.

А я, оставляя синедріонъ въ покоѣ, этому не вѣрю. Видишь, Іонафанъ, есть звѣзды, которыя когда начинаютъ выходить, то ужь болѣе не показываются на горизонтѣ. И я знаю одну такую звѣзду; великое свѣтило, блестѣвшее два года тому назадъ, теперь, въ 1814 году, имѣетъ видъ падучей звѣзды. Кстати, въ банкъ придетъ первый прикащикъ фирмы Лакерштейнъ; я далъ приказъ выдать ему пятьдесятъ тысячъ фунтовъ. Вотъ залогъ, который я взялъ съ нихъ. (*Идетъ къ письменному столу и даетъ ему билеты и проч.*)

Іонафанъ (*качая головой*).

Всѣ эти бумаги падаютъ.

Натанъ.

Потому я ихъ и взялъ. Скоро ты увидишь, что онѣ подымутся, и будешь благословлять судьбу, что мы имѣемъ ихъ. Іонафанъ, скажи нашимъ агентамъ, чтобы покупали, покупали; когда придетъ часъ продавать ихъ, всѣ бросятся къ намъ, а мы будемъ держать высоко золотую приманку. (*Взявъ его за подбородокъ.*) Ну, что ты скажешь, простачекъ?

Іонафанъ.

Господинъ Готшильдъ, все это хорошо, но я ничего не понимаю.

Натанъ.

Въ томъ-то и разница между нами: ты ничего не понимаешь, а я понимаю! Ступай, Іонафанъ! (*Іонаѳанъ уходитъ, качая головой.*) Подожди! (*Таинственно.*) Видѣлъ ты человѣка съ птичьяго рынка?

Іонафанъ.

Продавца голубей?

Натанъ.

Ну, да. Велѣлъ ты ему идти съ ружьемъ на дуврскую дорогу?

Іонафанъ.

Да.

Натанъ.

Хорошо. (*Съ добродушіемъ.*) Мнѣ хочется голубей съ той стороны пролива.

Іонафанъ.

Странное желаніе!

Натанъ.

Чего-жь тебѣ? Вкусные! Ступай теперь, Іонафанъ, и помни хорошенько: покупай бумаги союзниковъ по всякой цѣнѣ.

Іонафанъ.

Великій человѣкъ! Пріятно смотрѣть, какъ вы бросаете сто тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

Натанъ.

Съ увѣренностію превратить ихъ въ триста, если подымутся фонды.

Іонафанъ.

А если не подымутся?

Натанъ.

Тогда... (*Послѣ минутнаго молчанія.*) Тогда, мой добрый Іонаѳанъ, вернемся во Франкфуртъ вмѣстѣ: я — гранить драгоцѣнные камни, а ты — продавать старое платье, какъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Помнишь ты это, Іонафанъ бенъ-Манассія?

Іонафанъ.

Такъ, какъ вчера. Мнѣ все кажется, что французы грабятъ мою лавку. Этотъ день былъ днемъ моего раззоренія.

Натанъ.

И моего счастія. Ты одинъ изъ моихъ единовѣрцевъ меня не покинулъ, и я не позабылъ тебя, Іонафанъ! Я взялъ тебя съ собой въ Англію, одѣлъ какъ господина, жирно кормилъ тебя, учу тебя какъ вести дѣла! И я еще не все сдѣлалъ для тебя... тебя ждетъ лучшее, Іонафанъ! (*Взвышивая слова и ударяя по плечу каждый разъ, при произнесеніи имени Іонафана.*) Если дѣла пойдутъ счастливо, Іонаѳанъ, я прибавлю тебѣ жалованья... Іонафанъ, двадцать фунтовъ въ годъ, Іонаѳанъ.

Іонафанъ.

И въ прошломъ году вы мнѣ то же обѣщали, а всетаки...

Натанъ.

Какъ! Обѣщалъ, а потомъ забылъ? Іонафанъ, на этотъ разъ

не забуду. При первомъ займѣ прусскаго короля, или австрійскаго императора. — если онъ состоится, — дамъ тебѣ двѣ тысячи фунтовъ. Іонафанъ, двѣ тысячи фунтовъ ровно, безъ учета. Теперь ступай, Іонафанъ, ступай... (*Іонафанъ хочетъ идти. Натанъ продолжаетъ ходить взадъ и впередъ; когда Іонафанъ уже у входа, Натанъ его кличетъ.*) Кстати, Іонафанъ, былъ ты у французскаго купца въ базарѣ, подлѣ Лестеръ-сквера?

Іонафанъ.

Гдѣ миссъ Готшильдъ отобрала вчера нѣсколько вещей? Былъ и велѣлъ ему придти сюда со всѣмъ, что у него есть лучшаго.

Натанъ.

Я хочу къ тому, что она выбрала, прибавить кой-что, чтобы показать ей, что не забылъ дня ея рожденія.

Іонафанъ.

Какъ можете вы думать о мелочахъ, когда биржа въ такомъ положеніи и наша касса утекаетъ...

Натанъ.

Мелочи — рожденіе моей Риты? Ты говоришь пустяки, несчастный сынъ Израиля! (*Хватаетъ съ сердцемъ его за галстухъ.*) Или нѣтъ у тебя сердца? Или не было у тебя жены, ни дѣтей? (*Іонафанъ дѣлаетъ отрицательные знаки.*) Развѣ ты не знаешь, что я, для удовольствія моей Риты, рѣшился остаться здѣсь въ заключеніи на цѣлый день, и въ какой еще день? Когда биржа призываетъ меня тысячею голосовъ сирены, когда идетъ дѣло о моемъ Аустерлицкомъ сраженіи.

Іонафанъ.

Аустерлицъ? Да, если фонды подымаются... а если не подымутся?

Натанъ.

Паденіе, банкротство, бѣгство... (*Холодно.*)

Іонафанъ.

И вы говорите объ этомъ хладнокровно? Святые пророки!

Натанъ.

И императоръ, говорятъ, никогда не бываетъ такъ спокоенъ, какъ наканунѣ большаго сраженія. А мои милліоны мнѣ дороже, чѣмъ ему войска... А вотъ слушай. (*Трогаетъ пульсъ.*)

Я спокоенъ, пульсъ бьется правильно, я могу заниматься подарками для дня рожденія моей милой Риты, этого живаго портрета ея бѣдной матери. (*Останавливается передъ портретомъ Риты.*)

Іонафанъ.

Что за человѣкъ, что за голова! Теперь, когда онъ смотритъ на портретъ своей жены, позвони ему надъ ухомъ мѣшкомъ золота, вѣдь онъ не оборотится. (*Уходитъ. Входитъ Давидъ.*)

СЦЕНА СЕДЬМАЯ.

Давидъ, *потомъ* Брикабракъ *и* Натанъ.

Давидъ.

Французъ изъ французскаго базара по вашему приказанію, какъ онъ говоритъ.

Натанъ (*придя въ себя*).

А! Пусть войдетъ... Да! Или первый изъ банкировъ, или послѣдній изъ банкротовъ! Но роковой часъ не замедлитъ пробить. Парижъ долженъ сдаться союзникамъ, такъ говорятъ письма, которыя я тайно получаю изъ главныхъ квартиръ обоихъ войскъ. Мои милліоны имѣютъ друзей всюду. О, мнѣ недешево стоятъ эти письма!... Если-бъ мнѣ удалось имѣть одного изъ тѣхъ голубей, которые приносятъ извѣстія изъ лагеря банкиру Оверстону! У него было бы однимъ голубемъ меньше, а у меня нѣсколькими милліонами больше. (*Входитъ Брикабракъ. Онъ одѣтъ по французской модѣ того времени, смѣшно и съ дурнымъ вкусомъ. У него длинная сѣдая борода; онъ немного сгорбленъ. Значительно постарѣлъ. При немъ объемистый свертокъ.*)

Брикабракъ.

Bonjour, господинъ! Мнѣ сказали, чтобы я принесъ все, что имѣю лучшаго. Здѣсь есть рѣдкая вещь, которая цѣнится на вѣсъ золота. (*Открываетъ свертокъ и вынимаетъ маленькій несессеръ, принадлежавшій маркизу де-Сенъ-Кастъ.*) Несессеръ, стиль Дюбари, настоящій Буль, крышка севрскаго фарфора, bijou.

Натанъ.

Хм!... Да... Недурно! Я впрочемъ не понимаю... Это французская вещь, такъ? (*Садясь къ столу.*)

Брикабракъ.

Fabrique de Paris. Да. это самая парижская вещь... (*Тихо и таинственно, кладя палецъ на губы.*) Это кантрабанда, meuble historique, господинъ, изъ вещей генеральши Нейвингеръ, умершей въ прошломъ году.

Натанъ (*равнодушно*).

А, а! Вдовы генерала, который занялъ Франкфуртъ въ 1792 году?

Брикабракъ.

Tiens! tiens! tiens!... Какъ банкиры хорошо знаютъ исторію... Совершенно такъ... Господинъ имѣетъ хорошую память.

Натанъ.

У меня есть причина помнить это.

Брикабракъ.

И у меня! Parbleu! Я самъ былъ тамъ въ то время.

Натанъ.

Вы? (*Смотритъ на него равнодушно и быстро дѣлая вычисленія карандашомъ.*)

Брикабракъ.

Вотъ я самый, какъ видите, служилъ въ главномъ рейнскомъ войскѣ. (*Таинственно.*) Юстинъ Горацій Коклесъ Брикабракъ былъ одинъ изъ героевъ 1792 года. (*Приближается къ Натану.*) Вы англичанинъ, господинъ?

Натанъ.

Нѣтъ.

Брикабракъ.

А! Мнѣ такъ и показалось... но я боялся ошибиться. (*Съ жаромъ.*) Эти собаки англичане взяли меня въ плѣнъ въ Тулонѣ и держали въ понтонахъ до аміенскаго мира. И вотъ, чтобы отомстить имъ, я женился на англичанкѣ и на ея приданое завелъ лавку рѣдкостей и заставлю своихъ враговъ проливать кровь въ видѣ денегъ, которыя вынимаю изъ ихъ кармановъ.

Натанъ.

Честный французъ, я надѣюсь, что вы не захотите совершать

вашихъ хирургическихъ операцій надъ моими карманами. Какая цѣна этой вещицы?

Брикабракъ.

Цѣна... Ахъ, господинъ, я бы охотно предложилъ вамъ ее даромъ въ знакъ уваженія, если бы вы обѣщали мнѣ маленькій купонъ въ одномъ изъ вашихъ будущихъ займовъ.

Натанъ.

Шутокъ не надо! Цѣна, говорю я вамъ!

Брикабракъ.

Цѣна... Ah, mon Dieu! Мнѣ хочется заплакать при мысли, что придется разстаться съ этой роскошною вещью...

Натанъ.

Цѣна, цѣна!

Брикабракъ.

А этотъ портретъ на крышкѣ! Какое личико, какіе волосы, какая грудь!

Натанъ.

Цѣна!

Брикабракъ.

Ахъ, зачѣмъ огорчаете вы меня, говоря о цѣнѣ такого chef d'œuvre! Какое художественное совершенство! Какое вдохновеніе! Какой геній! Какой шикъ! Cré nom d'un petit bonhomme! (*Натанъ звонитъ. Брикабракъ встревоженный.*) Зачѣмъ звоните, господинъ?

Натанъ.

Я четыре раза спрашивалъ у васъ цѣну, вы не хотите сказать, такъ хорошо,—ступайте!

СЦЕНА ВОСЬМАЯ.

Давидъ *и* тѣ же.

Натанъ (*Давиду*).

Выпроводи за двери этого господина.

Брикабракъ (*Давиду, который приближается*).

Минуточку, другъ! Ну, хорошо, господинъ, я скажу мою

цѣну... Будь это съ кѣмъ-нибудь другимъ, а не съ вами, господинъ... и притомъ ваша мадемуазель дѣлаетъ покупки въ моемъ базарѣ au grand Mogol... не стану просить тридцати стерлинговъ, а...

Натанъ.

Десять.

Брикабракъ.

Десять! Horreur! Вы шутите, господинъ! За эту великолѣпную игрушку десять фунтовъ стерлинговъ!

Натанъ.

Десять фунтовъ составляютъ двѣсти пятьдесятъ франковъ,— настоящая цѣна...

Брикабракъ.

Ахъ, господинъ, ахъ!... Вы посмотрите, посмотрите.

Натанъ (*взглянувъ на несессеръ*).

Да, правда, я ошибся.

Брикабракъ.

И думаю, что ошиблись. Десять фунтовъ! Десять фунтовъ, par exemple!

Натанъ.

Тутъ царапина на крышкѣ... и изъянъ въ фарфорѣ... Я хотѣлъ сказать: восемь фунтовъ.

Брикабракъ.

О, господинъ! о! о! mon Dieu! Господинъ смѣется надъ изящными искусствами! Десять! Восемь! Ну, хорошо, такъ-какъ мадемуазель—наша pratique, французская вѣжливость не позволяетъ мнѣ сдѣлать ей неудовольствіе... для нея только осьмнадцать.

Натанъ.

Восемь, восемь, восемь! Берите, или ступайте!

Брикабракъ.

Ахъ! продать за восемь, это то же, что выщипать себѣ бороду, какъ говорятъ турки! (*Натанъ звонитъ. Давидъ, который былъ въ глубинѣ сцены, подходитъ.*) Восемь гиней, господинъ, восемь гиней, и онъ вашъ.

Натанъ.

Ну, и въ добрый часъ! Вы хотите золотомъ, не такъ ли? (*Вынимаетъ кошелекъ.*)

Брикабракъ.

О, да, господинъ! (*Про-себя.*) Золото стоитъ дороже! Я предпочитаю золото; къ тому же вы его предлагаете такъ любезно.

Натанъ.

Вы знаете, что на каждую гинею теперь шесть шиллинговъ лажу. (*Брикабракъ, улыбаясь, потираетъ руки.*) Въ каждой гинеѣ двадцать-семь шиллинговъ, шестью восемь—сорокъ-восемь. Двѣ гинеи, четыре, шесть. (*Отсчитываетъ.*) Вотъ шесть золотыхъ гиней и два шиллинга; счетъ вѣренъ. Двѣ гинеи безъ двухъ шиллинговъ лажу.

Брикабракъ.

За восемь гиней двѣ гинеи безъ двухъ шиллинговъ промѣну! Но это убійство! Вы съ меня живаго кожу деретe! Я сказалъ: восемь гиней, господинъ.

Натанъ.

Вы сказали: восемь гиней золотомъ, мой милый, а золото дорого, эти свѣтлые кружечки недешевы. Когда я дѣлаю дѣла, я ихъ дѣлаю точно. (*Звонитъ.*)

Брикабракъ.

Это оскорбленіе, насмѣшка! Господинъ, который купается въ золотѣ, вычитаетъ лажъ. (*Натанъ снова звонитъ. Давидъ приближается.*) Хорошо, я беру.

Натанъ.

Вашу бездѣлку?

Брикабракъ.

Нѣтъ, золото. И если господинъ захочетъ посѣтить мой базаръ, я покажу ему другія диковинки.

Натанъ.

У меня нѣтъ времени для этихъ посѣщеній.

Брикабракъ.

Ахъ, господинъ, сдѣлайте милость, помогите вашему собрату.

Натанъ (*съ презрѣніемъ*).

Я вашъ собратъ?

Брикабракъ.

Конечно; мы оба обдѣлываемъ этотъ проклятый ростбифъ. Въ ожиданіи, покуда тотъ... le petit caporal... возьметъ у нихъ

la capitale, мы отбираемъ у нихъ капиталы... Ахъ! Elle est bonne celle-ci! (*Уходитъ, смѣясь, съ низкими поклонами. Давидъ показываетъ дорогу.*)

Натанъ (*разсматриваетъ нессесеръ*).

Я его купилъ дешево! Я увѣренъ, что онъ стоитъ вчетверо дороже! Гдѣ-жъ французу съ евреемъ! Бѣдный дуракъ! (*Увидавъ Риту въ саду, покрываетъ нессесеръ платкомъ.*) Милая моя Рита!

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ.

Рита *и* Натанъ.

Рита.

Ну, папа, ушли твои дѣловые люди? Да? О, я теперь довольна! ты мой теперь на весь день.

Натанъ.

Вотъ тебѣ маленькій подарокъ для дня твоего рожденія. (*Показываетъ нессесеръ.*)

Рита (*садится съ другой стороны стола*).

А, ящикъ, который я видѣла во французскомъ базарѣ и не купила, потому что онъ стоитъ такъ дорого! Но кто же могъ сказать тебѣ?

Натанъ.

И у меня есть тоже шпіоны. Мы, князья финансовые, имѣемъ ихъ не меньше кровныхъ князей. Только мы имъ платимъ дешевле и они намъ служатъ лучше.

Рита (*встаетъ, беретъ ящичекъ и садится на скамейку у ногъ отца*).

Какъ это мило! Кажется, что отъ него еще и теперь пахнетъ пудрой; вѣрно, какая-нибудь герцогиня или маркиза прошлаго вѣка держала въ немъ всѣ свои любовныя письма! Надо показать его Виктору.

Натанъ.

Что это за Викторъ?

Рита.

Мой учитель музыки. Полтора года тому назадъ мнѣ его рекомендовала леди Маркманъ, наша сосѣдка по дачѣ. Человѣкъ со вкусомъ.

Натанъ.

Кто? Леди Маркманъ?

Рита.

Нѣтъ, Викторъ. Мнѣ непріятно, что нынче нѣтъ урока.

Натанъ.

А что ты положишь въ эту вещичку?

Рита.

Не знаю... у меня нѣтъ любовныхъ писемъ, ты знаешь. Вотъ если бы ты далъ мнѣ письма, которыя писала тебѣ мама, я бы ихъ сберегла очень хорошо.

Натанъ.

Письма твоей матери! (*Тихимъ и взволнованнымъ голосомъ, показывая внутренній карманъ своего платья.*) Они всегда, дочь моя, здѣсь, въ карманѣ, и всегда останутся здѣсь у моего сердца, пока оно будетъ биться; у моего сердца, когда оно и похолодѣетъ.

Рита.

Милый папа! (*Встаетъ и цалуетъ его.*) Ну, такъ ты напиши мнѣ письмецо и оно одно будетъ лежать въ ящикѣ, пока не будетъ другихъ. Я думаю, что рано или поздно и у меня будутъ кой-какія письма.

Натанъ.

Э! Берегись, моя Рита! Да кто знаетъ, можетъ быть, они были бы у тебя и теперь, если бы я не смотрѣлъ за тобой.

Рита (*смѣясь*).

А! ты смотришь, чтобы ко мнѣ не доходили любовныя письма?

Натанъ.

Да, я смотрю, чтобы мотыльки и мушки не летали кругомъ тебя. Ты должна знать, моя дѣвочка, что ихъ привлекаютъ деньги, а не любовь. Это горькое нравоученіе, но я обязанъ его сдѣлать тебѣ.

Рита.

Боже мой! Какъ жаль, что я богата...

Натанъ.

Что ты! Не говори этого! Это глупо, Рита! Пока ты богата, ты можешь смѣяться надъ ихъ уловками; будь ты бѣдна,

ты была бы ихъ жертвой. Богатство, Рита... ты не презирай его! Теперь это единственное божество, которому поклоняются съ одинаковымъ благовѣніемъ по всему лицу земли. Смотри, вотъ идолъ нашего времени. (*Вынувъ золотую монету изъ кармана.*) И какъ чествуютъ жрецовъ этого бога! Всѣ униженно повергаются къ ихъ ногамъ, кадятъ имъ, обожаютъ ихъ и цалуютъ ихъ подошвы... (*Поднявъ ногу.*) Вотъ подошва, которую они цалуютъ даже и тогда, когда она даетъ имъ пинки... Наши предки поклонялись золотому тельцу, христіане переняли у насъ это поклоненіе, но идола мы сохранили. (*Показываетъ монету и прячетъ ее.*)

Рита.

Молчи, папа, молчи! Мнѣ больно слышать такія слова. И ты думаешь, что только богатство что-нибудь значитъ въ свѣтѣ?

Натанъ.

Нѣтъ, но оно придаетъ значеніе всѣмъ другимъ цифрамъ, также какъ единица, поставленная передъ цѣлымъ рядомъ нулей.

Рита.

А красота, талантъ, добродѣтель...

Натанъ.

Все это благоуханія, которыя такъ же стремятся къ богатству, какъ дымъ жертвенника стремится къ небу.

Рита.

А благородство?

Натанъ.

А благородство безъ денегъ, дѣвочка моя, — это левъ безъ когтей, безъ зубовъ и гривы. Зрѣлище плачевное.

Рита.

Такъ лучше быть богатой и неблагородной, какъ я, чѣмъ благородной и бѣдной.

Натанъ (*смѣясь*).

А лучше всего быть богатой, благородной и красавицей... Ты изъ этихъ качествъ два уже имѣешь: ты богата и хороша.

Рита.

А благородство?

Натанъ.

Съ моими милліонами будетъ и оно, если захочешь.

Рита.

Но ты вѣдь не благородный, а я не хочу отдѣляться отъ тебя.

Натанъ.

Да и не надо! Ты думаешь, что къ моему лицу нейдутъ гербы. Не бойся: куча золота вездѣ будетъ принята хорошо, въ какое платье ее ни одѣнь. Да, моя Рита будетъ благородная госпожа, прекрасная дама.

Рита.

Понимаю! Ты хочешь купить мнѣ мужа; ты хочешь промѣнять меня, какъ банковый билетъ, на гербъ графа или маркиза?

Натанъ.

Теперь мужья также имѣютъ свой курсъ на биржѣ, какъ и другія цѣнности, моя милая. Выгодныя брачныя сдѣлки въ большомъ ходу у раззорившихся дворянъ.

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ.

Тѣ же *и* Давидъ.

Давидъ.

Виконтъ Вернонъ...

Натанъ (*встаетъ*).

Проси его въ мой кабинетъ. (*Ритѣ.*) Секретарь министра и будущій министръ, если я помогу ему моимъ умомъ и деньгами.

Рита.

Онъ не долго задержитъ тебя, папа, не правда ли?

Натанъ.

Нѣтъ... Я знаю, что ему нужно. Пришелъ занять у меня немножко мозгу. Я сейчасъ возвращусь. Министръ финансовъ хочетъ знать мое мнѣніе насчетъ будущаго займа. (*Уходитъ въ дверь, противоположную той, въ которую вошелъ Давидъ.*)

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ.

Рита (*одна*).

Золото, золото! Всегда золото! Постоянно говоря о золотѣ, папа забылъ, что есть вещи, которыя не покупаются и не продаются за золото! Нѣтъ, сердце Риты нельзя продавать съ аукціона, кто дастъ больше! Боже мой! Если бы папа зналъ, что оно ужь отдано и отдано тому, кто не можетъ купить моего сердца, потому что у него нѣтъ ничего! Что-то выйдетъ изъ всего этого? Кто знаетъ! Онъ мнѣ ничего не говорилъ, я тоже... Однако мы любимъ другъ друга, я это чувствую. Я замѣчаю по трепету нашихъ пальцевъ, когда они встрѣчаются на клавишахъ фортепьяно. — по моему счастью, когда онъ со мною, — по моему безпокойству, когда его нѣтъ; чувствую, что когда нибудь онъ самъ мнѣ объ этомъ выскажетъ. Да что-жъ пользы! И притомъ у него много чести и гордости — я въ большомъ затрудненіи. О, если-бъ жива была моя мать! Мнѣ нужно съ ней поговорить, нужно спросить у нея совѣта, какъ это дѣлаетъ всегда папа. Она вдохновитъ меня. Подожду до завтра, я хочу его видѣть. Если я посовѣтуюсь съ моей матерью сегодня, и если она мнѣ скажетъ, что я не должна съ нимъ видѣться, ну, такъ и говорить нечего! Но только еще одинъ разъ, одинъ разъ, и потомъ я ему скажу прямо: я тебѣ обѣщаю, мама. (*Обращается къ портрету.*)

СЦЕНА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Рита, Давидъ, *потомъ* Викторъ.

Давидъ.

Учитель музыки, миссъ Рита!

Рита.

Ахъ! Онъ пришелъ сегодня, когда нѣтъ уроковъ.

Викторъ (*входя, слышитъ слова Риты*).

Нынче день вашего рожденія, миссъ, и я не могъ противиться желанію принести вамъ искреннія поздравленія. Мнѣ нужно было идти на урокъ къ вашей сосѣдкѣ, леди Маркманъ, и я воспользовался этимъ случаемъ.

Рита (*подавая ему руку*).

Почемъ вы знаете, что нынче день моего рожденія?

Викторъ.

Вы мнѣ сами сказали въ прошломъ году. Вы думаете, что я забылъ. Будьте всегда счастливы, счастливы, какъ желаютъ вамъ всѣ, кто васъ любитъ.

Рита (*съ невольнымъ кокетствомъ*).

Ахъ, кромѣ моего папа, меня никто не любитъ, даже на столько, чтобы поздравить меня. Я нигдѣ не бываю.

Викторъ.

Есть люди, которые желаютъ вамъ счастія чаще, чѣмъ вы думаете.

Рита.

Неужели? Мнѣ пріятно это слышать.

Викторъ.

Миссъ, у насъ, во Франціи, есть обычай, даже между простыми знакомыми, дарить букеты въ день рожденія: позволите ли мнѣ просить васъ принять скромный букетъ фіалокъ. Проходя паркомъ, я самъ набралъ его. (*Подаетъ.*)

Рита.

Это для меня дѣлаетъ его вдвое дороже. Какъ онѣ пахнутъ! Я положу его въ мой новый ящикъ, чтобы сообщить ему запахъ фіалокъ. (*Показываетъ нессесеръ Виктору.*) Вотъ подарокъ, который мнѣ сейчасъ сдѣлалъ папа! Не правда ли, какъ это мило?

Викторъ.

Мило! (*Приближается и смотритъ.*) Боже! Этотъ гербъ... этотъ портретъ!

Рита.

Что съ вами?

Викторъ.

Скажите, скажите, какъ вы пріобрѣли его?

Рита.

Папа купилъ на французскомъ базарѣ. Я его видѣла вчера и спрашивала, откуда онъ полученъ. Человѣкъ, который продавалъ его, сказалъ мнѣ, что онъ купилъ съ публичнаго торга, послѣ смерти генерала Нейвингера.

Викторъ.

Который командовалъ войскомъ на Рейнѣ во время республики? Странная игра случая! Да! Это гербъ нашей фамиліи, это портретъ моей матери.

Рита.

Вашей матери? О, какъ она была хороша!

Викторъ.

И какъ несчастна.

Рита.

Но она одѣта какъ богатая дама; на гербѣ дворянская корона.

Викторъ.

А я — бѣдный учитель музыки, безъ имени, безъ состоянія. Вотъ, миссъ, вы ужь знаете половину моей тайны, значитъ имѣете право узнать и остальное. Мой отецъ, маркизъ де-Сенъ-Кастъ, какъ и всѣ аристократы, былъ въ опасности во время республики; онъ бѣжалъ изъ Парижа съ моей матерью и со мною. Я былъ еще младенцемъ, для того чтобы присоединиться къ арміи принцевъ въ Кобленцѣ; онъ разстался съ нами въ Эльзасѣ, и мы о немъ не имѣли болѣе извѣстій.

Рита.

Боже мой!

Викторъ.

Онъ, вѣроятно, былъ убитъ какой-нибудь революціонной бандой, которыя тогда занимали Рейнъ. Моя мать, нуждаясь во всемъ, уже съ разстроеннымъ здоровьемъ, умерла, оставивъ меня сиротою, непонимающимъ своего несчастія. Она скрывала свое имя отъ бѣдныхъ поселянъ, которые окружали ее во время долгой болѣзни. Я выросъ между ними. У меня не было никакого наслѣдства, кромѣ маленькаго ящика, подобнаго этому, съ той только разницей, что вмѣсто портрета матери на немъ былъ портретъ отца... Одинъ добрый священникъ, такой же бѣглецъ, принужденный принять должность органиста и учителя музыки, чтобы имѣть средства къ жизни, увидалъ меня маленькаго, взялъ на воспитаніе и обучилъ искусству, которымъ я теперь поддерживаю свое существованіе.

Рита.

Но кто вамъ открылъ ваше происхожденіе?

Викторъ.

Случай! Придя въ возрастъ, часто открывалъ я нессесеръ, который ревниво хранилъ на память о моей матери. Однажды мнѣ удалось открыть секретный ящикъ. Тамъ моя мать заперла краткій разсказъ о печальной участи моихъ родителей.

Рита.

Странный случай.

Викторъ.

И посмотрите, сходство таково, что и здѣсь есть секретный ящикъ... Вотъ пружина.

Рита.

Но ящикъ не открывается.

Викторъ.

Отъ влажности и небрежнаго обращенія съ нимъ дерево забухло. Теперь вы знаете мою тайну... вы ее не скажете никому, не правда ли, миссъ Рита?

Рита.

Но отчего вы не объявляете вашего званія, не пользуетесь вашимъ титуломъ?

Викторъ.

Къ чему это? Наши имѣнія конфискованы, проданы, какъ національная собственность. Титулъ и положеніе я хочу самъ пріобрѣсть. Если я буду годенъ на что-нибудь, если мои поступки могутъ принесть честь моей фамиліи, я открою свое имя, которое я до сихъ поръ скрывалъ. Бѣдные также имѣютъ свою гордость, миссъ Рита.

Рита.

О, господинъ Викторъ, повѣрьте, я понимаю и цѣню все благородство вашего поступка... Но какъ же наши уроки? Я ужь не могу имѣть учителемъ маркиза де-Сенъ-Кастъ.

Викторъ.

Пусть я буду для васъ всегда бѣднымъ учителемъ музыки.

Рита.

И моимъ другомъ, благодаря секрету, который мы знаемъ только двое. (*Подаетъ ему руку.*)

Викторъ.

Развѣ непремѣнно нужно имѣть секреты, чтобы быть друзьями? (*Цалуетъ у ней руку. Рита отнимаетъ ее.*)

Рита.

А урокъ леди Маркманъ?

Викторъ.

Я забылъ о немъ, извините, миссъ Готшильдъ.

Рита.

Зовите меня Ритой.

Викторъ.

Не могу, не смѣю, сударыня. Я не болѣе, какъ вашъ учитель музыки. Учите хорошенько урокъ къ завтрему! (*Кланяется и уходитъ.*)

СЦЕНА ТРИНАДЦАТАЯ.

Рита.

Вотъ настоящій дворянинъ! Онъ меня любитъ, а папа хочетъ купить благороднаго... Отчего-жъ не взять Виктора? Что за дѣло, французъ онъ или англичанинъ? Но онъ такой гордый! Онъ, пожалуй, будетъ способенъ отказаться отъ моей руки! Милый ящичекъ! Какъ я его теперь люблю! Мнѣ до смерти хочется подарить его Виктору, но не смѣю. Спросить у папа,— тогда нужно будетъ открыть ему секретъ, который я обѣщала никому не говорить. Теперь я еще больше запутаюсь, чѣмъ прежде. Ну, Рита, соберись съ духомъ и подумай! Посмотримъ, что лучше предпринять! (*Садится къ столу, поддерживая рукой голову, съ глубокой задумчивостью.*)

СЦЕНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Натанъ *и* Рита.

Натанъ.

Благородный виконтъ уѣхалъ, набравшись отъ меня умаразума. Я готовъ держать пари, что онъ между своими товарищами выдаетъ себя за великаго финансиста. Когда-нибудь онъ мнѣ заплатитъ за эти уроки. Рита, что ты дѣлаешь? Отчего ты такъ задумчива? Нѣтъ ли у тебя какой-нибудь государственной тайны?

Рита.

Нѣтъ, папа. Я стараюсь открыть секретный ящикъ въ этомъ нессесерѣ, и это мнѣ не удается.

Натанъ.

Секретный ящичекъ? Покажи, покажи, дитя мое! Часто въ такихъ потайныхъ ящикахъ находили банковые билеты. Его трудно открыть...

Рита

Можетъ быть отъ сырости.

Натанъ.

Нѣтъ. Тутъ что-то попало между ящикомъ и дномъ... подожди. Нужно какъ-нибудь ухитриться. Ну, Рита, что ты скажешь, если мы тамъ найдемъ билетъ въ двадцать или тридцать тысячъ франковъ?

Рита.

Хорошо, кабы такъ! (*Хлопая руками съ комической важностью.*) Все, что тамъ, мое! (*Про-себя.*) Я пошлю это къ Виктору.

Натанъ (*открывъ ящикъ*).

Наконецъ-то! Моя догадка оправдалась, тутъ какой-то листикъ.

Рита.

Что такое?

Натанъ.

Бѣлая бумага. Бѣдная Рита, мнѣ жаль, что я возбудилъ въ тебѣ напрасную надежду.

Рита (*съ досадой*).

А я-было сочинила такой славный воздушный замокъ. Нечего дѣлать. (*Бросаетъ бумагу на полъ.*) Клочокъ бумаги пожелтѣвшій, запылившійся... хороша находка! (*Про-себя.*) Чтобы утѣшить себя, я напишу Виктору и пошлю ему этотъ ящикъ. (*Садится за столъ спиной къ зрителямъ и пишетъ.*)

СЦЕНА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Давидъ, *потомъ* Іонафанъ *и* тѣ же.

Давидъ.

Господинъ Іонафанъ.

Натанъ.

Мой первый прикащикъ? Онъ бросилъ дѣла въ банкѣ? Зови скорѣе! (*Идетъ къ дверямъ. Давидъ уходитъ.*) Что новаго, старикъ Іонафанъ?

Іонафанъ (*взволнованный*).

Извините, я такъ взволнованъ, я прибѣжалъ самъ...

Натанъ (*тихо*).

Успокойся, успокойся, старый дуракъ! Ты видишь, что я спокоенъ. Не испугай дочь.

Іонафанъ.

Вы мнѣ велѣли дать приказаніе вашимъ агентамъ покупать государственныя бумаги...

Натанъ.

Да, чтобы продать ихъ по дорогой цѣнѣ, когда фонды поднимутся.

Іонафанъ.

Хорошо. Главный вашъ агентъ, Оверландъ, купилъ ихъ на двѣсти тысячъ фунтовъ, а они еще упали на два процента.

Натанъ.

Ну, и отлично!

Іонафанъ.

Онъ ихъ купилъ, да денегъ у него нѣтъ, чтобы заплатить за нихъ.

Натанъ (*холодно*).

Тѣмъ лучше для него.

Іонафанъ (*пораженный*).

Но вѣдь онъ для васъ покупалъ.

Натанъ.

Развѣ я ему приказывалъ? Развѣ я писалъ ему?

Іонафанъ.

Но я поручился за васъ.

Натанъ.

Ну, и плати! (*Смѣется надъ сконфуженнымъ Іонафаномъ.*) Ха, ха! Развѣ ты не видишь, что я хотѣлъ испугать тебя? (*Идетъ къ сундуку.*) Вотъ на шестьдесятъ тысячъ фунтовъ

бумагъ индѣйской компаніи, остальное билетами англійскихъ банковъ.

Іонафанъ.

Отдыхаю... Но есть кой-что хуже.

Натанъ.

А что?

Іонафанъ.

Знаете, что говорятъ на биржѣ?

Натанъ.

Что такое?

Іонафанъ.

Говорятъ, что надо быть дуракомъ, чтобы покупать въ такое дурное время... что вы закупились выше своихъ фондовъ, и что, если упадокъ курса продолжится еще два дня, вы...

Натанъ.

Я буду банкротомъ. Они сказали правду. Только ошиблись относительно срока. Если курсъ будетъ падать, я буду банкротомъ завтра, а не послѣ-завтра.

Іонафанъ.

И вы говорите это такъ равнодушно?

Натанъ.

Ребенокъ! (*Щелкая его по носу.*) А другіе агенты мои — Гольдшмидтъ и Леви купили тоже?

Іонафанъ.

Одинъ на пятьдесятъ тысячъ, другой на восемьдесятъ.

Натанъ.

Пусть покупаютъ, пусть все покупаютъ. Вотъ два мои векселя на три дня.

Іонафанъ.

Сегодня ихъ еще возьмутъ, но завтра...

Натанъ.

Молчи, держи языкъ на привязи! (*Іонафанъ уходитъ.*)

СЦЕНА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Натанъ *и* Рита.

Натанъ *потирая руки*.

А! Вотъ это жизнь! Какъ эта борьба горячитъ человѣка! Мнѣ кажется, что я кормчій! Море бушуетъ, вѣтеръ дуетъ къ берегамъ, скалы близко, но я знаю, что корабль мой хорошъ, крѣпокъ и устойчивъ, сердце твердо и недоступно страху. (*Перемѣняетъ тонъ и шутливо.*) Если бы хоть немного хорошаго времени, такъ было бы не совсѣмъ дурно. Корабль бѣжитъ ужь слишкомъ быстро. (*Подходитъ къ сундуку.*)

Рита (*поднимая голову*).

Такъ-то ты мнѣ посвящаешь этотъ день! (*Идетъ къ Натану, который хочетъ запирать сундукъ.*) Погоди, не закрывай этотъ страшный сундукъ. Я хочу заглянуть туда. Что значатъ эти кучки связокъ разноцвѣтныхъ бумагъ?

Натанъ.

Переводы, банковые билеты, векселя, бумаги, которые помогаютъ деньгамъ летать по свѣту. Наши предки первые изобрѣли векселя, а это лучше, чѣмъ терять время въ разглагольствованіи, что земля ходитъ, а солнце стоитъ на мѣстѣ.

Рита.

А эти блестящія кучки?

Натанъ.

Золото, Рита, золото, чеканеное на главныхъ монетныхъ дворахъ Европы: гинеи, испанскіе дублоны, нѣмецкіе талеры, лундоры, наполеондоры, — все птички, которыя слетаются въ Лондонъ и которыхъ я заперъ въ клѣтку, чтобы онѣ вывели дѣтей. Опусти туда руку! Перемѣшай эти кучки! Не правда ли, пріятно брать золотыя ванны? (*Беретъ двѣ горсти и пропускаетъ ихъ сквозь пальцы.*)

Рита.

Это лундоры? Они чеканены до революціи?

Натанъ.

Да! Погоди, я повѣрю кассу! (*Садится передъ сундукомъ и считаетъ билеты.*)

Рита (*выходитъ на авансцену съ горстью луидоровъ*).

Если бы спрятать свертокъ этихъ луидоровъ въ потайной ящикъ. Викторъ, найдя ихъ, будетъ увѣренъ, что они оставлены его отцомъ. Онъ такой бѣдный! Какая отличная мысль! Папа, мнѣ нужно двадцать золотыхъ.

Натанъ.

Двадцать золотыхъ? А на что тебѣ?

Рита.

Это мой капризъ! Мнѣ кажется, я могу имѣть капризы въ день моего рожденія.

Натанъ.

Пятьдесятъ, сто, если доставитъ тебѣ удовольствіе. Вотъ тебѣ двадцать луидоровъ; да и всѣ остальные будутъ современемъ твоими. Какъ они хороши! (*Вздыхаетъ.*) Всякій разъ, когда я разстаюсь съ ними, не могу не вздохнуть. Я такъ ихъ люблю! (*Пересчитываетъ ихъ.*)

Рита.

А меня, я надѣюсь, ты любишь еще больше. Благодарю, папа! Я ихъ пересчитаю, чтобы быть достойной дочерью своего отца. (*Идетъ къ столику.*)

СЦЕНА СЕМНАДЦАТАЯ.

Давидъ (*съ пакетомъ*) *и* тѣ же.

Давидъ.

Курьеръ прискакалъ, сломя голову, изъ Лондона и привезъ пакетъ отъ вашего кассира.

Натанъ (*встаетъ*).

Давай! (*Открываетъ и бросаетъ обвертку.*) Пониженіе, пониженіе! Все идетъ къ чорту! Посмотримъ письмо. „Четыре агента прекратили платежи. Мейеръ обанкрутился. Глиннъ чуть держится. У насъ нѣтъ бумагъ для покрытія послѣдней операціи. Намъ нужны сорокъ тысячъ фунтовъ съ возвращеніемъ этого курьера!“ А! дѣло становится серьезнымъ! (*Смотритъ на часы.*) Два часа... еще два часа безъ перемѣны, тогда Натанъ Готшильдъ будетъ и самъ банкротомъ. (*Идетъ къ сундуку, беретъ*

различные билеты, кладетъ ихъ въ конвертъ, запечатываетъ и отдаетъ Давиду.) Отдай курьеру и скажи, чтобъ скакалъ что есть мочи! (*Встаетъ.*) О, перемѣнится вѣтеръ, когда перемѣнится... посмотримъ. (*У сундука.*) Этихъ бумагъ ужь нельзя трогать. Продать ихъ, при такомъ пониженіи, вѣрное раззореніе. Что дѣлать? Что? Глупый! Встрѣчай фортуну со смѣлымъ лицомъ. Она женщина и любитъ смѣлыхъ! Будемъ тверды, покуда мое имя стоитъ хоть одинъ шиллингъ. (*Ходитъ взволнованный, останавливается передъ Ритой, которой не удается сдѣлать свертокъ изъ двадцати луидоровъ.*) О, неопытныя ручки! Дай я сдѣлаю! (*Подходитъ къ столику и свертываетъ золотые.*) Вотъ колеса, на которыхъ медленно тащилась старая торговля христіанъ, пока мы ихъ не научили вести дѣла быстрѣе. Ну, что жъ ты теперь хочешь дѣлать?

Рита (*сидя*).

Сказать тебѣ? Я хочу отослать...

Натанъ (*стоя*).

Безъ моего позволенія?

Рита.

О, я попрошу у тебя позволенія, если ты мнѣ впередъ обѣщаешь позволить.

Натанъ.

Обѣщаю. Кому эти деньги?

Рита.

Господину Виктору.

Натанъ.

Какъ? Развѣ мы ему неаккуратно платимъ за уроки?

Рита.

Это не за уроки: это сюрпризъ: я еще хочу послать ему и этотъ хорошенькій ящичекъ.

Натанъ.

Подарокъ, который я только-что тебѣ сдѣлалъ? Что ты!

Рита.

Этотъ ящикъ долженъ принадлежать ему. Подумай немного. Оказывается, что этотъ ящикъ принадлежалъ его отцу. Онъ узналъ гербъ, портретъ матери, которая умерла, когда онъ былъ ребенкомъ.

Натанъ.

Такія исторіи очень просто разсказывать. Свѣтъ наполненъ искателями приключеній, и я сдѣлалъ ошибку, что не разузналъ хорошенько объ этомъ господинѣ Викторѣ.

Рита.

Господинъ Викторъ не искатель приключеній. Я сама собирала о немъ свѣдѣнія, они очень хороши. Кромѣ того, онъ зналъ, что тутъ есть секретный ящикъ, и показалъ мнѣ пружину. Смотри, вотъ портретъ его матери! Ну, а если бы я нашла, по прошествіи многихъ, многихъ лѣтъ, портретъ моей матери въ чужихъ рукахъ, и мнѣ его не захотѣли бы отдать, развѣ тебѣ это не показалось бы жестокимъ!

Натанъ.

Правда, портретъ матери—вещь драгоцѣнная.

Рита.

Такъ я могу его отдать ему?

Натанъ (*послѣ минутнаго размышленія*).

Да.

Рита.

Благодарю, благодарю, папа! Какой ты добрый! Какъ я тебя люблю! Вотъ смотри: я положу этотъ свертокъ въ секретный ящикъ. Къ моему счастью, Виктору давеча не удалось открыть этотъ ящичекъ, и онъ подумаетъ, что золото положено кѣмъ нибудь изъ его семейства. Если онъ меня спроситъ, я побожусь ему, что положила не я...

Натанъ.

Божиться напрасно?

Рита.

Ничего! Я и не положу сама, положишь ты. Ахъ, какая я плутовка!

Натанъ.

Это немножко по-іезуитски, и для начинающей недурно. Только сейчасъ видно, что ты еще неопытна въ плутовствѣ (*Разрываетъ свертокъ.*) Смотри: на лупдорахъ годъ 1787 и 88, а ты ихъ завернула въ бумагу, на которой фабричное клеймо нынѣшняго года. (*Ставитъ бумагу передъ свѣчей, которая зажжена для того, чтобы запечатать свертокъ.*)

Рита.

Да, да! а мнѣ бы и въ голову не пришло.

Натанъ.

Вотъ иногда мошенникамъ это тоже не приходило въ голову и они попадались на такихъ глупостяхъ. Когда захочешь сдѣлать такую штуку, такъ всегда смотри на клеймо фабриканта, а больше всего не забывай разсмотрѣть хорошенько клеймо на банковыхъ билетахъ—вотъ такъ на свѣтъ, не фальшивые ли они.

Рита.

Ну, такъ нужно найти для обертки бумажку безъ клейма

Натанъ (*смотря на полъ*).

А вотъ бумага, которая была въ ящикѣ: она именно такая, какую нужно. И желта и стара. Кромѣ того, бумага иностранная. Посмотримъ клеймо. (*Рита ставитъ бумагу къ свѣту.*)

Рита.

Очень ясно „1791“. Ахъ, папа! смотри, выходятъ черныя буквы, которыхъ прежде не видно было на бумагѣ. Я хорошо разбираю первое слово: „по предъявленіи“.

Натанъ.

Покажи. На этомъ листкѣ писано симпатическими чернилами. Нужно поболѣе теплоты, чтобы буквы лучше вышли.

Рита.

Еще тайна! О, драгоцѣнный ящичекъ! Точно какая-нибудь вещица изъ арабскихъ сказокъ. Подержи листокъ передъ каминомъ, пока я открою ящичекъ.

Натанъ (*идетъ къ камину и держитъ передъ огнемъ; читаетъ*).

„По предъявленіи сего, заплатить двѣсти тысячъ талеровъ... Мой почеркъ...“ (*Снова быстро подноситъ бумагу къ огню.*) „Росписка, данная мною, 2-го октября 1792 года, маркизу де-Сенъ-Кастъ!“ (*Конвульсивно сжимаетъ бумагу въ комокъ.*)

Рита.

Что такое, папа? (*Идетъ къ нему.*)

Натанъ.

Ничего: старая росписка, неимѣющая никакого значенія. Она касается лицъ, уже умершихъ—всѣ давно умерли. (*Отрываетъ часть бумаги.*) Мнѣ интересно узнать, что это за чер-

нила: мы, банкиры, часто ихъ употребляемъ. Я оставлю себѣ часть, которая исписана, чтобъ подвергнуть ее химическому анализу. Вотъ чистая половина. Тутъ довольно, чтобъ сдѣлать свертокъ. (*Завертываетъ лупоры и запечатываетъ.*)

Рита.

Видишь пружину, папа? Ящикъ выскочилъ. Положи свертокъ. (*Ящику.*) Теперь пошелъ назадъ!

Натанъ.

Ты говоришь, что онъ принадлежалъ отцу Виктора?

Рита.

Да, о которомъ не было извѣстій съ 1792 года. Его бѣдная жена умерла, вскорѣ послѣ того, въ Эльзасѣ.

Натанъ.

А сказалъ онъ тебѣ имя своего отца?

Рита.

Да. Но это секретъ, папа! Впрочемъ, я думаю, что тебѣ надо сказать, потому что между мною и тобою не должно быть секретовъ. Не правда ли, ты мнѣ всегда это говорилъ. Ну, его отца звали маркизъ Сенъ-Кастъ, но Викторъ не носитъ этого титула и не хочетъ, потому что очень бѣденъ.

Натанъ (*тихо, но такъ, что Рита слышитъ*).

Странное, странное стеченіе обстоятельствъ! Перстъ Іеговы! (*Переходитъ на другую сторону.*)

Рита.

Какое стеченіе обстоятельствъ, папа?

Натанъ.

А то, что по прошествіи столькихъ лѣтъ мы нашли и ящикъ, и Виктора вмѣстѣ.

Рита.

Значитъ, мы должны отдать ему, не правда ли?

Натанъ (*задумчиво*).

Да, да.

Рита.

Я сейчасъ пошлю его господину Виктору: онъ долженъ быть еще у леди Маркманъ, здѣсь, напротивъ. О, какъ я счастлива! Какой хорошій день рожденія! И какой отличный и благородный у меня отецъ! (*Цалуетъ его и уходитъ съ ящикомъ.*)

СЦЕНА ВОСЬМНАДЦАТАЯ.

Натанъ (*одинъ*).

Отличный, благородный! Слова безъ смысла! Наслѣдникъ умершаго—нашелся! Столько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я напрасно искалъ его повсюду. Тогда уплата была такъ легка, тогда мнѣ нечего было терять, тогда мой добрый ангелъ былъ еще со мною. А онъ приходитъ теперь требовать своихъ денегъ, когда самая ничтожная сумма мнѣ нужна необходимо. Теперь, когда все мое богатство, вся моя будущность зависятъ отъ событій одного часа. (*Перемѣнивъ тонъ.*) Ну, онъ много ждалъ, подождетъ и еще: эта борьба когда-нибудь кончится, или я выплыву, или погибну въ кораблекрушеніи. Я заплачу ему завтра, если... если... Кто знаетъ, останется ли у меня завтра столько грошей, сколько онъ требуетъ талеровъ. Онъ требуетъ? Но гдѣ у него доказательства? Проклятый ящикъ! Я теперь припоминаю, что у маркиза де-Сенъ-Кастъ было въ рукахъ что-то подобное; я тогда не обратилъ вниманія. Должно быть, онъ спряталъ росписку въ ящикъ. Ну, хорошо. Предположимъ, что этотъ Викторъ его сынъ... гдѣ же доказательство моего долга ему? Нѣтъ ничего, кромѣ этого, разорваннаго пополамъ, лоскутка бумаги, который огонь можетъ гораздо скорѣе уничтожить, чѣмъ сдѣлать ясными слова, которыя тамъ написаны. Благоразумнѣе всего уничтожить его! (*Идетъ къ камину.*) Проклятый клочокъ бумаги! Я узналъ его по первымъ буквамъ. Посмотримъ, все ли здѣсь? (*Гнетъ его.*) Все, и очень ясно. Каждый агентъ въ Лондонѣ побожится, что это моя подпись. А это что за слова еще? Я не понимаю. „Удостовѣряю и обязуюсь, Рита Готшильдъ“. Моя Рита! ея почеркъ, ея рука дрожала. О, Рита моя! (*Цалуетъ бумагу.*) Нѣтъ, нѣтъ, я не могу сжечь ея подпись! нѣтъ, никогда! О, какъ бы ты была счастлива, мой святой ангелъ, если-бъ дожила до этого дня! Она говорила мнѣ объ этомъ долгѣ, даже и умирая она вспоминала вдову и сироту, ничего не знавшихъ о своемъ наслѣдствѣ, и заставила меня обѣщать ей не прекращать моихъ поисковъ, пока не найду ихъ. И я поклялся ей, какъ поклялся 22-го октября. Теперь сирота нашелся, но я разорюсь совершенно, если сдержу свое слово. Охъ, что же мнѣ дѣлать! Ты меня видишь, ты меня слышишь,

моя Рита: дай мнѣ силу, дай мнѣ совѣтъ... Рита, Рита, помоги, помоги мнѣ! (*Падаетъ на колѣни передъ портретомъ, простирая къ нему руки.*) Сказать или нѣтъ дочери? (*Какъ бы по внушенію.*) Да... я скажу ей все... Она будетъ моей совѣтницей, руководительницей моего сердца, какъ ты была и будешь впередъ.

СЦЕНА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Рита, Натанъ, *потомъ* Давидъ.

Рита.

Я послала ящикъ Виктору, папа. Но что съ тобой? Какъ ты блѣденъ! Ты весь дрожишь! Ты слишкомъ волнуешься! Это все курьеры, то и дѣло пріѣзжаютъ; я сама начинаю безпокоиться. Вотъ и еще одинъ, онъ слѣзаетъ съ лошади.

Натанъ (*бѣжитъ къ двери*).

Гдѣ онъ? Мнѣ надо его видѣть сейчасъ же! (*Давидъ входитъ и подаетъ пакетъ. Рита съ состраданіемъ глядитъ на взволнованнаго отца. Натанъ открываетъ дрожащими руками пакетъ.*) А! фонды лондонскаго банка повышаются. Нѣтъ... черезъ полчаса опять пониженіе... пониженіе всѣхъ бумагъ! (*Читаетъ записку, которая была при „Биржевомъ Листкѣ“.*) Записка отъ Іонафана! „Робертсъ принужденъ будетъ прекратить платежи, если я не пошлю ему тридцать-пять тысячъ фунтовъ“. Какъ! Робертсъ, которому я, только-что часъ назадъ, далъ денегъ; фирма, которая мнѣ и такъ ужь должна пятьсотъ тысячъ фунтовъ деньгами и столько же бумагами по курсу! Раззореніе ихъ фирмы будетъ и моимъ раззореніемъ. Но какъ помочь имъ? Если я это сдѣлаю, я лишусь послѣднихъ средствъ. А между тѣмъ это необходимо. Да поможетъ мнѣ Іегова! (*Идетъ къ сундуку и беретъ пачку бумагъ.*) Рита, слушай! Листокъ, который мы нашли въ ящикѣ... тогда его трудно было прочесть... теперь это легко, читай!

Рита (*читаетъ*).

„По предъявленіи сего, обязуюсь заплатить маркизу де-Сенъ-Кастъ, или кому онъ прикажетъ, двѣсти тысячъ талеровъ,

которые получилъ отъ него на сохраненіе. Натанъ Готшильдъ". Твое имя?

Натанъ.

Читай, читай!

Рита.

22-го октября 1792 года. Удостовѣряю и обязуюсь. Рита Готшильдъ". Моя мать?

Натанъ.

Да, она была свидѣтельницей... она обязалась. Маркизъ получилъ отъ меня, въ собственныя руки, эту роспиеку.

Рита.

И онъ послѣ не требовалъ денегъ?

Натанъ.

Онъ былъ убитъ, нѣсколько минутъ спустя...

Рита (*съ ужасомъ*).

О, Боже!

Натанъ.

Своими соотечественниками, французскими солдатами.

Рита.

Такъ всѣ эти деньги Виктора?

Натанъ.

Если онъ дѣйствительно сынъ маркиза.

Рита.

О, какая радость! Онъ можетъ принять опять свою фамилію и свой титулъ... Какъ я счастлива! (*Прыгаетъ, смѣется и плачетъ.*)

Натанъ.

Что это, Рита?

Рита.

Извини, папа; но если бы ты зналъ, какой онъ добрый! Съ какимъ мужествомъ и благородствомъ переносилъ онъ свое унизительное положеніе!

Натанъ.

Рита, ты его любишь?... (*Рита отворачивается, застыдившись.*) А онъ тебя любитъ?

Рита.

Онъ мнѣ не говорилъ.

Натанъ.

Ну, вотъ! Развѣ непремѣнно нужно сказать... Ты думаешь, что онъ тебя любитъ?

Рита.

Да.

Натанъ.

Тебя, или твои деньги?

Рита.

О, меня, меня, одну меня!

Натанъ.

И хорошо дѣлаетъ, потому что если возьметъ тебя замужъ, такъ возьметъ нищую.

Рита.

А, понимаю: ты хочешь лишить меня наслѣдства?

Натанъ.

Негодная! Какъ ты можешь такъ думать обо мнѣ? Смотри: вотъ тридцать тысячъ фунтовъ! Это ровно та сумма, которую я ему долженъ. (*Свертываетъ бумаги.*) Пошли ему!

Рита.

Ахъ, папа, благодарю тебя! Я не стану терять ни одной минуты.

Натанъ.

Подожди! Прежде, чѣмъ ты это сдѣлаешь, ты должна знать, что эта сумма, дѣлая Виктора богатымъ, повергаетъ меня въ бѣдность...

Рита.

Отецъ!

Натанъ.

Это правда! Такая сумма, взятая изъ моихъ операцій въ эту минуту, лишаетъ меня всего — это мое пораженіе, моя погибель...

Рита.

Возьми, возьми, папа! (*Возвращая ему билеты.*)

Натанъ.

Если я возьму, они пойдутъ въ ту же пропасть, которая поглотила въ нѣсколько часовъ все мое состояніе.

Рита.

Ты ему заплатишь послѣ.

Натанъ.

Когда? Чѣмъ? Если мои разсчеты обманутъ меня, черезъ часъ я долженъ буду остановить платежи и... я завтра буду объявленъ банкротомъ.

Рита.

Значитъ, если ты возьмешь эти деньги...

Натанъ.

Я обману его.

Рита.

А если отдашь?

Натанъ.

Твой отецъ подвергнется разворенію и безчестію. Выбирай, дитя мое, выбирай одно изъ двухъ...

Рита (*съ дрожью и со слезами въ голосѣ*).

Нѣтъ, нѣтъ, выбирай ты самъ: я не могу, папа, не смѣю...

Натанъ (*беретъ ее за руку*).

Дочь моя, твоя мать выбрала бы! Проси ее, чтобы она научила тебя.

Рита.

Ахъ, папа, я не могу! Голова у меня горитъ, я умираю. Проси, папа, за насъ обоихъ!

Натанъ.

Я ужь просилъ ее и она дала мнѣ силы...

СЦЕНА ДВАДЦАТАЯ.

Давидъ, *потомъ* Викторъ *и* тѣ же.

Давидъ.

Учитель музыки!

Рита (*вскакиваетъ и переходитъ къ отцу съ правой стороны*).

Викторъ!

Викторъ (*входитъ съ ящикомъ. Давидъ уходитъ*).

Господинъ Готшильдъ, миссъ Рита, я не могу вернуться въ городъ, не выразивъ вамъ моей глубочайшей благодарности за вашъ драгоцѣнный подарокъ. Вы, можетъ быть, не знаете, господинъ Готшильдъ...

Натанъ.

Все знаю. (*Ритѣ.*) Не нужно ли тебѣ сказать что-нибудь г. Виктору?

Рита (*дѣлаетъ усиліе, но не можетъ*).

Я не могу говорить.

Викторъ (*не замѣчая того, что происходитъ между отцомъ и дочерью, стоитъ въ углу справа*).

Прощайте! До завтра, миссъ! Благодарю васъ, благодарю отъ всего сердца! (*Хочетъ идти.*)

Натанъ.

Подождите... (*Молчаніе.*) Вы... маркизъ де-Сенъ-Кастъ?

Викторъ.

Миссъ Рита открыла вамъ мою тайну?

Натанъ.

Нѣтъ, эта вещь (*указываетъ на ящикъ*) открыла ее. Она открыла также другую тайну... эту росписку. Прочтите! (*Даетъ ее Виктору.*) Вотъ банковые билеты на сумму, которую я вамъ долженъ... Что касается до процентовъ, мы условимся...

Викторъ.

Возможно ли это? (*Ставитъ ящикъ на столъ.*) Такъ, значитъ, это вамъ мой отецъ...

Натанъ.

Довѣрилъ все, что̀ имѣлъ... да, да!...

Викторъ.

Наконецъ-то я могу воспользоваться и именемъ, и титуломъ моего отца... Ахъ, господинъ Готшильдъ, увѣнчайте вашъ благородный поступокъ еще однимъ благодѣяніемъ: отдайте мнѣ руку вашей дочери. Можетъ быть, я не такой богатый зять, какого вы желали...

Натанъ.

Богаче, чѣмъ я могу ожидать... (*Съ глубокимъ унынiемъ.*) Я раззоренъ!

Викторъ.

Вы?

Рита.

Да, Викторъ... онъ доведенъ до бѣдности этой уплатой. Эти деньги спасли бы его... (*Плачетъ.*)

Викторъ.

Богаты вы, или бѣдны, хотите вы имѣть меня зятемъ?

Натанъ.

Какъ! Вы хотите жениться на ней безъ приданаго? Подумайте! Мое раззореніе совершенное... я теряю все.

Викторъ.

А я все пріобрѣтаю съ Ритой.

Натанъ.

Хорошо... Молодой человѣкъ! Вы—монета хорошаго чекана! Берите ее... но вамъ придется также содержать и отца... Я остаюсь безъ гроша... Впрочемъ, не надолго... Это несчастіе слишкомъ большой ударъ для меня. (*Убитый переходитъ на другую сторону сцены, едва передвигая ноги.*)

Викторъ.

Нѣтъ, господинъ Готшильдъ, вы не будете въ бѣдности... по крайней мѣрѣ, по моей винѣ. Эти деньги мои... я вступаю въ долю съ вами и отдаю ихъ въ ваше полное распоряженіе.

Натанъ (*съ внезапнымъ возвратомъ энергіи*).

Какъ! Вы мнѣ довѣряете ихъ?... Хотите вмѣстѣ со мною играть на биржѣ?... (*Беретъ пачку бумагъ, идетъ къ столу и громко звонитъ.*)

СЦЕНА ДВАДЦАТЬ-ПЕРВАЯ.

Давидъ *съ маленькой корзинкой въ рукахъ и* тѣ же.

Натанъ.

Этотъ пакетъ курьеру... пусть ѣдетъ сейчасъ же... пусть загонитъ лошадь... если нужно, двухъ... пусть загонитъ себя,

но чтобы пріѣхалъ прежде, чѣмъ запрутъ биржу. (*Даетъ ему пакетъ.*) Ну, чего же ты ждешь, дуракъ?

Давидъ.

Тутъ одинъ человѣкъ у рѣшотки, одѣтъ по-охотничьи... Онъ принесъ эту корзинку и велѣлъ мнѣ отдать вамъ ее сейчасъ же... Это голубь... Я снесу его повару. (*Хочетъ идти.*)

Натанъ.

Наконецъ! (*Раскрываетъ съ большимъ безпокойствомъ корзину.*) Одинъ изъ голубей Шварцшильда. (*Беретъ голубя и открываетъ зубами маленькую записку, спрятанную подъ крыломъ.*) Писано цифрами, но я понимаю. (*Читаетъ дрожащимъ голосомъ, проводя руками по глазамъ.*) „4-го апрѣля, полдень. Союзники въ Парижѣ. Наполеонъ отрекся въ Фонтенебло“. Спасенъ, спасенъ! я спасенъ! (*Прыгаетъ отъ радости и смѣется сквозь слезы.*)

Рита.

О, Боже! Онъ съума сошелъ!

Натанъ.

Съума сошелъ! Ха, ха, ха! Съума сошелъ! (*Идетъ къ столу и быстро пишетъ, читая написанное.*) „Іонафанъ! Забери всѣхъ агентовъ, какіе есть въ Лондонѣ. Покупай, покупай, покупай!... Скупи все!...“ Это курьеру. (*Давидъ уходитъ поспѣшно.*) Бѣги, черепаха! (*Кричитъ ему вслѣдъ.*) Вотъ перемѣна декорацій, вотъ пристань!... вотъ тріумфъ!... вотъ повышеніе фондовъ! Мои сотни дѣлаются сотнями милліоновъ... Завтра я буду сто разъ мильонеръ... Маркизъ де-Сенъ-Кастъ, вы явились вовремя! Вы раздѣлите со мной мой выигрышъ. Сегодня продаютъ, а я одинъ покупаю; завтра всѣ будутъ покупать, а я одинъ буду продавать. (*Прижимаетъ голубя къ груди.*) О, милая птичка! Голубь Ноя прилетѣлъ съ вѣткой оливы въ клювѣ, а ты принесъ ее подъ крыломъ! Я не могу возвратить тебѣ жизнь, но я сдѣлаю изъ тебя чучелу, я набью тебя банковыми билетами! Я посажу тебя въ массивную золотую клѣтку и подарю тебя Ритѣ въ день ея рожденія. (*Кладетъ голубя на столъ, и увидя несессеръ, вынимаетъ деньги, лежащія въ потайномъ ящикѣ.*) Теперь эти лундоры могутъ вернуться въ сундукъ.

Рита.

Ахъ, двадцать лундоровъ Виктора?

Натанъ.

Я предложу тебѣ подарокъ лучше... Ты отдашь ему поцалуями эту сумму. По франку за каждый, составитъ четыреста поцалуевъ.

Рита.

Четыреста!

Викторъ.

Согласенъ!

Натанъ.

Заплатить по востребованію! (*Тихо толкаетъ къ нему Риту и отступаетъ назадъ, чтобы посмотрѣть на нихъ, бросивъ взглядъ на портретъ жены.*)

(*Занавѣсъ.*)

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ТОМА

PG
3337
08
1886
t.1-2

Ostrovskiĭ, Aleksandr
Nikolaevich
Polnoe sobranie sochi-
neniĭ; dramaticheskie pere-
vody

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY